Университетское образование

Новейшая отечественная история

XX – начало XXI века

В двух книгах

Книга 1

2-е издание, исправленное и дополненное

Допущено Министерством образования и науки Российской Федерации в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальностям 020700 «История» и 032600 «История»

Под редакцией
заслуженного деятеля науки РФ,
доктора исторических наук, профессора
Э.М. Щагина

Москва
ГУМАНИТАРНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР ВЛАДОС
2008

УДК 94(47).084(075.8)
ББК 63.3(2)6я73-1
Н72

Учебник является победителем конкурса по созданию учебников для высших образовательных учреждений Российской Федерации

Авторский коллектив:
Предисловие — Э.М. Щагин; гл. 1 — Э.М. Щагин, В.Г. Тюкавкин, гл. 2 — Э.М. Щагин; гл. 3, 4 — В.Г. Тюкавкин, В.Е. Воронин; гл. 5, §1, 2 — А.В. Лубков, §3 — А.В. Лубков, Э.М. Щагин, §4 — А.В. Лубков; гл. 6 — О.И. Бородина, В.Е. Воронин; гл. 7, §1, 2 — А.В. Лубков; §3 — А.В. Лубков, Э.М. Щагин; §4, 5, 6 — Э.М. Щагин; гл. 8, §1 — Э.М. Щагин, §2, 3 — Д.О. Чураков, Э. М. Щагин, §4 — А.В. Лубков, §5 — Д.О. Чураков; гл. 9 — А.И. Вдовин; гл. 10, §1, 2 — Д.О. Чураков; §3 — Э.М. Щагин; §4 — Д.О. Чураков, Э.М. Щагин; §5 — А.И. Вдовин; гл. 11, §1, 2 — Д.О. Чураков, О.И. Бородина; §3 — Д.О. Чураков; гл. 12 — Э.М. Щагин; гл. 13 — О.А. Ржешевский; гл. 14, 15 — А.И. Вдовин; гл. 16 — Д.О. Чураков; гл. 17, 18, 19 — А.С. Барсенков

Н72 **Новейшая** отечественная история. XX — начало XX века. В 2-х кн. Кн. 1 : учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальностям 020700 «История» и 032600 «История» / под ред. Э.М. Щагина. —2-е изд., испр. и доп. — М. : Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2008. — 655 с. : ил. — (Университетское образование).

ISBN 978-5-691-01728-5.
ISBN 978-5-691-01729-2(Кн. 1).
Агентство CIP РГБ.

Учебник создан с привлечением многих новых, ранее малоизвестных источников. Авторы учебника объективно переосмысливают исторический опыт отечественной государственности за XX столетие, насыщенное великими и драматическими событиями, анализируют развитие современной России начала XXI века. Большой фактический материал подается в проблемном ключе, который позволяет объективнее оценивать явления прошлого и настоящего нашей Родины.

Предназначен студентам исторических факультетов университетов и высших педагогических учебных заведений.

УДК 94(47).084(075.8)
ББК 63.3(2)6я73-1

© ООО «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС», 2008
© Оформление. ООО «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС», 2008

ISBN 978-5-691-01728-5.
ISBN 978-5-691-01729-2(Кн. 1)

Содержание

Предисловие 5

Глава 1. ТЕРРИТОРИЯ И НАСЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX в. 7
§1. Территория, численность населения и его национально-религиозный состав в стране начала XX в. 7
§2. Сословно-социальная структура российского общества 18
§3. Уровень жизни разных социальных групп 33

Глава 2. НАЧАЛО МОДЕРНИЗАЦИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СТРАНЫ 37
§1. Промышленность и банковская система страны 37
§2. Сельское хозяйство страны 48
§3. Развитие народно-хозяйственной инфраструктуры, торговли и состояние финансовой системы 65

Глава 3. ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: ОТ САМОДЕРЖАВИЯ К ДУМСКОЙ МОНАРХИИ (1900—1914) 76
§1. Внутренняя политика в 1900—1904 гг. 76
§2. Революция 1905—1907 гг. 85
§3. Думская монархия 92
§4. Третьеиюньская система 97

Глава 4. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В 1900—1914 гг. 104
§1. Внешняя политика на рубеже XIX–XX вв. 104
§2. Русско-японская война 107
§3. Внешняя политика в 1906—1914 гг. 115

Глава 5. РОССИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (лето 1914 — февраль 1917 гг.) 122
§1. Начальный период войны 122
§2. Восточный фронт в 1915—1916 гг. 137
§3. Влияние войны на народное хозяйство и общество страны 144
§4. Внутриполитическая обстановка в стране накануне революции 157

Глава 6. РУССКАЯ КУЛЬТУРА НАЧАЛА XX в. 167
§1. «Серебряный век» 167
§2. Научная мысль 176
§3. Художественная культура 180
§4. Ментальность российского общества 188

Глава 7. ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. 191
§1. Февральский переворот 191
§2. Общественно-политическая обстановка в стране весной 1917 г. 203
§3. Политические кризисы лета 1917 г. в России 214
§4. Дестабилизация российского общества в сентябре — октябре 1917 г. 228
§5. Октябрьско-ноябрьские события в столицах 241
§6. Установление новой власти в российской провинции 271

Глава 8. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И ИНТЕРВЕНЦИЯ В РОССИИ 282
§1. Внешняя и внутренняя политика Советской власти в начале Гражданской войны (ноябрь 1917 — лето 1918 гг.) 282
§2. Страна в огне вооруженной междоусобицы (1918—1920) 316
§3. Политика «военного коммунизма» 343
§4. Белое дело 357
§5. На путях к единому государству 370

Глава 9. РОССИЯ НЭПОВСКОГО ВРЕМЕНИ. 1921—1928 гг. 380
§1. Переход к новой экономической политике 380
§2. Образование и конституционное оформление Союза ССР 390
§3. Политическая борьба за утверждение курса на строительство социализма в одной стране 407
§4. Восстановление народного хозяйства, переход к индустриализации и коллективизации 420
§5. Изменения в составе СССР, эволюция национальной политики 434
§6. Внешняя политика 442

Глава 10. СССР В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА 451
§1. Международная обстановка и внешняя политика СССР 451
§2. Форсированная модернизация промышленности 459
§3. «Революция сверху» в советской деревне 475
§4. Завершение формирования авторитарного политического режима 517
§5. СССР в начале третьей пятилетки 529

Глава 11. РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ В 1917—1941 гг. 542
§1. Культура и революция 542
§2. Художественная жизнь: потери и обретения 555
§3. Наука и образование 571

Глава 12. РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ ПОРЕВОЛЮЦИОННОГО ВРЕМЕНИ. 1917—1939 гг. 584
§1. Основные направления эмигранских потоков 1920—1939 гг. Численность, состав и расселение российских эмигрантов межвоенной поры 585
§2. Российские народные традиции и их роль в адаптации наших соотечественников к жизни за рубежом 590
§3. Общественно-политическая жизнь русского зарубежья 595
§4. Культурная миссия российского зарубежья 604

Библиография 626

Именной указатель 644

Предисловие

XX век по масштабности и драматизму всего произошедшего с Россией не имеет себе равных в многовековой истории народов нашей страны, да и, пожалуй, всего человечества. Первая половина его временно́го пространства вместила две мировые войны и троекратные революционные потрясения основ жизни российского общества с их непредсказуемыми и весьма противоречивыми последствиями, а вторая часть этого века оказалась сопряженной с более длительной и весьма изнурительной новой войной — «холодной», с великим противостоянием сверхдержав — США и СССР, — которое завершилось упразднением последней и коренным изменением вектора социально-экономической, политической и духовной эволюции новой России.

Полная, достоверная, а главное беспристрастная летопись этих и других событий у нас еще не создана. Причин тому много.

Во-первых, исследователям, изучающим историю России XX в., приходится анализировать век, достижения и потери которого не прошли еще должного испытания временем, век, основным коллизиям которого суждено разрешиться в будущем.

Во-вторых, сама обстановка непрекращающейся ломки одних устоев общества и замены их другими чревата тем, что в научном и особенно в массовом историческом сознании старые, тиражируемые мифы механически вытесняются новыми, чаще всего прямо противоположного свойства.

Нечто подобное наблюдается в наши дни, когда в целях уяснения надуманной необходимости для России «заново обрести свою историю», некоторые историки и публицисты, такие как геростратовски известный автор «Ледокола» и его российские единомышленники, пытаются деформировать, перелицевать историческую память народа.

В этих условиях главную задачу авторы и редакторы настоящего учебника видят в том, чтобы помочь студенту, изучающему историю России XX в., систематизировать знания, касающиеся недавнего прошлого нашей страны, полученные на занятиях и в процессе самостоятельной работы над историческими источниками, научной и научно-методической литературой, составить достоверную картину наиболее важных событий и на данной основе уяснить закономерности исторического процесса. Кроме того, в учебнике с учетом его ориентации на студентов, обучающихся по специальности 020700 «История», в более расширенном объеме даются основные сведения по историографии, а в необходимых случаях и по источниковедению новейшей отечественной истории.

Не подменяя конкретных ситуаций надуманными схемами и не ранжируя событий прошлого в угоду былой и нынешней политической конъюнктуре, как это нередко еще встречается в вузовской и школьной учебной литературе по новейшей отечественной истории, авторы стремятся к тому, чтобы за всем многоцветием исторических фактов читатель увидел драму человеческих стремлений и поступков, идей и свершений.

Именно такое прочтение и видение прошлого способно убедить читателя в том, что нам не дано ни изменить этого прошлого, ни

выносить ему тот или иной приговор с вершин современного опыта. Важно прежде всего постараться понять его. Ведь еще беспокойный издатель «Колокола» рекомендовал перестать отдавать своих предшественников на копья за допущенные ими ошибки и просчеты.

В нашей современной литературе широкое распространение получила трактовка отечественной истории сквозь призму концепции так называемого догоняющего характера развития России в Новое и Новейшее время. Авторский коллектив настоящего учебника не разделяет такого подхода, полагая, что формула российского движения по пути общественного прогресса может быть понята и описана не столько через простое сопоставление с другими странами (как передовыми, так и отсталыми), сколько через выявление самобытности сил, его обуславливающих.

При этом весомым теоретическим подспорьем для них служат исторические наблюдения таких выдающихся мыслителей российского зарубежья 20—50-х годов XX в., как И.А. Бердяев, И.А. Ильин, Ф.А. Степун, Б.Д. Бруцкус, П.Б. Струве, Н.В. Устрялов и др.

Предлагаемый учебник подготовлен авторским коллективом профессоров и преподавателей Московского педагогического государственного университета с участием профессоров Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. В работе над ним авторы и редакторы использовали опыт, накопленный при создании двухтомника «Новейшая история Отечества. XX век», вышедшего в свет в 1998 г. и выдержавшего с того времени два издания. Апробация этого пособия в учебном процессе многих университетов, педагогических университетов и институтов, а также вузов гуманитарного профиля помогла дополнить новый учебник очерками по истории отечественной культуры, преодолеть чрезмерный крен в описании событий первой половины XX в., усовершенствовать архитектонику книги, а главное — учесть полезные замечания и предложения.

Настоящее, доработанное издание учебника включает несколько глав, написанных заново другими авторами, и имеет несколько измененную последовательность расположения их в двух книгах. При этом содержание учебника доведено до конца 2007 г.

Авторский коллектив и редактор этого издания надеются, что учебник поможет современному студенту-историку обогатить свои знания по отечественной истории Новейшего времени.

Вынося его на суд читателя, интересующегося недавним прошлым своей Родины, авторы будут признательны всем, кто выскажет замечания и советы, рассчитанные на его дальнейшее совершенствование. Вместе с тем, они выражают благодарность члену-корреспонденту РАН А. Сахарову, профессорам Л. Денисовой, А. Данилову и Мокшину за ценные замечания и дружескую поддержку, высказанные в рецензиях на первое издание учебника.

1 глава

ТЕРРИТОРИЯ И НАСЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX в.

§1

Территория, численность населения и его национально-религиозный состав в стране начала XX в.

Территория страны и административное деление

На рубеже XIX — XX вв. протяженность Российской империи с севера на юг составляла 4676 км и с востока на запад 10 732 км. Длина сухопутных и морских границ измерялась в 69 245 км, в том числе на долю первых приходилось 19 941 км, а на долю океанов и внешних морей — 49 360 км. Общее пространство империи равнялось **22 430 004 кв. км**, из которых в восточной части Европы находилось 5 515 057 кв. км, а в северной части Азии — 16 914 947 кв. км, что в совокупности составляло 0,42 площади названных двух материков. В рамках же планеты в целом Россия того времени занимала 1/22 ее долю и около 1/6 части поверхности всей суши, что позволяло ей и по размерам территории, и по ее местоположению играть видную роль на геополитической арене мира.

Эти сведения, исчисленные по топографическим картам в конце 80-х годов XIX в., с некоторыми последующими уточнениями Центрального статистического комитета (ЦСК) Министерства внутренних дел, использовались во всех дореволюционных изданиях. Дополненные другими материалами ЦСК, они дают достаточно полное представление не только о территории, но и об административном делении, размещении городов, поселков и других населенных пунктов страны. В территориально-административном отношении империя была разделена на 99 крупных образований — 78 губерний, 21 область и 2 самостоятель-

ных округа. Губернии и области подразделялись на 777 уездов (в Финляндии на приходы — 51). В свою очередь уезды и приходы делились на станы, отделы и участки, которых насчитывалось 2523 единицы (и 274 леисманства в Финляндии).

Наряду с этим существовали: Кавказское наместничество, восемь особых административных объединений — генерал-губернаторств (Московское, Варшавское, Киевское, Иркутское, Приамурское, Туркестанское, Финляндское), Кронштадтское военное губернаторство, а в крупных городах (Санкт-Петербурге, Москве, Севастополе, Керчи, Одессе, Николаеве, Ростове-на-Дону, Баку) градоначальства. Кроме того, имело место подразделение страны на ведомственные округа, состоявшие из различного числа губерний и областей: Министерства путей сообщения — 9 округов, военные — 13, судебные — 14, учебные — 15, таможенные — 9 и почтово-телеграфные — 30. По линии духовного ведомства империя делилась на 62 епархии, границы большинства которых совпадали с границами губерний, чьи названия они носили.

По состоянию на 1 января 1914 г. на территории империи размещалось в общей сложности 769 604 населенных пункта, в том числе 931 город, 54 посада, 169 348 сельских обществ и 599 281 др. поселений. Начало века характеризовалось ускоряющимся процессом роста как городов, так и всех остальных населенных пунктов, что было связано не только с развитием промышленного производства, преимущественно в европейской части страны, но и главным образом с хозяйственным освоением окраин, получивших мощный импульс в годы столыпинской аграрной реформы. Если по переписи 1897 г. в империи было зарегистрировано 865 городов, то по данным ЦСК МВД на 1 января 1914 г. — 931, т.е. увеличение на 7,5% . Число же остальных пунктов за примерно тот же период возросло с 577 493 в 1896 г. до 758 673 в 1914, т.е. 31,2% .

Более быстрые темпы возникновения поселений негородского типа свидетельствовали о том, что **процесс заселения и хозяйственного освоения окраинных территорий, особенно на востоке страны, посредством массового переселения сюда избыточного крестьянского и ремесленного люда из Европейской России намного опережал рост потребностей городской промышленности центра страны в развитии рынка наемного труда.** Форсированию переселенчества за Урал способствовало запрещение по закону от 21 июня 1910 г. использования иностранного наемного труда (прежде всего китайцев и корейцев) на казенных предприятиях и на железнодорожном строитель-

стве в Приамурском крае. Эта мера, вовремя подкрепленная предоставлением труженикам, направляющимся из Европейской России на заработки в Зауралье, льготного проезда по железной дороге и водным путем (т.е. по переселенческому тарифу и с правом пользоваться довольствием на остановочных переселенческих пунктах), а также разрешение с 1911 г. свободного ходачества повлекли за собой усиление тяги к переселению за Урал наряду с крестьянами-земледельцами рабочих и разного рода ремесленников. При этом рабочие и ремесленники из губерний Европейской России направлялись, как отмечалось в отчетах Переселенческого управления, главным образом на Дальний Восток. Так в 1911 г. в Приамурье прошло 34,5 тыс. рабочих, из которых 35% осталось в крае. А в следующем году на заработки сюда проследовало 79,5 тыс. рабочих и ремесленников, т.е. в 5 раз больше, чем было официально зарегистрировано в том же году переселенцев, осевших в Приамурье, причем уже 40% из них пришлось на долю рабочих. Часть рабочих и ремесленников водворялась на переселенческих участках сельскохозяйственного назначения, а другая — устраивалась на местах крупных строительных работ, образуя новые рабочие поселки, отдельные из которых вскоре преобразовались в города.

Так вслед за земледельческой развивалась **торгово-промышленная колонизация.** При этом та и другая часто тесно переплетались, вследствие чего вчерашние рабочие на местах поселения становились крестьянами-земледельцами, а вчерашние крестьяне-земледельцы — рабочими или торгово-промышленными служащими. Таких людей чиновники Переселенческого управления характеризовали как лучших ходоков, ибо «присмотревшись к новым условиям жизни и, заработав на первое время нужную сумму денег, они затем прочно оседают в крае». Подробнее о других последствиях переселенческого движения речь пойдет в разделе о внутренней миграции населения и эмиграции.

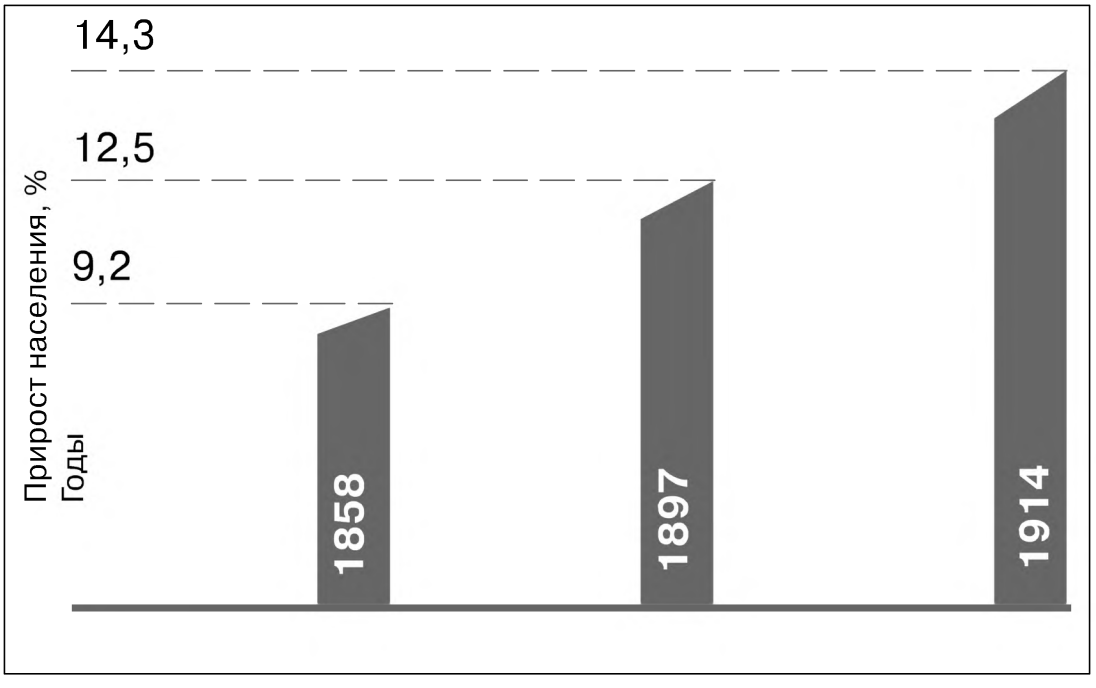
Население России

Проведенная в 1897 г. первая всероссийская перепись населения содержит много интересных сведений о народах страны. Разработка материалов переписи показала, что население Российской империи увеличивалось гораздо интенсивнее, чем в других странах Европы и в США. **С 1858 г., когда прошла последняя, десятая по счету, подушная ревизия, оно выросло с 68 до 116 млн человек в 1897 г., и до 163 млн в 1914 г.** (Эти и

все последующие сведения о населении даются без Польши и Финляндии). Если в первой половине XIX в. рост народонаселения страны шел за счет высокой рождаемости, то в последующие 60 лет увеличение естественного прироста впервые стало главным образом обеспечиваться снижением смертности. Вот почему прирост численности населения за период с 1850—1860 гг. до 1900—1910 гг. увеличился в 1,4 раза. В свою очередь, снижение смертности предопределялось повышением благосостояния крестьянского хозяйства после отмены крепостного права, развитием торговых связей, уменьшавших влияние неурожаев, а также успехами земской медицины, ростом урожайности хлебов и продуктивности животноводства.

Другой важнейшей чертой демографических перемен, имевших место в стране на грани веков, являлся ускоренный рост городского населения, по темпам в 1,5 раза опережающий увеличение численности всех жителей страны: тогда как за период с 1897 по 1914 г. все население выросло на 40,5%, городское — на 61,1%. Вот почему, хотя и медленно, но неуклонно росла доля горожан в общем составе населения страны: 9,2% в 1858 г., 12,5 — в 1897 и 14,3% в 1914 г. Фактически удельный вес городского населения был несколько выше. Объяснялось это тем, что немало поселений городского характера,

ГОРОДСКОЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В 1897—1914 гг.



даже таких промышленно значимых и многолюдных, как Юзовка (29 тыс. человек), Кривой Рог (18 тыс.), не говоря уже о старинных Сергиевом Посаде (25 тыс.) и Азове (свыше 27 тыс.), не обрели до войны статуса города. По данным 1897 г. таких неучтенных центров насчитывалось более 80-ти, причем в 76 из них, по далеко неполным сведениям, значилось свыше 329 тыс. жителей. А число менее крупных рабочих поселков и местечек, но тоже носящих все признаки городских населенных пунктов, превышало 1600.

Особенно быстро росло население крупных городов. Если в 1863 г. городов с числом жителей свыше 100 тыс. было всего 3, то в 1897 г. — 17, а в 1914 — 29, в которых проживало более 40% горожан. Новая и старая столицы имели более миллиона жителей: в Петербурге в 1914 г. насчитывалось 2,3 млн человек, а в Москве — 1,6 млн. Однако подавляющее большинство населения, свыше 85%, проживало в сельской местности. По данным статистического ежегодника Россия, по соотношению городских и сельских жителей, намного уступала Великобритании, где горожане составляли 78% жителей, Норвегии (72%), Германии (56,1%), США и Франции (соответственно 41,5 и 41,2%).

Анализ других демографических показателей выявляет еще одну особенность народонаселения России. Высокая рождаемость и повышенная, по сравнению с указанными выше странами, смертность среди жителей старших возрастов предопределили **абсолютное преобладание молодого поколения**. Дети до 14 лет и лица от 14 до 30 лет составляли соответственно 33 и 32% населения, а старше 60 лет — всего 7%. Преобладала работоспособная часть людей (60% в возрасте от 14 до 60 лет), что являлось важной составляющей экономического потенциала страны. Ускоренный рост населения и преобладание в его составе молодого поколения создавали мощные резервы рабочих рук как первостепенного фактора поступательного развития производительных сил России.

В то же время растущий удельный вес молодежи в населении страны играл не менее существенную роль в революционном движении, поскольку молодые люди более склонны к бунтарству, легче поддаются агитационному воздействию, гораздо импульсивнее, нежели люди более зрелого возраста. Это подчеркивал известный отечественный ученый-экономист П. Струве. На это делал ставку лидер большевиков В. Ленин. Это же доказывают и данные судебной статистики тех лет. Среди осужденных в 1901—1904 гг. за преступления антиго-

сударственной направленности несовершеннолетние (до 21 года) составляли 32% и столько же лиц в возрасте от 21 до 25 лет.

Внутренние миграции и эмиграция

Еще одной особенностью народонаселения России являлась **резкая неравномерность распределения ее жителей по регионам.** Север Европейской России оставался слабозаселенным, а в Зауралье — почти пустынным, и такая картина здесь почти не менялась. Несравненно более значительным переменам в данном отношении оказалась подвержена южная часть России с той только разницей, что во второй половине XIX в. ускоренной колонизации подверглись Новороссия, Предкавказье и Нижнее Поволжье, а с конца 90-х годов главным районом массового переселения становится Зауралье — Сибирь и Степной Край, частично Туркестан [⬇].

Кроме переселений в районы прежде слабо заселенные, происходило перемещение населения и в районы быстрого развития промышленности — Петербургский, Московский, Бакинский, Донбасс, что способствовало упрочению ведущей роли центра в экономической, социально-политической и духовной жизни страны при параллельном увеличении значения окраин.

Главными причинами переселения являлись: малоземелье крестьян, относительное перенаселение деревень европейской части страны, рост промышленности и наличие свободных земель на окраинах. Способствовали им прокладка железных дорог, развитие водного (в основном речного) транспорта, а также переселенческая политика правительства. Особенно

⬇

Общее количество переселенцев из центра на окраины за период с 1897 по 1914 г. составило более 6 млн человек. При этом в азиатской части страны население увеличилось с 10 до 21 млн человек, в основном за счет переселения. Одновременно росла и сезонная межрегиональная миграция. Отход крестьян на заработки, согласно данным за 1898—1900 гг., по числу выданных паспортов достигал 8 млн человек в год. По всей Европейской России отходники составляли около 1/3 трудоспособного мужского населения деревни. При этом в неземледельческой полосе, районе с традиционно развитыми отхожими промыслами, их доля приближалась к половине (43,4%), а в западных губерниях, где отход был наименее развит — к 1/5 (19,2%). Тяготением к отходу как разновидности маятниковой миграции были охвачены люди на огромном пространстве империи, причем в глухих местах даже больше, чем в районах сравнительно развитого хозяйства. Иначе говоря, питательная среда для пополнения кадров горожан и рабочих для промышленности в этой части страны была достаточно велика.

большую роль сыграла прокладка Транссибирской магистрали и двух Туркестанских железных дорог: Красноводск — Ташкент и Оренбург — Ташкент, в которые государство вложило огромные средства. Наряду с внутренней миграцией стало расти и переселение в Россию из-за рубежа, в основном тоже на восточные окраины. В 1890—1914 гг. на Дальний Восток и в Сибирь самовольно переселилось более 200 тыс. корейцев и китайцев, а в Среднюю Азию — немало дунган, уйгур, китайцев и др.

Одновременно имел место и рост трудовой эмиграции, в организации которой главную роль играли тайные агенты и конторы крупнейших мореходных иностранных компаний, получавших от вербовки и перевозки значительные доходы. В 1900—1913 гг. было зарегистрировано около 3 млн эмигрантов из России, из которых 2,7 млн переселились в США, а остальные — в Канаду, Германию, Швецию и другие страны. В эмигрантском потоке преобладали евреи (41%), затем шли поляки (29%), литовцы и латыши (9%), украинцы, белорусы и русские (7%). Эмиграция не вела к уменьшению удельного веса перечисленных и др. народов в России, поскольку естественный прирост их был выше.

Национальный и религиозный состав населения

В начале XX в. в России проживало **более 200 народов, говоривших на 146 языках и наречиях**. Самыми многочисленными являлись славяне. До революции 1917 г. в термин «русские» относили — великороссов, малороссов и белорусов. Первых по переписи 1897 г. насчитывалось 55,4 млн (47,8%), вторых — 22 млн (19%) и третьих — 5,9 млн (6,1%). Вместе они составляли абсолютное большинство в стране — 83,3 млн или 72,9%. Из других славянских народов в России жили поляки, сербы, болгары, чехи и др. Вторыми по общей численности были тюркские народы: казахи — 4 млн и татары — 3,7 млн. В России (вместе с Польшей и Финляндией) была самая многочисленная среди других государств мира еврейская диаспора, насчитывавшая около 6 млн человек. Кроме того, еще 6 народов имели численность от 1 до 1,4 млн: латыши, немцы, армяне, молдаване, мордва и эстонцы. Эти 12 перечисленных народов, насчитывающие более 1 млн каждый, составляли 90% населения империи.

Ведущую роль в развитии российской государственности играли русские (великороссы). Эту роль они выполняли не

Уборочные работы. 1900-е годы

только благодаря своей численности, но и присущим им чертам национального характера — человеческой открытости и незлобивости, трудолюбию и стойкости в борьбе с невзгодами. Эти и другие качества помогали им жить в мире и дружбе с людьми разных рас, национальностей и религиозных убеждений, поддерживать с каждым из более чем двухсот представленных в империи народов истинно добрососедские отношения. Русский народ нес на своих плечах основную тяжесть работы по созданию единого экономического и культурного пространства и государственному строительству на территории огромной державы. В заселении и хозяйственном освоении окраин принимали активное участие украинцы, белорусы и другие народы [⬇].

Покровительством самодержавия пользовалась Православная Церковь, что признавалось официально, хотя имела место веро-

⬇

Российское государство, исторически расширяясь за счет присоединения смежных территорий и неславянских народов, не возводило между ними и великороссами какой-либо стены. Государственное законодательство было одинаковым для тех и других в том смысле, что все народы являлись подданными царя, различие существовало главным образом в религиозном отношении. В стране веками мирно уживались народы и группы, исповедующие разные религии. В конфессиональном плане по числу верующих преобладала Православная Церковь (87 млн человек или 76% населения). За ней шли мусульманская (13,9 млн — 11,9%), иудаистская (3,6 млн — 3,1%), ➡

Перенесение мощей преп. Серафима Саровского с участием императора Николая II. Саров. 1903 г.

терпимость по отношению к другим религиям. Преследовались лишь отдельные секты, деятельность которых наносила физический или психический ущерб своим адептам, ограничивались до 1905 г. права староверов, а также вплоть до февраля 1917 г. приверженцев иудаизма (для последних существовала «черта оседлости» в пределах 10 польских и 15 российских губерний, а также «процентные нормы» приема в средние и высшие учебные заведения). В верхах правых партий бытовало мнение о том, что подчинение Православной Церкви государству привело к ее бюрократизации и утрате былого влияния на мирскую паству. В церковных кругах настойчиво поднимался вопрос о восстановлении патриаршества, но решению его противился влиятельный при царском дворе К. Победоносцев.

К началу XX в. завершился длившийся почти два столетия процесс формирования единой Российской империи с истори-

---

➔ протестантская (2,4 млн — 2%) и католическая (1,5 млн — 1,2%) конфессии. Остальная, сравнительно небольшая часть населения исповедовала буддизм (ламаистской разновидности), конфуцианство, старообрядчество, шаманизм и др. верования. Лица нехристианского вероисповедания официально именовались инородцами. В юридическом, более четком определении к ним относились некоторые племена, преимущественно монгольские, тюркские и финские, поставленные «по правам состояния и по управлению» в особое положение. Таковых насчитывалось 6,6%, управлявшихся в соответствии с Уставом 1822 г. об инородцах, подготовленным М. Сперанским.

чески максимально раздвинутыми и геополитически удачно сбалансированными границами. Сложилось уникальное государственное образование, многонациональное население которого сплачивалось не только единством границ, но и общностью исторических судеб, этнических, социально-экономических и культурных связей. Непрерывные перемещения населения, резко усилившиеся в это время, способствовали широкому территориальному смешению этносов, изживанию их обособленности, хозяйственному и социокультурному взаимообогащению. Столь сложный организм невозможно было расчленить без ущемления как общегосударственных интересов, так и интересов отдельных народов.

Тем не менее социально-экономическое и культурное развитие национальных окраин, рост национального самосознания народов требовали от правительства проведения более гибкой национальной политики, расширения прав национальностей прежде всего в области культуры. На отделении настаивали только польские, частично финские и западно-украинские сепаратисты. Поскольку национальные движения нередко проходили под религиозными лозунгами и поддерживались церковными организациями, с 1903 г. начали готовиться законопроекты о веротерпимости. Соответствующий закон был издан в начале 1905 г. Свободу вероисповедания провозгласил Манифест 17 октября 1905 г.

Касаясь национально-религиозной политики самодержавия, нельзя не отметить тенденциозно-политического тезиса Ленина о России как о «тюрьме народов». Воспроизведенный в «Кратком курсе истории ВКП(б)» он бездумно повторялся едва ли не всеми историками России советского времени. На деле он не выдерживает серьезной критики. **Государствообразующий народ — русский — в России не пользовался никакими привилегиями.** Здесь не существовало особых законов для великороссов и для других народов. Отдельное законодательство об «инородцах» вызывалось учетом особенностей их хозяйственного положения и кочевого быта: к примеру, нормы землепользования для них были выше, чем для русскоязычных переселенцев, не платили они и денежного, наиболее обременительного налога. В начале XX в. значительная часть инородцев перешла от кочевого скотоводства к оседлому образу жизни, связанному с земледелием, что явилось основанием для передачи излишков их земель новоселам, что привело к земельным спорам. В Польше и Литве действовали некоторые положения кодекса Наполеона, Финляндия в составе Российской империи обрела свою конституцию, свои органы законодатель-

ной и исполнительной власти, свою армию, таможню, монету и многое другое, чего она была лишена в составе Швеции. В школах Прибалтики вводилось преподавание на местных языках вместо немецкого, то же допускалось на других национальных окраинах. Иначе говоря, все народы-«невольники» (по Ленину) в составе империи развивались, сохранили свой язык и культуру, имели свою родовитую элиту, духовенство и Церковь, у многих появилась собственная интеллигенция.

Что касается русского народа, то на его плечи приходились основные государственные повинности и тяготы. Крестьяне центральной России получили при освобождении меньшие земельные наделы, чем представители того же сословия на национальных окраинах. Следует подчеркнуть, что **в России не сложилось чисто великорусской элиты.** Все родственники царской семьи, как и собственно самодержцы, обязаны были заключать браки с лицами «королевской крови», т.е. иностранцами, и все они в этническом отношении являлись своеобразными маргиналами. Точно также и многие видные сановники империи считали за честь породниться с выходцами из других стран, а также поляками, татарами, украинцами, грузинами и дворянами других национальностей. Российское самодержавие сохранило привилегии и права всех ханов, беков, шляхтичей, баронов, нойонов, тайшей и т.п. Они были приравнены к дворянам, имели власть над сородичами, назначались на высокие посты в центре и на местах. **Многонациональной была и новая предпринимательская, торгово-финансовая элита, равно как и таковая в сфере науки, культуры, искусства.**

Говоря о несостоятельности ленинской характеристики России как «тюрьмы народов», не следует впадать и в другую крайность, отрицая при этом сам факт существования в общественно-политической жизни страны национального вопроса. Последний, так же как и аграрно-крестьянский вопрос, безусловно стоял на повестке дня России начала XX в. Как тот, так и другой являлись важными факторами, способствовавшими обострению социально-политической атмосферы, но это не значит, что их разрешение было возможно только на путях радикальной ломки существовавшего государственного строя, как утверждалось в советской исторической литературе. Опыт нескольких лет столыпинских аграрных преобразований вскоре показал, что существовал и другой, не менее эффективный, но более безболезненный путь реализации означенных проблем — реформистский.

§2

Сословно-социальная структура российского общества

При наличии в российской действительности обоих — революционного и эволюционного — путей решения стоящих перед страной задач общественного развития, преобладающим для страны в первой трети XX столетия стал революционный путь. В этой связи предстоит разобраться: почему при том, что самодержавная власть стремилась направить развитие России по реформистскому руслу, возобладали революционные способы исторического действия? Выяснить: какие причины сделали возможным участие широких народных масс в трех революционных смутах? Была ли у царизма соответствующая социальная опора и почему он не выдержал урагана 1917 г., что порождало и накаляло социальные противоречия в российском обществе того времени? Разумеется, наряду с этими проблемами немаловажное значение имели объективные экономические, политические, военные и иные причины, но субъективный человеческий фактор сыграл, безусловно не меньшую роль в дальнейшей судьбе страны.

В России начала XX в. продолжало сохраняться **сословное деление общества**. К высшим сословным категориям относились дворяне, которых с семьями насчитывалось 1800 тыс. (1,5%), священнослужители различных концессий — 600 тыс. (0,5%), почетные граждане и купцы первой и второй гильдий — 620 тыс. (0,5%). По численности самыми большими являлись сословия крестьян — 97 млн (77%) и мещан — 13,4 млн (10,6%). За ними следовали инородцы — 8,3 млн (6,6%), казаки — 2,9 млн (2,3%), иностранные подданные — 600 тыс. (0,5%).

Но успехи капиталистического развития страны пореформенной и последующей поры привели к тому, что реальное положение многих людей разных сословных категорий не соответствовало их сословной принадлежности. В частности, перепись 1897 г. зафиксировала в городах 7 млн крестьян, которые полностью порвали с сельским хозяйством или были связаны с ним сезонно. Возник рабочий класс, пополнявшийся в основном выходцами из крестьянского и мещанского сословий. Среди мещан, крестьян, инородцев и казаков сформировались группы бедных, средних и богатых по имущественному уровню людей.

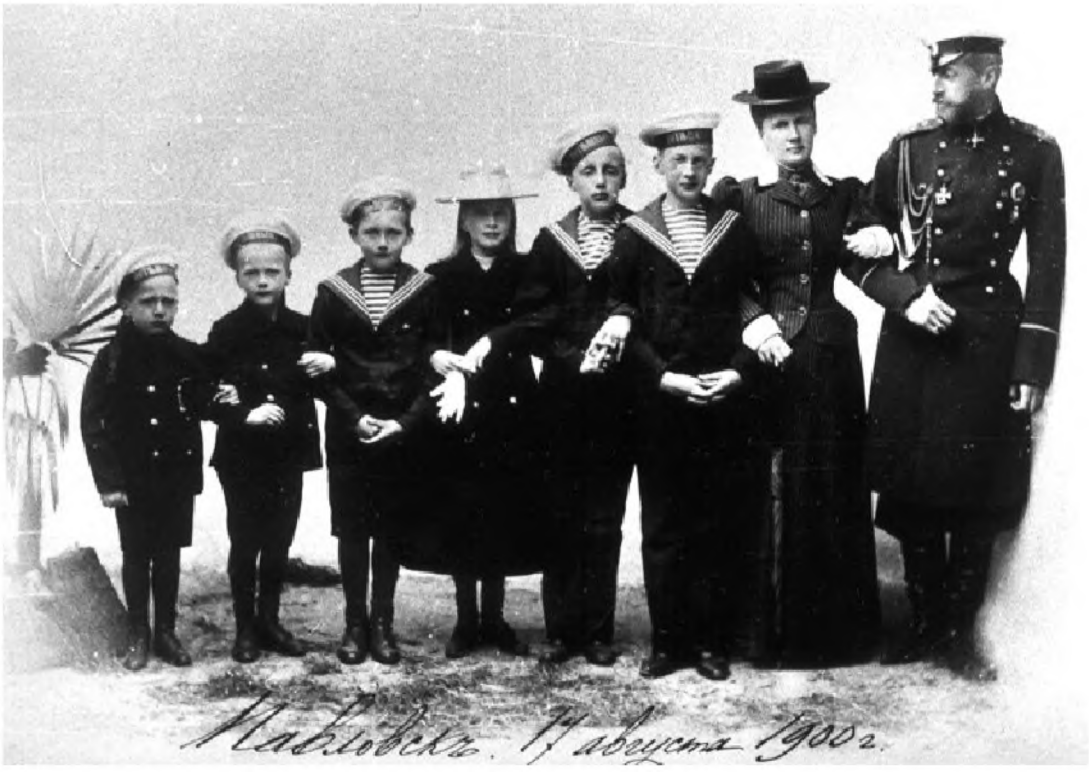
Вот почему, отдавая должное различиям между сословиями, нельзя игнорировать стратификацию социальных групп по классовому принципу. Как показал подсчет известного экономиста В. Немчинова, в России накануне октября 1917 г. социальная структура населения включала в себя следующие группы: крестьянство и ремесленники — 66,7%, буржуазия и помещики — 16,3% (в том числе кулачество — 11,4%), рабочие — 14,8% и интеллигенция — 2,2%. В число рабочих ученый включал 3,5% деревенских батраков, что по существу совпадало с долей наемных сельскохозяйственных работников, зарегистрированных всероссийской переписью 1897 г. Близкую картину социальной стратификации российского общества давал и В. Ленин, хотя его наблюдения в данной области в большей степени, чем в других вопросах истории России, были, как будет показано на примере с определением социального состава российского крестьянства, политически тенденциозными.

Дворянство

Ведущим классом-сословием и основной социальной опорой самодержавия исторически выступало **дворянство**, что было закреплено в отечественном законодательстве. К тому же по своему интеллектуальному потенциалу оно являлось наиболее образованным и культурным слоем — главным поставщиком кадров политической элиты государства. Дворянское сословие распадалось на две группы: из 1800 тыс. дворян две трети были потомственными, а остальные — личными. Среди потомственных дворян только половину составляли русские (вместе с украинцами и белорусами), около трети — поляки, за ними шли тюркско-татарские, грузинские, литовско-латышские, немецкие и др.

Экономической базой политического веса дворянства исстари являлось землевладение. В России за малым исключением отсутствовала система майората, и земля переходила в наследство, как правило, всем сыновьям, вследствие чего имело место дробление имений и их разорение. Статистика землевладения показывает, что вскоре после реформы 1861 г. дворянам принадлежало 87 млн дес. земли, в 1877 г. — 73 млн, в 1905 г. — 53, а в 1914 г. у них оставалось 40 млн дес. земли. Уменьшалось и число дворян-помещиков: в 1877 г. их насчитывалось 118 тыс., а в 1905 г. — 107 тыс.

Каковы же были причины их обезземеливания и разорения? Главная из них состояла в неумении, а порой и в нежелании



Великий князь Константин Романов с семьей. Павловск. 1900 г.

представителей дворянского сословия приспосабливаться к условиям капиталистического хозяйствования: обзаводиться своими усовершенствованными машинами и прочим инвентарем, на практике постигать науку ведения рационального рыночного хозяйства, расточительный образ жизни и т.п. Все это ярко отражено в пьесе А. Чехова «Вишневый сад», одной из ранних повестей А. Толстого «Мишука Налымов» и других произведениях отечественной литературы конца XIX — начала XX в. Следующая причина была в том, что правительственный протекционизм в отношении к промышленности, железнодорожному строительству ущемлял интересы сельского хозяйства в целом и помещичьего в частности. Недаром, анализируя процесс падения влияния дворянства, один из его идеологов Б. Чичерин, характеризовал таможенную политику царизма как своеобразную подать, налагаемую на земледельческий класс в пользу промышленного и при том в такое время, когда первый класс находится в критическом положении, а второй — богатеет. Начавшаяся в начале века индустриализация страны проводилась за счет российской деревни — прежде всего крестьянства и в определенной степени за счет помещиков. Здесь сказывались обстоятельства и внешнеполитического порядка. В ответ на подъем русских таможенных пошлин

на промышленные товары, Германия, являвшаяся основным импортером русского хлеба, повысила пошлины на него, тем самым ударив по помещикам и зажиточным крестьянам. Подскочили цены на удобрения, сельскохозяйственные машины и орудия, ввозимые из-за рубежа.

К названным причинам следует добавить массовый погром помещичьих имений крестьянами в годы первой русской революции. По официальным сведениям, тогда было сожжено свыше 2 тыс. частновладельческих усадеб, а на основе данных, отраженных в местных архивах, советские историки насчитали их вдвое больше. Напуганные разгулом крестьянской Вандеи 1905 г., дворяне стали чаще прибегать к продаже земли: в среднем ежегодно с молотка сбывалось по миллиону и более десятин помещичьих земель. В итоге к 1917 г. число поместных дворян сократилось столь значительно, что они составляли лишь четвертую часть всех представителей господствующего сословия. Хотя государство и оказывало материальную помощь пострадавшим, весь ущерб оно возместить не могло.

Тем не менее поместное дворянство продолжало оставаться владельцем огромных состояний. Земля, которую они сохранили, так поднялась в цене, что их 40 млн дес. стоили втрое дороже, чем былые 87 млн в 1861 г.

Другим источником богатства дворян являлись ценные бумаги, вклады в банках, руководящие должности в правлениях акционерных обществ. По данным переписи столицы в 1910 г. из 138 тыс. учтенных дворян 68 тыс. жили доходами с ценных бумаг. Кроме того, многие помещики обзавелись заводами и фабриками, построенными на их землях или купленными на доходы от поместий.

Немаловажным каналом дохода и политической силы дворянства была чиновничья и военная служба, обеспечивавшая безбедную, а при высоких постах и званиях даже респектабельную жизнь. Дворянская родословная создавала благоприятные возможности для ускоренного продвижения по табели о рангах. Правда, в октябре 1905 г. Николай II утвердил указ о приоритете образовательного ценза для занятий высоких вакансий, который обеспечивал более широкий доступ к государственной службе лицам разных сословий. В итоге за время между революциями 1905 и 1917 гг. тенденция к сокращению удельного веса потомственных дворян в госаппарате значительно усилилась. Если в начале века в гражданских ведомствах они составляли 72% чиновников высших рангов, а в армии — половину офицерского корпуса и в том числе 90% генералитета и 73% всех полковников, то к 1917 г. их доля

здесь заметно сократилась, причем особенно сильно это произошло в условиях Первой мировой войны. Что же касается чиновников и офицеров из недворянских сословий, то многие из них были далеки от того, чтобы служить надлежащей опорой самодержавия. Да и не все дворяне питали симпатии к режиму, который способствовал разорению десятков тысяч дворянских хозяйств. Дворяне считали, что царь мог сделать для их благополучия гораздо больше, а не ограничиваться словесными декларациями и полумерами. К тому же дворянскую среду разлагали идеи либерализма. Более того, в земском либеральном движении руководителями выступали представители дворянства. Они же не только участвовали в руководстве правых и либеральных партий, но и в политических организациях крайне левого толка (Г. Плеханов, В. Ленин, Г. Чичерин, А. Коллонтай, В. Чернов, Н. Авксентьев и др.). Все эти факты говорили о том, что царизм терял опору в дворянской массе, конечно не всей и при том, что объектом ее недовольства был в основном бюрократический аппарат, возглавляемый правительством.

Критическое положение самодержавия усугублялось тем, что оно противилось объединению дворянства в политически организованную силу. Поэтому только оппозиционная его часть сплотилась в широкий блок. Сторонники же режима, оставаясь законопослушными, сами политически не организовывались. Чиновники, служащие и офицеры были лишены права участвовать в политических партиях и обществах, а они могли составить весомую политическую силу, прежде всего дворянскую. Возникший в 1906 г. Совет объединенного дворянства был лишь инструментом идеологического порядка, не ведущим руководящей организационной работы.

Крестьянство

Самым многочисленным классом-сословием страны являлось **крестьянство**. В последние два десятилетия оно также претерпело крупные изменения двоякого свойства: во-первых, усиливалось «раскрестьянивание», которое влекло за собой сокращения сельскохозяйственного населения, а, во-вторых, ускоренными темпами шел процесс расслоения крестьянства на разные по социальному положению группы.

По данным переписи 1897 г. в сельской местности 50 губерний Европейской России было 81,4 млн жителей или 87% населения, но занимались сельским хозяйством лишь 69,4 млн, т.е. 74%. Основными занятиями остальных 12 млн была

Уборка зерновых жаткой. 1910-е годы

торгово-промышленная и иная деятельность, они перестали быть земледельцами. Согласно статистике землевладения 1905 г. таких людей стало уже 17 млн. Раскрестьянивание происходило и в процессе переселения крестьян в города и на малоосвоенные окраины страны.

Расслоение крестьянства на бедняков, середняков и зажиточных хозяев приобрело в эти годы новые черты. Наряду с количественным ростом как маломощных, так и на другом полюсе зажиточных дворов, имели место и качественные изменения, связанные с развитием товарно-денежных, рыночных отношений. У бедняков это проявлялось в расширении сфер приложения труда: они занимались домашними промыслами, наймом на временные работы, отходом на заработки и т.п. Зажиточным дворам было присуще использование наемного труда, приобретение купчей земли, усовершенствованных машин и орудий, минеральных удобрений, увеличение аренды. Иначе говоря, существование того и другого слоя было взаимосвязанным и взаимообусловленным. В противном случае бедняки бы вымерли от голода из-за постоянного дробления наделов, а крестьянские Колупаевы и Разуваевы, как и помещики, не имели бы рынка наемного труда.

Процесс размежевания разнился в зависимости от того, в какой степени крестьяне того или иного региона были обеспечены надельной землей. Разница в этом отношении между регионами была весьма значительной. Так, если в земледельческом центре много общин имели наделы по 3—6 дес. в среднем на двор, то в нечерноземной полосе по 7—10 дес. В Поволжье по 12—15 дес., в Новороссии по 15—20. В Сибири же существо-

вала норма наделения крестьян землей в 15 дес. на мужскую душу, а в старожильческих селах Дальнего Востока — в 100 дес. Не меньшие различия существовали и в общероссийском масштабе между разными категориями крестьян: бывшие помещичьи имели в 1905 г. наделы по 6,7 дес. на двор, бывшие государственные — по 12,5, башкиры — 28,2, казаки — 52,7. Чем лучше крестьяне той или иной местности были обеспечены землей, тем выше был уровень их благосостояния, тем свободнее в их среде развивались капиталистические отношения, тем больший процент был там зажиточных, предпринимательских хозяйств.

В условиях общинного уравнительного землепользования, преобладавшего в большинстве регионов страны, надельная земля распределялась пропорционально числу мужских душ и благосостояние крестьянского двора зависело от числа семейных работников, а для хозяйств предпринимательского типа — прежде всего от размеров арендованной и купчей земли, за исключением регионов первичного хозяйственного освоения с наличием массивов свободной земли и с широко развитой системой захватного пользования надельной землей (Восточная Сибирь, Дальний Восток и др.). Как показывают данные земских подворных обследований, к аренде надельной, частновладельческой и казенной земли, а также к покупке ее в основном прибегали самые состоятельные хозяева, сосредотачивающие в своих руках подавляющую часть этой земли и обрабатывающие ее чаще всего не только семейными, но и наемными (как правило сроковыми или поденными) работниками. Если разница в обеспеченности надельной землей внутри общины между бедняками (посевы до 3 дес.) и зажиточными (с посевом более 10 дес.) достигала максимума 2—3 раз, то арендованной землей — 5—10, а купчей — 50 и более раз [↓].

В советской историко-аграрной литературе вслед за Лениным утвердилось мнение, будто в российской предреволюционной деревне слой бедноты (сельских пролетариев и полупролетариев — батраков с наделом) составлял большинство (до 2/3 дворов). Такую версию разделяли даже исследователи, которые писали об этом применительно к районам (Новороссия, Сибирь, Дальний Восток), где крестьяне не знали ни гнета помещичьего землевладения, ни малоземелья, и где капиталистические отношения в крестьянском хозяйстве развивались не только и не столько вглубь, сколько вширь, посредством ускоренного роста не полярных социальных групп — бедняков и зажиточных, предпринимательских, а средних и мелких хозяев, т.е. роста мелкого товарного производства, подготавливающего почву для дальнейшего развития капитализма вглубь. Делалось это с целью убедить, будто рабочие России имели могущественного союзника в лице деревенской бедноты.

Объективный же анализ данных земской статистики показывает, что в оскудевающем центре бедноты было от 30 до 50%, в Поволжье, на Украине, Северном Кавказе, Сибири и особенно на Дальнем Востоке (в среде старожилов-стодесятинников) значительно меньше. Если же исходить из сведений бюджетных обследований, учитывающих заработки и доходы крестьян от промыслов и торгового животноводства, можно считать бедняцкими, т.е. едва сводящими концы с концами даже в урожайные годы, примерно от четверти до трети дворов в центре и 15—20% — в районах без земельного утеснения. В центральных губерниях земельный голод испытывало большинство крестьян: 3/5 дворов получали основные доходы от промыслов и заработков.

Вот почему в деревне имела место острая социальная напряженность — миллионы крестьян испытывали недовольство своим положением и жили надеждой если не получить от власти, то силой захватить помещичьи земли.

Крупная буржуазия

Быстрое развитие промышленного производства обусловило возникновение и не менее быстрый рост в составе российского общества **крупной буржуазии** в качестве не только особого социального слоя, но и самостоятельной экономической и политической силы. Если к этой категории отнести предпринимателей с доходом более 10 тыс. руб. в год, то их численность поднялась с 25 тыс. человек в начале века до 40 тыс. в 1914 г., а с семьями примерно до 250—300 тыс. человек.

Основной средой, обеспечивающей пополнение рядов крупной буржуазии, являлись купечество и потомственные почетные граждане. По данным на 1913 г. в составе петербургских предпринимателей к этим сословиям принадлежали более 50% их общей численности, а среди московских — 40,9%. Хотя их доля со временем постепенно уменьшалась, среди членов правлений и советов крупнейших коммерческих банков и компаний продолжали доминировать представители известных купеческих фамилий: Гучковы, Рябушинские, Прохоровы, Елисеевы и др. Удельный вес дворянства среди этих двух ведущих отрядов российской буржуазии едва превышал 2,5% и имел тенденцию к понижению из-за растущего притока энергичных дельцов из низших сословий (крестьян, мещан, инородцев преимущественно еврейской национальности, иностранцев).

Тем не менее место и роль потомственного дворянства, благодаря его богатствам и родовым связям с высшим чиновни-

Перевозка ценностей в банке. 1910-е годы

чеством, оставались весьма значительными: представители 123 аристократических фамилий к середине 1914 г. занимали директорские и иные руководящие посты в 250 акционерных обществах. Среди последних выделялись князья Долгорукие, Голицыны, Оболенские, Тенишев, графы Мусины-Пушкины и др.

К началу Первой мировой войны крупная буржуазия в экономическом и особенно в финансовом отношении являлась самой могущественной силой российского общества. Ее рейтинг увеличивался влиянием на средние слои буржуазии, насчитывающей в своих рядах (судя по числу лиц с годовым доходом от 1 до 10 тыс. руб.) в 1909—1910 гг. свыше 450 тыс. человек или с семьями 2,7—3,2 млн человек. Кроме дворянства, она была тесно связана с чиновничеством, которое стремилось «подкармливать». Мощным орудием в ее руках являлся Совет съездов представителей промышленности и торговли и подчиненные ему отраслевые союзы торгово-промышленников и финансистов. В годы первой русской революции выявилось

известное единство взглядов промышленников и купечества в публичных выступлениях их представителей, а также в принимаемых их собраниями и съездами резолюциях и петициях.

В условиях нараставших революционных потрясений крупная буржуазия, обязанная самодержавию большими заказами по льготным ценам, щедрыми субсидиями и кредитами Госбанка, протекционизмом в таможенной политике и т.п., не поддержала его. Подавляющее большинство ее представителей сторонилось монархических партий и организаций, а тяготевшие к ней октябристы и прогрессисты, после короткого сотрудничества с властями, добивались от них политических уступок, не сознавая того, что утрата российской государственности обернется их собственной кончиной. Чувствуя себя хозяином жизни, буржуазия, в лице своих политических лидеров, фрондировала, посягая на прерогативы центральной и местной власти.

В данном отношении весьма знаменательным является разговор, состоявшийся между британским журналистом Д. Уоллесом и лидером кадетов (фамилию которого британец почему-то не указывает, но им мог быть сам П. Милюков) вскоре после роспуска I Думы. Уоллес в учтивой форме высказал тогда своему русскому другу сожаления по поводу «стратегической ошибки», допущенной кадетами своими обструкционистскими действиями в Думе. «При всем уважении, я осмелился продолжать, — вспоминал журналист, — что вместо сохранения систематической и бескомпромисной враждебности кабинету министров, партия могла бы сотрудничать с правительством и таким образом создать что-то вроде английской парламентарной системы, которой они открыто восхищаются; возможно через 8 или 10 лет этот желанный результат мог бы быть достигнут». Однако, услышав эти последние слова, русский политик нетерпеливо прервал собеседника, воскликнув: «Восемь или десять лет? Мы не можем ждать так долго!» «Хорошо, — отвечал Уоллес, — Вам должно быть виднее, но в Англии, которую конституционалисты всех стран часто берут за образец, нам пришлось ждать несколько столетий...»

Нетерпеливость, с которой вожди кадетов стремились свалить царизм, не только погубила их самих, но и принесла великие беды России. Нет особой необходимости доказывать, что лидеры октябристов и прогрессистов (А. Гучков, М. Родзянко, А. Коновалов и др.) в этом отношении ненамного отставали от партии «народной свободы».

Рабочие

Вместе с успехами капиталистического развития страны рос и формировался другой **новый класс — рабочий.** Только за период с 1900 по 1913 г. в его численности по подсчетам историков произошли перемены (табл. 1).

Таблица 1

Категории рабочих	1900 год		1913 год	
	тыс.	%	тыс.	%
Занятые на крупных фабрично-заводских, горных, горно-заводских учреждениях и на транспорте	2640,9	21,7	3938,9	21,5
Занятые в мелкой промышленности	2000	16,4	3000	16,5
Строительные	1000	8,2	1500	8,3
Сельскохозяйственные	4540,3	37,3	6500	35,6
Занятые в лесном деле и чернорабочие в строительстве, на транспорте, в торговле	2000	16,4	3300	18,1
Всего	**12181,2**	**100**	**18238,9**	**100**

В рамках указанного периода **рост численности рабочих по темпам опережал рост населения страны.** При этом наряду с другими отрядами одинаково быстро росло основное ядро, которое составляли рабочие крупной промышленности и транспорта. Именно в их среде формировались высокопрофессиональные и потомственные кадры пролетариата. В отраслевом отношении численно преобладающими являлись отряды текстильщиков, пищевиков и металлистов, удельный вес которых составлял соответственно 41, 19 и 15% всех фабрично-заводских рабочих. В рядах металлистов и текстильщиков была самая большая часть потомственных (по отцу) рабочих — от 40 до 50% и более. Остальной части рабочих были присущи постоянная текучесть, тесная связь с землей, крестьянской средой. Вот почему их численность устанавлива-

Работницы текстильной фабрики получают обеды. 1910-е годы

ется приблизительно. Воспроизведенные выше цифры, взятые по максимуму, показывают, что рабочие составляли в России меньшинство населения.

При более точном подсчете, исключающем из их состава ремесленников, кустарей, прислугу, низших служащих, которых правильнее отнести к средним, промежуточным, слоям населения, а также многочисленных сезонных и временных наемных работников, доля рабочих не превысит 15%, что с семьями составит около 26 млн человек. При этом Россию отличала **высокая степень концентрации рабочих на крупных предприятиях и в немногих индустриальных центрах** (обеих столицах, Киеве, Харькове, Екатеринославе, Баку, Одессе и др.), что облегчало противникам самодержавия ведение в их среде агитационно-пропагандистской работы. Тому же способствовало и преобладание в рабочей массе молодежи: труженики в возрасте до 39 лет составляли 4/5 общей численности фабрично-заводских и горных рабочих. А высокий удельный вес легкой промышленности (текстильной и пищевой) и сравнительно низкий уровень благосостояния народа предопределили постепенное вытеснение на фабриках и заводах России

Кружок спортсменов-любителей Путиловского завода. Петербург. 1913 г.

мужского труда женским, доля которого в годы Первой мировой войны поднялась до 40%.

Развитие рабочего движения в России в конце XIX — начале XX в. выявило странную, на первый взгляд, закономерность: наиболее активно в нем участвовали не самые обездоленные слои трудящихся, а рабочие обеих столиц, в которых преобладали отряды сравнительно высокооплачиваемого пролетариата: металлистов, железнодорожников и занятые на оборонных заводах. По данным переписи 1897 г. культурно-образовательный уровень последних был существенно выше, чем у других территориально-профессиональных отрядов рабочего класса. В то время, как среди мужского населения страны грамотных было 29%, то для рабочих этот показатель был более чем вдвое выше. В Петербурге же грамотные среди рабочих-мужчин в 1914 г. составляли 82%, а среди женщин — 56%. В Московской губернии несколько ранее уровень грамотности фабрично-заводских рабочих равнялся 76%. Именно этот фактор, с одной стороны, и более широкая подверженность столичных рабочих агитационно-пропагандистской обработке со стороны социалистических партий — с другой, делали их застрельщиками в классовых схватках революционных лихолетий 1905—1907 и 1917—1920 гг.

Интеллигенция

В социальном отношении **под интеллигенцией понимают обычно людей хорошо образованных (имеющих законченное или неполное высшее образование), занимающихся преимущественно умственным трудом.** В начале XX в. она исчислялась примерно в 800 тыс. человек, что вместе с семьями составляло 2,2% населения России. Более точные количественные сведения по отдельным группам интеллигенции содержат материалы переписи 1897 г. Согласно им работники просвещения и медицины составляли 240 тыс. человек, из них две трети — учителя. Другая близкая к ним группа лиц свободных профессий — ученых, литераторов, юристов, актеров, музыкантов — насчитывала 36 тыс. Всего, таким образом, в сфере культуры трудилась треть отечественной интеллигенции. Следующий большой отряд интеллигенции составляли служащие промышленности, финансовой системы, транспорта, а также сельского хозяйства (агрономы, ветеринары, землемеры) — всего 350 тыс. человек, причем две трети их находились на частной службе.

В последнюю компактную группу служилой интеллигенции входили чиновники госаппарата, командный состав армии, служащие земств и городских дум — в общей сложности 207 тыс. человек.

В начале XX в. в связи с бурным развитием промышленности быстро росли ряды производственной интеллигенции, а также учительства (особенно в связи с подготовкой всеобщего начального образования), в период Первой мировой войны — офицерский корпус, служащие местного самоуправления, кооперации.

Наряду с различиями по профессиональному признаку интеллигенция была дифференцирована по социальному положению в обществе. К самым состоятельным ее слоям относились сословно-дворянская, буржуазная и так называемая цензовая (чиновники высоких рангов) интеллигенция. Основную же ее массу составляли учителя начальных школ, низшие служащие местного государственного аппарата, путей сообщения, связи, а также студенты и учащиеся старших классов гимназий и реальных училищ.

Сосредоточенная главным образом в самых крупных городах и особенно в обеих столицах, **интеллигенция отличалась повышенной общественной активностью и политическим влиянием на другие слои населения.** Тон в ее рядах к началу XX в. задавали либерально-демократические и умеренно-социалистические группировки, вскоре ставшие ядром оп-

Андреева, Горький, Стасов, Яковлева, Репин, Нордман-Северова в репинских «Пенатах»

позиционных и противоправительственных партий — октябристов, кадетов, народных социалистов, социалистов-революционеров и социал-демократов. Идейной формой российской интеллигенции, по меткому определению П. Струве, являлось «ее отщепенчество, ее отчуждение от государства и враждебность к нему». То же отмечал и Н. Бердяев, подчеркнув, что отечественная интеллигенция «не любила государства и не считала его своим». Еще более самокритично охарактеризовал русскую интеллигенцию И. Шмелев, писавший, что она «не смогла создать крепкого национального ядра, к которому бы тянулось самое лучшее, самое сильное, самое яркое по талантам изо всего русского, живого». «Не было **национально** воспитанной, сильной, русской интеллигенции, — продолжал он. — Был великий разнобой сил, и равнодействующая сил этих пошла не по России, а вне, в "пространство", вследствие чего откинутая в него страна "попала туда", где принимают безымянных — в цепкие лапы Интернационала»... Народ, по выражению Шмелева, безмолвствовал, ибо правит жизнью не «почва», а «сеятели». «Русской интеллигенции, — заключал свою суровую оценку выдающийся русский писатель, — надо

понять свое **национальное** назначение, понять Россию, ее пути — каждый народ имеет **свои** пути, — и, поняв, идти ... покорно к **целям**, указанным судьбою — смыслом истории — Богом».

Как показали дальнейшие события, успешно выполнить столь сложную историческую миссию в рамках XX в. отечественной интеллигенции оказалось не по плечу. Справиться с нею предстоит современному и будущему поколениям нашей интеллигенции.

§3

Уровень жизни разных социальных групп

Основными источниками дохода, обеспечивающими соответствующий уровень жизни населения страны в начале XX в. были личный труд, затем торгово-промышленные предприятия, земля с хозяйством, базирующимся на ней, жилищная недвижимость и денежные капиталы. В зависимости от величины перечисленных источников дохода и эффективности их функционирования жизненный уровень различных социальных страт российского общества существенно разнился.

Положение рабочих

У рабочих главным источником дохода служила заработная плата. По сведениям фабрично-заводской инспекции средняя по России зарплата в месяц составляла: в 1900 г. — 16 руб. 17 коп., а в 1913 г. — почти 22 руб. При этом в разных отраслях промышленности она колебалась в 1913 г. от 18 (у текстильщиков) до 50 руб. (у металлистов). У рабочих мелкой промышленности, на которую действие фабрично-заводской инспекции не распространялось, уровень зарплаты был несколько ниже. Доплаты к зарплате увеличивали ее от 10 до 60%. Штрафы размером в среднем 1 руб. взимались тоже в среднем 2 раза в год на одного рабочего. Согласно закону деньги от них шли на нужды самих рабочих.

Рабочий день на предприятиях, подчиненных фабрично-заводской инспекции, длился в среднем в 1905 г. — 10,2 часа, а в 1913 г. — 9,9 часа. В мелкой промышленности он равнялся 11—12 часам и более. По закону, помимо воскресений, устанавливалось 17 обязательных праздничных дней. Рабочий год, таким образом, должен был составлять 296 дней, фактически же он равнялся на фабриках и заводах 275 дням (в США тогда же — 305 дням).

Представление об уровне жизни как рабочих, так и других социальных групп населения нельзя составить без учета цен на продовольствие, предметы ширпотреба и услуги. Среднегодовые цены в Москве, по данным статистики 1913 г., приведены в табл. 2:

Таблица 2

Наименование товара	**Цена, коп.**
Хлеб черный	5
Хлеб белый	12
Мука (рисовая, пшеничная) (кг)	6—7
Картофель (кг)	2
Молоко (1 л)	8
Говядина высш. сорта (кг)	50
Колбаса вареная (кг)	35
Колбаса копченая (кг)	75
Масло сливочное (кг)	70—90
Масло растительное (1 л)	32
Крупа гречневая (кг)	9
Водка (1 л)	30
Вино (1 л)	40
Сукно (1 м)	280
Ситец (1 м)	18
Ботинки муж.	300
Ботинки жен.	400
Сапоги	700
Полушубок	1500
Визит к врачу	20
Билет в кино	18—20
Плата за обучение ребенка в школе (в месяц)	200
Билет в Большой театр	32

По материалам бюджетных обследований низкооплачиваемые одинокие рабочие-мужчины на питание тратили 46% заработка, среднеоплачиваемые — 33, а семейные — соответственно 57 и 45%. Преобладающей пищей была хлебно-овощная — щи, каша, хлеб, картошка, капуста. В меньшей степени в рацион входили — мясо, рыба, жиры, сахар, молоко.

Следом за питанием шли расходы на жилище. В Москве в 1913 г. можно было снять: «угол» за 1 руб. в месяц, комнату — от 3 руб. и выше, снять (с платой в среднем 20 коп. за 1 м^2) или купить квартиру, а также дом.

Соотношение цен и заработков показывает, что среднеоплачиваемые рабочие могли сносно питаться и найти жилье, хотя низкооплачиваемые вынуждены были жить в казармах и потреблять, по отзывам санитарных врачей, низкокалорийную пищу.

Жизненный уровень служащих и интеллигенции

Заработки служилой и частнопрактикующей интеллигенции разнились гораздо больше, чем рабочих. В их среде, помимо групп с низкой и средней зарплатой, были слои с высокими и сверхвысокими доходами. Группа с низкими окладами (30—40 руб. в месяц) состояла из народных учителей начальных школ, низших служащих почты и телеграфа, железных дорог, обслуживающего медперсонала, корректоров и прочих. К ней следует отнести также начинающих мелких чиновников, вольнонаемных служащих госаппарата, земств, многих актеров, студентов, зарабатывающих частными уроками. Бюджет семей этой группы мало чем отличался от средних рабочих. К категории среднеобеспеченной интеллигенции принадлежали служащие и чиновники средних разрядов, учителя казенных гимназий, реальных училищ, младшие офицеры, часть журналистов с доходом от 50 до 100 руб. в месяц. На эти деньги можно было иметь хорошую квартиру с прислугой, учить детей, посещать театры, приобретать книги.

Высокие заработки интеллигенции превышали 100—160 руб. в месяц (более 2 тыс. в год). Всего лиц, имеющих подобный доход от личного труда, насчитывалось 191,3 тыс. или 23,4% интеллигенции. Они олицетворяли элиту служилых людей, занятых умственным трудом (учителя частных гимназий, инженеры, доценты и профессора вузов, преуспевающие адвокаты, журналисты, средние и высшие офицеры).

Профессора получали 170—250 руб. в месяц, бесплатную многокомнатную квартиру, многих обеспечивали выездом (лошадьми с упряжкой и экипажем). Столько же и больше имели инженеры, особенно горные, полковники и чиновники высоких рангов.

К группе крупной буржуазной интеллигенции (с зарплатой свыше 10 тыс. руб. в год) принадлежали полные генералы, начальники железных дорог, товарищи министров, министры. Самые высокие оклады имели управляющие крупными железными дорогами и банками. К примеру, С. Витте в бытность управляющим Юго-Западными дорогами получал 52 тыс. руб. в год, а директор-распорядитель Волжско-Камского банка П. Барк — 150 тыс. Заняв в разное время пост министра финансов, и тот и другой перешли на годовые оклады в 22 тыс. руб.

Благосостояние крестьянства

Жизненный уровень крестьянства неоднократно изучался различными правительственными и земскими статистиками. Бюджеты крестьянских хозяйств, составленные ими, показали, что бедняки (безлошадные, но с коровой и посевом до 3 дес.) жили главным образом промыслами и наймом. Денежная часть их дохода была выше, чем у средних хозяев, но питание скуднее. Бюджеты середняков (с посевом 3—9 дес., 1—2 лошадьми и 1—3 коровами) были как по доходам, так и по расходам в 1,5—2 раза выше, причем основные расходы шли на питание. У зажиточных дворов расходы на питание составляли от 30 до 50%, но зато другая их половина приходилась на хозяйственные нужды. Чистую прибыль извлекали хозяева только этой группы, у середняков же она случалась только в урожайные годы. Разница в питании, одежде между крайними группами дворов была значительной, но на порядок, другой меньше, чем у горожан.

Степень социальной напряженности, измеряющаяся разницей между уровнем жизни самых бедных и самых богатых групп населения, в России была сравнительно невысокой. Однако недостаточно обеспеченных и недовольных людей было много как в городе, так и в деревне, что создавало почву для распространения влияний радикальных политических партий. Политическую обстановку обострила Первая мировая война.

2 глава НАЧАЛО МОДЕРНИЗАЦИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СТРАНЫ

§1

Промышленность и банковская система страны

В конце XIX в. происходит коренная перестройка российской промышленности на основе новой техники. Среди факторов, обусловивших ее, первостепенное значение имело широкомасштабное капитальное строительство в трех сферах: железнодорожной, промышленной и городской. Для развертывания этого строительства была создана база собственных новых ресурсов — минерального топлива (каменного угля и нефти), металлов, цемента и др., а также база отечественного машиностроения, что свидетельствовало о начале перехода к индустриализации народного хозяйства России.

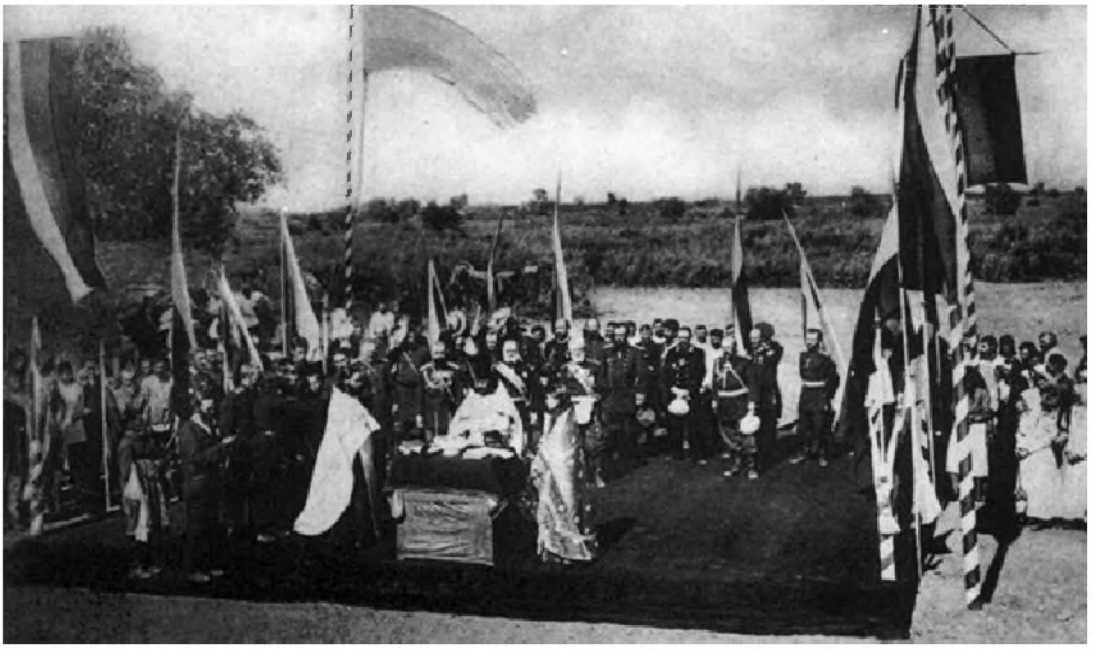
От промышленного бума конца XIX в. через кризис и депрессию к новому подъему

В течение 1893—1900 гг. среднегодовые темпы роста валовой продукции промышленности достигли 8,1%, тогда как в 1887—1892 гг. они составляли 4,9%. Особенно высокими темпами росла тяжелая промышленность, поднявшая производство продукции в 2,3 раза. А ключевые ее отрасли сделали еще больший скачок, увеличив добычу угля и нефти, выплавку чугуна в 3 раза, а производство железа и стали в 2,5 раза. В металлургии произошел настоящий технический переворот, обеспечивший наивысшую выплавку на новых домнах Юга, а на Урале был внедрен ряд иных усовершенствований. Если в 1885 г. внутреннее производство покрывало менее 60% потребления черных металлов, то в 1900 г. — 86%.

Период подъема был сопряжен с бурным ростом строительства железных дорог, обеспечиваемым государственными инвести-

циями. Следует подчеркнуть, что это была политика, учитывающая большую роль железных дорог для будущей индустриализации страны, хотя в начале многие дороги были убыточными. Преодолевая финансовые трудности, правительство в 1893—1904 гг. реализовало огромную программу строительства железных дорог. За 1893—1902 гг. их сеть увеличилась на 27 тыс. км. Кроме дорог, по собственно российской территории в этот период, в соответствии с секретным Русско-китайским договором 1896 г. и последующим соглашением между китайским посланником в России и правлением Русско-китайского банка о предоставлении последнему права постройки железной дороги через Маньчжурию в августе 1897 г., было начато строительство, а 1 июня 1903 г. — состоялось официальное открытие Китайско-Восточной железнодорожной магистрали. Возведение последней потребовало огромных капиталовложений: если стоимость прокладки одной версты Уссурийской железной дороги составляла 64 629 руб., Забайкальской — 77 170 руб., то КВЖД — 152 000 руб. Столь сложен был рельеф местности, по которой она проходила, и столь велики были расходы на доставку необходимых строительных материалов.

В период смуты 1905—1907 гг. темпы железнодорожного строительства несколько спали, но в целом за пятилетие 1905—1909 гг. оставались внушительными — по 1262 км ежегодно. Крупномасштабное железнодорожное строительство, в частности, создание Транссибирской магистрали и Ташкентской дороги, использовалось для развития промышленности, особенно тяжелой, и сельского хозяйства. Государство стало непосредственно осуществлять строительство железных дорог и финансировать их не только за счет заграничных займов, но и общебюджетных средств, что было в мировой практике того времени совершенно исключительным явлением. За 11 лет, с 1893 по 1903 г., в железнодорожное, промышленное и городское строительство было вложено 5,5 млрд руб., что превышало все производственные вложения за предшествующие 32 года почти на четверть, причем доля внутренних капиталов в общей сумме инвестиций поднялась с 45 до 70%. Возводились новые заводы и фабрики, одновременно реконструировались старые. Преображались города, возникали новые рабочие поселки. Все это вызывало повышенный спрос на металл, минеральное топливо и строительные материалы. Производство цемента возросло по стоимости в 3,5 раза, кирпича в 3,4 и лесоматериалов в 4 раза. Стоимость всей продукции тяжелой промышленности с 1892 по 1900 г. увеличилась в 2,5 раза. По добыче минерального



Молебствия в честь открытия работ по постройке Китайско-Восточной железной дороги. 1897 г.

топлива, выплавке металлов и машиностроению Россия вышла примерно на уровень промышленного развития Франции. Медленнее развивалась легкая промышленность, дополнительный рынок для которой создавался за счет вытеснения кустарного производства и домашнего ремесла продукцией крупной индустрии по мере роста городского населения. Хотя к началу XX в. легкая промышленность продолжала преобладать, ее удельный вес за 7 последних лет снизился с 60 до 53,5%, тогда как производство средств производства повысилось с 34 до 46,5%. За тот же период во всей промышленности, судя по выработке на одного рабочего, повысилась на 7,2% и производительность труда.

Разработка новых месторождений сырья на окраинах страны и перемещение к ним обрабатывающей промышленности предопределили возрастание удельного веса Юга, Кавказа, Поволжья и Средней Азии в индустриальном потенциале страны и снижение в нем роли Центрально-промышленного региона, Северо-Запада и Урала.

В начале XX в. общеевропейский кризис поразил и Россию. Факторами, вызвавшими спад промышленности, являлось резкое сокращение железнодорожного строительства и связанных с этим заказов, ухудшение условий мирового денежного рынка, затруднившее получение кредитов, уменьшение иностранных инвестиций, омертвление на складах крупных запасов

сырья и топлива в ходе предыдущего бума. Кризису оказались подвержены те отрасли тяжелой промышленности (металлургия, транспортное машиностроение, производство стройматериалов), продукция которых пользуется спросом во время подъема в новом капитальном строительстве. Они же в большей мере, чем другие отрасли, испытали на себе воздействие последующей депрессии.

Более выгодное положение наблюдалось в отраслях промышленности, выпускающих средства потребления. Их лишь косвенно задело некоторое замедление в условиях кризиса темпов прироста, но падения производства не произошло, наоборот, здесь имел место заметный прирост. А в годы застоя стало сказываться благотворное влияние новых железных дорог на сельское хозяйство, а также увеличение мировых цен на хлеб и на другие виды продовольствия. Более того, в 1907—1908 гг. вырос спрос на предметы личного потребления, поскольку в период революции 1905—1907 гг. произошло повышение, примерно на 20%, зарплаты рабочих и доходов крестьянства (вследствие отмены выкупа земли).

Суммарные показатели состояния производства средств производства (группа А) и производства средств потребления (группа Б) обнаруживают, как это видно из табл. 3, общий рост всей крупной промышленности России в 1901—1908 гг. и ее новый подъем в предвоенное пятилетие.

Таблица 3

Год	Число предприятий (тыс.)	Число рабочих (тыс.)	Валовая продукция (млн руб.)	Прирост продукции (млн руб.)		В том числе, %	
				Абсолютно	%	Группа А	Группа Б
1900	25,3	2043	3173	—	—	—	—
1908	22,6	2475	4351	1178	37	23	45
1913	24,9	2926	6559	2208	51	83	35

Итоговые данные о состоянии всей фабрично-заводской промышленности за 1900—1908 гг. свидетельствуют о том, что производство продолжало развиваться, но весьма своеобразно и противоречиво. Численность рабочих, занятых в промышленности, за это время возросла на 432 тыс. человек или на 21%, а выпуск продукции — на 37%. Опережающий рост продукции по отношению к численности рабочих рук есть прямой показатель того, что наряду с факторами экстенсивного развития промышленного производства в этом проявилась, пусть и в меньшей степени, тенденция к интенсификации. В черной же металлургии, где кризисное, а затем депрессивное (застойное) состояние производства было выражено рельефнее всего и даже был ликвидирован ряд заводов, в том числе 8 на юге России, к 1908 г. повысились (сравнительно с началом века) все его качественные характеристики: энерговооруженность труда, выплавка стали по отношению к выплавке чугуна и т.д. Прогресс в металлургии состоял и в факте опережения технологически оснащенным югом других металлургических районов страны. Энерговооруженность труда здесь в 3,3 раза превышала среднюю по стране. На пяти наиболее крупных заводах юга могло выплавляться две пятых общероссийской выплавки чугуна.

Нечто похожее наблюдалось и в банковско-финансовой среде. К 1908 г. упрочилось положение коммерческих банков: вновь создалась возможность нормального функционирования учетно-ссудных операций. Особенно стремительно развивались крупные петербургские банки. За 1900—1907 гг. удельный вес их капиталов среди активов акционерных банков поднялся с 38 до 57%. Столичные банки становились типичными для эпохи монополистического капитализма финансово-промышленными монополиями.

В отличие от промышленного бума 90-х годов подъем 1909—1913 гг., основные показатели которого отражены в приведенной табл. 3, проходил в условиях формирующегося российского монополистического капитализма. База предвоенного подъема была намного шире, чем в 90-х годах. Значительно возрос основной капитал крупной промышленности, вдвое расширилась сеть железных дорог, почти на столько же увеличилась продукция фабрик и заводов и на 55% — численность рабочих. Столыпинская аграрная реформа способствовала развитию производительных сил крестьянского хозяйства, росту торгового земледелия. Увеличение слоя зажиточных крестьян сопровождалось повышением спроса на сельскохозяйственные машины и орудия, стройматериалы, сортовые

семена и удобрения, а рассасывание аграрного перенаселения посредством перелива избыточных рабочих рук из деревни в город способствовало расширению рынка рабочей силы в стране. Экспорт хлеба, масла и других продуктов дал стране в 1898—1913 гг. 17,4 млрд руб. Наряду с этим накопилось немало средств, которые в условиях кризиса и последующего застоя не вкладывались в расширение производства. В 1908 г. общая сумма отечественного капитала в акционерных компаниях составила 1795 млн руб. против 1187 млн руб. иностранных вложений. Огромный спрос на инвестиции в 1909—1913 гг. был в основном удовлетворен за счет внутреннего денежного рынка. Наряду с упомянутыми выше факторами в предвоенном подъеме промышленности большую роль сыграла гонка вооружений, к которой наша страна по-настоящему приступила позже других государств.

Вследствие всего этого предвоенный промышленный подъем по интенсивности мало чем уступал буму 90-х годов, хотя и был не таким продолжительным. Среднегодовой прирост промышленной продукции в 1893—1900 гг. равнялся 9%, а в 1909—1913 гг. — 8,8%. Отрасли, выпускающие средства производства, увеличили валовую продукцию на 83% (среднегодовой прирост — 16,6%), а специализирующиеся на производстве средств потребления — на 35,3% (т.е. в среднем за год на 6,2%).

Удельный вес продукции тяжелой индустрии в общей промышленной продукции вновь поднялся до 38,5% (а если принять во внимание неучтенные в 1900 г. железнодорожные и военные предприятия — до 41%), т.е. превзошел уровень пика подъема 90-х годов. По темпам роста производства Россия обогнала все передовые страны Запада. Если мировая выплавка чугуна за эти годы увеличилась на 32%, в США — на 20%, в Германии — на 50%, то в России — на 64%. Выплавка же стали в России возросла на 82%, тогда как в Германии — на 50%. На Западе с 1913 г. наметились явные признаки спада, а в России подъем продолжался вплоть до начала Первой мировой войны.

Значительно выросло производство ряда отраслей легкой и пищевой промышленности, особенно тех из них, что удовлетворяли главным образом городской спрос (обувная, табачная, сахарная). Несколько медленнее развивалась самая крупная отрасль российской промышленности — хлопчатобумажная, но все же за 7 лет, с 1906 г., ее продукция увеличилась на 44%, сохранив среднегодовые темпы прироста, достигнутые в условиях подъема 90-х годов. В предвоенные годы существенно окрепла техническая база промышленности, возросла

механизация и энерговооруженность труда. Общее количество механических сил увеличилось более чем в 2 раза, а энерговооруженность труда поднялась с 0,9 до 1,5 л.с. на одного рабочего, или на 67%.

Вместе с крупной фабрично-заводской и горной промышленностью продолжала развиваться и мелкая промышленность, которая включала 150 тыс. предприятий с числом рабочих от 2 до 15 человек. В общей сложности на них было занято около 800 тыс. рабочих, а продукция исчислялась в 700 млн руб.

Наряду с этими мелкокапиталистическими предприятиями насчитывалось 600 тыс. самостоятельных ремесленников, занимавшихся промысловой деятельностью без найма или с одним наемным работником. В зимние месяцы крестьянскими промыслами было занято еще 3,5—4 млн человек.

В отраслях и регионах с высокоразвитой крупной промышленностью мелкая промышленность дополняла крупную, занимая подчиненное положение. В хлебопечении, столярно-плотницком, кожевенно-обувном, шорно-седельном, валяльно-войлочном и швейном производстве мелкая промышленность поставляла на рынок основную массу продукции.

При высоких темпах промышленного развития Россия накануне войны отставала по общему объему валовой продукции от США, Германии, Англии и приближалась по отдельным показателям к Франции. Особенно значительным было отставание от передовых стран по производительности труда и еще большим по уровню производства на душу населения.

Развитие банковской системы

Адекватная развивающейся капиталистической экономике **банковская система** берет свое начало в 1860 г., когда был создан Государственный банк, ставший своеобразным стержнем этой системы, сформировавшейся к концу XIX в. Будучи крупнейшим коммерческим банком империи, Госбанк после денежной реформы 1897 г. стал и центральным эмиссионным учреждением страны, регулирующим ее денежное обращение. Он сосредоточивал золотой запас, выпускал в обращение взамен золота банкноты (кредитные билеты), концентрировал все средства бюджета: доходы зачислялись на счет государственного казначейства и оттуда отпускались по его требованиям; свободные же средства казначейства являлись главным источ-

ником учетно-ссудных операций банка. От центральных банков других стран его отличала особо тесная связь с государственным бюджетом и аппаратом Министерства финансов — он занимался непосредственным кредитованием промышленности и торговли, а также широко использовался для реализации экономической политики государства. Все это проявлялось в длительной поддержке правительством с помощью банка покровительствуемых предприятий и банков, в широком кредитовании хлебной торговли, а затем и в проведении крупномасштабных хлебозалоговых операций, являвшихся предтечей большевистских контрактаций в предколхозной деревне. В 1911 г. на банк было даже возложено строительство широкой сети элеваторов, которое не удалось развернуть из-за начала Первой мировой войны.

Госбанк действовал рука об руку с кредитной канцелярией— подразделением Минфина, которое контролировало все кредитные учреждения, осуществляло операции государственного кредитования, все заграничные расчеты правительства и распоряжалось принадлежащими последнему за границей средствами. Иначе говоря, банк совместно с канцелярией был неким государственно-капиталистическим центром всей кредитной системы России.

Операционный зал в здании Государственного банка в Нижнем Новгороде. 1913 г.

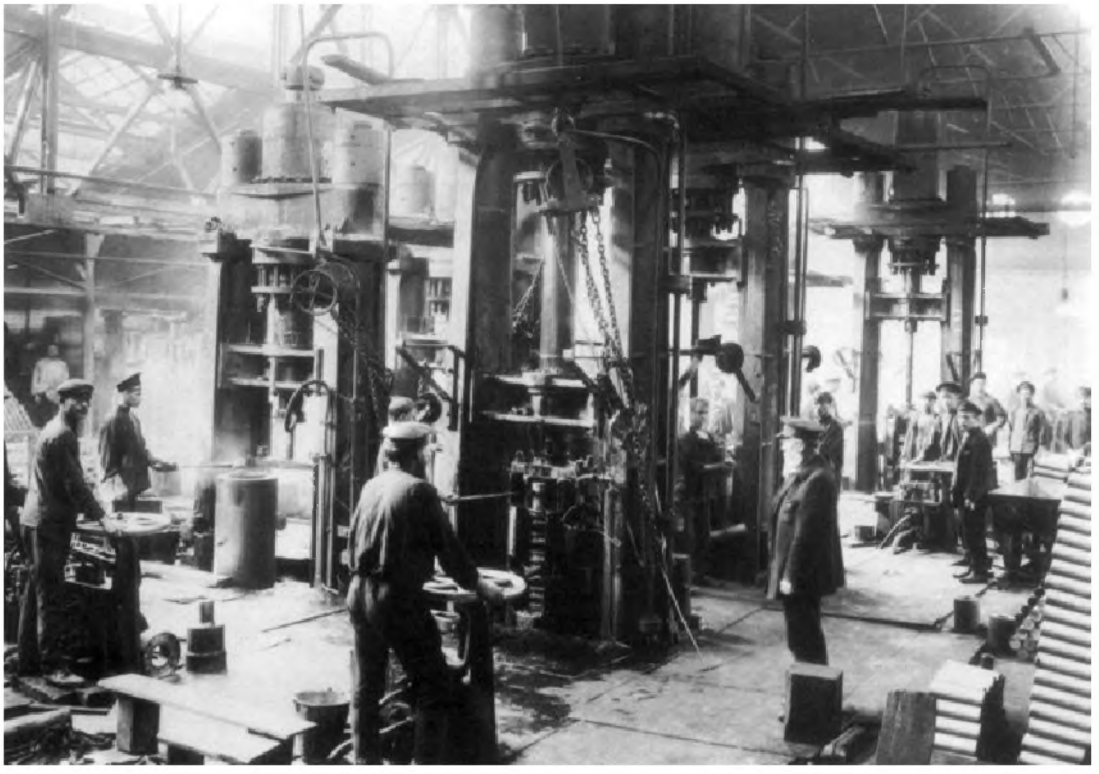
Частные коммерческие банки, в основном, приняли форму акционерных. В годы предвоенного подъема число крупнейших акционерных банков увеличилось незначительно — с 43 до 50, но их активы выросли в 4,5 раза (с 1,1 до 4,9 млрд руб.), что говорило о концентрации банковских капиталов, по части которой Россия опережала страны Запада. Крупнейшими банковскими монополиями были Русско-Азиатский, Петербургский международный, Русский для внешней торговли, Азиатско-Донской и Русский торгово-промышленный банки, которые сосредотачивали 42,6% всех капиталов и 48,5% всех активов 50 акционерных банков. Они распространяли свое влияние на всю территорию империи, имея 418 филиалов.

В состав банковской системы входили также городские банки и общества взаимного кредита — всего 1476 банков и 914 филиалов. На долю Госбанка в этой системе приходилось 16% основных активов (вложений), на акционерные банки — 68%, на общества взаимного кредита — 12% и на городские банки — 4%. После революции 1905—1907 гг. в России стала быстро расти кредитная кооперация, которая к 1914 г. насчитывала 18 тыс. товариществ с 10 млн членов и с 645 млн руб. выданных ссуд.

Монополизация промышленности и формирование финансового капитала

Высокоразвитая банковская система России являлась одним из важнейших факторов, активно влиявшим на процесс монополизации отечественной промышленности. Аналогичное воздействие на этот процесс оказывала и высокая концентрация рабочей силы на русских заводах и фабриках. В 1910 г. на предприятиях с числом рабочих более 500 было занято 53%, а в 1916 г. — 56,5% общей численности рабочих, что превышало показатели других стран. Процессу концентрации производства способствовали использование западного технического опыта и покровительственная политика правительства.

Первые монополистические объединения в России появились еще в 1880—1890 гг., но их более широкое распространение относится к периоду кризиса и депрессии, породившему трудности сбыта продукции. Несколько позже, вслед за низшими формами монополий — картелями и синдикатами — образуются объединения более высокой степени, объединявшие не только сферу сбыта, но и произ-

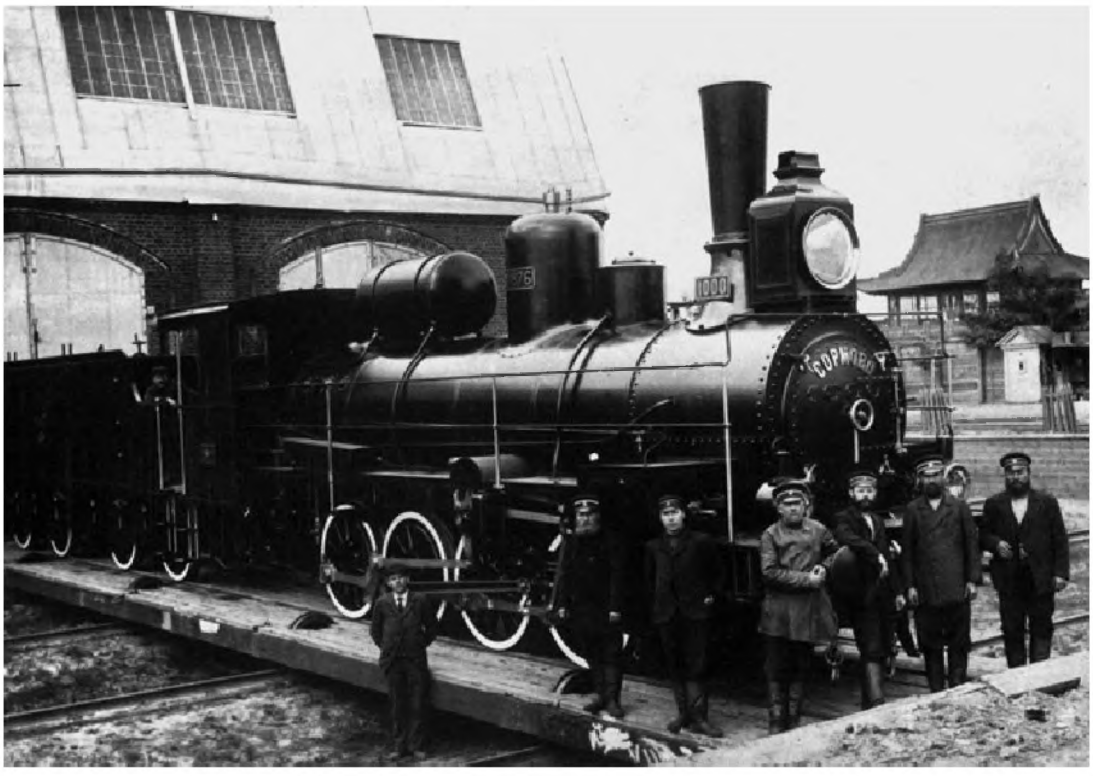


Сормовский завод. В кузнечном цеху. 1910-е годы

водства — концерны и тресты, т.е. монополии с участием обычно крупных банков.

Активнее всего формирование монополий высшего типа происходило накануне Первой мировой войны в отраслях тяжелой индустрии. В нефтяной промышленности к 1914 г. завершилось оформление трех трестов и концернов — группы товарищества «Братья Нобель», группы «Шелл», являвшейся филиалом мирового нефтяного треста «Ройял Датч Шелл», и недавно возникшего концерна «Русская генеральная нефтяная корпорация» («Ойл»). Главную роль в создании корпорации сыграли петербургские банки с Русско-Азиатским и Петербургским международным во главе. Чтобы обойти препоны на пути организации подобного объединения в России, они учредили головное контрольное общество концерна под видом английской фирмы в Лондоне.

Под финансовой эгидой отечественных банков перед войной создавались крупные тресты и концерны в военной и металлообрабатывающей промышленности. Русско-Азиатский банк являлся организатором крупной военно-промышленной группы из восьми контролируемых им предприятий (общества Путиловских заводов, товарищества Невского судостроительного и механического завода и др.), а также чисто металлур-



Тысячный паровоз Сормовского завода. 1905 г.

гических обществ Тульских чугуноплавильных заводов и аналогичного Новороссийского общества.

Несколько российских монополий такого же типа являлись ответвлениями иностранных концернов (в частности, дочерними предприятиями германских электроконцернов).

Существенно ниже был уровень монополизации в легкой промышленности. Здесь возникали преимущественно объединения по сбыту — картели и синдикаты. Два картеля ситцевых фабрикантов сложились в Москве и Иваново-Вознесенске. Они особым договором были связаны с лодзинскими ситцевыми магнатами. В пищевой промышленности существовали синдикат «Дрожжи», соляная и сахарная монополии, табачный трест.

В водном транспорте (морском и речном) возникло 20 монополий. В морском транспорте на Черном и Азовском морях монопольное положение занимало «Русское общество пароходства и торговли» («Ропит»).

Возникали и концерны, в которые входили предприятия нескольких отраслей промышленности и даже торговли, подчас слабо связанных в производственном отношении. Таковым, к примеру, являлся концерн И. Стахеева, объединявший предприятия разного профиля (металлургические заводы

Урала и Подмосковья, 8 текстильных фабрик, мукомольную промышленность, а также хлебную торговлю).

Объединял подобные монополии главным образом финансовый контроль со стороны одного или группы банков. Нередко для усиления контроля заключалась личная уния — в таком случае ряд заводов или банков возглавлял один человек. Так, председатель правления Русско-Азиатского банка А. Путилов одновременно являлся председателем правления 12 крупнейших акционерных обществ («Нефть», Путиловских заводов и др.) и членом правления 38 других компаний.

А. Путилов, И. Стахеев и подобные им деловые люди олицетворяли собою финансово-промышленную олигархию России, которая стояла во главе банков, монополий и была тесными узами связана с элитой чиновничьего мира. Кроме названных лиц, представителями этой олигархии являлись Н. Авдаков, Н. Второв, А. Вышнеградский (сын бывшего министра), Б. Каменка, П. Рябушинский и др.

В число финансово-промышленных магнатов входили также министры (В. Тимирязев, П. Барк), крупные сановники империи, представители знати — князь А. Голицын, граф В. Бобринский, барон Г. Гинцбург, граф А. Татищев и др.

§2

Сельское хозяйство страны

Состояние сельского хозяйства

Основными факторами, определявшими состояние сельского хозяйства России в начале XX в., были, как и прежде, рост общественного разделения труда и на этой базе — развитие капитализма. Вместе с тем, на хозяйственную жизнь деревни оказывали воздействие и такие новые обстоятельства, как натиск крестьян на помещичье землевладение в 1905—1907 гг. и, в качестве ответной реакции на него власти, государственно-капиталистическое регулирование поземельных отношений на путях столыпинской аграрной реформы, а также рост цен на сельскохозяйственную продукцию на мировом и внутреннем рынках.

Под влиянием перечисленных явлений **Россия к началу мировой войны выходит на первое место в мире по объему сель-**

скохозяйственной продукции, сохраняя достигнутый уровень развития аграрной сферы и в первые два года самой войны. Валовые ежегодные сборы зерна увеличились с 1901—1905 гг. по 1909—1913 гг. с 3,8 млрд пудов до 5 млрд, а всех хлебов на душу населения — с 400 до 450 кг. А в последний предвоенный год был достигнут рекордный урожай в 5,6 млрд пудов, что составило 550 кг на душу населения. При населении, составляющем 8% от численности людей в мире, страна производила 25% пшеницы, 52% ржи, 38% ячменя и более половины мировых сборов свеклы и до 80% льна. Увеличились и сборы других культур, в особенности технических: картофеля, табака, подсолнечника, конопли и т. п. Животноводство стало пополняться улучшенными породами скота, повышалась его продуктивность, но поголовье сокращалось. Значительное развитие получило маслоделие, особенно на Европейском Севере и в Западной Сибири. Сельское хозяйство в целом становилось более доходным. По подсчетам С. Прокоповича доход от зерновых и технических культур с 1900 по 1913 г. возрос почти вдвое, а от скотоводства даже больше (на 108%).

Все отрасли сельскохозяйственного производства продолжали базироваться на двух основных типах хозяйств — помещичьих и крестьянских. По исчислениям В. Немчинова, накануне Первой мировой войны на 5 млрд пудов хлеба в помещичьем хозяйстве производилось 600 млн пудов, или менее 12%. Но на хлебном рынке страны роль помещичьих экономий была заметнее вследствие их высокой товарности (47% от валового сбора) — 22% товарного зерна. Особенностью развития помещичьего хозяйства было то, что крупные латифундии, на долю которых в 1916 г. приходилось свыше 74% общей площади посевов помещиков, являлись, как правило, и крупнейшими очагами концентрации капитала в земледелии.

В крестьянской среде предпринимательское хозяйство вели главным образом зажиточные дворы, доля которых возрастала. Составляя не более 15—20% деревенского населения, они производили около 40% валового сбора и 50% товарного зерна, поскольку помимо значительных массивов надельной земли, они сосредоточили в своих руках до 80—90% купчих и почти половину арендованных земель. В массе средних и мелких хозяйств происходили подвижки как вниз, в сторону сельской бедноты, так и вверх, в сторону зажиточных хозяев. Рост населения и разделы семейств разных социальных групп деревни сокращали размеры надельного землепользования

Крестьяне-переселенцы в низовьях Волги. Конец XIX в.

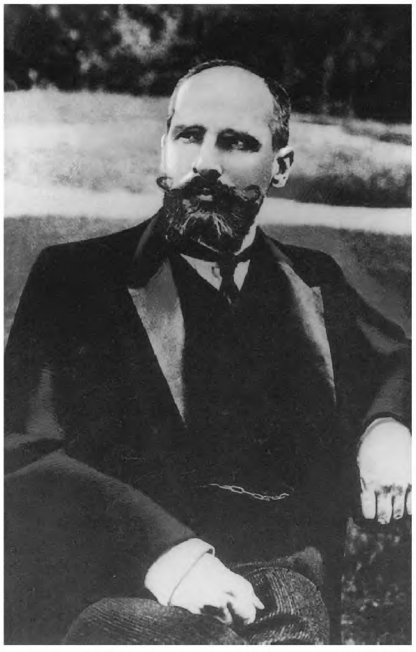
крестьянства и усиливали процесс обезземеливания его низших групп. Все это в сочетании с воздействием рынка как стихийного регулятора товарно-денежных отношений порождало социальную напряженность и экономическую неустойчивость в деревне, рост недовольства ее бедняцкой прослойки.

Другим источником осложнений в развитии аграрной сферы народного хозяйства являлось исчерпание экстенсивных методов хозяйствования в земледелии в связи с невозможностью расширения посевных площадей в европейской части страны. В 1900—1914 гг. прирост площади посевов в черноземной полосе, главным образом в ее южных губерниях, составил всего 8%, тогда как в центральных распахивали луга и сенокосные угодья, что влекло за собой ухудшение условий для животноводства.

Подготовка и проведение реформы аграрной сферы

Мысли относительно реформирования поземельных отношений в крестьянской среде возникали в правительственных кругах еще в 70—90-е годы XIX в. Критиками общинных порядков, тормозивших прогрессивные сдвиги в пореформенном крестьянском хозяйстве России, и сторонниками предоставления крестьянам свободного выхода из общины выступали в эти годы

На Челябинском переселенческом пункте. 1908 г.



П. Столыпин

министр внутренних дел, позднее — государственных имуществ, затем председатель Комитета министров П. Валуев, министр финансов и председатель Комитета министров Н. Бунге, министр двора И. Воронцов-Дашков, а также министр земледелия и государственных имуществ А. Ермолов. Но тем деятелем, которому удалось сделать первые шаги в этом направлении, стал министр финансов С. Витте. Назвав главной причиной, диктующей необходимость реформ, низкую налогоспособность российского крестьянства, он предложил созвать Особое Совещание по выработке мер для улучшения крестьянского благосостояния.

Под впечатлением неурожая 1901 г. и последовавшего за ним в ряде губерний голода правительство и царь должны были ускорить решение этого вопроса. В январе 1902 г. Николаем II были подписаны указы об учреждении двух комиссий по аграрному вопросу, возглавляемых министрами — внутренних дел Д. Сипягиным и финансов С. Витте, — задачей которых являлось привести в соответствие российское аграрно-крестьянское законодательство с социально-экономической эволюцией деревни. Одновременно над проектами по данной проблеме работали комиссии Министерств внутренних дел и земледелия, в которых активно участвовали хорошо знающие существо дела сановники — В. Гурко, А. Риттих, А. Кривошеин и др.

Разработанные в этих комиссиях проекты предусматривали основные элементы будущей реформы: предоставление крестьянам выхода из общины и передачу им земли в собственность, введение свободного переселения за Урал и в другие районы, увеличение продажи крестьянам земли через Крестьянский банк. Ряд из этих мер в 1903—1904 гг. были провозглашены Манифестом 23 февраля 1903 г., мартовским 1903 г. законом об отмене круговой поруки и законом 6 июня 1904 г. о свободе крестьянских переселений.

Таким образом, аграрная реформа разрабатывалась в течение нескольких лет специальными комиссиями и совещаниями, а не была плодом деятельности одного человека. Неверным в данной связи является и утверждение будто реформы у самодержавия вырвала революция, утверждение, бытовавшее не только в советское время, но и воспроизводимое нередко в современной исторической литературе. Дело в том, что, во-первых, Николай II и правительство одобряли еще в 1903—1904 гг. главные направления будущей реформы, во-вторых, крестьяне требовали совсем другого — ликвидации помещичьего землевладения.

Но решительно и последовательно принялся проводить в жизнь разработанные в основе своей проекты преобразований П. Столыпин, назначенный в апреле 1906 г. министром внутренних дел, а в июле того же года — Председателем Совета министров [⬇].

Через полтора месяца после назначения на пост премьера Столыпин опубликовал предварительное сообщение, в ко-

---

Петр Аркадьевич Столыпин (1862—1911) *— выдающий государственный деятель и реформатор. Обладая глубоким умом, он хорошо осознавал необходимость укрепления российской государственности, умело ориентировался в стратегических и тактических вопросах внутренней политики. Он считал обязательным проведение комплекса коренных реформ одновременно с установлением надлежащего порядка в стране. Обладая личным мужеством, решительным и настойчивым характером, мог энергично действовать в критических условиях, сознавая в то же время необходимость идти на разумные компромиссы с оппозиционными партиями и группировками, или, как он сам выражался, проводить «равнодействующую линию» большой политики. Прекрасный оратор, он кратко и образно излагал самые сложные вопросы, не упуская случая дать достойную отповедь своим политическим противникам: «Вам нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия!»*

Только большая воля, властность, сопряженная с напористостью, и хорошее знание деревни позволили Столыпину смело и решительно настоять на проведении реформы, добиться согласия царя и начать реализацию преобразований.

тором среди намеченных реформ, помимо мероприятий по улучшению крестьянского землевладения и землепользования, значились: введение всеобщего начального образования, реформа средней и высшей школы, гражданское равноправие, неприкосновенность личности, отмена волостного крестьянского суда, введение волостного земства и др.

Сама аграрная реформа также включала комплекс мер, большинство которых осуществлялось одновременно с выходом из общины и землеустройством. Это — **передача крестьянам части казенных и удельных земель, увеличение ссуд Крестьянского банка, введение личной собственности крестьян на землю, отвод и создание единоличных (хуторских и отрубных) участков; коренное изменение правового и социального положения крестьянства; организация системы мер по агрономической помощи земледельцам, по устройству переселенцев, значительному увеличению ассигнований на начальное и среднее образование, в том числе специальное сельскохозяйственное, и ряд других.**

Прежде чем вести речь об осуществлении столь масштабного замысла, стоит выяснить цели столыпинского реформирования деревни. В нашей литературе давно сложилось и поныне продолжает бытовать мнение о том, что Столыпин преследовал двоякую цель: во-первых, разрушить общину и во-вторых, создать тем самым новую социальную опору самодержавию в лице сравнительно широкого слоя крестьян-собственников. Есть и несколько иная точка зрения, согласно которой разрушение общины рассматривается в качестве вспомогательной задачи на пути к достижению основной цели — созданию экономически устойчивых хуторских и отрубных крестьянских хозяйств посредством расчистки крестьянских земель от «слабых» в пользу «сильных», решить таким образом проблему первоначального накопления капитала в деревне.

Анализ нормативных документов по данному вопросу, а также хода самой реформы позволяет утверждать, что для столыпинской команды реформаторов разрушение общины ни в экономическом, ни в политическом плане не являлось самоцелью, или, как выражался один из ближайших сподвижников и продолжателей дела Столыпина — главноуправляющий землеустройством и земледелием А. Кривошеин, — ломка общины — «не аграрная панацея».

Емкую и весьма лапидарную формулировку основных целей столыпинской реформы содержит особый журнал Совета министров от 10 октября 1906 г., посвященный выработке плана земельных преобразований, который вскоре увидел свет

в форме **правительственного указа от 9 ноября 1906 г.** «О дополнении некоторых постановлений действующего Закона, касающегося крестьянского землевладения». «Новый политический порядок в нашем отечестве для своей прочности и силы нуждается в соответственных экономических основах и, прежде всего, в таком распорядке хозяйственного строя, который опирался бы на начала личной собственности и на уважение к собственности других, — говорилось в документе. — Только этим путем создана будет та крепкая среда мелких и средних собственников, которая повсеместно служит оплотом и цементом государственного порядка».

Иначе говоря, разрушение общины было одним из средств осуществления столыпинской реформы, нацеленной: а) в социально-экономическом отношении — на обеспечение подъема сельского хозяйства страны, на повышение благосостояния крестьянства как основной его производительной силы; б) в политическом плане — на расширение социальной базы власти, укрепление российской государственности.

О том, что ломка общины и насаждение частной собственности на землю в крестьянской среде имели не самодовлеющее, а подчиненное указанным целям значение, свидетельствует также факт смены акцентов в столыпинском аграрном курсе на втором этапе его реализации, факт, который долгое время замалчивался в отечественной историографии и продолжает замалчиваться отдельными исследователями и в наши дни. Если на начальной стадии проведения столыпинской перестройки, охватывающей 1907—1909 гг., главным направлением ее были мероприятия, предполагающие ослабление позиций деревенской общины и укрепление крестьянами земли в частную собственность, то на последующем, втором, этапе, датируемом 1910—1914 гг., центр тяжести правительственной политики стал постепенно смещаться на землеустройство не только вышедших из общины домохозяев, но и целых деревень, проводивших размежевание надельных угодий при сохранении общинного землевладения, а равно селений с подворным землепользованием.

Не менее убедительным в том же отношении является сопоставление общей численности хозяйств, подавших заявление о выходе из общины и об укреплении земли в собственность, и заявлений, поданных с 1907—1915 год включительно, когда осуществление реформы в связи с войной затормозилось. В то время как за весь период проведения реформы ходатайства о выделе из общины (вместе с заявлениями от передельных общин) подали 3,4 млн домохозяев, заявления относительно зем-

леустройства поступили от значительно большей массы крестьян, насчитывающей 6,2 млн домохозяев. А это означает, что наиболее отвечающими умонастроениям крестьянства мерами правительственной политики стали не те, что были нацелены на ослабление общинных устоев, сковывающих инициативу и самодеятельность наиболее предприимчивых домохозяев, а широкомасштабные землеустроительные работы, которые позволяли существенно повысить агрокультурный уровень крестьянского хозяйства не только предпринимательского (основанного на наемном труде), но и трудового типа.

В данной связи, думается, правы те наши и западные историки, которые считают, что если оценивать результаты реформы не числом созданных хуторов и отрубов, а также не масштабами роста сельскохозяйственного производства, а числом крестьян, которые ходатайствовали о проведении внутринадельного размежевания и надлежащего землеустройства (неважно единоличного или группового), можно намного лучше, объективнее представить действительное отношение крестьян к столыпинской перестройке поземельных отношений. Тот факт, что к 1916 г. около половины крестьянских дворов тех регионов, где реформа проводилась (а ее действие не распространялось на общинные наделы казаков, а также инородцев и колонистов), искали той или иной помощи от государства в реорганизации своего хозяйства, говорит сам за себя.

Однако не следует, разумеется, сбрасывать при этом со счетов ни масштабов, ни эффективности насаждения хуторов и отрубов, ни тем более воздействия всей совокупности реформаторских действий властей на состояние сельскохозяйственного производства. Согласно официальным данным на 1 января 1916 г. была отведена в единоличное владение земля почти 1210 тыс. домохозяевам 47 губерний Европейской России, что составляло немногим более десятой части общего числа крестьянских хозяйств, зарегистрированных здесь переписью 1916 г. Столь скромные масштабы строительства хуторских и отрубных хозяйств объясняются психологической и иной неподготовленностью крестьянства к радикальному переходу на новые условия хозяйствования, противодействием общины этому переходу и ограниченными возможностями государства оказать необходимую помощь в благоустройстве выделенцев из общины. Однако, если к хуторянам и отрубщикам прибавить остальных домохозяев, воспользовавшихся правом выхода из общины как на основании указа 9 ноября 1906 г., так и Закона от 14 июня 1910 г., то получим цифру в 2 с лишним раза большую — почти 2,5 млн дворов, или 26,9% общинни-

ков. Но из них 914 тыс. сразу же продали свои наделы, чтобы переселиться за Урал, переехать в город или купить землю через Крестьянский банк. Удельный вес выходцев из общин был особенно высок в новороссийских губерниях — до 60%, Правобережной Украине (до 50%) и в ряде центральных губерний: Самарской (49%), Курской (44%), Орловской, Московской (31%). Таким образом, больше всего был выход в районах сравнительно развитого капитализма и в местностях острого малоземелья, где наделы не обеспечивали земледельцам прожиточного минимума.

При оценке общих итогов реформы следует обязательно учитывать и масштабы землеустройства, которое для крестьян имело еще большую привлекательность, чем выход из общины. Работы по внутринадельному размежеванию начали проводиться после издания указа 4 марта 1906 г. о землеустройстве, но широкий масштаб они приобрели после принятия **закона 29 мая 1911 г.**, который установил, что проведение землеустройства и передача землеустроенного участка в собственность не требовали предварительного выхода из общины (а это было необходимым условием до издания закона 1911 г.).

Вот почему после 1911 г. кривая числа заявлений о выходе из общины резко пошла вниз, но еще сильнее возросло количество заявлений о землеустройстве. И если на 1907—1910 гг. пришлось 75% всех выходов из общин, но только 36% землеустроенных дворов, а заявления о землеустройстве подали 2 млн домохозяев, то в 1911—1915 гг. таких заявлений было уже 4,2 млн, что в 2 с лишним раза превышало численность заявлений о выходе из общины.

Целью землеустройства являлось улучшение землепользования не только выходцам из общин, но целым общинам и группам дворов, пожелавшим провести внутринадельное размежевание без выхода из состава сельского общества. К 1915 г. из 6,2 млн заявивших о землеустройстве, акты об отводе участков были утверждены 2,4 млн домохозяевам и еще 1,1 млн участков отведены в натуре. Общая площадь землеустроенных хозяйств составила 21,3 млн десятин, что превосходило территорию Италии. Начавшаяся война помешала продолжению работ. Кроме того, она лишила правительство возможности распространить действия реформы на активно заселяемые в этот период окраины страны. А именно в этих районах тяга крестьян к обретению надельной земли в собственность была особенно сильной. Так при обследовании в 1911 г. хозяйств старожилов-стодесятинников далекой Приморской области выяснилось, что на вопрос анкеты, желает ли

тот или иной хозяин выделиться из общины, чтобы получить надел в личную собственность, ответили 71,5% всех дворовладельцев, и из них 77,2% высказались за выдел, а за сохранение прежнего порядка землепользования только 22,8%.

Показательно и то, что к числу противников выдела чаще всего принадлежали домохозяева, опасавшиеся потерять захваченные ими заимки, которыми они пользовались на правах захвата до размежевания и которых они могли лишиться при разделе. Вот почему представляется, по меньшей мере, дискуссионным общепринятый в советской историко-аграрной литературе тезис об активной поддержке внутринадельного размежевания сибирскими и дальневосточными кулаками, которые имели большие заимки и давно вели хозяйства хуторского типа.

Наряду с выделами крестьян из общины и землеустройством **важным компонентом столыпинской аграрной реформы являлась активизация переселенческой политики царского правительства.** От курса на ограничение переселений за Урал власть перешла к фактически полной свободе переселений (сохранялось только условие посылки ходока для предварительного зачисления участка земли, но и оно в ходе реформы было отменено). Переселение было призвано обеспечить землей малоземельных крестьян центра России. На новом месте переселенцы по закону могли получить 15 дес. удобной земли и 3 дес. леса на душу мужского пола. Действительные наделы были близки к этим нормам и достаточны для проживания и производства товарной продукции, но в первые годы новоселам, чтобы обзавестись своим хозяйством, часто приходилось наниматься в батраки к старожилам. Обследования их дворов показали, что с течением времени (от 3 до 7 лет) положение новоселов значительно улучшалось, среди них тоже выделялся слой зажиточных хозяев.

В деятельности по регулированию переселенческого движения второй этап реализации столыпинской перестройки охватывал 1911—1914 гг., когда при сокращении наплыва мигрантов много было сделано для повышения качества их обустройства. Тщательнее стал проводиться отвод участков, больше строилось дорог, школ, больниц, церквей. Значительно увеличились размеры домообзаводческих ссуд. А главное, они стали дифференцироваться по районам, в зависимости от отдаленности и остроты положения с хозяйственным освоением некоторых из них. При этом для районов сравнительно неплохо освоенных ссуды отменялись, зато в остальных они колебались от 100 до 400 руб. Для приграничных с Китаем и

Японией Семиречья и Дальнего Востока устанавливалась высшая квота ссуды, причем для переселенцев 50% ее обращалось в безвозвратное пособие. Всего на нужды переселенцев в 1906—1915 гг. было отпущено 223 млн руб., что вдвое перекрывало сумму затрат государства на содержание землеустроительных организаций и помощь в землеустройстве крестьянству на территории Европейской России.

Всего по данным официальной регистрации в годы реформы за Урал переселилось более 3 млн человек. За счет переселения здесь выросли тысячи новых сел. Уже к 1911 г. только в Сибири были освоены 30 млн дес. целины, резко вырос вывоз хлеба, мяса, масла и других продуктов в города страны и заграницу.

Важной составной частью реформы была перестройка работы Крестьянского банка с ориентацией на нужды модернизации крестьянского хозяйства.

О том как работал банк на этом поприще, можно судить по тому, как распределялись крестьяне-клиенты его в зависимости от размеров их землевладения до и после покупки земли в течение всего периода проведения в жизнь столыпинских преобразований (табл. 4).

Таблица 4

Группы домохозяев-клиентов банка по размерам землевладения	До покупки		После покупки	
	Число домохозяев	%	Число домохозяев	%
Без земли	146170	15,9	—	—
От 0,1—3 дес.	250401	27,2	67544	7,3
От 3—9 дес.	371202	40,2	328635	36,1
От 9—15 дес.	107812	11,7	252000	27,6
Свыше 15 дес.	44651	5,0	255527	29,0
Итого	**920236**	**100,0**	**903706**	**100,0**

Итак, главный контингент покупателей земли был представлен низшим слоем деревни — безземельными и малоземельными хозяйствами, доля которых составляла 43,1%. Вследствие подвижек, произошедших после покупки, в землеобеспеченности клиентов банка главенствующее положение

перешло к мелким (с 3—9 дес.) и средним (с 9—15 дес.) хозяйствам — 63,7% дворов, прибегших к услугам банка. Следовательно, под воздействием банка (а он стал одним из основных инструментов реализации столыпинской реформы) росло преимущественно трудовое крестьянское хозяйство. Одновременно серьезные перемены происходили в крайних группах: низшей, удельный вес которой упал почти в 6 раз, и высшей, чья доля в такой же степени выросла. Налицо переплетение в среде крестьян-клиентов банка разнородных социальных процессов: с одной стороны, подъем материального благосостояния бывших безземельных и малоземельных хозяев и рост на этой почве трудового хозяйства середняцкого типа, а, с другой стороны, еще более быстрого увеличения численности и удельного веса хорошо обеспеченных землей крестьян, обретающих с помощью банка возможность перестраивать свое хозяйство на предпринимательский лад.

Результаты реформы и превратности ее судьбы

Столыпинским преобразованиям «не повезло» ни в практике проведения, ни в изучении их опыта и уроков как современниками, так и последующими поколениями историков. Разразившаяся Первая мировая война вынудила правительство резко ограничить мероприятия реформы тогда, когда общество стало ощущать первые ее плоды, а порожденная войной революция и вовсе на многие десятилетия сняла с повестки дня поставленный Столыпиным вопрос об обеспечении возможности «способному, трудолюбивому крестьянину... укрепить за собой плоды трудов своих и представить их в неотъемлемую собственность».

В историографическом плане объективному освещению этой темы всегда мешала крайняя политизация суждений, возникшая в среде современников реформы и дожившая, при всех перепадах к ней исследовательских интересов, до наших дней. Более того, нынешняя поляризация мнений, высказывающихся историками и публицистами в связи с проблемами модернизации аграрного сектора экономики постсоветской России, по существу повторяет то, что имело место в годы самого столыпинского землеустройства, тенденциозно переиначенного его хулителями в «землерасстройство».

Особенно не жаловали эту тему отечественные исследователи советского времени, когда господствующим стало мнение, будто столыпинским начинаниям изначально был

уготован провал, поскольку они якобы преследовали антинародные цели сохранения помещичьего землевладения и укрепления социальной опоры отжившего свой век самодержавия. При всем плюрализме взглядов на наше прошлое, сложившаяся в постсоветской историографии, эта точка зрения бытует и поныне.

Однако наряду с традиционной аргументацией версии краха реформы, отдельные ее сторонники все больший акцент делают на том, что столыпинская перестройка безнадежно запоздала. Довод этот отнюдь не нов. Известно, что значительное опоздание в начинаниях по земельному обустройству крестьянства признавал и сам Столыпин. «Во время путешествия по Сибири со Столыпиным плыли по Иртышу, я слышал, — вспоминал И. Тхоржевский, служивший тогда начальником канцелярии Главноуправляющего земледелием и землеустройством, — из уст Столыпина, разговорившегося при мне с Кривошеиным: «...Когда в 1889 г. министр граф Д. Толстой вводил в деревне земских начальников, сохраняя крестьянскую общину и юридическую обособленность крестьянского земельного строя — обособленность, граничившую с крестьянским бесправием, вот тогда надо было бы начать нынешнюю работу по крестьянскому землеустройству: создать из местных людей нынешние землеустроительные Комиссии. Вот если бы так получилось, — продолжал Столыпин, — тогда я был бы спокоен за будущее России. А то мы потеряли с устройством крестьян 20 лет, драгоценных лет, и надо уже лихорадочным темпом наверстывать упущенное. Успеем ли наверстать. Да, если не помешает война».

Опасения относительно успеха своего начинания реформатор провидчески связывал главным образом с назревавшей в мире войной, хотя несколько раньше говорил о необходимости для государства двадцати лет покоя не только внешнего, но и внутреннего. Судьбе оказалось угодно не только не дать этого России, но и оставить всего несколько лет жизни самому Петру Аркадьевичу.

Чтобы воссоздать картину реальных перемен, которые несла столыпинская реформа сельскому хозяйству России, необходимо выявить те подвижки, что происходили в недрах крестьянских хозяйств, которые воспользовались возможностью выйти из общины и получить землю в собственность. Это несложно сделать потому, что Главное управление земледелия и землеустройства провело сплошное подворное обследование таких хозяйств 12 уездов разных районов страны с целью выявления хозяйственных изменений, произошедших в них в первые годы после землеустройства. Изучению подвергались хозяйства,

приступившие к хозяйственной деятельности в новых условиях (т.е. после землеустройства), не позже весны 1911 г., или, иначе говоря, просуществовавшие в этих новых условиях к началу обследования не менее трех полевых периодов времени, по мнению его организаторов, вполне достаточного для адаптации крестьян к новым условиям хозяйствования и для того, чтобы изменения, которые надлежало зафиксировать, успели так или иначе проявиться. Всего таких дворов оказалось 22399, причем большинство из них (17567) существовали на бывшей надельной, а 4882 — на банковской и казенной земле. Достаточно широкие территориальные рамки переписи, а также относительно крупный массив единоличных хозяйств, подвергшихся изучению, предопределили сравнительно высокую степень репрезентативности полученных сведений. Заодно стоит коснуться и вопроса об их объективности. Это тем более важно потому, что исследователями они надлежащим образом не анализировались, поскольку априори допускалось: раз эти сведения собирались и обрабатывались под эгидой правительственных структур, степень их достоверности не может не желать лучшего.

Такая оценка материалов источниковедчески ничем не обоснована. А между тем есть свидетельства, говорящие в пользу достоверности этих сведений. В частности, руководитель германской правительственной комиссии, изучавшей в 1911—1912 гг. опыт проведения аграрной реформы в России, профессор О. Аухаген отмечал, что в вопросах проверки данных, специально касающихся жизни хуторских и отрубных хозяйств, он и его коллеги по комиссии «предприняли осмотр на местах и убедились, что новоустроенные отдельные дворы не являются потемкинскими деревнями».

Что же показало это обследование? Во-первых, абсолютное большинство обследованных хозяйств в результате землеустройства добилось качественного улучшения землепользования: после землеустройства свыше 75% всех дворов получили полевые угодья (не считая усадеб) в одном участке, тогда как раньше 3/4 дворов имели землю не менее, чем в 6 полосах. До землеустройства будущие хуторяне и отрубники пользовались наделами дальше 1 версты от усадьбы, а каждый третий из них дальше 5 верст. После укрепления земли в собственность каждый второй хозяин получил ее ближе версты от усадьбы.

Во-вторых, и это особенно показательно, даже за небольшой срок деятельности в новых условиях хозяйства хуторян и отрубников смогли существенно превзойти показатели, которые характеризовали уровень их материального благосостояния и

агрикультуры до землеустройства. Общая стоимость построек и инвентаря у них в среднем выросла на 27,7%, в том числе только инвентаря — на 40% у хозяйств на бывшей надельной и в 2 с лишним раза у тех, кто обзавелся казенной и банковской землей. Свыше 40% хозяев произвели на своих участках мелиоративные работы стоимостью в среднем 53 руб. на двор. А количество дворов с травопольным и многопольным севооборотами увеличилось в 4 раза.

Урожайность хлебов за 1912 и 1913 гг. в землеустроенных хозяйствах, подчеркивалось в сводке этих сведений, по всем видам культур оказалась выше, чем в сельских обществах, сохранивших чересполосное владение и нередко превзошла частновладельческие. Кстати, и обследования более позднего советского времени тоже зафиксировали, что хозяйства столыпинских поселенцев отличались от хозяйств общинников большей эффективностью и устойчивостью. Так, обследование 35 хуторов одной из волостей Тульской губернии, проведенное в 1920 г., выявило, что все они даже после значительных земельных потерь, понесенных ими от «черного передела» 1918 г., «вполне сохранили свою жизнеспособность, обладают превосходным живым и мертвым инвентарем, и культура земледелия их стоит еще так высоко, что, несмотря на полный неурожай в окрестных селах, хуторяне собрали урожай лишь незначительно меньший, чем в прошлые годы».

В свете этих данных не выдерживает критики бытующий в современной отечественной историографии вывод о том, что народнохозяйственный эффект у реформы был небольшой, и что сумятица и неразбериха, внесенные ею в жизнь общины, мешали распространению многополья на крестьянские земли. Статистические данные свидетельствуют, что реформа не только не тормозила процесс замены традиционного трехполья многопольными севооборотами, но придала ему мощный импульс. Если за 1901—1912 гг. среднегодовой прирост площадей под кормовыми травами в Европейской России составлял 36,2 тыс. дес., то в последующее четырехлетие, когда результаты столыпинского землеустройства проявились гораздо сильнее, он уже равнялся 169 тыс. дес., т. е. темпы роста увеличились почти в 5 раз.

Воспроизведенные и многие другие факты, а также данные статистики говорят о том, что не только сама идея реформирования поземельных отношений на принципах частной собственности, но и прямые результаты ее реализации несли в себе крупный заряд общественного прогресса. В то же время этот заряд был столь разносторонен и мало предсказуем, что

реформа приносила свою позитивную отдачу и там, где ее меньше всего ожидали. К числу таких сюрпризов столыпинского землеустройства относилось его благотворное воздействие на **кооперирование крестьянских хозяйств.** Данные подворного обследования хуторов и отрубов 12 уездов показывают, что выход крестьянина из общины и превращение его в собственника земли, будучи действенным импульсом во всей его хозяйственной деятельности, не только не гасил, а, наоборот, стимулировал рост стремления мелкого земледельца к объединению в кооперативы. Если до землеустройства удельный вес членов кооперации среди хуторян составлял всего 6,8% , отрубников — 24,7% , то после землеустройства он поднялся соответственно до 22,3 и 52,4% . Столь существенное увеличение за несколько пореформенных лет удельного веса кооперированных хозяйств среди тех, кто реализовал представившуюся возможность получить землю в собственность, вполне объяснимо. Порывая с общиной, служившей крестьянину традиционным средством его социальной защиты, выделенец искал и находил в кооперации новую и притом более устраивавшую его как мелкого собственника и товаропроизводителя форму защиты своей самостоятельности в рыночных отношениях.

Да и крестьянин-общинник, в массе своей ведущий трудовое хозяйство, по мере вовлечения в рыночные отношения тоже нуждался в кооперации как объединении, способном оградить его самостоятельность в рыночных связях и как производителя, и как потребителя. Во многом поэтому столыпинская реформа, подтолкнув развитие товарного рынка внутри страны и способствуя вовлечению сельского хозяйства страны в мировые рыночные связи, во времени совпало с периодом невиданно быстрых темпов становления кооперативной сети в России в целом и в ее деревне в особенности.

Примечательно и то, что в годы столыпинской аграрной реформы в России формируется государственно-кооперативная система сельскохозяйственного кредита, обеспечившая в канун Первой мировой войны такой высокий уровень инвестиций в аграрную сферу экономики, который в дальнейшем уже никогда не был превзойден.

Интегральным выражением прогресса, имевшего место в аграрной экономике страны в годы реформы, служат показатели внутреннего сельскохозяйственного товарооборота, который по данным статистики железнодорожных перевозок увеличился в 1911—1913 гг. по сравнению с дореформенным трехлетием на 40% . А объем перевозок молочной продукции за период с 1907 по 1913 г. вырос с 13,4 до 27,2 тыс. пудов,

т. е. в 2 с лишним раза. Что касается экспорта сельскохозяйственных продуктов, то он характеризовался следующими темпами роста: в промежуток с 1901—1905 по 1911—1913 гг. среднегодовая ценность вывоза поднялась: зерновых и муки на 33%, продуктов интенсивного земледелия (картофель, сахар, свекла, табак, льняное волокно и др.) — на 82, а продуктов животноводства — на 141%.

Спрашивается, что же в таком случае помешало правительству решить сформулированную П. Столыпиным задачу: обеспечить «способному, трудолюбивому крестьянину ... укрепить за собой плоды трудов своих и представить их в неотъемлемую собственность».

Во-первых, серьезным препятствием здесь явилось недоверие, с которым сама деревня отнеслась к этому начинанию. «Что касается до отношения крестьян к реформе, то она вообще возбуждает их недоверие, — признавал О. Аухаген, — ...те же крестьяне, которые высказываются за реформу, приобретают себе врагов, угрожающих им смертью или поджогом. Такое отношение отчасти объясняется недоразумением, непониманием своих интересов, у многих несознанием своей невыгоды. К последним принадлежат, с одной стороны, состоятельные крестьяне, так называемые кулаки, держащие за ведро водки весь "мир" в своих руках, с другой — те слабые, которые сознают насколько такого рода хозяйство выгоднее сильному работнику».

На мельницу такого недоверия лили воду все, не только революционные, но и либеральные партии, от социалистов всех разновидностей слева, до кадетов справа. «Русская оппозиция, руководимая кадетами, — писал Аухаген, — считает, что все исходящее от правительства скверно. Когда перед японской войной русское правительство в крестьянской общине видело поддержку абсолютизму, кадеты были явными противниками общинного устройства, теперь же они относятся враждебно и к аграрной реформе».

Во-вторых, трудности, с которыми столкнулось столыпинское землеустройство, усугублялись просчетами самих реформаторов: использованием на местах принуждения по отношению к крестьянству, не желающему выходить из общины, торопливостью и связанным с ней невысоким качеством землеустроительных работ и т. п.

В-третьих, поистине роковую роль в судьбе реформы сыграли Первая мировая война и революция. В ускорении развязывания Германией войны определенную роль сыграли предвоенные успехи реформирования аграрной сферы в России. В воспоминаниях Д. Любимова, являвшегося одним из со-

ратников П. Столыпина, рассказывается о весьма характерном эпизоде, связанном с деятельностью германской правительственной комиссии О. Аухагена по изучению хода реформы в России. Комиссия, по словам мемуариста, успехами преобразований в нашей стране была поражена. «Объехав землеустроительные работы в целом ряде губерний, германская комиссия представила своему правительству отчет. Нам удалось узнать его содержание, — сообщает Д. Любимов. — В нем говорилось, что если землеустроительная реформа будет проводиться при ненарушении порядка в империи еще 10 лет, то Россия превратится в сильнейшую страну в Европе». Достоверность этой информации позже подтвердил и участник комиссии, профессор М. Зеринг. Главный вывод отчета гласил, что «по завершению земельной реформы война с Россией будет не под силу никакой другой державе».

«Отчетом комиссии, по имеющимся от русского посла в Берлине сведениям, — заключал свой рассказ Д. Любимов, — сильно обеспокоилось германское правительство и особенно император». И в самом деле, было от чего обеспокоиться и последнему германскому кайзеру, и его правительству. Кстати, позднее об этом же писал другой наш соотечественник В. Шульгин. Он отмечал, что «правители Германии не захотели ждать, когда завершится в России реформа, начатая Столыпиным. Они напали на Россию через год, — справедливо подчеркивал Шульгин, — после ученой разведки». Работа комиссии Аухагена в самом деле сыграла, и довольно успешно, роль разведки перед тем, как Германия объявит войну, которая не только затормозит реформирование России, но и круто изменит дальнейшую ее историю.

§3

Развитие народно-хозяйственной инфраструктуры, торговли и состояние финансовой системы

Главными факторами, определявшими развитие двух решающих отраслей народного хозяйства России в начале XX в. — промышленности и сельского хозяйства, рассмотренных выше, были как и прежде дальнейший рост общественного разделе-

ния труда и формирование на данной основе капиталистических производственных отношений как в недрах города, так и деревни. Теперь предстоит хотя бы в самых общих чертах оценить сдвиги, которые происходили в остальных элементах народно-хозяйственного организма страны — его инфраструктуре, торговле, финансах.

Перемены в инфраструктуре

Рыночный характер хозяйства, имманентно присущий капиталистическому способу производства, который на рубеже XIX—XX вв. восторжествовал в сфере отечественной промышленности и получил в условиях не завершившейся столыпинской реформы существенный импульс, должный приблизить аналогичный успех в аграрном секторе экономики страны, был невозможен без соответствующих подвижек в системе народно-хозяйственной инфраструктуры России. Важнейшими компонентами этой системы в интересующее время, являлись, во-первых, пути сообщения с адекватными видами транспорта, во-вторых, коммуникации средств связи, и, в-третьих, организация складского и элеваторного дела в стране. Ниже дается краткая характеристика каждого из них.

Ведующую роль во внутренних перевозках грузов и пассажиров в начале XX в. продолжал играть железнодорожный транспорт. Перед Первой мировой войной (на конец 1913 г.) вся сеть железных дорог страны имела 68,4 тыс. верст, не считая Финляндии и КВЖД. По общей протяженности рельсовых путей Россия значительно превосходила страны Западной Европы, но почти в 6 раз уступала США. Однако если учесть несоизмеримо большую территорию России и количество ее населения, то по таким весьма объективно соизмеримым данным, как количество верст железных дорог на 100 кв. км и 1000 жителей в наиболее оснащенной железными дорогами Европейской части России, с одной стороны, и Англией, Германией и Францией — с другой, то здесь явный перевес оказывается не на нашей стороне. Точно также уступала Европейская Россия этим странам по степени обеспеченности версты дорог пассажирскими и товарными вагонами, что в значительной мере предопределяло эффективность перевозок в последних и пассажиров, и грузов.

70% российских железных дорог принадлежало государству, а подавляющая часть частных дорог — шести обществам, возникшим в конце XIX в. В начале XX в. они хотя и превра-

тились в крупнейшие монополистические объединения транспорта, но находившиеся в их собственности дороги оставались придатком государственного железнодорожного хозяйства. Тарифная политика и финансы частных железных дорог определялись правительством.

Нужды переоснащения армии и флота после русско-японской войны и осуществения столыпинской перестройки деревни не могли не повлиять на существенное свертывание строительства новых железных дорог и паровозостроения. Всего за 1908—1913 гг. было введено в эксплуатацию 4,3 тыс. верст новых казенных и частных дорог. Если в 1901 г. на Коломенском, Сормовском и других заводах страны было выпущено 1225 паровозов, то в 1912 г. — лишь 308. Вот почему локомотивный парк всех железных дорог к 1913 г. на 40% состоял из устаревших паровозов, требовавших замены. Медленно росла и грузоподъемность отечественных вагонов: к началу мировой войны она составляла 16,6 т, тогда как в Германии уже преобладали вагоны грузоподъемностью в 37,5 и даже 50 т. Но и в столь сложных условиях грузооборот российских железных дорог вырос за период с 1900 по 1913 г., отражая общеэкономический подъем страны, в 2,5 раза, и в 1,5 раза превосходил объем водных перевозок.

Соответственно увеличивались доходы казенных, а также частных дорог: только за 1909—1913 гг. в сравнении с предшествующим пятилетием чистые поступления от них в бюджет поднялись до 1 млрд руб. Львиная доля этой суммы пошла на перевооружение армии и флота, на обеспечение профицита предвоенного бюджета и на частичное снижение государственного долга страны.

По водным путям России перевозилось большое количество леса, хлеба, нефти и др. грузов. Волга с ее притоками по-прежнему оставалась основной водной артерией страны: на нее приходилось почти 60% всех речных перевозок Европейской России. Остальные водные пути, в особенности мощные речные бассейны Сибири и Дальнего Востока использовались в гораздо меньшей степени.

Российский речной флот на внутренних водных путях возрос за период 1906—1912 гг. с 28292 до 29707 судов, в том числе с 4317 до 5556 паровых. Перевозка грузов по внутренним водным путям с 1907 по 1911 г. увеличилась от 2315062 тыс. до 3152452 тыс. пудов, включая сюда и сплав леса на плотах. В 1907 г. со стапелей Коломенского завода был спущен на воду первый в мире речной теплоход. Перед войной из 80 теплохо-

дов, имевшихся во всех странах, на долю Российской империи приходилось 70 таких судов.

На рубеже XIX—XX вв. российский морской торговый паровой флот за исключением Каспийского, игравшего крупную роль в перевозке бакинской нефти, был сравнительно невелик. Но только за десятилетие (1905—1914) его численность поднялась с 750 до 1903 судов, а общая грузоподъемность более чем наполовину (53,3%). Гораздо больше Россия имела парусных судов. Их состав к 1914 г. исчислялся в 2579 судов, но увеличился за то же десятилетие всего на 3,2%, а общая вместимость их на 5,7%. В нашей стране он по-существу находился в процессе формирования. Основная масса океанско-морских перевозок в этих условиях осуществлялась на иностранных судах. Так, хотя за пятилетие 1908—1912 гг. доля судов под отечественным флагом по приходам в порты России и отходам из них ежегодно и составляла в среднем 26,9%, участие же их в морской торговле, судя по показателям погрузки и выгрузки товаров (629,8 из общей суммы 7195,6 тыс. пудов погруженных и выгруженных на все суда, т.е. отечественные и иностранные за указанное пятилетие) существенно колебалось ежегодно (от 7,4 до 11,3%), но в среднем за год уменьшалось до 8,7%. Столь значительное преобладание иноземных судов в морской торговле России означало, что за подобного рода услуги приходилось расходовать большие суммы иностранной валюты.

Россия начала прошлого века оставалась страной межрегиональных частично шоссейных, но преимущественно грунтовых и замощенных трактов и проселочных дорог. Шоссейных и мощеных дорог было мало. Практиковались главным образом гужевые перевозки местного значения, носившие как правило сезонный характер и зависевшие от погодных условий. В осенне-весенние месяцы распутицы они сводились до минимума. Общая протяженность дорог в России на 1 января 1913 г. исчислялась (без Финляндии) следующим образом: шоссейных — 28642, замощенных — 5067 и грунтовых — 690827 верст. Сведения о грунтовых дорогах, находящихся в заведовании земств и местных властей, заведомо неполные. Они лишь частично дополнены А.П. Корелиным, использовавшим сведения за 1902 г., которые извлечены из издания Главного управления по делам местного хозяйства. Больше половины шоссейных и незначительная часть прочих дорог находилась в ведении Министерства путей сообщения, из них в непосредственном заведовании округами путей сообщения — 12144 версты (71,3%) и 4714 версты (27,9%) — во временном заведовании земств. Остальная часть дорог, протяженностью

до 707628 верст, из которых 97,5% составляли грунтовые дороги, были в ведении Министерства внутренних дел. Среди последних улучшенные дороги (частично замощенные и шоссированные или просто укрепленные гравием или песком) не превышали 4,8% . Дороги с каменным покрытием составляли 2,8% , из которых 4634 версты сплошь замощены, а 13294 версты сплошь шоссированы.

Более чем слабая обеспеченность страны шоссейными дорогами неблагоприятно отражалась главным образом на сельском хозяйстве. Специалисты госконтроля в объяснительной записке к отчету по исполнению государственной росписи и финансовых смет за 1913 г. отмечали, что при существующей железнодорожной сети «русский промышленник и земледелец для доставления своих продуктов до ближайшей железной дороги должен сделать в среднем до 45 верст по грунтовому пути, причем ... доставка каждого пуда груза до ближайшей станции железной дороги у нас в среднем обходится до 22,5 коп.» Затраты государства и земств на поддержание и развитие дорожного дела достигли к этому времени 12 млн руб. в год. Однако эти средства, как подчеркивалось в цитируемом документе, «расходуются главным образом на устройство и содержание шоссейных дорог, и на большой части грунтовых, отнесенных к разряду земских. Главная масса грунтовых дорог, к которым принадлежат и проселочные дороги, составляющие в Европейской России около 85% всех местных путей, предоставлены исключительно попечению частных владельцев и сельских обществ и в большинстве случаев остаются без улучшения». Еще хуже обстояло дело в других районах империи, где не было особых дорожных капиталов. На все дороги Закавказья, Сибири и Средней Азии отпускалось на их устройство и содержание до 2 млн руб., из них 1300 тыс. на Закавказье и 700 тыс. — на другие местности.

Важным компонентом инфраструктуры, обеспечивающим нормальное функционирование преимущественно аграрной экономики страны, являлось обеспечение ее складской и элеваторной сетью. Почин в создании такой сети в конце 80-х годов XIX в. положили земства и частные предприниматели: первые элеваторы с крупными зернохранилищами были построены в г. Ельце на средства уездного земства и в Санкт-Петербурге на деньги двух хлеботорговцев — Борейши и Максимовича. Вслед за этим в 1888 г. правительство принимает положение о товарных складах и закон, устанавливающий правила учреждения и эксплуатации элеваторов и зернохранилищ, улучшающие условия хлебной торговли. Государствен-

ному банку была предоставлена возможность производить при посредстве железных дорог выдачу ссуд под залог хлебных грузов, а затем такую же возможность обрели и железнодорожные общества за счет своих эксплуатационных средств или при помощи частных банков. На этом основании многие железные дороги получили право производить как складские, ссудные, так и коммерческие операции.

К началу XX в. в России насчитывалось около сотни элеваторов с механическими двигателями, вместимостью в несколько десятков миллионов пудов зерна и кроме того имелось еще свыше 250 крупных зернохранилищ несколько меньшей вместимости. Наиболее крупный элеватор на 3 млн пудов был в Новороссийске и принадлежал Владикавказской ж.д., где кроме того имелось зернохранилище на 7 млн пудов. Рязанско-Уральская дорога имела в своем распоряжении элеваторы и зернохранилища, вместимостью почти в 13 млн пудов. Обороты хлеба всех элеваторов страны за период с 1893 по 1897 г. возросли с 17,1 до 58,8 млн пудов, а для ссуд под хлеб железные дороги выделили в 1895 г. 13,3, в 1896 — 16,6 и в 1897 г. — 22,7 млн руб.

В 1911 г. правительством на Госбанк было возложено строительство сети новых элеваторов, но развернуться ему в должной мере помешала начавшаяся мировая война. В годы войны к выполнению этой задачи активно подключилась набравшая силу кредитная кооперация. Так только в Западной Сибири на средства кредитных кооперативов были построены элеваторы в г. Кургане и на станции Лебяжье, а также механически оборудованные зернохранилища на 9 станциях. На деньги от хлебозалоговых операций построили свои зернохранилища и несколько товариществ в далекой Енисейской губернии.

Почтово-телеграфные и телефонные сообщения, наряду с благоустроенными дорогами, являлись непременными условиями культурного и экономического развития государства и общества; в России же они получили особое значение из-за огромности территории и малой густоты населения. С начала XX в. эти современные средства связи стали шире использоваться в нашей стране. Если в 1908 г. в ней насчитывалось 1337 почтово-телеграфных учреждений с 22633 почтовыми ящиками и протяженностью почтовых путей 250347, а также телеграфных линий 179267 верст, то в 1913 г. их соответственно стало 16213 с 31183 почтовыми ящиками и протяженностью почтовых путей и телеграфных линий — 272600 и 215216 верст. Для пятилетнего срока перемены к лучшему в почтово-телеграфной связи в России вполне ощутимы. Но чтобы выяснить

как выглядели такие подвижки на фоне развитых стран Западной Европы, обратимся к данным табл. 5, где представлены сведения, опубликованные международным бюро в Берне, отражающие положение почтово-телеграфного дела за три начальных года того же пятилетия вместе с соотношением учреждений связи к числу жителей Германии, Англии, Франции и России.

Таблица 5

Государства	Почтовые учреждения		Почтовые ящики		Телеграфные учреждения		На 1 жителя приходится писем		На 1 жителя приходится другой корреспонденции	
	1908	1910	1908	1910	1908	1910	1908	1910	1908	1910
Германия	50328	50563	148158	153187	35662	38799	67,1	64,2	95,1	91,5
Англия	23909	24245	68023	70765	11077	11451	84,6	87,4	111,5	116,1
Франция	13258	14016	80310	83100	14880	16592	32,7	34,0	79,0	88,5
Россия	14311	15701	26633	29636	3457	4226	5,9	7,0	8,0	9,5

Анализируя сведения трех первых граф таблицы составители объяснительной записки к отчету Госконтроля по исполнению государственной росписи и финансовых смет за 1911 г. справедливо отметили тот факт, что почтово-телеграфное ведомство в стране развивается, но значительно уступает положению его в главных государствах Западной Европы.

Применительно же к заключительной части таблицы они подчеркнули, что если рассматривать соотношение учреждений связи к числу жителей, то «отсталость России в почтово-телеграфном деле выступает еще яснее». Тогда как в Германии, Англии и Франции в 1910 г. одно почтовое учреждение приходилось на 1,5—3 тыс., а телеграфное на 1,5—4 тыс. жителей, у нас одно почтовое учреждение обслуживало в среднем 9857 жителей, а телеграфное даже 35294. Кроме того, в России телеграфный тариф был значительно выше зарубежного — 5 коп. за слово, а в Англии и Франции — 2 коп., в Германии — $2\,^{1}/_{3}$ коп., т.е. в 2 с лишним раза дешевле. С каждой депеши, сверх того, у нас брался сбор в 15 коп., чего на Западе нигде не было.

Телефонная связь России находилась в еще более отсталом состоянии, хотя после 1910 г. развивалась даже быстрее почтовой и телеграфной. В 1911 г. в стране было 766 телефонных сетей общей протяженностью 79015 верст, а также 181367 абонентов, а в 1913 г. соответствующие показатели выглядели

так: 1212 сетей, 116169 верст и 244118 абонентов. Из общего числа сетей 71,3% принадлежали городам, 13,9% казне и 122,8% — земствам. Сопоставление данных о числе отдельных телефонных сетей с количеством поселений в России показывает незначительность развития в ней телефонной связи. На 589289 всех населенных пунктов в стране (из которых 1082 городские) в 1910 г. приходилось 412 сетей, что по отношению к числу всех поселений составляет менее 0,07% .

О том же свидетельствуют и данные мировой статистики телефонов за 1908 и 1910 гг. (табл. 6).

Таблица 6

Государства	Протяженность телефонных проводов (тыс. верст)	Число абонентов	На каждую тысячу жителей приходится абонентов
Россия (без Финляндии)	417	152547	1
Франция	1150	211600	5
Англия	2784	615900	13
Германия	4134	910900	15
США	23603	7083900	76

Как видим, Россия особенно сильно отставала от ведущих европейских держав и тем более от США по числу абонентов, приходящихся на1 тыс. жителей. Но и в этом отношении за пятилетие перед войной был сделан серьезный шаг вперед: общая численность абонентов возросла на 91,6 тыс. единиц, т.е. ежегодно возрастая на 18,3 тыс., тогда как со времени основания телефонной сети в России (1885) и до 1908 г. она поднималась почти в 3 раза медленнее (в среднем 6,3 тыс. в год).

Внешняя и внутренняя торговля

Начало XX в. было сопряжено с заметным ускорением мировой торговли. Рост внешней и внутренней торговли наблюдался и в России: среднегодовой оборот во внешней торговле за предвоенное пятилетие (1909—1913) по сравнению с 90-ми годами увеличился вдвое, достигнув 2,6 млрд руб., а внутренний товарооборот в стране в 1913 г. исчислялся 18 млрд руб., что более чем в 1,5 раза превысило уровень 1900 г. Однако

удельный вес страны в мировой торговле оставался невысоким, колеблясь в пределах от 4% в конце XIX в. до 4,25% в 1913 г. По объему своего внешнеторгового оборота Россия в 2 раза уступала Франции, но на столько же опережала Японию.

Однако, если индустриально развитые страны экспортировали главным образом промышленные изделия, то Россия продолжала вывозить в основном хлеб и другие сельскохозяйственные товары, а импортировать преимущественно промышленные. Экспорт российского хлеба особенно сильно вырос в предвоенное пятилетие: количественно в 1,5 раза, а по стоимости в 2 раза по отношению к последнему пятилетию 90-х годов. Одновременно удвоился и вывоз льна, пеньки, кож. За тот же срок в еще большей степени поднялся экспорт масла, яиц, а также круглого леса и пиломатериалов. Общий объем экспорта в конце войны исчислялся в 1,5 млрд руб., причем на долю хлеба приходилось 44%, а на продукты животноводства и леса — 22%. Промышленная продукция в вывозе составляла менее десятой части и направлялась преимущественно на Восток — в экономически отсталые страны Азии.

Импорт тоже рос сравнительно быстро: за период с 90-х годов он поднялся вдвое, достигнув среднегодового объема в 1909—1913 гг. в 1,2 млрд руб. Большую его часть составляли текстильное сырье (хлопок, шелк-сырец, шерсть), уголь для Питера и Прибалтики, цветные металлы, машины и оборудование, химическая продукция (в том числе минеральные удобрения), из продовольственных продуктов — чай и кофе. Особо следует отметить положительное сальдо внешнеторгового оборота предвоенной России.

Первое место в российской внешней торговле оставалось за Германией, на чью долю приходилось в 1913 г. 30% экспорта и почти половина стоимости импорта. Значительно уступали ей Англия и особенно Франция.

Продолжала расти и внутренняя торговля в России. Ее товарооборот в 1913 г. в стоимостном выражении в 6 с лишним раз превосходил показатели внешней торговли. Тогда же торговая сеть страны исчислялась в 1188 тыс. единиц (против 854 тыс. в 1900 г.). В это число входили 183 тыс. оптовых и крупных розничных фирм, а также более 1,2 млн собственников мелких лавок, ларьков и лиц, занятых развозной и разносной торговлей. В сфере торговли вместе с наемным персоналом было занято около 2 млн человек.

Многоукладность российской экономики, огромные расстояния, при недостаточной обеспеченности отдельных регионов

транспортом, слабости складской сети — все это накладывало свой отпечаток на состояние российской торговли. Если в столицах и крупных городах работали передовые по тому времени универсальные магазины, фирмы оптовой торговли, то в деревне вплоть до Первой мировой войны, резко подтолкнувшей развитие потребительской кооперации в стране, все еще господствовала мелкая торговля, основной фигурой которой был скупщик, являвшийся агентом ростовщического капитала. Преобладание на рынке сельскохозяйственной продукции придавало торговле сезонный характер, а зависимость от ее сбора вызывала резкие колебания спроса. И без того высокие цены на изделия российской промышленности взвинчивались, пока товары через цепь посредников доходили до деревенского потребителя.

Торговля в России продолжала оставаться более выгодным занятием, чем промышленная деятельность. Общая сумма торговой прибыли, составлявшая в 1913 г. 788 млн руб. существенно превосходила прибыль фабрично-заводской промышленности (510 млн руб.) и мелкокапиталистических промыслов (142 млн руб.).

Вот почему и в эпоху перехода капитализма в свою монополистическую стадию торгово-купеческий капитал продолжал расти, сохраняя большое значение в формировании материально-производственного потенциала крупной отечественной буржуазии и оказывая влияние на ее социально-политический облик.

Состояние денежной системы и государственных финансов

Денежная реформа, осуществленная в бытность министром финансов С.Ю. Витте способствовала укреплению денежной системы страны. Обеспеченный золотым содержанием российский рубль в канун первой мировой войны превратился в одну из самых стабильных в мире денежных единиц.

В прежней отечественной историографии политика царского правительства в области экономики в целом и финансов, в частности, оценивалась как весьма противоречивая и непоследовательная. Авторы многотомной истории СССР с древнейших времен до наших дней, подводя как бы итоги изучения этого вопроса, утверждали, что после первой русской революции «царизм был уже неспособен ставить широкие общеэкономические задачи, сформулировать новую программу экономической политики». Думается, что такая оценка является чрезмерно категоричной и потому недостаточно справедливой.

Ставка власти после революции 1905—1907 гг. на финансовое благополучие страны, взятая в кавычки в данном труде, на деле в целом себя оправдала. Недаром авторы многотомника вынуждены были признать, что в 1910—1913 гг. новые займы для нужд бюджета не заключались и что в условиях экономического подъема значительно возросли доходы, особенно от казенных железных дорог. В подтверждение этого приводятся следующие данные: казначейские средства в Госбанке, растаявшие во время русско-японской войны и революции, в 1914 г. составили почти 1 млрд. руб. и были образованы огромные инвалютные резервы кредитной канцелярии на ее счетах в заграничных банках.

Если что и действительно серьезно осложняло финансовое положение страны в первые 13 лет XX в., то это не «неспособность царизма в экономической политики», а прежде всего реальный рост государственного долга страны в интересующее нас время. Как известно за 1900—1913 гг. государственный долг, внутренний и внешний, возрос с 7,9 до 12,7 млрд руб. (вместе с гарантированными правительством железнодорожными займами и займами Дворянского и Крестьянского банков), в том числе внешние долги к началу 1914 г. увеличились с 4 до 5,4 млрд руб. Правительство Российской империи было одним из крупнейших должников в мире. Российская исполнительная власть намного опередила остальные страны мира по размеру внешнего государственного долга. Вместе с платежами по иностранным вкладам в российские промышленные и иные предприятия приходилось ежегодно уплачивать заграничным кредиторам до 400 млн руб., что не могло не вызвать большое напряжение платежного баланса.

Глава 3

ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: ОТ САМОДЕРЖАВИЯ К ДУМСКОЙ МОНАРХИИ (1900—1914)

§1

Внутренняя политика в 1900—1904 гг.

Император Николай II

В конце XIX в. государственный строй России оставался самодержавным. Вся полнота верховной власти принадлежала императору. Но это не означает, что самодержавие не изменялось. Законопроекты готовились в ведомствах, проходили обсуждение в Государственном совете и других высших инстанциях и лишь затем вносились на «высочайшее» утверждение. Программы преобразований, объявлявшиеся в царских Манифестах и рескриптах, предварительно разрабатывались Особыми совещаниями с участием экспертов — общественных деятелей и ученых. Однако решающее слово при принятии государственных решений оставалось за монархом, от воли которого по-прежнему зависело очень многое.

В 1894 г. на русский престол вступил 26-летний император **Николай II (1868—1918)**. Он был широко образованным человеком, его наставниками были высшие государственные сановники России и целый ряд выдающихся русских ученых (историк В. Ключевский, юрист К. Победоносцев, генералы М. Драгомиров и Н. Обручев и др.). Будущий монарх был развит духовно и физически. Он хорошо знал и любил русскую литературу и музыку, занимался спортом и охотой, любил физический труд. Последний русский царь отличался большой работоспособностью, эрудицией и хорошей памятью. Воспитанный в духе православной морали, он воспринимал свою самодержавную власть как «тяжелое и ответственное служение России». Став императором, Николай, по отзывам министров, быстро освоил искусст-

Николай II с семьей. 1913 г.

во управления государством. Даже его недоброжелатель С. Витте признавал, что Николай II «несомненно очень быстрого ума и способностей; он вообще все быстро схватывает и понимает».

В основе мировоззрения Николая II лежали вера в Бога и осознание долга царского служения Отечеству. Политические взгляды царя состояли в отрицании западных форм государственного устройства. Он был убежден, что самодержавная власть русского царя священна для русского народа. **Идея самодержавия была для Николая не политической, а религиозной и поэтому не подлежащей изменению, реформированию.** Поэтому в своей речи в январе 1895 г. перед земскими депутациями он назвал предложения об участии выборных земских деятелей в делах внутреннего управления «бессмысленными мечтаниями» и заявил о решимости «охранять начала самодержавия».

В то же время, на рубеже XIX—XX вв. под личным руководством монарха была разработана **программа реформ**. Она была обнародована в манифестах 26 февраля 1903 г. и 12 декабря 1904 г. и включала в себя: подготовку аграрной реформы, расширение гражданских прав населения и свободы вероисповедания, реформу местной администрации, местного самоуправления и судебной системы, меры по улучшению положения

рабочих и др. На совещаниях высших правительственных деятелей и экспертов обсуждался вопрос об участии выборных лиц в работе Государственного совета. Витте заметил, что в этот период «государь далеко ушел в своем политическом мировоззрении». Решение Николая II опубликовать Манифест 17 октября 1905 г. о политических свободах и законодательной Думе было принято, по собственным словам монарха, «совершенно сознательно». В октябре 1905 г. Николай II, осуждая революционную и либеральную «крамолу», тем не менее отверг идею военной диктатуры по двум причинам: «это стоило бы потоков крови» и «реформы не могли бы осуществляться». Таким образом, судьба русского престола на рубеже XIX—XX вв. оказалась в руках человека, глубоко преданного своей родине и своему призванию. Вместе с тем, последний русский император не имел многих качеств главы государства, необходимых в условиях острых социальных конфликтов. Он не сумел своевременно и правильно оценить расстановку политических сил и социальную опасность, нависшую над российской государственностью. Надежда на возможность «постепенных» реформ не была подкреплена ни ясными представлениями о будущем социальном облике России, ни организаторскими талантами, ни политической гибкостью, ни твердостью и волей в реализации проводимого курса.

В первые годы своего царствования Николай II сохранил на высших постах главных деятелей минувшей эпохи — К. Победоносцева, И. Воронцова-Дашкова, П. Ванновского и др. Впоследствии вокруг царя так и не сложилось сплоченной группы преданных ему лиц (по выражению современных политологов — «команды»). В кризисные моменты он не находил поддержки в своем окружении. В октябре 1905 г. он признавался матери, что ему «не на кого опереться, кроме честного Трепова». Ситуация повторилась в марте 1917 г., когда царь оставил престол, записав в дневнике: «Кругом измена, и трусость, и обман».

Николай II не нашел политической опоры и в среде своих родственников — членов императорской фамилии. Мать — вдовствующая императрица Мария Федоровна, окруженная «либеральными» салонными деятелями, требовала от сына «конституционных» реформ. Четыре дяди царя (великие князья Владимир, Алексей, Сергей и Павел Александровичи — родные братья Александра III) осаждали его просьбами преимущественно частного и денежного свойства. В то же время, находясь на службе, они часто игнорировали царские предписания и проявляли непростительную халатность в ис-

полнении своих прямых обязанностей. Великий князь Сергей Александрович, московский генерал-губернатор, был главным виновником «ходынской катастрофы» 18 мая 1896 г. Великий князь Алексей Александрович, глава морского ведомства в 1881—1905 гг., был далек от морских нужд и привел русский флот к позорному разгрому при Цусиме. Непродуманные действия великого князя Владимира Александровича, командующего войсками Петербургского военного округа, привели к трагическому кровопролитию 9 января 1905 г. и закрепили за его царствующим племянником прозвище «кровавый». Среди родственников царя наибольшим политическим влиянием обладал великий князь Николай Николаевич (Младший), глава Совета обороны, а в 1914—1915 гг. — Верховный главнокомандующий. Честолюбивый и претенциозный вельможа, он в октябре 1905 г. угрожал покончить с собой, если монарх откажется от уступок либералам. В годы Первой мировой войны многие рассматривали Николая Николаевича как главного претендента на престол после «дворцового переворота», а в марте 1917 г. он «коленопреклоненно» настаивал на отречении царя. Личным другом Николая II в «августейшей» среде долгое время был великий князь Александр Михайлович («Сандро»), но и тот отмежевался от него в разгар революционных событий 1905 г. После 1905 г. Николай II перестал назначать великих князей на высшие правительственные посты, ограничив их деятельность военной службой. Салон великой княжны Марии Павловны — супруги великого князя Владимира Александровича стал центром великокняжеской фронды, где собирался «весь свет». Решительным борцом против самодержавия внутри самого царского семейства стал великий князь Николай Михайлович, историк и масон. К 1917 г. в оппозиции Николая II находились почти все великие князья.

Придворное окружение царя («камарилья») было озабочено проблемой собственного выживания в условиях «революционной смуты». Распространением самых нелепых и абсурдных сплетен о царской чете оно старательно потакало настроениям либерального общества, ненавидевшего царя как помеху на пути к власти. «Камарилья» не являлась, как в других странах, опорой и защитницей трона.

В рядах высшей бюрократии царь также не создал никакой сплоченной группы. Немногие действительно выдающиеся деятели его эпохи — С. Витте, В. Плеве, П. Столыпин, А. Кривошеин в разное время пытались последовательно осуществлять единую программу правительства, действуя именем самодержавной власти. Но большинство высших сановников

прошло свою школу волокиты, интриганства, подсиживания и было лишено всякой самостоятельной инициативы. В этой среде давно было принято действовать с оглядкой на обстоятельства и выжидать. «Министерская чехарда» последних лет царствования Николая II представляла собой тщетную попытку монарха пробудить к жизни свежие силы, способные справляться со сложными государственными задачами.

Разработка программы преобразований

Во внутренней политике наиболее важное место заняли разработка общеполитического курса, а также крестьянский и рабочий вопросы. Разработкой общеполитического курса, в связи с особой важностью дела, руководил лично Николай II. Преобладающее влияние на царя в этой работе оказывали лица, занимавшие пост министра внутренних дел.

Д. Сипягин, ставший министром внутренних дел в 1899 г., был защитником неограниченного самодержавия, но не имел четкой программы действий. Он выдвинул на роль официального идеолога своего родственника — князя В. Мещерского, который предложил обнародовать программу будущих реформ в виде царского Манифеста. Проект Манифеста был подготовлен в феврале 1902 г., над его текстом совместно работали царь и Мещерский. После убийства Сипягина в апреле 1902 г. новым министром внутренних дел и главным разработчиком правительственного курса, по рекомендации Мещерского, стал В. Плеве. Плеве, допускавший возможность замены старого государственного строя новым через 30—50 лет, провозгласил главным принципом деятельности властей проведение реформ «только сверху, а не снизу». В 1902—1904 гг. он добивался проведения твердого курса в целях успокоения общества и пресечения антиправительственной пропаганды, считая основным двигателем реформ «исторически сложившееся у нас самодержавие». Предполагая в дальнейшем расширить права земских учреждений и создать выборную Государственную Думу, Плеве считал необходимым достижение компромисса с обществом, но только на основе сплочения его вокруг сильной власти. Манифест, разработанный царем совместно с Мещерским и Плеве, был опубликован 26 февраля 1903 г. Он декларировал «неприкосновенность общинного строя», но предписывал начать подготовку мер, облегчающих отдельным крестьянам выход из общины. В Манифесте объявлялось о будущей отмене круговой по-

руки, было обещано увеличить кредиты на укрепление благосостояния дворянства и крестьянства, а также улучшить правовое положение крестьян, провести реформу местной администрации, оказать поддержку местному самоуправлению, расширить самостоятельность Православной Церкви при переходе к свободе вероисповедания и др. 6 июня 1904 г. был утвержден важный закон о крестьянских переселениях, наделивший губернаторов правом разрешать переселения из отдельных губерний и увеличивавший помощь переселенцам. Убийство Плеве в июле 1904 г. сорвало осуществление правительственной программы и дезорганизовало работу высшей администрации.

Крестьянский и рабочий вопросы в политике правительства

Крестьянский вопрос оставался важнейшим при выработке внутриполитического курса. Неурожай 1901 г. и крестьянские волнения 1902 г. подтолкнули правительство к важным преобразованиям. В марте 1903 г. была отменена круговая порука в уплате податей крестьянами, в августе 1904 г. отменялись телесные наказания по приговорам крестьянских волостных судов. В 1904 г. были уменьшены недоимки по выкупным платежам и налогам. Но решение самых острых вопросов крестьянского землевладения было отсрочено, выработка мер по их решению возлагалась на особые совещания и комиссии в МВД и Министерстве земледелия. Правительство еще не сознавало необходимость срочного реформирования деревни. Тем временем росла интенсивность крестьянских волнений. В 1900—1904 гг. произошло 1205 волнений; массовое движение крестьян в Полтавской и Харьковской губерниях весной 1902 г. охватило 165 сел и деревень с населением в 150 тыс. жителей. В разгроме помещичьих усадеб участвовало 5 тыс. человек, крестьяне разгромили 104 имения. Причиной волнений был неурожай 1901 г. и малоземелье крестьян. Волнения были направлены против помещиков, а не против властей. Крестьяне по-прежнему возлагали свои надежды на царя. Затем последовали крупные волнения в соседних губерниях. Распространялись слухи об указе царя, разрешающем передел земли.

Массовые политические выступления рабочих начались в 1901—1902 гг. В день 1 мая 1901 г. сопротивление полиции оказали рабочие военного Обуховского завода в Петербурге. Первомайские демонстрации 1902 г. прошли в Харькове, Баку, Тифлисе, Вильно, Сормове. Организацией политических вы-

ступлений руководили социал-демократические, эсеровские и бундовские кружки. Социалистическая интеллигенция создавала рабочие кружки и пропагандировала марксистское учение о передовой роли пролетариата. В проведении всеобщей стачки в 1903 г. на Юге России вместе с социал-демократами и эсерами участвовала Еврейская независимая рабочая партия. Забастовки и демонстрации прошли в Баку, Тифлисе, Одессе, Николаеве, Екатеринославе, Харькове. Разрозненные выступления рабочих сливались в единое политическое движение. Требования 8-часового рабочего дня и официального признания дня 1 мая праздником сочетались с лозунгами «Долой самодержавие!», «Да здравствует демократическая республика!» и т. п.

Политика в рабочем вопросе поначалу сводилась к репрессивным мерам по подавлению рабочего движения. Важную роль в пересмотре полицейской тактики сыграл начальник московского охранного отделения С. Зубатов. Он создал новую систему политического сыска с помощью разветвленной сети тайной агентуры, что позволило более эффективно действовать против нелегальных революционных организаций. Зубатов получил поддержку Плеве и был назначен начальником Особого отдела Департамента полиции.

В 1901—1902 гг. Зубатов приступил к созданию, по примеру Германии, легальных рабочих организаций под тайным надзором полиции, чтобы направить рабочее движение в русло экономических требований. Эта деятельность получила название «**зубатовщины**». При поддержке московского генерал-губернатора, великого князя Сергея Александровича и градоначальника Д. Трепова он образовал в Москве «Общество взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве», а затем — ряд подобных рабочих организаций в других городах, особенно в Западном крае и на Юге. В обществах проводились собрания, лекции либеральных литераторов и ученых. Полиция выступала на стороне рабочих в их конфликтах с предпринимателями по экономическим вопросам.

В первые годы XX в. правительство по инициативе Плеве и Витте вопреки протестам предпринимателей одобрило некоторые меры по улучшению положения рабочих. Это — закон 2 июня 1903 г. о страховании рабочих от несчастных случаев за счет капиталистов (инвалидам сохранялось 2/3 среднего заработка) и закон 10 июля 1903 г. о назначении старост из числа рабочих для защиты их интересов.

Власть и общество в 1904 г.

После убийства Плеве Николай II под давлением умеренно-либеральных деятелей, близких к вдовствующей императрице Марии Федоровне, назначил министром внутренних дел П. Святополка-Мирского. Новый министр называл себя «земским человеком» и настаивал на принятии своей либеральной программы, включавшей вопросы веротерпимости, расширения прав местного самоуправления и печати, признание политическими преступниками лишь террористов и «призыв выборных». Мирский провозгласил начало политики «доверия» к общественным силам, были прекращены гонения против земцев и либеральной печати. Деятельность Мирского в МВД получила название **«весны»** и **«эры доверия»**. Смена курса произошла как вследствие военных поражений в русско-японской войне, так и в силу признанной царем необходимости привлечь на сторону правительства либеральное «общество», видными деятелями которого были многие представители дворянской аристократии: князья Долгоруковы, Оболенские, Трубецкие, Шаховские и многие др. На достижении компромисса с либеральной оппозицией настаивали министр юстиции Н. Муравьев, министр земледелия А. Ермолов, С. Витте и др.

Уступки правительства происходили в условиях дальнейшей радикализации либерального движения. Широко-

В. Плеве

С. Витте

му распространению либеральных идей способствовал московский полулегальный кружок «Беседа», действовавший в Москве в доме Долгоруковых с 1899 по 1905 г. Он объединял около 60 человек, большинство которых принадлежало к земско-либеральной среде. Одним из идеологов и вдохновителей кружка был князь Е. Трубецкой, выступивший в сентябре 1904 г. с требованием поставить власть под «общественный контроль», т. е. ограничить самодержавие. С 1902 г. за границей (сначала в Штуттгарте, с 1904 г. — в Париже) П. Струве издавал нелегальный журнал «Освобождение», стоявший на радикально-либеральных позициях. В 1903 г. сторонники журнала решили основать крупную либеральную организацию — Союз освобождения. В основу программы Союза был положен лозунг «Долой самодержавие», который в целях конспирации называли «двучленной формулой». В Союз входили в основном представители либеральной интеллигенции. В сентябре-октябре 1904 г. в Париже состоялось совещание оппозиционных и революционных партий с участием Союза освобождения, эсеров, польских и латышских социалистов, польских и финских националистов, армянских и грузинских социалистов-федералистов (РСДРП отказалась от участия). Радикальная оппозиция заявила об отказе входить в соглашение с «уходящей властью». Совещание высказалось за уничтожение самодержавия, замену его «свободным демократическим строем» и утверждение права «национального самоопределения».

Наряду с интеллигенцией радикализировалось **земское движение**, во главе которого стояли дворяне, несмотря на то, что наибольшим радикализмом отличался «третий элемент» — земские служащие (статистики, агрономы и др.). Земская оппозиция ужесточила свои требования именно в «эру доверия» Святополка-Мирского. С ведома и согласия министра 6—9 ноября 1904 г. прошел Земский съезд, выступивший с политическими требованиями к правительству: созвать «народное представительство», провести политическую амнистию и др. Самая радикальная часть делегатов требовала созвать Учредительное собрание. Земские собрания выступали в поддержку решений съезда. По Европейской России прокатились многолюдные банкеты с политическими речами и резолюциями, содержавшими требование ввести конституцию. Банкетная кампания сопровождалась митингами и демонстрациями. К оппозиции присоединились легальные общества: Экономическое, Юридическое, Историческое, Географическое, Медицинское и др., а также 23 губернских предводителя дворянства, выступивших с осуждением «государственного произвола».

Власть на местах была деморализована и бездействовала, наблюдая, по словам одного из полицейских начальников, «картину всеобщего развала». Политику Мирского осудили московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович и петербургский градоначальник Д. Трепов, просившие об отставке, а также ряд правых деятелей. Вдовствующая императрица Мария Федоровна, напротив, угрожала навсегда уехать в Копенгаген, если «тронут Мирского».

Святополк-Мирский представил на рассмотрение царя программу реформ. Был составлен проект указа «о предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», содержавший пункт о выборных представителях в Государственном совете. Большинство сановников высказалось против. Царь согласился с их мнением, полагая, что введение «конституции» лишь вызовет массовые волнения: «Мужик конституцию не поймет, а поймет только одно, что царю связали руки». Указ 12 декабря 1904 г. предписывал выработку мер по расширению прав местного самоуправления, пересмотру положений о печати, гарантиям веротерпимости, аграрному вопросу и др. Указ о веротерпимости был издан 17 апреля 1905 г., законопроекты по ряду других вопросов были позднее внесены в Государственную Думу.

§2

Революция 1905—1907 гг.

Начало революции

Революция началась с выступления рабочих Петербурга **9 января 1905 г.** Действовавшее с 1904 г. под патронажем полиции «Собрание русских фабрично-заводских рабочих» во главе со священником Георгием (Гапоном) постепенно подпадало под влияние революционных партий. Руководящая роль в обществе перешла в руки начальника мастерской Путиловского завода инженера эсера П. Рутенберга. В конце 1904 г. собрание инициировало забастовку на Путиловском заводе, а затем — на других предприятиях столицы. 5 января его руководители решили организовать шествие к царю с петицией. В петиции говорилось о бедственном положении рабочих и их желании «искать правды и защиты» у царя. Но далее шли политические

требования, предполагавшие фактическое изменение государственного строя России, главным из которых было проведение всеобщих, равных и тайных выборов в Учредительное собрание. Авторами петиции были, конечно, не рабочие, а ее содержание стало известно властям лишь 7 января. Шествие многотысячной толпы могло обернуться новой «ходынкой», поэтому было решено преградить военными кордонами доступ манифестантов к центру города. В воскресенье, 9 января, колонны рабочих двинулись к центру, но были остановлены отрядами солдат, которые рассеивали толпы ружейными залпами. По официальным данным было убито 130 человек и ранено несколько сот, газеты сообщали о 1000—1200 убитых, революционеры говорили о «тысячах» жертв. События 9 января привели к взрыву недовольства в России и за границей. Революционные партии призвали к борьбе с самодержавием. В феврале 1905 г. число стачечников достигло 300 тыс. человек. Гапон и Рутенберг бежали за границу, бывший священник призывал рабочих к вооруженному восстанию.

В первые месяцы революции наибольшую забастовочную активность проявили рабочие Петербурга, Польши и Прибалтики. Они выступали с экономическими требованиями: сокращение рабочего дня, повышение зарплаты, улучшение условий труда и быта. Революционные партии требовали созыва Учредительного собрания, демократических свобод, республики. Но рабочие чаще поддерживали требования трудового законодательства, 8-часового рабочего дня, государственного страхования и др. Если в первые месяцы 1905 г. в стачечном движении преобладали металлисты, то затем забастовки перекинулись на текстильную промышленность. Стачка ткачей Иваново-Вознесенска продолжалась 72 дня, в ней участвовало 70 тыс. человек, в ходе стачки был создан **первый в России общегородской Совет рабочих депутатов**. С мая по сентябрь бастовало, по данным фабричной инспекции, 670 тыс. рабочих. Часть стачек была подавлена полицией и войсками, большинство прекращалось после уступок капиталистов или недостатка средств у бастующих. Правительство пошло на ряд уступок рабочим: были приняты «Временные правила» о выборных рабочих и о 9-часовом рабочем дне на железных дорогах, даны обещания создать конфликтные комиссии и др. В сентябре 1905 г. число бастующих сократилось до 37 тыс. Первым революционным выступлением военных стало восстание матросов на броненосце «Потемкин» в июне 1905 г. Революционное движение началось в некоторых солдатских подразделениях. Летом и осенью 1905 г. выросло число крестьянских волнений.

Основными районами крестьянского движения стали Прибалтика, Украина, Грузия и Черноземный центр.

Высший подъем революции

Осенью 1905 г. ведущая роль в стачечном движении перешла к железнодорожникам. В ночь на 7 октября Центральное бюро Всероссийского железнодорожного союза обратилось по телеграфу к рабочим и служащим всех дорог начать всеобщую забастовку. 12 октября бастовало 14 дорог, на которых работало 700 тыс. рабочих и служащих. К железнодорожникам присоединились фабрично-заводские рабочие, печатники, горняки. Стачка распространилась по всей стране, стала всероссийской; в ней участвовало свыше 2 млн человек. Забастовка железнодорожников и связистов поставила правительство в крайне сложное положение. После издания Манифеста 17 октября стачечное движение пошло на убыль. Пик крестьянского движения, вновь вспыхнувшего в период октябрьской стачки, пришелся на ноябрь. В октябре–декабре 1905 г. крестьяне перешли к самым крайним формам борьбы — поджогам и разгромам помещичьих имений. Осенью 1905 г. произошло 195 революционных выступлений в армии. В дни **Всероссийской октябрьской стачки** усилилась агитация революционных партий, издававших массу листовок, легальных и нелегальных газет. Осенью во многих городах были созданы Советы рабочих депутатов, а в некоторых городах — Советы солдатских (Москва), казачьих (Чита), матросских (Севастополь) депутатов и др. После Манифеста 17 октября революционеры провели множество митингов, на которых уничтожали портреты царя и государственные гербы. Эти действия привели к росту контрреволюционных настроений населения и погромам, направленным против революционных обществ и кружков. Власть в данный период пребывала в растерянности, министр внутренних дел А. Булыгин и товарищ министра Д. Трепов ушли в отставку. Одновременно революционеры вели открытый сбор денег на вооруженное восстание, активной террористической деятельностью занимались боевые группы эсеров и анархистов. В ноябре 1905 г. произошло крупное восстание на Черноморском флоте в Севастополе во главе с лейтенантом П. Шмидтом.

В декабре 1905 г. революционные партии предприняли попытку вооруженного свержения государственного строя. Ими были израсходованы немалые средства на покупку оружия и создание боевых дружин. В декабре возобновилась забас-

Штаб дружинников на Прохоровской мануфактуре в декабре 1905 г.

товка железнодорожников Московского узла, поддержанная рабочими 33 городов. На этот раз правительство с помощью войск удержало в своих руках ряд железных дорог и важных станций, в т. ч. Николаевскую железную дорогу. Апогеем революции стало **Московское вооруженное восстание.** С 10 по 17 декабря в городе шли упорные бои, в которых участвовало около 8 тыс. повстанцев, объединенных в боевые дружины. Опорным пунктом восстания была Пресня. Восстание было подавлено с помощью прибывшего из Петербурга Семеновского полка, в ходе боев погибло более 1 тыс. человек. Восстания произошли также в Сормове, Нижнем Новгороде, Харькове, Ростове-на-Дону, Екатеринославе, Красноярске, Чите и других городах. В их подавлении участвовали войска. Поражение декабрьского восстания означало начало спада революции, ее отступление, хотя интенсивные массовые выступления продолжались до июня 1907 г.

Власть и общество в период революции 1905—1907 гг.

После событий «Кровавого воскресенья» Святополк-Мирский был уволен в отставку и был заменен А. Булыгиным. Вскоре царь одобрил начало подготовки политических реформ. 18 февраля он подписал Манифест с призывом к властям и населению со-

Группа активных участников Декабрьского восстания в Москве

действовать искоренению внутренней крамолы. Но одновременно были подписаны рескрипт на имя Булыгина, в котором было обещано создание законосовещательной Думы, и указ Сенату, в котором Совету министров предписывалось рассматривать предложения частных лиц и учреждений о совершенствовании государственного устройства и народного благосостояния, поступающих на имя царя. Обещание законосовещательной Думы было первой крупной уступкой обществу в период революции 1905—1907 гг. Либеральная оппозиция оценила этот шаг властей как «белый флаг». «Нужно только навалиться всей силой на колеблющееся самодержавие и оно рухнет», — говорилось в журнале «Освобождение». Освобожденцы активно создавали различные союзы по профессиям для усиления своего влияния на интеллигенцию. В мае 14 союзов — профессоров, писателей, инженеров, учителей, земцев, адвокатов и др. объединились во **Всероссийский союз союзов**, который представлял не широкие массы интеллигенции, а лишь активные, оппозиционно настроенные по отношению к существующему политическому режиму, группы лиц каждой профессии. Союз союзов встал на непримиримые позиции и призвал всемерно добиваться «устранения захватившей власть разбойничьей шайки», чтобы заменить ее Учредительным собранием. Съезд земских и городских деятелей в мае, по предложению князя С. Трубецкого,

обратился с адресом к царю, требуя конституционных реформ. Николай II принял депутацию Земского съезда и подтвердил свою «непреклонную» волю «созывать выборных от народа», но по-прежнему отказывался от введения в России западных политико-правовых стандартов и ратовал за возрождение, согласно славянофильскому учению, «единения между Царем и всею Русью» на основании «самобытных русских начал».

На Петергофских совещаниях высших сановников и экспертов под председательством царя в июле 1905 г. были подготовлены проекты законов об учреждении Государственной Думы с законосовещательными правами и о выборах в нее. 6 августа законы **«о булыгинской думе»** были утверждены. Будущая Дума замышлялась как «крестьянская» — крестьян должна была представлять почти половина выборщиков. Недовольство либералов вызвало отсутствие у Думы законодательных прав. Лидер либералов П. Милюков развил энергичную деятельность по объединению «революции» (Союза освобождения) и «конституции» (левых земцев); Союз освобождения и Союз земцев-конституционалистов приняли решение объединиться в **Конституционно-демократическую партию** (кадеты). Учредительный съезд партии кадетов состоялся 12—18 октября 1905 г. в обстановке Всероссийской октябрьской стачки.

17 октября 1905 г. Николай II подписал Манифест о даровании гражданам России политических свобод, неприкосновенности личности, о предоставлении Государственной Думе законодательных прав и о расширении избирательных прав населения при выборах в Думу. Манифест также предписывал «объединить деятельность высшего правительства» под общим началом. Первым в России председателем Совета министров, преобразованного в единое правительство, 19 октября был назначен С. Витте.

Эйфория в обществе, вызванная обещанной в Манифесте 17 октября «конституцией», вскоре сменилась новыми всплесками недовольства и недоверия к верховной власти. Уже вечером 17 октября на праздничном банкете в Москве по случаю дарования «свобод» глава только что созданной Конституционно-демократической партии (кадетов) Милюков заявил, что Манифест производит «смутное и неудовлетворительное впечатление» и закончил свою речь словами: «Ничто не изменилось, война продолжается». Слова Милюкова стали руководством к действию для радикально настроенных либеральных интеллигентов. Струве позднее писал в сборнике «Вехи», что «актом 17 октября по существу и формально революция должна была завершиться», но интеллигенция еще активнее повела борьбу

с тысячелетней российской государственностью, внеся в нее «огромный фанатизм ненависти». Кадеты в печати призывали к свержению самодержавия и пытались двинуть революционные массы на уничтожение старого строя. Высказывались идеи придать «учредительные» права I Думе. Кадетская партия шла на выборы в I Думу не с целью участия в законодательной работе, а для непримиримой борьбы с правительством. Декабрьское вооруженное восстание 1905 г. раскололо либеральный лагерь. **Правые либералы («Союз 17 октября»)** осудили революционный террор, переплетавшийся с разгулом уголовных элементов. Кадеты, наоборот, решили «подтолкнуть падающего». В 1906 г. Милюков отверг предложение Столыпина осудить политический терроризм, а кадет Герценштейн назвал поджоги дворянских имений «иллюминациями». **В конце 1905 — начале 1906 г. кадетствующая интеллигенция отошла от либеральных требований эволюционных реформ и встала на революционные позиции с той лишь особенностью, что стремилась достичь власти не своими стараниями, а руками бесчинствующей толпы.**

Социалистические партии вели организаторскую работу в массах и выдвигали опережающие лозунги всеобщей стачки, вооруженного восстания. Многие их лидеры после политической амнистии в октябре 1905 г. вернулись в Россию и на легальных началах занялись организацией рабочих выступлений и деятельности Советов, а также прямой подготовкой вооруженных действий. Социалисты получили возможность использовать легальные формы борьбы: издавать газеты, участвовать в выборах и т. п.

В ноябре 1905 г. началось организационное оформление **правых** течений. **Союз русского народа** провел митинг в Михайловском манеже, где собралось несколько тысяч человек. В Москве состоялся съезд Союза землевладельцев и была создана **Монархическая партия.** Все они высказались за отставку правительства Витте, шедшего на уступки «революции», и восстановление твердой власти.

Делегации правых были приняты императором 1 декабря, но требование отменить Манифест 17 октября было отклонено Николаем. Однако верховная власть в такой обстановке начала действовать увереннее и смело применяла силу против вооруженных выступлений. В 1906—1907 гг. правительство полностью контролировало ситуацию, роспуск I и II Дум прошел мирно, сторонники революции лишились опоры. «Третьеиюньский переворот» 1907 г. означал формальное завершение революции.

§3

Думская монархия

Изменение государственного строя

Исполняя положения Манифеста 17 октября 1905 г., правительство приступило к реформе государственного строя России. В декабре 1905 г., в разгар московского восстания, был одобрен законопроект о порядке выборов в Государственную думу. Николай II и С. Витте отвергли идею либеральных общественных деятелей ввести всеобщее избирательное право, царь назвал ее «фантазией». В избирательном законе 11 декабря 1905 г. сохранялись куриальные начала формирования Думы, закрепленные в законе 6 августа 1905 г. Избирательные права получили рабочие. Законами 20 февраля 1906 г. определялся порядок деятельности Государственной думы и Государственного совета, ставшего верхней законодательной палатой. На основе Манифеста 17 октября были разработаны **Основные государственные законы Российской империи**. Проект был подготовлен Особым совещанием под председательством царя, при его обсуждении были использованы тексты европейских конституций и проекты либералов. Дворцовый комендант Д. Трепов отправил проект лидерам победившей на выборах в I Думу кадетской партии — П. Милюкову, С. Муромцеву, Ф. Головину и главе партии демократических реформ М. Ковалевскому. Либералы внесли ряд поправок. При работе над проектом возникали споры о смысле понятия «самодержавие». Царь делал различия между «самодержавием» и «неограниченной монархией». Он указывал, что несмотря на дарованные политические свободы, он остается самодержцем. В первоначальном проекте Основных государственных законов России власть императора именовалась «самодержавной и неограниченной». Но затем Николай II согласился исключить слово «неограниченная», сохранив определение «самодержавная».

Законодательная власть была разделена на паритетных началах между императором, Государственной думой и реформированным Государственным советом (половина членов Совета по-прежнему назначалась царем, другая половина стала выборной — от православного духовенства, дворянских и земских собраний, Академии наук и университетов, орга-

низаций торговли и промышленности). Для принятия закона требовалось его одобрение большинством голосов в Думе и Госсовете, а затем — подписание императором. Дума и Государственный совет могли рассматривать любые вопросы, кроме относящихся к министерствам военному, иностранных дел и двора. Законодательные палаты не могли вмешиваться и в дело назначения министров, являвшееся прерогативой императора. Дума и Госсовет имели исключительное право утверждения бюджета. В свою очередь, монарх обладал правом роспуска Думы и приостановления деятельности Госсовета.

Споры в историографии вызывает содержание статьи 87-й Основных законов. Некоторые исследователи, ссылаясь на эту статью, отвергают конституционный характер Российского государства в 1906—1917 гг. Статья предоставляла императору право издавать, по представлению Совета министров, указы, имеющие силу закона. Но это право монарха было ограничено больше, чем у многих глав государств даже с республиканской формой правления. Указ мог быть издан только в перерыве работы Думы; он не мог вносить изменения в Основные законы, учреждения Госсовета и Думы, избирательное законодательство. Указ терял силу, если он не был внесен в Думу через два месяца после возобновления ее работы (так было с указом о военно-полевых судах от 20 августа 1906 г.) или если он отвергнут Думой или Госсоветом.

23 апреля 1906 г. Основные законы были утверждены и 26 апреля, в канун открытия сессии I Думы, опубликованы. Россия становилась конституционной или Думской монархией.

Существенные изменения произошли в системе высших органов исполнительной власти. 19 октября 1905 г. было создано объединенное коллегиальное правительство — Совет министров. Никакая общая мера управления не могла быть принята министрами «помимо Совета министров». Совет министров наделялся правом законодательной инициативы — разработки законопроектов и внесения их в Думу. Вводилась должность председателя Совета министров, который должен был руководить правительственной деятельностью и был подотчетен лично императору. Министры теряли право самостоятельной выработки ведомственных решений, «всеподданнейшие доклады» министров царю должны были предварительно согласовываться с председателем Совета министров.

В 1905 г. были образованы новые ведомства: Министерство торговли и промышленности и Главное управление землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) — на правах министерства.

ГУЗиЗ было создано вместо существовавшего с 1894 г. Министерства земледелия и госимуществ специально для проведения аграрной реформы. В ГУЗиЗ из МВД было передано Переселенческое управление, а неземледельческие госимущества передавались в Министерство торговли и промышленности. Новые министерства пополнили блок экономических ведомств (финансов, путей сообщения), значение которого возрастало.

В правовой системе Думской монархии Сенат фактически наделялся функциями конституционного надзора и должен был не допускать публикацию актов, нарушающих Основные законы империи.

Государственный аппарат России не претерпел особых изменений, он оставался самым малочисленным пропорционально численности населения передовых стран. К 1913 г. число госслужащих в России достигало 575—580 тыс. человек. В расчете на 1 тыс. человек это составляло 62 человека (в Англии — 73, в США — 113, в Германии и Австро-Венгрии — по 125, во Франции — 176). В госаппарате России в 1913 г. насчитывалось 252,8 тыс. человек, из них чинов всех ведомств — 53 тыс., остальные были служащими по найму. Самое крупное ведомство — МВД, насчитывало 83,8 тыс. чиновников. Такой сравнительно малочисленный госаппарат испытывал серьезные трудности в условиях подъема массового социального движения. При этом оплата большинства госслужащих была низкой, они не имели также права участвовать в политической деятельности. Чиновники, занимавшие штатные должности, лишались пассивного избирательного права при выборах в Думу, а военные и чины полиции — полностью теряли избирательные права.

Относительная малочисленность госаппарата и его территориальная раздробленность не давали ему возможности активно противодействовать широкомасштабным антиправительственным акциям в 1905 и 1917 гг., а слабое материальное обеспечение и политическое бесправие вовлекли его значительную часть в либерально-оппозиционный лагерь.

После издания Манифеста 17 октября возникло более 50 общероссийских и более 100 национальных политических партий. По своей политической направленности партии делились на три основных блока. В первый входили партии правительственного лагеря, условно называемые консервативными; во второй — либеральные, а в третий — социалистические. Национальные и региональные партии в основном примыкали к двум последним блокам.

Наиболее крупными консервативно-монархическими организациями были Союз русского народа, из которого в 1907 г. выделился Русский народный союз имени Михаила Архангела, а также Партия правового порядка и Русская монархическая партия. Всего насчитывалось около 30 партий и союзов этого направления. Правые силы отстаивали самобытные основы российской государственности, соборности, православия и исторического самодержавия. Большинство из них выступало за аграрные преобразования в пользу крестьянства, за улучшение социальных условий рабочих и мелких производителей, за ограничение всевластия бюрократии.

Крупнейшими партиями либерального блока были кадеты (Конституционно-демократическая партия или Партия народной свободы) и октябристы (Союз 17 октября). К обеим партиям примыкало множество организаций близкого толка — около 40 партий и мелкие национальные группы. Либералы отрицали историческую самобытность России и считали, что страна развивается по западному пути, но находится на более низкой стадии. Для преодоления «отсталости» они считали необходимыми реформу государственного строя и модернизацию экономики по европейскому образцу. Кадеты и другие партии либерально-радикального толка декларировали сохранение унитарного государства с предоставлением автономных прав Польше и Финляндии и культурно-национальной автономии для всех народностей России. Программы этих партий содержали идеи реформ в аграрном и рабочем вопросах, в социально-экономической и культурной сферах по примеру Европы и Северной Америки. Кадеты и октябристы возглавляли соответственно левое и правое крыло легальной оппозиции.

Ведущими силами социалистического лагеря были социал-демократы (РСДРП) и социалисты-революционеры (эсеры). В 1903 г. РСДРП раскололась на два крыла: большевиков и меньшевиков. Среди социал-демократов существовали острые разногласия по вопросу об отношении к системе Думской монархии. Одна часть («отзовисты») предлагала бойкотировать новую политическую систему и объявить Думу обманом народа. Другая («ликвидаторы») выступала за отказ от нелегальных методов борьбы и создание мощной авторитетной легальной партии, использующей исключительно парламентские формы деятельности. Лидер большевиков В. Ленин выступал за рациональное сочетание легальной и нелегальной работы с сохранением всех нелегальных структур и железной внутренней дисциплины. Эсеры также разделились на левых и правых. Правые настаивали на отходе от террора и от форм нелегальной

работы, на отказе от лозунга вооруженного восстания. Левые ратовали за продолжение террора, за подготовку социальной революции и выдвигали требование социализации земли (передачи ее крестьянским общинам). Возникла также более радикальная группа эсеров-максималистов.

Социальный состав всех политических партий был довольно пестрым, но создателями и руководителями всех без исключения партий и союзов были интеллигенты. Численность партий в 1905—1907 гг. была невелика. Самые крупные из них — Союз русского народа и кадеты — насчитывали сотни тысяч членов, самые мелкие — по нескольку десятков. Общий состав партий не превышал 0,5% населения, а в 1908—1914 гг. снизился вдвое. Таким образом, заимствованная у «передовых» стран система политических партий с самого начала отражала интересы лишь политически активной части общества, составлявшей ничтожную часть населения.

I и II Государственные думы

Санкционировав выборы первого российского парламента, Николай II надеялся воспитать в недрах Думы «силу, которая окажется полезной для того, чтобы в будущем обеспечить России путь спокойного развития, без резкого нарушения тех устоев, на которых она жила столько времени». **27 апреля 1906 г. была открыта I Дума.** Либеральная оппозиция выдвинула условием примирения с властью расширение прав Государственной думы (ответственное перед Думой правительство, упразднение Госсовета) и проведение полной политической амнистии. Между тем Дума отказывалась осудить продолжавшийся революционный террор. Царь был возмущен действиями Думы. По указанию монарха правительство И. Горемыкина ответило отказом Думе в ее притязаниях, в ответ Дума выразила недоверие правительству и высказалась против правительственной позиции по аграрному вопросу. Несмотря на резкое недовольство деятельностью I Думы, царь рассматривал различные варианты сотрудничества с ней. Д. Трепов — доверенное лицо царя — передал лидерам кадетов замысел формирования нового кабинета из деятелей кадетской партии — представителей думского большинства (кадетская партия имела в I Думе более трети мест). Но крайняя оппозиционность кадетов, избравших тактику «штурма власти», вынудила монарха отказаться от дальнейшего поиска компромисса с оппозицией. 9 июля Николай II в строгом соответствии с законом распустил I Думу. Попытка оппозиционных депутатов (более 230 человек), подпи-

савших Выборгское воззвание, развернуть в стране кампанию гражданского неповиновения не увенчалась успехом.

В день роспуска I Думы председателем Совета министров вместо И. Горемыкина был назначен П. Столыпин. 25 августа 1906 г. правительство Столыпина обнародовало свою политическую программу. Декларировались дальнейшее расширение гражданских прав, аграрная реформа, меры по улучшению быта рабочих, преобразования местного самоуправления, суда, полиции, налоговой системы, средней и высшей школы и др. В августе—ноябре 1906 г. царь утвердил ряд нормативных актов, положивших начало аграрной реформе.

20 февраля 1907 г. была открыта II Государственная Дума, в которой представители социалистических партий заняли почти половину мест. Большинство депутатов последовало примеру своих предшественников и фактически отказалось от ведения законодательных работ, развернув политическую критику правительства. Правительство собиралось распустить Думу в случае ее отказа от сотрудничества, а также изменить избирательный закон, что вскоре и произошло. **Высочайший Манифест о роспуске Думы и введении нового избирательного закона 3 июня 1907 г.** был воспринят населением индифферентно. Нарушение юридической нормы, запрещавшей утверждать новый закон без согласия законодательных палат, объяснялось наличием высшего права «исторической Власти Русского Царя», врученной «от Господа Бога». Вместе с тем, «Третьеиюньский переворот» не уничтожал начала государственного строя России, утвердившиеся в 1905—1906 гг., и оставлял «в силе» гражданские и политические права российских подданных. Николай II отклонил предложение деятелей правого лагеря отнять у Государственной Думы законодательные права и лишь изменил порядок выборов в Думу.

§4

Третьеиюньская система

III Государственная Дума

По новому избирательному закону было уменьшено представительство от крестьян и мелких городских налогоплательщиков, которые поддерживали кадетов и трудовиков. Увеличивалось число выборщиков от крупных землевладельцев и богатых на-

логоплательщиков. III и IV Думы резко отличались от предыдущих по партийному составу. Главной силой в III Думе стала фракция **«Союза 17 октября» (октябристов)**, занявшая место центра. При ее объединении с правыми по законопроектам охранительного содержания, направленным на укрепление государственного порядка, складывалось правооктябристское большинство (около 300 человек), а при совместном голосовании с кадетами по реформаторским законопроектам — октябристско-кадетское (свыше 230 человек). Это давало возможность Столыпину лавировать в Думе, добиваясь поддержки как консервативных, так и либеральных мер. В результате «третьеиюньского переворота» страна получила работоспособный парламент, III Дума плодотворно проработала весь пятилетний срок (1907—1912) и одобрила 2432 законопроекта.

Таблица 7

Партийный состав I—IV Государственных Дум в России в 1906—1917 гг.

Фракции	I Дума	II Дума	III Дума	IV Дума
	численность депутатов			
Правые	—	22	51	65
Националисты и умеренно-правые	—	—	90	88
Октябристы	—	32	136	98
Прогрессисты	12	—	39	48
Кадеты	161	98	53	59
Трудовики	97	104	13	10
Социал-демократы	17	65	19	14
Социалисты-революционеры	—	37	—	—
Национальные группы	70	76	26	21
Беспартийные и мелкие фракции	142	84	15	39
Общее число депутатов	**499**	**518**	**442**	**442**

Заседания III Думы открылись 1 ноября 1907 г. П. Столыпину удалось сплотить вокруг себя думское большинство. Главной опорой премьера в Думе стала партия октябристов, хотя ее лидеры считали союз с правительством Столыпина тактической мерой и находились в оппозиции царствующей династии. Глава октябристов А. Гучков, занимавший в III Думе до 1910 г. пост председателя комиссии государственной обороны, однажды откровенно признался, что главной целью его занятий военным делом является подготовка к свержению царя: «В 1905 г. революция не удалась потому, что войско было за Государя... В случае наступления новой революции необходимо, чтобы войско было на нашей стороне... чтобы, в случае нужды, войско поддерживало

более нас, нежели Царский Дом». Тем не менее Столыпин сумел привлечь октябристов на сторону своего кабинета, допустив их к участию в выработке важных законопроектов и правительственных решений. III Дума приняла с рядом поправок законопроекты о землевладении, землеустройстве, переселении, передаче крестьянам части казенных, кабинетских и удельных земель и ряд других, лежавших в основе столыпинской аграрной реформы, несмотря на возражения крайне правых и кадетов.

Но несколько важных правительственных проектов не получило поддержки: о введении волостного земства, о поселковом управлении, о волостном и местном суде, о распространении земской реформы на Сибирь и другие губернии. При проведении своего внутриполитического курса П. Столыпин говорил об укреплении «низов» как о главной задаче правительства. Прочность экономического положения России он считал залогом ее внешнеполитических успехов и верил в возможность мирного и постепенного преобразования страны: «Дайте государству двадцать лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России!» Николай II разделял социально-политические идеи премьера.

III Дума сотрудничала с правительством в подготовке нового рабочего законодательства, но при этом большинство депутатов стояло на стороне работодателей. Специальная комиссия В. Коковцова разработала законопроекты: о создании больничных касс для рабочих и страховании их от несчастных случаев, о сокращении рабочего дня с 11,5 до 10 часов, о создании конфликтных комиссий из рабочих и предпринимателей. В 1912 г. был одобрен законопроект о государственном страховании рабочих от несчастных случаев и болезней. Страхование распространялось на фабрично-заводских и горнозаводских рабочих, а затем было распространено на железнодорожников. Размер пенсии при несчастном случае и по болезни составлял 2/3 среднего заработка. Оплата за увечье шла за счет предпринимателей, а по болезни — из больничных касс, в которые рабочие вносили 1—2% заработка, а владелец — 2/3 общей суммы. Новый закон не распространялся на строительных работников, батраков, прислугу и др., но был важной государственной мерой в рабочем вопросе.

Наиболее остро обсуждались в Думе законопроекты по национальному вопросу. Правительство решило ограничить автономные права Финляндии, в которой находили убежище разные революционные и сепаратистские организации. Оно добилось принятия в 1910 г. закона о порядке законодательства

финляндского сейма. Общегосударственные вопросы (налоги, образование, связь, железные дороги и др.) должны были решаться Государственной Думой и изымались из ведения сейма. Были уравнены в правах русские и финские граждане в Финляндии (устранялась дискриминация русских) и установлена уплата финской казной 20 млн марок взамен отбывания финнами воинской повинности. «Поддерживая новые законы о Финляндии, думские правые и националисты отмечали, что правительство имеет в 26 верстах от столицы враждебное государство со своей армией, полицией и монетой, где укрываются и действуют враги России.

Остро обсуждался в Думе польский вопрос. Польское коло (фракция умеренных польских националистов) отказалось от требований автономии, но добивалось расширения прав местного самоуправления, введения суда присяжных и других либеральных реформ в Царстве Польском». Бурные дебаты начались по вопросу о Холмщине — древнерусской земле на левом берегу Западного Буга, входившей в состав Галицко-Волынской Руси. Вопрос был поднят энергичным и умным епископом Евлогием, который собрал под петицией о создании Холмской губернии и ее выделении из Царства Польского более 50 тыс. подписей местных жителей. Украинское (русское) население вокруг г. Холм исповедовало православие и многие века вело борьбу против полонизации и окатоличивания. Законопроект вызвал резкие споры. Правые требовали полной ликвидации Царства Польского и отмены в нем кодекса Наполеона, католического календаря, сервитутов. Польское коло, наоборот, пыталось воспрепятствовать принятию закона о Холмщине, в полемическом запале называя его «четвертым разделом Польши». Украинские националисты поддержали закон. В 1912 г. проект создания Холмской губернии и ее выделения из состава Царства Польского был одобрен законодательными палатами и стал законом.

Правительственный законопроект о создании земств в Западном крае стал причиной правительственного и парламентского кризиса. Кабинет Столыпина предложил ввести земства в 9 западных губерниях на условиях, отличных от условий в центральных губерниях. Население Западного края на 90% было белорусским и украинским, т.е. по официальной терминологии — русским и православным, а почти все помещики были поляками и католиками. Поэтому предлагалось проводить выборы в земства не по обычным куриям (землевладельцев и крестьян), а по национальным — русским и польским. Правооктябристское большинство Думы одобрило введение земств

в 6 западных губерниях, а также создание двух русских избирательных курий (крестьян и землевладельцев) и одной польской (землевладельцев). Однако в марте 1911 г. законопроект встретил сопротивление со стороны большинства Государственного совета, которое составляли правые, отвергавшие проведение различий по этническому принципу. Законопроект был отклонен Государственным советом. П. Столыпин, считая случившееся следствием направленной против него интриги, заявил царю об отставке, которая не была принята. Тогда премьер добился от царя роспуска обеих палат на 3 дня «на каникулы» и принятия закона в порядке 87-й статьи Основных законов в редакции, одобренной Думой. Но после самовластных шагов Столыпина разгорелся крупный политический скандал. Премьеру отказали в поддержке октябристы, а вместе с ними — большинство Думы.

Лидер октябристов А. Гучков, прежде слывший «другом» Столыпина, теперь демонстративно покинул пост председателя Думы. Вскоре он начал в Думе громкую демагогическую кампанию лично против царя, раздувая газетные толки о вмешательстве близкого к царской семье «старца» Распутина в государственные дела. На премьера обрушилась жестокая критика и «слева» и «справа». Столыпин утрачивал личное доверие государя и реальный контроль над деятельностью высшей исполнительной власти. Были широко растиражированы слухи о скором увольнении премьера. Но 1 сентября 1911 г. Столыпин был смертельно ранен в Киеве бывшим эсером, агентом охранки Дмитрием (Мордкой) Богровым и скончался 5 сентября. Обстоятельства убийства Столыпина, подвергшегося покушению в тщательно охраняемом здании театра и в присутствии самого монарха, дали повод для высказываний о том, что террористический акт был санкционирован жандармским ведомством и совершен едва ли не с ведома первых лиц государства.

Гибель П. Столыпина вела к дезорганизации высшего управления империей. Эффективный механизм сотрудничества исполнительной власти с законодательными палатами, часто называемый в историографии режимом «столыпинского бонапартизма», разрушался. Новым председателем Совета министров стал В. Коковцов, ранее занимавший пост министра финансов. Коковцов пытался продолжать столыпинский курс, но без должной последовательности. Правящий кабинет был расколот. «Левые» и «правые» министры выступали друг против друга при обсуждении законопроектов в Государственном совете.

В 1912—1914 гг. вновь усиливается стачечное движение. Расстрел полицией бастовавших рабочих Ленских приисков в апреле 1912 г. (было убито 270 и ранено 250 человек) вызвал бурю негодования в стране и в III Думе среди депутатов самой различной политической ориентации. Была создана комиссия по расследованию обстоятельств Ленских событий, в состав которой вошло несколько депутатов Думы, в том числе А. Керенский. Ведущую роль в рабочем движении играли пролетарии Петербурга.

Выборы в IV Думу осенью 1912 г. проходили в обстановке оживления политической жизни. Состав IV Думы мало отличался от предыдущей: правый и левый фланги сохранили свои позиции, а главной силой остались октябристы, хотя они и потеряли часть мест. Но ситуация изменилась. Правительство не получило в новой Думе своего большинства. Партия октябристов перестала быть проправительственной силой и, образовав коалицию с кадетами, прогрессистами и другими либерально-оппозиционными силами, в обход правых провела на пост председателя Думы М. Родзянко. Председатель Думы видел главную задачу в «укреплении конституционного строя». Лидер прогрессистов М. Ковалевский сделал свою фракцию связующим «мостом» между октябристами и кадетами. Думская оппозиция усиливалась и ставила перед собой задачу дискредитации царской четы, самодержавного строя. В ноябре 1913 г. Гучков выступил на конференции октябристов с докладом, в котором громогласно объявил о разрыве его партии с верховной властью. Конференция поддержала Гучкова. Правда, вскоре произошел распад партии октябристов и ее фракции в Думе. Преградой росту антиправительственных настроений в обществе стали успехи экономического развития России в 1910—1914 гг.

В январе 1914 г., в канун Первой мировой войны, царь уволил В. Коковцова с постов председателя Совета министров и министра финансов. В дальнейшем Николай II намеревался взять в свои руки всю правительственную деятельность и приступить к осуществлению новой программы преобразований. Она предполагала, в частности, проведение реформы кредитной системы, чтобы обеспечить большинство народа, занимающегося самостоятельной хозяйственной деятельностью, «правильно поставленным и доступным кредитом». Своим помощником царь избрал престарелого, но опытного и во всем лояльного престолу И. Горемыкина,

вновь назначив его премьером. Горемыкин был непопулярен в Думе, но его назначение не вызвало существенного резонанса. В канун войны политическая стабильность России, основанная на ее экономических успехах, была вне сомнения.

К 1914 г. Россия, пережив «революционную смуту» и пройдя через кардинальные преобразования в государственном и социальном строе, вернула себе внутреннюю стабильность. Политические свободы и новые законодательные учреждения стали неотъемлемой частью ее государственного устройства. Последующее развитие страны диктовалось условиями, в которых она оказалась после втягивания в крупный военный конфликт.

4 глава ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В 1900—1914 гг.

§1

Внешняя политика на рубеже XIX–XX вв.

Международное положение России

Внешняя политика России первых лет царствования Николая II не претерпела изменений по сравнению с предшествующей эпохой, она была нацелена на предотвращение крупных конфликтов между европейскими державами и мирное разрешение международных споров. Такой курс отвечал интересам безопасности России.

Укреплялся военно-политический союз с Францией; Россия выступала фактическим гарантом суверенитета и безопасности Франции, ограждая ее от германских посягательств. «Добрососедские» отношения между Россией и Германией сохранялись, но Николай II отклонил призывы кайзера Вильгельма II порвать союз с республиканской Францией. Кроме того, Россия была обеспокоена экономической экспансией Германии в Малой Азии (выдача концессии Немецкому банку на строительство Багдадской железной дороги и др.) и соглашалась признать за Германией это право только в случае, если последняя не будет возражать против установления режима свободного прохода русских военных судов через проливы Босфор и Дарданеллы. Но германский канцлер Бюлов выдвинул заведомо неприемлемые для России условия. Ответом стал заключенный в 1900 г. русско-турецкий договор, который допускал выдачу концессий на строительство железных дорог в северной и северо-восточной Анатолии только турецкому или российскому капиталу. Этот договор не давал Германии возможности прорыва к границам России.

Постепенно улучшались отношения с Англией, но противоречия между двумя странами оставались. Англия выступала против русского военного присутствия в Маньчжурии, Россия — против английской оккупации Египта, контроля Англии над Суэцким каналом и развязывания войны с бурами в Южной Африке (симпатии русского царя были на стороне буров). На рубеже XIX—XX вв. Англия несколько раз безуспешно пыталась договориться с Россией о разделе сфер экономического влияния в Персии.

Продолжая миротворческую политику своего отца, Николай II в августе 1898 г. выступил инициатором созыва международной конференции для обсуждения проблем ограничения и сокращения численности вооруженных сил и вооружений. Инициатива России нашла поддержку. **В 1899 г. состоялась Гаагская конференция мира**, в которой участвовали представители 27 государств, в т. ч. Англия, США, Германия, Франция, Италия и Япония. На конференции были приняты конвенции, определявшие важные нормы международного права по вопросам войны и мира: о мирном разрешении военных споров, о законах и обычаях сухопутной и морской войны, о неприменении наиболее бесчеловечных видов оружия (удушающих газов и пр.), о режиме содержания пленных и др. Для разрешения межгосударственных споров и конфликтов в Гааге был учрежден Международный суд. Вместе с тем, идеи ограничения и сокращения вооруженных сил и вооружений, выдвинутые Николаем II, не нашли поддержки на конференции. Германия также сорвала принятие конвенции о принудительном арбитраже в случае международных конфликтов.

Дальневосточная политика

Россия проводила активную политику на Дальнем Востоке, заботясь об упрочении экономических и военно-политических позиций в данном регионе. Вместе с Германией и Францией Россия вмешалась в конфликт Японии с Китаем, добившись возвращения последнему Ляодунского полуострова, отторгнутого Японией по условиям Симоносекского договора 1895 г. В 1896 г. в Москве был заключен русско-китайский договор об оборонительном союзе против Японии и о строительстве восточного участка Транссибирской железной дороги по территории Маньчжурии. В 1897—1901 гг. была построена **Китайско-восточная железная дорога (КВЖД)**, соединившая кратчайшим образом (через территорию Китая) русские города Читу и Владивосток; строительством дороги ведал Русско-китайский банк, которому

была выдана концессия на 80 лет. В 1897 г. русская военная эскадра прибыла к побережью Ляодунского полуострова, по условиям договора 1898 г. Ляодунский полуостров был передан Китаем в аренду России сроком на 25 лет. Там была основана главная военно-морская база Тихоокеанского флота России — **Порт-Артур.** По условиям договора, к русским портам полуострова — Дальнему (торговый порт) и Порт-Артуру была проложена южная ветка КВЖД.

Аренда Ляодунского полуострова Россией, ее присутствие в Маньчжурии вызывали недовольство Японии, проблема раздела сфер влияния в Китае привела к ухудшению отношений России с Англией и Германией. Возникшие между крупными державами противоречия были на время отодвинуты Ихэтуаньским («боксерским») восстанием в Китае 1899—1901 гг., направленным против иностранного засилья. В его подавлении принимали участие войска Японии, России, Германии, Англии и Франции. Русские войска заняли Пекин и оккупировали всю Маньчжурию. Но затем русское правительство выступило за скорейшее прекращение интервенции, защищало политический суверенитет Китая и протестовало против жестокого наказания участников восстания. Русские войска первыми прекратили участие в карательных действиях войск интервентов.

В 1902—1903 гг. переговоры между великими державами о разделе сфер влияния в Китае окончились безрезультатно. В 1902 г. был заключен Англо-японский союз, направленный против России. Согласно договору, Англия обязывалась соблюдать дружественный нейтралитет в случае войны Японии с одной державой и вступить в войну на стороне Японии в случае ее войны с двумя державами. Англо-японский союз осложнил положение России на Дальнем Востоке. Англия и США предоставляли огромные кредиты Японии на военные расходы. Николай II пытался склонить к союзу против Японии Германию и Францию, но Берлин ответил отказом, а французское правительство пошло на обнародование совместной с Россией декларации, которая ни к чему не обязывала. Стороны обещали друг другу в случае «агрессивных действий третьих держав», или волнений в Китае «применить надлежащие средства».

Действия русского правительства были направлены на утверждение господства в Маньчжурии, занятой русскими войсками, и в Корее, в пограничные с Маньчжурией районы которой под предлогом охраны лесных концессий войска также были введены. Но правящие круги Японии стремились к той же цели. Максимальной уступкой с их стороны мог быть отказ от притязаний на Маньчжурию, но когда японское

военно-политическое превосходство в регионе стало бесспорным, Япония отказалась от компромиссов. С. Витте, посетивший в 1902 г. Дальний Восток, пришел к выводу о серьезном провале внешней политики России в этом регионе и высказался за «самые крайние уступки» Японии.

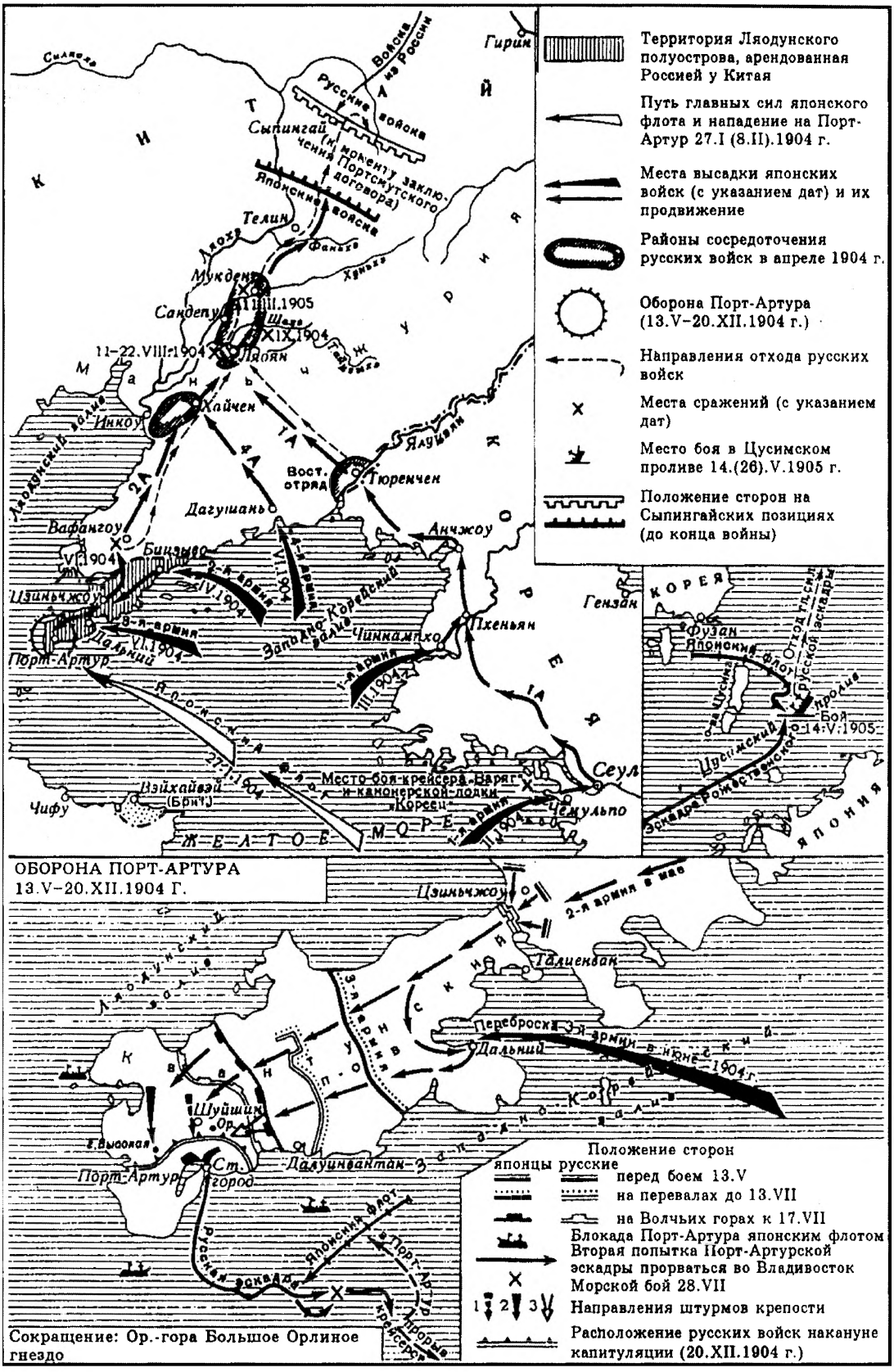
Русско-китайское соглашение 1902 г. предоставляло России преобладающие права в Маньчжурии, но, под нажимом других великих держав, Россия по условиям соглашения объявляла о выводе своих войск из Маньчжурии до конца 1903 г. Правда, в 1903 г. русское правительство пересмотрело последнее условие. Николай II принял решение готовиться к оборонительной войне с Японией, полагая, что она начнется не ранее 1905—1906 гг. Оккупация Маньчжурии продолжалась. В ответ Япония выступила «защитницей» суверенных прав Китая и настаивала на выводе русских войск из Маньчжурии в указанные сроки, а также против русского присутствия в Корее. Враждебность Англии в отношении России, в связи с маньчжурской проблемой, усиливалась. Германия заняла формально нейтральную позицию, тайно подталкивая Японию к началу войны с Россией. Франция же разъяснила, что франко-русский союз относится только к европейским делам. Япония приняла решение начать войну и 24 января (6 февраля) 1904 г. разорвала дипломатические отношения с Россией.

§2

Русско-японская война

Силы и планы сторон

Военные силы России были значительно мощнее, чем у Японии. К 1904 г. Россия имела 1135-тысячную армию и 3,5 млн человек запасных и ополченцев. Но русское правительство не верило в возможность японского нападения и не предприняло мер к посылке на Дальний Восток воинских контингентов. Военный министр А. Куропаткин и наместник на Дальнем Востоке Е. Алексеев были уверены в способности русских сил отстоять Порт-Артур и Северную Маньчжурию. Русский воинский контингент на Дальнем Востоке составлял в общей сложности около 100 тыс. человек, разбросанных по разным местам. Значительную часть военных сил составляли здесь наспех сформированные соединения из плохо обученных сол-



Русско-японская война

дат и проштрафившихся офицеров. Наиболее слабым было артиллерийское обеспечение. Программа строительства флота на Дальнем Востоке не была завершена. Не было окончено строительство укреплений Порт-Артура. Переброска войск затруднялась тем, что Сибирская магистраль на Кругобайкальском участке еще не была достроена (завершена в 1905 г.).

Япония подготовилась к войне гораздо лучше, ее военная программа к 1904 г. была перевыполнена. В действующей армии насчитывалось 143 тыс. солдат и 8 тыс. офицеров, а вместе с флотом и резервом — 200 тыс. из 500 тыс. человек, подлежавших призыву. Армия была обучена немецкими инструкторами и хорошо вооружена, оснащена тяжелой и горной артиллерией. Япония получила большую военную помощь от Англии и США, предоставивших ей крупные денежные кредиты, построивших японский броненосный флот и снабжавших японскую армию оружием. Решающее значение в будущей войне имело превосходство на море. Количественное превосходство японцев на Дальнем Востоке по броненосцам и тяжелым крейсерам было незначительным — 14 против 11, но они имели больше крейсеров и миноносцев. Общее соотношение военных судов к началу войны было 80:63, не считая 10 русских кораблей во Владивостоке и 3-ю японскую эскадру (27 кораблей), защищавшую Корейский пролив. Главным превосходством японского флота было качество кораблей — все они были новейшего типа, быстроходны и оснащены новейшим артиллерийским вооружением.

Японский план ведения войны носил четкий наступательный характер: внезапное нападение на русский флот и его уничтожение, высадка в Корее и Маньчжурии, захват Порт-Артура штурмом, разгром русской армии и захват КВЖД, чтобы прервать доставку русских подкреплений. Русский план был оборонительным и при этом не содержал ясных стратегических и тактических задач. Он предусматривал оборону Порт-Артура и Владивостока с моря и суши, оборонительные бои в Маньчжурии и постепенный отход к месту сосредоточения главных сил в районе Харбина. План полностью уступал военную инициативу японцам.

Начало войны

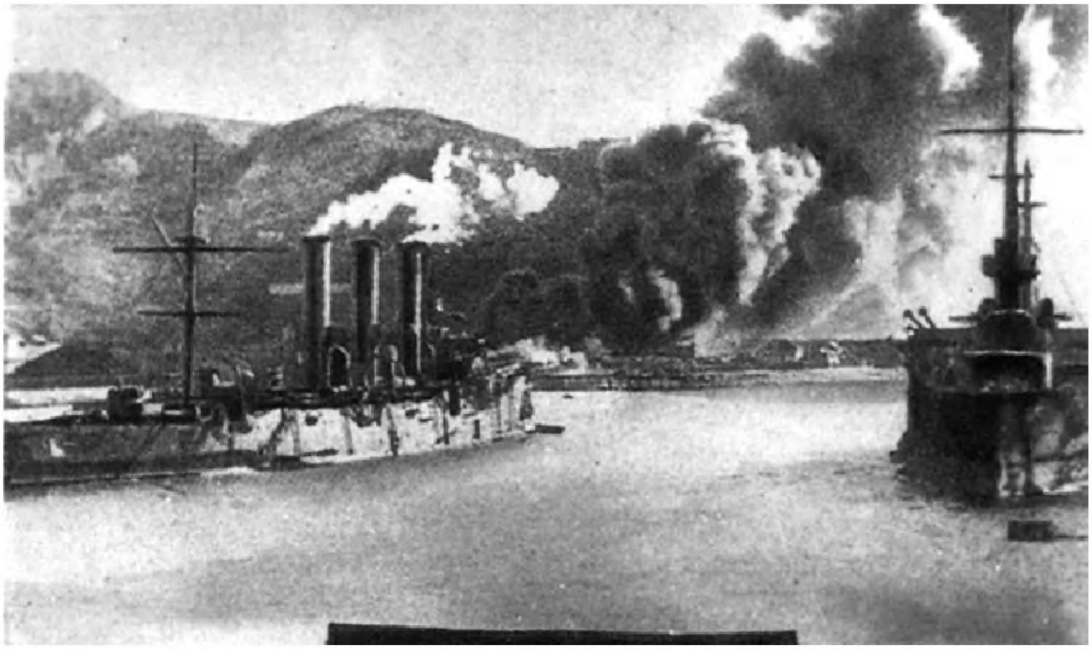
В **ночь на 27 января (9 февраля) 1904 г.** без официального объявления войны Япония начала военные действия против России (война была объявлена на следующий день). Японский флот атаковал русскую эскадру, стоявшую на внешнем рейде Порт-Артура. В Чемульпо (Корея) после неравного боя русские моряки затопили свой **крейсер «Варяг»** и взорвали **канонерс-**

кую лодку «Кореец». Затем японский адмирал Х. Того предпринял безуспешную попытку блокировать русскую эскадру на внутреннем рейде Порт-Артура. Прибывший 24 февраля в Порт-Артур вице-адмирал С. Макаров возглавил активные действия 1-й Тихоокеанской эскадры, выходившей из Порт-Артура в море и минировавшей подходы к порту. Но 31 марта броненосец «Петропавловск» подорвался на японской мине, на нем погибли адмирал Макаров, русский художник В. Верещагин, 620 матросов и 28 офицеров. После гибели Макарова активные действия русской эскадры прекращаются.

Военные действия на суше начались в апреле 1904 г. наступлением 45-тысячной 1-й японской армии Куроки у Тюренчэна; находившиеся здесь малочисленные русские войска были отброшены в глубь Маньчжурии. Затем у Бицзыво высадилась 2-я японская армия генерала Оку, перерезавшая железную дорогу к Порт-Артуру; а у Дагушаня — 4-я армия Нодзу. Главнокомандующий русскими войсками А. Куропаткин отводил свои главные силы на север Маньчжурии, фактически предоставив японцам возможность начать осаду Порт-Артура с суши. Армия Оку была двинута на север, а для захвата Ляодунского полуострова была сформирована 3-я японская армия М. Ноги. **17—21 августа 1904 г. произошло крупное сражение под Ляояном.** Куропаткин, имея в своем распоряжении 148 тыс. штыков и 673 орудия, направил в бой лишь 94 тыс. солдат и 338 орудий. Японские силы насчитывали 110 тыс. штыков и 484 орудия. Наступление трех японских армий было отбито, неприятель понес большие потери. Японцы потеряли 24 тыс. человек, русские 17 тыс. Но Куропаткин, из предосторожности, приказал отступать. В сентябре он предпринял наступление на реке Шахэ, которое в случае успеха могло деблокировать Порт-Артур, но использовал только часть сил и потерпел поражение; при том, что основная часть японских войск была стянута к Порт-Артуру и не могла воспрепятствовать русскому наступлению в Маньчжурии. Обескровленные стороны перешли к позиционной войне на три месяца.

Героическая оборона Порт-Артура

Осада Порт-Артура японцами началась **в мае 1904 г.** Захватив Цзиньчжоуский перешеек и порт Дальний, армия Оку двинулась на север, а блокада Порт-Артура была возложена на 3-ю японскую армию под командованием генерал-полковника М. Ноги. Командующий Квантунским укрепленным районом генерал А. Стессель отказался от наступательных действий и



Оборона Порт-Артура. Пожар на Золотой горе

перешел к пассивной обороне. Но по настоянию командира 7-й Восточно-Сибирской дивизии Р. Кондратенко русские войска в мае—июне 1904 г. вступили в бои с японцами у Большого перевала, а затем — у Зеленых и Волчьих гор. Японцы потеряли 12 тыс. человек убитыми и ранеными, русские — 5,3 тыс. К моменту подхода противника к Порт-Артуру в районе крепости закончились фортификационные работы. Гарнизон крепости составляли 40 тыс. солдат, личный состав эскадры насчитывал 12 тыс. человек. Ведущую роль в обороне крепости сыграл генерал Кондратенко, пользовавшийся большим авторитетом среди солдат и офицеров.

1-я Тихоокеанская эскадра получила приказ наместника на Дальнем Востоке Е. Алексеева прорываться во Владивосток. Первая попытка (10 июня 1904 г.) закончилась безрезультатно, командующий эскадрой В. Витгефт уклонился от боя с японским флотом и вернулся в порт. Во время второй попытки (28 июля) бой с японским флотом продолжался с 12 часов дня до ночи. Русские моряки проявили высокое мужество и стойкость. В бою был убит Витгефт. Русские и японские корабли получили много повреждений, но ни один не был потоплен. Из 18 русских кораблей 10 вернулось в Порт-Артур, 7 ушли в нейтральные порты для ремонта повреждений, а крейсер «Новик» достиг Сахалина и в ходе боя с двумя японскими крейсерами был затоплен командой. После этого сражения военные корабли помогали обороне крепости.

Офицерский блиндаж

Японцы сосредоточили у Порт-Артура 48-тысячную армию. **Первый штурм крепости продолжался с 6 по 11 августа,** неприятель потерпел поражение. Потери японских войск составили 25 тыс. человек, потери русских — 6 тыс. **Второй штурм состоялся в сентябре.** Японцы получили значительные подкрепления и осадную артиллерию. Им удалось захватить гору Длинную, но они были отброшены от горы Высокой. Потери японцев составили 7,5 тыс. человек, русских — 1,5 тыс. В ожидании похода из Балтийского моря к Порт-Артуру 2-й Тихоокеанской эскадры японское командование бросило все имеющиеся силы на захват русской крепости. **Третий штурм начался 17 октября,** но потери японцев были настолько велики, что М. Ноги отказался его продолжать и перешел к минно-артиллерийской войне. К ноябрю под Порт-Артуром было сосредоточено около 100 тыс. японских солдат. **Четвертый штурм был начат 13 ноября,** ему предшествовал мощный артиллерийский и минный обстрел русских позиций. Штурм продолжался 9 дней. На горе Высокой из 43 блиндажей уцелели только 2, Высокая была взята. Здесь японцы потеряли 10 тыс. человек, русские — 5 тыс. После взятия горы неприятель начал прицельным огнем уничтожать корабли эскадры, усилился обстрел крепости из осадных орудий. 2 декабря был убит Кондратенко. Военный совет крепости, состоявшийся 16 декабря, высказался за продолжение обороны, лишь начальник штаба полковник Рейс настаивал на капитуляции.

В последующие дни неприятель захватил ряд укреплений, но путь ему преграждали вторая и третья линии обороны. В крепости оставалось продовольствие. **Однако 20 декабря Стессель предательски сдал Порт-Артур японцам.** В ходе боев за крепость японские войска потеряли 110 тыс. человек и 15 боевых кораблей. Капитуляция Порт-Артура позволила им уничтожить русскую эскадру, захватить 610 орудий и взять в плен 32 тыс. человек.

Окончание войны

С **5 по 24 февраля 1905 г.** в Маньчжурии шли ожесточенные бои **под Мукденом,** с обеих сторон в них участвовало свыше 660 тыс. солдат. Японское правительство предписывало главнокомандующему армией в Маньчжурии маршалу Ойяме окружить и уничтожить русскую армию. Но после оборонительных боев русские войска отступили на заранее подготовленные Сыпингайские позиции. Потери японцев составили 70 тыс. человек убитыми и ранеными, потери русских — 59 тыс. убитыми и ранеными и 22 тыс. пленными. К августу 1905 г. численность русских войск на Дальнем Востоке составила 1 млн человек. После сражения под Мукденом А. Куропаткина на посту главнокомандующего сменил генерал Н. Линевич, который готовил военное контрнаступление в Маньчжурии и высказывался против заключения мира с Японией.

Весной 1905 г. в район военных действий прибыли 2-я и 3-я Тихоокеанская эскадры, которые 14—15 мая вступили в бой с главными морскими силами Японии в Цусимском проливе. Против 30 русских кораблей японцы выставили 120. Адмирал З. Рожественский ставил перед эскадрами единственную задачу — прорыв во Владивосток, но эта задача была невыполнимой, так как скоростные качества японских кораблей были значительно выше. В начале боя Рожественский был контужен, а заменивший его адмирал Небогатов по существу не руководил боем. Русские корабли действовали разобщенно, но продолжали упорное сопротивление, несмотря на огромное превосходство противника. Адмирал Небогатов поднял белый флаг и вместе с раненым адмиралом Рожественским сдался в плен. Было потоплено 19 кораблей, 3 крейсера прорвались в нейтральные порты и были там интернированы, 2 крейсера и 2 миноносца дошли до Владивостока. Главной причиной поражения при Цусиме был количественный и качественный перевес японского флота, перевес в живой силе и технике. В июне 1905 г. две японские дивизии высадились на острове

Сахалин. Тем временем либеральные круги разжигали в русском обществе пораженческую истерию.

В ходе войны с Японией Россия оказалась в международной изоляции. Правительства Англии и США открыто поддерживали Японию. Президент США Т. Рузвельт пригрозил Германии и Франции, что в случае их выступления против Японии Америка вмешается в войну «и пойдет так далеко, как это потребуется в ее интересах». Англо-французское соглашение 1904 г. о «сердечном согласии» (Антанте) фактически оставляло Россию даже без номинальных союзников, Франция отказала России в военном займе. Николай II пытался оформить военный союз России с Германией и Францией, направленный против Англии. Оборонительный союз был заключен царем с германским императором Вильгельмом II в Бьерке (Финляндия) 11 июля 1905 г. и должен был вступить в силу после заключения договора о мире между Россией и Японией. Обе стороны условились, что третьим участником союза должна стать Франция. Но французское правительство отказалось присоединиться к нему. Царь не допускал перспективы войны России с Францией даже в случае «нападения» последней на Германию и позднее, в октябре 1905 г., предлагал Вильгельму II дополнить Бьеркский договор специальной декларацией о неприменении положений договора о союзе «в случае войны с Францией». Правительство Германии отвергло поправку русского царя и договор утратил силу.

В мае 1905 г. Николай II согласился с предложением президента США Т. Рузвельта начать мирные переговоры и назначил первым уполномоченным России С. Витте. Согласно царскому указанию, Витте был обязан отказать противной стороне в выплате контрибуции и не уступать **«ни пяди русской земли»**. Мирная конференция, проходившая в Портсмуте (США) в июле—августе 1905 г., зашла в тупик из-за несогласия российской делегации принять японские требования денежной контрибуции, ограничения прав России держать флот на Дальнем Востоке, передать Японии интернированные в иностранных портах русские суда, уступить весь остров Сахалин. Последней уступкой России было согласие передать Японии южную половину Сахалина. **23 августа (5 сентября) 1905 г. Портсмутский мирный договор был подписан.** Россия передала Японии арендные права на Ляодунский полуостров, южную ветку КВЖД (от Порт-Артура до станции Чан-Чунь), южный Сахалин и признала «преобладающие интересы» Японии в Корее. В то же время заключением мирного договора Россия смогла преодолеть дипломатическую изоляцию. Приоритетным для России после 1905 г. стало европейское направление.

§3

Внешняя политика в 1906—1914 гг.

Россия в системе международных отношений после русско-японской войны

Внешняя политика России после русско-японской войны была направлена на создание условий, благоприятствующих проведению внутренних преобразований и подъему экономики. Она предусматривала укрепление союза с Францией, поддержание добрососедских отношений с Германией и Австро-Венгрией, а также урегулирование спорных вопросов с Англией и Японией, касающихся размежевания сфер влияния на Востоке.

Согласно русско-японской конвенции 17(30) июля 1907 г. Япония закрепляла свое политическое и экономическое господство в Корее и Южной Маньчжурии, а Россия — в Северной Маньчжурии и Внешней Монголии. Русско-японские соглашения 1910, 1912 и 1916 гг. утвердили «формальный союз» обеих держав в деле защиты их интересов в Маньчжурии от посягательства третьих стран. Одновременно утверждалось политическое преобладание России в Восточном (Китайском) Туркестане, Внешней Монголии и Северной Маньчжурии, а Урянхайский край (Тува) в 1914 г. был присоединен к России.

Заинтересованность в улучшении отношений с Россией проявила Англия, стремившаяся воспрепятствовать росту германской гегемонии в Европе, на Ближнем и Среднем Востоке, а также привлечь Россию к участию в Антанте. В **русско-английском соглашении 18 (31) августа 1907 г.** говорилось о разделе территории Персии на русскую и британскую сферы влияния, в Афганистане признавался приоритет внешнеполитических интересов Англии, стороны заявляли об уважении суверенитета Китая над Тибетом. Николай II был против придания соглашению с Англией антигерманской направленности. Однако в 1908 г. Россию посетил британский король Эдуард VII, его переговоры с Николаем II в Ревеле знаменовали собой интеграцию России в Антанту, хотя никаких письменных соглашений на этот счет не существовало. Английское правительство, со своей стороны, ограничилось устным обещанием поддержать требование России об открытии черноморских проливов для русских судов. После русско-японской

войны Франция вновь подтвердила верность союзническим отношениям с Россией. Это привело к оформлению явочным порядком **«Тройственного согласия»** (России, Франции и Англии), хотя Николай II и А. Извольский — министр иностранных дел в 1906—1910 гг. — особо подчеркивали желание России сохранить нейтралитет в случае войны Англии с Германией.

Россия выступила одним из инициаторов созыва в 1907 г. второй Гаагской мирной конференции, в которой участвовали 44 государства. Конференция приняла 13 конвенций: «О мирном решении международных столкновений», «Об открытии военных действий», «О законах и обычаях сухопутной войны», «О правах и обязанностях нейтральных держав в случае войны» и др. Гаагские конвенции ставили целью гуманизацию войны и создание механизма предотвращения военных конфликтов.

Важным дипломатическим успехом России стало кардинальное улучшение отношений с Италией. Во время свидания императора Николая II с итальянским королем Виктором Эммануилом III в Раккониджи в октябре 1909 г. был подписан договор, по которому Италия соглашалась поддерживать статус-кво на Балканах и высказывалась в поддержку требований России об открытии черноморских проливов для русских военных судов в обмен на благожелательный нейтралитет России в случае захвата Италией Триполитании, находившейся под властью Турции. Стороны договорились вести совместную дипломатическую борьбу против Австро-Венгрии, стремившейся после аннексии Боснии и Герцеговины к новым территориальным захватам на Балканах. Договор в Раккониджи фактически исключал Италию из состава Тройственного союза и превращал ее в будущую союзницу Антанты.

Обострение отношений с австро-германским блоком

Резкое ухудшение русско-австрийских отношений произошло после решения Австро-Венгрии в 1908 г. провести аннексию Боснии и Герцеговины, оккупированных австрийскими войсками по решению Берлинского конгресса 1878 г. А. Извольский предлагал в качестве ответной меры совместное политическое и даже военное выступление России и Англии на Балканах. Но военный, морской и другие министры кабинета Столыпина выступили против втягивания России в войну. Сам премьер резко высказался против «авантюр» и заявил, что внутреннее положение России и революционная опасность не

позволяют ей проводить никакой иной военной политики, «кроме строго оборонительной». Царская дипломатия была поставлена перед необходимостью искать только компромиссные решения возникающих конфликтов.

На переговорах Извольского с министром иностранных дел Австро-Венгрии Эренталем австрийская сторона пошла на уступки. Она согласилась поддержать требование России на международной конференции об открытии проливов для всех судов России и других прибрежных государств, вывести войска из Ново-Базарского санджака и отказаться от аннексии этой области, признать полную независимость Болгарии. Затем Извольский начал переговоры в Париже о начале международной конференции. В это время после младотурецкой революции в Турции пришло к власти проанглийское правительство, и Англия отказалась от поддержки русских требований по проливам. Не дожидаясь открытия конференции, император Франц-Иосиф в сентябре 1908 г. опубликовал рескрипт о присоединении Боснии и Герцеговины к австрийской монархии. Против действий Австро-Венгрии выступили Сербия, Россия и Турция; но последняя вскоре удовлетворилась денежной компенсацией и выводом австрийских войск из Ново-Базарского санджака. Германия поддержала действия австрийцев и в марте 1909 г. выдвинула ультимативное требование к России признать аннексию Боснии и Герцеговины. Русская дипломатия была вынуждена согласиться. Русская печать назвала эти события «дипломатической Цусимой».

Неудача в Боснийском кризисе предрешила отставку Извольского, зарекомендовавшего себя как «врага Германии» и не сумевшего правильно оценить расстановку сил в Европе. В июле 1909 г. его товарищем был назначен зять Столыпина С. Сазонов, он сменил Извольского на посту министра в сентябре 1910 г.

Следствием Боснийского кризиса стало опасное осложнение отношений с Германией, которое весьма тревожило Николая II. В октябре 1910 г. состоялись переговоры Николая II с Вильгельмом II в Потсдаме, на которых были достигнуты важные договоренности; они могли стать крупным успехом русской дипломатии. Оба императора обязались не поддерживать действий третьих держав, направленных против интересов друг друга. Германия должна была отмежеваться от агрессивной политики Австро-Венгрии на Балканах, а Россия — от антигерманской политики Англии.

Частичная нормализация русско-германских отношений была враждебно встречена в либеральных кругах. П. Милюков

в Думе осуждал правительство за отказ от наступательного характера военного союза с державами Антанты. В действительности франко-русский союз с самого начала являлся оборонительным, а союзнические отношения России с Англией не оформлялись ни международно-правовыми актами, ни двусторонними соглашениями. Франция сочла потсдамскую встречу императоров не противоречащей франко-русскому союзу. Но английская дипломатия приложила немало усилий для того, чтобы дезавуировать ее итоги (угроза отказа в предоставлении займов и др.). От имени русского правительства Сазонов отклонил предложения Германии о соглашении по общеполитическим вопросам. В 1911 г. он заключил в Потсдаме русско-германское соглашение по частному вопросу — о железнодорожном строительстве на Ближнем Востоке: Россия согласилась со строительством Германией ветки Багдадской железной дороги до Персии и обязалась получить концессию на соединение этой ветки с Тегераном. Однако главные противоречия между Россией и Германией на Ближнем Востоке остались. Новые переговоры двух императоров состоялись в Балтийском порте в июне 1912 г., но стороны ограничились благожелательными заявлениями. Тогда же была подписана русско-французская морская конвенция, а через месяц после встречи русского и германского императоров Петербург посетил французский премьер-министр Р. Пуанкаре. Его визит превратился в демонстрацию дружбы между двумя странами. Еще раньше, в начале 1912 г., в России побывала английская парламентская делегация.

Крупной дипломатической акцией на Балканах стала попытка русского посла в Константинополе Н. Чарыкова, имевшего поручение Столыпина и Сазонова образовать в 1909—1912 гг. грандиозный всебалканский союз под эгидой России с участием Турции, Болгарии, Сербии, Румынии, Греции и Черногории для ослабления позиций Австро-Венгрии. Однако последняя совместно с Германией смогла привлечь Турцию на свою сторону. В 1912 г. при непосредственном участии России был оформлен Балканский союз в составе Сербии, Болгарии, Греции и Черногории, направленный против Турции, а также Австро-Венгрии. Быстрый разгром Турции странами Балканского союза в Первой Балканской войне 1912—1913 гг. вызвал подъем патриотических настроений в России. В Петербурге прошли демонстрации под лозунгом «Крест на святую Софию». В ответ на военные приготовления Австро-Венгрии, направленные против Балканского союза, большинство высших сановников России в конце 1912 г. высказывало решимость вступить в политическое про-

тивоборство с Австро-Венгрией и даже Германией, отвергая прежний столыпинский лозунг «Мир во что бы то ни стало». Только осторожная позиция премьер-министра В. Коковцова и С. Сазонова, поддержанных царем, предотвратила вступление России в большую войну. В феврале 1913 г. Николай II проигнорировал призывы председателя IV Думы Родзянко начать войну против Турции. Затем Россия потребовала от стран Балканского союза начать мирные переговоры. Вторая Балканская война, вспыхнувшая в июне 1913 г. между вчерашними союзниками, стала полной неожиданностью для России, которая активно участвовала в примирении сторон и выработке мирных условий. Однако Болгария, потерпев поражение в этой войне, вскоре присоединилась к австро-германскому блоку.

Русско-германские отношения продолжали ухудшаться. Последняя встреча русского и германского монархов состоялась в мае 1913 г. в Берлине. Царь обещал кайзеру, что Россия откажется от притязаний на черноморские проливы, если Германия воспрепятствует захватнической политике Австро-Венгрии на Балканах. Вильгельм II уклонился от ответа на русские предложения. Несмотря на дружеский тон прошедших бесед, кайзер более не верил в мирное разрешение накопившихся противоречий. Принимая в Берлине русского премьера В. Коковцова в ноябре 1913 г., Вильгельм сказал ему о «неизбежной» войне, которая случится независимо от того, «кто начнет ее». Таким образом, Германия дала понять России, что готова начать войну.

Ареной столкновения русских и германских интересов в 1913 г. стала Турция. Министр иностранных дел С. Сазонов не оставлял попыток присоединить Турцию к Балканскому союзу и одновременно добивался от турецкого правительства предоставления автономии армянам. Германия, опасаясь, что армянская автономия укрепит позиции России в регионе, предлагала турецким властям выслать армян из восточной Анатолии и заселить эти территории тюркскими племенами для создания «стального барьера против России». Сазонов настоял лишь на том, чтобы действия турецких властей в областях, населенных армянами, контролировались инспекторами, назначаемыми по согласованию с великими державами. Такое соглашение было подписано в январе 1914 г. Успехи Германии были значительнее. В январе 1913 г. в Турции произошел государственный переворот, приведший к власти прогерманское правительство. Осенью 1913 г. Германия направила в Турцию большую группу офицеров и генералов, которые получили важ-

нейшие командные посты в турецкой армии. Главой миссии был генерал Л. фон Сандерс, назначенный командующим турецкими войсками в Константинополе. Общественное мнение России восприняло это событие как превращение Турции в «протекторат Германии» и фактическое установление германского контроля над проливами. После протеста, направленного Сазоновым в Берлин в виде ноты, германское правительство формально отозвало Сандерса с его поста. Глава германской миссии был переведен на более высокую должность главного инспектора турецкой армии в звании маршала, но более 70 немецких офицеров и генералов остались командирами дивизий и полков, расположенных в т. ч. в зоне проливов и в Стамбуле, а также заняли ключевые посты в военном министерстве и генеральном штабе Турции.

Германская гегемония в Турции и оголтелая антирусская пропаганда в немецких газетах изменили взгляд царя на отношения с Германией. Если прежде Николай II с неизменным недоверием относился к Англии, то теперь он принял решение готовиться к войне против Германии и Австро-Венгрии на стороне Антанты и отказался от дальнейших поисков компромисса. Девизом новой политики стало название громкой газетной статьи, опубликованной по инициативе военного министра Сухомлинова незадолго до начала военных событий: «Россия хочет мира, но готова к войне». Смену внешнеполитического курса поддержала придворная антигерманская партия во главе с матерью царя императрицей Марией Федоровной и многими великими князьями, объединившимися вокруг дяди царя — будущего Верховного главнокомандующего Николая Николаевича (Младшего).

В феврале 1914 г. П. Дурново — один из правых деятелей Государственного совета, противник вхождения России в Антанту — представил царю записку, в которой анализировал внешнюю политику России в Европе. Он доказывал, что даже военная победа над Германией не приведет к кардинальному улучшению международного положения России, но даст возможность кредиторам-союзникам закабалить ее. В случае же военных неудач, даже «частичных», Россию ожидают катастрофические последствия — революция, деморализация армии, распад государства: «Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению». Автор записки предлагал царю отказаться от участия в Антанте и отдать предпочтение «тесному сближению России, Германии, примиренной с нею Франции и связанной с Россией строго

оборонительным союзом Японии». Замыслам Дурново не было суждено осуществиться.

В самый канун мировой войны, 7—10 июля 1914 г., Россию посетил президент Франции Р. Пуанкаре. Николай II встретил Пуанкаре в Кронштадте, президент был гостем царской семьи в Петергофе. Царь подтвердил свою верность союзническому долгу, окончательно определив сторону России в назревшем военном конфликте.

В начале XX в. России удалось сохранить свои позиции в Европе и избежать международной изоляции, реальная опасность которой существовала в годы войны с Японией. Вместе с тем, в результате настойчивых усилий англо-французской дипломатии и резкого ухудшения отношений со странами австро-германского блока Россия постепенно втягивалась в большой европейский конфликт. Несмотря на попытки русского царя сохранить свободу дипломатического маневра, страна была вовлечена в союз с державами Антанты, что сделало практически неизбежным ее участие в назревавшей мировой войне.

5 глава

РОССИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (ЛЕТО 1914— ФЕВРАЛЬ 1917 гг.)

§1

Начальный период войны

Вступление в войну Российской империи

28 июня 1914 г.[1] в Сараево в результате покушения сербских националистов был убит наследник австрийского престола эрцгерцог Франц Фердинанд и его жена.

Роковой выстрел в Боснии громовым эхом отозвался в столицах многих государств, вызвав потрясения мирового масштаба. Долгожданный повод к войне был наконец найден. События на Балканах, долгие годы остававшиеся местом сосредоточения глубоких противоречий разделенной на враждебные блоки Европы, стали прологом к всеобщей войне на континенте.

Готовность к решительным действиям в сложившейся обстановке демонстрировали все великие европейские державы, но особую активность проявляла в эти дни Германия. Спустя неделю после сараевского убийства кайзер Вильгельм II в беседе с австрийским послом Сегени настойчиво советовал ему не мешкать с военным выступлением против Сербии. Австрийский кабинет министров после долгих раздумий и колебаний, собравшийся 23 июня на свое заседание, решил в категоричной форме предъявить Сербии свои претензии. Фактически это был ультиматум, содержащий 10 пунктов и являвшийся прямым вмешательством в дела суверенного государства. Австро-Венгрия, поддерживаемая Германией, сознательно шла на дальнейшее углубление конфликта.

[1] Все даты европейской истории даны по новому стилю, а российской — по старому с указанием в скобках нового. (*Прим. авт.*).

От сербского правительства требовали прекращения антиавстрийской пропаганды, роспуска всех националистических организаций, удаления с государственной и военной службы враждебно настроенных к империи Габсбургов чиновников и офицеров, проведения совместного с австрийскими следователями дознания на сербской территории, ввода в страну контингента австрийских войск. Были предъявлены и некоторые другие требования, сильно уязвлявшие национальные чувства сербского народа и грубо задевавшие независимость государства. На ответ сербам давалось 48 часов.

Все это время прошло в интенсивных межправительственных контактах и дипломатических переговорах. Как только в Петербурге было получено известие из Белграда об австрийском ультиматуме, министр иностранных дел России С. Сазонов воскликнул: «Это европейская война!» Срочно были проведены консультации с союзными послами. Французский посол М. Палеолог прямо заявил о готовности его страны неуклонно выполнить все свои обязательства по отношению к союзникам по Антанте. Позиция Англии, изложенная Дж. Бьюкененом, напротив, была уклончивой и не вполне определенной.

В этих условиях днем 11 (24) июля 1914 г. в Петербурге состоялось заседание Совета министров, на котором было принято решение о согласованных действиях союзников и о совместном обращении их к Австро-Венгрии с просьбой продлить срок ответа для Сербии. Русское правительство обратилось также с советом к Белграду — стремиться избежать открытого военного столкновения с Австрией и искать посредничества в конфликте у великих держав.

Между тем политика, которую проводили великие европейские державы (Франция, Англия и Германия) с момента сараевского убийства при внешнем миролюбии и сдержанности, реально провоцировала большую войну. Другое дело, что при этом державы противостоящих блоков стремились занять в казавшемся неизбежном для них всеобщем военном столкновении наиболее выгодную для себя позицию. Так, Российская империя готова была прийти на помощь братской Сербии и оказать ей военную поддержку в случае агрессии со стороны Австро-Венгрии. Было принято решение о мобилизации против Австрии четырех западных военных округов. В то же время русская дипломатия пыталась избежать военного столкновения с Германией и не желала открытого с ней разрыва.

Германия, в свою очередь, внешне проявляя заботу о достижении согласия на континенте, вела активные военные приготовления. Сразу же после сараевского убийства германский

военный министр Фалькенгайн заверил кайзера, что немецкая армия готова к войне против Антанты в любую минуту.

Двусмысленную позицию в эти дни заняла Англия. С одной стороны, она подталкивала своих союзников по блоку — Россию и Францию — к решительным действиям, с другой — демонстрировала сдержанность и внушала своим партнерам и соперникам, прежде всего Германии, надежды на соблюдение Британией нейтралитета и невмешательства в надвигающуюся войну. Таким образом, поддерживая в немецкой стороне опасные иллюзии того, что в будущей войне Германии будут противостоять лишь континентальные державы, Англия развязывала Германии руки, делая войну неотвратимой.

12 (25) июля Австро-Венгрия заявила о своем отказе продлить срок ответа Сербии. В этот же день, поздно вечером, сербский премьер Пашич, прибыв в австрийское посольство, вручил ответную ноту своего правительства. Сербия пошла на серьезные уступки и соглашалась принять практически все австрийские требования (за исключением въезда в свою страну иностранных чиновников и военных). Тем не менее этот ответ не удовлетворил Австро-Венгрию, и она пошла на разрыв отношений с Сербией, тем самым переводя конфликт в заключительную стадию.

Утром 13 (26) июля российский МИД заявил, что в складывающейся ситуации Россия не сможет не прийти на помощь Сербии, а Германия и Австрия сообщили, что стремятся только к обеспечению гарантий спокойствия и общественной безопасности для своих стран и союзников. Англия предложила для разрешения возникших противоречий немедленно созвать международную конференцию с участием не только всех вовлеченных в конфликт стран, но также Франции, Германии и Италии. Однако дипломатические шаги в этот день делались скорее по инерции, тогда как стрелки часов у политиков были переведены уже на военные действия.

15(28) июля 1914 г. Австро-Венгрия объявила Сербии войну, 16(29) июля Белград был подвергнут австрийской бомбардировке. В тот же день в России вышло распоряжение о начале проведения частичной мобилизации, направленной только против Австро-Венгрии.

Николай II до последней минуты пытался избежать войны и, понимая к чему могут привести поспешные действия в критический момент, старался сохранить хладнокровие. Между Николаем II и германским императором Вильгельмом II в эти дни шла интенсивная переписка. В очередной телеграмме кайзер просил царя не мешать ему приготовлениями русской армии, поскольку он, по его словам, делает все для того, чтобы

помирить Австро-Венгрию и Россию. Не исключено, что подобным приемом кайзер пытался повлиять на ход проведения мобилизации в России, используя время в своих целях. (Германии уже было известно, что Англия не будет придерживаться нейтралитета и выступит против держав Центрального блока. Об этом английский министр иностранных дел Э. Грей накануне уведомил немецкого посла в Лондоне.) Таким образом, расклад сил в будущей войне в основном определился.

На следующий день 17 (30) июля царские министры С. Сазонов, В. Сухомлинов и начальник генерального штаба Н. Янушкевич употребили все свое влияние, чтобы уговорить царя пойти на всеобщую мобилизацию. Около 4 часов дня Сазонов позвонил из Петергофа в столицу Янушкевичу и передал приказ царя о всеобщей мобилизации. В 6 часов вечера того же дня царский указ о всеобщей мобилизации русской армии был передан по телеграфу по всей стране. На следующий день 18 (31) июля германский посол в России от имени своего правительства потребовал от Сазонова прекращения мобилизации в течение 12 часов. Никакого ответа в назначенный час Пурталес не получил. Принятый вечером **19 июля (1 августа) 1914 г.** немецкий посол заявил Сазонову у него в кабинете об объявлении Германией войны России.

3 августа Германия объявила войну Франции, а на следующий день, 4 августа, Бельгии. В этот же день Англия потребовала от Германии не нарушать нейтралитета Бельгии, угрожая ей в противном случае войной. Не получив ответа от германского правительства, Великобритания вступила в войну. Затянувшийся в течение месяца этап дипломатической подготовки войны завершился раскатами боевых орудий на полях Европы. Первая мировая, или как ее уже тогда называли современники, Великая война, началась.

Планы сторон

К новой войне оба блока — Антанта и Тройственный союз — готовились давно. Их военные доктрины во многом были схожими и исходили из тезиса быстрой победы путем нанесения сокрушительного поражения противной стороне и завершения войны в предельно сжатые сроки.

В основу плана стратегических действий **Германии** легли идеи генерала Шлиффена — начальника Генерального штаба с 1891 г. и его преемника на этом посту генерала Мольтке-младшего. Согласно плану Шлиффена-Мольтке, своих противников Германия и Австро-Венгрия должны были разгромить поодиночке в ходе первых же недель войны. Главный удар

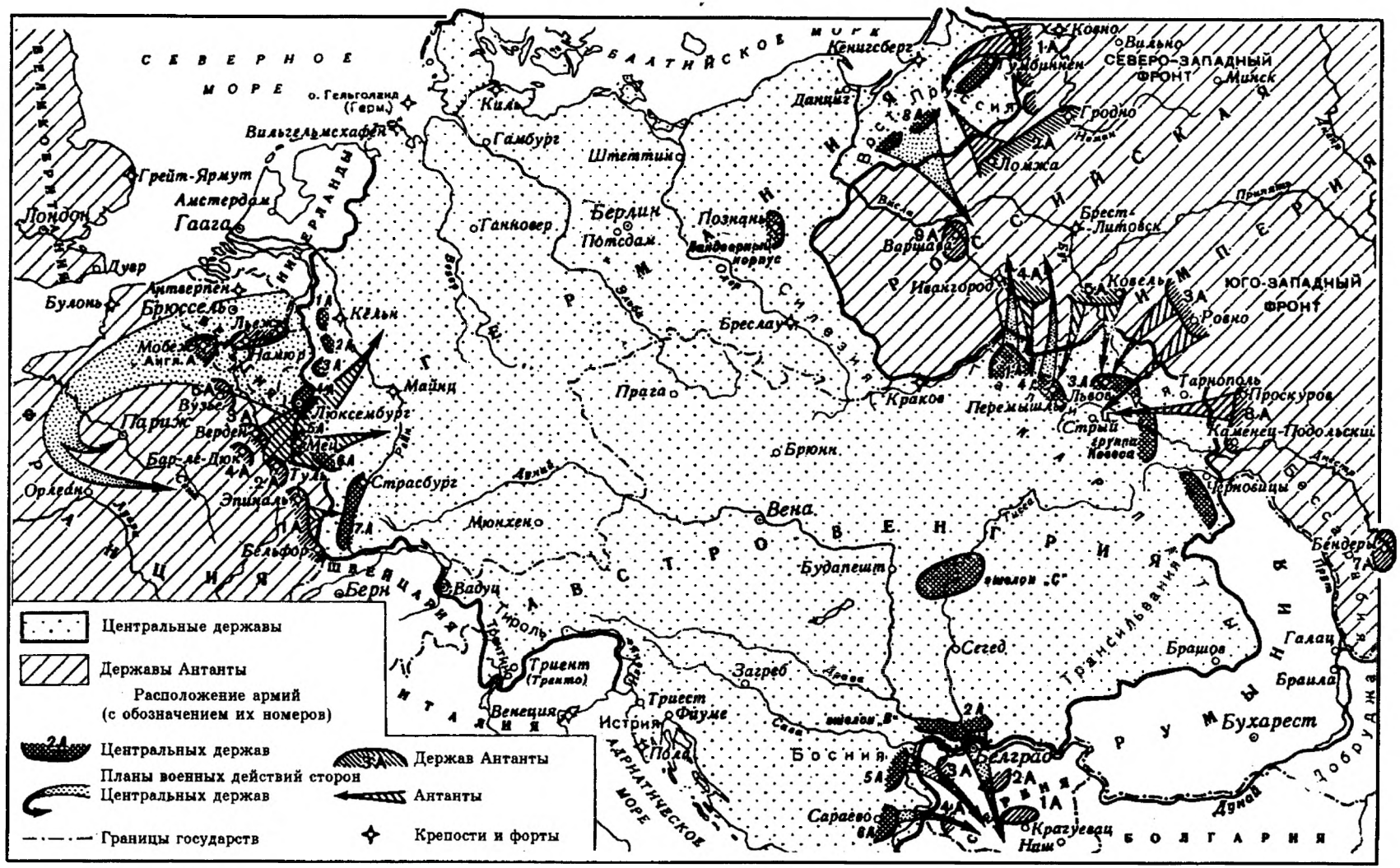
планировалось нанести по Франции через Бельгию и Люксембург, чтобы зайдя в тыл французской армии, полностью ее разгромить. Австро-Венгрии на этом этапе отводилась второстепенная роль. Пока в России не закончилась мобилизация (немецкому командованию были известны ее сроки), австро-венгерские части должны были сковывать натиск русских войск на востоке, ожидая переброски германских дивизий после их победы над Францией. На восточном фронте Германия полагала сосредоточить только одну свою армию — для защиты Восточной Пруссии.

Однако немецкие стратеги явно недооценивали своих противников и прежде всего Россию. По их расчетам, русские из-за своей неразворотливости, продолжительных сроков мобилизации, осложненной обширностью территории и необходимостью переброски войск на значительные расстояния при недостаточной развитости средств сообщения, будут поставлены на грань поражения в течение нескольких недель.

Позиция **Австро-Венгрии** по отношению к России была более сдержанной и осмотрительной. Перспектива самостоятельного ведения войны на востоке, пусть даже малое время, не вселяла оптимизма в австрийское руководство, особо обеспокоенного тем, что его военные планы были хорошо известны русской разведке. Начальник австрийского Генерального штаба Конрад фон Гетцендорф полагал, что в ближайшие пять лет Австро-Венгрия вообще не в состоянии вести войну с Россией. Противником такой войны был и австрийский наследник эрцгерцог Франц Фердинанд. По некоторым данным, он прямо предупреждал Конрада фон Гетцендорфа: «Войны с Россией надо избегать, потому что Франция к ней подстрекает, особенно французские масоны и антимонархисты, которые стремятся вызвать революцию, чтобы свергнуть монархов с их тронов».

Генштабы **стран Антанты** планировали свои действия, основываясь на серии соглашений, заключенных в довоенный период, первым из которых стала военная конвенция Франции и России от 1892 г. В последующее время договорные обязательства сторон постоянно уточнялись и детализировались. Весной 1914 г. французский Генеральный штаб принимает так называемый «План № 17», предполагавший нанесение ударов из районов пограничных крепостей в глубь Германии. И это несмотря на то, что французское командование было осведомлено о плане Шлиффена. Но оно считало, что ему удастся противостоять немецким попыткам прорыва на севере и добиться решительных успехов на юге.

Нереалистичность многих ключевых положений военных проектов обеих сторон крайне удивляет, так как противники



Планы военных действий и развертывание армий воюющих сторон в августе 1914 г.

благодаря данным своей агентуры были достаточно хорошо информированы о планах друг друга.

Русская военная мысль во многих отношениях превосходила западные представления о характере и специфике современной войны. Из всех великих держав, вовлеченных в противостояние, только Россия обладала ценнейшим боевым, хотя и горьким, опытом ведения войны с Японией, из которой она постаралась извлечь соответствующие уроки. Прежде всего русские военные теоретики генералы — А. Елчанинов, В. Черемисов, Н. Михневич — обратили серьезное внимание на взаимосвязь экономического, политического, морального и военного факторов в новейшей войне. Начальник Академии Генерального штаба профессор Н. Михневич в своей книге «Стратегия» (1911) писал, что «главный вопрос войны не в интенсивности напряжения сил государства, а в продолжительности этого напряжения, а это будет находиться в полной зависимости от экономического строя государства». Михневич и ряд других русских военных справедливо считали, что будущая война неизбежно примет затяжной характер.

Однако конкретный план развертывания русских армий в боевых условиях (план «А»), составленный с учетом интересов союзников, был весьма уязвим. Дислокация войск на западных рубежах империи производилась вдоль всей границы протяженностью более 2,6 тыс. км. Причем 52% состава армии сосредотачивались против Австро-Венгрии, 33% — против Германии, 15% — на Балтийском побережье и у румынской границы. Хотя русское командование понимало, что в наибольшей степени интересам страны отвечал бы скорейший разгром Австро-Венгрии, облегчавший ей дальнейшую войну, оно вынуждено было, по согласованию с союзниками, держать значительные силы против Германии. При этом русский Генеральный штаб обязывался начать наступление в Восточной Пруссии не после окончания мобилизации, т.е. спустя 40 дней после ее начала, а на 15-й день. Таким образом, исходя из своих обязательств перед союзниками по Антанте, Россия заранее оказывалась в крайне невыгодной для себя ситуации, когда под сомнение ставился успех операции не только в Восточной Пруссии, но и против Австро-Венгрии. К сожалению, развитие боевых действий в первый месяц войны подтвердило тягостные опасения русских.

Великая война, с самого начала ставшая коалиционной, выявила свои специфические особенности, связанные с тем, что успехи и неудачи сторон определялись не только действиями собственных армий, но и поведением всех союзников по

блоку. Необходимость учета так называемого союзнического фактора на практике нередко приводила к ущемлению национальных интересов той или иной страны в угоду «единству целей» всей коалиции. Для России это обернулось в конечном счете национально-государственной катастрофой.

Военный потенциал России

Вопрос о военном потенциале России накануне войны трактуется довольно неоднозначно. Существует мнение о слабой подготовке Российской империи к войне. Об этом писал, например, А. Деникин: «Армия вообще до 1910 г. оставалась в полном смысле беспомощной. Только в самые последние перед войной годы (1910—1914) работа по восстановлению и реорганизации русских вооруженных сил подняла их значительно, но в техническом и моральном отношении совершенно недостаточно». Насколько обоснованы подобные утверждения?

Предвоенный период (1907—1914) был отмечен не только бурным экономическим ростом, поставившим Россию в один ряд с ведущими державами мира, но и сопровождался значительным усилением ее обороноспособности. Учитывая последствия русско-японской войны, особое внимание правительство уделяло воссозданию военно-морского флота. Уже в июне 1907 г. Николай II утвердил малую судостроительную программу, рассчитанную на четыре года, по которой на строительство новых кораблей ежегодно отпускалось по 31 млн руб. В апреле 1911 г. Морской генеральный штаб представил царю законопроект «Об императорском российском флоте», предусматривавший создание современных флотов на Балтийском и Черном морях. Согласно законопроекту, только на Балтике планировалось иметь две боевые и одну резервную эскадры. В состав каждой из них были включены по 8 линкоров, 12 крейсеров, 36 эсминцев и 12 подводных лодок. В общей сложности к 1914 г. были приняты к реализации 4 крупные судостроительные программы, на которые отпускалось 820 млн руб. Их завершение, в основном, планировалось к 1917—1919 гг., некоторых — к более позднему сроку.

Однако полностью провести модернизацию флота к началу войны не удалось. Оставалось много нерешенных проблем: недокомплект личного состава, незавершенность строительства крепостных сооружений и морских баз, недостаточное материально-техническое обеспечение флота, несогласованность действий между морским и военным ведомствами. Тем не менее благодаря огромной работе, проведенной российскими флотоводцами, специалистами морского дела — адмиралами

И. Григоровичем, А. Ливеном, Н. Эссеном, капитаном 2 ранга А. Колчаком и др., Россия успешно противостояла врагу на море в течение всей войны.

По сравнению с моряками русское армейское руководство не отличалось излишней расторопностью и инициативой [⬇].

Недостатки военного ведомства в значительной степени компенсировались непосредственным участием царя и ведущих членов кабинета министров во всех крупных мероприятиях, связанных с обороной страны. Так, с августа 1909 г. до начала 1910 г. по указанию Николая II при правительстве под председательством П. Столыпина состоялось четыре Особых совещания, на которых рассматривались вопросы развития и реорганизации вооруженных сил. К 1914 г. правительство добилось и провело через законодательные органы — Думу и Государственный Совет — программу финансирования перевооружения армии на сумму в 1,1 млрд руб. (по подсчетам военных, на эти цели необходимо было затратить средств в 2 раза больше). Программа перевооружения и модернизации армии состояла из так называемых малой и большой программ. Первая была утверждена царем в июле 1913 г. По ней в течение 1913—1917 гг. предполагалось финансировать развитие артиллерии, инженерных, авиационных и вспомогательных частей. Большая программа предусматривала выделение средств на реорганизацию действующей армии, в частности, увеличение личного состава. По штатам мирного времени к 1917 г. (по сравнению с 1913 г.) он возрастал на 40% — 11,8 тыс. офицеров и 468,2 тыс. солдат. Главный недостаток программы — в ее запоздалости: она была утверждена царем только 22 июня 1914 г., за месяц до объявления войны.

К началу боевых действий русская армия, насчитывавшая 114 пехотных и 40 кавалерийских дивизий с общей численностью войск 3,5 млн человек, являлась одной из сильнейших в Европе и во многих отношениях подготовленной лучше своих противников. Слабым ее звеном было управление, особенно на

⬇

Владимир Александрович Сухомлинов (1848—1926) *— военный министр, генерал, был скорее удачливым царедворцем, чем стратегом. По отзывам современников, он был человеком малокомпетентным и невежественным в профессиональном отношении. За время его правления в Военном министерстве с 1909 г. и до начала войны сменилось шесть начальников Генерального штаба. Политика нововведений нередко отвергалась им, как правило, со ссылками на опыт русско-турецкой войны 1877—1878 гг., в которой Сухомлинов принимал участие и был награжден Георгиевским крестом. Скандальную известность в обществе получила история бракосочетания Сухомлинова с Е. Бутович: ее первого мужа, который был подчиненным Сухомлинова, для развода пытались объявить сумасшедшим.*

верхнем уровне: фронт — армия — дивизия. Перевооружение и реорганизация здесь шли полным ходом, но были далеко не завершены. По количеству артиллерии Россия уступала своим врагам, обладая 7088 орудиями против 9388 — у Германии и 4088 — у Австро-Венгрии. (У Франции было 4300 орудий.) При этом Германия располагала 3260 тяжелыми пушками, Австро-Венгрия — 1000, Россия — только 240. У Франции тяжелой артиллерии практически не было. Русские артиллеристы отличались прекрасной выучкой и стрелковой подготовкой. Однако боеприпасов было заготовлено лишь на полгода (этот срок отводился Генеральным штабом на ведение всей будущей войны), из расчета 1000 снарядов на 1 орудие.

Преимущество держав Тройственного союза над странами Антанты в артиллерии не оказывало решающего влияния на начальном этапе войны, но с переходом к позиционной войне это преимущество стало важным фактором тактических успехов противника.

Таким образом, Россия активно готовилась к предстоящей войне, хотя крайне не желала ее. Затраты на оборону в последнее время превысили пятую часть всех расходов империи. По оценке отечественного историка Первой мировой войны А. Зайончковского «Россия не только успела залечить свои раны, но и сделала большой шаг вперед в смысле улучшения своего военного могущества». Другое дело, что момент развязывания мировой бойни застал страну на сложном этапе перевооружения и реорганизации армии и флота, дожидаться окончания которого враги России отнюдь не собирались.

Кампания 1914 года

С началом боевых действий царь назначил своего двоюродного дядю великого князя Николая Николаевича (младшего) Верховным главнокомандующим русской армии. Этот шаг Николая II был неоднозначно воспринят современниками. Многие ожидали, что в тяжелый час испытаний государь сам возглавит армию. Так и предполагалось сделать до войны, что не противоречило желанию самого царя. Однако его министры И. Горемыкин, А. Кривошеин, адмирал И. Григорович и особенно С. Сазонов активно отговаривали от этого Николая II, ссылаясь на то, что он не должен рисковать своим авторитетом и властью, предводительствуя в войне, которая могла быть более продолжительной, чем предполагали военные. К тому же, в условиях мобилизации армии и решения множества сложных вопросов (в том числе дипломатических), государственные ин-

А. Брусилов

Великий князь Николай Николаевич

тересы требовали присутствия императора в столице, а не в Ставке в г. Барановичи — за тысячу верст от Петербурга[1]. Великий князь Николай Николаевич назначался Верховным главнокомандующим с существенной оговоркой, что это делается временно, пока сам государь не примет командования.

Театр военных действий был образован из двух фронтов — Северо-Западного (главком Я. Жилинский) против Германии и Юго-Западного (главком Н. Иванов) против Австро-Венгрии. Вся территория империи делилась на две части: фронтовую и внутреннюю, тыловую. Верховный главнокомандующий получал неограниченные права на фронте, подчиняясь непосредственно царю. В тылу войска по-прежнему подчинялись военному министру Сухомлинову. В его же ведении оставалось боевое снабжение армии. Таким образом, **единство фронта и тыла с самого начала войны было поставлено под угрозу, что отрицательным образом сказалось на организации всенародного отпора врагу.**

Как и предполагалось до войны, германские части нанесли удар по Франции с запада. Французы оказались совершенно не готовы к их наступлению со стороны Бельгии, сосредоточив

[1] Указом, подписанным царем 19 (31) августа 1914 г., Санкт-Петербург был переименован в Петроград.

почти все свое войско на восточной границе. 7 августа 1914 г. (по нов. ст.) немцы вошли в Льеж, отбросили бельгийские войска к Брюсселю и дальше к морю. В 20-х числах августа германские ударные группы разбили французские и английские части в районе франко-бельгийской границы и стали приближаться к Парижу. Над союзником России нависла реальная угроза полного разгрома, и французское правительство требовало скорейшего перехода русских армий в наступление против Германии.

4 (17) августа 1914 г. Россия, верная союзническому долгу, вторглась в пределы Восточной Пруссии и атаковала германские пограничные части силами Северо-Западного фронта. Против оборонявшей Восточную Пруссию 200-тысячной 8-й германской армии генерала Притвица действовали две недостаточно укомплектованные русские армии: 1-я П. Ренненкампфа и 2-я А. Самсонова. У обоих был за плечами боевой опыт русско-японской войны, на них возлагались большие надежды.

1-я армия наступала с северо-востока, со стороны реки Неман, 2-я с юго-востока, со стороны реки Нарев. Русские армии двигались в обход Мазурских болот, пытаясь тем самым отрезать немецким корпусам пути отхода к Висле и сильно укрепленному Кенигсбергу. Превосходя 8-ю германскую армию по численности в живой силе, русские уступали ей в артиллерии: 500 германских орудий на 380 русских. **7(20) августа в сражении у Гумбиннена** 1-я русская армия нанесла немцам тяжелое поражение. Неся большие потери, они в беспорядке отошли на юг, а генерал Притвиц отдал распоряжение оставить Восточную Пруссию и отступить за Вислу. Казалось, русским удалось добиться решающего успеха — операция была проведена четко.

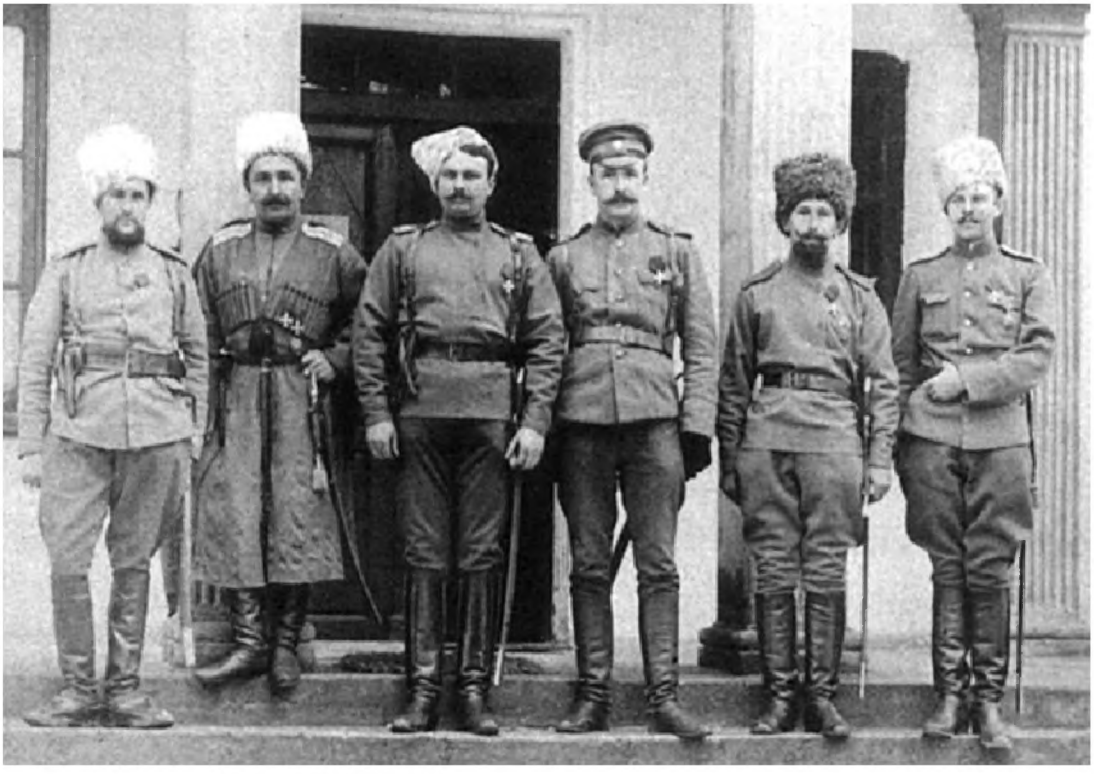
Германский Генеральный штаб, чтобы избежать катастрофы на востоке, предпринял ряд решительных действий. Во-первых, с западного фронта в срочном порядке были сняты и переброшены в Восточную Пруссию два корпуса и одна кавалерийская дивизия. Еще один корпус, выведенный из Франции, оставался в Германии в резерве. Тем самым натиск немцев во Франции значительно ослаб, что сыграло немалую роль для французов в ходе сражения на Марне. Во-вторых, Притвиц был смещен с поста командующего 8-й армией, и на его место был назначен старый вояка Гинденбург, начальником его штаба стал Людендорф. Новое командование отменило приказ об отступлении, перегруппировав силы, организовало мощный контрудар по разрозненным русским армиям.

Отсутствие должной координации частей со стороны главкома Северо-Западного фронта Жилинского и несогласованность в действиях Ренненкампфа и Самсонова позволили Гинденбургу разбить русские армии поодиночке и практически свести на нет достигнутые успехи русского оружия в Восточной Пруссии. Вместо того, чтобы быстро двигаться на юг для соединения с армией Самсонова, войска Ренненкампфа, придерживаясь поставленной Жилинским задачи, медленно продвигались в сторону Кенигсберга, увеличивая и без того большой разрыв, около 90 км, со 2-й армией. Самсонов, с трудом продвигаясь по сильно заболоченной местности, также все более уклонялся на запад, растянув армию в линию на 210 км без резервов, снабжения, устойчивой связи; идя вслепую, без разведки, не зная, где находится противник, переговариваясь по радио со штабами открытым текстом.

Гинденбург, сосредоточив основные силы против 2-й армии, обрушился на нее всей своей мощью. 13—18 (26—31) августа под Сольдау русские корпуса были разбиты, разрозненные остатки их отступили за реку Нарев. А. Самсонов, оказавшийся в окружении, утратил управление войсками и, предпочтя смерть позору неминуемого плена, застрелился. Разгромив 2-ю армию, германские войска перешли в наступление против Ренненкампфа и вынудили его отступить из Восточной Пруссии. Блестяще начатая восточно-прусская операция окончилась провалом. Россия выполнила обязательства перед союзниками дорогой ценой: 200 тыс. русских солдат и офицеров погибли в боях, 60 тыс. оказались в плену. Генерал Я. Жилинский был отстранен от должности, и на его место был назначен генерал Н. Рузский. Позднее был отправлен в отставку Ренненкампф.

В то время, когда в Восточной Пруссии разворачивались трагические события, на Юго-Западном фронте русские войска вели успешное наступление против Австро-Венгрии. Четыре армии фронта (3, 4, 5 и 8-я) были развернуты на территории в 400 км от Ивангорода до Каменец-Подольска. Нанося концентрические удары с севера и востока, русские войска должны были, взяв в «клещи» весь район между Перемышлем и Львовом, захватить Галицию. Со своей стороны австрийцы силами четырех армий планировали вторжение в Польшу с целью разгрома русских войск, расположенных в междуречье Вислы и Буга.

10(23) августа произошло столкновение противников у городка Красник, переросшее позднее в грандиозную **Галицийскую битву**. В ходе упорных боев русские прорвали оборону австрийцев и 20 августа (3 сентября) взяли Львов. Спустя еще



Георгиевские кавалеры

два дня 8-я армия генерала А. Брусилова заняла хорошо укрепленную крепость Галич, в которой австрийцы бросили много тяжелой артиллерии и снаряжения. В ходе Галицийской битвы героически погиб, впервые применив воздушный таран и сбив самолет противника, выдающийся русский военный летчик штабс-капитан П. Нестеров [⬇].

Развивая успех, русская армия перешла в наступление по всему фронту. К 13 (26) сентября после 33 дней упорных боев она продвинулась вглубь на 280—300 км и вышла к реке Вислока, что в 80—90 км от Кракова, завершив тем самым победную битву за Галицию, имевшую громадное значение для всей кампании 1914 г.

⬇

Петр Николаевич Нестеров (1887—1914) *родился в Нижнем Новгороде в семье офицера. В 1906 г. окончил Михайловское артиллерийское училище, в 1912 г. — Петербургскую офицерскую воздухоплавательную школу. В 1913 г. получил звание военного летчика, разработал и внедрил в практику полетов технику кренов, впервые выполнил ряд фигур высшего пилотажа, в том числе «мертвую петлю» — «петлю Нестерова». Штабс-капитан П. Нестеров — основатель высшего пилотажа. В 1913—1914 гг. совершил рекордные перелеты Киев—Одесса—Севастополь и Киев—Гатчина. С начала войны Нестеров в действующей армии; осуществил 7 боевых вылетов. 26 августа (8 сентября) совершил свой последний полет.*

В окопах Первой мировой войны

Австрийцы оставили Галицию, потеряв почти половину армии. 100 тыс. человек сдались в плен. Было брошено свыше 400 орудий. В осаде оказался Перемышль — последний оплот сопротивления австрийских войск. Перед русской армией открывалась дорога в Венгерскую равнину, через Краков в немецкую Силезию — промышленную область Германии. По военному престижу Австро-Венгрии был нанесен непоправимый удар.

Германский Генеральный штаб, всерьез обеспокоенный сложившейся ситуацией, пошел на переброску из Восточной Пруссии в Силезию четырех корпусов и одной кавалерийской дивизии, составлявших основу 9-й германской армии, на которую возлагалась задача противостоять русским в Польше. Командующим сухопутными частями на Востоке был назначен Гинденбург. Он предполагал организовать наступление, ударив с севера во фланг и тыл русским, преследующим австрийцев. Однако русское командование на этот раз разгадало замысел немцев. Совершив скрытный контрманевр, русские войска двухнедельным маршем были переброшены из Галиции в Польшу и остановили немцев под Варшавой, а австрийцев — под Ивангородом. В течение октября-ноября 1914 г. в Польше шли жестокие бои. В ходе **Лодзинского сражения** русские сорвали планы противника, но прорваться в глубь Германии

и развить наступление на Берлин не смогли. На Восточном фронте наступило затишье.

Военные действия на море пока не отличались особой активностью. Это обстоятельство русские моряки использовали для установления минных заграждений, укрепления островов и побережья Балтийского моря. На Черном море после вступления в войну Турции (осенью 1914 г.) русский флот успешно противостоял германо-турецкой эскадре.

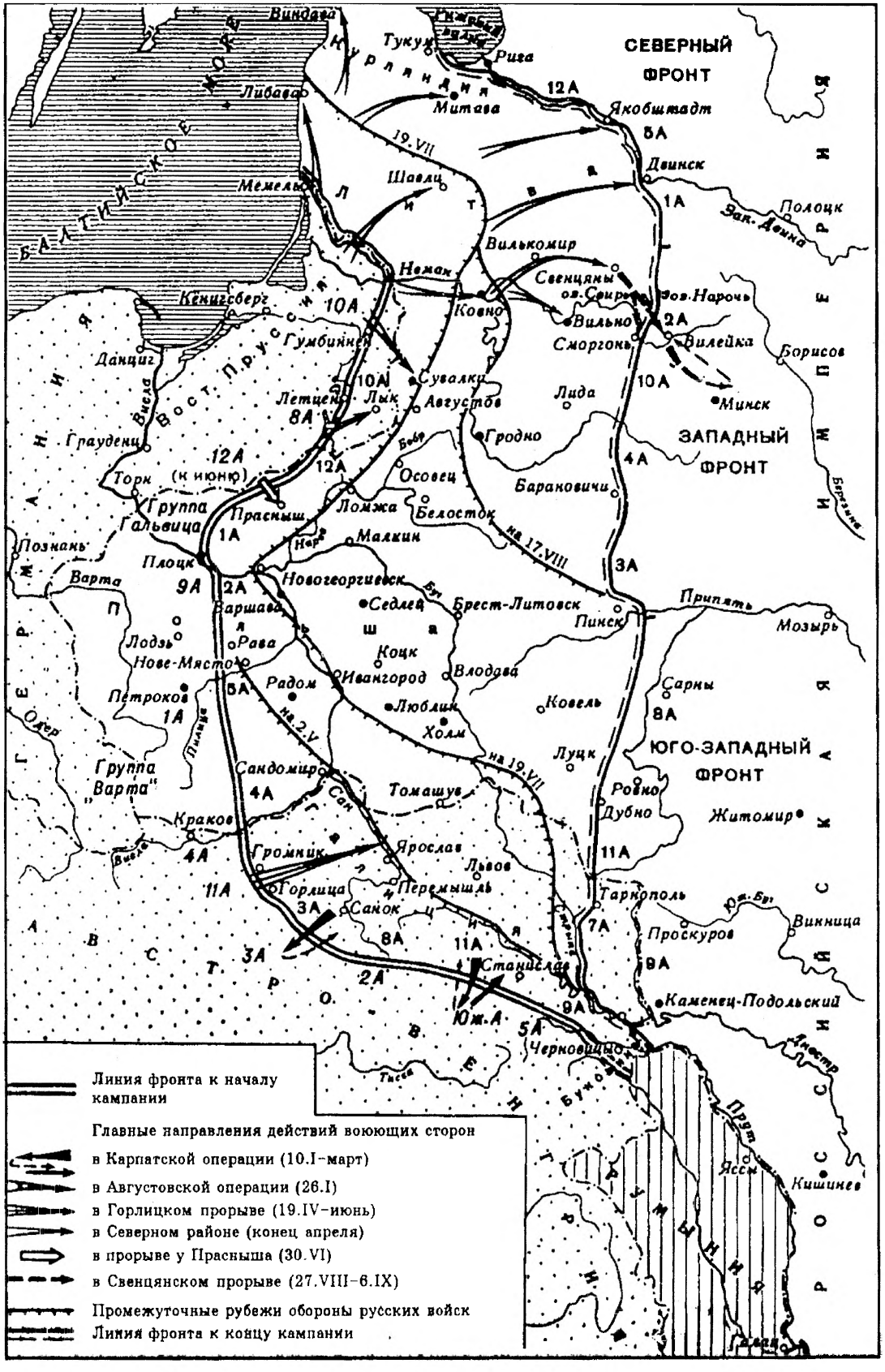
Накал кампании 1914 г. был сбит: для обеих сторон стало ясным, что борьба предстоит долгой. Наступательными действиями русских в Восточной Пруссии и в Галиции были сорваны планы противника на молниеносную победоносную войну. Но потери армии были велики. Общий недокомплект ее достигал полумиллиона человек, остро ощущалась нехватка младшего командного состава, выбитого из строя в ходе кровопролитных сражений. Благодаря самоотверженности русских Англия и Франция были спасены от неминуемого поражения. Позднее маршал Фош с почтением признавал: «Если Франция не была стерта с лица Европы, то этим прежде всего мы обязаны России». Россия же вправе была ожидать от своих союзников аналогичной помощи в трудное для себя время.

§2

Восточный фронт в 1915—1916 гг.

Великое отступление

Наступивший 1915 г. не предвещал России тяжелых поражений. В его начале против турок успешно проведена Сарыкамышская операция, сделана попытка перейти к активным действиям и на других участках фронта — провести серию наступательных операций в Восточной Пруссии и Карпатах. Однако все эти замыслы командования были сорваны противником, который сумел сосредоточить на обоих флангах крупные войсковые группировки. В ходе сражений в феврале—марте 1915 г. русские в очередной раз были вытеснены из Восточной Пруссии, немецкие части, развернув наступление на север вдоль Балтийского побережья, захватили Либаву. С продвижением в Лифляндию на Балтике активизировался германский флот, пытаясь полностью взять под свой контроль Рижский залив.



Кампания 1915 г. на русском фронте

Между тем на Юго-Западном фронте продолжалось наступление 8-й армии А. Брусилова, которая заняла ряд перевалов в Карпатах и уже готова была устремиться в Венгерскую равнину. 9 (22) марта пал Перемышль. В плен было взято 120 тыс. солдат, 9 генералов, 25 тыс. офицеров австрийской армии. Противник оставил 900 орудий. Этот крупный успех русских войск оказался последним в кампании 1915 г.

Немецкое командование решило отказаться от плана Шлиффена, обратить свои силы на Восток и, добившись перелома, заставить Россию выйти из войны. К апрелю 1915 г. общее число германских дивизий против русских на театре военных действий увеличилось с 10 до 50 пехотных и 7 кавалерийских. Для прорыва русского фронта в районе Громник-Горлицы была специально создана 11-я германская армия под командованием генерала Макензена в составе 3-х ударных корпусов, выведенных из Франции. На 30-километровом участке обороны 3-й русской армии враг сумел создать более чем двойное превосходство в живой силе и шестикратное в артиллерии. Немцы не испытывали недостатка в снарядах, тогда как у русских оставалось в среднем по два снаряда на орудие.

18 апреля (1 мая) 1915 г. началось мощное наступление германских войск на участке **Громник—Горлицы.** После 2-недельных упорных боев сильно обескровленная 3-я русская армия отошла за реку Сан. Увеличивая натиск своих атак, немцы в июне овладели Львовом и Перемышлем. Русские вынуждены были оставить Галицию. Используя свое преимущество, немцы развернули наступление по всему фронту и попытались разгромить русские армии в Польше, захватив их в мешок в междуречье Вислы и Буга. Ставка приняла решение об организованном отступлении из Польши.

20 июля (2 августа) 1915 г. была эвакуирована Варшава. Однако только к середине сентября удалось приостановить немецкое продвижение в глубь страны. Фронт стабилизировался по линии Рига—Двинск—Пинск—Дубно—Новосильцы. Активные боевые действия русских моряков не дали возможности германскому флоту захватить Ирбенский пролив и не допустили немецкие корабли в северную Балтику. Кампания 1915 г. заканчивалась неблагоприятно для России. Практически всю захваченную в 1914 г. у врага территорию пришлось оставить. Привислинские, часть прибалтийских и западные губернии оказались оккупированы противником. Потери личного состава армии были огромны. С начала войны они достигли 3 млн человек, только в плену

оказалось более 1,5 млн. Иногда из-за нехватки боеприпасов в плен попадали целые полки и дивизии. Теперь противник имел превосходство не только в вооружении, но и по численности войск.

С 1915 г. Восточный фронт стал главным в мировой войне, более половины всех ресурсов держав центрального блока были брошены против русской армии. Страна, истекавшая кровью, напрягала все свои силы в помощь фронту, а ее западные союзники, сосредоточив огромные боезапасы, воздерживались от решительных действий против Германии. России приходилось рассчитывать только на себя.

Военные операции 1916 г.

К началу 1916 г. отношения внутри Антанты серьезно осложнились. Русская сторона была недовольна действиями союзников, перешедших к позиционной войне в момент тяжелых поражений ее армии. Англия и Франция, в свою очередь, опасались, что в России возобладают силы, выступающие за выход из войны, и будет заключен сепаратный мир с немцами. Чтобы не допустить этого, они заметно активизировали контакты как с официальными кругами, так и с деятелями оппозиции.

Зимой 1916 г. во французском городке Шантийи состоялось совещание союзников, на котором было решено начать общее наступление на всех фронтах против Германии и Австро-Венгрии, так согласовывая при этом действия армий, чтобы лишить немцев возможности перебрасывать войска с одного участка на другой. Предусматривалось, что Россия начнет наступление первой в мае 1916 г., а другие чуть позже — через две—три недели. Однако поражения итальянцев под Трентино и начало немецкого наступления на Верден заставили русское командование по просьбе союзников спешно заняться подготовкой к весенне-летней операции.

1 (13) апреля 1916 г. в Могилеве в Ставке Верховного главнокомандующего собрались главкомы фронтов для того, чтобы определить план будущих действий. Ранее предполагалось нанести главный удар против германской армии на участке Западного фронта из района Молодечно в направлении Вильно. Юго-Западному и Северному фронтам отводилась вспомогательная роль. Но в очередной раз неудачи союзников внесли существенные коррективы в сроки наступления русских армий. Было решено, что Юго-Западный фронт начнет наступление первым, на неделю раньше других, и именно на его участке

Николай II с сыном Алексеем на позициях Первой мировой войны. 1916 г.

развернутся основные события предстоящей операции. Такой поворот произошел отчасти благодаря настойчивости нового главнокомандующего войсками Юго-Западного фронта генерала Брусилова [⬇].

Свое наступление Брусилов начал с прорыва сильно укрепленных позиций противника, рассредоточив силы и средства армий не на одном направлении, а на четырех сразу — главном и вспомогательных, чтобы не дать неприятелю возможности маневрировать. Фронт состоял из четырех армий (8, 11, 7 и 9-й) с общей численностью войск более 630 тыс. человек. Каждая из четырех армий фронта имела участок прорыва. Основной

⬇

Алексей Алексеевич Брусилов (1853—1926) *— один из блестящих русских полководцев. Участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Окончил офицерскую кавалерийскую школу. Затем был на командных должностях в армии. С 1912 г. генерал от кавалерии. С 1914 по 1916 г. — командующий 8-й армией. В марте 1916 г. назначен главкомом Юго-Западного фронта. Под его руководством на австрийском фронте был осуществлен знаменитый «брусиловский прорыв». Летом 1917 г. Временным правительством назначен Верховным главнокомандующим. После Октябрьской революции отверг предложение своих бывших соратников генералов Корнилова и Деникина возглавить борьбу с большевиками. В 1920 г. во время советско-польской войны поступил на службу в Красную армию. С 1921 г. инспектор кавалерии РККА. Похоронен в Москве, на кладбище Новодевичьего монастыря.*

удар должна была наносить 8-я армия через Луцк и Ковель. Южнее ее 11-я армия наступала на Золочев, 7-я — на Станислав, 9-я — на Коломыю.

Позиции австрийцев обороняла полумиллионная группировка войск, вооруженная мощной артиллерией и пулеметами. Линия обороны состояла из нескольких рядов укрепленных полос, каждая в две—три линии окопов, расположенных один от другого на расстоянии 5—10 км.

Рассвет **22 мая (4 июня) 1916 г.** был оглушен раскатами залпов русской артиллерии, бившей по всей линии фронта — от пинских болот до румынской границы. На некоторых участках артиллерийская подготовка продолжалась два дня. Первой перешла в наступление 9-я армия в Буковине, но наибольший успех выпал на долю 8-й армии. За три дня фронт здесь был прорван на участке длиной около 80 км и в глубину — более 30 км. 7 (20) июня был взят Луцк, 17 (30) июня — Черновцы. К концу мая 11-я армия дошла до истоков Буга, 7-я подошла к Галичу, 9-я — к Карпатам. В ходе боев на Юго-Западном фронте противник потерял до 1,5 млн убитыми, ранеными и пленными, 581 орудие, 1795 пулеметов, 448 минометов. Австро-Венгрия оказалась на краю полного поражения.

Брусиловский прорыв был крупным успехом русского оружия. Благодаря наступлению Юго-Западного фронта немцы были вынуждены перебросить на восток десятки резервных дивизий и ослабить натиск у Вердена. Астрийцы прекратили продвижение в Италии. Россия в очередной раз спасла своих союзников от поражения. Но перейти к наступлению по всему фронту не удалось, и война вновь приняла позиционный характер. Многие историки связывают с брусиловским прорывом начало решительного перелома в ходе Первой мировой войны в пользу держав Антанты.

В августе 1916 г. Румыния объявила войну Австро-Венгрии. Для России появление нового союзника обернулось особыми трудностями, поскольку неподготовленная румынская армия буквально сразу оказалась на грани разгрома. К концу 1916 г., по оценке А. Зайончковского, русская армия достигла «по своей численности и по техническому снабжению ее всем необходимым наибольшего за всю войну развития». Более двухсот боеспособных дивизий противостояли неприятелю, значительно превосходя его силы. На многих участках фронта инициативой полностью владели русские. В Закавказье были взяты Трапезунд и Эрзерум. Российский флот успешно провел здесь ряд боевых операций. Назначенный в июне 1916 г. командующим Черноморским флотом вице-адмирал А. Колчак

Военная обстановка в Европе в начале 1917 г. Военные действия на Кавказском вронте в 1914–1916 гг.

блестяще провел минную блокаду Босфора и Варны, заметно снизив активность немцев на море.

На Западе вновь наметился огромный интерес к России. Союзники охотно говорили о неистощимой силе русского народа-богатыря, который в очередной раз продемонстрировал миру свою загадочную душу.

Казалось, война была почти выиграна...

§3

Влияние войны на народное хозяйство и общество страны

Отношение к войне различных политических сил

Роковые для судьбы России последствия войны проявились не сразу. Казалось, вся страна едина в своем искреннем порыве солидарности с наступающей армией, братьями-славянами, Сербией и союзниками; патриотический подъем охватил все сословия и слои русского общества от крестьян до царствующей династии. Об отношении народа к войне говорила успешная мобилизация. С ее началом практически прекратились забастовки.

В отличие от проводов с вином на Японскую войну, прощание с мобилизованными и добровольцами, уходящими на фронт в 1914 г., проходило в условиях «сухого закона», введенного правительством только на месяц мобилизации, а затем, по предложению общественности, на все время войны. Активизировалась народная поддержка армии. Крупные суммы пожертвований от населения стали поступать в Красный Крест, на счета обороны и военного займа, на поддержку семей солдат, призванных в армию. В короткий срок развернули деятельность различные общественные организации и фонды: Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам (председатель князь Г. Львов), Всероссийский союз городов во главе с кадетом М. Челноковым, Союз Георгиевских кавалеров, общество «Помощи жертвам войны», комитеты великой княгини Елизаветы Федоровны (благотворительность), великих княжон Ольги Николаевны (помощь семьям запасных) и Татьяны Николаевны (забота о беженцах). В царскосельских дворцах на личные средства

Николая II и его семьи были открыты лазареты, в которых императрица Александра Федоровна вместе со своими дочерьми работали сестрами милосердия. По примеру своего предка императора Александра I, давшего клятву народу в 1812 г., Николай II 20 июля (2 августа) 1914 г. торжественно пообещал в присутствии двора и гвардии не заключать мира до тех пор, пока хоть один враг остается на родной земле. 26 июля (8 августа) на Чрезвычайном заседании Государственного Совета и Государственной Думы депутаты заявили о единстве царя и народа и проголосовали за предоставление правительству военных кредитов (против выступила лишь фракция РСДРП).

Начавшуюся **Великую войну** многие в России считали справедливой, освободительной, **Отечественной**. Философ И. Ильин писал, что подобно войнам 1812—1815 гг. и 1877—1878 гг. «настоящая война наша с Германией есть война **духовно-оборонительная** и останется ею даже в том случае, если русские войска войдут в центр Германии и если мир присоединит к России польские и славянские земли». Другой властитель русских дум В. Розанов в книге «Война 1914 года и русское возрождение» связывал с победой России ее будущее духовно-нравственное обновление. Взгляд на войну как на извечную борьбу русского и германского начал отстаивал Н. Бердяев, считавший, что в ходе этой борьбы Россия призвана будет сказать свое новое слово миру.

Правомонархические организации, до войны не скрывавшие своих симпатий к империям Германии и Австро-Венгрии, быстро перестроились и стали задавать тон в пропагандистской кампании, развернутой с началом войны в печати. Орган Союза русского народа газета «Русское знамя» писала: «Нынешние дни надлежит считать временем могучего пробуждения национальной гордости и самосознания русского народа. Немец — это только повод. России пора освободиться от всякой иноземщины».

Черносотенные союзы внесли свою лепту в сбор средств для нужд армии. Лидер Союза Михаила Архангела В. Пуришкевич руководил работой санитарного поезда и с головой ушел в практическую деятельность на фронте.

Представители **политических партий либерального направления (октябристы и кадеты)** также выступили с патриотических позиций и провозгласили тактику внутреннего мира в стране. В воззвании ЦК партии народной свободы «К единомышленникам», подготовленным П. Милюковым, говорилось: «Каково бы ни было наше отношение к внутренней политике

правительства, наш первый долг сохранить нашу страну нераздельной и удержать за ней то положение в ряду мировых держав, которое оспаривается у нас врагами». Кадеты объявили себя «государственно мыслящей» партией и обратились к другим партиям и группам с призывом отказаться на время войны от оппозиции режиму. На заседаниях кадетского ЦК (ноябрь–декабрь 1914 г.) при обсуждении вопроса о возможной революции большинство членов ЦК согласилось с тем, что если она произойдет, то это будет полной катастрофой, которая «всех нас сметет». Однако по мере осложнения ситуации на фронте и в тылу в кадетской партии усиливались противоречия между различными группировками. Левые кадеты (Н. Некрасов, князь Д. Шаховской) призывали руководство занять более жесткую позицию по отношению к власти. **Постепенно радикальное направление стало заметно укрепляться внутри кадетской партии.** Взгляды его сторонников и близких к ним деятелей были изложены в сборнике статей «Вопросы мировой войны» (под редакцией М. Туган-Барановского). В нем, в отличие от публикаций философов, в понимании войны преобладало обращение не к духовно-религиозным, а к материальным факторам, в том числе экономическим. П. Милюков свою статью посвятил анализу внешнеполитических целей войны, в частности, захвату средиземноморских проливов.

Война привела к кризису европейского и российского социалистического движения. Среди эсеров, скептически относящихся к официальному и либерально-кадетскому пониманию патриотизма, все же преобладали сторонники обороны отечества, хотя сам идеолог и вождь партии социалистов-революционеров В. Чернов, находящийся в эмиграции во Франции, занял двойственную и противоречивую позицию, близкую к интернационалистской. Мировое столкновение 1914 г. он объяснял соперничеством империалистических наций друг с другом. Социализм в передовых странах пошел по линии социалистического империализма, социализм отсталых стран эволюционизировал в сторону социал-патриотизма. В целом социалистическому движению, по мнению В. Чернова, следовало подняться на высшую ступень и стать более интернациональным.

Российская социал-демократия в связи с войной переживала новый раскол. Правый фланг занимал Г. Плеханов, выступавший за победу над Германией при любом развитии ситуации в России, включая сохранение царского режима. Меньшевики, оставшиеся работать в стране, придерживались центризма. Ю. Мартов, Л. Троцкий отстаивали интернационалистские

взгляды, сближавшие их с большевиками, наиболее непримиримыми противниками войны.

Находясь в эмиграции, В. Ленин создал собственную антивоенную программу, суть которой была изложена в подготовленном им манифесте ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия» и выражалась кратко: **превращение империалистической войны в войну гражданскую.** Это для развитых стран Европы означало, по Ленину, подготовку и осуществление революции социалистической, а для России — демократической. Ленин призывал к беспощадной борьбе с социал-шовинизмом, патриотизмом и оборончеством в рабочей среде, постоянно напоминая слова Маркса о том, что у «пролетариата нет отечества».

Ленинские установки определили тактику большевиков в России, работу которых возглавляло Русское бюро ЦК, куда, помимо большевиков — членов Государственной Думы, входили Л. Каменев и действовавшие в подполье А. Шляпников, Н. Крестинский и др. В ноябре 1914 г. практически все руководство этого бюро было арестовано. Большевистская пятерка депутатов Государственной Думы (Г. Петровский, А. Бадаев, М. Муранов, Ф. Самойлов и Н. Шагов), участвовавшая в подпольном заседании бюро в Озерках близ Петрограда, в феврале 1915 г. предстала перед судом и по его решению была сослана на вечное поселение в Восточную Сибирь.

Однако продолжавшаяся война увеличивала напряжение в обществе и способствовала углублению его противостояния с властью.

Мобилизация народного хозяйства и воздействие войны на его состояние

Война показала, что к ведению затяжной изнурительной кампании страна оказалась не подготовлена. У правительства отсутствовала долгосрочная программа систематического пополнения боезапасов и вооружения, не было конкретного плана перевода народного хозяйства на военные рельсы — и на это обратили внимание представители либеральной оппозиции. Еще в конце июля 1914 г. в кадетской «Речи» была опубликована статья видного общественного деятеля князя Д. Шаховского под характерным названием «Мобилизация хозяйства». В ней ставилась задача приспособления хозяйственного механизма страны к нуждам обороны путем создания всенародной организации взаимопомощи с участием правительственных органов, земских, кооперативных, частных учреждений. Эта идея получила довольно широкую поддержку

в общественных и деловых кругах, но особенно популярной она стала весной 1915 г., когда вскрылось катастрофическое положение со снабжением оружием.

В мае 1915 г. в Петрограде состоялся IX съезд представителей торговли и промышленности, на котором был выдвинут лозунг мобилизации промышленности. П. Рябушинский призвал к организации **военно-промышленных комитетов** для объединения действий правительства, предпринимателей и рабочих на нужды фронта. В короткий срок в различных районах были созданы более 200 военно-промышленных комитетов (ВПК), сыгравших заметную роль в укреплении обороноспособности страны. Во главе Центрального ВПК стал лидер октябристов А. Гучков, московским ВПК руководил П. Рябушинский.

Вслед за буржуазией происходит сплочение либеральной, земской и демократической интеллигенции. В июле 1915 г. земский и городской союзы слились в единый **Союз земств и городов (Земгор)**. С августа стали возникать так называемые кооперативные комитеты, в работе которых активно участвовали представители различных социалистических партий и групп. Таким образом, к исходу первого года Великой войны в стране была создана разветвленная система общественных организаций, ставящих своей целью объединение усилий для поддержки фронта и помощи армии. Однако критика существующего режима с самого начала была едва ли не главным в действиях общественности, которая полагала, что именно она, а не власть, несет на себе тяжесть военного времени.

Со своей стороны, правительство брало решительный курс на усиление **государственного регулирования экономики**. В ряде важнейших военных отраслей доля частного сектора резко сокращалась или полностью ликвидировалась. Правительство отстояло монопольное положение оружейных заводов, не допустило появления ни одного частного предприятия в этой области. Производство пулеметов и винтовок было делом исключительно государственных предприятий. Три крупнейших оружейных завода России (Тульский, Сестрорецкий и Ижорский), используя отечественное оборудование, сумели к 1916 г. довести выпуск винтовок до 1 млн шт. в год. Мощным рывком российская промышленность быстро ликвидировала острый кризис с вооружением практически по всем показателям, за исключением производства тяжелых орудий.

Общее состояние экономики страны в это время также не вызывало серьезного беспокойства. Объем валовой продукции промышленности даже увеличился по сравнению с довоенным уровнем. Война привела к существенным структурным сдви-

гам, усилив воздействие государства на все отрасли народного хозяйства. Важным инструментом государственного регулирования экономики стала работа четырех **Особых совещаний** (по обороне, продовольствию, транспорту и топливу), созданных летом 1915 г. Они брали на себя функции рассмотрения важнейших общеэкономических вопросов, затрагивающих различные стороны хозяйственной жизни государства. В их состав входили представители администрации, законодательных органов, армии, деловых и общественных кругов. По своему положению Особые совещания представляли собой «высшие государственные установления», подчиненные непосредственно «верховной власти», т.е. не ответственные перед правительством учреждения. Законодательство военного времени обеспечивало правовой режим государственного регулирования экономики, ограничивая права частного предпринимательства в промышленной, торговой и банковской сферах. Особенно показательны в этом плане законодательные акты, принятые в 1916 г. (Закон от 10 октября «О расширении правительственного надзора над банками коммерческого кредита». Постановления от 29 ноября управляющего министерством земледелия Риттиха о продразверстке).

Жесткая централизация экономики и финансов позволила стране осуществить ряд крупных проектов особой важности, требовавших существенных капиталовложений. Так, в 1916 г., в самый разгар войны была введена в эксплуатацию железнодорожная магистраль в 2000 верст, соединившая порт Романовск (Мурманск) с центром России.

Наряду с возрастанием роли государства в хозяйственной жизни страны отчетливо проявилась и другая тенденция — **развитие народной самодеятельности и инициативы, выразившиеся в невиданном ранее росте кооперативного движения,** по размаху которого Россия вышла на первое место в мире. Почти половина населения страны (включая членов семей) стала участниками различных кооперативных товариществ, обществ, артелей, специализирующихся в сельскохозяйственном производстве, в кредите, в снабжении армии и тыла, в экспорте льна и масла. Такие крупные кооперативные объединения, как Московский союз потребительских обществ, Московский народный банк, Центральное товарищество льноводов, Сибирский союз маслодельческих артелей, опирающиеся в своей работе на многочисленные межрайонные союзы и низовые кооперативы, стали серьезными конкурентами частных банков и фирм. Кооперация нередко привлекалась правительством к выполнению ответственных заданий при хлебозаготови-

тельных операциях, при распределении продовольствия на местах, стала существенным социально-экономическим и культурно-просветительным фактором в жизни народа. Не случайно большое внимание деятельности кооперативов уделяли социалистические партии и либеральная оппозиция.

Мобилизация народного хозяйства, проведенная усилиями правительства и всего общества, создавала предпосылки для дальнейшего успешного ведения войны.

Хороший урожай 1915 г. позволил не только обеспечить продовольствием фронт и тыл, но и сделать запасы на будущее. Тем не менее действующий хозяйственный механизм нередко давал сбои из-за бюрократической системы управления, которая за годы войны значительно усложнилась. В центре, параллельно министерствам, действовали Особые совещания со своей структурой комитетов и комиссий. В губерниях фактически административными функциями были наделены не только губернаторы, но и председатели земских управ, многие из которых были одновременно и правительственными уполномоченными. Целый ряд представителей военного и транспортного ведомств и общественных организаций нередко вносили дополнительную неразбериху на местах. Вследствие этого государственная власть, в условиях войны нуждавшаяся в особом укреплении, порою затруднялась выполнять свои собственные решения, нередко становилась объектом разрушительной критики со стороны оппозиции, проходила серьезные испытания на прочность.

Необходимо отметить, что характер воздействия войны на народное хозяйство страны имел явно тенденциозное освещение в советской историографии. Тогда господствовала надуманная концепция «общего кризиса капитализма», через призму которой и оценивались события предреволюционной поры в России. В советское время стремились обосновать закономерность и неизбежность произошедшей осенью 1917 г. «социалистической революции», и, одновременно, переложить на «царский режим» ответственность за развал страны, случившийся в 1917–1922 гг. Это достигалось посредством механического перенесения кризисных явлений, порожденных революционной смутой 1917 г. и последующих годов гражданской междоусобицы и военной интервенции на время Первой мировой войны. Подобная подмена осуществлялась под предлогом реальной исторической взаимосвязи между Первой мировой войной и порожденными ею потрясениями сначала в феврале, а затем и в октябре—ноябре 1917 г.

К сожалению, и в постсоветской исторической литературе подобные оценки продолжают сохраняться. Правда, теперь вместо

понятия «общий кризис капитализма» используют понятие «системный кризис», который, якобы, разразился в России в конце XIX — начале XX в. При этом корни такого системного кризиса отыскиваются некоторыми историками в пореформенной эпохе второй половины XIX в. и увязываются с якобы присущим нашей стране традиционным отставанием от Запада.

Конечно, симптомы отдельных народно-хозяйственных осложнений в России, как, впрочем, и во всех воюющих странах, возникли в условиях затянувшейся мировой войны. Однако черты быстро расширяющегося экономического кризиса они стали приобретать позднее, когда тяготы военного времени усугубила не столько хозяйственная, сколько общеполитическая дестабилизация, охватившая российское общество в процессе февральского переворота 1917 г. и после него.

О том, сколь деструктивно перемены, вызванные февральско-мартовскими событиями, повлияли на состояние промышленного производства страны, свидетельствуют данные отечественной фабрично-заводской статистики, исчисленные с учетом индекса цен 1913–1917 гг. и введенные в научный оборот авторитетным специалистом в этой области Л. Кафенгаузом. Так, в 1914 г. (первом году войны) и в предреволюционном 1916 г. снижение объема производства было едва заметно — соответственно, на 1,3 и 0,6% к уровню предшествующих лет. Зато резкий спад последовал в 1917 г., больше 10 месяцев которого пришлось на пору революционных потрясений: на 20,2% к уровню довоенного 1913 г., и на 25,8% к показателям предреволюционного 1916 г.

Еще более яркая картина возникает в ходе анализа данных по тяжелой и легкой отраслям промышленности. Так, за годы Первой мировой войны в тяжелой промышленности производство увеличилось на 29%, а в легкой промышленности — сократилось на 6,5%. При этом особенно быстрыми темпами увеличивалось производство военной продукции. Но не менее сильно увеличивались: станкостроение — в 10 раз, электротехника — в 3,6 раза, производство двигателей — в 2,2 раза, химическая продукция — на 64%. Если перед войной в стране действовало 3 автозавода, то в годы войны строились еще 5. Добыча угля в Донбассе поднялась с 1544 млн пудов в 1913 г. до 1744 млн в 1916 г., а нефти по стране добывалось соответственно 9234 млн пудов и 9879 млн. В хлопчатобумажной промышленности наблюдалась близкая картина: за время войны отечественное производство пряжи выросло с 17344 тыс. пудов в 1913 г. до 18868 тыс. пудов — в 1915 г., и до 19129 тыс. пудов — в 1916 г.

Не менее выразительна и динамика производительности труда во всей промышленности за тот же промежуток времени. И снова: спад производительности труда наступает в 1917 г., причем еще больший, чем по уровню валовой продукции: на 22,8% по отношению к 1913 г. и на 27% — к предшествующему 1916 г.

В целом те и другие сведения убеждают в том, что разруха промышленности уходит своими корнями не в Первую мировую войну, а в эпоху революционных потрясений 1917 г. и последующих лет.

В то же время, необходимо отметить, что негативное воздействие войны на аграрную экономику страны было более заметно. По подсчетам А. Челинцева посевные площади страны (без Туркестана, Закавказья и Дальнего Востока) сократились с 88,4 млн дес. в 1913 г. до 81,7 млн дес. в 1916 г., т.е. на 7,6%. Но если в целом по стране наблюдалось сокращение, то в таких окраинных регионах как Сибирь и Степной край — наоборот, имело место расширение посевов. Неравномерна динамика изменений посевных площадей и под различными культурами. Под хлебом посевные площади сократились на 8,4%, под картофелем — на 17 %, а под сахарной свеклой — на 31%. Но в то же время шел рост посевов под культурами, имевшими расширенный рыночный спрос. Так посевы хлопка увеличились на 9%, льна — на 15% и подсолнуха — на 22%.

Заслуживают быть отмеченными и наблюдения Н. Кондратьева по вопросу о балансе (т.е. соотношении между производством и потреблением) хлебов в годы Первой мировой войны. Вот что он писал в своей книге «Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции»: «Если брать баланс не по каждому году отдельно, а вообще за время войны и по всем хлебам, говорить о недостатке хлебов за рассматриваемое время не приходится и нельзя: их более чем достаточно». С этим утверждением вполне согласуется и вывод А. Челинцева о том, что сравнительно небольшое негативное воздействие войны на сельское хозяйство России связано частично с тем, что оно уравновешивалось вызванными войной положительными влияниями. А именно: отрезанный мировой сельскохозяйственный рынок заменился расширенным внутренним, война влила в деревню дополнительные средства, уменьшила расходы, в частности, на водку.

К аналогичным оценкам пришел и Б. Бруцкус в своих изысканиях. По его мнению, негативное воздействие войны на сельскохозяйственную продукцию России не было особо опасным. Подсчет в 1916 г. не обнаружил заметного падения посевных площадей и особенно животноводства. «Вследствие изобилия рабочей силы в перенаселенной российской дерев-

не, — писал Бруцкус, — большие мобилизации еще не смогли вызвать недостатка рабочих рук». По наблюдению этого историка и экономиста гораздо более негативную роль для русского хозяйства сыграло то обстоятельство, что «война чрезвычайно усилила зависимость сильно выросшего внутреннего рынка от мельчайших полунатуральных крестьянских хозяйств». Вместе с тем, он справедливо отмечал, что решающее значение имел тот факт, что «индустриализация была занята работой на войну», и что «рынок был расстроен инфляцией», поэтому крестьяне не могли получить реального эквивалента в промышленных товарах за свою сельскохозяйственную продукцию. «Крестьяне, — подчеркивал ученый, — замыкались в натурально-хозяйственную скорлупу, и это потрясало самые основы структуры русского народного хозяйства. Правительство пыталось заготовить сельскохозяйственную продукцию для нужд армии и городского населения путем все более острых принудительных мер... Эти принудительные меры были малоуспешны, но последствием их было, однако, полное расстройство частичной торговли сельскохозяйственными товарами. Поэтому задолженность правительства населению чрезвычайно выросла, и оно не могло ее погасить. Уже к концу 1915 г. когда из-за падения экспорта в стране имелся огромный избыток продовольствия, города страдали от продовольственных трудностей при полных амбарах в стране».

Одним из проявлений этого недуга в финансовом хозяйстве была эмиссия, выпуск бумажных денег, не сообразующийся с количеством товаров на рынке и национальным доходом страны. За период с августа 1914 г. до февраля 1917 г. масса денег увеличилась в 5 с лишним раз, а курс рубля на мировом рынке (чьим барометром тогда являлись лондонские биржи) понизился с 99,3 до 54,4 коп., т.е. на 48%. Неадекватные росту эмиссии темпы падения курса отечественной валюты объясняются тем, что, как отмечалось выше, промышленное производство по сравнению с его довоенным уровнем продолжало в целом расти, да и сельское хозяйство испытывало на себе терпимое отрицательное воздействие войны.

Завершая анализ всей совокупности экономико-статистических данных необходимо подчеркнуть, что он ставит под серьезное сомнение бытующее утверждение о том, будто война породила общий или системный кризис народного хозяйства Российской империи. Под воздействием войны кризис если и появился, то не столько «общий» или «системный», сколько поразивший в основном общественно-политическую надстройку российского общества.

Тяжелые поражения на фронте, уход из Галиции и Польши, сдача части Прибалтики и Белоруссии привели к явному внутриполитическому кризису. Верховная власть пошла на замену ряда ключевых министров, скомпрометировавших себя в глазах общественности. 5 (18) июня 1915 г. в отставку был отправлен министр внутренних дел Н. Маклаков. На следующий день с поста военного министра был снят В. Сухомлинов. Он был обвинен в государственной измене, арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Для расследования этого дела была создана следственная комиссия, в состав которой вошли представители Думы и Государственного Совета. Новым военным министром стал генерал А. Поливанов, пользующийся доверием в думских кругах. Произошли и другие кадровые изменения в составе кабинета.

19 июля (1 августа) 1915 г. в годовщину начала войны в Петрограде открылась очередная сессия Государственной Думы. Во вступительной речи ее председатель М. Родзянко приветствовал обновленное правительство страны, но представители либеральных партий, демонстрируя свою оппозиционность, настаивали на дальнейших уступках и создании ответственного перед Думой министерства. Еще раньше подобные призывы прозвучали во время работы Всероссийского съезда городов 11—13 (24—26) июля в Москве. Требование правительства доверия стало центральными лозунгами буржуазной оппозиции, которая к августу 1915 г. сумела сплотиться не только идейно, но и организационно. 9 (22) августа 1915 г. было подписано соглашение о создании так называемого **Прогрессивного блока**. Он объединял представителей шести партий Государственной Думы — от умеренных (прогрессивных) националистов до кадетов: 236 депутатов из 442 членов Думы. Социал-демократы и трудовики не вошли в состав блока, однако поддерживали с ним контакты. Три фракции Государственного Совета (центра, академическая и внепартийная) также примкнули к этой организации. Для руководства блоком было избрано бюро из 25 человек, ядро которого составили видные кадеты П. Милюков, А. Шингарев, Н. Некрасов и прогрессист И. Ефремов. Значительная часть членов блока из руководства была связана друг с другом масонскими узами.

Прогрессивный блок оказался важным инструментом радикальной оппозиции, позволяющим использовать парламент для издания необходимых законопроектов и давления на существующий режим. Стержнем программы блока стала формула «создания объединенного правительства из лиц, пользующихся доверием страны и согласившихся с законодательными

учреждениями относительно выполнения в ближайший срок определенной программы». Таким образом, требование формирования «министерства общественного доверия» стало основой деятельности блока. Этот лозунг кадеты смогли провести вопреки упорным попыткам прогрессистов, настаивавших на «ответственном министерстве». Идея межпартийного компромисса в борьбе с царизмом стала определять тактику не только либеральных партий, вошедших в блок, но и их партнеров слева — меньшевиков и трудовиков, формально не участвовавших в работе блока, но фактически тесно связанных с ним, учитывая их общую принадлежность к российскому политическому масонству [⬇].

Еще не успел окончательно сложиться Прогрессивный блок, а его программа стала реализовываться. 13 (26) августа в московской газете П. Рябушинского «Утро России» был опубликован список «Кабинета обороны», представленный практически целиком из деятелей оппозиции и сочувствующих ей лиц в следующем составе: Председатель Совета министров М. Родзянко, министр иностранных дел П. Милюков, министр внутренних дел А. Гучков, министр финансов А. Шингарев,

⬇

Вопрос о роли масонства в событиях предреволюционной и революционной поры в России до сих пор вызывает острую реакцию у исследователей. Некоторые из них (**И. Минц, А. Аврех**) полагали, что влияние масонов на развитие политической ситуации в стране явно преувеличено. Другие (**Н. Яковлев, В. Старцев, В. Шелохаев**), основываясь на исторических документах, пытались осмыслить феномен этого явления. По мнению В. Старцева, возрождение русского политического масонства связано с именем видного российского либерала профессора **М. Ковалевского** (1851—1916). При его непосредственном участии около 40 представителей оппозиционной интеллигенции в 1906—1908 гг. были приняты в масонские ложи, открытые в это время в Москве, Петербурге и других городах страны, причем более 30 человек впервые вступили в это движение именно в России. В период между двумя революциями масонство становится внушительной силой. Масонские ложи были созданы в Думе, в научных, творческих, предпринимательских, земских и кооперативных организациях, среди военных и журналистов. Масонство объединяло представителей различных политических партий — от умеренных до крайне левых. Масонами были октябристы **А. Гучков** и близкий к ним **Г. Львов**, кадеты **В. Маклаков, А. Шингарев, Н. Некрасов** и **Д. Шаховской**, прогрессисты **А. Коновалов** и **И. Ефремов**, «внефракционные» социалисты **Е. Кускова** и **С. Прокопович**, лидер трудовиков **А. Керенский**, «дедушка русской революции» **Н. Чайковский**, меньшевики **Н. Чхеидзе** и **М. Скобелев**, большевики **И. Скворцов-Степанов** и **С. Середа**. Помимо Петрограда и Москвы, ложи имелись в Киеве, Самаре, Саратове, Тифлисе, Кутаиси и других городах страны. Организационно ложи, созданные М. Ковалевским, подчинялись непосредственно «Великому Востоку Франции», другая часть русских лож была связана с «Великим Востоком народов России» во главе с известной «пятеркой»: **А. Керенским, Н. Некрасовым, А. Коноваловым, И. Ефремовым, М. Терещенко.** Резкой грани между этими двумя направлениями масонства не существовало. Так или иначе они подчинялись заграничным масонским центрам.

министр путей сообщения Н. Некрасов, министр торговли и промышленности А. Коновалов, государственный контролер И. Ефремов, министр юстиции В. Маклаков, министр народного просвещения П. Игнатьев, обер-прокурор Синода В. Львов. Из старого правительства были включены двое: военный министр А. Поливанов и министр земледелия А. Кривошеин.

Примечательно, что уже после февраля 1917 г. многие из них вошли во Временное правительство, заняв именно те посты, на которые они планировались летом 1915 г.

В те же дни, когда оппозиция открыто заявила о своих претензиях на власть, Николай II вступил в должность Верховного главнокомандующего, сместив с поста великого князя Николая Николаевича, назначив его главкомом Кавказского фронта вместо престарелого графа Л. Воронцова-Дашкова.

Царь рассчитывал, что своим поступком он в тяжелую минуту поражений вселит в армию и народ уверенность в конечную победу и сумеет сплотить вокруг себя своих подданных. Это решение вызвало противодействие не только со стороны оппозиции, но и в ближайшем окружении царя. Со стороны нового кабинета министров, склонного к компромиссу с Думой, последовал ряд демаршей.

Вечером 21 августа (3 сентября) на казенной квартире С. Сазонова на Дворцовой площади собралось практически все правительство, за исключением премьера И. Горемыкина, министра юстиции А. Хвостова и министра путей сообщения С. Рухлова.

Участниками встречи было составлено письмо царю, в котором содержалось обращение министров пересмотреть его решение об отстранении великого князя Николая Николаевича от руководства армией. «Крайне пагубно сказывается коренное разномыслие между Председателем Совета министров и нами в оценке происходящих внутри страны событий и в установлении образа действий правительства», — писали министры. Отдавая письмо через флигель-адъютанта, А. Поливанов сказал, что при настоящем положении дел «можно довести страну до революции». Однако вместо И. Горемыкина царь вскоре отправил в отставку фрондирующих министров, тем самым демонстрируя, что какие-либо существенные перемены возможны только после победы над врагом.

3 (16) сентября 1915 г. на только что открывшейся сессии Государственной Думы был оглашен высочайший указ о перерыве ее заседаний на срок «не позднее ноября 1915 г., в зависимости от чрезвычайных обстоятельств». По предложению М. Родзянко, депутаты стоя выслушали это решение под аплодисменты правой части собрания. В этот же день в знак

протеста против закрытия Думы рабочие Путиловского завода и Балтийской верфи объявили забастовку.

Таким образом, в отрытом противостоянии с властью радикальная оппозиция потерпела серьезное поражение. Тем не менее она не оставила своих намерений, а, изменив тактику, перешла к активным закулисным действиям.

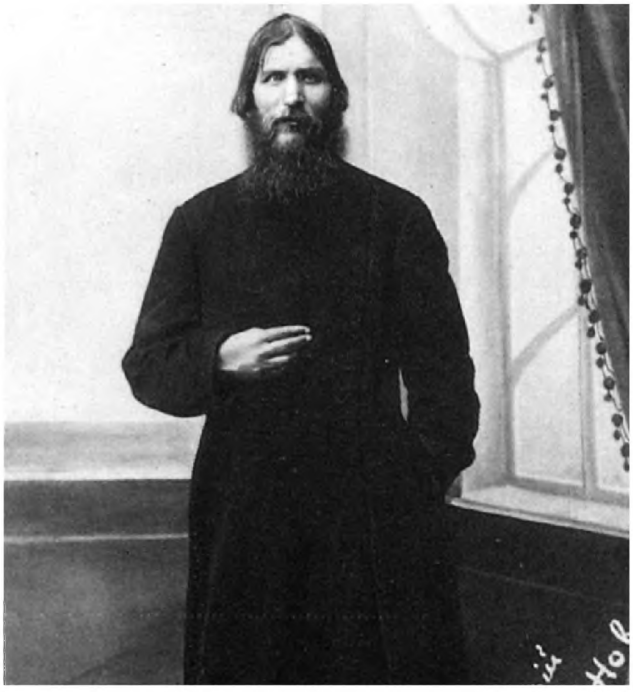
§4

Внутриполитическая обстановка в стране накануне революции

Внутренняя политика в 1916 г.

Начало 1916 г. прошло в тревожном ожидании перемен. Самодержавие, отразившее первый серьезный натиск оппозиции, решило не торопиться с созывом очередной сессии Думы, отложив ее начало на февраль 1916 г. Основное внимание власть уделяла кадровым изменениям в правительстве. 20 января (2 февраля) было объявлено об отставке И. Горемыкина. Новым премьером стал мало чем примечательный сановник, бывший тверской и ярославский губернатор 67-летний обер-камергер Б. Штюрмер. Считали, что своим неожиданным возвышением он обязан Григорию Распутину [↓], без участия которого, по

Григорий Ефимович Распутин (Новых) (1872—1916). *Крестьянин села Покровское Тюменского уезда Тобольской губернии приобрел особую известность при дворе благодаря своим уникальным способностям и познаниям в нетрадиционной и народной медицине. Именно этим обстоятельством во многом объясняется то влияние, которое Распутин имел на императрицу и которое позволило ему подняться к вершинам власти. Однако вряд ли стоит приписывать этому умному мужику, «святому черту», как его называли недоброжелатели, проведение самостоятельной политической линии. Скорее всего, он умело ориентировался в закулисной жизни дворца благодаря своей природной интуиции. В силу разных обстоятельств Распутин стал центральной фигурой дворцовых интриг и так называемых «темных сил» в последние годы царизма. Различные спекуляции и слухи на этот счет были выгодны оппозиции, которая в лице «старца» получила прекрасную возможность для дискредитации режима. Распутину приписывали ряд шумных назначений 1916 г. — замену в марте военного министра Поливанова генералом Д. Шуваевым, отставку в июле министра иностранных дел С. Сазонова, которого сменил на этом посту премьер Б. Штюрмер, и выдвижение на должность министра внутренних дел А. Протопопова. В результате заговора, организованного В. Пуришкевичем совместно с Ф. Юсуповым и великим князем Дмитрием Павловичем Романовым, Распутин был убит в ночь с 16 на 17 декабря во дворце князя Юсупова на Мойке.*



Г. Распутин-Новых

Князь Г. Львов

слухам, в тот год не проходило ни одного заметного назначения.

Назначение Штюрмера с особым раздражением было встречено оппозицией, хотя сам новый министр стремился к смягчению отношений с Думой. 9 (22) февраля 1916 г. после полугодового перерыва состоялось открытие думской сессии, на которое приехал император. Своим присутствием в зале фрондирующей Думы Николай II как бы призывал к примирению власть и оппозицию. Однако оппозиционеры были настроены не в пользу компромиссов. Демонстрируя кажущуюся покорность в Думе, они перенесли всю свою антигосударственную работу в общественные организации, находящиеся полностью под их контролем. Центром внедумской деятельности оппозиционеров с весны 1916 г. становится вторая столица империи.

12—14 (25—26) марта в Москве созывается Всероссийский съезд городов, в котором приняли участие видные лидеры оппозиции. С большим докладом о снабжении армии на съезде выступил Н. Некрасов. Он остро критиковал правительство, характеризуя его политику как «преступную бездеятельность». «Вся армия поняла, — говорил он, — какую колоссальную работу выполняет общество в тот момент, когда правительство беспомощно сложило свои руки. В этом понимании залог победы не только над внешним врагом, но и “залог внутреннего обновления”». Далее Некрасов призвал к объединению всех

существующих общественных организаций в единый Союз Союзов. По его мнению, такое объединение будет способствовать общей целенаправленной работе оппозиции не только в столице, но и в провинции, среди различных сословий и групп населения. Предполагалось, что этот «штаб общественных сил» будет существовать вполне легально и сплотит вокруг себя как уже существующие, так и вновь созданные самостоятельные образования: Земский союз и Союз городов, военно-промышленные комитеты, кооперативные, торгово-промышленные, рабочие и крестьянские организации. Причем главной сферой приложения сил этого нового органа должно было стать продовольственное дело, которое планировалось полностью изъять из рук правительства и передать общественности.

Процесс сплочения антиправительственных сил весной 1916 г. шел весьма успешно и осуществлялся по разным направлениям. Не последнюю роль здесь сыграли и масонские контакты, позволившие вовлечь в орбиту антигосударственной деятельности представителей различных политических партий, включая и самые левые. Внешне конкурирующие между собой политические соперники-оппозиционеры и революционеры были спаяны едиными целями и единой организацией.

В начале апреля 1916 г. на московской квартире супругов Е. Кусковой и С. Прокоповича, по инициативе князя Д. Шаховского, состоялось очередное обсуждение будущего состава кабинета министров. Согласованные кандидатуры несколько отличались от списка, опубликованного в газете «Утро России» летом 1915 г. Так, на должность председателя Совета министров планировался уже Г. Львов, а не М. Родзянко, как год назад. Остальные министерские посты распределялись следующим образом: министр иностранных дел — П. Милюков, военный министр — А. Гучков, торговли и промышленности — А. Коновалов или — С. Третьяков, юстиции — В. Маклаков или В. Набоков, министр труда — Л. Лутугин. В обсуждении кандидатов наряду с кадетами участвовали и социалисты: эсеры и социал-демократы, включая большевиков (И. Скворцова-Степанова). Согласованный с представителями различных партий состав кабинета затем был передан на утверждение съезда кадетов.

Другая тайная встреча лидеров оппозиции состоялась 30 апреля (13 мая) в Москве в доме князя П. Долгорукова, на ней обсуждалось правительство Штюрмера, работа которого квалифицировалась не иначе как «государственное преступление» и «измена». Д. Шаховской за полгода до скандального выступления Милюкова в Думе употребил именно эти выражения. «Начиная войну, — говорил он, — Вильгельм мечтал

о революции в России. Вильгельм жестоко обманулся, но ему поспешили на помощь господа Горемыкины, Хвостовы, Штюрмеры. Патриотический порыв они подменяют чувством острого озлобления, сеют бурю, вносят хаос, дезориентируют тыл. Это величайшее преступление правительства нельзя назвать иначе как государственной изменой». Участники встречи решили, что в урочный час они публично выступят с обвинением правительства и потребуют передачи власти. «Мы живем сейчас как на вулкане, — заявил П. Долгоруков, — взрыв возможен в каждую минуту... И вот когда где-нибудь разразится голодный бунт — наступит момент для возбуждения того ходатайства, о котором я говорю. Под свежим впечатлением стихийного взрыва народного возмущения обращение к Верховной власти может получить необычайную силу и убедительность. Пока же, в ожидании подходящего момента, нужно готовиться к проектируемому шагу».

Замысел радикальной оппозиции, таким образом, не предусматривал ликвидации монархии, а был рассчитан на перехват власти из рук дряхлеющей бюрократии. Предполагалось лишь совершить **переворот в верхах**, используя стихийное народное возмущение в связи с трудностями в продовольственной сфере, которые стали объектом политических манипуляций оппозиции.

8(21) мая в Москве при экономическом отделе Союза городов состоялось совещание, на котором был образован **Центральный комитет общественных организаций по продовольственному делу**. Это событие прошло почти незамеченным для современников и не до конца осмыслено историками. А между тем в совещании приняли участие видные деятели оппозиции и представители практически всех общественных объединений: Союза городов, Земского союза, ЦВПК, центральных кооперативных, сельскохозяйственных, рабочих и торгово-промышленных учреждений. Новый орган, взявший на себя функции Союза Союзов, фактически присвоил и правительственные полномочия. Его председателем был избран М. Федоров — кадет, один из видных масонов.

Именно М. Федоров стал организатором тайного собрания лидеров оппозиции на своей квартире в 1916 г., где было решено произвести государственный переворот и добиться отречения Николая II в пользу его сына Алексея, при регентстве великого князя Михаила Александровича. Многие детали этого собрания до сих пор не ясны. Известно, что на нем присутствовали М. Родзянко, П. Милюков, А. Гучков, С. Шидловский, А. Шингарев, И. Годнев, Н. Некрасов, М. Терещенко и М. Федоров.

Все они сошлись на том, что недовольство режимом стало всеобщим, и в самом ближайшем будущем следует ожидать неминуемого взрыва. Помешать этому может смена власти, которая имеет шанс на успех только в случае отречения Николая II.

П. Милюков позднее так вспоминал об этой встрече: «Мы ушли, во всяком случае, без полной уверенности, что переворот состоится, но с твердым решением в случае, если он состоится, взять на себя устройство перехода власти к наследнику и регенту. Будет ли это достигнуто решением всей Думы или от ее имени, или как-нибудь иначе, оставалось, конечно, открытым вопросом, так как само существование Думы и наличность сессии в момент переворота не могли быть заранее известны. Мы, как бы то ни было, были уверены после совещания... что наше решение встретит поддержку общественных внедумских кругов».

Таким образом, основную работу по подготовке переворота должны были совершить представители внедумской общественности, т.е. те организации, которые уже объединились.

Что касается Думы, то активность оппозиции и Прогрессивного блока в ее стенах вплоть до ноябрьской сессии была минимальной. Тем не менее ей отводилась важная роль в налаживании контактов оппозиции с союзниками.

В апреле—июне 1916 г. парламентская делегация России с официальным визитом посетила союзные страны Англию и Францию. В составе делегации преобладали оппозиционные депутаты. От Государственной Думы семь депутатов, включая П. Милюкова и А. Шингарева, принадлежали к Прогрессивному блоку, из шести членов Государственного Совета трое (В. Гурко, А. Васильев и А. Олсуфьев) примыкали к нему. Главной целью этих поездок было наладить контакты с западными парламентариями и заручиться поддержкой со стороны правительственных и общественных кругов стран Антанты в условиях усилившегося противостояния власти и оппозиции в России. В значительной степени поставленные задачи думскими оппозиционерами были решены. Англичане тут же публично заявили о «великом братстве парламентов», была достигнута договоренность о создании регулярно функционирующей межпарламентской союзнической группы, к которой Дума могла бы апеллировать в случае конфликта с правящим режимом. Лидеры Запада проявили большой интерес к русской оппозиции. За четыре месяца своего пребывания за границей Милюков имел ряд доверительных бесед с европейскими государственными и общественными деятелями, банкирами, промышленниками, учеными и военными. Он был принят

королями Англии, Швеции и Норвегии, президентом Франции Пуанкаре, британским и французским премьерами Асквитом и Брианом, имел встречи с представителями банков Ротшильдов и Морганов.

Многие из встречавших Милюкова на Западе смотрели на него как на одного из будущих лидеров новой России, а сам П. Милюков усиленно обрабатывал собеседников, собирая сведения для предстоящего выступления в Думе.

Характерно, что царское правительство не препятствовало визитерам парламентского типа, попустительствовало прямым контактам оппозиции с союзниками, надеясь хоть как-то смягчить накал напряжения в стране. Однако надеждам этим не суждено было сбыться.

Кризис власти (конец 1916 — начало 1917 г.)

1 ноября 1916 г. начала работу очередная сессия Государственной Думы. И то, что произошло в этот день в зале заседания, современники назвали «штормовым сигналом революции».

Накануне своего выступления в Думе оппозицией был разработан сценарий предстоящих акций с участием широкого круга лиц различной политической ориентации. В конце октября в Петрограде прошел ряд заседаний бюро Прогрессивного блока, на котором активно обсуждался проект думской декларации, составленный П. Милюковым и В. Шульгиным. Кадеты настаивали на включении в декларацию положения об особых заслугах союзников и прежде всего Англии в войне. Правые же считали, что больше внимания следует уделять не внешнему, а внутриполитическому аспекту и критиковать следует «систему, а не Штюрмера». В результате был выработан компромисс, из проекта было изъято требование левых об ответственном министерстве, однако тон его был вызывающим.

25 октября в Москве на съезде председателей губернских земских управ была принята резолюция с беспрецедентным требованием к царю о замене «реакционного министерства». Подобного рода решения были приняты в эти дни и на партийных форумах кадетов и прогрессистов, прошедших в Петрограде. Перед открытием сессии на имя председателя Государственной Думы поступило обращение руководителя Земского союза князя Г. Львова, в котором он писал о «зловещих слухах, о предательстве и измене, о тайных силах, работающих в пользу Германии». Аналогичное письмо направил в Думу и председатель Союза городов М. Челноков. Прямым вмешательством во внутренние дела России явилось выступление английского

посла Д. Бьюкенена на торжественном заседании в Петрограде Общества английского флага (созданного стараниями М. Ковалевского в 1915 г.). В своей речи посол союзной державы призвал оппозицию довести войну «до победного конца» не только на поле брани, но и внутри страны, т.е. в России.

Таким образом, предстоящий демарш оппозиции был согласован и с депутатами, и с внедумскими кругами, включая союзников. В таких условиях Дума начала работу, и оппозиция сразу же перешла в открытую атаку на правительство Штюрмера. Выступавший от имени Прогрессивного блока октябрист С. Шидловский заявил, что стране необходимо правительство народного доверия, и что блок будет добиваться его создания «всеми доступными ему способами». Представитель левых фракций А. Керенский разразился истерикой в адрес царских министров, назвав их предателями интересов страны. Однако «гвоздем» программы, подготовленной оппозицией, стала знаменитая речь П. Милюкова «Глупость или измена?»

«Мы потеряли веру в то, что эта власть может нас привести к победе, — заявил лидер кадетов, поддержанный голосами с мест “верно”». Не отвергая слухов о предательстве и измене «придворной партии во главе со Штюрмером и Распутиным», Милюков заявил, что она «группируется вокруг молодой царицы». Умело жонглируя цитатами из зарубежных и русских газет, сопровождая их собственными комментариями, Милюков повторял: «Что это: глупость или измена? Выбирайте любое. Последствия те же».

Речь Милюкова в тысячах копий расходилась по стране. Многочисленные переписчики, вставляя «от себя» целые абзацы, тиражировали и усиливали самые невероятные слухи.

Между тем достоверность фактов, приведенных Милюковым, не была доказана. Более того, позднее, уже находясь в эмиграции, многие видные кадеты признавали, что выступление Милюкова носило сугубо политический характер и не отражало реальные события.

Тем не менее оппозиция добилась своего. Началось огромное давление на царя, в том числе и со стороны ближайших родственников — великих князей. 10(23) ноября Штюрмер был отправлен в отставку. Новым председателем Совета министров стал 52-летний А. Трепов, занимавший до этого пост министра путей сообщения и разделявший многое из программы Прогрессивного блока.

Трепов стал третьим за годы войны (после И. Горемыкина и Б. Штюрмера) лидером правительства, но возглавлял его чуть

больше месяца — накануне 1917 г. он был заменен Н. Голицыным, чье премьерство (27 декабря 1916 г. — 27 февраля 1917 г.) оказалось последним в Российской империи и столь же непродолжительным, сколь и неудачным. Серьезным влиянием на царя в двух последних составах правительства пользовался А. Протопопов, бывший оппозиционер, товарищ председателя Государственной Думы и член Прогрессивного блока, назначенный в сентябре 1916 г. на должность министра внутренних дел, ставший одним из самых доверенных лиц императора.

Так называемая «министерская чехарда» явилась одним из признаков все углубляющегося кризиса власти. За время войны сменилось 4 премьера, 6 министров внутренних дел, 4 военных министра и 4 министра юстиции. Отсутствие стабильности кадров в результате придворных интриг и закулисной борьбы отрицательным образом сказывалось на управлении страной в период, требовавший величайшего напряжения и ответственности. Реальной возможности непосредственно влиять на государственные дела у царя зачастую не было. Из 19 месяцев пребывания его на посту Верховного главнокомандующего 9 месяцев он находился в Ставке, 6 — в столице, 4 — в разъездах между Могилевом, Царским Селом и Петроградом.

Последние месяцы царствования прошли для Николая II в удручающем одиночестве. Убийство Распутина, в котором участвовали родственники царя, реакция высшего света на смерть «старца» повергли императора в глубокую депрессию. Вместе с семьей он жил преимущественно в Царском Селе, лишь изредка общаясь с Протопоповым. Стена отчуждения между Романовыми и обществом становилась все более неодолимой. Даже губернские дворянские собрания, бывшие в прошлом оплотом монархических устоев, теперь принимали резолюции в поддержку Думы. 6 (19) января царь подписал рескрипт правительству (первый подобного рода документ после 17 октября 1905 г.). В нем говорилось о полном единении России с союзниками и отвергалась всякая мысль «о заключении мира ранее окончательной победы». Перед кабинетом министров ставились две задачи: снабдить армию и тыл продовольствием, наладить транспортные перевозки. Выражалась надежда, что законодательные органы, земства и общественность помогут правительству.

Между тем за два с половиной года войны отношение к ней в обществе существенно изменилось. Для многих политических сил вопрос о войне стал предметом спекуляций. Оппозиция, например, распространяла слухи о готовности царя заключить с Германией сепаратный мир, представляя себя единственной

силой, способной идти в войне до конца, что находило отклик у союзных послов. Народ, к тому же, предельно устал от военного времени, чему способствовали трудности с продовольствием, дороговизна, перебои с топливом, транспортом и др. Патриотический подъем первых лет сменился апатией. Война полыхала за сотни верст от центра России, а страдало от нее простое население русских городов, сел и деревень. Властям так и не удалось сплотить народ в борьбе с агрессором: разногласия между различными сословиями только усугублялись.

С начала войны в армию было мобилизовано свыше 15 млн человек, потери на фронте достигли 9 млн, в том числе 1,7 млн убитыми. Народное хозяйство испытывало нехватку рабочих рук. Свыше 650 промышленных предприятий приостановили работу. К концу 1916 г. экономика страны вступила в полосу серьезных испытаний.

Начался массовый подъем забастовочного движения в промышленных центрах, в частности в Петрограде. Только осенью 1916 г. в стране произошли 273 забастовки, в которых участвовало около 300 тыс. человек. Показательно, что почти все они проходили под политическими лозунгами. Особенно характерными в этом отношении были первые месяцы 1917 г.

Так, в январе 1917 г. фабричной инспекцией была зафиксирована 371 забастовка, в том числе 228 с политическими требованиями, число бастующих составляло 250 тыс. человек. В феврале 1917 г. было уже 959 стачек, из них 912 политических. Бастовало 450 тыс. рабочих — самый высокий показатель участников забастовок за годы войны. Несмотря на все старания, властям не удалось нарушить тесную связь рабочего движения с социалистическими партиями. Большим влиянием в рабочей среде пользовались социал-демократы, особенно меньшевики, сумевшие сохранить свои кадры не только в Думе, но и в легальных пролетарских организациях — страховых обществах, больничных кассах, потребительских кооперативах. Заметную роль играли также рабочие группы при военно-промышленных комитетах. Они были созданы в 36 городах и обеспечивали устойчивые контакты представителей левых социалистических партий с деятелями радикальной оппозиции. Наибольшую активность проявляла Рабочая группа при Центральном военно-промышленном комитете (ЦВПК) в Петрограде. Она стала выпускать прокламации ярко выраженной антиправительственной направленности. Одна из них, от 26 января, начиналась с призыва к решительному устранению самодержавного режима и полной демократизации страны и заканчивалась

обращением к рабочим столицы быть готовыми к всеобщей забастовке в поддержку Думы.

Царизм попытался перехватить инициативу и предпринял ряд решительных действий. В ночь на 28 января, по распоряжению А. Протопопова, были произведены аресты членов Рабочей группы ЦВПК, которых заключили в Петропавловскую крепость. По указанию Николая II был составлен проект Манифеста о роспуске Думы, выборы нового ее состава предполагались в конце года.

Все это необычайно взволновало оппозицию и заставило ее в очередной раз обратиться к замыслам о перевороте. **В орбиту заговора была вовлечена военная верхушка.** Начальник штаба Верховного главнокомандующего М. Алексеев, главком Северо-Западного фронта Н. Рузский, генерал А. Крымов и ряд других военных, входивших по некоторым данным в масонскую ложу, были посвящены в планы заговора. По одному из них предполагалось перехватить поезд царя и потребовать от него отречения в пользу сына. Однако точные сроки акции не были установлены, поскольку государь находился в Царском Селе и было неизвестно, когда он собирается вернуться в Ставку. В столице было неспокойно. Выступления рабочих, начавшиеся 9 января, не только не прекратились, а, наоборот, нарастали. В этих условиях попытка захвата власти могла обернуться народным взрывом. В ожидании урочного часа для переворота шли дни, а между тем наступили события, явившиеся прологом революции.

6 глава
РУССКАЯ КУЛЬТУРА НАЧАЛА XX в.

§1
«Серебряный век»

Противоречия «Серебряного века»

Отечественная культура начала XX в. развивалась в условиях острого социального и духовного кризиса, сопутствовавшего революционным событиям 1905 и 1917 гг. Это переломное время характеризуется активным поиском новых форм и путей научной, образовательной и творческой деятельности. В трудах видных современников (С. Маковского, Н. Бердяева и др.) этот период был назван русским **«Серебряным веком»**.

Реформы второй половины XIX в., а также рост промышленности и аграрная реформа начала века дали толчок научным открытиям и исследованиям, и во многом предопределили изменения в сфере образования — страна нуждалась в профессионально подготовленных, квалифицированных специалистах, высококультурных людях. Общий уровень грамотности населения значительно вырос, хотя он и определялся начальной школой. Произошли заметные изменения в высшем образовании: повысилось его качество, появились первые высшие женские курсы. Возросший интерес общества к науке стимулировал ее развитие. Вторая половина XIX в. отмечена серьезными достижениями российских ученых во всех областях научного знания. Расширилось книгоиздание, возросло количество периодических изданий.

В области литературы и искусства на рубеже двух веков столкнулись две тенденции. Одна шла от традиций XIX в., когда художественные произведения воспринимались обществом как форма общественной борьбы. Другая была связана с ради-

кальными изменениями в политической и экономической жизни страны, которые оказали влияние не только на возникновение новых социальных групп и слоев населения, но и на формирование их мировоззрения, уклад жизни, быт и взаимоотношения между людьми. События революции 1905—1907 гг. способствовали вовлечению многих деятелей культуры в общественно-политическую жизнь, более четкому выражению ими своих мировоззренческих позиций и становлению различных творческих объединений. Этот период «Серебряного века» стал временем многих творческих открытий, формирования разнообразных художественных течений (символизм, футуризм, акмеизм, модернизм, авангардизм, неоантичность). Эпоха «Серебряного века» создала почву для творчества десяткам выдающихся поэтов, писателей, философов, деятелей науки и искусства.

Рубеж XIX—XX вв. явился временем идейного и организационного становления **интеллигенции** — специфически российского явления. Интеллигенция сформировалась как новый и уникальный по составу общественный слой. Он сплотил представителей различных профессий, образованных выходцев из разных сословий и классов. **Основой для их объединения стала идея общей борьбы против исторических устоев российской государственности, против традиционного уклада жизни русского народа, за проведение радикальных преобразований по западному образцу.** К началу XX в. интеллигенция завоевала ведущие позиции в российском обществе. Однако ее политическое мировоззрение было настолько разнообразно — от либерализма до радикальной революционности, — что еще в большей степени оказывало негативное влияние на состояние всего общества. С одной стороны, общественная мысль развивалась в различных направлениях, а с другой — общество дробилось по многочисленным политическим пристрастиям, что делало его нестабильным.

Умонастроения начала XX в. резко контрастировали с мироощущением, господствовавшим в предшествующие десятилетия. На смену размеренности и стабильности, воплощением которой являлось царствование Александра III, приходит неуверенность, и, по словам Л. Толстого, ожидание «великого переворота». М. Горький пророчил наступление «века духовного обновления». А. Суворин выражал опасение, что наступившее «переходное время», отличительными чертами которого он считал полное бессилие и старой власти, и «общества», может породить лишь «кавардак невероятный». С. Дягилев в 1905 г. говорил о становлении «новой, неведомой культуры, которая нами возникает, но и нас же отметет». Общественным созна-

М. Горький в кругу нижегородских друзей. 1904 г.

нием на рубеже веков овладевали философско-материалистическая теория К. Маркса, антицерковное учение Л. Толстого, суждения Ф. Ницше о «сверхчеловеке».

Однако в основном российское общество по своему духовному состоянию оставалось достаточно консервативным. Большинство населения страны оставалось верным патриархальному укладу и исповедовало «царистские» настроения. Либеральная интеллигенция, приобретая реальный общественный вес, завоевав почти полное господство в органах печати, присваивала себе роль выразителя интересов всего народа перед лицом «уходящей» царской власти. Часть творческой интеллигенции (А. Блок, С. Дягилев) ясно сознавала отсутствие взаимопонимания между интеллигенцией и народом, предвидя, что подъем народной стихии станет пагубным для оппозиционно настроенного «просвещенного общества», выросшего в недрах старого режима и при его попустительстве. Но при этом А. Блок позитивно оценивал даже заведомо разрушительные стремления широких масс, а М. Горький уповал на то, что интеллигенции удастся возглавить народное недовольство.

Шел процесс стремительной радикализации политических взглядов ряда крупных деятелей науки и культуры,

которые прежде имели весьма «умеренную» репутацию. Особое место в этом процессе занимали идеи «обновления» православного вероучения, которые широко обсуждались на Религиозно-философских собраниях, проводившихся с 1901 г.

Одним из идеологов **«нового религиозного сознания» (богоискательства), «нового христианства»** был Д. Мережковский. В своих взглядах он опирался на учение В. Соловьева о синтезе религий и торжестве всемирной теократии.

Ее утверждение Мережковский связывал с некой, по-своему понимаемой, «национальной революцией», направленной против самодержавия. В самодержавии априорно усматривался оплот темных сил («антихриста»). Мережковский считал русское декадентство ни чем иным, как «революционным славянофильством». При этом провозглашалось тождество понятий «революция» и «религия». Источник и предтечу будущей «религиозной революции» Мережковский находил в «великом русском расколе-сектантстве», которое надлежало соединить «с ныне совершающейся в России революцией социально-политической». За революцией, т.е. крушением старого мира и «апокалипсисом», должно последовать установление царства Божия на Земле. Мережковский и его последователи признавали сектантов «народными революционерами». Однако революционный «апокалипсис» являлся для Мережковского и людей его круга, прежде всего, воплощением «эстетического» идеала. Этот идеал мог быть моментально разрушен в том случае, когда революционная реальность переставала удовлетворять взыскательные запросы теоретиков декадентства. Такое разочарование влекло за собой отречение от революции. Д. Мережковский и его супруга – писательница З. Мережковская (Гиппиус) восторженно приветствовали свержение монархии в феврале 1917 г. Но полученные вечером 1 марта 1917 г. известия о разжигаемой Советом рабочих депутатов «пугачевщине» словно повергли их, по признанию Гиппиус, в «ужаснейший мрак». Совсем не случайно чета Мережковских после революций 1905 и 1917 гг. оба раза оказывалась в эмиграции.

Интерес к революционному «богостроительству», к религиозно-сектантским мотивам восприятия революции проявляли деятели социал-демократии А. Луначарский и В. Базаров, писатель М. Горький, поэт А. Блок. Свою революционную поэму «Двенадцать» (1918) Блок завершал эстетически выверенной идеальной картиной – всеобщим триумфальным шествием «с кровавым флагом», с которым идет «Исус Христос» (написание имени Иисуса Христа с одним «И» Блок за-

имствовал у старообрядцев). Современники (П. Флоренский, М. Пришвин, Ф. Степун и др.) отмечали раскольничью и даже хлыстовскую природу созданного Блоком художественного образа. Проповедь «нового христианства», синтеза религий, всемирной теократии и иных «духовных» новшеств наносила удар по многовековым основам православного мировосприятия, русского государственного и социального устройства. Обществу всякий раз внушалась неотвратимость грядущей катастрофы и смуты как залога ожидаемого «возрождения» и «преображения». Примечательно, что философ Г. Федотов и другие мыслители русского зарубежья позднее называли революционеров «иудео-христианской апокалиптической сектой». Стараниями «образованной» среды, по словам Е. Кузьминой-Караваевой, «глубоко, беспощадно и гибельно перекапывалась почва старой традиции».

Народное образование

«Великие реформы» царствования Александра II и последующие социальные преобразования прежде всего отразились на системе образования. Хотя она по-прежнему включала три ступени: начальную (церковно-приходские школы и народные училища), среднюю (классические гимназии, реальные и коммерческие училища) и высшую (институты и университеты), однако уравнение в правах всех сословий, в том числе и в области получения образования, привело к общей демократизации системы народного просвещения в России. Среди студентов увеличилась доля выходцев из крестьян и мещан.

Под покровительством обер-прокурора Св. Синода К. Победоносцева продолжала увеличиваться сеть церковно-приходских школ, созданная еще в 90-е годы XIX в. Победоносцев полагал, что народная школа должна обучать крестьян не только грамматике и арифметике, но и нести в народ «свет христианской морали и нравственности». К 1905 г. количество церковно-приходских школ достигло почти 43,5 тыс., а количество учеников в них — около 1,7 млн. В стране ежегодно открывалось около 2 тыс. новых начальных школ. Начальное обучение было бесплатным. На развитие начального обучения из государственного бюджета ассигновалось 500 млн руб. ежегодно (данные 1913 г.). К 1914 г. в начальных учебных заведениях России обучалось около половины детей. Среди населения старше 8 лет грамотность составляла около 40%. Статистические данные начала XX в. свидетельствуют о росте темпов распространения грамотности среди социальных низов.

К 1918 г. в России насчитывалось 64% грамотных рабочих и около 30% грамотных крестьян.

По проекту правительства П. Столыпина в 1908 г. III Думой был принят Закон «О введении всеобщего начального обучения в Российской империи», подготовлен законопроект об улучшении материального обеспечения народных учителей. Однако политическая борьба, в которую были погружены политические партии и думские фракции, помешала им решить эти вопросы.

Учителей начальных школ готовили учительские семинарии, число которых к 1917 г. составило более 170 (из них 145 мужских). Учительские институты вели подготовку учителей для городских и уездных училищ, а университеты обеспечивали новыми учителями гимназии.

Высшими учебными заведениями, стоявшими во главе классической системы образования и призванными давать учащимся весь комплекс фундаментальных научных знаний, оставались университеты. Значительно возросла численность студентов. В середине 1890-х годов в университетах обучалось 14 тыс. студентов, в 1907 г. — 35,3 тыс.

Потребность развивающейся российской промышленности в квалифицированных кадрах стимулировала развитие высшего технического образования: число студентов инженерных специальностей постоянно росло, были созданы новые политехнические Саратовский университет и Томский институт. Плата за обучение в высших учебных заведениях России составляла от 50 до 150 руб. в год. Многие малоимущие студенты вообще освобождались от платы за обучение.

«Демократизация» общества привела к появлению нового типа высших учебных заведений — **частных институтов**, куда могли поступать представители всех слоев общества вне зависимости от пола, национальности, вероисповедания и политических взглядов — Университет А. Шанявского, Психоневрологический институт В. Бехтерева. В 1896 г. русским педагогом, анатомом и врачом П. Лесгафтом были основаны Временные курсы по подготовке руководительниц физических упражнений и игр (с 1930 г. — Институт физической культуры им. П. Лесгафта).

В частных институтах преподавали крупные ученые — И. Павлов, В. Семевский, Е. Тарле и др. Развивалось педагогическое образование, открывались новые педагогические учебные заведения. Важное место занимали здесь женские курсы, выпускницы которых преподавали в училищах и гимназиях. В 1900 г. были вновь открыты Московские высшие женские курсы профессора

Высшие женские курсы в Москве. (Ныне — главное здание Московского педагогического государственного университета)

В. Герье, деятельность которых была приостановлена в 1888 г.; в 1903 г. был открыт Женский педагогический институт в Петербурге, в 1908 г. — Высшие женские сельскохозяйственные курсы под руководством Д. Прянишникова. Открылись высшие женские курсы в Саратове, Одессе, Ростове, Харькове и др. городах. Они содержались на средства частных лиц и общественных организаций. Всего в начале XX в. действовало около 30 высших женских учебных заведений. В начале XX в. Россия заняла ведущее место в Европе по количеству женщин, обучающихся в высших учебных заведениях. В 1911 г. в России был принят закон о высшем женском образовании, который уравнивал в профессиональных правах женщин и мужчин, получивших дипломы о высшем образовании. Первый Всероссийский съезд по женскому образованию (1912) потребовал от правительства перейти к совместному обучению в высших учебных заведениях.

Росли образовательные запросы рабочих. Многие предприниматели, понимая это, открывали на своих фабриках и заводах **рабочие курсы** и **воскресные школы**. Государство выделяло средства на создание просветительских рабочих обществ, народных домов и народных университетов с хорошими библиотеками, где с лекциями выступали ведущие российские профессора.

Самые известные рабочие курсы — Пречистенские были созданы в Москве в 1897 г. на средства владелицы Тверской мануфактуры В. Морозовой. Они состояли из трех отделений, программы которых соответствовали начальной, средней и высшей школе. Среди преподавателей были авторитетные ученые — И. Сеченов, В. Пичета и др. Первые народные университеты были открыты в 1906 г. в Нижнем Новгороде, Твери, Воронеже, Уфе. Народный университет в Москве был открыт в 1908 г. на средства, завещанные либеральным деятелем народного образования А. Шанявским (1837—1905). В университет мог быть зачислен каждый, кому исполнилось 16 лет, независимо от социального положения, вероисповедания, пола. Университет состоял из двух отделений — научно-популярного (в объеме гимназии) и академического, выпускники которого получали диплом о высшем образовании. Одним из учащихся университета им. Шанявского был Сергей Есенин (в 1913—1914).

По инициативе С. Витте была расширена сеть технических училищ по подготовке квалифицированных рабочих для железнодорожного строительства, военной и металлургической промышленности.

Печать и книгоиздание

В начале XX в. по количеству издаваемых книг Россия вышла на третье место в мире после Германии и Японии. До 2/3 всей печатной продукции выпускалось в Петербурге и Москве, которые являлись главными центрами печатного и книжного дела.

Крупнейшими книгоиздателями оставались А. Суворин, который издавал в Петербурге «Дешевую библиотеку», и И. Сытин, издававший «Библиотеку для самообразования» в Москве. Суворин также выпускал одну из крупных газет «Новое время», тираж которой достигал 60—100 тыс. экземпляров. Он также открыл сеть книжных магазинов в Петербурге, Москве и в других городах. В серии «Дешевая библиотека», которая выпускалась им с 1880 г., издавались сочинения русских классиков — писателей XVIII—XIX вв., произведения древнерусской литературы.

Выходец из костромских крестьян Сытин начинал свою деятельность учеником в книжной лавке в Москве, затем основал собственную литографию, где печатались популярные лубочные картинки. В начале XX в. он превратился в крупнейшего монополиста в книгоиздательском деле. Сытин был другом крупных отечественных литераторов — Л. Толстого, А. Чехова, М. Горь-

кого и др., которые побудили его начать издание просветительской литературы для народа. Так появилась серия «Библиотека для самообразования», в которой выходили книги по истории, философии, экономике, географии.

Сытин совместно с Министерством просвещения начал первым из издателей подготовку и выпуск учебников для системы народного образования России. Миллионы букварей, учебников и детских книг, выпускавшихся издательством И. Сытина, распространялись по всей России.

Проблемами народного просвещения активно занимались и другие книгоиздатели, которые публиковали произведения русской и зарубежной классики, выпуская книги по доступным ценам. Издательское товарищество «Знание» во главе с М. Горьким выпускало в свет сборники произведений писателей-реалистов И. Бунина, А. Куприна, Л. Толстого, А. Чехова и др.

С 1890 по 1907 г. в Петербурге была издана универсальная русская энциклопедия Брокгауза и Эфрона.

Бурно развивалась периодическая печать, отражавшая пеструю палитру общественно-политических взглядов и позиций. Возникавшие партии и политические группы непременно открывали свою газету или журнал (легально или нелегально), через которые вели пропаганду своих взглядов. После Манифеста 17 октября 1905 г. периодическая печать была освобождена от предварительной цензуры, что привело к увеличению численности и тиражности газет и журналов. К 1914 г. в стране выходило более 1 тыс. различных газет и более 1,2 тыс. журналов, что втягивало в политическую и культурную жизнь страны широкие социальные слои и активно влияло на их политические настроения.

В начале XX в. значительно выросли тиражи и количество научных журналов (более 500 наименований). Распространению и популяризации научных знаний способствовали авторитетные научно-популярные издания: журналы «Вокруг света», «Наука и жизнь», «Научное обозрение» и др., а также публичные лекции видных русских ученых. Однако по мере обострения социального кризиса журналы, газеты, еженедельники, принадлежавшие легальным научным и творческим обществам, а также частным лицам и формально ограничивавшие свою деятельность освещением узкоспециальных вопросов (наука, литература, сельское хозяйство, народное просвещение, благотворительность и т. п.), на деле все более активно включались в политическую борьбу. Почти все они примыкали к либеральному лагерю и поддерживали

требования «конституционных» преобразований, попадая в руки лидеров либерального движения. Большой интерес «общества» в первые годы XX в. привлекали к себе издававшиеся за границей нелегальные политические издания: либеральный журнал «Освобождение», социал-демократическая газета «Искра» и др.

Главная роль в распространении книг и журналов в столицах и особенно в провинции принадлежала библиотекам. Библиотеки содержались в основном на общественные и частные средства. Устройству и содержанию библиотек покровительствовали земские учреждения. В 1904 г. из 10 тыс. общественных и народных библиотек 4,5 тыс. — в основном сельские — были открыты земствами. К 1914 г. в России насчитывалось около 76 тыс. библиотек, почти 4/5 из которых состояли при гимназиях, городских училищах и сельских школах. На общественные средства и пожертвования предпринимателей открывались общедоступные народные библиотеки, кабинеты для чтения. В начале XX в. центральным, самым крупным книжным и архивным хранилищем России являлась Императорская публичная библиотека в Петербурге, основанная в 1795 г. (ныне — Российская национальная библиотека). В ее фондах разместилось наиболее полное собрание русских книг и периодических изданий XIX — начала XX в.

§2

Научная мысль

Развитие естественных наук

В начале XX в. российская наука выдвинулась на передовые рубежи в мире, открытия российских ученых повлекли за собой возникновение в стране принципиально новых отраслей промышленности. Фундаментальные идеи профессора Московского Высшего технического училища (ныне — им. Н. Баумана) Н. Жуковского и калужского учителя физики и математики К. Циолковского в области гидро- и аэродинамики и теоретических основ воздухоплавания заложили базу для российского самолето- и ракетостроения.

В 1903 г. К. Циолковский опубликовал в журнале «Научное обозрение» статью «Исследование мировых пространств реактивными приборами», изложив свою теорию движения ракет и положив таким образом начало развитию космонавтики в России. В последующих работах ученый теоретически обосновал возможность космических полетов, которые способны совершать «реактивные приборы» (ракеты).

В 1910 г. завод «Дукс» в Москве начал выпускать первые отечественные летательные аппараты «Русский витязь» и «Илья Муромец». Русский летчик-испытатель П. Нестеров впервые выполнил в 1913 г. знаменитую фигуру высшего пилотажа — «мертвую петлю», а С. Уточкин совершил десятки полетов в разные города России и за рубеж для пропаганды авиационного дела. В 1911 г. Г. Котельниковым был изобретен первый ранцевый парашют.

На основе научных разработок Н. Зелинского в 1915 г. был создан угольный противогаз. В 1896 г. в петербургских каретных мастерских П. Фрезе был собран первый российский автомобиль, с 1909 г. началось его серийное производство на заводе «Руссо-Балт» в Риге.

В начале XX в. основными научными центрами России оставались Академия наук со своей сетью научных институтов, университеты с состоявшими при них многочисленными научными обществами и всероссийские съезды ученых.

Непосредственное влияние на развитие естественно-научных знаний в России оказали крупные открытия в мировой науке, сделанные на рубеже XIX—XX вв.: обнаружение рентгеновских лучей и радиоактивности, делимости атома, а также появление генетики и др. новых наук. Великий русский ученый П. Лебедев, создатель русской научной школы физиков, экспериментально доказал существование давления света и возможность измерения его величины. Его труды имели определяющее значение в разработке квантовой теории и астрофизики. Русский физик Б. Голицын стал основоположником новой науки — сейсмологии.

Работы великого русского ученого-физиолога И. Павлова — создателя теории об условных рефлексах и о высшей нервной деятельности человека и животных также получили мировое признание. Его вклад в мировую науку в 1904 г. был отмечен Нобелевской премией. Он стал первым русским ученым, удостоенным этой премии за исследования в области пищеварения. Через четыре года лауреатом этой премии стал И. Мечников за исследования в области микробиологии и иммунологии. Всемирную известность получило

Ученые, члены Российского общества естествоиспытателей: К. Тимирязев, В. Комаров и др. на юбилейном заседании общества. 1913 г.

имя русского ученого В. Вернадского — основоположника биохимии, геохимии и радиогеологии. Опираясь на глубокие научно-философские обобщения, Вернадский тщательно изучал проблемы и перспективы биологического и нравственного бытия человека. Венцом этой работы стало учение Вернадского о биосфере (области жизни) и ноосфере (области разума), созданное в 20—30-е годы XX в.

В начале века продолжались географические и геологические исследования. В 1912 г. была предпринята экспедиция Г. Седова к Северному полюсу; огромный вклад в геологические исследования Забайкалья, Алтая, Центральной и Средней Азии внес В. Обручев; за научные открытия в ходе Полярной экспедиции 1900—1902 гг. А. Колчак был избран действительным членом Русского географического общества и его именем назван один из островов в Карском море. На ледоколе «Вайгач» в Северном Ледовитом океане работала русская гидрографическая экспедиция, открывшая в 1913 г. Северную Землю, а в 1914 г. — впервые совершен переход по Северному морскому пути из Владивостока в Архангельск.

Естественно-научные открытия оказывали мощное воздействие на общественное сознание, способствовали расширению философских исканий. Демократические процессы в обществе сделали доступными для всех слоев населения научные до-

стижения, а русские ученые своей просветительской работой в многочисленных научных обществах: Географическом, Историческом, Русском техническом и т.д. активно содействовали этому.

Гуманитарные науки

«Серебряный век» русской культуры связан с именами выдающихся мыслителей: В. Соловьева, Н. Бердяева, С. и Е. Трубецких, Д. Мережковского, С. Булгакова, П. Флоренского и др. Это время расцвета русской религиозной философии. В русской религиозной философии формулировалась основная идея противоборства человека, как свободной творческой силы, с промышленной и технической цивилизацией, разрушающей человечность. Такие духовные качества человека, как добро, любовь и творчество должны изменить мир, сделать его гармоничным, спасти от разрушающей силы человеческого эгоизма и зла. В трудах религиозных философов социально-экономические проблемы подчинялись религиозно-духовным, говорилось о «новом религиозном сознании» и выстраивании всемирной теократии («вселенской церкви») как социального идеала. **Идеи религиозной философии отражали, с одной стороны, кризис официальных церковных институтов, с другой — попытку дать рациональное научно-философское обоснование христианскому учению.** Религиозная философия оказала значительное влияние на художественную культуру «Серебряного века».

На исследования в социологии, истории и философии оказывали влияние мировые достижения в естествознании и европейские философские школы идеализма и марксизма.

В русской исторической науке господствующие позиции занимало направление, связанное с В. Ключевским и его научной школой. Появились крупные исследования историков В. Семевского, Н. Павлова-Сильванского, С. Платонова и др. Большое внимание уделялось изучению социально-экономической истории России. Влияние марксизма на историческую науку проявилось в пятитомной работе М. Покровского «Русская история с древнейших времен» (1910—1915), однако большинство сюжетов отечественной истории было изложено ученым с нигилистических позиций. Покровский отвергал национальные особенности исторического процесса и патриотические начала в изучении истории. Велики были достижения социально-экономической мысли, нашедшие воплощение в трудах П. Струве, М. Ковалевского, М. Туган-Барановского и др.

Труды представителей русской исторической школы — В. Ключевского по истории российского государства, П. Милюкова по истории русской культуры, Н. Кареева по новой истории, С. Ольденбурга по истории Востока и др. — получили мировое признание.

§3

Художественная культура

«Переоценка ценностей»

Для отечественной культуры начала XX в. были характерны как реализм, так и поиск совершенно новых, нетрадиционных форм в литературе и искусстве. Вместе с этим, усилился интерес творческой интеллигенции к народному искусству, народным промыслам, фольклору, традициям народного быта и мировоззрению. Развитие художественной культуры «Серебряного века» сопровождалось глубоким духовным кризисом того времени, который был связан с отрицанием реализма и снижением интереса к проблеме социальности в искусстве. По словам М. Нестерова, пришла эпоха «всеобщей переоценки ценностей».

Одним из явлений в культуре стало декадентство — господство упаднических мотивов, безнадежности и неприятия жизни, которое чаще всего было присуще модернистским течениям. Понятие **модернизм** (фр. moderne — новейший, современный) включало в себя новые явления литературы и искусства, возникшие в начале нового века и шедшие вразрез с реалистическими традициями предшествующих десятилетий. Последователи «модернизма» искали пути самовыражения личности в искусстве, уходили в своем творчестве от объективной реальности русской жизни и демонстративно отказывались от ее правдивого отображения. В литературе, живописи и музыке возобладал неоромантизм.

Появились новые художественные объединения, которые включали в себя представителей разных искусств, занятых поисками новых форм творческой деятельности. Такими объединениями стали «Мир искусства», журналы «Весы» (редактор В. Брюсов) и «Золотое руно» (издатель Н. Рябушинский), спектакли Художественного театра. В столицах было

создано более 40 художественных объединений, в провинции — около 30.

Крупнейшим из них был кружок «Мир искусства», возникший в конце 1890-х годов. Название кружку дал журнал, издававшийся с 1899 г. на средства княгини М. Тенишевой, а затем — художника В. Серова. В рядах мироискусников были: художники А. Бенуа, К. Сомов, Л. Бакст, публицист Д. Философов, театральный и художественный деятель С. Дягилев и др. Участники кружка стояли на позициях модернизма, были приверженцами западнического пути развития России, прославляли культ Петра I как основоположника русской европеизированной культуры и культ Петербурга — средоточия этой культуры. Критикуя передвижников за приверженность русской национальной самобытности и реалистическим принципам, они считали себя продолжателями русского искусства XVIII в., наиболее широко заимствовавшего европейские сюжеты и творческие приемы.

Литература

На начало XX в. приходятся последние годы жизни и творчества Л. Толстого. В его последнем романе «Воскресение», опубликованном в 1899 г., содержалось осуждение общественной несправедливости и выражалось сочувствие антиправительственным силам. Крупным общественным скандалом обернулся разрыв писателя с Русской Православной Церковью (1901) и превращение **«толстовства»** в новую религиозную секту, враждебную православию.

Широкое общественное признание получило творчество А. Чехова, написавшего в эти годы свои лучшие повести и рассказы («Моя жизнь», «Мужики», «Дом с мезонином», «Дама с собачкой», «Невеста»), драмы «Чайка» и «Вишневый сад», поставленные на сцене Московского Художественного театра. Произведения Чехова стали летописью жизни и быта русской интеллигенции конца XIX — начала XX в.

Писательское творчество М. Горького («Старуха Изергиль», «Челкаш», «Девушка и смерть», «Песнь о Соколе», «Песнь о Буревестнике» и др.) воспевало стремление человека к свободе, любви и готовность к самопожертвованию в борьбе за высокие идеалы. В одном из писем к Чехову Горький провозглашал новое направление в литературе — «героический реализм», который не только изображал бы жизнь, но был бы «выше ее, лучше, красивее». В 1906 г. Горький написал драму «Враги» и роман «Мать» и, выражая солидарность с револю-

ционно настроенной частью общества, снискал себе репутацию пролетарского писателя.

На рубеже веков русская литература пополнилась именами молодых талантливых писателей — И. Бунина и А. Куприна, в сочинениях которых нашла отражение преемственность реалистических традиций минувшего столетия.

В противовес реализму в русской литературе начала XX в. появились новые модернистские направления: символизм, акмеизм, футуризм. Представители **символизма** — А. Блок, А. Белый, Д. Мережковский, В. Брюсов, К. Бальмонт, Ф. Сологуб, З. Гиппиус и др. — манили читателей сказочным мифом об идеальном мире, созданном по законам «вечной Красоты» и наполненным загадочными символами. Символисты были увлечены т.н. «чистым», «свободным» искусством, призванным культивировать самое себя и служить лишь для эстетического удовольствия его создателей. Они отдавали предпочтение безграничному индивидуализму, доходящему до изощренного самолюбования; велись поиски сакрального мира. Рассуждения символистов о «стихийном гении» были близки идее Ф. Ницше о «сверхчеловеке». Символизм уводил своих последователей от общественной реальности. Хотя символисты восторженно приняли события 1905 г., упиваясь зрелищем «красных стягов революции» (А. Белый) и звучанием революционных песен, но реальные события ими облекались в форму эстетических образов. Лишь наиболее талантливые представители этого течения смогли после бурных потрясений первой революции подняться над «чистым» эстетством и задуматься о будущих судьбах Отечества. А. Блок написал циклы стихов «Родина» и «На поле Куликовом», обратясь к сюжетам народной жизни и истории. Творчество А. Блока и А. Белого находилось в то время под сильным влиянием поэзии Н. Некрасова.

Акмеизм (от греч. «акме» — высшая точка, цветущая пора) в русской поэзии возник как реакция на символизм с его отрицанием реальности и беспочвенностью. Акмеисты А. Ахматова (Горенко), О. Мандельштам, Н. Гумилев, С. Городецкий, М. Кузмин, Г. Иванов и др., в отличие от символистов, обращались к реальностям жизни, к «земной проблематике», насыщенной эстетическими, чувственными образами. В 1911 г. Гумилев создал литературный кружок — «Цех поэтов», в который вошли его друзья и единомышленники из числа собратьев по перу. Акмеисты подчеркивали профессиональное отношение к поэзии, считая ее ремеслом (отсюда название — «цех»). Самым выдающимся представителем акмеизма в поэзии был Н. Гумилев. Его стихи, посвященные в основном историчес-

ким и природно-экзотическим темам, отличаются неповторимой по форме чеканностью и точностью. Идеалом лирического героя для Гумилева была независимая, самодостаточная и властная личность.

В 1910—1912 гг. наряду с акмеизмом в отечественной поэзии появился **футуризм**. Название данного направления указывало на то, что его деятели считают себя поэтами «будущего». Существовало несколько кружков футуристов, самым крупным из которых были кубофутуристы: поэты Д. Бурлюк, В. Хлебников, А. Крученых, В. Каменский, В. Маяковский. Лидером эгофутуристов был И. Северянин (Лотарев). Поэты Б. Пастернак и Н. Асеев начинали свой творческий путь в футуристическом кружке «Центрифуга». Футуристы пытались «опрокинуть» традиции и заявляли, что миновали времена Пушкина, Гоголя, Достоевского и Толстого — Россия ждет нового слова, стиля, героя, нового мира искусства и культуры. В манифесте «Пощечина общественному вкусу» (1912) они предлагали сбросить Пушкина, Достоевского, Толстого с «парохода современности». На съезде футуристов в 1913 г. был создан новый театр «Будетлянин», символом которого станет «черный квадрат» Малевича. Особое место в футуризме занимало творчество молодого В. Маяковского, многие из ранних стихов которого полны возвышенного лиризма, остроумия и искреннего протеста против общественного ханжества и разложения, а также готовности участвовать в реальном, практическом созидании нового.

В начале XX в. появилось целое поколение **крестьянских поэтов**, «поэтов из народа» с совершенно новым литературным миропониманием и кругозором. С. Есенин, Н. Клюев, С. Клычков, П. Орешин, А. Ширяевец, П. Радимов и др. в своем творчестве талантливо и проникновенно воспевали природу, дух и традиции крестьянской России, православную веру народа и его устремленность к лучшей жизни (сборники «Радуница» и «Сельский часослов» Есенина, «Сосен перезвон» и «Песнослов» Клюева, «Песни» и «Потаенный сад» Клычкова, лирическая и бунтарская поэзия Орешина). Интерес к крестьянской поэзии был вызван поисками в искусстве начал национальной самобытности, которые обнаруживались как в культуре «доевропейской» (допетровской) Руси, так и в социально-бытовом укладе русского крестьянства. Крестьянские поэты становились членами различных литературно-художественных кружков и обществ — монархического по духу «Общества возрождения художественной Руси» при Феодоровском государевом соборе в Царском Селе (1915), литературной группы «Краса» (1915)

и литературного общества «Страда» (1915–1917) в Петрограде. До 1917 г. тема революции и «классовой борьбы» не очень заметна в творчестве крестьянских поэтов, хотя С. Клычков во время Московского восстания 1905 г. участвовал в боях в рядах повстанцев на Арбате, а Н. Клюев за антиправительственную деятельность шесть месяцев находился в тюрьме. Оба поэта сочувствовали революционерам. Клюев видел в них пример жертвенного служения «святому делу», сравнивал их с первыми христианами-мучениками, оплакивал трагическую судьбу «опаленных, сгибнувших, убитых». Поэтическое мировосприятие Орешина было менее сентиментальным. Его главным героем выступает обездоленный мужик-крестьянин. Есенина, Клюева, Клычкова, Орешина и других «поэтов из народа» объединяла непреходящая и общая для них ценность — прошлое, настоящее и будущее великорусского крестьянства с его «берестяным раем» или, как у Клюева, «избяным космосом» и собственным «мужицким Спасом».

Изобразительное искусство

Ведущей творческой организацией русских художников оставалось товарищество передвижников, объединявшее лучших живописцев страны. В начале XX в. в товарищество входили В. Суриков, В. Васнецов, И. Репин, В. Маковский, В. Поленов, И. Левитан, А. Куинджи и др. Традиции школы передвижников во многом определяли творческие поиски живописцев, имена которых приобрели широкую известность уже в начале нового столетия.

Наряду с историко-бытовым жанром А. Рябушкина, историческими полотнами А. Васнецова, В. Верещагина, пейзажами И. Левитана развивался русский импрессионизм, яркими представителями которого были К. Коровин, В. Серов, И. Грабарь, Ф. Малявин и др., естественно и непредвзято запечатлевающие окружающий их постоянно меняющийся мир.

Символизм был представлен творчеством М. Врубеля и В. Борисова-Мусатова. Стиль **«модерн»** развивался в творческом объединении «Мир искусств», в который входили крупнейшие художники начала века: А. Бенуа, Е. Лансере, А. Куинджи и др. Художники М. Ларионов, К. Петров-Водкин и др., напротив, сохраняли в своем творчестве традиции русского лубка и иконописи.

После революции 1905—1907 гг. в изобразительном искусстве усилились радикальные модернистские тенденции. К 1910 г. появляются **авангардные направления** в живописи, такие как футуризм А. Лентулова, абстракционизм В. Кан-

динского, К. Малевича и др. Художники этого направления объединяются в творческий союз «Бубновый валет», пропагандирующий через выставки авангардное искусство. Создатель авангарда К. Малевич определил его как искусство «чистых» форм, беспредметности. В 1915 г. на выставке в Петрограде публика впервые осматривала концептуальное творение Малевича — «Черный квадрат», который был представлен автором как главное открытие. Творчеством в стиле авангарда занимались художники: В. Кандинский, Р. Фальк, П. Филонов, М. Шагал. Они искали в окружающем мире не конкретные реалии, а схематические формы мирового устройства, воображаемые каждым по-своему.

Тема жизни и социальных чаяний крестьянства, его стремления к справедливому общественному переустройству («всеобщему благоденствию») накануне и после революционных событий 1917 г. нашла свое яркое отражение в творчестве Е. Честнякова и других «народных» художников.

Архитектура

В архитектуре промышленный прогресс произвел подлинный переворот, а появление новых строительных материалов (железобетон, металлоконструкции) оказало влияние на темпы и облик градостроительства. В архитектуре утвердились, в основном, два стиля — **модерн** и **неорусский**. Неорусский стиль начала века в отличие от псевдорусского не копировал детали средневекового зодчества, а использовал традиции и дух древнерусской архитектуры, преломляя их сквозь призму модерна. Представители этих направлений — Ф. Шехтель, А. Щусев, В. Васнецов и др. — строили здания нового времени: вокзалы, биржи, банки, телеграфы, магазины, фабрики, заводы, украсившие российские города.

Театральное и музыкальное искусство

В конце XIX в. в Москве открылся Художественный театр, основанный К. Станиславским и В. Немировичем-Данченко, которые сформулировали новые принципы актерского мастерства. Станиславский подчеркивал необходимость сделать новый театр «разумным, нравственным, общедоступным». Первой пьесой, поставленной на сцене театра, была драма А. Толстого «Царь Федор Иоаннович». В конце 1898 г. в театре состоялась премьера «Чайки» Чехова, с тех пор «Чайка» стала эмблемой Московского Художественного театра.

И. Репин и Ф. Шаляпин в мастерской художника с друзьями

В 1902 г. на средства русского мецената С. Морозова было построено известное здание Художественного театра (архитектор Ф. Шехтель). Художественный театр стал примером умелого сочетания классических театральных традиций с насущными запросами современности, в его стенах складывались новые принципы актерского искусства и режиссуры. Вскоре деятельность Московского Художественного театра приобрела большое общественное значение для всей России, вызвала широкий резонанс и самые неоднозначные оценки своего стремления передать на сцене «правду жизни». Последователем Станиславского и Немировича-Данченко стал Е. Вахтангов. Реалистическим и демократическим принципам Художественного театра пытался противопоставить эстетические эксперименты условного театра В. Мейерхольд.

В Петербурге появился театр В. Комиссаржевской, в своих постановках близкий настроениям демократической интеллигенции. Русскую балетную школу олицетворяли легендарная балерина А. Павлова и выдающийся балетмейстер М. Фокин.

Шедевры русского сценического искусства конца XIX — начала XX в. получили мировое признание благодаря деятельности С. Дягилева, который с 1909 по 1912 г. устраивал

«Русские сезоны» в Париже и Лондоне, демонстрировавшие всему мировому сообществу высочайшие творческие достижения театрального, балетного, музыкального и других видов русского искусства. Ближайшим помощником Дягилева в организации выступлений артистов балета на «Русских сезонах» был М. Фокин, новаторские решения которого позднее воплотились в эстетике советского балета. Фокин видел в балетной драматургии прежде всего «содружество танца, музыки и живописи». Хореографический этюд «Умирающий лебедь», написанный французским композитором К. Сен-Сансом и исполненный Анной Павловой, был запечатлен художником В. Серовым и стал символом русского классического балета.

В начале XX в. были открыты консерватории в Саратове, Одессе и Киеве. В 1906 г. в Москве, по инициативе С. Танеева, была открыта народная консерватория. В музыкальном творчестве возрос интерес к внутреннему миру человека, «знамением времени» стало усиление лирического начала.

В творчестве композиторов этого периода С. Рахманинова, А. Скрябина и др. прослеживаются веяния модернизма и отход от социальных проблем. Проявляя способность к оригинальным творческим решениям, Рахманинов в то же время оставался верен традициям русской музыкальной классики, был последовательным учеником П. Чайковского. Музыкальное творчество Скрябина отличалось большей сложностью, новаторством, глубоким философским содержанием. В жанре оперы-сказки работал выдающийся композитор Н. Римский-Корсаков, унаследовавший традиции «Могучей кучки». Музыка И. Стравинского имела успех на балетной сцене (балеты «Жар-птица», «Петрушка», «Весна священная»). Композитор проявил интерес к далекому историческому прошлому русского народа, к народным обычаям и фольклору.

Лучшие традиции русской вокальной школы развиваются в Петербургском Мариинском и Московском Большом театрах оперными великими певцами: Ф. Шаляпиным, Л. Собиновым, А. Неждановой. Большой и Мариинский театры являлись центрами русской музыкальной жизни. Но возрастал авторитет и частной оперы (С. Мамонтова, затем — С. Зимина). На сцене частной оперы Мамонтова впервые раскрылся уникальный талант актера и певца (бас) Ф. Шаляпина, ставшего, по словам Горького, такой же «эпохой» в отечественном искусстве, «как Пушкин».

§4

Ментальность российского общества

Огромное значение для развития русской культуры имели распространившиеся в начале века **филантропическая деятельность и меценатство**. Известными благотворителями были купцы Морозовы, Третьяковы, Мамонтовы, Алексеевы, Рукавишниковы, Солодовниковы, Тарасовы, Щукины и многие другие. Они жертвовали средства в городские фонды на строительство больниц, приютов, богаделен, школ и училищ. Третьяков подарил России свою богатейшую коллекцию живописи, Щукин — коллекцию картин французских импрессионистов, Бахрушин — коллекцию театральной старины, Морозов поддерживал Московский Художественный театр, Мамонтов — общину талантливых художников в Абрамцеве и т. д. Несмотря на столь полезную для общества деятельность, положение купцов и новой буржуазии в России было достаточно противоречивым и неустойчивым. Вчерашние выходцы из мелких купцов, ремесленников, мещан и крестьян, разбогатевшие в период бурного развития капитализма, были чужими, безродными, «выскочками» для родовитого, обедневшего, но все еще политически сильного дворянства. Социальные низы также воспринимали предпринимателей враждебно, как нажившихся на их труде и бедах. Энергия, тяга к прогрессу, заряд неистощимой трудоспособности и хозяйственная смекалка предпринимателей, умевших рационально и рачительно решать проблемы не только собственного благополучия, но и экономики всей страны, в массовом сознании отодвигались на задний план. В общинной России, в отличие от частнохозяйственного Запада, предприимчивые люди не пользовались популярностью. Большинство крестьян относились к своим более зажиточным односельчанам как к «мироедам», порой не замечая, что достаток к ним пришел с кровавыми мозолями тружеников. Такое отношение к формировавшемуся классу предпринимателей таило в себе потенциальную опасность острых социальных конфликтов. Для менталитета русского крестьянства была присуща слитность человека с природой, трепетное восхищение ее благодатью.

С развитием промышленности и ростом городов начала формироваться **городская массовая культура**. Появился новый

Один из первых мотоциклов. 1910 г.

необычайно популярный и доступный широким массам вид искусства — **кинематограф**. Первый игровой фильм «Стенька Разин и княжна» был снят в 1908 г. Это было еще немое кино, но залы кинотеатров, где под сопровождение таперов на экране шли мелодрамы, псевдоисторические ленты, детективы, были переполнены желающими посмотреть на окружающую их жизнь со стороны. Технический прогресс, появление на улицах городов первых автомобилей и в небе — самолетов, делало явью то, что недавно казалось фантазией. Городская жизнь повлияла также и на моду. Одежда стала более рациональной, строгой и менее вычурной. Главным критерием в моде становилось удобство. Это же правило стало распространяться и на предметы быта, мебель. Индустриальный дух, проникавший во все сферы жизни, менял представления людей о собственном облике. Вошедший в моду образ здорового, подтянутого, стройного человека сделал спорт массовым увлечением, особенно среди молодежи. Открывались различные клубы как для высших слоев общества (яхт-клубы, теннис-клубы и т. д.), так и для средних — футбольные, гимнастические и др. Создавались детские спортивные организации «бой-скаутов» и «соколов». Небывалой популярностью пользовались соревнования по борьбе и зимние виды спорта. Проводились соревнования по лыжам, велосипеду, борьбе и хоккею. Национальными героями стали выдающиеся русские спортсмены: борец И. Поддубный, чемпионы мира и Европы по скоростному бегу на коньках Н. Струн-

Футбольный матч «Санкт-Петербург — Стокгольм». 1913 г.

ников, В. Ипполитов и первый русский олимпийский чемпион 1908 г. по фигурному катанию Н. Панин-Коломенкин.

Общее улучшение благосостояния российского населения делало доступными для людей со средними доходами поездки за границу, поэтому в начале XX в. быстрыми темпами развивается новая отрасль — туризм. Особой популярностью пользовались туристические поездки студентов и учителей школ. С ростом благосостояния людей было связано и начавшееся движение за трезвость. Пьянство воспринималось как национальное бедствие, и борьба с ним носила патриотический оттенок. Повсеместно создавались народные общества борьбы за трезвость.

С мощным пластом новой городской культуры сталкивалась традиционная крестьянская, поскольку городское население пополнялось прежде всего за счет деревни. Основу крестьянской жизни составляла семья и глубокая православная вера. Нравственными идеалами крестьянина были христианские представления о добре, благочестии, милосердии, почтении к старшим, взаимопомощи, трудолюбии, добросовестности. В соответствии с этими представлениями прививались и нормы поведения детям. Очень важным для крестьянина было мнение соседей, которое часто корректировало его поведение. На этих нравственных христианских устоях держалось российское общество вплоть до 1917 г., когда в стране начались гонения на Православную Церковь и насильственно внедрялись псевдонародные идеалы и нормы жизни.

7 глава ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г.

§1

Февральский переворот

Народные выступления в Петрограде (23—26 февраля)

Начало революции оказалось довольно неожиданным даже для тех, кто готовил ее или искренне желал, не говоря уже о других слоях общества.

22 февраля 1917 г. Николай II отправился в Ставку. Дорога до Могилева заняла чуть больше суток, и всюду на станциях царский поезд торжественно приветствовали толпы людей.

А в столице тем временем события приобретали необычайный характер. Отмечая Международный женский день **23 февраля (8 марта по нов. ст.)**, тысячи работниц предприятий Выборгской стороны на митингах призывали трудящихся города объявить забастовку в знак протеста против непрекращающихся перебоев в снабжении хлебом и против дороговизны. Политические требования пока не выдвигались. К забастовке присоединились в этот день рабочие заводов и фабрик Петроградской стороны и Васильевского острова, причем не только женщины, но и мужчины. Всего бастовало 128 тыс. человек и 49 предприятий. В организованных в связи с этим демонстрациях принимали кое-где участие представители социалистических партий и группы эсеров, социал-демократов и анархистов. Стихийные выступления в ряде мест приводили к нарушению общественного порядка. На Выборгской стороне были разгромлены магазины и остановлено движение городского транспорта, вагоны трамваев перевернуты. Для разгона демонстраций были вызваны полиция и казаки, со стороны которых оружие не применялось, а со стороны митингующих имели место случаи разоружения полицейских, агитация

среди солдат. К вечеру 23 февраля рабочие, сумев преодолеть кордоны заграждения, устремились в центр города на Невский и Литейный проспекты. В эти часы в Таврическом дворце шло заседание Думы, собравшейся на очередную сессию еще 14 февраля. Депутаты бурно обсуждали складывающуюся в столице ситуацию, остро критиковали правительство, требовали от него решительных мер по улучшению снабжения населения продовольствием, предлагали привлечь к этому делу самих рабочих. К исходу суток 23 февраля центр Петрограда был очищен от демонстрантов. По требованию министра внутренних дел А. Протопопова командующий Петроградским военным округом генерал С. Хабалов обнародовал воззвание к жителям города, где говорилось, что хлеба в столице достаточно и оснований для беспокойства нет.

Показательно, что немногие из современников могли дать верную оценку событиям 23 февраля. Власти полагали, что ситуация находится под их контролем. Императрица Александра Федоровна писала царю, что положение в городе полностью в руках Хабалова. Из представителей политических партий также мало кто представлял себе, в каком направлении будет развиваться забастовочное движение — думские оппозиционеры не разглядели в происходящем того «урочного часа», к которому они давно готовились. В среде революционеров даже наиболее радикальные из них придерживались выжидательной тактики. Поздно вечером 23 февраля на конспиративной квартире на окраине Петрограда состоялось заседание членов Русского бюро ЦК РСДРП(б) и Петербургского комитета большевиков. На нем А. Шляпников предупредил, что в забастовках и митингах активно участвуют эсеры и меньшевики-гвоздевцы, к ним следует относиться со всей осторожностью, чтобы не дать вовлечь себя в движение в поддержку Думы.

Таким образом, дальнейшее зависело, во-первых, от массовости выступления рабочих и методов их борьбы на улицах и, только, во-вторых, от умения политиков овладеть стихией народного возмущения, направить ее в нужное русло.

На следующий день, 24 февраля, войска стали оцеплять центральную часть города для того, чтобы локализовать районы выступления рабочих на окраинах Петрограда. В них участвовало уже 200 тыс. человек, причем к бастующим присоединялись все новые заводы и фабрики. Стачки охватили предприятия Нарвской и Московской застав, Невского района и др. На Васильевском острове к движению рабочих присоединились студенты университета. Несмотря на все попытки властей отрезать окраины от центра, толпы демонстрантов

сумели выйти к Невскому проспекту. Ораторы приветствовали солдат гарнизона и казаков и гневно ругали войну, царя и его министров. Правительство же, собравшись в этот день на заседание, заявило, что происходящее его мало касается, а является исключительно заботой Протопопова и Хабалова. Царь, получив известия из столицы, не придал им должного внимания и только 25 февраля, ознакомившись с тревожной телеграммой Хабалова и докладами некоторых министров, поступившими в Ставку, передал в Петроград свой приказ: «Завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны против Германии и Австрии», что означало разрешение на применение оружия и кавалерии. Получив из Ставки приказ, Хабалов срочно созвал совещание и отдал своим подчиненным соответствующие распоряжения.

26 февраля, в воскресенье, центральные районы города и подступы к ним были заняты войсками. Повсюду были развешаны объявления, запрещавшие уличные собрания и шествия. Казалось, власти сумели переломить ситуацию и восстановить порядок в столице. Однако, несмотря на запреты, горожане вышли на улицы, хотя их было гораздо меньше, чем 23—25 февраля. Среди демонстрантов 26 февраля были не только рабочие, но и много студентов, гимназистов, служащих, домохозяек и просто обывателей. Значительная часть народа собралась на Знаменской площади, в центре которой возвышалась знаменитая конная статуя Александра III. Поражала та решимость, с которой на митинге выступали собравшиеся: «Долой войну!», «Долой царя!», «Хлеба и мира!»

Многие из вышедших в этот день на улицы полагали, что войска, как и в предшествующие дни, стрелять не будут, однако уже в пятом часу на Невском прогремели первые выстрелы. На Знаменской площади было убито и ранено 30 человек, были жертвы и в других местах. Но кое-где солдаты отказывались стрелять в народ. 4-я рота Павловского полка не встала в оцепление у Казанского собора, а когда ее попытались заменить конной полицией, начала стрелять в жандармов. Это был грозный симптом, зловещее предупреждение власти.

Вечером 26 февраля на Васильевском острове состоялось совместное заседание представителей ряда социалистических партий: эсеров, меньшевиков, межрайонцев, большевиков. Обсуждался вопрос о совместных действиях. Было решено продолжить всеобщую стачку и в случае необходимости быть готовыми к вооруженному восстанию и созданию временного революционного правительства. В эти же дни в среде рабочих кооперативов города и ряда представителей социалистичес-

ких партий возникла идея воссоздания, по аналогии с 1905 г., Совета рабочих депутатов как главного штаба организации сопротивления власти, борьба с которой переходила таким образом в качественно новую стадию.

Свержение самодержавия (27 февраля — 3 марта)

27 февраля стал переломным днем в революционных событиях ранней весны 1917 г. Решимость и последовательность выступлений рабочих, их твердость перед угрозой расстрелов и репрессий не могли не поколебать уверенности солдат Петроградского гарнизона в правильности отдаваемых им приказов и не вызвать сочувствия к требованиям народа. Расквартированные в столице полки, в основном гвардейские, всегда находились на особом счету. Это были элитные части русской армии. За годы войны положение в столичном гарнизоне резко изменилось. С одной стороны, в запасных батальонах появилось много «эвакуированных» солдат, тех, кто уже побывал на фронте, получил ранения или был выведен с передовой в краткосрочный отпуск. Настроение этих бывалых солдат, уставших от войны, во многом определяло общую атмосферу отчуждения и даже недовольства начальством, царившую в казармах. С другой стороны, в этих же полках были созданы так называемые «учебные команды» — подразделения, где готовили унтер-офицеров и младших командиров, наиболее пострадавший в ходе боев корпус военнослужащих. Как правило, «учебные команды» отличались дисциплинированностью и исполнительностью. Однако среди них было немало вновь призванных солдат, отнюдь не горевших желанием немедленно оказаться на фронте, что, как видно, сближало их с «эвакуированными». Не случайно зачинщиками солдатского бунта, разразившегося утром 27 февраля, стала «учебная команда» запасного батальона гвардейского Волынского полка.

Убив офицера и захватив оружие, волынцы вышли на улицу, привлекая на свою сторону солдат других полков, расположенных рядом, — Литовского и Преображенского. Стихия бунта завораживала своим порывом к свободе, заставляя забыть о верности воинскому долгу и присяге. Число восставших солдат к утру 27 февраля составило 25 тыс. человек, и к ним присоединялись все новые части, к вечеру на их сторону перешло уже около 70 тыс. человек — более половины Петроградского гарнизона. Солдатские массы заполнили улицы города. Восставшие громили полицейские участки, арсеналы с оружием; штурмом был взят Дом предварительного заключения

Освобожденные политзаключенные Шлиссельбургской крепости. 1917 г.

и здание окружного суда. Из тюрем были выпущены заключенные, среди которых оказались единицы революционеров, арестованных в последние дни, но немало уголовников.

Власть оказалась совершенно неспособной остановить происходящее. Приказы Хабалова не выполнялись, верных ему войск оставалось все меньше. Рассчитывать можно было только на батальон Измайловского полка и сводный отряд полковника Кутепова, случайно оказавшегося в эти дни в столице. Воля режима была парализована.

Между тем, прорвавшись через оцепление Московского полка по Литейному мосту, толпы восставших солдат вышли к Финляндскому вокзалу и соединились с рабочими Выборгской стороны, встретивших их красными знаменами и лозунгами «Долой самодержавие!», «Да здравствует демократическая республика!»

Политический характер происходящего не вызывал сомнений. Царская символика и атрибутика уничтожались. Двуглавые орлы сбивали с фронтонов зданий. Вопрос о замене прежней власти был уже предопределен размахом и силой выступлений.

К середине дня **27 февраля** объединенные колонны солдат и рабочих пришли к Таврическому дворцу, где уже с утра соб-

Летучий отряд для поимки агентов царской власти. Москва. 1917 г.

рались депутаты Государственной Думы, представители политических партий. Здесь же были делегаты от воинских частей, заводов и фабрик, активисты революционного подполья. По предложению социалистов был сформирован **Временный исполком Совета рабочих депутатов.** В его состав вошли известные социал-демократы и эсеры: Н. Чхеидзе, А. Керенский, М. Скобелев, Н. Суханов, Н. Капелинский, Э. Соколовский, П. Красиков (Павлович), П. Александрович, К. Гвоздев, Н. Соколов, К. Гриневич, Г. Панков, П. Залуцкий и А. Шляпников. Из 15 членов исполкома лишь двое последних принадлежали к крайне левому крылу революционеров и были большевиками. Правда, и остальные недостатком радикализма не страдали. Собравшись вечером на первое заседание, члены исполкома Совета тут же решили вопрос об обороне и продовольственном снабжении. А тем временем в другой части Таврического дворца шло неофициальное заседание депутатов распущенной накануне царем Думы. Известие о царском указе от 26 февраля о прекращении (вплоть до апреля) работы Думы дошло до многих депутатов только в зале заседания, и часть из них (Некрасов, Ефремов, Керенский) призывали не подчиняться ему, а продолжать свою сессию. Всеобщее ликование царило в

залах, кабинетах и коридорах дворца, наполнившихся к концу дня толпами восторженных людей с винтовками и красными бантами на одежде. Наконец, депутаты достигли компромисса, удовлетворившего всех, за исключением крайне правых. Было признано необходимым создать особый орган, который был назван **«Временным комитетом членов Государственной Думы для водворения порядка в столице и для сношения с лицами и учреждениями»**. Комитет возглавил председатель Думы М. Родзянко, а в его состав вошли лидеры Прогрессивного блока: П. Милюков, Н. Некрасов, А. Коновалов, С. Шидловский, В. Шульгин, И. Дмитрюков, М. Караулов, В. Львов, В. Ржевский, а в качестве представителей революционной демократии — меньшевик Н. Чхеидзе и трудовик А. Керенский, попеременно заседавший то в Совете, то в комитете, и произносивший где только возможно патетические речи, приветствующие революцию, народ и свободу.

Временный комитет Государственной Думы старался перехватить власть и взять инициативу по управлению городом и государством в свои руки. Прежде всего был установлен контроль над телеграфом и железнодорожным транспортом. Депутат Думы А. Бубликов, благодоря настояниям члена Временного комитета Н. Некрасова назначенный комиссаром на транспорте, передал во все уголки страны телеграммы о начавшейся революции, о падении старого режима и о необходимости строгого выполнения распоряжений новой власти.

Правительство князя Голицына, собравшись на экстренное заседание, решило объявить об отставке Протопопова, сославшись на его болезнь, и обратилось к царю с ходатайством о назначении над оставшимися верными войсками «популярного военачальника» и о назначении состава ответственного министерства. Царь сместил Хабалова, заменив его героем Галицийской битвы генералом Н. Ивановым. Он наделил его широкими полномочиями для водворения порядка и передал в его распоряжение снятые с фронта войска. Вместе с тем, Николай II признал, что «перемены в личном составе министерства при данных обстоятельствах недопустимы». Плохая информированность царя подавала ему надежду, что он может лично справиться с «данными обстоятельствами». Однако время было упущено. Как отмечал в своих мемуарах Милюков, «в этот момент в столице России не было ни царя, ни Думы, ни Совета министров. Беспорядки приняли обличье форменной революции».

Сведения о стремительно меняющейся обстановке в Петрограде вовремя не доходили в Ставку. Видимо, этим объясняется

запись 27 февраля, в день восстания столичного гарнизона, в дневнике Николая II «Отвратительное чувство быть далеко и получать отрывочные неспокойные известия». Рано утром 28 февраля из Могилева отошли 2 литерных поезда («А» и «Б») — для царя и свиты. Впоследствии некоторые современники оценят отъезд Николая II из Могилева как роковую ошибку, из-за которой была утрачена связь между государем, Ставкой, Царским Селом и Петроградом. Его противники и недруги воспользовались этим обстоятельством.

В течение суток литерные поезда двигались по своему маршруту беспрепятственно, но ранним утром 1 марта 1917 г. у Малой Вишеры были получены сведения, что дальше двигаться небезопасно: восставшие солдаты якобы уже заняли станции Любань и Тосно (на самом деле это было не так). До Петрограда оставалось каких-нибудь 150 верст, но связи со Ставкой или с Царским Селом не было. Царь принял решение ехать в Псков, в штаб Северного фронта, откуда по телеграфу можно было прояснить ситуацию. Кружным путем через Бологое—Старую Руссу—Дно поезда проследовали в Псков, куда они прибыли вечером 1 марта 1917 г.

За это время в Ставке, да и по всей стране в целом, произошли существенные изменения.

28 февраля для всех в столице было уже ясно, что происходит революция. Восставшие солдаты полностью овладели городом, в их руках находилась Петропавловская крепость, Адмиралтейство, Зимний дворец и другие важные объекты города. Царское правительство ушло в отставку, часть министров была арестована. Власть в Петрограде осуществляли Временный комитет Государственной Думы и исполком Совета, единства между ними с самого начала не было. Временный комитет считал, что созданием ответственного министерства в этой ситуации не обойтись, что от царя надо потребовать гораздо больших уступок, а именно — добиваться его отречения в пользу цесаревича Алексея при регентстве великого князя Михаила Александровича.

Настроение революционных солдат и рабочих стало, пожалуй, главным фактором радикализации обстановки. Их лозунги и действия были гораздо более решительными, чем у умеренных оппозиционеров, оказавшихся на гребне поднявшейся волны, способной смести все на своем пути.

28 февраля и 1 марта Родзянко постоянно находился на связи со Ставкой, главнокомандующими фронтами и флотами, информируя их о происходящем. М. Алексеев, ставший главной фигурой в Ставке после отъезда Николая II, все больше

склонялся к мысли о поддержке Временного комитета Государственной Думы и его линии.

Поздно вечером 1 марта 1917 г., когда царь уже находился в Пскове, Алексеев телеграфировал ему о том, что необходимо «призвать ответственное перед представителями народа министерство». Алексеева в этом вопросе горячо поддерживал главком Северного фронта Н. Рузский, ссылаясь на мнение других главкомов фронтов. В конце концов царь уступил давлению со стороны военных и направил в Царское Село генералу Н. Иванову телеграмму: «Прошу до моего приезда и доклада мне никаких мер не предпринимать». Тем самым он отказывался от силовых методов восстановления порядка и соглашался с условиями думского комитета.

Между тем в Петрограде, в ночь с 1 на 2 марта, вопрос о власти в стране получил неожиданное разрешение. В ходе переговоров между Временным комитетом Государственной Думы и исполкомом Петросовета была достигнута договоренность об образовании **Временного правительства** во главе с прибывшим накануне из Москвы князем Г. Львовым — председателем Земского союза [⬇].

В часы формирования Временного правительства между генералом Рузским и Родзянко состоялся разговор по прямому проводу с одновременной передачей его сути в Ставку для Алексеева. Рузский сообщал в Петроград, что царь пошел на уступки и согласился с созданием «ответственного министерства» и отменой экспедиции генерала Иванова. Но вместо слов одобрения со стороны Родзянко было передано, что «династический вопрос поставлен ребром», т.е. от царя требовали отречения. Наступал решающий момент. Алексеев, контролируя

⬇

Георгий Евгеньевич Львов (1861—1925) *был далеко не случайным человеком на российской политической арене. Видный деятель земского движения, он еще в начале века примкнул к либеральной оппозиции. Во время русско-японской войны он был руководителем общеземской организации по оказанию помощи раненым и больным воинам. Во время Первой мировой войны возглавлял Всероссийский земский союз, а с 1915 г. — объединенный Союз земств и городов (Земгор). На этой должности он многими рассматривался как один из официальных лидеров общественных группировок, противостоящих царизму. Был членом нескольких масонских лож и имел поддержку различных политических сил от правых и умеренных до левых. Во всех составленных оппозицией за время войны списках претендентов на власть Г. Львов фигурировал либо в качестве премьера, либо министра внутренних дел. Но, встав во главе правительства в роковое для России время, не только не смог остановить распада страны, но подчас своими действиями немало способствовал тому. Умер он в эмиграции в крайней бедности.*

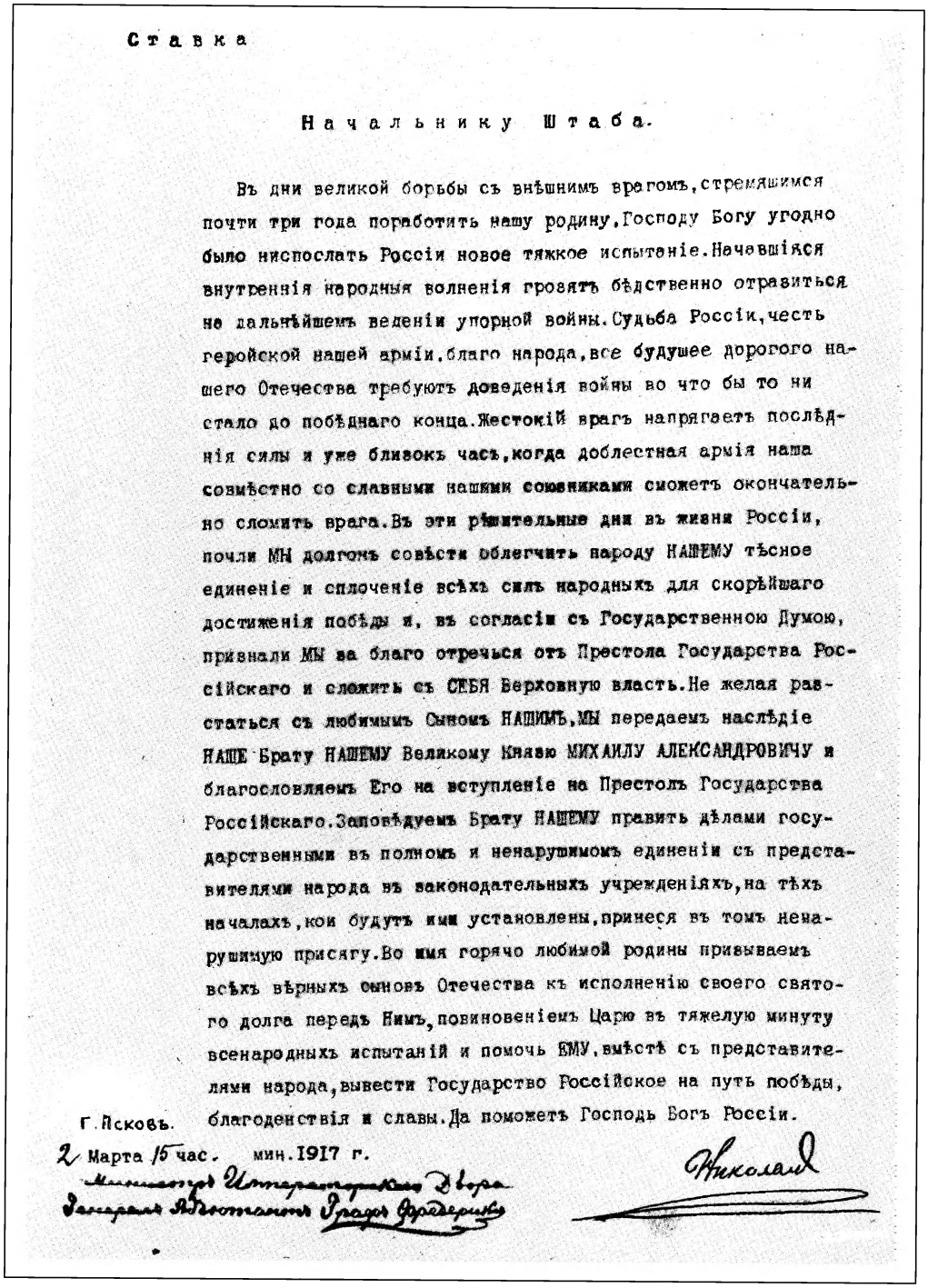
положение в Ставке и на фронте, посчитал, что настало его время действовать, что именно он должен добиваться отстранения Николая II от престола. По своей инициативе Алексеев связался с главкомами всех фронтов и флотов, чтобы заручившись их поддержкой, ему было сподручнее оказывать прямое давление на государя. Все из оповещенных Алексеевым военачальников, за исключением командующего Черноморским флотом вице-адмирала А. Колчака, оставившего циркуляр Алексеева без ответа, согласились на отречение Николая II в пользу цесаревича. Дядя царя главком Кавказского фронта, великий князь Николай Николаевич, телеграфировал: «Осенив себя крестным знамением, передайте ему Ваше наследие». Позиция армейской верхушки не могла не оказывать должного воздействия на государя. По воспоминаниям генерала Савича, присутствовавшего при получении телеграмм от главкомов, Николай II, выслушав мнения собравшихся генералов Рузского, Савича, Данилова, сказал: «Я решился. Я отказываюсь от престола» и перекрестился. Спешно были составлены телеграммы Родзянко и Алексееву о решении царя. Но передача их по телеграфу несколько задержалась ввиду приезда в Псков двух думских эмиссаров А. Гучкова и В. Шульгина, посланных к царю за отречением.

На встрече с эмиссарами, поздно вечером 2 марта 1917 г., Николай II заявил, однако, что он пересмотрел свое решение и, еще раз обдумав свое положение, пришел к заключению: ввиду болезненности сына «мне следует отречься одновременно и за себя, и за него, так как разлучиться с ним я не могу». Слова государя вызвали некоторое замешательство у присутствующих. Согласно закону о престолонаследии, принятому еще при Павле I, царствующий император мог отречься только за себя, даже если наследник престола несовершеннолетний. Впоследствии решение Николая II, нелегитимное с правовой точки зрения, трактовалось некоторыми современниками и историками как своеобразный маневр, предпринятый им для продолжения своего царствования. Концом этой драматической развязки стало добровольное согласие государя покинуть престол и передать его своему брату Михаилу Александровичу. В заранее подготовленный в Ставке Манифест об отречении, Николай II внес соответствующие изменения, и 2 марта 1917 г. в 23 часа 40 минут документ был подписан.

Затем, по просьбе Гучкова, царь подписал указы о назначении главой правительства князя Г. Львова, верховным главнокомандующим армией великого князя Николая Николаевича, командующим Петроградским военным округом генерала

Л. Корнилова. В 1 час ночи 3 марта бывший царь, уезжая из Пскова в Могилев, записал в своем дневнике: «Кругом измена, и трусость, и обман».

Утром 3 марта на квартиру княгини Путятиной на Миллионной улице в Петрограде, где тайно с 28 февраля жил великий князь Михаил Александрович, явилась представительная де-



Ставка

Начальнику Штаба.

Въ дни великой борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать Россіи новое тяжкое испытаніе. Начавшіяся внутреннія народныя волненія грозятъ бѣдственно отразиться на дальнѣйшемъ веденіи упорной войны. Судьба Россіи, честь геройской нашей арміи, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуютъ доведенія войны во что бы то ни стало до побѣднаго конца. Жестокій врагъ напрягаетъ послѣднія силы и уже близокъ часъ, когда доблестная армія наша совмѣстно со славными нашими союзниками сможетъ окончательно сломить врага. Въ эти рѣшительные дни въ жизни Россіи, почли МЫ долгомъ совѣсти облегчить народу НАШЕМУ тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достиженія побѣды и, въ согласіи съ Государственною Думою, признали МЫ за благо отречься отъ Престола Государства Россійскаго и сложить съ СЕБЯ Верховную власть. Не желая разстаться съ любимымъ Сыномъ НАШИМЪ, МЫ передаемъ наслѣдіе НАШЕ Брату НАШЕМУ Великому Князю МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ и благословляемъ Его на вступленіе на Престолъ Государства Россійскаго. Заповѣдуемъ Брату НАШЕМУ править дѣлами государственными въ полномъ и ненарушимомъ единеніи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ, на тѣхъ началахъ, кои будутъ ими установлены, принеся въ томъ ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой родины призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества къ исполненію своего святого долга передъ Нимъ, повиновеніемъ Царю въ тяжелую минуту всенародныхъ испытаній и помочь ЕМУ, вмѣстѣ съ представителями народа, вывести Государство Россійское на путь побѣды, благоденствія и славы. Да поможетъ Господь Богъ Россіи.

Г. Псковъ. 2 Марта 15 час. мин. 1917 г.

Министръ Императорскаго Двора
Генералъ Адъютантъ Граф Фредерикс

Николай

Отречение Николая II

легация новой власти с весьма характерным составом участников: новый премьер Львов, Родзянко, Керенский, Некрасов, Терещенко, Ефремов, к которым вскоре присоединились только что вернувшиеся из Пскова Гучков и Шульгин. Большинство гостей, включая Родзянко и Львова, уговаривали великого князя не вступать на престол вплоть до определения будущей формы правления в России Учредительным собранием. Особую активность проявлял в этом плане А. Керенский, ссылающийся на широко распространившиеся антимонархические настроения народных масс. После некоторых колебаний Михаил Александрович внял уговорам и подписал Манифест об отказе от престола до решения Учредительного собрания.

События 3 марта фактически означали упразднение монархии в России, поскольку никто из царствующей династии не мог претендовать на трон в обход Михаила, передавшего всю полноту власти Временному правительству.

Историческая оценка Февраля

Долгие годы Февраль рассматривался в советской историографии как этап на пути перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Его самостоятельное значение явно недооценивалось историками. Исключение составляли работы Э. Бурджалова, вышедшие в 1960-е годы. В последнее время, напротив, наметилась тенденция, связанная с идеализацией февральско-мартовских событий, которые трактуются как подлинно народная, демократическая революция, открывшая перед страной перспективу цивилизованного либерального развития, сорванную верхушечным, заговорщическим по своему характеру, Октябрьским переворотом.

Между тем современники и участники происшедших на исходе зимы 1917 г. в России глубоких социальных потрясений оценивали их как начало очередной русской смуты и трагедию народа. «Русская революция оказалась национальным банкротством и мировым позором — таков непререкаемый морально-политический итог пережитых нами с февраля 1917 года событий», — писал П. Струве в знаменитом сборнике «Из глубины» (1918). Другой мыслитель Ф. Степун отмечал, что люди Февраля (к ним он причислял и себя) несли не менее, а может быть и более тяжелую ответственность перед страной и историей за случившееся, чем большевики.

Невероятные амбиции и самоуверенность бывших лидеров оппозиции сменились растерянностью и беспомощностью

в практических делах. Растратив всю свою энергию и силы на дискредитацию и борьбу с царским режимом, российские либералы и демократы в условиях распада традиционной монархической государственности, который они долгие годы готовили, оказались не способными к созидательной государственной работе. Отречением царя дело не ограничилось. Февральский переворот имел тяжелые последствия для России и ее народа, вынужденного до конца испить чашу торжествующей революции.

§2

Общественно-политическая обстановка в стране весной 1917 г.

Организация власти в центре и на местах

Установление двоевластия Временного правительства и Петроградского Совета явилось главным своеобразием политической ситуации в стране после свержения самодержавия. Между тем термин **«двоевластие»**, которым широко пользовались современники и применяют историки, далеко не полно отражает всю противоречивость проблемы власти и ее состояния весной 1917 г. как в центре, так и на местах.

В сформированное в Петрограде в ночь с 1 на 2 марта 1917 г. Временное правительство вошли 11 человек: Г. Львов — министр-председатель и министр внутренних дел, П. Милюков (кадет) — иностранных дел, А. Гучков (октябрист) — военный и морской министр, Н. Некрасов (кадет) — путей сообщения, А. Коновалов (прогрессист) — торговли и промышленности, М. Терещенко — финансов, А. Мануйлов (кадет) — просвещения, А. Шингарев (кадет) — земледелия, А. Керенский (трудовик, затем эсер) — юстиции, В. Львов — обер-прокурор Синода, И. Годнев (октябрист) — государственный контролер.

Состав кабинета, в основном совпавший с тем, который намечался в 1915—1916 гг., отражал возросшее влияние кадетов (5 министров из 11). Умеренно-либеральными были и первые шаги нового правительства России. Главные задачи своей внутренней политики оно обнародовало в **Декларации 3 марта 1917 г.** В ней объявлялось о полной и немедленной политической амнистии; установлении свободы слова, печати, собраний

для всех граждан независимо от сословий и национальности и распространении этих положений на военнослужащих; немедленной подготовке на основе всеобщего, равного, тайного и прямого голосования выборов Учредительного собрания, которое должно будет установить форму будущего правления и конституцию страны; замене полиции народной милицией; перестройке местного самоуправления. В Декларации особым пунктом предусматривалось неразоружение и невывод из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционных выступлениях и при этом подчеркивалась необходимость сохранения строгой воинской дисциплины. Для солдат устранялись все ограничения в пользовании общественными правами, в которых они приравнивались со всеми остальными гражданами.

Примечательно, что Декларацию наряду с министрами Временного правительства подписал и председатель Государственной Думы М. Родзянко, хотя о судьбе представительных органов старого режима (Думы и Государственного Совета) в самом тексте Декларации ничего не говорилось. Не были в ней точно определены и пределы полномочий нового правительства.

И это было неслучайным, а отражало реальное положение дел, когда Временное правительство, с одной стороны, стремилось максимально укрепить свою власть, что выразилось в сосредоточении в руках одного органа и законодательных, и исполнительно-распорядительных функций, а с другой — в своей деятельности оно испытывало серьезные ограничения со стороны Петросовета.

В ту же ночь, когда было образовано Временное правительство, Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов был издан получивший широкую известность **Приказ № 1**. Он адресовался столичному гарнизону, всем солдатам гвардии, армии, артиллерии и матросам флота для немедленного исполнения, а рабочим Петрограда для сведения. В приказе предписывалось создать выборные комитеты из представителей нижних чинов во всех ротах, батальонах, полках, батареях, эскадронах, в отдельных службах и на судах военного флота; воинские части, не имевшие представителей в Совете, должны были избрать своих депутатов. Главным в Приказе № 1 был третий пункт, согласно которому во всех своих политических выступлениях воинская часть должна подчиняться Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам. Тем самым принцип единоначалия, являющийся основополагающим принципом для любой армии, фактически уничтожался. Более того, в приказе предусматривалось, что всякого рода оружие

передавалось в распоряжение и под контроль солдатских комитетов, которые становились подлинными хозяевами воинских частей.

Приказ № 1, с ликованием встреченный солдатскими массами, имел роковые последствия для судеб армии и всей страны. Русская армия становилась заложником в борьбе различных политических сил, сама превращаясь в один из инструментов политики. В условиях продолжающейся войны это вело к значительному снижению боеспособности воинских формирований и наносило огромный ущерб обороноспособности страны. Армия из важнейшего института государства превращалась в средство его разрушения.

Силу противостояния Временного правительства и Петросовета, явно продемонстрированную в документах, принятых в это время, тем не менее не следует преувеличивать. В первые дни революции отчетливо проявилось и обоюдное стремление к взаимодействию. Характер взаимоотношений официальной власти и революционной демократии отнюдь не исчерпывался известной формулой: «власть без силы и сила без власти». Еще 1 марта в ходе переговоров с думским комитетом члены Исполкома Совета заявили, что они будут поддерживать Временное правительство постольку, поскольку оно будет осуществлять согласованную с Исполкомом программу. Идеи сотрудничества были положены и в основу работы так называемой «Контактной комиссии» в составе Н. Чхеидзе, М. Скобелева, Ю. Стеклова, Н. Суханова и В. Филипповского, созданной в середине марта Исполкомом для выработки совместной с правительством политики и осуществления «непрерывного контроля» за ним.

В еще большей степени, чем в столице, коалиционный характер новая власть приобрела на местах. 1 марта 1917 г. в Москве был создан Комитет общественных организаций, в большинстве своем состоявший из представителей рабочих и демократических организаций. Образованный в этот же день Московский Совет рабочих депутатов признал Комитет полноправным органом власти и указал на необходимость совместной с ним работы. Комитеты общественных организаций или общественной безопасности (в разных губерниях они получили различные названия) были представительными органами широкой общественности от земцев и кооператоров до рабочих и солдат.

Важным инструментом новой власти на местах являлись комиссары Временного правительства, которые заменили бывших губернаторов. Как правило, они назначались из числа председателей земских или городских управ, или лидеров других общественных организаций.

Таким образом, в чистом виде противостояние «буржуазных» органов власти Советам было характерным, пожалуй, только для столицы и только в известные периоды политических кризисов. Определяющим же в их отношениях было стремление к взаимодействию и сотрудничеству на основе достигнутых соглашений. На местах, в провинции, коалиционность властных структур проявлялась в еще большей степени во многом из-за смешения функции управления и самоуправления, причудливо дополняемых действиями «прямой» демократии, распоряжениями многочисленных общественных организаций.

Сформировавшаяся после падения монархии структура государственной власти давала возможность правительству опереться на широкую поддержку в своих преобразованиях, но в этом заключался и серьезный источник возможных будущих потрясений, становившихся все более реальными в условиях возрождения многочисленных политических партий.

Многопартийность и политическая борьба

По подсчетам историков, в марте — октябре 1917 г. в стране действовало не менее 220 различных политических партий и групп как общероссийских, так и национальных. Прежняя партийная структура переживала серьезную перестройку. Одни партии покинули политическую арену, другие вышли из подполья и для них настал период невиданного взлета, третьи только начали оформляться.

Прекратили свое существование и распались **правомонархические партии и организации** — Союз русского народа, Союз Михаила Архангела и др. **Октябристы**, являвшиеся до революции одной из влиятельных либеральных партий, практически сошли со сцены, уступив место **кадетам**, ставшим господствующей либерально-демократической партией страны.

Победа Февральской революции, в достижении которой кадетам наряду с меньшевиками принадлежала ведущая роль, в одночасье превратила кадетскую партию из оппозиционной в правящую. Идейную основу правительственной программы составили кадетские положения и лозунги. Главную свою задачу они видели в продолжении войны, подготовке и проведении выборов в Учредительное собрание, которое должно было определить решение всех принципиальных вопросов, стоящих перед страной. Поэтому до окончания войны и созыва Учредительного собрания, как полагали кадеты, осуществление глубоких социально-экономических преобразований следует

отложить. Они выступали против немедленного введения 8-часового рабочего дня, уклонялись от радикального решения аграрного вопроса, отрицательно относились к автономии национальных окраин. В конце марта 1917 г. состоялся VII съезд конституционных демократов, внесший коррективы в программу действий партии. Пересмотрев устаревшее положение о конституционной монархии, кадеты единодушно признали, что «Россия должна быть демократической парламентской республикой». На съезде обсуждался вопрос о возможном соглашении с меньшевиками и, хотя формально тактика левого блока была отвергнута большинством делегатов, на практике кадетские лидеры придерживались ей в своей политике. После революции кадетам удалось сохранить и даже преумножить авторитет партии в либеральных кругах общества и части умеренно правых, среди интеллигенции, студенчества, чиновничества, офицерства. Весной 1917 г. ряды партии стремительно росли. По уточненным данным, в марте—апреле ее общая численность достигла 100 тыс. человек, в стране действовало более 380 местных комитетов кадетской партии.

Но наибольший взлет популярности в это время пришелся на **социалистические партии** и, прежде всего, **меньшевиков**, переживших свой звездный час. Именно меньшевики — умеренные социал-демократы — возглавили в марте 1917 г. революционно-демократический лагерь. Их лидерство по отношению к другим левым партиям (эсерам, энесам, большевикам) было обусловлено не столько массовостью их партии (численность меньшевиков совместно с объединенными организациями РСДРП, куда входил и ряд местных большевистских комитетов, оценивается в мае 1917 г. в 50 тыс. человек, а к концу лета в 190 тыс.), сколько их идейным влиянием на большинство рабочих, что нашло свое выражение и в преобладании меньшевиков среди руководства общественных организаций трудящихся: Советов, фабзавкомов, профсоюзов, кооперативов.

Несмотря на внутрипартийные противоречия и наличие фракционных групп и течений, можно говорить об относительном идеологическом единении меньшевизма. Общим для всех меньшевиков было признание того, что Россия после свержения самодержавия вступила в стадию буржуазно-демократической революции, последовательное завершение которой открывало перед страной длительную эпоху «культурного, цивилизованного» капитализма, постепенно создающего предпосылки будущего социалистического строя. Исходя из этого, меньшевики поддерживали Временное правительство,

добиваясь эффективного контроля за ним со стороны революционной демократии.

Главным вопросом, разделившим меньшевиков, как впрочем и все международное социалистическое и рабочее движение, был **вопрос о войне**. На правом фланге российской социал-демократии оказались Г. Плеханов и его давние соратники В. Засулич и Л. Дейч. К меньшевикам-«оборонцам» принадлежали А. Потресов, В. Левицкий (В. Цедербаум) и ряд бывших ликвидаторов-публицистов. Левое крыло меньшевизма занимали Ю. Мартов (Цедербаум) и его сторонники — меньшевики-интернационалисты (О. Ерманский, Ю. Ларин (Лурье), А. Мартынов и др.). Они последовательно выступали против войны, продолжая считать ее империалистической и после Февраля. К группе Мартова примыкала небольшая организация «внефракционных объединенных социал-демократов», сплотившихся вокруг фигуры М. Горького. Их центром и печатным органом стала газета «Новая жизнь», редактируемая наряду с Горьким В. Базаровым и Н. Сухановым. Но наибольшим авторитетом среди меньшевиков весной 1917 г. пользовались центристы: И. Церетели, Ф. Дан, М. Либер, М. Скобелев и Н. Чхеидзе. Они были сторонниками «революционного оборончества», т.е. защиты революционного Отечества, и оказывали серьезное влияние на массы. Н. Чхеидзе занимал пост руководителя исполкома Петроградского Совета РД и ВЦИКа, Ф. Дан являлся теоретиком партии и известным публицистом, И. Церетели был прекрасным оратором и одним из вождей революционной демократии, блока меньшевиков и эсеров.

До 1917 г. **социалисты-революционеры** не были массовой политической партией. Но после революции в России, с ее многомиллионным крестьянским населением, у эсеров, исповедующих идеи неонароднического социализма, появились огромные возможности. Это показали уже первые недели после падения царизма, когда только в течение марта 1917 г. численность партии достигла полумиллиона человек (так называемые «мартовские эсеры»). Эсеровская программа «социализации земли» была самой популярной в русской деревне. К тому же эсеры проявили себя как опытные агитаторы и пропагандисты, умевшие привлекать на свою сторону не только крестьян, но и сотни солдат и рабочих.

Признанным вождем и идеологом партии социалистов-революционеров (ПСР) был центрист В. Чернов. Правое большинство возглавляли Н. Авксентьев и А. Гоц. У эсеров, также как и у меньшевиков, выделялось сильное левое крыло интернаци-

оналистов, к которому принадлежали М. Спиридонова, Б. Камков, А. Колегаев и П. Прошьян.

По большинству принципиальных вопросов эсеры пошли за меньшевиками, хотя их и разделяли с социал-демократами существенные различия в идеологии. Однако, исходя из оценки текущего момента, В. Чернов полагал, что «в объединении всей демократии на общей основе» и в тесном сотрудничестве с несоциалистическими элементами заключено спасение России. Основу такого объединения, по мнению эсеровского руководства, должна составить «реальная коалиция всех классов».

Идеи межпартийного сотрудничества социалистов в марте 1917 г. разделяли и **большевики**. Роль этой партии в событиях Февральской революции долгое время преувеличивалась советской историографией. Однако большевиков вряд ли следует причислять к истинным «героям Февраля». Даже по самым смелым оценкам численность РСДРП(б) по всей стране в марте не превышала 24 тыс. членов, а в обеих столицах — Петрограде и Москве — более 1500 человек. Руководство партийной работой в России осуществлялось Русским бюро ЦК РСДРП(б) во главе с А. Шляпниковым, В. Молотовым и П. Залуцким, которые с момента возникновения Временного правительства заняли по отношению к нему резко отрицательную позицию. Однако уже 12 марта 1917 г., после возвращения из ссылки в Петроград группы «старых» большевиков (Л. Каменева, Н. Муранова и И. Сталина), политический курс партии был круто изменен. В редакции «Правды» произошли кадровые перестановки, и партийный актив был переориентирован на союз с блоком меньшевиков и эсеров и условную поддержку Временного правительства. Новую политическую линию одобрило Всероссийское совещание партийных работников РСДРП(б), проведенное в Петрограде 27 марта — 2 апреля 1917 г.

Но едва завершилась работа партийного форума, как вновь произошло коренное изменение стратегии и тактики большевиков.

3 апреля 1917 г. в Петроград после долгих лет эмиграции вернулся В. Ленин. Вождь большевиков, еще находясь за границей, выступил решительным противником Временного правительства и призвал к переходу от первого буржуазно-демократического этапа ко второму, социалистическому этапу революции. Концепция такого перехода была изложена Лениным в «Апрельских тезисах» и закреплена решениями VII Всероссийской конференции РСДРП(б) (24—29 апреля 1917 г.). Ленин в определенной степени сумел повлиять на настроения умеренных большевиков и предложил своей партии новые

ориентиры. Основными политическими лозунгами момента для большевиков стали требования полновластия Советов, заключения немедленного мира, национализации земли при конфискации частного землевладения и хозяйства, установление рабочего контроля над производством и потреблением. Эти меры рассматривались Лениным не как непосредственное введение социализма, а лишь как шаги к нему, возможные только при революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства в форме республики Советов.

Если умеренные социалисты стремились не допустить опасного углубления революции, то Ленин и большевики, наоборот, считали, что только движение к социализму способно вывести страну из тупика.

Внутренняя и внешняя политика Временного правительства

Российские либералы, оказавшиеся у власти в 1917 г., находились в сложном положении. С одной стороны, они были ограничены в своих действиях постановлениями Советов, с которыми вынуждены были считаться, с другой — у них явно отсутствовал опыт созидательного государственного строительства. К тому же, одну из своих главных задач правительство связывало с продолжением войны, что делало его крайне непопулярным в глазах широких народных масс. Все это могло быть компенсировано за счет ясного представления о последовательности предстоящей реформаторской работы правительства и наличия у него твердой политической воли. Но, как оказалось, ни тем, ни другим новое правительство не обладало. **Временный характер власти, подчеркнутый в названии кабинета министров, отражал переходный этап российской государственности.**

В Декларации Временного правительства от 3(16) марта, а затем и в его обращении «К гражданам России» от 6(19) марта 1917 г. решение многих общественно важных вопросов отодвигалось в отдаленную перспективу. Между тем народ жаждал быстрых перемен. Первые шаги Временного правительства в социально-экономической сфере трудно назвать творческими, поскольку в основном они продолжали политику царской власти на повышение роли государства в управлении экономикой. 25 марта (7 апреля) 1917 г. правительство издало постановление «О передаче хлеба в распоряжение государства и его местных продовольственных органов», устанавливающее монополию государства на хлеб и твердые цены на него. Во вновь

образованные продовольственные комитеты наряду с правительственными чиновниками вошли представители кооперации и других демократических организаций. 20 марта (2 апреля) был издан долгожданный кооперативный закон, определявший правовую основу деятельности многочисленных кооперативов и их союзных объединений.

Попытки расширить государственное влияние предпринимались и в других сферах. Под руководством министра финансов А. Шингарева была начата работа «по подготовке общего плана и первоочередным мерам финансовой реформы». Большое внимание стало уделяться регулированию производственных отношений и достижению социального партнерства между трудом и капиталом.

Тем не менее на практике вмешательство государства в трудовые отношения не смягчало накал социальной напряженности на производстве, а порою, напротив, приводило к новому витку противостояния. Фабзавкомы выходили далеко за пределы предоставленных им полномочий и требовали установления своего полного контроля на предприятиях, сводя права администрации до минимума. И на этом пути они нередко вступали в конфликт не только с правительством или предпринимателями, но и с партийными, профсоюзными организациями и Советами, которые каждый по-своему пытались руководить деятельностью фабзавкомов.

Временное правительство пошло на серьезную реформу местных органов власти, подготовив новые законы о городском и земском самоуправлении. Закон о волостном земстве 21 мая (3 июня) учреждал земские волостные собрания и управы, упраздняя архаичный институт земских начальников и органы сословного крестьянского управления. Впервые на волостном уровне вводился демократический принцип всеобщих, прямых и равных выборов при тайном голосовании. Значительно расширялась компетенция земских органов, и сами они распространялись на новые территории России. В целом же реформа системы местных органов власти при существующих параллельно общественных исполкомах, Советах и других самодеятельных организациях не способна была преодолеть политический хаос и правовой беспорядок в провинции, а во многом только усугубляла его.

Следует отметить характерную особенность законодательной деятельности Временного правительства. Юридически выверенные акты страдали одним большим недостатком — они слабо учитывали политическую ситуацию в стране, весьма бурную и быстро меняющуюся. При этом без внимания пра-

вительства оставалось правовое разрешение принципиально важных вопросов.

Так, из 8 пунктов программы Временного правительства, объявленной в Декларации 3 марта, три наиболее главных (об Учредительном собрании, о земле и о войне) оказались заранее обреченными на невыполнение. Все они ставились в зависимость от воли Учредительного собрания, но за 8 месяцев своего существования Временное правительство так и не смогло созвать этот орган народного представительства. Созданное 13(26) марта Особое совещание по подготовке закона о выборах в Учредительное собрание начало свою работу только в конце весны, а завершило уже осенью 1917 г. накануне октябрьского выступления большевиков.

Также в зависимость от мнения Учредительного собрания ставилось окончательное разрешение вопроса о земле. Однако подъем крестьянского движения за землю весной 1917 г. заставил правительство пойти навстречу требованиям крестьян и объявить о проведении аграрной реформы. 21 апреля (4 мая) вышло правительственное постановление «Об учреждении земельных комитетов». В задачи комитетов входила лишь подготовка земельной реформы и разработка «неотложных временных мер впредь до разрешения земельного вопроса Учредительным собранием». Все земельные комитеты объявлялись органами министерства земледелия, но низшее их звено — волостные земельные комитеты — вместо того, чтобы стать проводниками правительственной политики, активно поддерживали крестьянскую борьбу против помещиков и власти.

Таким образом, многие из мероприятий Временного правительства, призванные смягчить и снять напряжение в обществе, только усугубляли противоречия и его раскол. Неосмотрительные попытки внедрения западных либеральных моделей развития в условиях продолжающейся революции не усиливали новую российскую государственность, а подрывали ее зыбкие основы. И в то же время разбуженное свободой общество отвергало пока и прямолинейные, волевые подходы как слева, так и справа, вызывавшие неприятные воспоминания о прошлом и бурную реакцию населения.

Одним из важнейших вопросов для России оставался вопрос о продолжающейся войне и путях достижения мира. 14 (27) марта Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов принял манифест «К народам всего мира». В нем содержался призыв к борьбе против империалистических целей войны и одновременно признавалась революционная война России против Германии. Лозунги защиты революцион-

ного Отечества и установления «демократического мира без аннексий и контрибуций» стали популярным требованием революционной демократии. Между тем еще 4 марта министр иностранных дел П. Милюков послал депешу российским дипломатам за границу, в которой выражал твердую решимость новой власти строго соблюдать международные обязательства старого режима и продолжать войну до победы. Противоречие между правительством и Советами по вопросам о характере войны и ее окончании рано или поздно должно было разрешиться.

18 апреля (1 мая) 1917 г. в Международный день пролетарской солидарности Милюков направил ноту союзникам, в которой заверил их, что Россия будет вести войну до решительной победы. Это вызвало возмущение в среде сторонников Советов. На улицах Петрограда прошли многотысячные демонстрации рабочих города и солдат гарнизона с призывами «Долой Временное правительство!», «Вся власть Советам!» В кабинете министров было решено дезавуировать заявление Милюкова, пожертвовать им и военным министром А. Гучковым — наиболее откровенными сторонниками продолжения войны — и пойти на формирование нового коалиционного состава министров с участием представителей Советов.

5 (18) мая было образовано **первое коалиционное правительство**. Его вновь возглавил Г. Львов. В новом кабинете осталось 10 министров-капиталистов и 6 министров-социалистов (А. Керенский, М. Скобелев, И. Церетели, А. Пешехонов, В. Чернов, П. Переверзев). Произошло перераспределение министерских портфелей. М. Терещенко занял пост министра иностранных дел, А. Керенский стал военным министром. Фактически исполком Петросовета спас Временное правительство, направив своих представителей в его состав. Вместе с тем, революционная демократия отныне несла ответственность за политику официальной власти и не могла уже ограничиваться исключительно контрольными функциями. Правительственный блок либералов и умеренных социалистов получил возможность провести в жизнь скорректированную программу, выработанную на этот раз в основном посланцами Совета. Новая программа Временного правительства предусматривала скорейшее заключение демократического мира, установление всеобъемлющего государственного контроля и регулирования экономики, усиление налогообложения имущих классов и защиту труда. Это была серьезная уступка революционной демократии.

Однако правительственные декларации имели свойство устаревать едва ли не в тот день, когда они публиковались.

В общественной атмосфере конца весны 1917 г. уже явственно ощущалось приближение новой грозы.

§3

Политические кризисы лета 1917 г. в России

Рост социального недовольства и раскол общества

Создание коалиционного правительства воспринималось в обществе как подтверждение силы нарастающего народного недовольства политикой правящих кругов. Вхождение представителей Советов в правительство должно было, по мнению многих, сбить стихию выступлений и анархии, грозящей развалом фронту и тылу. Но этого не произошло. Конец весны — начало лета 1917 г. были отмечены очередным витком революционной активности масс и усилением среди них влияния радикального крыла революционной демократии — большевиков.

Ожидание крестьянами разрешения аграрного вопроса новой властью сменилось актами прямого действия, захватами помещичьих земель, разгромами барских усадеб. Через свои низовые организации крестьяне предпринимали попытки установить контроль над сельскохозяйственным производством, распределением семенного фонда, использованием лесов. В мае—июле 1917 г. в ряде районов страны крестьянские комитеты брали дворянские имения в свое управление. Только в Пензенской губернии в течение июля число таких случаев достигло восемнадцати.

К лету 1917 г. в основном завершился процесс оформления всекрестьянской организации. Наряду со **Всероссийским крестьянским союзом (ВКС)**, в возрождении которого большую роль играла партия народных социалистов (энесы), а также земцы и часть кооператоров, складывалась система **Советов крестьянских депутатов** снизу до верху. Организационную и финансовую поддержку Советам оказывали эсеры и кооперация. В мае 1917 г. в Петрограде состоялся I Всероссийский съезд крестьянских депутатов. Подавляющее большинство делегатов поддержало партию социалистов-революционеров,

которые осуществляли общее руководство работой съезда. Его председателем был избран член ЦК ПСР Н. Авксентьев, а в президиум Е. Брешко-Брешковская, В. Чернов и др. По всем вопросам были приняты резолюции, предложенные эсерами. В постановлении съезда по аграрному вопросу говорилось, что до Учредительного собрания все земли «должны перейти в ведение земельных комитетов», что фактически означало отмену помещичьего землевладения. Однако окончательное право решения аграрного вопроса признавалось за Учредительным собранием, а крестьян призывали оказывать содействие земельным комитетам в подготовке реформы, в основу которой должен быть положен принцип перехода всех земель «в общенародное достояние для уравнительно-трудового пользования без всякого выкупа».

Особый размах в это время приобрело рабочее движение. Резко возросла забастовочная активность пролетариата. Если в марте—апреле забастовки составляли 4% от общего числа рабочих выступлений, то в мае-июне уже — 41%. Фабрично-заводские комитеты все чаще стали вмешиваться в решение вопросов, связанных с получением заказов, финансированием поставок сырья, распределением продукции, т.е. вторгались в сферу непосредственного управления производством. **Среди фабзавкомов заметно укрепились позиции большевиков.** Это показала I Петроградская общегородская конференция фабзавкомов, проходившая 30 мая — 3 июня (12—16 июня) 1917 г. Подавляющим большинством голосов на ней была принята резолюция «Об экономических мерах борьбы с разрухой», написанная Лениным. Из 25 человек Центрального совета ФЗК Петрограда, избранных на конференции, 19 были большевиками.

Важным направлением деятельности фабзавкомов стала организация Красной гвардии, которая создавалась по производственному принципу на предприятиях и заменила собой распущенную ранее правительством рабочую милицию. Наиболее многочисленными были отряды и дружины Красной гвардии Петрограда. К июлю 1917 г. они достигли 5—6 тыс. чел. Отряды Красной гвардии возникли также в Москве, городах Центрально-промышленного района, Урала, Донбасса. В своей работе по охране порядка в рабочих районах они были тесно связаны с ячейками РСДРП(б), функционирующими на производстве.

В профессиональных союзах позиции умеренных социалистов были предпочтительнее. В отличие от фабзавкомов, объединяющих рабочих одного предприятия, профсоюзы строились

по отраслевому принципу. Нередко на одном заводе трудились рабочие разных союзов. К лету 1917 г. профсоюзы объединяли около 1,5 млн членов. Крупнейшими были организации металлистов (425 тыс.), текстильщиков (128 тыс.), печатников и портных (по 45 тыс. человек). Меньшевики уделяли большое внимание развитию профобъединений и имели в некоторых из них довольно прочные позиции.

Вопрос о единстве действий рабочего класса и всей революционной демократии летом 1917 г. приобрел необычайную актуальность в связи с проведением в Петрограде **I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов 3—24 июня (16 июня — 7 июля) 1917 г.** На съезд прибыло 1090 делегатов (822 — с решающим голосом и 268 — с совещательным), представлявших почти 400 местных Советов и солдатских организаций. Из 777 участников съезда, заявивших о своей партийности, было 285 эсеров, 248 меньшевиков, 105 большевиков, 32 меньшевика-интернационалиста. Основными вопросами обсуждения на съезде были вопросы об отношении к войне и к Временному правительству.

С докладом об отношении революционной демократии к власти выступил меньшевик М. Либер. Он отверг любую возможность перехода власти к Советам, указав, что это привело бы к «полной изоляции рабочего класса». Его поддержал И. Церетели. В своей речи министр почт и телеграфов заявил, что «в России нет политической партии, которая бы говорила: дайте в наши руки власть, уйдите, мы займем ваше место». В ответ на эти слова из зала последовала знаменитая ленинская реплика: «Есть!» Выйдя на трибуну, лидер большевиков продолжил: «Ни одна партия от этого отказаться не может, и наша партия от этого не отказывается: каждую минуту она готова взять власть целиком».

То, что ленинское выступление не было пустой декларацией, подтвердили события последующих дней. Большевики призывали своих сторонников провести 9 июня демонстрацию против Временного правительства с требованием передачи власти Советам, но из-за разногласий внутри руководства партии и, учитывая запрет со стороны съезда, решили ее отложить. Когда 18 июня уже по постановлению самого съезда прошла грандиозная 400-тысячная манифестация рабочих и солдат Петрограда, стало ясно, что в революционном движении начинают преобладать большевистские лозунги. На транспарантах, с которыми прошли демонстранты по улицам города было написано: «Вся власть Советам!», «Долой десять министров-капиталистов!», «Пора кончать войну!» Трудящиеся столицы

и солдаты гарнизона все больше попадали под воздействие радикализма большевиков и своими выступлениями накаляли обстановку в Петрограде до предела. В значительной степени этому способствовали также и разочарование в правительственной коалиции, продолжающаяся война и ухудшающееся экономическое положение населения.

Однако в Москве и других городах России умеренные социалисты по-прежнему продолжали руководить Советами и стремились к поиску компромиссов внутри демократического лагеря. В избранный на I съезде руководящий орган Советов — **Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК)** — вошли, в основном, умеренные социалисты. Из 256 членов ВЦИК меньшевики составляли 107, эсеры — 101 человек. Большевики получили лишь 35 мест.

Казалось, это могло служить гарантией от дальнейшего раскола советского блока, но противоречия между крайними флангами только обострились.

Левое крыло революционной демократии, неудовлетворенное политическим курсом «соглашателей», попыталось опереться непосредственно на революционные массы. Большевики решили придерживаться активной тактики и взяли на себя роль авангарда революционного движения, усиленно организуя давление на власть. С этой целью они использовали провал наступления русской армии на фронте, начавшегося 18 июня 1917 г. и организованного при деятельном участии военного министра А. Керенского [⬇].

⬇

Александр Федорович Керенский (1881—1970), *как отзывались о нем современники — «первый любовник» русской революции, — прожил долгую и драматическую жизнь. Его звезда на политическом небосклоне страны взошла сразу после Февральской революции, сделав его самым популярным политиком среди демократов. Пик его карьеры пришелся на лето 1917 г. Заняв в мае пост военного и морского министра 1-го коалиционного состава Временного правительства, он фактически возглавил кабинет министров. Пытаясь приостановить развал армии, связанный с действиями солдатских комитетов, он в стремлении восстановить боеспособность, порядок и дисциплину в войсках, ввел в русской армии институт военных комиссаров, предоставив им широкие полномочия. Однако на фронте к этой мере отнеслись неоднозначно. Боевое офицерство считало, что тем самым закрепляется двоевластие в войсках. В течение мая—июня 1917 г. Керенский неоднократно бывал на фронте и, выступая на многочисленных митингах, агитировал солдат идти в наступление, за что получил прозвище в войсках «главноуговаривающий». Еще до июльских событий в деятельности Керенского проявились элементы бонапартизма — лавирования между различными политическими силами и отсутствие четко выраженной определенной позиции.*

А. Керенский

Развернувшееся рано утром 18 июня наступление первоначально имело успех. 8-я армия Л. Корнилова, прорвав фронт шириной в 50 км, продвинулась вперед на 30 км. Был взят ряд городов, в том числе Галич. Но другие армии Юго-Западного фронта забуксовали, и к началу июля общее наступление русской армии захлебнулось. Неудачи на фронте совпали с новым внутриполитическим кризисом 3—5 июля 1917 г.

Июльские события

Прологом июльского кризиса стал выход из правительства 2 (15) июля 1917 г. четырех министров-кадетов (А. Шингарева, Д. Шаховского, А. Мануйлова и В. Степанова), покинувших кабинет в знак протеста против признания автономии Украины, о которой Керенский, Церетели и Терещенко договорились с Центральной Радой. Это соглашение, по

мнению кадетского ЦК, нарушало волю Учредительного собрания определять политическое будущее страны. Безусловно, министерский демарш являлся мерой давления на социалистов с целью корректировки их политики в сторону ее ужесточения, был проявлением растущих противоречий внутри коалиции. Неожиданно для всех он вызвал бурную реакцию рабочих и солдат Петрограда.

Вечером 3 июля в правительство и в Совет поступили первые сообщения о беспорядках в городе. На улицы из казарм вышли солдаты 1-го пулеметного полка, 1-го запасного пехотного полка и другие воинские части. В ночь с 3 на 4 июля к ним присоединились 30 тыс. рабочих Путиловского завода, а позже прибывшие из Кронштадта матросы. Огромная толпа народа буквально осадила Таврический дворец, где располагался ВЦИК, и требовала отставки министров-капиталистов и передачи власти Советам. Митингующие были уверены, что именно буржуазные министры несут главную ответственность за углубляющуюся экономическую разруху и продолжающуюся войну.

Источник происхождения событий 3—5 июля до сих пор не вполне ясен. Определенно можно сказать, что первоначальный порыв выступления был связан с нежеланием революционно настроенных частей гарнизона покидать столицу и отправляться на фронт. Но верно и то, что стихийный взрыв во многом был подготовлен активностью групп анархистов и целенаправленной деятельностью большевиков, уделявших огромное внимание работе в армии и на флоте.

Между тем планы большевиков вначале не предусматривали активного участия в стихийных выступлениях солдат и рабочих. Так, днем 3 июля на заседании ЦК РСДРП(б) вместе с членами Петроградского комитета и Военки было даже принято решение о несвоевременности таких акций. Но уже ночью с 3 на 4 июля, учитывая размах движения, большевики заявляют о своем намерении возглавить демонстрацию, чтобы придать ей организованный характер, и твердо высказываются за немедленный переход власти к Советам. Срочно вернувшийся рано утром 4 июля из-за города в Петроград Ленин одобрил действия партийного руководства. Фактически большевики попытались провести первую решительную пробу сил. Как вспоминал позднее об этих днях Г. Зиновьев: «Ленин смеясь говорил нам: “А не попробовать ли нам сейчас?”, тут же прибавляя: “Нет, сейчас брать власть нельзя, сейчас не выйдет, потому что фронтовики не все еще наши...”»

Так или иначе, но состоявшаяся **4 июля** в Петрограде почти полумиллионная манифестация прошла под большевистским лозунгом «Вся власть Советам!». В ходе демонстрации, в которой участвовали и вооруженные винтовками и пулеметами солдаты и матросы, произошли кровавые инциденты. В разных частях Петрограда слышались выстрелы. По городу разъезжали военные с красными бантами на реквизированных грузовиках с установленными на них пулеметами. По сведениям городской милиции, стрельба велась из автомобилей и из домов. Были обстреляны и демонстранты. В ответ часть из них также применяла силу. Прорвавшись к Таврическому дворцу, где заседал ВЦИК, участники выступлений требовали покончить «сделки с буржуазией» и немедленно взять власть.

Трудно установить точно, кто первым начал стрельбу, сами демонстранты, среди которых было немало анархистов и просто уголовных элементов, или казаки, патрулировавшие в этот день по городу. Ясно, что выступление носило далеко не мирный характер и возникшие беспорядки были прямым его следствием.

5 (18) июля в Петрограде было введено осадное положение. С фронта были вызваны верные правительству войска. ЦК РСДРП(б) вынес решение о прекращении демонстраций. В этот же день разгрому подверглись дворец Кшесинской, где размещался большевистский ЦК, редакция и типография «Правды». 6 (19) июля Временное правительство издало приказ о задержании и предании суду за «государственную измену» Ленина и других большевистских руководителей. Все воинские части, принимавшие участие в выступлении, подлежали расформированию. Были арестованы и заключены в тюрьму «Кресты» активные участники событий: Л. Троцкий, Л. Каменев, Ф. Раскольников. Ленин и Зиновьев перешли на нелегальное положение и скрылись в 32 км от города, близ станции Разлив.

В печати развернулась громкая антибольшевистская кампания. Поводом для нее стали обвинения лидеров большевиков и прежде всего Ленина в контактах с германским генеральным штабом. Воедино были связаны провал наступления и июльские события в Петрограде, представленные правительственной пропагандой как «большевистская попытка прорвать внутренний фронт».

Показательно, что ряд противников большевиков из числа социалистических деятелей (Ю. Мартов, И. Астров, левые эсеры) выступили резко против развязанной правительством трав-

ли РСДРП(б) и всего левого крыла революционной демократии. Этим обстоятельством во многом объясняется тот факт, что власть не решилась на крупномасштабные репрессии по отношению к большевикам по всей стране. Большевистские организации разных городов России после июльских событий, пережившие некоторый спад своей деятельности, вскоре вновь активизировались. В конце июля — начале августа 1917 г. в Петрограде прошел VI съезд РСДРП(б), пересмотревший тактику большевиков. На нем было заявлено, что период мирного развития революции и двоевластия завершился и необходимо вести подготовку вооруженного захвата власти.

Июльские события имели существенные последствия как для Временного правительства, так и для Советов. С поста главы кабинета ушел Г. Львов. 8(21) июля министром-председателем стал А. Керенский, оставаясь одновременно военным и морским министром. ВЦИК Советов признал за Временным правительством «неограниченные полномочия» и «неограниченную власть», объявив его правительством «спасения революции». 24 июля (6 августа) был сформирован **второй коалиционный кабинет**. В его состав вошли 8 министров-кадетов или близко к ним стоящих, 3 эсера, 2 меньшевика, 2 народных социалиста и «нефракционный» социал-демократ. Несмотря на формальное равновесие между министрами-капиталистами и социалистами внутри правительства, в обществе наметился явный политический поворот вправо и усилилась тяга к установлению режима личной власти.

Выступление Корнилова

Июльские события подтвердили опасения либералов и правых, что дальнейшее попустительство безвольной политике умеренных социалистов как в самом правительстве, так и в Советах, только потворствует радикализму масс и ставит страну на грань очередной катастрофы. Поэтому, по их мнению, предстояло окончательно сбить волну революционных акций солдат и рабочих, грозящих хаосом и анархией фронту и тылу, и железной рукой, наконец-то, навести порядок в России.

Происшедшая вследствие неудачи большевистского выступления перегруппировка сил давала неплохие шансы сторонникам установления режима военной диктатуры. В силу ряда причин круг реальных претендентов на роль

диктатора был весьма ограничен и первым в нем значился Л. Корнилов [⬇].

Новый пост давал Корнилову возможность реализовать разрабатываемую правыми программу национально-государственного спасения России. В корниловское движение были вовлечены различные по своему влиянию и возможностям политические силы. Ядро его составляли Союз офицеров армии и флота, Союз георгиевских кавалеров, Совет союза казачьих войск, группа генерала Крымова и члены Республиканского центра, тесно связанного с промышленно-финансовыми кругами.

Выдвинутые Л. Корниловым меры по наведению порядка в армии были обнародованы в его телеграмме в Ставку 16 июля и сводились к следующему: укрепление власти войсковых начальников всех уровней при сохранении института комиссаров и солдатских комитетов, но с урезанными полномочиями; распространение закона о смертной казни (восстановленной на фронте решением Временного правительства 12 июля 1917 г.) и на тыловые части; воспрещение в действующей армии митингов и собраний и всякого рода агитации, в особенности большевистской. Предложения Корнилова были поддержаны генералами: М. Алексеевым, А. Деникиным, А. Лукомским и др.

⬇

Лавр Георгиевич Корнилов (1870—1918) *— генерал, человек яркой судьбы. Родился в семье сибирских казаков. Его отец, простой казак, заслужил свой офицерский чин благодаря упорству и трудолюбию. Эти качества он сумел привить и своему старшему сыну. В 1883 г. Лавр Корнилов поступает в Омский кадетский корпус и в 1889 г. заканчивает его с отличием. В 1889—1898 гг. он продолжает военное образование в Михайловском артиллерийском училище, а затем в Академии генерального штаба, где проявляются его способности к точным наукам и восточным языкам. В 1898—1904 гг. Корнилов проходит службу в Средней Азии, возглавляя миссии в Афганистане, Персии, Индии. За проявленную в ходе русско-японской войны 1904—1905 гг. храбрость и отвагу награждается Георгиевским крестом. В 1907—1911 гг. — военный атташе в Китае. С начала Первой мировой войны в действующей армии, начальник 48-й пехотной дивизии, попавшей весной 1915 г. в окружение, но вырвавшейся из кольца благодаря личному мужеству командира. Тяжело раненый в бою Корнилов попадает в плен, из которого через год он сумел вырваться, совершив дерзкий побег. После Февральского переворота командует Петроградским военным округом, но разочаровавшись в политике новой власти, в ходе апрельского кризиса подает в отставку и назначается командующим 8-й армией. 7 июля 1917 г., после отражения Тарнопольского прорыва немцев, становится главкомом Юго-Западного фронта, а спустя еще 12 дней, 19 июля (1 августа), сменяет А. Брусилова на посту Верховного главнокомандующего.*

Л. Корнилов

Планы, вынашиваемые русским генералитетом, нашли сочувствие среди части кадетских деятелей. Н. Астров, Н. Кишкин, В. Набоков направили Керенскому открытое письмо, в котором настаивали на воссоздании мощи армии путем установления строгой военной дисциплины и решительного устранения вмешательства войсковых комитетов в вопросы военной стратегии и тактики, а также призывали устранить многовластие и навести порядок во всей стране.

8—10(21—23) августа 1917 г. в Москве проходило Всероссийское совещание общественных деятелей. В нем приняло участие около 400 представителей кадетской партии, торгово-промышленных и финансовых кругов, землевладельцев, духовенства, членов Государственной Думы, офицеров армии и флота. Открывая совещание один из его инициаторов, философ, князь Е. Трубецкой, назвал его участников «государственно мыслящими людьми». Созванный накануне проведения Временным правительством Государственного со-

вещания форум общественных деятелей демонстрировал власти, что призывы к наведению порядка, являются требованием времени, а вокруг Корнилова готовы объединиться все силы, стоящие правее правительства и рассматривающие генерала в качестве своего лидера.

Тем временем, 3 и 10 августа в Петрограде состоялись две личные встречи Корнилова с Керенским, во многом повлиявшие на последующий ход событий в стране. Со стороны Верховного главнокомандующего были выдвинуты предложения, затрагивающие общегосударственные интересы. В частности, Корнилов настаивал на едином правовом режиме как для фронта, так и для тыла, милитаризации транспорта и большей части промышленности. Первоначально Керенский заявил, что со многими мерами, предлагаемыми Верховным и Ставкой, он согласен, но затем изменил свою позицию, решив дистанцироваться от военных. Его испугала их прямая и жесткая линия, которая фактически вела к полному разгрому Советов и установлению военной диктатуры. К тому же в лице боевого генерала Керенский увидел серьезного личного соперника, не без оснований претендующего на полноту власти в стране.

С 12 по 15 августа 1917 г. в Москве работало **Государственное совещание.** В работе совещания, проходившего в Большом театре, участвовало около 2500 человек, представлявших различные общественные группы от бывших депутатов Государственной Думы до членов исполкомов Советов. По своей политической направленности значительная часть участников совещания тяготела вправо. Делегаты от блока революционной демократии находились в явном меньшинстве. Большевики, входившие в состав профсоюзной, кооперативной и некоторых других делегаций, демонстративно покинули этот, по их словам, контрреволюционный сбор.

А. Керенский надеялся, что Государственное совещание окажет поддержку правительству, ему лично и поможет создать широкую коалицию, за исключением крайне правого и левого крыла. Однако большинство делегатов откровенно сочувственно отнеслись к программе Л. Корнилова, раскрытой им в его выступлении. Корнилов заявил, что «меры, принятые на фронте, должны быть приняты и в тылу», и настаивал на «твердом» и «непреклонном» их проведении. Последние слова генерала были заглушены овацией, устроенной ему правым большинством собрания.

Таким образом, вместо ожидавшегося одобрения правительственного курса, Государственное совещание выявило

углубляющийся социальный раскол в стране и на его фоне возросшую консолидацию правого лагеря, объединившегося вокруг Верховного главнокомандующего, готового к решительным действиям.

Со второй половины августа 1917 г. в Ставке, в ближайшем окружении Корнилова, усиленно разрабатывался план захвата Петрограда под предлогом подавления якобы готовящегося выступления большевиков и реорганизации власти.

При Совете обороны должно было существовать правительство с широким представительством политических сил — от бывшего царского министра Н. Покровского до выдающегося теоретика и пропагандиста марксизма в России, одного из основателей РСДРП, перешедшего с 1903 г. на позиции меньшевизма, а в 1917 г. лидера внепартийной меньшевистской группы «Единство» Г. Плеханова.

В последующих 22—26 августа переговорах между Ставкой и столицей до сих пор остается много неясного. Вначале переговоры главные действующие лица (Корнилов и Керенский) вели через двух посредников — Б. Савинкова и М. Филоненко. Генерал Алексеев, тоже втянутый в их интриги, по свежим следам «корниловского дела» признавался П. Милюкову: «Выступление Корнилова не было тайной от членов правительства, вопрос этот обсуждался Савинковым, Филоненко и через них с Керенским... Только примитивный военно-революционный суд может скрыть участие этих лиц в переговорах и соглашении. Савинков уже должен был сознаться печатно об этом. Филоненко будет выведен на чистую воду. Он в будущем министерстве претендовал на пост министра иностранных дел, великодушно, на другой день, соглашаясь на пост министра внутренних дел... Участие Керенского бесспорно. Почему эти люди отступили, когда началось движение, почему отказались от своих слов, я сказать не умею.

Движение дивизий 3-го конного корпуса к Петрограду совершалось по указанию Керенского, переданному Савинковым. В какой мере было выработано и установлено соглашение (объясняемое ожидаемым выступлением большевиков), пусть укажет Вам следующая телеграмма:

«27 августа. 2 часа 40 минут. Петроград, Управляющему военным министерством. Корпус сосредоточится в окрестностях Петрограда к вечеру 28 августа. Прошу объявить Петроград на военном положении 29 августа. Генерал Корнилов. № 6394».

Думаю, что мне не нужно объяснять значение этой телеграммы.

Далее телеграмма Лукомского Керенскому от 27 августа № 6406:

«Приезд Савинкова и Львова, сделавших предложение генералу Корнилову в том же смысле от Вашего имени, заставила ген. Корнилова принять окончательное решение и, идя согласно с Вашим предложением, отдать окончательные распоряжения, отменять которые теперь уже поздно».

Из-за отказа Керенского, Савинкова, Филоненко от выступления, имевшего цель создание правительства нового состава, из факта отрешения Корнилова от должности вытекли все затруднения 27—31 августа, рушилось дело.

Участники видимые объявлены авантюристами, изменниками и мятежниками. Участники невидимые или явились вершителями судеб и руководителями следствия, или отстранились от всего, отдав около 30 человек на позор и казнь. Вы до известной степени знаете, что некоторые круги нашего общества не только знали обо всем, не только сочувствовали идейно, но, как могли, помогали генералу Корнилову.

До конца непонятна роль бывшего обер-прокурора Синода В. Львова, выступившего в качестве посредника на заключительном этапе переговоров и фактически способствовавшего провоцированию разрыва премьера с Верховным главнокомандующим.

26 августа вернувшийся из Могилева в Петроград В. Львов встретился с Керенским и изложил ему требования Ставки, истолкованные им по-своему. Речь шла о немедленной передаче военной и гражданской власти в руки Верховного главнокомандующего, о немедленной отставке всех членов Временного правительства, объявлении Петрограда на военном положении. От себя Львов порекомендовал премьеру воздержаться от поездки в Ставку, где, по его словам, Керенскому уже вынесен «смертный приговор», хотя Корнилов старается его спасти.

Керенский воспользовался предоставленной ему информацией для устранения опасного конкурента, обвинив его в измене. Он просил Львова письменно изложить все высказанное им ранее, после чего, получив в руки «неопровержимые доказательства» готовящегося заговора, арестовал незадачливого посредника. На срочно созванном заседании правительства Керенский потребовал себе чрезвычайных полномочий для борьбы с мятежным генералом и, получив их, фактически стал единоличным диктатором. Члены кабинета посчитали лучшим в складывающихся обстоятельствах подать в отставку, вызвав очередной правительственный кризис.

Утром 27 августа Керенский отправил в Ставку телеграмму о смещении Корнилова с должности Верховного главноко-

мандующего. Одновременно с этим он подписал воззвания к народу, армии, железнодорожникам, Советам и ряду других революционно-демократических организаций, в которых Корнилов прямо назывался «мятежником» и «изменником Родины и революции».

Корнилов, глубоко оскорбленный действиями Керенского, объявил о своем неподчинении распоряжениям премьера, назвав их «великой провокацией» (что, судя по цитировавшемуся письму Алексеева, было очень близко к действительности) и, в свою очередь заявил, что «Временное правительство, под давлением большевистского большинства Советов, действует в полном согласии с планами германского генерального штаба и, одновременно, с предстоящей высадкой вражеских сил на Рижском побережье, убивает армию и потрясает страну изнутри». Корнилов попытался парализовать приказы Керенского, заручившись поддержкой главкомов фронтов, твердо высказавшихся против смены главковерха. Особые надежды возлагались на 3-й конный корпус генерала Крымова, выдвинутого для захвата столицы.

Однако планы Корнилова были сорваны решительными мерами, предпринятыми сторонниками Советов на фронте и в тылу. Ставка была отрезана от фронтов. 29 августа исполком Юго-Западного фронта арестовал своего главнокомандующего, генерала А. Деникина. Были смещены со своих постов и заключены под стражу другие военачальники, сочувствующие Корнилову. В Москве по приказу командующего МВО А. Верховского, оставшегося верным Временному правительству (вскоре назначенного Керенским военным министром), был сформирован экспедиционный корпус для похода на Могилев. Особую активность в эти дни проявили большевики, выступавшие одними из главных организаторов отпора корниловским войскам. В Петрограде для защиты города вооружались рабочие дружины и отряды Красной гвардии. На помощь правительственному гарнизону из Кронштадта, Ревеля, Гельсингфорса прибыли тысячи матросов и солдат. Навстречу продвигавшимся к столице частям Крымова были посланы сотни агитаторов. Железнодорожники по призыву своих профсоюзных лидеров заблокировали железнодорожные пути. К 30 августа наступление на Петроград захлебнулось. Примечательно, что за все время «мятежа» практически не произошло ни одного крупного военного столкновения между противоборствующими сторонами. 31 августа, после крайне резкого разговора с Керенским, застрелился генерал А. Крымов, унеся с собой многие тайны развернувшейся драмы.

Осмысливая после Гражданской войны скрытые пружины этой драмы, видный русский мыслитель И. Ильин пришел к

выводу, что «Корнилов был предан не только дураком и полуподлецом Керенским, но и дураком и совершенным подлецом Савинковым». Основанием для столь резкого отзыва Ильина об участии Б. Савинкова в корниловском деле стало признание Ф. Степуна, который летом 1917 г. по службе ежедневно общался со знаменитым эсеровским террористом. «Я боюсь, что Савинков сыграл в нем (деле Корнилова) роковую роль», — конфиденциально сообщал Ф. Степун Ильину.

2 сентября 1917 г. Л. Корнилов был арестован и препровожден под конвоем в Быховскую тюрьму, где он и его ближайшие соратники содержались вплоть до Октябрьского переворота.

Таким образом, корниловское выступление провалилось. Керенский вышел из этой схватки победителем, но торжество его было кратковременным, а плоды победы достались другим. Большевики, еще совсем недавно пребывавшие почти в подполье, стали главными героями подавления контрреволюции. С конца лета именно они стали определять политику Советов. 31 августа 1917 г. их резолюцию о власти принял Петроградский Совет, 5 сентября — Московский, процесс большевизации Советов набирал силу по всей стране. Керенский, устраняя Корнилова, открывал дорогу к власти Ленину и его партии.

§4

Дестабилизация российского общества в сентябре — октябре 1917 г.

Кризис в народном хозяйстве

Отдельные симптомы серьезных народно-хозяйственных затруднений в России, как впрочем и во всех воюющих странах, возникли в ходе мировой войны и стали обретать черты быстро растущего кризиса. Тяготы затянувшейся и все больше расширяющейся бойни народов усугубила обстановка не столько хозяйственной, сколько и общеполитической нестабильности, в которой очутилась наша страна после февральского буржуазно-демократического переворота.

О том, сколь ощутимо перемены, вызванные начавшейся в феврале 1917 г. революцией, повлияли на состояние промышленного производства России, свидетельствуют следую-

щие показатели отечественной фабрично-заводской статистики, исчисленные с учетом индекса цен того времени.

Если первый (1914) и предреволюционный (1916) годы войны дали едва заметное (соответственно на 1,3 и 0,6% к уровню предшествовавшего года) снижение промышленного производства, то судьбоносный 1917 г., более десяти месяцев которого пришлось на пору революции, неслучайно характеризовался весьма резким спадом (на 20,2% к уровню довоенного 1913 г. и на 25,8% — к показателям предреволюционного 1916 г.). Не менее выразительны и сведения, характеризующие динамику производительности труда в промышленности за тот же период.

По производительности труда 1917 г. дает еще больший спад: на 22,8% по отношению к уровню 1913 г. и на 27,0% к предшествующему 1916 г. И те и другие данные показывают, что **разруха в российской промышленности уходит своими корнями не столько в Первую мировую войну (как это утверждалось в нашей прежней историографии), сколько в революцию.** И это неслучайно. Ведь революция, как и всякая смутная полоса в истории, означает, прежде всего, торжество деструктивного анархического начала над порядком, над началом власти и связанной с порядком той или иной организацией общества, обеспечивающей его нормальное функционирование во всех сферах жизни. Попрание всякой власти и разгул анархии, состояние так называемого беспредела, давали о себе знать в 1917 г. везде и во всем: в армии, в государственном управлении, в области права и т.д. Отмеченные тенденции в самой разной форме проявились и в экономической жизни в целом, и промышленном производстве в частности. Вторым фактором, в значительной степени предопределившим нагнетание кризисных проявлений в народном хозяйстве России той поры, было порожденное революцией полное забвение производства и сосредоточение внимания исключительно на распределении. «Уравнительная страсть», по образному выражению выдающегося отечественного экономиста А. Билимовича, сделалась основной движущей силой участия широких масс трудящихся в нашей революции.

Ранее, и ощутимее всего, кризисные явления в народном хозяйстве страны стали наблюдаться в его наиболее чувствительном звене — денежном обращении и финансовом хозяйстве, являющемся своеобразной нервной системой народнохозяйственного организма, функционирующего на основе рыночных отношений. Одним из симптомов неблагополучия в сфере финансов является эмиссия, выпуск бумажных денег, несообразующийся с развитием материального производства и ростом

национального дохода. Наличие этого недуга в финансовой системе России было зафиксировано вскоре после вступления страны в Первую мировую войну. Период с начала войны и до февральского переворота, по мнению специалистов по истории денежного обращения, был временем первого этапа разложения и распада финансовой системы нашей страны. За этот период количество бумажных денег увеличилось с 1633 млн руб. до 9950 млн руб., т.е. на 8317 млн руб. Хотя общая масса денег увеличилась в 5 с лишним раз, курс рубля на мировом рынке (барометром которого тогда был Лондонский рынок) понизился с 99,3 до 54,4 коп., т.е. на 45%. Неадекватные росту эмиссии темпы падения курса отечественной валюты были связаны прежде всего с тем, что промышленное производство страны продолжало, в сравнении с его довоенным уровнем, расти, да и на сельское хозяйство России война, как справедливо отмечал крупный его знаток — А. Челинцев, оказала сравнительно небольшое разрушительное действие.

Резким контрастом начальному этапу кризиса финансового хозяйства России являлся его следующий этап, охватывающий небольшой промежуток 1917 г. от февральского переворота до свержения Временного правительства. За это время количество бумажных денег увеличилось с 9950 млн руб. до 18 917 млн, т.е. на 90%. Иначе говоря, сумма денег, выпущенных Временным правительством за 7,5 мес. его существования, превысила выпуски почти трехлетней деятельности на том же поприще царского правительства в военных условиях. Выпуск денег особенно ускорился после корниловского выступления. В октябре каждый день выпускалось 66,6 млн руб. против 36,2 млн руб. в марте. Между тем поступление налогов по существу прекратилось: налоговый аппарат был парализован. Всевыручающий печатный станок, по словам В. Чернова, был единственным не саботирующим своих обязанностей «аппаратом увеличения денежных средств государственного казначейства...». Знаменательно и другое: курс рубля упал до 25 коп., т.е. в 2,2 раза по сравнению с дореволюционным его уровнем.

Неудержимая инфляция влекла за собой невиданную дороговизну, разгул спекуляции, что било в первую очередь по трудящимся и в особенности по рабочему классу, завоевания которого в области заработной платы, достигнутые после февральского переворота, были фактически сведены на нет. Накануне Октября реальная заработная плата промышленных рабочих России составляла примерно 57% довоенной.

Одновременно в стране наблюдалось резкое обострение продовольственного кризиса, связанного не столько с нехваткой продук-

тов питания (сбор хлеба в 1917 г. лишь на 14% уступал среднему сбору за довоенное пятилетие), сколько с транспортной разрухой и неэффективностью мер Временного правительства в деле организации заготовки продовольствия. В августе–сентябре 1917 г. над населением многих городов нависла угроза голода, поскольку в первом из этих месяцев они получили меньше половины продовольственного наряда, а во втором — всего 1/4.

Хлебная норма на одного рабочего Петрограда и Москвы составляла в это время менее 200 г в день.

Социальные конфликты в городе, армии и деревне

Хозяйственная разруха и связанное с ней понижение жизненного уровня трудящихся не могли не сказаться на углублении социальной напряженности в стране. В городе это, прежде всего, нашло свое выражение в росте масштабов рабочего движения. Сводка, составленная по данным Главного управления по делам милиции Временного правительства о выступлениях рабочих за весь период существования этого правительства (хотя известно, что ее данные существенно преуменьшены) позволяет составить представление как о динамике рабочего движения в целом, так и об изменении в нем удельного веса сугубо пролетарской формы борьбы — забастовок.

На последние три месяца (август—октябрь) приходилось более чем 2/3 общего числа выступлений и почти 4/5 всех стачек. В этот период среди других форм борьбы рабочих в количественном отношении становятся преобладающими стачки. Если в марте—мае на их долю приходилось лишь 7,2% по отношению к другим формам рабочего движения, то в августе—октябре эта цифра возросла до 62,5%.

Осенью 1917 г. существенно меняется и характер стачечного движения. Если взять, к примеру, данные по Уралу, то здесь за март—июнь произошло 42 стачки, из которых 41 экономическая и 1 политическая, а с июля по октябрь — 200 стачек, из которых 60 экономических, 71 политическая и 78 со смешанными (экономическими и политическими) требованиями. Другой характерной чертой забастовочного движения накануне Октября было вовлечение в него самых различных (регионально-профессиональных) отрядов рабочего класса страны. Так, 1 сентября состоялась общеуральская политическая забастовка, в которой приняло участие свыше 110 тыс. рабочих. 23—26 сентября проходила всеобщая стачка железнодорожников, во время которой было прекращено движение пассажирских поездов дальнего следования на 39 (из 51)

железных дорогах страны. Из других крупных выступлений рабочих накануне Октября широкий общественный резонанс имели всеобщая забастовка бакинских нефтяников, охватившая 65 тыс. рабочих и служащих, а также стачка текстильщиков Центрально-промышленного района, в которой участвовало до 300 тыс. рабочих Иваново-Вознесенска, Костромы, Шуи и других городов.

Помимо рабочих, под воздействием революционной стихии в орбиту социального противоборства постепенно втягивались средние слои города — низшие служащие, ремесленники, мелкие торговцы и др. Это они стали основными участниками голодных бунтов, вспыхивавших в канун Октября в разных районах страны. В мае 1917 г. таких выступлений было зарегистрировано 3, июне — 43, августе — 100, сентябре — 154, в октябре — 125. Уровень общественного сознания и степень организованности участников этих и иных эксцессов были крайне низкими. Да иного и нельзя было ожидать. Вовлеченный в водоворот революционных событий, обыватель ориентировался в них так же, как в основных лозунгах различных политических партий, мягко говоря, с большим трудом, что, конечно, не могло не наложить соответствующего отпечатка на социальные движения с участием сотен и тысяч людей.

Не намного выше был уровень политической культуры и общественного самосознания рядовых участников солдатского движения. И это вполне понятно. Ведь армия, ее солдатская масса по своему составу являлась преимущественно крестьянской. Менталитет российского солдата революционной поры представлял собой сложный симбиоз весьма противоречивых черт миросозерцания мужика-общинника и «человека с ружьем», который на армейской службе, в условиях войны, начинал утрачивать потребность и навыки производительного труда, обретая элементы психологии, присущие вооруженной толпе. Несомненно и другое: по степени корпоративно-групповой спайки и войсковой организованности солдатская масса в 1917 г., благодаря переменам, произошедшим в стране и армии, мало чем уступала рабочему классу. Свои общегражданские интересы она могла формулировать и отстаивать через разветвленную сеть Советов солдатских депутатов от уездных и городских — внизу, до Всероссийского — в масштабах всей страны, а специфические армейско-профессиональные — через структурно еще более гибкую и широкую систему солдатских комитетов (ротных, батальонных, полковых, дивизионных, корпусных, армейских и фронтовых). В партийно-политическом отношении солдатская среда являлась одновременно не только

объектом, но и субъектом весьма активной деятельности едва ли не всего спектра российских политических партий и группировок — от анархистов и большевиков «слева» до конституционных демократов «справа».

Опираясь на все эти организационные рычаги, солдатское движение в послефевральской России росло в связи с развитием российской революции не только вширь, за счет вовлечения в борьбу все новых и новых солдатских контингентов, но и вглубь, посредством совершенствования своих форм, активности, организованности и политической сознательности его участников.

О динамике солдатских выступлений в тыловых гарнизонах можно судить по тем же сводкам Главного управления по делам милиции. Согласно им с марта по май 1917 г. было зарегистрировано 29, с июня по август — 238 и в сентябре—октябре — 446 выступлений. При этом за 6 мес. после февральского переворота состоялось 5 вооруженных столкновений, а за сентябрь—октябрь — 19.

О солдатском движении на фронте есть сведения командования и комиссаров Временного правительства лишь за август—октябрь 1917 г. Здесь было зарегистрировано в августе 84, сентябре — 214, октябре — 512 выступлений, в том числе на первые два месяца пришлось 3 солдатских восстания и других выступлений, потребовавших применения вооруженной силы, а в октябре соответственно — 7.

Наиболее распространенной формой солдатского движения было неповиновение командному составу, а также столкновения солдат с офицерами, нередко кончавшиеся расправами. Массовый характер приобрели накануне Октября выступления солдат против войны. Неслучайно на одном из последних заседаний Временного правительства министр внутренних дел, меньшевик А. Никитин должен был признать, что «для миллионов солдат теперь понятны лишь самые краткие программы: «Долой!» и «Домой!» Провозгласив эти лозунги, большевики тем самым сумели привлечь перед Октябрем на свою сторону если не всю, то, во всяком случае, значительную часть армии, поддержка которой в июле позволила Временному правительству отбить большевистскую «разведку боем».

Но это отнюдь не означает, что солдатская масса в основе своей состояла из сознательных сторонников большевизма, как это утверждалось в нашей литературе советской поры.

Важным фактором социально-политической дестабилизации российского общества являлась вспышка крестьянского движения, охватившая деревню центрально-черноземной полосы и некоторых смежных регионов страны в сентябре—октябре 1917 г.

Началась она в Козловском уезде Тамбовской губернии в сентябре, и в течение недели крестьянское восстание охватило 18 волостей, где было разгромлено или сожжено 57 помещичьих имений и 13 хуторов зажиточных крестьян. Поскольку местными силами властям подавить его не удалось, из Московского военного округа сюда была направлена карательная экспедиция из казаков и юнкеров в сопровождении 2 броневиков. Действия карателей, арестовавших более 1,5 тыс. крестьян, усилили ожесточение и озлобление крестьян. Несмотря на присутствие в уезде карательного отряда, здесь еще было сожжено 22 и захвачено 2 имения.

Чтобы погасить это восстание, перебросившееся в соседние уезды губернии, по инициативе партийных организаций эсеров, меньшевиков и народных социалистов от имени исполкома губернского Совета крестьянских депутатов, Совета рабочих и солдатских депутатов, губернских продовольственной и земской управ, прокурора окружного суда и губернского комиссара Временного правительства 13 сентября было издано «Распоряжение № 3 всем земельным и продовольственным комитетам и всем крестьянам Тамбовской губернии». Согласно этому документу те и другие комитеты совместно должны были немедленно произвести полный и точный учет всех частновладельческих имений и в соответствии с инструкциями, которые будут даны губернской земской управой, взять последние «под свое ведение». Эта мера лишь на несколько недель снизила активность тамбовских крестьян в борьбе за землю. Ни карательными средствами, ни социальным маневрированием властям не удалось подавить крестьянское восстание и даже локализовать его.

Из Козловского уезда восстание распространилось на всю губернию, где разгрому подверглось 105 помещичьих имений, а затем перекинулось в Рязанскую, Тульскую, Курскую, Воронежскую, Нижегородскую и Пензенскую губернии. Из центральной России искры пожара перебросились в несколько губерний Украины, а также Эстляндию и Бессарабию. Хотя крестьянское восстание и имело тенденцию к расширению своей географии, преувеличивать его реальные масштабы не следует. А именно к такого рода преувеличению был склонен В. Ленин, утверждая, будто бы «всюду разливается широкой рекой крестьянское восстание». В аналогичную ошибку впадали и многие позднейшие советские исследователи.

Но как бы то ни было, активность значительной части крестьян Европейской России в их борьбе за землю доставляла Временному правительству немало хлопот. Видя, что ни репрессиями, ни принятым в ряде губерний по образу и подо-

бию тамбовского «Распоряжения № 3» решением о передаче помещичьих имений в ведение земельных комитетов остановить крестьянское движение не удается, министр земледелия последнего состава Временного правительства, эсер С. Маслов подготовил законопроект под названием «Правила об урегулировании земельными комитетами земельных и сельскохозяйственных отношений».

Проект «Правил» наделял земельные комитеты некоторыми из тех прав, что предусматривались для них резолюцией I Всероссийского съезда крестьянских депутатов, но не были санкционированы Временным правительством. Будь законопроект быстро принят, он мог снять накал страстей в деревне по вопросу о земле. Но вместо этого Временное правительство и здесь встало на путь проволочек. Внесенный на рассмотрение правительства 11 октября, этот документ дважды обсуждался на его заседаниях 20 и 24 октября. За это время были рассмотрены и одобрены всего 3 из одиннадцати общих положений «Правил».

Не устранило правительственной канители и вмешательство Предпарламента, принявшего вечером 24 октября так называемую формулу перехода к текущим делам, в которой говорилось, что «необходимы немедленный декрет о передаче земель в ведение земельных комитетов и решительные выступления во внешней политике с предложением союзникам провозгласить условия мира и начать мирные переговоры». Своей нерешительностью и стремлением дотянуть обсуждение злободневных проблем о земле, войне и мире до Учредительного собрания Временное правительство дискредитировало себя в глазах широких масс крестьянства и солдат, оказавшихся в решающий момент борьбы за овладение властью на стороне большевиков или же на позициях благожелательного нейтралитета по отношению к ним.

По аналогичным причинам не получило Временное правительство и необходимой поддержки со стороны народов национальных районов страны. Наоборот, национально-освободительное движение, основными очагами которого осенью 1917 г. были Украина, Финляндия и Прибалтика, тоже объективно подрывало и без того шаткие позиции правительства Керенского. Ярким свидетельством того, что интересы власти и народов России и здесь тоже разошлись, было голосование делегатов национальных групп на Демократическом совещании, когда 40 человек из 55 высказались против коалиции с буржуазией.

Таким образом, реальный социально-политический климат, определившийся к осени 1917 г. в низах российского общества,

не сулил инициаторам февральско-мартовского переворота ничего обнадеживающего.

Последний виток кризиса власти

Выступление Корнилова и реакция на него Керенского повлекли за собой крушение второй правительственной коалиции и вступление Временного правительства в такую полосу кризиса, которой суждено было стать последней в его исторически сравнительно недолгой жизни.

Начало этой полосе положил демонстративный выход кадетских министров из правительства в ответ на требования Керенского о наделении его всей полнотой власти и преобразовании кабинета министров в **Директорию** — орган, отличающийся весьма узким составом и чрезвычайно широкими полномочиями. Остальные министры вскоре также подали в отставку, предоставив тем самым премьеру полную свободу как в выборе формы будущего правительства, так и в определении его партийно-политического и персонального содержания.

Небольшие разногласия по вопросу о Директории у Керенского возникли с советскими центрами — ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполкомом Всероссийского Совета крестьянских депутатов, но и здесь вскоре спор решился в его пользу: премьеру было предоставлено право самолично сформировать правительство.

Эта услуга Керенскому со стороны руководителей Советов, оказалась как нельзя своевременной, так как он, не располагая необходимой для подавления мятежа силой, вступил в переговоры с кадетами, убеждавшими его уступить свой пост авторитетной личности (имелся в виду генерал Алексеев), которая устроила бы противоборствующие стороны. Получив поддержку «слева», растерявшийся было премьер воспрянул духом и в последнюю минуту отклонил требование кадетов, хотя переговоры об участии их представителей в правительстве продолжил. В порядке некоторой компенсации кадетский ставленник в премьер-министры был назначен Керенским, сосредоточившим к тому времени в своих руках и пост главнокомандующего русской армией, на должность начальника ее Генерального штаба. Но продлить таким образом жизнь правительственной коалиции с кадетами Керенскому на сей раз не удалось.

Дело в том, что борьба против Корнилова сдвинула руководящие круги умеренных социалистов влево, привела их

к конфронтации с кадетами, побудив к совместным действиям с радикально настроенными элементами — большевиками, меньшевиками-интернационалистами, левыми эсерами, анархистами и др. 31 августа меньшевистский ЦК принял решение о недопустимости участия во Временном правительстве «таких элементов, которые либо соучаствовали в контрреволюционном движении, либо способны парализовать борьбу с ним». Относительно кадетов подчеркивалось, что они больше не могут быть включены в правительство. Аналогичное постановление было принято и ЦК партии эсеров.

В этих условиях Керенский решил временно отложить план создания Директории на основе коалиции и, не дожидаясь, когда в соответствии с установками центральных комитетов меньшевиков и эсеров объединенное заседание исполкомов Советов, начавшее работу вечером 31 августа, решит вопрос о власти, объявил о формировании Директории из 5 человек без кадетов. В нее вошли: А. Керенский (министр-председатель, эсер), все тот же М. Терещенко (министр иностранных дел), А. Никитин (министр почт и телеграфов, меньшевик), все трое — видные масоны и убежденные сторонники коалиции с кадетами, а также двое беспартийных военных — адмирал Д. Вердеревский (морской министр) и генерал А. Верховский (военный министр).

Одновременно Керенский идет на некоторые уступки левым силам: **1 сентября от имени Временного правительства Россия провозглашается Республикой,** а на следующий день вместе с объявлением состава Директории принимается предложение ЦИК Советов о созыве Демократического совещания.

Верхи революционной демократии в лице центральных комитетов эсеров и меньшевиков, а также объединенного заседания советских центров, обсудив сложившуюся ситуацию, склонились к временному признанию Директории и призвали демократические слои российского общества поддержать ее. Вместе с тем, для окончательного решения вопроса о власти, способной довести страну до Учредительного собрания, была признана необходимость скорейшего созыва съезда организованной демократии — **Демократического совещания.** Чтобы умиротворить левую часть участников объединенного заседания исполкомов Советов — большевиков, меньшевиков и левых эсеров, высказывавшихся за более радикальные пути преодоления кризиса власти, один из лидеров правого крыла меньшевиков — Церетели заявил: «Я думаю, что в момент этого съезда демократия будет единой и если, кроме нас, не окажется ни одной живой силы в стране, то мы возьмем власть в свои руки».

В целом одобрительно отнеслись к образованию Директории, а также ее персональному составу, кадеты, увидевшие в ней временную отсрочку вхождения своих представителей в коалиционный кабинет. Однако они категорически возражали против решения вопроса о власти на Демократическом совещании. «Если власть будет создана совещанием, в котором примут участие только те общественные группы, что присоединились к резолюции Чхеидзе на Московском совещании, — писала газета "Речь", — то это и будет тот захват власти, на котором до сих пор настаивали большевики».

Большевики расценили Директорию как ширму, прикрывающую союз эсеров и меньшевиков с кадетами, но вначале признали чрезвычайную важность Демократического совещания и необходимость обеспечения на нем наиболее полного своего представительства.

Они исходили из того, что при отказе руководства умеренных социалистов от коалиции с кадетами возникла реальная возможность принятия совещанием решения об отстранении от власти Директории и создании нового правительства, ответственного перед Советами и другими организациями трудящихся и обеспечения таким образом мирного развития революции. Но по мере того, как у лидеров эсеров и меньшевиков происходил поворот к курсу на коалицию, если не с кадетами, то с демократически настроенными представителями буржуазии, менялось и отношение большевиков к Демократическому совещанию. В нем они начинали усматривать очередную уловку «соглашателей», рассчитанную на осуществление союза с цензовыми элементами. А за неделю до открытия совещания в «Рабочем пути» (органе ЦК большевиков) была выдвинута версия, будто правительство Керенского намерено сорвать или отсрочить его. Позже, когда эта версия не оправдает себя, В. Ленин даст Демократическому совещанию еще более уничижительную характеристику, квалифицируя его как «совещание меньшинства народа», как «подлог демократии».

Организаторов совещания — правых социалистов — лидер большевиков обвинял в том, что они «занимаются мелкими кражами демократизма: они созывают «демократическое совещание», на котором и рабочие, и крестьяне с полным правом указывают на урезание их представительства, на непропорциональность, на несправедливость в пользу наиболее близких к буржуазии (и к реакционной демократии) элементов кооперативов и муниципалитетов».

И эта характеристика совещания, и цитированные ленинские сентенции в адрес своих политических оппонентов являлись,

недостаточно обоснованными, так как ни кооперация, объединявшая в своих рядах от 2/3 до 4/5 всех крестьянских хозяйств страны, ни демократически избранные муниципалитеты и земства того времени по уровню представительности в них трудящихся города и деревни по существу не уступали и Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, и другим массовым организациям народа — фабзавкомам, профсоюзам, солдатским комитетам, Всероссийскому крестьянскому союзу и т.д.

По мысли Керенского и его единомышленников Демократическое совещание должно было продемонстрировать монолитное единство, якобы имманентно присущее революционно-демократическому движению страны, и позволить ему «создать такое правительство, в котором нуждается революция». Но при той идейно-политической разноголосице, которая царила по вопросу о власти и других проблемах как между основными партиями России, так и внутри каждой из них, совещанию не суждено было оправдать возлагавшихся на него надежд.

Демократическое совещание открылось в Петрограде 14 сентября и продолжалось до 22 сентября. В его работе участвовало почти 1500 делегатов, из них 532 эсера, 305 меньшевиков, 134 большевика, 55 представителей трудовой народно-социалистической партии, 17 «беспартийных» социалистов и 4 кадета.

Обсуждение главного вопроса совещания — вопроса о власти по куриям и фракциям — продемонстрировало большой разнобой мнений и соответственно результатов голосования. Так, в курии профсоюзов за коалиционную власть было подано всего 8 голосов при 73 против; за власть Советов — 53 и за власть, формируемую Демократическим совещанием, — 20 голосов. В курии городов сторонники коалиции собрали 73 голоса, а ее противники на 1 больше; причем примерно в той же пропорции разделились голоса при оценке полномочий самого совещания. Крестьянские организации дали близкие показатели: за — 66, против — 57, правда, платформа бывшего «селянского министра» В. Чернова — за коалицию без кадетов — получила здесь 95 голосов. Значительно правее оказались земцы и кооператоры: у первых за коалицию — 54, против — 6 при 17 воздержавшихся, у вторых только 2 голоса против. Общее голосование, проводившееся 19 сентября, показало, что большинство (766 против 688 при 38 воздержавшихся) за коалицию с «цензовыми элементами». Перевес сторонникам коалиции обеспечили представители крестьянства, кооперации, земства и других более мелких курий.

Поскольку в основе такой разноголосицы лежали различные партийно-политические пристрастия, конечные итоги совещания в основном определялись на партийных фракциях.

Но после этого депутаты обсуждали и голосовали две поправки: 1) об исключении из коалиции тех кадетов, что оказались причастны к корниловщине; 2) об исключении из коалиции всей кадетской партии. Обе поправки были приняты. Но при голосовании общей резолюции, гласившей «съезд за коалицию, но без кадетов», она была с треском провалена — большинством 813 при 183 «за» и 80 воздержавшихся.

Возникла тупиковая ситуация. **Демократическое совещание приняло два по сути взаимоисключающих решения: одно за создание коалиционной власти, другое — против. Вместо единства рядов революционной демократии оно демонстрировало углубление идейно-политического раскола в ее среде.**

Вот почему было решено не разъезжаться и сделать попытку, рассматривая результаты голосования как показатель настроения совещания, договориться на фракционных и групповых собраниях. 20 сентября после этих собраний на заседании президиума совещания, пополненного представителями фракций и групп, принимается решение о выделении из состава **совещания Временного Совета республики (Предпарламента)**, куда вошли бы и цензовики, но преобладание должно быть обеспечено демократическим элементам. В тот же день предложение об организации Предпарламента 829 голосами при 106 против было принято совещанием. 22 сентября утверждением списка членов Предпарламента Демократическое совещание закончило работу.

В этих условиях 22—23 сентября проходили переговоры членов Временного правительства, руководителей Демократического совещания, группы московских «общественных деятелей» и представителей ЦК кадетов. На них 14 августа обсуждались демократическая программа, изложенная Чхеидзе на Государственном совещании как основа антикризисной политики, а также вопросы определения юрисдикции Предпарламента. В процессе переговоров программа 14 августа была пересмотрена и «смягчена» настолько, что стала приемлемой для кадетов. По вопросу же о статусе «детища» Демократического совещания его руководители отказались от принципа ответственности власти перед Предпарламентом, которому отводилась роль всего лишь совещательного органа, а создание этого органа, переименованного в Совет республики, передали в руки правительства.

Вечером 23 сентября состоялось заседание Предпарламента в составе, избранном перед закрытием Демократического совещания. Оно отвергло резолюцию большевиков и незначительным большинством приняло предложенную меньшевиком Даном резолюцию, молчаливо одобрявшую итоги переговоров. После этого никаких преград на пути Керенского и его соратников к созданию

третьего коалиционного правительства уже не было. 25 сентября состав нового кабинета был назван. Керенский оставался главой правительства и Верховным главнокомандующим. Хотя в новом кабинете министры-социалисты имели большинство по сравнению с представителями кадетов и деловых кругов (10 и 6), ключевые посты в нем остались за кадетами и цензовиками.

Но дни этого правительства были уже сочтены. Не успели газеты опубликовать список кабинета министров, как Петроградский Совет, руководимый теперь большевиками, от имени рабочих и солдат потребовал: правительство — в отставку. По инициативе Советов по всей стране развернулось движение за немедленный созыв Всероссийского съезда Советов.

Даже после демонстративного ухода членов большевистской фракции из Предпарламента этот представительный орган революционной демократии, разбавленный примерно на треть состава элементами либерально-консервативного толка, по тем или иным вопросам внутренней и внешней политики все чаще оказывается в оппозиции к правительству Керенского.

Предпарламент, таким образом, не только не помог Временному правительству собрать вокруг себя недостающие силы, чтобы, опираясь на них, довести страну до Учредительного собрания, но, наоборот, лишь усилил его политическую изоляцию.

Иначе говоря, «керенщина», лишившись сначала поддержки в широких слоях народа, ко времени выступления большевиков стала утрачивать и политический кредит умеренно-социалистических партий, порождением которых она являлась.

§5

Октябрьско-ноябрьские события в столицах

Большевистская тактика борьбы за власть

Глубокий общественно-политический и правительственный кризис, связанный с корниловщиной и ее ликвидацией, а также отказом эсеров и меньшевиков от коалиции с кадетами, создал условия, когда вновь возникла возможность мирного развития революционного процесса в стране. Вождь большевиков вовремя увидел эту возможность и рекомендовал своей партии воспользоваться ею, предложив партиям умеренно социалистической ориентации компромисс на основе возврата

к доиюльскому требованию: вся власть Советам, ответственное перед Советами правительство из эсеров и меньшевиков.

Одновременно с Лениным и, независимо от него, большевистский ЦК наметил и проводил ту же тактическую линию, изложенную в его резолюции «О власти», которая была принята 31 августа и оглашена в тот же день большевистской фракцией на заседании ЦИК Советов. Она послужила важным фактором достижения единства действий различных течений российской революционной демократии в борьбе против заговора генералов. Сам исторический факт этого объединения сил и его выдающуюся роль в разгроме корниловского мятежа должен был признать и Ленин, хотя он, как известно, призывал свою партию бить мятежников, действуя рука об руку с эсерами и меньшевиками, но идти к взятию власти врозь [⬇].

Перспективу мирного развития революции, на основе упомянутых выше требований, большевистский лидер допускал,

---

Владимир Ильич Ленин (Ульянов) (1870—1924) *— родился в Симбирске в семье инспектора народных училищ. Учился в Казанском университете (исключен за участие в революционной сходке студентов). В 1891 г. сдал экстерном экзамены за юридический факультет Петербургского университета. С 1893 г. стал руководить рабочими кружками в Петербурге, где вел пропаганду социал-демократических идей. Организатор Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (1895), газеты «Искра», большевистской партии. Подвергался арестам, отбывал ссылку в Восточной Сибири. С 1900 по 1917 г. — в эмиграции (в 1905 г. короткий период работал в революционном Петербурге). Один из создателей газеты «Правда». Возвратившись 3 (16) апреля 1917 г. из эмиграции в Петроград, в знаменитых «Апрельских тезисах», других выступлениях и документах разработал план борьбы за переход от буржуазно-демократической революции к социалистической. Руководил подготовкой и проведением Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. На II Всероссийском съезде Советов избран председателем Совнаркома. Одновременно он возглавлял Совет рабочей и крестьянской обороны (с 1920 г. — Совет Труда и Обороны). Член Политбюро ЦК большевистской партии с 1917 г. Создатель Коминтерна. Сформулировал принципы объединения советских республик в федеративное государство — СССР.*

В советской литературе Ленин именовался как «величайший пролетарский революционер и мыслитель, продолжатель дела К. Маркса и Ф. Энгельса, организатор Коммунистической партии Советского Союза, основатель Советского социалистического государства, учитель и вождь трудящихся всего мира». В настоящее время оценки личности и дела Ленина пересматриваются, но все сходятся в одном: мало кто из политиков оказал такое влияние на изменение хода мировой истории, как Ленин.

«Полные» собрания сочинений В. Ленина издавались в нашей стране пять раз, однако эти собрания были далеко не полными, так как в них не вошли сотни ленинских документов, рисующих вождя и его дело без «хрестоматийного глянца».

В. Ленин

Л. Троцкий

хотя и с оговорками, почти до начала работы Демократического совещания. Но как только в руководящих верхах партий умеренно социалистической ориентации вновь возобладала тяга к правительственному альянсу с кадетами и цензовиками, Ленин не замедлил ответить на это крутым поворотом в вопросах тактики борьбы большевиков за власть. Считая, что по вине эсеров и меньшевиков ко времени открытия Демократического совещания была упущена последняя возможность достижения компромисса мирной передачи власти Советам и что в стране к тому времени имелись «налицо все объективные предпосылки успешного восстания», он предлагает своим коллегам по ЦК «на очередь дня поставить **вооруженное восстание** в Питере и Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства».

Но чтобы разрядить, как он выражался, атмосферу некоего увлечения «Совещанием», побороть «парламентские настроения» в верхах партии, Ленину предстояло потратить немало сил и времени. Известно, что заседание ЦК при обсуждении 15 сентября ленинских писем «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание», где обосновывалась установка на вооруженное восстание, большинством в шесть голосов против четырех при шести воздержавшихся, решило сохранить только один экземпляр этих писем, а остальные уничтожить.

Колебания по вопросу о восстании в среде большевистских цекистов длились более месяца. Вследствие этого представители большевиков приняли участие не только в работе Демократического совещания, но и созданного им Предпарламента. 23 сентября на его заседании большевистская фракция выступила с за-

явлением, в котором предлагала умеренно социалистическому большинству Совета республики прервать ведущиеся Керенским и его окружением переговоры с цензовой буржуазией и приступить к созданию истинно революционной власти. А 29 сентября ЦК РСДРП(б) принял проект воззвания, в котором вопреки ленинским предложениям о восстании намечался сугубо мирный парламентский путь использования партией трибун Предпарламента, II Всероссийского съезда Советов и Учредительного собрания.

«У нас не все ладно в "парламентских" верхах партии», — писал об этом Ленин, подчеркивая, что в них «заметны шатания, как бы "боязнь" борьбы за власть, склонность подменить эту борьбу резолюциями, протестами и съездами». Находя, что такие шатания чреваты непоправимыми последствиями, он в продолжении к письму «Кризис назрел», предназначенном для членов ЦК, Петроградского и Московского комитетов партии и Советов, заявил, что в случае непринятия его предложений он будет вынужден выйти из ЦК, чтобы «оставить за собой свободу агитации **в низах** партии и на съезде партии».

Настойчивые действия вождя, усиленные этим ультиматумом, получили поддержку со стороны Московского областного бюро большевиков. Как писал Троцкий, комментировавший позже это событие, ЦК продолжал еще уклоняться от ответа на вопрос «что делать?» Но нажим Ленина и поддержка его Москвой пробили первую брешь в выжидательной позиции цекистов. На заседании 3 октября ЦК вынес решение «предложить Ильичу перебраться в Питер, чтобы была возможной постоянная и тесная связь», а через день руководящий центр партии постановил обязать большевистскую фракцию выйти из Предпарламента, огласив декларацию, в которой Совет республики характеризовался как новое издание булыгинской думы. 7 октября во исполнение этого решения большевики демонстративно покинули здание Мариинского театра, где работал Предпарламент.

Очевидно, где-то между 3 и 10 октября Ленин тайно вернулся в столицу. По его настоянию в ночь с 10 на 11 октября на квартире меньшевика Н. Суханова (Гиммера), жена которого Г. Флаксерман была большевичкой, проходило заседание ЦК РСДРП(б). Оно придало идее восстания силу общепартийной установки. Написанная Лениным резолюция по данному вопросу была одобрена 10 членами ЦК против двух (Каменева и Зиновьева). Признавая в ней, что «вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело», большевистский ЦК предложил «всем организациям партии руководствоваться этим и с

этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы».

Но и после принятия данного решения борьба мнений в большевистских верхах по вопросу о восстании продолжалась. Ленину и его сторонникам противостояли, с одной стороны, Каменев и Зиновьев, с другой — Троцкий, Сталин и некоторые другие лидеры партии. Вместо вооруженного восстания, на котором настаивал Ленин, Каменев и Зиновьев считали возможным ограничиться выжидательной позицией для того, чтобы добиваться поддержки масс и таким образом обеспечить перевес в Учредительном собрании и Советах, через которые и проводить в жизнь, не прибегая к насилию, программу своей партии. Расхождения между Лениным и Троцким с его единомышленниками касались времени начала выступления и того, какую оболочку надлежало ему придать. Если ленинская позиция предусматривала нанесение упреждающего удара накануне съезда Советов с тем, чтобы предопределить его волю, то Троцкий исходил из необходимости дождаться съезда и через него продиктовать Временному правительству требование передать власть Советам; к силе же прибегать лишь в случае отказа правительства подчиниться воле съезда.

Эти и другие теоретико-практические разногласия внутри узкого круга партийных лидеров, становясь известными партийному активу столиц и их окрестностей, вызывали в их среде резонанс, грозивший срывом принятой ЦК установки на восстание. Учитывая это и тот факт, что Каменев и Зиновьев, несогласные с резолюцией ЦК от 10 октября, продолжали активно выступать против нее, Центральному комитету большевиков пришлось на следующем, теперь уже расширенном заседании 16 октября вновь обсуждать вопрос о восстании, чтобы закрепить и конкретизировать решение, принятое неделей раньше. Большинством в 19 голосов, при 2 против и 4 воздержавшихся, была принята предложенная Лениным резолюция. Она гласила: «Собрание вполне приветствует и всецело поддерживает резолюцию ЦК, призывает все организации и всех рабочих и солдат к всесторонней и усиленной подготовке вооруженного восстания, к поддержке создаваемого для этого Центральным комитетом центра и выражает полную уверенность, что ЦК и Совет своевременно укажут благоприятный момент и целесообразные способы наступления». Победа сторонникам Ленина далась нелегко. В выступлениях некоторых ораторов, казалось бы, поддерживавших Ленина, содержались столь существенные оговорки, что невольно возникает мысль о большой степени от-

носительности наблюдений, которые базируются на статистике результатов голосования.

Отмечая серьезность расхождений по вопросу о восстании, имевших место внутри руководящих большевистских верхов в начале осени 1917 г., было бы односторонним преувеличивать как глубину расхождений, так и степень их негативного воздействия на подготовку восстания, чем явно грешила наша прежняя историография. В жарких спорах и на заседаниях ЦК, и на неофициальных встречах Ленина и других цекистов с теми, кто отвечал за военно-техническую подготовку выступления, происходило не столько размежевание, сколько постепенное сближение позиций: Каменева и Зиновьева с Троцким по вопросу о взаимосвязи восстания и съезда Советов, а Ленина с Троцким — об упреждающем ударе под флагом обороны, о необходимости при этом не только «вину», но и почин свалить на противника. К тому же наличие известных разногласий не помешало большевистскому ЦК в решающий момент 24 октября, даже при отсутствии на этом заседании Ленина, действовать сплоченно и решительно.

Деятельность властей и подготовка большевиками восстания

Временное правительство могло сорвать планы большевиков, выиграй оно в сентябре—октябре политическую схватку с ними за умы и сердца солдат петроградского и московского гарнизонов. Но именно здесь крупным политическим проигрышем обернулось для команды Керенского корниловское выступление. Недаром впоследствии и сам незадачливый премьер, и некоторые его сподвижники значительную долю вины за свое поражение пытались переложить на правый лагерь. «Все те, кто поддерживал Корнилова, фактически породили восстание большевиков, ибо именно в период корниловщины солдаты петроградского и московского гарнизонов почувствовали свою силу при разрешении конфликтов политической борьбы, — едва ли не первым выдвинул такого рода версию А. Никитин. — Кто призывал генералов, тот вызвал солдат — пусть же не отказывается от своей доли ответственности за происшедшее».

Как бы то ни было, большевикам в процессе борьбы с мятежными генералами удалось если не склонить на свою сторону большинство солдат столичного гарнизона, то добиться его благожелательного нейтралитета. Проиграв большевикам эту, пока еще мирную, битву, правительство в

дальнейшем допускало один крупный политический просчет за другим.

В первых числах октября под предлогом возможного наступления немцев на Петроград, Временное правительство разрабатывает планы своего переезда в Москву и эвакуации петроградской промышленности в глубь страны. Это позволило большевикам обвинить правительство в стремлении сдать «Красный Питер» врагу. Стоило только 6 октября опубликовать в печати сообщение о планах эвакуации, как тут же бюро Исполкома Петросовета, в котором преобладали большевики, заявило, что без его согласия никакая эвакуация невозможна. А солдатская секция Совета приняла резолюцию, в которой говорилось, что если правительство не в состоянии защитить город, то оно должно или заключить мир, или передать власть в другие руки.

Временному правительству пришлось отступить, сначала заявив, что эвакуация откладывается на месяц, а затем и вообще отказаться от этой затеи. Еще большим подарком для большевиков стало распоряжение правительства о переброске на фронт под тем же предлогом части войск петроградского гарнизона. Оно вызвало в солдатской среде бурю негодования. Отказываясь подчиниться приказу, солдаты на своих митингах и собраниях выражали недоверие Временному правительству и требовали передачи власти Советам.

Именно тогда не только с трибуны Петросовета, в печати, но, что особенно важно, в казармах, на заводах и фабриках большевики выбросили лозунг «Всероссийский Съезд Советов — в опасности», напрямую связав его с угрозой второй корниловщины.

Последствия конфликта по поводу гарнизона свидетельствовали о том, что больной организм режима Керенского вступил в стадию предсмертной агонии. Л. Троцкий был недалек от истины, когда писал, что безуспешной попыткой вытолкнуть вон революционные полки правительство окончательно погубило себя.

Помимо дискредитации Временного правительства в глазах десятков тысяч солдат, большевики извлекли из этого промаха Керенского еще одну пользу. Опираясь на меньшевистское предложение создать в Петросовете Комитет революционной обороны, они провели через пленум Совета решение об организации такого комитета, который наряду с задачей защиты города от внешнего врага, должен был обеспечить безопасность народа от «открыто подготавливающейся атаки военных и штатских корниловцев». Вскоре Исполком Совета

переименовал создаваемый орган в **Военно-революционный комитет (ВРК).**

Сформировался ВРК в период между 16 и 21 октября. Состав его был весьма подвижным и не всегда фиксирующимся в документах.

Для оперативного содействия повседневной работе ВРК было организовано его Бюро, которое состояло из большевиков и левых эсеров. Председателем Бюро и всего ВРК был избран левый эсер П. Лазимир, по профессии фельдшер. Однако в решающие дни подготовки и проведения восстания обязанности председателя ВРК не реже, чем Лазимир, исполняли большевики Подвойский, Антонов-Овсеенко и Троцкий.

Фактически ВРК стал советским легальным штабом восстания, ведавшим преимущественно военно-технической стороной его подготовки. Большевики направляли работу ВРК через **Партийный центр**, избранный на заседании ЦК 16 октября. Политическая борьба, развернувшаяся вокруг вывода войск, позволила большевикам, которые действовали под легальным прикрытием ВРК и лозунгами защиты столицы от внешнего и внутреннего врагов, в течение нескольких дней установить контроль над большинством частей гарнизона. Проведением 18—21 октября серии гарнизонных совещаний была налажена живая связь ВРК с солдатскими и матросскими комитетами частей гарнизона и судов, находившихся в черте города.

Чтобы закрепить достигнутый успех, ВРК направил в полки шесть первых своих комиссаров. В следующие 2—3 дня замена ранее назначенных правительством комиссаров таковыми от ВРК приобрела едва ли не повсеместный характер. В обязанности новых комиссаров входило установление контроля ВРК и руководство политическими и военными действиями частей. По распоряжению ВРК им предоставлялось неограниченное право накладывать вето на приказы командиров частей и подразделений.

В ночь с 21 на 22 октября в Штабе Петроградского военного округа появилась делегация ВРК и потребовала от командующего войсками округа полковника Г. Полковникова подчинения Штаба Петросовету и признания полномочий комиссаров ВРК. Полковников наотрез отказался, пригрозив арестом, после чего делегация вернулась в Смольный — резиденцию большевистского ЦК, Петросовета и ВРК.

Заслушав делегацию, ВРК провел очередное совещание представителей частей гарнизона, на котором была принята резолюция о том, что, поскольку Штаб округа порвал с революционным гарнизоном и таким образом стал прямым орудием

контрреволюционных сил, никакие распоряжения по гарнизону, не подписанные ВРК, недействительны.

22 октября, в ответ на попытку ВРК явочным порядком подчинить себе гарнизон Петрограда, Штаб округа предъявил Совету ультиматум: отменить свои распоряжения, не то к нему будут применены «решительные меры». Чтобы выиграть время, большевики формально согласились принять ультиматум и, не прекращая готовить восстание, предложили начать переговоры.

Тут же была достигнута договоренность о создании при Штабе округа «консультативного органа» Совета. 23 октября Штаб посетила вторая делегация ВРК, создавая видимость продолжения переговоров, но на деле она вела «рекогносцировку». Применяя «обволакивающую», по выражению Троцкого, тактику, большевики добились, чего хотели: во-первых, предотвратили арест членов ВРК, а, во-вторых, разведка позволила им получить определенное представление о замыслах и действиях противника, его военного руководства.

Одновременно они развернули крупную политическую кампанию — в воскресенье, 22 октября, готовились под предлогом Дня Петросовета провести смотр своих сил перед решающей схваткой. Но на тот же день Совет союза казачьих войск назначил вооруженное шествие казаков к Казанскому собору для освящения оружия, приурочив его к отмечавшейся тогда 105-й годовщине изгнания наполеоновских войск из Москвы. Выход на улицы города большой массы рабочих и солдат под лозунгом «Вся власть Советам!» и консервативно настроенных казачьих полков грозил в накаленной обстановке вылиться в стихийные столкновения и кровопролитие.

Поэтому ВРК потребовал отменить крестный ход казаков и Временное правительство требование это удовлетворило. Вооруженные казаки на улицы города не вышли. Что же касается Дня Петросовета, то он прошел по полной программе, продемонстрировав приверженность десятков тысяч рабочих, солдат и матросов радикальным лозунгам левых: «Мир — хижинам, война — дворцам!», «Власть — Советам!», «Земля — крестьянам!», «Фабрики — рабочим!», «Хлеб — голодным!»

Переходя таким образом в широкомасштабное наступление, большевики продолжали утверждать, что поднимать восстание не входит в их планы и что задачу свою они видят в том, чтобы защитить съезд Советов от любых поползновений контрреволюции. Примечательно, что даже 25 октября, когда весь Петроград, за исключением Зимнего дворца и еще нескольких зданий, находился в руках восставших, ВРК в газете «Новая

жизнь» от 25 октября 1917 г. опубликовал следующее сообщение: «Вопреки всякого рода слухам и толкам, ВРК заявляет, что он существует отнюдь не для того, чтобы подготовлять и осуществлять захват власти, а исключительно для защиты интересов Петроградского гарнизона и демократии от контрреволюционных и погромных посягательств».

Явный перевес сил на своей стороне, нерешительность Временного правительства и военных властей, а также усиление разброда и шатаний, которые констатировал В. Ленин в рядах так называемых ненадежных попутчиков революции, вселяли в лидеров большевиков уверенность, что время для захвата власти настало. Не хватало малого — легального повода для действий с оружием в руках. И он не заставил себя долго ждать.

Вооруженное восстание в Петрограде и II Всероссийский съезд Советов

Поводом к выступлению послужили действия Временного правительства. **В ночь с 23 на 24 октября** оно отдало распоряжение о закрытии за призыв к вооруженному мятежу двух ведущих большевистских газет — «Рабочий путь» и «Солдат», и, как бы для соблюдения политического равновесия, стольких же правых газет («Новая Русь» и «Живое слово»), звавшие русских людей «встать грудью за права России и предложить присяжному поверенному Керенскому передать власть достойному». Командующему Петроградским округом Г. Полковникову был отдан приказ вызвать войска из пригородов для усиления охраны Временного правительства, что и было сделано. Обсуждался вопрос о снятии с той же целью части войск с Северного фронта. Кроме того, Керенский предложил немедленно арестовать членов ВРК и большевиков-участников событий 3—5 июля, которые были выпущены из-под ареста после корниловского выступления. Но большинство министров, одобрив в принципе эту меру, рекомендовало премьеру прежде заручиться поддержкой Совета республики.

На рассвете **24 октября** отряд милиции и юнкеров закрыл типографию «Труда», где печатался «Рабочий путь», оставив у нее караул. Как только известие об этом поступило в ВРК, его руководители подготовили и разослали по гарнизону и судам Балтийского флота «Предписание № 1». По приказу ВРК рота солдат направилась к закрытой типографии и, сняв караул, обеспечила возобновление выпуска «Рабочего пути».

Тем временем состоялось экстренное заседание ЦК большевиков. Оно одобрило отправку отряда для охраны типографии и обеспечения своевременного выпуска очередного номера газеты. Было решено: членам ЦК весь день не покидать Смольный, создать запасной штаб в Петропавловской крепости, установить контроль над почтой и телеграфом, наладить связь с железнодорожниками и Москвой, вести наблюдение за Временным правительством, озаботиться организацией продовольственного дела, провести переговоры с левыми эсерами, распределив персональную ответственность между членами ЦК за проведение всех этих мер.

Действия ВРК и большевистского ЦК утром 24 октября в ответ на попытку нанесения Временным правительством упреждающего удара свидетельствовали о том, что вооруженное противостояние сил, верных Керенскому, и тех, кто шел за большевиками, переросло в прямое и все более расширяющееся столкновение между ними. Началось оно с конфликта вокруг типографии, где печатался «Рабочий путь». Затем **в течение этого дня и ночи с 24 на 25 октября** борьба развернулась за овладение мостами, узлами телефонной и телеграфной связи, вокзалами, банками и другими стратегически важными объектами. Первыми их взяли под охрану верные правительству части гарнизона и отряды юнкеров. Во второй половине дня 24 и в ночь на 25 октября большевикам с помощью превосходящих сил солдат, матросов и красногвардейцев удалось вытеснить или разоружить немногочисленные пикеты, выставленные на этих объектах командованием округа.

Ситуацию, которая сложилась в столице к 10 часам утра 25 октября, характеризует телеграмма, отправленная тогда командующим войсками округа в Ставку и главнокомандующему Северным фронтом: «Доношу, что положение в Петрограде угрожающее. Уличных выступлений, беспорядков нет, но идет планомерный захват учреждений, вокзалов, аресты. Никакие приказы не выполняются. Юнкера сдают казармы без сопротивления, казаки, несмотря на ряд приказаний, до сих пор из своих казарм не выступали... Временное правительство подвергается опасности потерять полностью власть, причем нет никаких гарантий, что не будет попытки к захвату Временного правительства».

К этому времени Зимний дворец, здания военного министерства, штаба округа и Мариинского театра, где располагался Совет республики, остались едва ли не единственными, находившимися еще в руках Временного правительства. Участь правительства была, таким образом, фактически предрешена.

Хорошо понимая, что дело захвата власти в сущности сделано, В. Ленин набрасывает текст обращения ВРК **«К гражданам России»**. Опубликованный **утром 25 октября** этот документ объявлял, что **Временное правительство низложено, и государственная власть перешла в руки органа Петросовета — ВРК.**

Еще днем 24 октября Керенский выступил во Временном Совете республики с заявлением о начавшемся выступлении большевиков и просил предоставления правительству чрезвычайных полномочий. Но после перерыва этого заседания для обсуждения вопроса на фракциях, большинством голосов Предпарламент принял резолюцию, которая, хотя и осуждала экстремистские действия большевиков, но в то же время констатировала, что почва для них создана нерешительной политикой правительства, и требовала от него немедленных шагов для провозглашения условий мира, начала мирных переговоров и издания декрета о передаче земли до Учредительного собрания в ведение земельных комитетов.

Когда председатель Совета республики Н. Авксентьев с лидерами фракций эсеров и меньшевиков вечером привез в Зимний этот документ, Керенский и члены правительства возмутились и пригрозили ему отставкой. Чтобы ликвидировать инцидент, посланцам Предпарламента пришлось заявить, что «формула перехода» в спешке неудачно сформулирована и что на следующем заседании они готовы огласить соответствующее разъяснение.

Но, как покажет дальнейшее развитие событий, отчуждение, которое возникло между командой Керенского и революционной демократией, еще недавно являвшейся его главной опорой, вождям этой демократии так и не удалось устранить. В тревожном состоянии поздней ночью, когда по приказу ВРК велся методичный захват восставшими стратегических пунктов города, члены правительства расходились со своего заседания. Но надежда, что все образуется, еще не покинула большинства из них.

Керенский же со своим заместителем А. Коноваловым провели эту роковую для Временного правительства ночь в штабе округа, тщетно пытаясь собрать силы для отпора большевикам. В этих целях они вели переговоры с делегацией трех казачьих полков, находившихся в Петрограде, но получили ответ, что без поддержки пехотных частей казаки защищать правительство не могут, тем более, что они убедились в бесполезности борьбы на стороне правительства в июльские дни, когда арестованные большевики вскоре оказались на свободе.

Увидев, что в городе нет верных правительству войск, Керенский по совету Коновалова решил отправиться навстречу будто бы подходящим с фронта войскам. Перед тем, как утром 25 октября он покинул Зимний дворец, собиравшиеся на заседание министры предприняли еще одну попытку склонить представителей казаков на свою сторону, но опять без особого успеха. В общей сложности на охрану Зимнего к полудню 25 октября удалось собрать несколько рот юнкеров, три сотни казаков и полуроту женского батальона — всего около 900 человек и до сотни офицеров при нескольких десятках пулеметов, 6 пушках и 4 броневиках.

Большевики располагали значительно бóльшими силами. Однако расхожее утверждение нашей отечественной литературы советского времени, будто почти весь гарнизон Петрограда (160 тыс. человек) и пригородов (85 тыс.) шел в это время за большевиками, тоже серьезно грешит против истины. Дело в том, что, помимо казачьих полков, большинство других частей гарнизона тоже объявили «нейтралитет»в происходящем конфликте. По оценкам таких авторов, как Р. Пайпс и Н. Суханов, коих нельзя заподозрить в апологетике Октябрю, на стороне большевиков было от 4 до 10% гарнизона, а на стороне правительства еще меньше. Причем и без того явно недостаточные силы сторонников Временного правительства в ходе быстротечных событий 24—25 октября таяли буквально не по дням, а по часам и даже минутам. «В Петрограде сейчас, — телеграфировал Главнокомандующему Северным фронтом генерал для поручений при Керенском И. Левицкий, — не осталось ни одной части в полном смысле этого слова, на которую могло бы опереться правительство».

Исход борьбы в данной ситуации зависел не столько от значительности перевеса идущих за большевиками солдат петроградского гарнизона, сколько от того, поддержат ли правительство войска ближайшего к столице Северного фронта. Вот почему основной заботой большевиков было, во-первых, не дать правительству привлечь для подавления восстания войска с фронта, и, во-вторых, используя свой перевес сил в городе, как можно быстрее «добить» (по выражению Ленина) Временное правительство, с тем чтобы, если не исключить, то существенно ограничить колебания делегатов II съезда Советов, который по замыслу вождя большевиков, должен был не только политически закрепить успех борьбы за власть на улицах города, но и, овладев властью, создать в ее лице важнейшую предпосылку обеспечения победы ее сторонников по стране в целом, т.е. в Москве, на фронтах, в провинции.

Ударницы женского батальона

Справиться с первой проблемой большевикам «помогло» само Временное правительство и его глава — Керенский. В благостной надежде, подпитываемой заявлениями Штаба округа и его командующего Полковникова, что сил для подавления большевистского мятежа достаточно, они слишком поздно осознали необходимость вызвать с фронта подкрепление, причем незначительное. Только далеко за полночь с 24 на 25 октября, когда по распоряжениям ВРК силы восставших методично овладевали опорными пунктами столицы, генерал Левицкий передал Ставке приказы Керенского главкому Северного фронта генералу В. Черемисову направить полки двух казачьих дивизий со своей артиллерией, а также 23-й Донской казачий полк в распоряжение Полковникова.

Кроме явного запоздания с принятием, срыву выполнения этого приказа способствовала поистине загадочная история с его временной отменой в решающий момент открытого противоборства, когда чаша весов окончательно склонялась в сторону большевиков, по одной версии — Главковерхом Керенским, по другой — генералом Черемисовым.

Основанием же для отмены приказа о переброске фронтовых частей послужило принятое Временным правительством, на его последнем заседании без участия Керенского, решение о назначении особоуполномоченным по наведению порядка в

городе кадета Н. Кишкина, вследствие чего посылка войск в Петроград признавалась «бесцельной и даже вредной, так как очевидно войска на сторону Кишкина не станут».

Что касается второй проблемы — как можно скорее занять Зимний дворец и Главный штаб, парализуя политический и военный центры противника, и тем самым предопределить характер работы II Всероссийского съезда Советов, — то решение ее оказалось сопряженным с немалыми ошибками и издержками.

Прежде всего руководители восстания упустили реальную возможность уже в ночь с 24 на 25 октября без каких-либо осложнений захватить Зимний дворец и Главный штаб. Как справедливо считал Н. Суханов, охрана Зимнего в эти часы была совершенно фиктивна, а штаб, где провели ночь премьер и его заместитель, не охранялся вовсе. Штаб вместе с Керенским и Коноваловым можно было взять голыми руками.

Эта упущенная возможность стоила жизни нескольким участникам борьбы за обладание политическим и военным центрами правительственной власти и куда большему числу — ранениями. Порождена она была скорее тактическими просчетами руководителей восстания, чем неготовностью в тот момент вооруженных сил большевиков решить эту задачу, о чем пишет Р. Пайпс. Дело в том, что первоочередной захват Зимнего и штаба противоречил возобладавшему в большевистском ЦК стремлению действовать в ходе восстания предельно осмотрительно, избегая до поры до времени открытого вооруженного конфликта.

Подтверждает это выступление И. Сталина перед большевистской фракцией II съезда Советов, заседавшей днем 24 октября. «В рамках ВРК имеются два течения: 1) немедленное восстание; 2) сосредоточить сначала силы. ЦК РСДРП(б), — подчеркивал оратор, — присоединился ко 2-му». Особенно активно отстаивал оборонительную линию Л. Троцкий.

Выступления Сталина и Троцкого свидетельствовали о том, что вопреки настоятельным требованиям своего лидера действовать быстро и решительно, коллеги Ленина по ЦК придерживались в начале восстания иной тактики. Появление Ленина в Смольном внесло серьезные изменения в действия большевистского штаба восстания, направленные в сторону их всемерной активизации.

Заминка со взятием Зимнего не единственная оплошность, допущенная в ходе восстания и упорно замалчиваемая нашей доперестроечной исторической литературой. Если ей верить, то выходит, что, овладев рано утром 25 октября Центральной

телеграфной станцией, восставшие разом лишили Временное правительство и Штаб округа связи с их сторонниками как в городе, так и в стране в целом. Эта версия, проникшая даже в работы современных западных исследователей (А. Рабиновича, Р. Пайпса), опирается на сообщение, будто «Зимний дворец и штаб выключены из телефонной сети», содержащееся в Обращении ВРК от 25 октября, где желаемое выдавалось за действительное.

Кстати, содержание переговоров, которые вели министры Временного правительства со всеми теми, на чью поддержку они рассчитывали, показывает, что последняя «команда» Керенского, будучи осажденной в Зимнем дворце, отнюдь не являла собой состояние полной прострации, как это чаще всего изображалось в отечественной литературе доперестроечного времени. Упомянутые выше источники воспроизводят пусть и не беспристрастную, но в целом весьма достоверную зарисовку действий Временного правительства, его министров в критические дни 24—25 октября, — действий, хотя и малоэффективных, но далеких от демонстрации растерянности, паралича воли и незнания происходящего в столице.

Показательна, например, их попытка собрать в Зимнем днем 25 октября представителей Сеньорен-конвента (совета старейшин) Предпарламента, политических партий, а также центральных исполнительных комитетов Советов с тем, «чтобы большевики имели перед собой не только Временное правительство, но и всю демократию в лице представителей своих организаций». Затея продемонстрировать таким образом единство рядов российской демократии оказалось несостоятельной. «Все наши просьбы, а затем самые резкие заявления другим организациям и партиям, — признавался А. Никитин, — ни к чему не привели». Не менее безуспешным оказался и финал обращений за помощью к руководству столичных городских самоуправлений. От имени городских управ Петрограда и Москвы их руководители (городские головы) отвечали, что считают «невозможным организовать что-либо на основании лозунга “защита Временного правительства”, ибо за этим лозунгом никто не пойдет, и что необходимо выдвинуть лозунг охраны порядка и безопасности против большевиков». Вероятно потому, что эта попытка не удалась, у группы министров возникла мысль о нанесении по осаждающим внезапного удара с тыла силами боевиков эсеровской и других умеренно-социалистических партий. Активный сторонник идеи нанесения такого удара — А. Никитин обосновывал ее следующим образом: «Мы знали силы осаждающих, — писал он. — Если у нас было

около 800 штыков, то у нападающих — не более 1000, причем они состояли из сброда красногвардейцев, солдат различных полков и матросов. Они разбегались при каждой опасности, и достаточно было одной-двух сотен, чтобы они разбежались совсем».

Пренебрежение к противнику, плюс излишняя самоуверенность, которыми в канун Октября явно грешил этот деятель, сослужили ему и Временному правительству скверную службу. Но как бы то ни было, сведения Никитина о численном соотношении сил, осаждающих Зимний и осажденных, заставляют задуматься: а был ли столь велик перевес сил участников восстания над теми, кто оборонял дворец, как это традиционно утверждалось во всей нашей историографии (до перестройки)?

Но и из последней затеи ничего путного не получилось, поскольку руководители партий эсеров и меньшевиков, по словам Никитина, «боялись вызвать своих членов из полков и организовать отряды... боялись защищать правительство, ими самими же созданное, боялись потерять свою популярность».

Не получив реального подкрепления ни с фронта, ни от своих сторонников в городе, осажденные в Зимнем и других зданиях, были обречены. По мере того, как сжималось кольцо оцепления, как восставшие сначала в полдень 25 октября захватили Мариинский дворец по распоряжению ВРК и распустили Предпарламент, а к вечеру в их руках оказался и Штаб округа, усиливались колебания в рядах юнкеров, казаков и ударниц, охранявших Зимний дворец. Первыми покинули дворец, захватив с собой 4 пушки, юнкера Михайловского артучилища и броневики, команды которых ранее придерживались нейтралитета. За ними после предъявления осажденным ультиматума ВРК о сдаче настал черед казаков и ударниц. Временное правительство под впечатлением только что полученных сведений о скором подходе с фронта самокатчиков, а затем и нескольких полков казаков (на самом деле и те и другие были остановлены в пути), решили ни в какие сношения с ВРК не вступать и на предложение о сдаче не отвечать.

Напрасно прождав вместо 20 минут (как было определено ультиматумом) более двух часов, нападавшие по сигнальному выстрелу орудия с крейсера «Авроры» открыли стрельбу из винтовок и пулеметов. Под прикрытием огня несколько групп матросов, солдат и красногвардейцев проникли во дворец, но вскоре были разоружены юнкерами. На этом первый приступ завершился.

После передышки, поздно вечером, был начат артиллерийский обстрел Зимнего. Он велся с двух сторон: из Петропавловской крепости, а также из-под арки Главного штаба, где огонь вели 2 пушки, недавно отобранные у юнкеров. Всего по дворцу было сделано около 40 орудийных выстрелов преимущественно шрапнелью, которые больших разрушений зданию не причинили, но моральное воздействие на защитников Зимнего и министров оказали значительное.

О последних минутах Временного правительства министр земледелия С. Маслов спустя два дня рассказывал: «Около двух часов ночи в коридоре дворца раздался сильный шум. Стоявшая на охране группа юнкеров около 30 человек приготовилась к мужественному отпору прорвавшихся бунтовщиков. Но вмешательством членов Временного правительства столкновение было предотвращено. Ворвалась толпа вооруженных солдат, матросов и штатских во главе с Антоновым. В толпе раздались угрожающие крики и насмешки. Антонов именем революционного комитета объявил всех арестованными и начал переписывать присутствовавших». Министров ждали казематы Петропавловской крепости.

На следующий день в газетах будет напечатано, что при взятии Зимнего дворца погибли 6 человек и несколько десятков ранены.

За три с половиной часа до падения Зимнего дворца вечером 25 октября в Смольном открылся **II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов.** Состав съезда отражал расстановку политических сил преимущественно в городах и армии. Российскую деревню на нем представляли лишь посланцы Советов солдатских депутатов и тех немногих Советов, которые к этому времени существовали в качестве объединенных организаций рабочих, солдат и крестьян. Остальная часть тружеников села представительства на нем не имела, так как крестьянские Советы в ту пору олицетворяли далеко не все население деревни, а, главное, подчиняясь решению Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, они своих представителей на съезд не направили.

Обстановка вооруженного противоборства за власть, еще не завершившаяся взятием Зимнего, в которой съезд начинал свою работу, предопределила высокий накал политических страстей, выплеснувшихся уже на первом его заседании. Обвинив большевиков в организации и осуществлении военного заговора и захвата власти Петроградским Советом накануне съезда Советов, примерно третья часть делегатов съезда, принадлежащих к фракциям правых эсеров и меньшевиков-объеди-

ненцев, сразу же демонстративно ушла со съезда. Несколько позже, сославшись на то, что предложение их фракции вступить в переговоры со всеми социалистическими партиями о создании демократической власти не встретило сочувствия съезда, за ними последовали и меньшевики-интернационалисты во главе с Ю. Мартовым.

Пройдет какое-то время и некоторые из покинувших съезд поймут, что делать этого им не следовало. «Уходя со съезда, оставляя большевиков с одними левоэсеровскими ребятами и слабой группкой новожизненцев, — признавал Н. Суханов,— мы своими руками отдали большевикам монополию над Советом, над массами, над революцией. По собственной неразумной воле мы обеспечили победу всей линии Ленина...».

В перерыве между первым и вторым (ставшим, кстати, последним) заседаниями съезда днем 26 октября прошли заседания ЦК большевиков и их фракции этого съезда. Хотя протоколов этих заседаний не сохранилось, известно, что на них рассматривались и были одобрены написанные Лениным проекты Декретов о мире и о земле. Кроме них, большевистский ЦК рассмотрел и вопрос о создании советского правительства. Он обсуждался с участием трех представителей левых эсеров, которым было сделано предложение войти в состав правительства, но они отказались. Левоэсеровская фракция съезда настаивала на создании «однородного социалистического правительства» с участием в нем представителей партий и групп, ушедших со съезда. Но если создать такое правительство будет невозможно, левые эсеры соглашались поддержать правительство большевистского состава, не входя в него. Учитывая это, ЦК РСДРП(б) решил сформировать и представить на утверждение съезда сугубо большевистское правительство.

Сразу же на втором заседании съезда был оглашен **Декрет о мире**, встреченный бурной овацией и принятый единогласно.

Следующим на съезде решался вопрос о земле. Без единой поправки и почти с тем же единодушием (при одном голосе против и восьми воздержавшихся) 625 делегатов съезда приняли **Декрет о земле**, в основу которого вождь большевиков положил сводный крестьянский наказ, составленный эсерами на основании 242 наказов с мест делегатам I Всероссийского крестьянского съезда, который состоялся в мае 1917 г.

Ссылаясь на это, редкие авторы, пишущие ныне о 1917 г., не обвиняют большевиков в присвоении названного документа, в заимствовании у эсеров их программы социализации земли, душой которой являлась идея уравнительного землепользования. При этом односторонне акцентируется внимание на том

факте, что в декрет были включены лозунги уравнительного землепользования и запрещения наемного труда в сельском хозяйстве, противоречащие большевистской аграрной программе и составляющие сердцевину эсеровской социализации земли. В то же время замалчивается, что другие требования Декрета о земле и включенного в него примерного крестьянского наказа (безвозмездная отмена частной собственности на землю, превращение всей земли в общественное достояние, конфискация живого и мертвого инвентаря помещиков и передача его, а также высококультурных имений государству или крестьянским общинам) фактически совпадали с аграрной программой большевизма.

Большевистский Октябрьский переворот крестьянство страны встретило весьма сочувственно, поскольку первыми его декретами удовлетворялись насущные требования тружеников села — мира и земли. Иное дело, когда получив на основе Декрета о мире дорогостоящую передышку весны 1918 г., а на основе аграрных законодательных актов октября 1917 — января 1918 гг. — помещичью землю, крестьянство России не без участия в этом новой власти в скором времени было ввергнуто в пучину братоубийственной Гражданской войны и лишилось права распоряжаться результатами своего труда на земле.

В завершающей стадии своей работы съезд принял предложенное большевистской фракцией «Постановление об образовании нового правительства». В нем говорилось: «Образовать для управления страной впредь до созыва Учредительного Собрания Временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров». Контроль над деятельностью народных комиссаров и право смещения их принадлежали Всероссийскому съезду Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и его Центральному Исполнительному Комитету.

Совнарком, как стали сокращенно называть новое правительство, имел структуру, аналогичную Временному правительству, но в нем вместо министра по вероисповеданию значилась должность председателя по делам национальностей. Состав правительства был таков: Председатель В. Ульянов (Ленин), нарком по внутренним делам А. Рыков, земледелия — В. Милютин, труда — А. Шляпников, по военным и морским делам — комитет в составе В. Антонов (Овсеенко), Н. Крыленко и П. Дыбенко, по делам торговли и промышленности — В. Ногин, народного просвещения — А. Луначарский, финансов — И. Скворцов (Степанов), иностранных дел — Л. Троцкий (Бронштейн), юстиции — Г. Ломов (Оппоков),

продовольствия — И. Теодорович, почт и телеграфов — Н. Авилов (Глебов), по делам национальностей — И. Сталин (Джугашвили). Пост наркома по железнодорожным делам временно остался незамещенным.

Хотя левые эсеры и меньшевики-новожизненцы были не согласны с формированием на съезде правительства, предлагая ограничиться избранием Временного исполнительного комитета, чтобы посредством его добиться соглашения с социалистами, которые ранее ушли со съезда, большинством голосов постановление и список нового правительства, состоящий из одних большевиков, были утверждены.

Съезд избрал и новый **Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет** (ВЦИК) в составе 101 человека, из которых 62 были большевиками и 29 левыми эсерами, 6 меньшевиками-интернационалистами и 4 представителями иных левых групп. Председателем его стал Л. Каменев (Розенфельд). На этом в 5 часов утра 27 октября съезд закончил свою работу.

Поход Керенского — Краснова и юнкерский мятеж в столице

Быстротечность этого большой исторической значимости съезда объяснялась на редкость сложной обстановкой, в которой оказалась новая, только что начавшая обретать контуры советской легитимности рабоче-крестьянская по названию, но сравнительно более узкая по своей социально-политической опоре и однопартийно-большевистскому составу, власть.

Первая реальная угроза утверждению этой власти возникла буквально через час-другой после закрытия II Всероссийского съезда Советов. Тогда на рассвете 27 октября на станцию Гатчина-Товарная внезапно прибыл 12-ти эскадронный отряд казаков 3-го конного корпуса, который Керенскому и командиру корпуса генералу Краснову удалось собрать под Псковом и бросить на Петроград. Казаки разоружили разгружавшийся на станции эшелон солдат и матросов-балтийцев, направленный сюда для защиты подступов к столице. В тот же день казаками была взята и Гатчина, гарнизон которой заявил о своем нейтралитете, а юнкера школы прапорщиков Северного фронта и военно-авиационной школы перешли на сторону красновцев. Воспрянувший после этого успеха Верховный главнокомандующий Керенский объявил город на военном положении и отправил телеграмму войскам петроградского гарнизона с предложением «вернуться не медля ни часу к исполнению своего долга». Воспользовавшись неорганизованностью революцион-

ных войск, красновцы развили успех, взяв утром 28 октября Царское Село, расположенное в 25 км от столицы.

Начать последний бросок на Питер Керенский и Краснов намечали на 30 октября, предварительно получив ожидаемые от Ставки подкрепления. Военачальники ряда соединений Северного фронта получили приказы спешно отправить вверенные им части по железной дороге, «высадиться в районе Царского Села или на ст. Тосно... и оттуда повести энергичное наступление для захвата всех вокзалов, почты, телеграфа, Смольного института, Мариинского дворца и Зимнего, штаба Петроградского округа». «Самый план наступления, — ставил в известность начальник 3-й пехотной дивизии командиров двух подчиненных ему полков, перебрасываемых под Петроград, — будет дан Верховным главнокомандующим на месте», предупреждая их, что «напрасное кровопролитие недопустимо, в боевых же делах патронов против восставших не жалеть».

Готовясь к наступлению, красновцы, имевшие, кроме конницы бронепоезд и броневик, пополнились тяжелой артиллерией из Павловска и царскосельской военной радиостанцией, одной из самых мощных в стране, которая круглосуточно стала передавать воззвания Керенского к стране и фронту. В ночь с 31 октября на 1 ноября представители московского ВИКЖеля получили через нее от министра внутренних дел Никитина, выпущенного большевиками вместе с другими министрами-социалистами из шлиссельбургских казематов на свободу, телеграмму, гласившую: «События в Петрограде развиваются благополучно. Керенский с войсками приближается в Петроград. В петроградских войсках колебание. Телефонная станция занята юнкерами. В городе происходят стачки. Население относится к большевикам с ненавистью. Комитет спасения принимает меры изолирования большевиков. Временное правительство принимает меры к восстановлению деятельности всего правительственного аппарата при полной поддержке служащих. Широко опубликуйте в России».

В самом же Петрограде «Комитет спасения Родины и революции» энергично готовил восстание юнкеров, приурочиваемое к моменту подхода казаков к столице. Командовать повстанцами был назначен полковник Г. Полковников. Ночью 29 октября планы штаба повстанцев стали известны ВРК. Поэтому «Комитет спасения» приказал, не дожидаясь начала наступления войск Керенского—Краснова, выступить немедленно. Внезапность выступления вначале обеспечила отдельные успехи повстанцев. Так, юнкера Николаевского училища напали на Михайловский манеж и захватили не-

сколько броневиков. Под их прикрытием юнкера двинулись к Центральной телефонной станции и взяли ее, лишив таким образом телефонной связи Смольный, Петропавловскую крепость и некоторые другие здания, находившиеся под контролем ВРК. Отряды других училищ сумели захватить Государственный банк и ряд других стратегически важных объектов.

Но для развития успеха наличных сил юнкеров оказалось недостаточно. Казаки же опять, как и в дни большевистского выступления, подвели своих партнеров по антибольшевистскому заговору. Как писал член «Комитета спасения» В. Игнатьев, тщетно «дедушка русской революции» Н. Чайковский и бывший председатель Предпарламента Н. Авксентьев ночью 29 октября лично ездили к председателю Совета Союза казачьих войск А. Дутову, «умоляли сдержать слово и двинуть казачьи части на помощь юнкерам: казаки не пошли».

Собрав крупные силы красногвардейцев и солдат гарнизона, ВРК их силами сумел блокировать основную часть юнкеров на территории училищ, лишив их возможности соединиться. Большинство участников восстания сдалось в этот день без боя. Но чтобы взять Владимирское и Николаевское училища, солдатам и красногвардейцам пришлось налаживать настоящую осаду, пускать в ход порой даже артиллерию. Нелегко оказалось выбить юнкеров из телефонной станции и Госбанка. Но к вечеру 29 октября последние очаги восстания были подавлены.

Выступление юнкеров и его ликвидация стоили обеим сторонам больших потерь: общее число убитых и раненых достигло 200 человек, что во много раз превышало количество пострадавших при взятии Зимнего дворца.

Подавление восстания юнкеров резко снизило шансы на успех войск Краснова—Керенского. Возможность нанесения согласованного удара с фронта и тыла по силам большевиков была, таким образом, утрачена. Надежды получить обещанные Ставкой подкрепления не оправдались. Большевики же использовали передышку для того, чтобы подтянуть на передовую линию значительные силы, которые к 30 октября имели более чем десятикратный перевес над противником, наладить управление войсками.

Решающее сражение произошло 30 октября на Пулковских высотах. Оно сначала шло с переменным успехом, но в конце концов сказалось подавляющее численное превосходство большевистских сил. Под угрозой окружения красновцы вынуждены были отступить в Гатчину. После этого поражения в их рядах

возобладали настроения прекратить бессмысленную борьбу на стороне Керенского. В ходе переговоров, которые вел со стихийно возникшим комитетом рядовых казаков П. Дыбенко, был подписан договор. Согласно ему, казаки обязывались передать Керенского в распоряжение ВРК для предания гласному суду при условии, что им, а также всем юнкерам и офицерам, принимавшим участие в борьбе, будет гарантирована полная амнистия и беспрепятственный проезд домой. Чтобы выиграть время, Дыбенко, получив в ходе переговоров сообщение, что к Гатчине на помощь красновцам приближается эшелон ударников, согласился включить в документ и пункт о том, что Ленин не должен входить в правительство, пока не опровергнуты обвинения его в измене. За этот поступок герой красного октября, только что избранный II Всероссийским съездом Советов членом Комитета по военным и морским делам первого советского правительства, едва не попал под ревтрибунал. Керенский же сумел скрыться, переодевшись в форму матроса и нацепив автомобильные очки. Проведя нелегально еще более полугода в стране, он при активном содействии английского дипломата масона Локкарта сбежал за границу, где безбедно провел оставшиеся 52 года своей долгой жизни.

Московская «кровавая неделя»

Во второй столице овладеть властью столь легко и быстро, как в первой, большевикам не удалось. Причины тому были разные. Во-первых, руководство московских большевиков не сумело подготовиться к захвату власти, поскольку основная его часть скорее разделяла позиции Каменева и Зиновьева, нежели Ленина и его единомышленников. Как сообщил 20 октября на заседании ЦК РСДРП(б) М. Урицкий «большинство делегатов в Москве высказалось против вооруженного восстания». Имелись, очевидно, в виду московские делегаты II съезда Советов. Фактор известной нерешительности в действиях московского большевистского руководства давал о себе знать и в процессе вооруженной борьбы, шедшей на улицах Москвы с перерывами почти в течение недели — **с 27 октября по 2 ноября**. Во-вторых, силы, противостоящие большевикам в Москве, оказали им гораздо более организованное и упорное сопротивление.

Следует отметить и еще одно немаловажное обстоятельство. Ни накануне выступления, ни в ходе него большевики Москвы столь явного перевеса сил, который наблюдался в Петрограде, не имели. Солдатам московского гарнизона неприятная

перспектива близкой отправки на фронт не грозила и потому повальных антиправительственных настроений в их среде не было. К тому же Совет солдатских депутатов Москвы, не будучи тогда объединенным с большевизированным Советом рабочих депутатов, состоял в основном из сторонников умеренно-социалистических партий и течений, что тоже существенно повышало шансы руководителей антибольшевистского блока добиться по крайней мере нейтралитета значительного числа воинских частей гарнизона в разгоравшейся схватке за овладение властью.

Все перечисленные и иные факторы не могли не придать борьбе за власть в Москве особого накала и упорства, а отражению ее в историографии — налета ярко выраженной тенденциозности. Если советские исследователи едва ли не все сложности этой борьбы сводили к издержкам непоследовательности руководства со стороны местных большевиков, то в западных, откровенно антикоммунистических трудах, аналогичные просчеты усматриваются в деятельности лидеров противобольшевистского лагеря. Так, Р. Пайпс считает, что если бы представители Временного правительства в Москве действовали более решительно, в чем была некоторая доля справдливости, поскольку командующий войсками округа полковник Рябцев в ходе «кровавой недели» действовал, по мнению многих, безынициативно (поэтому офицеры, верные Временному правительству, обращались к генералу А. Брусилову принять командование округом на себя, но тот отказался), борьба за власть могла бы закончиться для большевиков катастрофой.

Достаточно обратиться к конкретным сведениям из истории противоборства сил большевиков и их противников за власть, чтобы убедиться в явной пристрастности данной и прямо противоположной точек зрения. Вот некоторые наиболее существенные из этих фактов.

Известие о решающих событиях в Петрограде ночью с 24 на 25 руководители московских большевиков получили около 12 часов дня 25 октября. Вскоре было созвано совместное заседание Московского областного бюро, городского и окружного комитетов РСДРП(б), на котором был создан партийный центр по руководству восстанием — семерка в составе: И. Стукова, В. Яковлевой, О. Пятницкого, М. Владимирского и В. Соловьева (от этих трех органов), Е. Ярославского и Б. Козелева (соответственно от Военной организации и профсоюзов). Центр наделялся диктаторскими полномочиями: решения его были обязательны для всех партийных организаций

и большевиков, входивших в Советы рабочих и солдатских депутатов.

В тот же день намечалось созвать объединенный пленум Советов рабочих и солдатских депутатов (в Москве эти два Совета существовали раздельно) и на нем избрать Советский центр по руководству восстанием — ВРК.

Но время не ждало и потому уже до пленума Совета партийный центр предпринял ряд шагов, направленных к взятию власти: установил караулы большевистски настроенных солдат у почтамта и телеграфа (хотя эта мера как и в Петрограде не помешала противникам большевиков свободно пользоваться связью для координации действий), по его указанию были закрыты редакции буржуазных газет. Тогда же от большевистской фракции Совета рабочих депутатов в районы города была направлена телефонограмма о приведении в готовность всего боевого аппарата, установлении дежурства членов исполкомов районных Советов, но оговаривалось, что без директив центра никаких действий не предпринимать. В свою очередь, от Московского губернского Совета в уездные города пошло указание создавать на местах пятерки, «обладающие всей властью». От Московского областного бюро были разосланы соответствующие зашифрованные указания в города области, объединявшей 13 центральных губерний страны.

В 6 часов вечера собрался объединенный пленум Московских Советов. На нем большинством в 394 голоса против 106 при 23 воздержавшихся была принята большевистская резолюция по текущему моменту и избран ВРК из 7 членов и 6 кандидатов, из которых 8 большевиков, 2 меньшевика и 3 объединенца. Эсеры войти в его состав отказались. Тем же вечером ВРК издал Приказ № 1, согласно которому гарнизон приводился в боевую готовность, и никакие распоряжения, не исходящие от ВРК, исполнению не подлежали. Чтобы овладеть Кремлем, представлявшим собой одновременно и крепость, которая господствовала стратегически над городом, и арсенал с оружием, столь необходимым для красногвардейцев и для плохо вооруженных запасных полков гарнизона, ВРК назначил туда своих комиссаров и усилил его охрану еще одной ротой революционно настроенных солдат. Но попытка вывезти из Кремля оружие не удалась, так как крепость была блокирована отрядами юнкеров.

Воздерживаясь от открытых наступательных действий в центре города, где перевес сил был на стороне противника, Московский ВРК использовал методы борьбы, только что успешно апробированные большевиками Петрограда. Сообщая в

районы города полученную утром 25 октября радиотелеграмму о низвержении правительства и переходе власти в руки Петроградского ВРК, Московский Военно-революционный комитет дал им директиву перейти к «самочинному выступлению под руководством районных центров», в целях «осуществления фактической власти Советов района, занимать комиссариаты». Тогда же, очевидно, чтобы усыпить бдительность противника и выиграть время для мобилизации всех своих сил, ВРК вступил в переговоры со штабом округа. Командующий войсками округа полковник Рябцев (по другим данным его фамилия — Рябцов) пошел на них, преследуя аналогичные цели, так как имел сведения о переброске Ставкой войск с фронта в Москву и надеялся с их прибытием одним ударом покончить с восставшими.

Таким образом, беспредметно далее дискутировать вопрос, какая из сторон совершила бóльшую ошибку, участвуя в переговорах в надежде тактически переиграть друг друга. Фактор времени эффективнее сумели использовать большевики, которые мобилизовали свои силы и получили подкрепление не только из городов Подмосковья, но из Петрограда, Минска и других мест. Их же противники в основном должны были довольствоваться сообщениями из ставки, а также от главкомов Западного и Юго-Западного фронтов о посылке на помощь им верных правительству войсковых частей. Так, 28 октября Рябцев получил следующую депешу от начальника штаба ставки Духонина: «Для подавления большевистского мятежа посылаю в Ваше распоряжение гвардейскую бригаду с артиллерией с Юго-Западного фронта. Начинает прибывать в Москву 30 октября с Западного фронта артиллерия с прикрытием...» Одновременно городскому голове В. Рудневу приходит телеграмма от главкома Западного фронта: «На помощь против большевиков в Москву движется кавалерия. Испрашиваю разрешение ставки послать артиллерию...»

Сведения о движении этих войск с мест поступали в Московский Совет и его Военно-революционный комитет. «Вторично сообщаем: в г. Вязьме по Александровской ж.д. хочет пробраться в Москву эшелон с казаками», — эта телеграмма 1 ноября поступила им от порайонного ВРК названной дороги. Тот же адресат сообщал и о том, что от Малоярославца двигаются те казаки, которые громили Совет в Калуге. Эти казаки, арестовавшие в преддверие большевистского выступления членов Калужского Совета, по печати были хорошо известны москвичам и легко представить, какое впечатление должно было произвести данное известие, просочившееся руководителям

московского восстания через телеграмму в адрес нейтрального ВИКЖеля.

Вести такого рода сторонникам Временного правительства, которых возглавлял специально прибывший с этой целью утром 27 октября из Питера министр продовольствия внефракционный социал-демократ С. Прокопович, придавали уверенность в успехе. Но опережая развитие событий, заметим, что обещанная помощь им так и не пришла, если не считать сведений о том, что 30 октября на Брянском вокзале Москвы высадились ударники из одноименного города. Правда, они тут же сдались восставшим, заявив, что их обманным путем доставили во вторую столицу якобы для получения обмундирования. «Вести о подходе войск, приходившие ежедневно, — признавал позже в своем докладе на заседании московского городского комитета трудовой народно-социалистической партии товарищ городского головы Г. Филатьев, — оказывались ложными и создавали ужасное настроение...»

Тем не менее первые 3—4 дня борьба в Москве шла с попеременным успехом. В районах города, в особенности на рабочих окраинах, где явный перевес сил был на стороне большевиков, восставшие овладели электростанцией и основными вокзалами. В центре же города успех некоторое время сопутствовал верным правительству силам, костяк которых составляли, как и в Питере, офицерские отряды и юнкера военных учебных заведений, а также боевые дружины эсеров, студентов и гимназистов.

Оттеснив отряды восставших от почты и телеграфа, они лишили гарнизон Кремля связи с ВРК и вынудили его утром 28 октября сдаться. Штурма его юнкерами, о котором пишет Р. Пайпс, не было, так как гарнизон Кремля сдался без боя, полагая, что город полностью находится в руках Комитета общественной безопасности, созданного городской думой 25 октября для организации борьбы с большевиками. Тогда же отряд, насчитывающий 50 казаков и 100 юнкеров, совершил вылазку на Ходынское поле, где дислоцировалась нейтрально настроенная артиллерийская бригада, захватив 2 орудия и вынув замки у многих других, но не у всех орудий.

Критические обстоятельства вынудили ВРК прибегнуть к применению чрезвычайных мер. По его призыву с утра 28 октября началась всеобщая политическая стачка рабочих московских заводов и фабрик, которая укрепила моральный дух восставших. Срочно было созвано общее собрание представи-

телей воинских частей гарнизона, которое заявило о всемерной поддержке ВРК, предложив распоряжений штаба округа и Комитета безопасности не признавать. Ввиду того, что исполком Совета солдатских депутатов продолжал находиться под влиянием умеренных социалистов, для контакта с ВРК собрание избрало временный орган этого Совета. 29 октября положение в Москве изменилось в пользу восставших. Им удалось очистить от юнкеров Тверскую улицу, занять Малый театр и здания градоначальства на Тверском бульваре, окружить Алексеевское военное училище и кадетские корпуса в Лефортово, защитники которого на следующий день сложили оружие.

В этой ситуации ВРК принял предложение Всероссийского исполнительного комитета железнодорожников (ВИКЖель) о посредничестве в переговорах с противной стороной и для их ведения объявил перемирие до 12 часов ночи 30 октября, приказав своим войскам немедленно прекратить всякие активные действия и стрельбу. Во всей советской историографии этот шаг ВРК однозначно характеризуется как глубоко ошибочный. Да, с Комитетом общественной безопасности договориться не удалось. Перемирие до истечения этого срока ВРК должен был прекратить.

Но возобновив военные действия, представители ВРК не только пошли на новые переговоры — на сей раз с делегацией Московского губернского Совета крестьянских депутатов, возглавляемой меньшевиком-интернационалистом Е. Литкенсом (в 1921 г. он вступит в партию большевиков, станет заместителем наркома просвещения РСФСР), но и подписали с ней соглашение. Условиями соглашения предусматривалось, что власть в Москве должна принадлежать органу, выдвигаемому Советом рабочих и солдатских депутатов, причем этот орган кооптирует в свой состав представителей ряда общественных организаций: городской и районных дум, профсоюзов, Совета крестьянских депутатов и др. Это соглашение помогло большевикам нейтрализовать Исполком Совета крестьянских депутатов Московской губернии и тем самым в решающий момент внести раскол в блок своих политических противников.

Негативная оценка перемирия никак не объясняет причин, по которым ВРК должен был согласиться на такой шаг. А суть дела состояла в том, что ВРК принял это решение днем 29 октября, считаясь с резким ухудшением ситуации в Питере и на подступах к нему: мятеж юнкеров, взятие войсками Керенского—Краснова Гатчины и Царского Села. Отмах-

нуться от предложения ВИКЖеля относительно переговоров не рискнул в данной обстановке даже неуступчивый Ленин со своими сторонниками в ЦК РСДРП(б), а в Москве соотношение сил между ленинцами и единомышленниками Каменева было гораздо опаснее для первых, чем в ЦК. Московский ВРК прервал перемирие после того, как был подавлен мятеж юнкеров в Питере и рухнули надежды противников большевистского режима на изменение результатов борьбы за власть в столице. Именно тогда московский ВРК принял решение об артиллерийском обстреле опорных пунктов противника, в том числе и Кремля. Огонь открыли более 20 орудий разного калибра. В руководстве московских большевиков были и люди, предлагавшие бомбить Кремль с воздуха, используя аэропланы. Активным сторонником такой меры являлся Н. Бухарин, который даже позже сожалел, что ВРК не решился посредством бомбардировки «разрушить совиные гнезда контрреволюционных штабов». Кстати, как видно из разговора Ставки с помощником Рябцева, встречный обстрел повстанцев из кремлевских орудий вели и юнкера.

Под прикрытием артиллерии отряды повстанцев вели наступление по всем направлениям. Руководители Комитета общественной безопасности тщетно умоляли Ставку и командование ближайшего к Москве Западного фронта прислать на помощь надежные войсковые части — таковых не было. Днем 2 ноября Кремль оказался в плотном кольце окружения. Сопротивление юнкеров ослабевало. Бессмысленность дальнейшей борьбы для них стала ясна еще днем раньше, когда в московских газетах появилось сообщение, что войска Керенского у Гатчины разбиты и отступают, и что выступление юнкеров в Питере окончательно подавлено.

Вот почему утром 2 ноября председатель Комитета общественной безопасности городской голова Руднев направил в ВРК письмо, в котором сообщалось, что при «данных условиях Комитет считает необходимым ликвидировать в Москве вооруженную борьбу, перейдя к мерам борьбы политической». Вечером того же дня ВРК издал приказ, извещавший, что враг сдался и что вся власть в руках ВРК.

Московский успех большевиков закреплял победу, одержанную в Петрограде. А оба эти успеха предопределяли установление новой власти во всей стране.

§6

Установление новой власти в российской провинции

Историографические заметки

В нашей историографии Октября процесс организации и начала деятельности новых органов государственного управления в российской провинции чаще всего покрывался догматически истолкованной ленинской формулой сплошного триумфального шествия Советской власти по городам и весям необъятной страны. Как справедливо заметил в свое время С. Мельгунов, занимавшийся изучением этого вопроса, страна в ту пору «отнюдь не подчинялась молчаливо директивам, которые как бы шли из столицы».

Еще более сомнительное толкование давал Л. Троцкий, уподоблявший отзвуки на «красный» Октябрь февральскому 1917 г. революционному половодью «по телеграфу», охватившему Россию. «Большевистский политический телеграф, — не без сарказма высказался по данному поводу тот же Мельгунов, — во всяком случае работал довольно неисправно». В качестве прямого опровержения Троцкого этот историк приводит опубликованный большевистской «Правдой» 11 ноября 1917 г. (т.е. через две недели после Октябрьского восстания в Петрограде) список важнейших городов, где власть к этому времени находилась в руках Советов. В их числе оказались даже уездные города — Серпухов, Подольск, Орехово-Зуево. Более того, в список почему-то попали города, где никакой Советской власти еще не было — Киев, Одесса, Нижний Новгород, Ростов-на-Дону и др.

Правда, в качестве реальной альтернативы большевистскому Октябрю в Петрограде и Москве сам Мельгунов, оспаривавший заявление бывшего министра юстиции последнего состава Временного правительства П. Малянтовича об отсутствии у этого правительства осенью 1917 г. должной массовой опоры в российской глубинке, ссылался на малоубедительный пример провинциальной Калуги. В этом городе Дума на совместном заседании с представителями политических партий, Советов, профсоюзов и воинских частей 26 октября вынесла по текущему моменту резолюцию — торжественную клятву в готовности

отдать «силы, жизнь и имущество граждан в распоряжение Временного правительства». Более того, когда резервный состав Временного правительства подпольно возобновил работу в Петрограде, его калужские сторонники выразили желание принять это правительство у себя, чтобы обеспечить нормальные условия его деятельности.

Но не успели они выступить с этим предложением, как власть из их рук перешла к так называемому революционному социалистическому комитету — местной модели однородно-социалистического правительства, просуществовавшей всего две недели, прежде чем уступить место советовластию. «Опыту Калуги, — должен был признать С. Мельгунов, — суждено было, в сущности, остаться эпизодом. Но эпизод мог бы быть и во всероссийском масштабе (черты, отмеченные в Калуге, могут быть отмечены в ряде провинциальных городов)».

Правда, первая часть калужского эпизода больше наводит на мысль, что ближе к истине был П. Малянтович, когда утверждал, что Временное правительство в дни петроградского выступления большевиков оказалось лишенным поддержки сколько-нибудь широких кругов российского общества, чем позволяет оспаривать его вывод. Ведь верноподданническое отношение калужской правящей элиты к последнему составу Временного правительства — явление скорее исключительное, чем типичное для страны в целом. Дело в том, что в Калуге команде Керенского удалось буквально за неделю до октябрьских событий в Петрограде нанести поражение своему основному политическому противнику — большевизму.

Мнение С. Мельгунова о том, что калужские события имеют определенные типичные для российской провинции проявления, справедливо применительны главным образом ко второй их части, связанной с существованием здесь в течение примерно двухнедельного срока местной разновидности однородно-социалистической власти. Идея такого решения вопроса о власти имела в ту пору в российской провинции весьма значительное количество своих приверженцев. Одно это обстоятельство показывало наличие на местах в ходе революции возможностей выбора того или иного пути решения проблемы власти в зависимости от конкретного соотношения социальных и политических сил, ряда других факторов как объективного, так и субъективного порядка.

Проблема выбора пути общественного развития применительно к стране в целом в современной исторической литературе ставится и освещается чаще всего в отвлеченно-теоретическом плане, без должной опоры на анализ конкретных данных о том,

как решался на местах один из основных ее вопросов — вопрос о власти. Между тем разнообразие местных условий, в которых происходила российская революция, предопределило такую пестроту темпов и форм организации власти, что без учета этого обстоятельства судить о сколько-нибудь реальных (а не абстрактных) альтернативах октябрьским событиям в Петрограде и Москве практически не возможно.

Едва ли не самая вероятная в России осенью 1917 г. альтернатива — социалистически-демократическая — исследователями чаще всего связывается с идеей однородно-социалистического правительства. Но как показал опыт первого послеоктябрьского кризиса большевистского режима, возникшего в процессе переговоров с ВИКЖелем (подробнее об этом см. § 1 следующей главы), шансы на торжество такого пути в центре страны были невелики, ибо в верхах большевистской партии сил у его активных сторонников оказалось явно недостаточно, чтобы одолеть экстремистски настроенных вождей — Ленина и Троцкого. Несколько иная ситуация наблюдалась, как уже отмечалось, в Москве, а также особенно отчетливо на местах, в российской провинции.

Советско-земские, советско-думские и иные коалиционные органы власти в провинции

Во многих губерниях не только окраин, но в центральной части страны (Калужская губерния, о которой уже шла речь, не представляла в этом отношении исключения) неблагоприятная для большевиков расстановка сил в октябре—ноябре 1917 г. обусловила трудную и порой длительную борьбу за овладение властью. **Весьма распространенным явлением в провинции были коалиционные органы власти, в состав которых наряду с представителями Советов входили и те, кто олицетворял структуру местного самоуправления — земства и городские думы, а также политические организации преимущественно умеренно-социалистической ориентации и профессиональные союзы.**

Участие местных большевиков в коалициях с органами городского и земского самоуправления и общественными организациями, в которых преобладали умеренно-социалистические элементы, отнюдь не осуждалось в ту пору партийными верхами, как это позже стало освещаться в советской исторической литературе. Оно выражало обоюдное стремление как той, так и другой стороны к достижению политического консенсуса с тем, чтобы предотвратить чреватое жертвами вооруженное

противоборство. Такого рода практика имела место, кроме уже упоминавшейся Калуги, в Костроме, Рязани, Курске, Туле, Перми, Вологде и некоторых других губернских городах Европейской России.

Еще большее распространение она получила на аграрных окраинах страны. Формы и условия соглашений, лежавших в основе коалиционных органов власти, были самыми разнообразными. На Дону — это Военно-революционный комитет «объединенной демократии», в который наряду с меньшевиками и эсерами в целях создания единого антикалединского фронта вошли большевики Ростова-на-Дону и Таганрога. В Астрахани — Комитет народной власти, где большинство принадлежало советско-социалистическим элементам. В Томской губернии коалиция строилась на паритетных началах, т.е. на равном представительстве от советских и несоветских организаций. В Забайкальской области Народный совет был образован на основе пропорционального представительства от каждой из трех групп сельского населения (крестьян, казаков, бурят), а также Советов рабочих и солдатских депутатов, городских самоуправлений. В партийном отношении он представлял воплощение идеи «однородно-социалистической власти». На Дальнем Востоке III краевой съезд Советов и Приморское областное земское собрание, в котором временно возобладали левые элементы меньшевиков и особенно эсеров, создали на коалиционных началах Краевой комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и местных самоуправлений. В Красноярском уезде Енисейской губернии возник объединенный комитет Совета крестьянских депутатов и уездной земской управы, чему способствовало признание Советской власти левоэсеровским руководством местного земства. Дальневосточная коалиция тоже фактически строилась на советской платформе, поскольку левоэсеровские представители Приморского областного земства входили в Краевой комитет советов и самоуправлений на правах меньшинства, а, главное, проводили в жизнь принципы советской политики.

Аналогичный по содержанию, но несколько иной по форме компромисс заключили в начале 1918 г. большевики Терека. Чтобы предотвратить межнациональную рознь и сплотить все революционно-демократические силы, они вошли в социалистический блок, в котором наряду с керменистами (революционно-демократической организацией Осетии), состояли эсеры и меньшевики.

Очень похожие друг на друга случаи заключения соглашений на предмет создания коалиционных органов власти как

средства быстрейшего прекращения боевых действий там, где установление новых порядков сопровождалось ожесточенной вооруженной борьбой, имели место в Смоленске, Иркутске и, как уже говорилось, во второй столице страны — Москве.

В нашей отечественной литературе советского времени если и писалось о таких коалициях, то только как о неких промежуточных, переходных структурах на пути к так называемому полному советовластию. История большевистской революции сложилась так, что в конце концов коалициям было суждено объективно сыграть именно эту несамостоятельную роль временных средостений между дооктябрьской государственностью и диктатурой большевистских верхов, во что перманентно стала в дальнейшем превращаться власть Советов. Между тем генетически в них были заложены **два разных начала — органов государственной власти** (пролетарской диктатуры в ее большевистской радикальной форме) и **органов демократического самоуправления трудящихся.**

Но коль скоро речь идет о потенциальных возможностях, которые в той или иной степени были сопряжены с возникновением и деятельностью советско-земских, советско-думских и иных коалиционных органов власти на местах, ограничиться только такой констатацией было бы недостаточно. К тому же опубликованные в последнее время документы и материалы позволяют глубже проникнуть в сущность межпартийных отношений, складывавшихся внутри таких коалиционных структур, по-новому взглянуть на возможные альтернативы пролетарской диктатуре в ее экстремистски заостренных большевистскими лидерами формах.

Иначе говоря, есть основания видеть в широкой практике создания и деятельности коалиционных органов власти шаги российской революции, направленные на воплощение в жизнь идеи консенсуса между социалистами неодинаковой ориентации при решении вопроса о власти. Все это не позволяет согласиться с мнением Р. Пайпса, будто власть большевиков распространялась по стране вопреки воле Советов и что она чаще всего «завоевывалась силой оружия».

До сих пор речь шла о случаях создания коалиционных органов власти в масштабах краев, областей, губерний, городов и уездов. **Что же касается положения дел в условиях деревенской глубинки, то здесь идея коалиции при формировании органов местного самоуправления жила значительно дольше, чем в городах.** Даже, когда из центра уже шли директивы об упразднении земств и передаче их функций вновь создаваемым волостным и сельским Советам, крестьяне далеко не сразу

принимали такую схему перестройки органов местного самоуправления, сопряженную с ломкой их прежних структур. На смену земствам нередко приходили не Советы, а управления и комитеты, именуемые иногда крестьянской властью. Советская пресса того времени сообщала, что многие волости и особенно казачьи станицы воздерживаются от организации Советов, заводя у себя своеобразные исполнительные комитеты, стоящие лишь на платформе советской власти, но по роду своей деятельности имеющие мало общего с принципами таковой.

Не менее показательно и то, что крестьяне порой были склонны не перестраивать структуру органов низовой власти, а просто переименовать ее, не считаясь с требованиями центра соблюдать классовый подход в организации снизу доверху системы государственного управления и самоуправления. Симптоматично и другое: в некоторых местностях сравнительно длительное время сосуществовали деревенские Советы и земства, по-хозяйски мудро разделяя сферы своего влияния на селе и обеспечивая тем и другим органам широкое право инициативы во всех вопросах местной жизни.

В свете всего этого требует серьезных корректив традиционная характеристика периода с 25 октября 1917 г. по март 1918 г. как времени триумфального марша Советской власти. Хотя в рамках данного периода определяющей тенденцией был относительно быстрый переход власти к Советам, но наличие ее не исключало внутренней противоречивости проявлений данной тенденции в каждом конкретном случае.

Спрашивается: почему при всей почвенности советско-земских и иных коалиций в российской провинции конца 1917 — начала 1918 г. демонстрируемая ими модель сравнительно безболезненного решения вопроса о власти не стала магистральной в рамках страны в целом? Хотя в современной историографии встречается мнение, будто народные низы в Октябрьской революции действовали левее партии большевиков и тем самым радикализировали линию поведения последней, согласиться с ним нельзя.

Потенциальная возможность коалиционной модели решения вопроса о власти на местах могла превратиться в действительность во всероссийском масштабе при двояком условии: существенной либерализации в данном вопросе лидеров большевиков и соответствующего полевения верхов умеренных социалистов. Но групповые и личные амбиции тех и других брали верх над разумом. Вот почему кажущийся ныне легкореализуемым политический консенсус между большевиками

и их оппонентами так и не был достигнут. Виноваты здесь обе стороны. Кроме того, сказались конкретно-исторические условия, специфика социально-политического развития России.

Почему большевики взяли верх?

Чтобы ответить на этот вопрос, который занимает всех, кто задумывается над историческими судьбами нашей страны, столь круто измененными Великой Октябрьской революцией 1917 г., подытожим проведенные выше наблюдения над событиями, относящимися непосредственно к октябрьско-ноябрьской фазе революционных потрясений.

Как было показано выше, после корниловского выступления и дальнейших политических манипуляций, сопряженных с созывом Демократического совещания и созданием Предпарламента, Временное правительство утрачивает всякую возможность опереться на армию и на революционную демократию в лице партий умеренно-социалистической ориентации, т.е. на те две основные силы (вооруженную и политическую), которые помогли ему не только выстоять, но и нанести существенное поражение большевикам в критические дни 3—5 июля 1917 г.

Политическая изоляция, в которой оказалась последняя правительственная «команда» Керенского перед лицом решающего выступления большевиков 24—25 октября в Петрограде, создавалась, безусловно исподволь, как прямое следствие полной неспособности к позитивному государственному строительству героев «дивной, светлой, бескровной революции», как величала февральский переворот одна из его активных участниц Е. Кускова. Этими людьми, по справедливому суждению видного деятеля кадетской партии барона Б. Нольде, владели слова, а не воля. «Психоз слов, — подчеркивал он, — порождал безвыходное всеобщее безволие. От “полноты власти” остались только жесты Керенского».

Тот же самый недуг — состояние перманентно прогрессирующей политической импотенции у героев Февраля должен был признать и другой очевидец и участник февральско-октябрьской драмы в России Ф. Степун. В статье «Большевики и мы», опубликованной им в середине декабря 1917 г., он писал: «Тезисы, догмы, положения, полагания и чрезмерная вера в слова — вот весь духовный инвентарь большинства вождей нашей революции. Бесконечные заседания, фракционные, групповые, пленарные, непрерывающиеся пре-

ния изо дня в день, из ночи в ночь — явно никому не нужные и почему-то для всех неизбежные. Оратор за оратором, и у каждого на руках невидимые кандалы партийной догматики, и у каждого под лобной костью не живые, пытливые глаза, но мертвые точки зрения на вещи. И во всех этих словах хороших, честных, часто умных и всегда гуманных, никакого настоящего понимания, что революции нужны не слова, но дела, что для нее ритм действенного революционного творчества бесконечно важнее мелодии социалистической программы, что она не гуманна, не священна, что она, явившаяся в России в оправе всемирной кровавой войны, требует жертвы священного подвига и нравственного дерзания. В результате же всего этого непонимания, революционная Россия, как рыба с головы, начинает загнивать с центральных комитетов социалистических партий и всероссийских советов, пока не превращается, наконец, в тот словно язвой съеденный словесностью труп с прилипшими к нему струпьями тезисов и резолюций, на который, как на уготованный пьедестал, восходят Ленин, Троцкий и присные их».

Минует несколько десятилетий, наша страна и все человечество пройдут через горнило Второй мировой войны, и с высот обретенного опыта тот же автор, теперь уже один из видных представителей философской мысли российского зарубежья, касаясь оценки русской революции 1917 г., скажет следующее: «Противопоставлять Февраль Октябрю как два периода революции, как всенародную революцию — партийно-заговорщическому срыву ее, как это еще делают апологеты русского жирондизма, конечно, нельзя. Октябрь родился не после Февраля, а вместе с ним, может быть, даже и раньше его. Ленину потому только и удалось победить Керенского, что в русской революции порыв к свободе с самого начала таил в себе и волю к разрушению. Чья вина перед Россией тяжелее — наша ли, людей Февраля или большевистская, вопрос сложный... Боюсь поэтому, что будущему историку будет легче простить большевикам, с такою энергиею защищавшим свою пролетарскую родину от немцев, их кровавые преступления перед Россией, чем оправдать Временное правительство, ответственное за срыв революции в большевизм, и тем самым в значительной степени и за Версаль, Гитлера и за Вторую мировую войну».

К аналогичным выводам еще в 1925 г. пришел другой наш соотечественник, писатель и публицист М. Осоргин, тоже депортированный в начале 20-х годов за рубеж. «Если я называю революцию единой, — утверждал он, — то ясно, что “Октябрь” для меня лишь этап революции, довершение крушения ста-

рого режима и старой России, а не только "политическая реакция", как для А. Керенского. Октябрь — последовательное завершение Февраля... После февральского этапа революции слабая власть проявила себя слабыми реакционными актами (закрытие некоторых газет, восстановление смертной казни на фронте), после октябрьского этапа сильная власть проявила себя во всем блеске, власти подобающем (закрытие всех газет, восстановление смертной казни за политические взгляды и сословное происхождение)».

Нечто похожее был вынужден признать и один из вождей Февраля лидер кадетской партии, профессиональный историк П. Милюков.

Немалую часть бед, выпавших на долю послефевральской России, наблюдательные современники связывали и с личными качествами людей, волею судеб оказавшихся на вершине властной пирамиды страны. О князе Г. Львове В. Набоков, являвшийся в первых составах Временного правительства управляющим делами, образно заметил, что «он сидел на козлах, но даже не пробовал собрать вожжи», имея в виду, что тот «не только не делал, но и не пытался сделать что-нибудь для противодействия растущему разложению».

Столь же уничижительную характеристику А. Керенскому дал в своем дневнике Л. Андреев. «Власти нет, — констатировал он, — и я позволю себе прямо и решительно обвинить А. Керенского в растрате власти. Это он, всегда стоявший во главе правительства, как бы ни менялся его состав, и руководивший его политикой, — растратил власть, это он, свое личное субъективное всегда ставивший выше объективных велений момента, убил власть и закон, заразил их смертельным недугом своего антигосударственного идеализма».

Выясняя причины успеха большевиков в борьбе за власть, следует отметить, что ошибки Временного правительства, связанные с большой политической игрой в Демократическое совещание и Предпарламент, а также неудачные попытки переезда правительства в Москву, эвакуации петроградской промышленности и отправки на фронт беспокойных частей столичного гарнизона, были усугублены просчетами, допущенными им в самом ходе большевистского восстания. К их числу относится отказ правительства от немедленной реализации так называемой программы перехода, принятой Временным Советом республики вечером 24 октября. Не от хорошей жизни и самим деятелям этого правительства (А. Керенскому, А. Никитину, С. Маслову) и околоправительственным журналистам (например, Е. Кусковой) в дальнейшем не раз

придется прибегать к неправде, заявляя о том, будто уже полностью подготовленные правительством в интересах народа решения по вопросам о земле и о мире сорвали своим выступлением большевики.

Серьезным просчетом было и решение правительства о назначении кадета Н. Кишкина особоуполномоченным по борьбе с беспорядками в столице, что не могло не углубить пропасть между руководством умеренно-социалистических партий и «командой» Керенского, ибо лишний раз продемонстрировало меньшевикам и эсерам тщетность их надежд на достижение согласия с властью.

Однако самой серьезной из ошибок, которая предопределила неизбежность краха Временного правительства, было стремление его постоянного ядра, которое при разных сочетаниях в нем социалистов с кадетами и кадетствующими политиками, во что бы то ни стало оставаться верными союзническому долгу, вести в изменившихся условиях непосильную для страны войну до победного конца.

Умеренно-социалистическая часть членов этого правительства последнего своего состава слишком поздно начала осознавать этот свой просчет. «Невозможно и близоруко было ставить вопрос о Константинополе и проливах, вопрос о продолжении войны, зная, что мы давно уже неспособны воевать — говорила о данном просчете на митинге сторонников демократического блока, состоявшегося в Москве 19 ноября 1917 г. в связи и проходившими в это время выборами в Учредительное Собрание страны, Е.Д. Кускова, оставшаяся до самой кончины верным адептом Временного правительства и его кумира — А.Ф. Керенского. — временное правительство поняло это. С.И. Прокопович (муж Кусковой, профессор-экономист и министр продовольствия в последнем составе этого правительства — *ред.*) сделал учет народного хозяйства, который ясно доказал, что мы воевать не в состоянии. Он требовал от Временного правительства решительной политики мира, и Временное правительство согласилось с ним. И если бы не мятеж Корнилова, который спутал все карты, Временное правительство пошло бы по пути этой политики и предотвратило бы мятеж большевиков».

Околоправительственная публицистика всю вину за политику продолжения войны до победного конца стремилась свалить на партию кадетов. Рассказывая участникам митинга о впечатлениях от попыток своих единомышленников в Предпарламенте предотвратить выступление большевиков в Петрограде 25—26 октября 1917 г., она вновь обрушилась

на партию «народной свободы»: «И тут-то кадеты повторили свою ошибку, — заявила Кускова. — Они не присоединились к наказу, который был выработан кооператорами в Совете республики (так официально назывался Предпарламент — *ред.*). Не присоединилось и казачество: казаки требовали продолжения войны».

Известная доля справедливости в подобных обвинениях по адресу кадетской верхушки, безусловно, имела место, но немалая вина за продолжение участия страны в войне ложилась и на лидеров умеренно-социалистических партий, а именно это обстоятельство обходила стороной активная деятельница группы внефракционных социал-демократов и масонской закулисы.

В отличие от своих политических противников большевики сумели предложить широким слоям народа, уставшего от войны и дезорганизации хозяйственной жизни, импонирующие им лозунги: «Долой» и «Домой» — для солдат, «Фабрики — рабочим!» и «Земля — крестьянам!» — для тружеников города и деревни, хотя, как показали дальнейшие события, реализовывать такого рода требования в полном объеме они не только не могли, но и не собирались. Более продуманной и по существу, в основном, оправдавшей себя оказалась и тактика большевиков, подчиненная достижению главной задачи, — **овладеть властью**. Действуя решительно, наступательно, большевики в то же время проявляли необходимую гибкость, прикрывали свои наступательные действия лозунгами защиты завоеваний трудящихся от поползновений контрреволюции. Достаточно пластичной была и их линия поведения, связанная с удержанием взятой силой власти. Переговоры с ВИКЖелем, достижение компромисса с левыми эсерами, практика использования власти в интересах постепенной советизации не только столиц, но и страны в целом, как это будет показано в следующей главе, — убедительное тому свидетельство.

глава 8

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И ИНТЕРВЕНЦИЯ В РОССИИ

§1

Внешняя и внутренняя политика Советской власти в начале Гражданской войны (ноябрь 1917 — лето 1918 г.)

Советская власть и перемены в международном положении страны. Сепаратные переговоры с Четверным союзом

В условиях продолжающейся мировой войны ключевой проблемой внешнеполитического курса большевистского правительства являлся вопрос о мире, о выходе страны из этой войны. Пути его решения новая власть определила Декретом о мире, принятым II Всероссийском съездом Советов рабочих и солдатских депутатов. Поскольку правительства воюющих стран не ответили на содержащееся в этом документе предложение немедленно начать переговоры о «справедливом демократическом мире», В. Ленин от лица Советской власти 9(22) ноября 1917 г. обратился по радио к солдатам и матросам с призывом через головы командования вступать в переговоры с солдатами противника. В результате на многих участках фронта стали заключаться солдатские соглашения о прекращении боевых действий.

Вскоре представители Антанты открыто выступили против мирных переговоров. В этих условиях Советское правительство пошло на переговоры с германским блоком, который принял советское предложение. Начавшиеся 20 ноября в Брест-Литовске переговоры сначала обсуждали условия перемирия, необходимого для заключения всеобщего мира. Спустя две недели они завершились заключением перемирия

на 28 дней с обязательством сторон при возобновлении военных действий предупредить друг друга за неделю и прекратить переброски войск, начатые до перемирия.

9 декабря в том же городе открылась мирная конференция с участием представителей Советской России, Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции. Советская делегация, возглавляемая как и на предшествовавших переговорах А. Иоффе, в качестве основных условий мира настаивала на отказе обеих сторон от насильственного присоединения захваченных во время войны территорий и выводе оттуда в кратчайший срок оккупационных войск; восстановлении во всей полноте политической самостоятельности народов, которые были лишены ее в ходе войны; признании того, что ни одна из воюющих сторон не обязана платить другим контрибуций и военных издержек.

Германская сторона, хотя формально и присоединилась к советской формуле мира без аннексий и контрибуций, но сделала оговорку, что осуществить ее возможно лишь в случае, если будет достигнуто признание всех воюющих держав. На деле же Германия стремилась присоединить Прибалтику и расчленить Польшу с тем, чтобы управлять их народами «длинной вожжой». В планы Четверного союза входило также сохранение оккупационного режима в занятых его войсками областях России и использование ее экономических ресурсов для обеспечения своих стран продовольствием и стратегическим сырьем в целях победоносного завершения войны. Вот почему немецкая делегация настаивала на выводе советских войск из Эстляндии и из еще не занятых Германией районов Латвии и предоставлении возможности их населению присоединиться к сородичам, находившимся на оккупированных немцами землях. Кроме того, она дала понять, что будет использовать украинскую Центральную раду в качестве своего сателлита.

В поисках выхода из создавшегося положения на конференции был объявлен временный перерыв, используя который Наркоминдел выступил с обращением к народам и правительствам бывших союзников принять участие в переговорах о мире. Веруя в близость мировой революции, советская сторона предупредила, что в противном случае «рабочий класс будет поставлен перед необходимостью вырвать власть из рук тех, которые не могут или не хотят дать народам мир».

Поскольку ответа от правительств стран Антанты не последовало, советское руководство должно было продолжать вести переговоры в одностороннем порядке. Но теперь российскую делегацию возглавлял Л. Троцкий.

5 января 1918 г. германская делегация от имени Четверного блока огласила условия мира, согласно которым немцам должно было отойти свыше 150—160 тыс. км^2 территории бывшей Российской империи: Польша, Литва, часть Эстляндии, Латвии и некоторые земли, населенные белорусами и украинцами. По существу это был ультиматум.

В конце того же месяца Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция подписали договор с делегацией украинской Центральной рады. По нему за военную помощь в борьбе с большевиками Украина должна была поставить странам Четверного блока большое количество продовольствия и сырья.

Днем ранее Троцкий огласил ответ на германский ультиматум: Советская Россия договор не подпишет, войну прекращает и армию демобилизует, на что глава германской делегации заявил, что при отказе заключить мир, договор о перемирии утрачивает силу и по истечению указанного в нем срока война возобновляется. Сами немцы не скрывали того, что руководитель советской делегации преподнес им на редкость ценный подарок. «Надо поставить памятник Троцкому... Это удивительное счастье для Германии, что русские не захотели вовремя мириться с нами», — писал один из их представителей. «Для нас не могло произойти ничего более благоприятного, чем решение Троцкого... Территориальный вопрос будет полностью решен по нашему желанию», — вторил ему другой.

18 февраля началось наступление военных сил Четверного блока по всему Восточному фронту. Русские войска старой армии остановить противника не смогли, и 19 февраля 1918 г. Советское правительство сообщило немецкому командованию о готовности подписать мир на ранее сформулированных им условиях. Немецкие полчища продолжали наступать и только 22 февраля их сторона согласилась на мир, выдвинув более тяжкие условия, чем предъявленные на мирной конференции.

«Похабный» Брест и его последствия

На следующий день новый немецкий ультиматум был вынесен на обсуждение совместного заседания ЦК РСДРП(б) и ЦК левых эсеров и сразу после этого во ВЦИК. Ленин в условиях фактического раскола в верхах партии по данному вопросу прибег к крайнему средству, заявив, что если политика революционной фразы, которой придерживались левые коммунисты, будет продолжаться, то «он выходит и из правительства и из ЦК. Для революционной войны, — продолжал вождь, — нужна армия, ее нет. Значит надо принимать условия». В на-

пряженной дискуссии 7 голосами против 4 при 4 воздержавшихся ЦК ультиматум принял. После долгих споров ленинская резолюция 116 голосами, при 85 против и 26 воздержавшихся прошла и во ВЦИКе. На основе этих решений новая советская делегация во главе с Г. Сокольниковым в Брест-Литовске подписала мирный договор. Состоявшийся 6—8 марта экстренный VII съезд РКП(б) одобрил это решение, а неделей позже в Москве, куда только что переехало советское правительство, IV Чрезвычайный съезд Советов ратифицировал Брестский мир. Несогласные с ним левые эсеры вышли из состава Совнаркома, оставив, подобно левым коммунистам, за собой право свободной критики брестской политики.

Условия мира были поистине грабительские, похабные. От России отторгались Прибалтика, часть Белоруссии. Советские войска должны были покинуть Украину, Финляндию, Аландские острова, а также округа Ардагана, Карса и Батума, которые передавались Турции. По разным данным страна теряла от 780 до около 1 млн км^2 территории, на которой проживала примерно треть ее населения и находилось до половины всей промышленности и 40% промышленных рабочих. Она обязывалась провести полную демобилизацию армии и флота, включая только что созданные части Красной армии, признать мирный договор украинской Центральной рады с Германией и ее союзниками. Восстанавливались крайне невыгодные таможенные тарифы 1904 г., Россия должна была не облагать пошлинами вывоз леса и разных руд, освободить от сборов за товары, проходящие транзитом через ее территории. 27 августа 1918 г. в Берлине было подписано дополнительное соглашение, по которому Россия обязана была уплатить Германии контрибуцию в размере 6 млрд марок и в счет ее отправить немцам 245 564 кг золота, 545 440 тыс. руб. кредитными билетами и облигаций займа на 2,5 млрд марок. Вскоре первая партия золота и кредиток в количестве 42860 кг и 90 900 тыс. руб. были переданы в Орше германским представителям.

Полученный столь дорогой ценой унизительный Брестский мир с державами Четверного союза вместе с тем позволил России выйти из мировой войны, а большевикам удержать в своих руках власть, подмяв силы политической оппозиции. Начала оправдываться их ставка на революцию в Европе: 9 ноября 1918 г. в Германии произошла революция, которая свергла монархию Гогенцоллернов и обеспечила тем самым возможность нашей стране избавиться от пут позорного Бреста. 13 ноября ВЦИК принял решение аннулировать Брест-Литовский договор, равно как и Берлинское дополнительное соглашение.

Все обязательства, предусмотренные этими документами как относительно территориальных уступок, так и уплаты контрибуции, объявлялись недействительными. Но цену за все это пришлось заплатить дорогую. В стране полыхал пожар Гражданской войны, сопряженной с интервенцией. «Великая наша Родина завоевана, умалена, расчленена и в уплату наложенной на нее дани вы тайно вывозите в Германию не вами накопленное золото, — обвинял большевиков в своем послании Совнаркому патриарх Тихон. — Любовь Христову вы открыто заменили ненавистью и вместо мира искусственно разожгли классовую вражду. Не России нужен был заключенный вами позорный мир с немцами, а вам, задумавшим окончательно разрушить внутренний мир».

Ноябрьская революция в Германии ускорила окончание мировой войны. 11 ноября 1918 г. между странами Антанты и представителями немецкой стороны были подписаны условия перемирия, которые предусматривали прекращение военных действий, вывод германских войск из оккупированных территорий Франции, Бельгии и др. стран. Германия должна была выдать Антанте большое количество вооружения, надводный флот. При этом перемирие носило определенную антирусскую направленность. Согласно статье 12-й перемирия германским вооруженным силам надлежало оставаться в захваченных ими районах Советской России, пока союзники не решат этот вопрос, «учитывая внутреннее положение этих территорий». Для военных и торговых судов последних предусматривался свободный вход и выход в Балтийское море, что было на руку силам интервентов, высадивших десанты в Мурманске, Архангельске, Владивостоке и других портах России.

В середине января 1919 г. в Версальском дворце открылась конференция союзников по выработке условий послевоенного урегулирования. На ней были представлены 27 стран, но вершителями судеб мира выступали Англия, Франция и США. С инициативой прогнозирования путей будущего мироустройства еще в начале 1918 г. выступил президент США В. Вильсон. Речь идет о его нашумевшем послании конгрессу, известном как «14 пунктов президента Вильсона».

Основные положения названного документа были нацелены на то, чтобы подкрепить претензию своей страны на роль лидера в послевоенной системе международных отношений, благо что за время войны США превратились из должника влиятельных европейских держав в их кредитора. России в нем был посвящен 6-й пункт. Под словесным прикрытием проявления «доброй воли» и «понимания нужд России» со

стороны наций, ее собратьев, этот пункт, как показали комментарии к нему госдепартамента США, рассматривал нашу страну в виде чистого листа бумаги, «на котором можно будет начертить политику для всех народов» ее. Более того, комментарии предусматривали требование территориального расчленения России и создания «достаточно представительного» правительства. Процитируем ту часть комментариев, где говорилось об этом. «Первым возникает вопрос: является ли русская территория синонимом понятия территории, принадлежащей прежней Российской империи. Ясно, что это не так, ибо пункт 13 обусловливает независимую Польшу, а это исключает территориальное восстановление империи. То, что признано правильным для поляков, несомненно, придется признать правильным и для финнов, литовцев, латышей, а может быть, и для украинцев... Итак, в ближайшем будущем сущность русской проблемы, по-видимому, сводится к следующему: 1) признание временных правительств; 2) предоставление помощи этим правительствам и через эти правительства.

Кавказ придется, вероятно, рассматривать как часть проблемы Турецкой империи. Нет никакой информации, которая позволила бы составить мнение о правильной политике по отношению к мусульманской России, т.е., коротко говоря, к Средней Азии. Весьма возможно, что придется предоставить какой-нибудь державе ограниченный мандат для управления на основе протектората».

Отмечая не только противобольшевистскую, но и антироссийскую заостренность хваленых 14 пунктов В. Вильсона и всего внешнеполитического курса США на этапе перехода человечества от войны, впервые принявшей в его истории глобальный характер, к миру, следует иметь в виду, что аналогичная тенденция наблюдалась и в позициях других недавних союзников нашей страны по отношению к так называемому русскому вопросу, выдвинувшемуся на одно из первых мест в мировой политике того времени. Ярким свидетельством тому служит работа Версальской конференции союзных стран, о которой уже упоминалось выше, и Версальский мирный договор, подписанный с Германией спустя полтора года. От участия в работе Версальской конференции Советская Россия, равно как и повергнутая в войне Германия, были отстранены. Согласно Версальскому договору от Германии отходила часть территории в пользу Франции, Бельгии, Дании, Польши, Чехословакии общей площадью около 70 тыс. км^2 с населением 6,5 млн человек. Вместе с тем она утрачивала все колониальные владения. Согласно военным сторонам договора Германия

обязывалась отменить всеобщую воинскую повинность, ограничить вооруженные силы, ей запрещалось иметь современные виды вооружений. Кроме того, она должна была признать все договоры и соглашения союзных и объединившихся стран со всеми вновь возникшими (или возникающими) государственными образованиями на территории прежней Российской империи. Этим фактически создавались условия будущего сотрудничества Англии, Франции с Германией в борьбе против Советской России.

Ярко выраженную антирусскую направленность имели и другие международные договоры, связанные с послевоенным устройством Европы, — Сен-Жерменский, Трианонский, Севрский мирные договоры, Бессарабский протокол и др., в соответствии с которыми Бессарабия и Буковина присоединялись к Румынии, Закарпатская Украина — к Чехословакии, а вопрос о Черноморских проливах решался в ущерб интересам Советского государства и некоторых других стран. Версальский же договор и построенная на его основе версальская система послевоенного устройства мира, с одной стороны, учитывали итоги Первой мировой войны и факт признания независимости ряда государств Европы — Польши, Чехословакии, Венгрии, Югославии, с другой — породили новые еще более острые антагонизмы и не менее глубокие, чем прежде, предпосылки для очередных конфликтов.

От «викжеляния» к правительственной коалиции с левыми эсерами

Временное революционное правительство, сформированное II съездом Советом рабочих и солдатских депутатов, состояло исключительно из большевиков. Уже первые дни и недели существования Совнаркома показали, что вождь большевиков явно преувеличивал готовность своей партии взять всю полноту власти и уверенность, что страна будто бы ждет и не дождется сего события, когда за четыре месяца до октябрьско-ноябрьского переворота, еще на I Всероссийском съезде Советов он демонстративно от имени партии заявил о таких ее претензиях.

На деле оказалось, что даже у наиболее авторитетных деятелей большевиков, включенных в состав Совнаркома, несмотря на то, что почти у каждого из них в активе значилось владение иностранными языками, а также наличие книг и статей, написанных по широкому спектру вопросов общественно-политической жизни, надлежащих профессиональных знаний, а главное,

опыта управлять таким громаднейшим государством как Россия с ее букетом хозяйственных, социальных, морально-духовных и иных проблем, многократно обостренных в условиях революционной смуты, было явно недостаточно. Это, кстати, хорошо сознавали некоторые из новоявленных наркомов и среди них Г. Ломов, который позже вспоминал: «Наше положение было трудным до чрезвычайности. Среди нас было много преданнейших революционеров, исколесивших Россию по всем направлениям, в кандалах прошедших от Петербурга, Варшавы, Москвы весь крестный путь до Якутии и Верхоянска, но всем надо было еще учиться управлять государством. Мы знали, где бьют... где и как сажают в карцер, но мы не умели управлять государством и не были знакомы ни с банковской техникой, ни с работой министерств». События на каждом шагу подтверждали правоту этих слов.

Но еще большей бедой, чем дефицит профессиональных знаний и практического опыта, являлась слабость и ограниченность социальной базы большевиков, на которую они могли бы опереться при решении сложнейших задач, вставших перед ними, как перед правящей политической партией. События «кровавой недели» во второй столице и последующее трудное шествие новой власти по городам и весям громадной России, с легкой руки Ленина несправедливо прежде называвшееся «триумфальным», были лучшим тому свидетельством.

Да и в самом «красном» Питере часть рабочих коллективов и большинство солдат, стоявших в дни октябрьского переворота на нейтральных позициях, как только казаки Краснова и Керенского появились в окрестностях столицы и захватили Гатчину и Царское Село, стали принимать резолюции с требованиями к социалистическим партиям образовать коалиционное правительство на советской основе. С особой настойчивостью действовал ВИКЖель, объединявший более 700 тыс. рабочих и служащих железных дорог страны. Угрожая всеобщей забастовкой, он в ультимативной форме потребовал от большевиков уступить власть «однородному социалистическому правительству», для создания которого всем социалистическим партиям было предложено прислать делегатов на совместное с ЦИК железнодорожников заседание.

В столь острой ситуации ЦК РСДРП(б) вынужден был согласиться на участие в переговорах. Но если Ленин видел в переговорах «дипломатическое прикрытие» в целях выиграть время для организации отпора Керенскому и Краснову, то группа членов ЦК (Каменев, Зиновьев, Рыков, Ногин) считала,

что коалиция с умеренными социалистами расширит социальную опору правительства и предотвратит Гражданскую войну в обществе.

Когда всеми правдами и неправдами угроза со стороны казаков под Питером была устранена, а в Москве в ходе боев наступил перелом, заставивший противников большевиков сложить оружие, Ленин настоял на прекращении переговоров. Протестуя, Каменев, Зиновьев, Рыков, Ногин и Милютин заявили о выходе из ЦК, а трое последних и Теодорович сложили полномочия наркомов. Каменев же был лишен поста председателя ВЦИКа, а вместо него был избран Я. Свердлов. Переговоры, инициированные ВИКЖелем, закончились неудачей, но глубокого раскола в большевистских верхах не произошло, так как вскоре сторонники оппозиции с повинной вернулись в ЦК и СНК.

А месяц спустя лидерам большевизма все же удалось вывести свою партию из состояния политической изоляции. Дело в том, что параллельно с «викжелянием», они продолжали вести более перспективные переговоры с левыми эсерами, начало которым было положено на заседании ЦК РСДРП(б) 24 октября. В течение двух месяцев, пока шли эти тоже нелегкие переговоры, состоялись Чрезвычайный Всероссийский (с 10 по 25 ноября) и Второй Всероссийский (с 26 ноября по 10 декабря 1917 г.) съезды Советов крестьянских депутатов. На них левые эсеры имели вместе с большевиками большинство и по главным вопросам выступали заодно, хотя по отдельным сюжетам (например, на Чрезвычайном съезде отстаивали идею однородно-социалистического правительства) и продолжали колебаться, надеясь путем уступок правоэсеровскому ЦК своей партии сохранять фактически утраченное ее единство.

Вскоре после неудачи с начинанием ВИКЖеля стало известно, что на закрытых переговорах Смольного (резиденции ЦК РСДРП(б) и Совнаркома) с левыми эсерами большевики предложили партнерам 6 мест в СНК, оговорив, что посты наркомов иностранных дел, внутренних дел и просвещения остаются за РСДРП(б). Левые эсеры, выделившиеся к этому времени в самостоятельную партию, согласились войти в Совнарком при трех главных условиях: если будут «смягчен» политический террор, освобождены арестованные депутаты Учредительного собрания от кадетской партии и созвано в кратчайший срок само Учредительное собрание. Судя по всему, большевики эти условия в основном удовлетворили. Как сообщил 10 декабря одной из московских газет И. Штейнберг, трения возникли, когда встал вопрос о дележе портфелей нар-

комов. Спорным оказался пост наркома внутренних дел, так как левые эсеры настаивали передать его их кандидату В. Алгасову. Должности наркомов по военным делам для С. Мстиславского и по продовольствию для П. Прошьяна, кроме тех, что их представители в конце концов получили, на данном этапе возражений, очевидно, не вызвали.

К середине декабря переговоры завершились соглашением о правительственной коалиции. В состав Совнаркома вошли 7 левых эсеров, что составляло ровно треть его численности, т. е. пропорционально удельному весу крестьянской секции во ВЦИКе.

При этом пятеро из них возглавили наркоматы: земледелия (А. Колегаев), юстиции (И. Штейнберг), почт и телеграфов (П. Прошьян), местного самоуправления (В. Трутовский), имуществ республики (В. Карелин), а еще два их представителя (В. Алгасов и А. Михайлов) значились наркомами без портфелей, практически работая членами коллегии НКВД.

Но ключевые позиции в правительстве (председателя СНК, наркомов военных дел, иностранных, внутренних дел, продовольствия и просвещения) большевики оставили в своих руках. В постановлении СНК по вопросу об условиях вхождения левых эсеров в правительство подчеркивалось, что наркомы в своей деятельности проводят общую (вероятно, советскую. — *Авт.*) политику СНК. Коалиционный (двухпартийный) состав предполагал, что если тот или иной наркомат возглавлял левый эсер, то в состав коллегии этого наркомата наряду с его однопартийцами должны были входить представители большевиков, и, наоборот, в наркоматах, руководимых коммунистами, членами коллегий обязательно были левые эсеры.

Оформление блока двух советских партий наряду с исполнительной властью в равной степени затронуло и законодательную власть, представленную в общегосударственном масштабе Всероссийскими съездами Советов, а в промежутке съездов — ВЦИКом. Сначала состоялось слияние ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполкома Советов крестьянских депутатов, а затем, в январе 1918 г., и всей системы Советов сверху донизу: Советы рабочих и солдатских депутатов объединились с Советами крестьянских депутатов. На съездах Советов и в объединенном ВЦИКе к двум секциям их прибавилась третья — крестьянская. На федеральном уровне последнюю возглавила видная деятельница левых эсеров — М. Спиридонова.

А отраслевые отделы ВЦИКа теперь возглавлялись представителями той и другой партий на паритетных началах. Например, национальным отделом от большевиков руководил М. Урицкий, от левых эсеров — Прошьян, агитационно-пропагандистским — соответственно В. Володарский и И. Каховская и т. д.

Блок с левыми эсерами помог большевикам выйти из состояния политической изоляции в обществе, расширить за счет многомиллионных масс крестьянства социальную опору новой власти, преодолеть первый правительственный кризис и решить судьбу «хозяина земли русской» — Учредительного собрания.

Учредительное собрание и его роспуск

Требования проведения выборов и созыва Учредительного собрания, несмотря на то, что в обеих столицах и ряде других крупных городов страны в конце октября — ноябре 1917 г. была провозглашена и установилась власть Советов, оставались на повестке дня политической жизни страны практически в течение всей Гражданской войны. Актуальность этих требований объяснялась не столько тем, что большинство противостоящих большевикам политических партий и группировок, а также ставшие их политическими союзниками левые эсеры настаивали на них, сколько тем, что они были созвучны интересам широких слоев населения.

Учитывая это и руководствуясь указаниями своего вождя, «не принять изжитого **для нас**, за изжитое **для класса**, за изжитое **для масс**», большевики, придя к власти, должны были не только провести выборы в Учредительное собрание, но и согласиться на его созыв. Выборы проходили, как определило еще Временное правительство, в воскресные дни, начиная с 12 ноября и затянувшись кое-где на окраинах до 26 ноября 1917 г. В глубине России, по словам секретаря Собрания, они прошли как в странах с прочно установленной демократией, т. е. как национальный и гражданский праздник. В деревнях был слышен церковный благовест, и крестьяне опускали конверт с избирательной запиской в ящик, крестясь и с твердой верой, что Всероссийское Учредительное собрание, всемогущее и праведное, удовлетворит их нужды и невзгоды. Итоги выборов продемонстрировали преобладающую поддержку избирателями партий социалистической ориентации: за эсеров и меньшевиков по неполным данным отдали голоса 62%, за большевиков около 25%, либерально-

демократические и правые партии (кадеты и др.) набрали всего 13% голосов избирателей, принявших участие в выборах.

Победа на выборах эсеров (за них подали голоса около 60% избирателей), выступавших едиными списками, поскольку их партия официально еще не раскололась на правых и левых, говорила об их преимущественном влиянии на крестьянство и настроениях мелких собственников города и деревни, которые в условиях переходного состояния власти в стране больше верили Учредительному собранию, чем Советам. Но победа эта на поверку оказалась довольно сомнительной, потому что значительную часть голосов эсерам обеспечили крестьяне отдаленных от центра аграрных районов страны и солдаты не менее далеких от столиц Юго-Западного, Румынского и Кавказского фронтов, которые не успели еще разобраться в совершившихся революционных событиях.

К тому же завоеванию правыми эсерами большинства способствовало то, что списки кандидатов составлялись в сентябре — первой половине октября 1917 г., когда влияние большевиков на крестьян и солдат было слабее, чем во второй половине ноября и когда будущие их союзники, левые эсеры, «подарили» за счет общепартийных списков немалую толику лишних голосов в актив своих бывших однопартийцев — правых эсеров и эсеров-центристов, ставших в ноябре 1917 г. их политическими противниками.

По общему числу избирателей, отдавших свое предпочтение эсерам, большевики более чем вдвое проиграли своему главному конкуренту на выборах. Но на их стороне были свои неоспоримые преимущества. Во-первых, за них проголосовало большинство рабочих страны — ведущей силы революции. А во-вторых, что особенно важно, большевики одержали победу на выборах в политических центрах страны — в Петрограде и Москве. Наконец, за их списки отдала свои голоса половина армии, в том числе большинство моряков Балтийского флота, солдат ближайших к столицам Северного и Западного фронтов и почти всех тыловых гарнизонов страны во главе с Питером и Москвой. Вот почему наряду с двумя «ударными кулаками» в лице обеих столиц, по справедливому определению Ленина, «...в армии большевики тоже имели уже к ноябрю 1917 г. **политический "ударный кулак"**, который обеспечивал им подавляющий перевес сил в решающем пункте в решающий момент».

Умеренные социалисты понимали, что перевес на выборах не меняет неблагоприятного для них соотношения сил в ус-

ловиях, когда каждый лишний день существования новой власти работал на расширение сферы ее действия, на ее упрочение. Поэтому задержка открытия Учредительного собрания, в чем на первых порах была, несомненно, заинтересована большевистская сторона (яркое свидетельство тому — почти ультимативное требование левых эсеров на переговорах созвать в кратчайший срок это собрание) снижала их шансы на успех.

28 ноября лидеры правых эсеров попытались самочинно открыть Собрание, но оказалось, что в Таврический дворец к условленному времени явилось лишь несколько десятков депутатов. В поддержку им у Таврического дворца была организована антисоветская демонстрация, которую разогнали красногвардейцы и матросы. Из-за явного отсутствия кворума собравшиеся, выразив протест против ареста депутатов Собрания от кадетской партии и договорившись ежедневно собираться во дворце, пока не будет обеспечен кворум для начала работы Собрания, вынуждены были разойтись.

Планам эсеровских депутатов каждый день в условленный час собираться в Таврическом дворце не суждено было сбыться — большевики поставили у него надежную охрану. Чтобы пресечь новые попытки самочинного созыва Учредительного собрания, СНК 20 декабря определил днем его открытия 5 января 1918 г. ВЦИК тут же утвердил это постановление и решил вскоре созвать почти одновременно два третьих Всероссийских съезда Советов: рабочих и солдатских, а также крестьянских депутатов. «Центральный исполнительный комитет считает необходимым, — подчеркивалось в названном документе, — всей организованной силой Советов поддержать левую половину Учредительного собрания против его правой, буржуазной и соглашательской половины». Заключенное накануне соглашение о правительственном блоке с левыми эсерами прибавило большевикам необходимую в подобных случаях решимость — от выжидательной тактики они переходят к действиям наступательного характера.

С приближением срока, установленного ВЦИКом для открытия Учредительного собрания, антибольшевистские группировки тоже все более активизировались. Особенно тщательно и всесторонне готовились правые эсеры. Антибольшевистская направленность деятельности правых эсеров проявилась прежде всего в том, что еще 18 декабря на совместном заседании бюро их фракции Учредительного собрания и ЦК ПСР было решено в первый же день работы собрания принять постанов-

ление, гласившее: «Вся власть принадлежит Учредительному собранию».

Одновременно правоэсеровские «активисты» готовили и мероприятия силового плана. Они рассчитывали привлечь к выступлению солдат Преображенского и Семеновского полков, броневой дивизион и рабочие дружины. Но, как вспоминал секретарь Учредительного собрания М. Вишняк, «в ночь перед открытием собрания большевистские агенты в ремонтных мастерских иммобилизовали машины. Было учтено все, кроме этого. Не пришли броневики, не пришли и полки. С этим рухнул и весь "революционный план активистов"».

Охладило пыл солдат, на которых надеялись правоэсеровские «активисты», и постановление ВЦИК от 3 января 1918 г., в котором указывалось, что на основании завоеваний Октябрьской революции, закрепленных в «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», вся власть в Российской республике принадлежит Советам и что «всякая попытка со стороны кого бы то ни было или какого бы то ни было учреждения присвоить себе те или иные функции государственной власти будет рассмотрена как контрреволюционное действие и подавляться всеми имеющимися в распоряжении Советской власти средствами вплоть до применения вооруженной силы».

Вместо вооруженного выступления правоэсеровским «активистам» пришлось ограничиться проведением антибольшевистской демонстрации. Рассеять ее с использованием вооруженной силы удалось только к середине дня. Официально большевики зарегистрировали, что убитых на улицах Петрограда за 5 января было 9 и раненых 22 человека, на деле жертв было, судя по сообщениям прессы того времени, несомненно, больше.

Напряженная атмосфера была и в Таврическом дворце, где собрались члены Учредительного собрания.

Первое и последнее его заседание открылось **в 4 часа дня 5 января 1918 г.** Началось оно с попытки правых эсеров в целях подчеркнуть свое непризнание Советской власти, самочинно возвестить открытие работы Учредительного собрания. Один из старейших деятелей этой партии С. Швецов, не дожидаясь, когда все члены собрания займут свои места, поднялся на трибуну и взял председательский колокольчик. Как более правдиво описывает возникший инцидент М. Вишняк, «...сзади Швецова и рядом с ним несколько фигур. Секретарь ЦИКа и будущий чекист Аванесов (наст. фамилия и имя — Мартиросов Сурен. — *Авт.*) вырывает звонок из рук Швецова. Борьба за звонок как бы предвосхищает и символизирует последующую

борьбу. Из рук Аванесова звонок переходит к председателю ВЦИК Свердлову и тот вторично объявляет заседание открытым».

Дальнейший ход работы собрания сравнительно полно воспроизводится стенограммой заседания Учредительного собрания, издававшейся в нашей стране в 1918, 1930 и 1991 гг. Нет необходимости воспроизводить все, что происходило в Таврическом дворце в течение последующих 12 часов, тем более, что многое в нем напоминало слабоотрепетированную постановку любительского театра, где ораторы-актеры противоборствующих партий состязались в ремесле политического суемудрствования и пустословия. Недаром один из участников этого суперполитизированного спектакля левоэсеровский депутат С. Мстиславский позднее вспоминал: «Мы собирались... на заседание, как в театр, мы знали, что действия сегодня не будет — будет только зрелище». Но все же на двух актах — начальном и заключительном названного политшоу — следует остановиться.

Возвестив по поручению ВЦИКа начало работы Учредительного собрания и отметив, что «как в свое время французская буржуазная революция ... 89 года провозгласила декларацию прав человека и гражданина, декларацию прав на свободную эксплуатацию людей, лишенных орудий и средств производства, так и наша российская социалистическая революция должна точно также выставить свою собственную декларацию», Я. Свердлов выразил надежду, что Учредительное собрание, поскольку оно правильно отражает интересы народа, присоединится к «Декларации прав трудящихся и эксплуатируемого народа», которую он тотчас и начал от имени ЦИК зачитывать. По признанию политических конкурентов большевиков это был умелый тактический ход их верхов.

Дело в том, что лидеры правых эсеров свои расчеты строили на принятии собранием их многочисленных законопроектов, направленных против большевиков и советского правительства, против нового государственного строя. Предложение советского руководства определить отношение Учредительного собрания к Декларации, где Россия объявлялась Республикой Советов и утверждались ее основные декреты: о земле, мире, рабочем контроле, переходе всех банков в собственность нового государства и др., спутало все их карты. Не большевистско-левоэсеровскому меньшинству пришлось голосовать против законов, декларируемых «хозяином земли Русской», как того хотели правые эсеры и их единомышленники, а, наоборот, большинство Учредительного собрания своим пренебрежением

Декларацией должно было продемонстрировать неприятие Октября, его завоеваний, показать свой антисоветизм. «Рассчитывая обойти противника, — писал об этом М. Вишняк, — мы сами оказались обойденными».

Открытие собрания, оглашение Декларации ВЦИК, выборы председателя (этой чести удостоился В. Чернов), его вступительное слово и определение порядка работы, в ходе которого пространный доклад сделал меньшевик И. Церетели, заняли почти 8 часов. Этого времени лидерам правоэсеровского большинства собрания хватило, чтобы найти средство против шока, вызванного в их фракции большевистским «сюрпризом». Не посмев отклонить «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», они предпочли отказаться обсуждать этот документ, сочтя его нелигитимным, узурпирующим верховное право «хозяина земли русской». А член ЦК ПСР Е. Тимофеев решил, хотя и с некоторым запозданием, исправить «маленькую ошибку, которая вкралась в речи предыдущих ораторов». «Фракция эсеров не возражала против обсуждения декларации ЦИК Советов вообще, — заявил он под рукоплескания центра и правого крыла собрания, — но она не находила и не находит возможным эту декларацию обсуждать теперь, в этот торжественный день и торжественный час, когда нужны не декларации и слова, а дело».

Но еще до этого выступления фракции большевиков и левых эсеров потребовали прервать заседание для совещаний по фракциям, и, добившись перерыва, большевики приняли написанную Лениным декларацию, которая заканчивалась словами: «Не желая ни минуты прикрывать преступления врагов народа, мы заявляем, что покидаем Учредительное собрание с тем, чтобы передать Советской власти окончательное решение вопроса об отношении к контрреволюционной части Учредительного собрания».

В зал заседания для оглашения принятого документа вернулись два депутата, один из которых — Ф. Раскольников — и сделал это. Примеру большевиков после некоторых колебаний последовали левые эсеры, а также представители некоторых национальных группировок — всего свыше 150 депутатов.

Уход большевиков и их временных союзников предопределил судьбу Учредительного собрания. И все же оставшиеся «учредиловцы» продолжали выполнять задуманный план, в спешке проштамповывая подготовленные фракцией правых эсеров законопроекты о земле и мире, государственном устройстве страны. В пятом часу утра под предлогом того, что

«караул устал» по поручению коменданта Таврического дворца П. Дыбенко матрос А. Железняков предложил депутатам покинуть зал заседания. Председателю собрания В. Чернову не оставалось ничего, как объявить заседание закрытым, а следующее назначить «на сегодня же в 5 часов дня».

Но вторично собраться в Таврическом дворце депутатам уже не пришлось. В ночь с 5 на 6 января СНК принял написанный Лениным декрет о роспуске Учредительного собрания. Днем позже он был утвержден ВЦИК.

Роспуск «Учредилки», как стали позже называть это Собрание советские историки, не вызвал у населения страны сколько-нибудь серьезного протеста. Наоборот 11 губернских съездов крестьян, состоявшихся в январе в Европейской части России, одобрили декреты СНК и ВЦИК о роспуске Собрания. Лишь в восьми волостях Самарской губернии правым эсерам удалось организовать локальные восстания деревенского населения. В Пермской губернии подобные попытки эсеров поддержки у крестьян не нашли. На отдельных из 78 уездных съездов, прошедших тогда же в европейской части страны, заслушивалось по два доклада: один от советского блока большевиков с левыми эсерами, другой — от правых социалистов-революционеров. Около 70% делегатов крестьян голосовали за власть Советов. Остальные оставались индифферентными к форме власти или колебались.

Роспуск Учредительного собрания знаменовал углубление раскола в политически активной части российского общества — интеллигенции и передовых рабочих. Но в основной массе крестьянства и средних слоях города сколько-нибудь мощного и организованного протеста, на что рассчитывали противники большевиков, он не вызвал. Последнего обстоятельства не учитывают те историки и особенно публицисты, которые в связи с переосмыслением прошлого усматривают в событиях 5—6 января 1918 г. едва ли не главную причину социального раскола России и Гражданской войны, своеобразный рубеж между законом и чрезвычайщиной, между согласием и конфронтацией во всех слоях российского населения.

Силами, нагнетающими политические страсти, являлись партии, для элитной части которых борьба за перетягивание каната власти составляла главную цель их деятельности. Ради достижения ее, в схватках со своими противниками они использовали все средства, вплоть до шантажа, клеветы и подлога.

К примеру, большевики, захватив власть, не медля объявили кадетов партией врагов народа, а в ленинской декларации, обосновывая свой уход из Учредительного собрания,

аналогичное обвинение они бросили и в адрес умеренных социалистов. Ссылаясь на упомянутые факты, многие современные исследователи полагают, что именно большевики являлись инициаторами развязывания Гражданской войны. Но они почему-то умалчивают о том, что первыми точно такое же обвинение бросили в лицо большевистской власти лидеры правых социалистов. Еще в конце октября 1917 г. в обращении к гражданам России они от имени Президиума Предпарламента заявили, что «такая власть должна быть признана врагом народа и революции, с ней необходимо бороться, ее необходимо свергнуть».

Вот почему, на наш взгляд, правильнее в данном случае говорить о том, что возникновение гражданской междоусобицы было делом рук обеих враждующих сторон.

На этом этапе революции возможности политического компромисса в рамках представительных учреждений типа: Учредительного собрания — в центре, а земств и городских самоуправлений — в низшем звене, были исчерпаны, и судьбы страны стала определять вооруженная борьба на полях сражений Гражданской войны.

Формирование основ новой государственности

Главным политическим результатом октябрьско-ноябрьских событий в столицах, повлекших за собой цепную реакцию смены власти на местах, являлось создание основ новой государственности в России. Видная роль в этом отношении принадлежит **III Всероссийскому съезду Советов рабочих и солдатских депутатов**, начавшему работу **10 января 1918 г.**, т. е. через три дня после роспуска Учредительного собрания.

По замыслу большевистских и левоэсеровских лидеров он должен был осуществить то, чего им не удалось добиться от Учредительного собрания — придать должную легитимность власти Советов, приобретшей во многом ради этого коалиционный, двухпартийный характер. Ради этой цели их представители настояли на принятии съездом и открывшимся 13 января III Всероссийским съездом Советов крестьянских депутатов решения об их объединении, а соответственно и об объединении Советов рабочих и солдатских депутатов с Советами крестьянских депутатов на местах, чем завершалось объединение всей системы Советов в стране, начатое сверху еще в ноябре—декабре 1917 г. созданием единого ВЦИКа.

В работе объединенного съезда участвовало около 1600 депутатов с правом решающего голоса, представлявшие почти

все области и губернии, а также значительную часть национальных регионов России, в числе которых были делегаты 75 Советов Белоруссии, 60 — Украины, 18 — Прибалтики, 8 — Северного Кавказа и 4 — Средней Азии.

Благодаря их преимущественно большевистско-левоэсеровскому составу (чему способствовал демонстративный уход со съезда крестьянских депутатов его правоэсеровского крыла) объединенный съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов выполнил задачу, которую накануне проигнорировало Учредительное собрание — принял **«Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа»**, приобретшую, таким образом, силу важного конституционного акта Советской республики. В ней подтверждались завоевания большевистского Октября: отмена частной собственности на землю, советская политика мира, рабочий контроль в промышленности, национализация банков. Этим придавалась формальная легитимность власти Советов, а объединение последних способствовало расширению социальной базы нового режима. Той же цели было подчинено и принятие съездом постановления «О новом обозначении существующей верховной государственной власти». Если решением II съезда Советов Совнарком, впредь до Учредительного собрания, был назван Временным рабоче-крестьянским правительством, то постановлением III съезда слово «Временное» из названия советского правительства снималось. Кроме того, съезд принял резолюцию «О федеральных учреждениях российской республики», в которой подчеркивалось, что Советская Федерация — это союз республик народов России и намечались принципы взаимоотношений общегосударственных и местных органов Советской власти.

Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в пределах федерации был высшим органом государственной власти. В периоды между съездами Советов им являлся ВЦИК, избираемый на съездах. Правительство федерации формировалось и смещалось тоже съездами Советов или ВЦИК. Съезд избрал новый состав ВЦИК в количестве 306 человек, из которых 160 являлось большевиками, 125 — левыми эсерами, 7 — правыми эсерами, 7 — максималистами, 2 — меньшевиками-оборонцами и 2 — меньшевиками-интернационалистами.

Решения съезда придали импульс процессу слияния рабоче-солдатских и крестьянских Советов на местах, а следовательно и упрочению новой власти на территории страны. Но это не исключало и роста трений внутри единой системы Советов. Дело

в том, что в идейно-политическом арсенале большевиков лозунг союза рабочего класса и крестьянства, хотя и занимал важное место, труженику деревни в этом альянсе они отводили второстепенную роль несамостоятельной, политически ненадежной, ведомой рабочими силы. По этой причине представителям крестьянства, составляющего свыше 80% населения страны, при слиянии Советов в исполкомах всех уровней (от Всероссийского до волостного масштаба включительно) отводилась лишь одна треть мест, остальные две трети занимали выборные от секций рабочих и солдат, находившиеся под преимущественным влиянием большевиков.

Такой расклад сил в советском аппарате управления не устраивал партнеров большевиков по правительственной коалиции — левых эсеров, выражавших интересы большинства трудового населения страны — крестьянства. В этом заключалась одна из причин разногласий, которые сопровождали коалицию едва ли не с первых недель ее существования и, постепенно нарастая, привели через полгода к окончательному разрыву, после чего большевики встали на путь утверждения в стране монополии на власть одной партии.

Но объективности ради следует заметить, что начальные шаги большевистского руководства Советами, как органами власти, еще не предвещали им столь незавидной участи. Согласно конспекту лекций о советской власти, которые на основе решений III Всероссийского съезда Советов читались в Смольном организаторам, подготавливаемым для работы в деревне (этот конспект имел силу официального документа, поскольку рассылался на места в порядке правительственной инструкции за подписью комиссара отдела местного управления НКВД М. Лациса), выборы в Советы должны быть прямыми, тайными и пропорциональными при выставлении кандидатов по партийным спискам. Но, как подчеркивалось в этом документе, право участия в Советах имеют только трудовые элементы, т. е. все «живущие своим трудом». Интеллигенция — учителя, врачи, агрономы, техники и др. — допускалась в Советы «при условии признания Советской власти». А вся буржуазия — купцы, сельские кулаки, помещики, а также царские чиновники и жандармы — в Советы не допускалась.

Советы рабочих, солдатских, батрацких, крестьянских и казачьих депутатов должны быть едиными, раздельное существование их, говорилось далее — «не должно иметь места».

Становясь в соответствии с решениями III Всероссийского съезда едиными, Советы всех уровней, где крестьянские

депутаты подпадали под формально пролетарское, а фактически большевистское руководство, обретали реальную возможность сосредоточить всю полноту власти на местах. Чтобы устранить двоевластие (Советов и земских управ) и многовластие (Советов, земств, земельных, продовольственных и иных комитетов), существовавшее до января 1918 г. во многих деревнях, упомянутой своеобразной инструкцией предусматривалось, что «прежние волостные земства со всем хозяйством переходят Совету», т. е. упраздняются. С той же целью и земельные комитеты должны были стать отделами Советов и, как подчеркивалось в том документе, «подчиняются им всецело».

Свертывание демократических начал и усиление большевистского диктата в системе Советов происходило по мере расширения масштабов и ожесточения характера Гражданской войны — с одной стороны, и углубления процесса бюрократизации советского аппарата управления — с другой. Если провозглашение и установление власти Советов в конце 1917 г. и в первые месяцы следующего года сопровождались вооруженной борьбой преимущественно в крупных городах страны и почти не имевшей место в деревне, где крестьянство, удовлетворенное Декретом о земле и Основным законом о социализации земли, было предоставлено самому себе, то весной и особенно в начале лета 1918 г. ситуация в стране резко осложнилась. Заключением унизительного Брестского мира Советская власть оскорбила патриотические чувства тружеников деревни, настроила их против большевиков, но еще больше горючего материала в огонь гражданской междоусобицы подлила политика продовольственной диктатуры и комитетов бедноты. Этой политикой партия большевиков добилась того, что Гражданская война в стране дошла, по признанию Ленина, до глубины основного источника — российской деревни.

Немало сложностей оказалось сопряжено и с решением вопроса о кадрах нового аппарата управления. С большим трудом, опираясь на активистов профсоюзов и фабзавкомов, большевикам удалось преодолеть саботаж служащих прежних министерств и ведомств. Чиновничество постепенно возвращалось на былую работу, предварительно пройдя через «сито» комиссии ВЦИК по проверке лояльности к новой власти. Скоро оказалось, что в наркоматах чиновники «старых» министерств составляли от четверти до двух пятых общего числа сотрудников, что, естественно, не могло не вызывать нареканий со стороны трудящихся, увидевших вчерашних «столона-

чальников» на насиженных местах в составе новых правительственных учреждений. Не случайно в партийно-профсоюзных кругах притчей во языцех стала опасность произвола в лице родившегося советского бюрократизма, природу которого усматривали в засилье потомственных «чинодралов» (как несколько позже называл их Ленин) среди служащих нового госаппарата. Недавняя убежденность большевистских вождей в необходимости привлечения «всякой кухарки к управлению государством» осталась в анналах отечественной истории памятником утопии, используемой в целях политической демагогии.

Разрыв коалиции с левыми эсерами и становление однопартийной системы

Краху идей государства-коммуны, с которыми большевики шли в 1917 г. на овладение властью, в значительной мере способствовало обострение их взаимоотношений с политическими партиями социалистической ориентации, одни из которых (меньшевики, правые эсеры, народные социалисты и пр.) до лета 1918 г. продолжали действовать в Советах в качестве оппозиционной силы, хотя одновременно создавали для борьбы за власть антибольшевистские подпольные организации — Союз Возрождения, Союз защиты Родины и свободы, Национальный центр и др., а левые эсеры даже делили с коммунистами прерогативы государственной власти.

Но с нарастанием трудностей в экономической жизни страны и усилением Гражданской войны сначала были исключены из Советов правые социалисты, а с заключением Брестского мира и, особенно, с введением продовольственной диктатуры и комбедов, ужесточивших насилие власти над крестьянством, достиг критической точки и накал страстей внутри коалиционного союза двух правящих советских партий. К открытию V Всероссийского съезда Советов левоэсеровские лидеры приурочили антибольшевистское выступление в Москве. Поводом к нему послужило убийство 6 июня 1918 г. сотрудниками ВЧК, левыми эсерами Я. Блюмкиным и Н. Андреевым, германского посла графа Мирбаха.

В отношении этих событий в современной литературе существуют разные версии. Согласно одной из них, принадлежащей Ю. Фельштинскому, никакого вооруженного выступления левых эсеров в Москве не было, а все произошедшее 6—7 июля рассматривается как удачно спланированная в кулуарах ВЧК провокация большевиков, позволившая им одним ударом фак-

тически покончить с реальными претендентами на всю полноту власти в стране — партией левых эсеров. Но обосновывается она главным образом на более поздних, весьма сомнительного свойства показаниях переметнувшегося в конце Гражданской войны к большевикам авантюриста Блюмкина. Другие версии сводились к тому, что мятежные устремления левоэсеровских вождей пытались использовать в целях передвижки власти от Ленина и его окружения их конкуренты в лице не только Л. Троцкого и его единомышленников, но и группы левых коммунистов во главе с Н. Бухариным. Однако сведения, на которые они опираются, еще менее надежны.

Активных боевых действий мятежники не предприняли, ограничившись арестом председателя ВЧК Ф. Дзержинского, его коллеги М. Лациса, председателя Моссовета П. Смидовича и рассылкой телеграмм по стране с призывом к восстанию против германского империализма. Воспользовавшись этим, большевики решительными действиями дивизии латышских стрелков под командованием И. Вацетиса подавили мятеж.

Спустя три дня на Восточном фронте путч организовал его командующий, левый эсер М. Муравьев, пытавшийся провозгласить Поволжскую Советскую Республику. Он разослал телеграммы с объявлением войны Германии и призвал население к всеобщему восстанию. Декретом СНК Муравьев был объявлен вне закона и отстранен от командования фронтом. Симбирский Губисполком вызвал его на переговоры в свое здание, где была устроена засада. В возникшей перестрелке мятежник погиб, а его отряд был разоружен латышскими стрелками, и здесь сыгравшими роль ударного кулака большевиков.

Этими действиями лидеры левых эсеров дали большевикам предлог для окончательного разрыва правительственной коалиции. Была подведена черта под периодом существования власти Советов на базе двухпартийного альянса и положено начало формированию однопартийной большевистской диктатуры. Лидеры большевиков, и ранее известные своей нетерпимостью к политическим оппонентам, ужесточают репрессии по отношению к социалистическим партиям, рассматривая последних как ближайших противников. Драматический исход блокирования с левыми эсерами укрепил убеждение большевиков в том, что только их партия способна руководить строительством социалистического общества, основанного на социальной справедливости, а меньшевики, эсеры, народные социалисты и прочие только

маскируют идеалами социализма свою контрреволюционную природу, и им не может быть места в рабоче-крестьянской России. Деятельность же левых эсеров как партии хотя и не была запрещена, но в работе Советов они могли участвовать теперь лишь в индивидуальном порядке при обязательном отказе от поддержки политики своего ЦК.

Монопольное положение большевиков во властных структурах отрицательно отражалось не только на дальнейшей эволюции всей политической системы общества, все более сводящейся к диктату одной партии, но и на самой этой партии, быстро подвергавшейся огосударствлению, сращиванию ее руководящих органов с государственным аппаратом.

Большевистские преобразования в экономике

В отечественной историографии советской эпохи прочно утвердилось далекое от реальности мнение о первых шагах экономической политики большевиков, как о времени успешного созидания основ социалистической экономики методами так называемой красногвардейской атаки на капитал. Что же касается ленинского замечания о том, что изданием в ноябре 1917 г. Декрета о государственной монополии на объявления и некоторыми другими законопроектами новая государственная власть — диктатура пролетариата — сделала попытку осуществить переход к новым общественным отношениям с наибольшим приспособлением к существовавшим тогда отношениям, по возможности постепенно и без особой ломки, оно если и упоминалось, то всего лишь как частный эпизод на пути поступательного обобществления пролетарским государством основных средств производства.

В годы перестройки и затем в постсоветских условиях возобладали прямо противоположные, сугубо негативные, оценки тех перемен хозяйственной жизни страны, которые связаны с установлением Советской власти. Одни историки считают «красногвардейскую атаку на капитал» политикой разрушения производственных сил, когда безраздельно господствовал лозунг «грабь награбленное». Другие полагают, что у большевиков не было никакой экономической программы и что вся их деятельность определялась принципом «проб и ошибок», опирающимся исключительно на насилие. Нет особой нужды доказывать, что оба эти взгляда весьма тенденциозны.

Известно, что программу экономических преобразований, рассчитанных на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, большевистская партия намечала в решениях VII апрельской конференции и VI съезда РСДРП(б), прошедших весной и летом 1917 г. Но покоились эти документы на анализе российской хозяйственной действительности, своеобразно сочетавшей в себе противоположные тенденции. С одной стороны, они учитывали чрезвычайную сложность хозяйственных задач будущего социалистического переворота применительно к стране с многоукладной экономикой, в которой, по определению Ленина, «самые развитые формы капитализма охватили небольшие верхушки промышленности и совсем мало еще затронули земледелие». С другой стороны, они не могли не принимать во внимание действие государственно-капиталистических тенденций в экономике не только стран Запада, но и России.

А наличие элементов государственно-монополистического капитализма рассматривалось большевиками в качестве свидетельства высокой степени зрелости материально-технической базы страны в целом для непосредственного перехода к новому общественному строю — социализму. Исходя из этого, Ленин в работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», обвиняя российскую буржуазию в сознательном нагнетании кризисной атмосферы в стране, заявлял, что едва ли не одним всенародным контролем за производством и распределением можно будет предотвратить надвигающуюся на страну хозяйственную катастрофу. Но став правящей партией, большевики скоро поняли, что справиться с хозяйственными трудностями не так просто, как недавно казалось. Сложную задачу адекватного соотнесения тех и других тенденций с постоянно меняющимися условиями, в которых находилась страна, и перестройку хозяйственной системы России посредством тех или иных мер регулирования разных отраслей экономики, Советской власти решить долго не удавалось.

Так, в первые дни управления страной основной упор в хозяйственной работе был сделан на учет относительной хозяйственной отсталости России. В соответствии с этим, предпринималась попытка осуществить переход к новым общественным отношениям как в сфере промышленности, так и в банковском деле с наибольшим приспособлением к существовавшим отношениям по возможности постепенно и без насильственной ломки. Помимо объективного фактора — недостаточно высокой производительности труда в отечественной промышленности, — новая власть должна

была учитывать своеобразие факторов субъективного порядка. «Мы не декретировали фазу социализма во всей нашей промышленности потому, — отмечал позже Ленин, — что социализм может сложиться и упрочиться только тогда, когда рабочий класс научится управлять, когда упрочится авторитет рабочих масс». Помимо привития рабочим умения управлять промышленностью, с чего начала осуществляться система мер переходного от капитализма к социализму свойства, рабочий контроль преследовал цель посильного регулирования органами этого контроля отечественного промышленного производства.

Параллельно с рабочим контролем большое значение для создания так называемых «командных высот» в экономике имело овладение государством банковской системой, которую вождь большевиков называл «нервом» всей капиталистической жизни. Одним из первых актов октябрьского переворота был захват днем 25 октября 1917 г. Государственного банка — центрального эмиссионного и крупнейшего коммерческо-кредитного учреждения, систематически и в широких масштабах кредитовавшего частные банки. Законодательного оформления национализации в данном случае не потребовалось: как казенное учреждение, банк перешел в руки новой государственности вместе с государственной властью.

После подавления саботажа высших служащих банка и организационного овладения его аппаратом, потребовавшего немало усилий, Совнаркомом были предприняты шаги к установлению через Госбанк государственного контроля (надзора) за деятельностью частных коммерческих банков. Соглашение между Госбанком и частными петроградскими банками о таком контроле состоялось 3 декабря 1917 г.

Банковский саботаж вынудил большевиков ускорить национализацию частных банков и кредитных учреждений. Днем 14 декабря 1917 г. отряды красногвардейцев заняли все частные банки и кредитные учреждения Петрограда, в которых сосредотачивалось до 3/4 всех средств частных банков России. **Отныне банковское дело становилось государственной монополией.**

Овладев банковским и финансовым делом, новая власть приступила к ликвидации внутренних и внешних государственных долгов, общая сумма которых составляла 50 млрд золотых руб. (из них примерно треть падала на внешние долги). Национализация банков и аккумулирование иностранных займов создали основы для экономической независимости страны, но в то же время осложнили дальнейшие

взаимоотношения с внешним миром и дали повод для установления экономической блокады Советской России, убытки от которой по размерам превзошли выгоды, достигнутые анулированием внешнего долга.

В промышленности тем временем значительное распространение получили органы **рабочего контроля.** По данным промышленной переписи 1918 г. 48,1% всех предприятий осенью этого года имели фабзавкомы, наделенные правом рабочего контроля, а еще 24,8% — специальные комиссии рабочего контроля.

Но вопреки надеждам большевистских руководителей, сколько-нибудь действенной школы управления из органов рабочего контроля не получилось, поскольку рабочие, оказавшиеся в положении учеников, и предприниматели наряду со специалистами-управленцами, призванные передавать рабочим свои знания и опыт, не только не доверяли друг другу, а в обстановке ожесточенной классовой вражды открыто боролись за право на владение предприятиями.

В условиях постоянно возникавших конфликтов на этой почве, центральные и региональные органы советской власти все чаще стали национализировать отдельные фабрики и заводы, рассматривая национализацию как репрессивную меру по отношению к предпринимателям, не признающим рабочего контроля. Более того, руководствуясь ленинским тезисом, гласившим, что государственно-монополистический капитализм является полнейшей материально-технической подготовкой социализма, большевики от национализации отдельных предприятий переходят к обобществлению целых отраслей промышленности, таких как нефтяная, сахарная и др., где преобладали синдицированные формы их организации, считавшиеся полностью созревшими для социалистического обобществления. Осуществляя форсированную национализацию промышленного производства, большевики меньше всего руководствовались соображениями социально-экономической целесообразности. **Проводимая методами пресловутой «кавалерийской атаки на капитал» национализация преследовала прежде всего ярко выраженную политическую цель: подрубить устои экономического господства основного классового противника — буржуазии.**

Усматривая в национализации едва ли не панацею от экономических и социальных бед, порожденных революционной смутой, большевистские лидеры надеялись на то, что форсированное обобществление будет способствовать

хозяйственной стабилизации, оздоровлению находящейся на грани краха финансовой системы страны, восстановлению былого курса рубля. Реалии грозового 1918 г. развеяли эти надежды. Вместо стабилизации и оздоровления практика ускоренного обобществления не только крупной, но средней, а порой и мелкой промышленности только углубляла агонию народно-хозяйственного организма Советской России. Помимо обострения прежних проблем в промышленности и инфраструктуре страны, появились новые, еще более сложные, связанные с организацией промышленного производства на национализированных предприятиях, управлением ими, полностью огосударствленным железнодорожным и водным транспортом, а также внешней торговлей, в сфере которой был установлен режим государственной монополии.

В данной связи возникает вопрос — что более пагубно воздействовало на состояние указанных отраслей народного хозяйства страны: низвержение самодержавия и последующая социально-экономическая политика «героев февраля» или Октябрьский переворот большевиков и их национализаторские эксперименты? Дать достаточно убедительный ответ на него практически невозможно, но попытаться все же следует. Слишком много факторов оказывало то или иное влияние на социально-экономическую жизнь страны в эпоху великих потрясений и слишком беден конкретно-исторический материал, которым располагают исследователи, чтобы учесть силу и результативность разнонаправленного воздействия каждого из этих факторов и хотя бы приблизительно определить их равнодействующую.

Сведения, пусть и недостаточно масштабного характера, но проливающие яркий свет на поставленный вопрос, содержатся в отчете Главного управления кондитерской промышленности (Главкондитера) Высшего Совета народного хозяйства (ВСНХ) — правительственного органа, созданного 1 декабря 1917 г., в сферу деятельности которого входили национализация крупной промышленности, ее регулирование и управление. В этом отчете говорится о состоянии кондитерской промышленности Москвы и Московской губернии за период с конца 1916 г. по 1 января 1919 г.

Сведения этого документа показывают, что в указанном районе на 1 декабря 1916 г., т. е. накануне февральского 1917 г. переворота, действовало 160 крупных, средних и мелких предприятий кондитерской промышленности. К концу 1917 г., т. е. после октябрьско-ноябрьских событий во второй столице и в гу-

бернии, но под воздействием, главным образом, февральского переворота и связанных с ним коллизий, количество кондитерских предприятий сократилось до 16 — ровно в 10 раз. К ноябрю 1918 г., когда в Москве и Подмосковье прошла основная волна национализации крупного и среднего промышленного производства, в кондитерской промышленности продолжали действовать лишь 4 крупные фабрики. Иначе говоря, за год после большевистского переворота число кондитерских предприятий здесь уменьшилось в 4 раза, но следует отметить, что при национализации оставшиеся 4 фабрики поглотили основные капиталы и имущество 12 ликвидированных в это время предприятий.

Еще более существенные перемены под влиянием интересующих нас событий произошли за те же два года в отношении эффективности производства московских кондитерских предприятий. Если в конце 1916 г. из пуда основного сырья кондитерского производства — сахара (к которому добавлялись мука, патока, какао, фрукты, ягоды и т. п.) изготовлялось 3 пуда различной кондитерской продукции, то в следующем году — 2, а к исходу 1918 г. всего 1 пуд. Таким образом, в известной степени под влиянием февральского переворота эффективность производства уменьшилась на треть, а октябрьского — еще вдвое. Следовательно, большевистский переворот, вместе с последующими экспериментами, ударил по эффективности кондитерского производства сильнее, чем его предшественник — февральский переворот 1917 г., но при этом именно «февральское действо» положило начало падению эффективности производства, а большевистский октябрь несколько ускорил темпы этого процесса. К тому же, нужно учитывать снижение качества выпускаемой продукции. А оно происходило хотя бы потому, что в условиях все углубляющегося кризиса натуральное сырье заменялось суррогатами: сахар — сахарином, мед — патокой и т. п.

Как бы то ни было, но даже этот пример ограниченного свойства содержит информацию, проясняющую некоторые аспекты ответа не только на возникший вопрос, но и на более общую проблему уточнения глубины разрушительного воздействия революционных потрясений 1917—1918 гг., — на социально-экономическое и общественно-политическое состояние России интересующей эпохи. Тот факт, что всего за два года революции, сопряженной сначала с мировой, а затем и Гражданской войнами, в одной из областей пищевой промышленности Москвы и губернии число предприятий сократилось в 40 раз, а эффективность производства на 4-х оставшихся

фабриках упала втрое, является небольшим по масштабу, но убедительным по яркости примером для выяснения крупной научной, политической и иной проблемы как отечественной, так и всемирной истории — цены великих революционных потрясений.

В заключение добавим, что за 1917—1918 гг. по стране в целом закрылись не сотни, а тысячи промышленных предприятий разных отраслей. Концы с концами едва сводили лишь те немногие, что работали на оборону. Предельно низко упал жизненный уровень рабочего класса, да и большинства других групп населения. Пролетарские семьи и многие городские жители голодали. В Петрограде, Москве, Туле, Иваново и других промышленных центрах распространенным явлением стало забастовочное рабочее движение. Тушить пожар забастовок большевикам приходилось или репрессиями, или назначением забастовщикам большего, чем обычный, «красноармейского пайка».

Еще бóльшую головную боль активистам правящей партии сулил аграрно-крестьянский вопрос, который имел животрепещущее значение для абсолютного большинства населения России. Как упоминалось ранее, не от хорошей жизни вождю большевиков пришлось включать в Декрет о земле эсеровскую формулу «Земля — общенародное достояние», а не большевистское требование национализации всех, в том числе и надельных крестьянских земель.

Стремясь если и не привлечь большинство крестьян на сторону Советской власти, то хотя бы нейтрализовать их, большевики положили в основу этого документа и Закона о социализации земли, принятого ВЦИКом 19 февраля 1918 г., принцип уравнительного землепользования, острие которого было направлено на уравнение в поземельных отношениях крестьянина и помещика. Во исполнение названных законодательных актов осенью—зимой 1917—1918 гг. в большинстве губерний Европейской России, где был сосредоточен основной массив помещичьего землевладения, широко развернулся процесс конфискации помещичьих имений.

По степени организованности или стихийности этот процесс в региональном отношении заметно разнился: в уездах и губерниях, близких к столицам, конфискация помещичьих экономий носила преимущественно организованный характер, на окраинах, в так называемых «медвежьих углах», картина была иная — здесь крестьяне чаще грабили и громили помещичьи хозяйства. Так в Тверской губернии стихийные погромы помещичьих имений после октябрьского переворота имели

место лишь в 33 случаях, тогда как с октября 1917 г. по май 1918 г. здесь было конфисковано 810 имений. В Рязанской губернии за ноябрь—декабрь 1917 г. и январь 1918 г. было принято на учет 595 имений, а подверглись разгрому 62, т. е. немногим более десятой части.

Погромы помещичьих гнезд нередко организовывались зажиточными крестьянами и земельными органами, где «кулаки» преобладали. Недаром товарищ министра земледелия подпольно действовавшего Временного правительства Н. Ракитников в своем циркуляре от 20 ноября 1917 г. признавал, что «выигрывают при таком движении только богатые, кулацкие элементы деревни, у которых есть на чем развозить и растаскивать помещичье добро, а бедняки и солдатки остаются ни при чем».

Были и другие мотивы разгромов. В анкете земотдела Псковского губисполкома отмечалось, что разгромов имений было очень много и «причина тому — нашествие немцев».

Положительную роль в деле предотвращения подобных эксцессов играла сельская община. Мирская солидарность способствовала втягиванию в борьбу за землю практически всего населения того или иного сельского общества, вносила в нее определенный, крестьянского разумения, порядок. Благодаря ей даже такая стихийная форма ликвидации помещичьего землевладения, как разгромы имений, приобретала характер относительной организованности. Имущество имений в этих случаях не растаскивалось по принципу «кто что захватил и кто сколько унес», а собиралось воедино и делилось по едокам или по жребию, или поровну и даже продавалось, а вырученные деньги делились по тем же правилам между домохозяевами.

О распределении сельскохозяйственного инвентаря помещиков сводные данные имеются по 1316 волостям 18 губерний Европейской России. Почти в каждой второй волости (в 547) инвентарь был оставлен для прокатных пунктов, коллективных хозяйств и других общественных нужд, а в 354 волостях — распределен между всеми гражданами, в 195 — только среди бедноты, в 78 — стихийно разобран крестьянами, а в 142 волостях инвентаря в имениях не оказалось.

Переход в руки трудящихся деревни почти всей помещичьей земли и инвентаря, по мысли большевиков, должен был укрепить союз крестьянства с пролетариатом. Однако действительность весны—лета 1918 г. говорила об обратном — в условиях безудержной инфляции деревня не желала снабжать города и Красную армию хлебом за обесцененные

Вывоз хлеба продотрядом. Район Уфы. 1918 г.

деньги. Голод с каждым днем усиливался, охватывал все новые районы, порождая восстания в деревнях потребляющих районов, волнения рабочих в промышленных центрах.

В этих условиях большевистская власть ужесточает свою политику в деревне. Помимо бедственного продовольственного положения, сказывался и взгляд большевиков на крестьянство как на мелкую буржуазию, способную поддержать свергнутых помещиков и капиталистов. Вот почему ВЦИК и СНК решают силой отобрать хлеб у мужика. **Декретами 9 и 27 мая 1918 г. устанавливается режим продовольственной диктатуры.** Владельцы хлеба, имеющие его излишки и не вывозящие их на станции и места сбора и ссыпки, объявлялись врагами народа и подлежали тюремному заключению сроком не менее 10 лет, конфискации всего имущества и изгнанию навсегда из общины. Избыток сверх запаса для личного потребления должен был в недельный срок заявлен к сдаче каждым крестьянином. В случае обнаружения незаявленного избытка у какого-либо владельца, он отбирался у него бесплатно, а твердая цена, полагавшаяся за него в половинном размере, выплачивалась тому, кто на него укажет, другая половина — сельскому обществу. Эти меры должны были разжечь классовую борьбу бедняков против зажиточной части деревни. Для сплочения бедноты декретом ВЦИК от 11 июня 1918 г. организуются **комитеты бедноты**. Они должны были помогать продотрядам

отнимать хлеб у состоятельных хозяев, а также осуществлять новый раздел земель, изымая излишки их и инвентаря у кулачества.

Продовольственная диктатура и деятельность комбедов усугубили раскол в деревне. Гражданская война вступила в новую фазу, когда в вооруженное противоборство оказывается втянутой деревня, население которой составляло подавляющее большинство в стране.

Но ни проддиктатура, ни комбеды не смогли устранить продовольственного кризиса. Попытки насильно изъять хлеб у кулачества, свернуть рыночные связи деревни с городом породили широкую нелегальную торговлю хлебом и массовое мешочничество. Городское население получало через систему государственного распределения около 2/5 частей потребляемого хлеба, а остальную — через так называемую вольную торговлю.

Советская власть вынуждена была в моменты острейших продовольственных кризисов легализовать провоз хлеба в города мешочниками по норме 1,5 пуда на человека. В сентябре 1918 г. армия таких заготовителей закупила и поставила в столицы более 7,5 млн пудов хлеба, т. е. вдвое больше, чем намечалось Наркомпродом.

Вот почему рабочие в массовом порядке настаивали на лишении Наркомпрода чрезвычайных полномочий и требовали легализовать торговлю хлебом.

Конституция РСФСР 1918 г.

Прошло 8 месяцев существования нового государственного строя в России. Его основы законодательно закреплялись в течение этого времени декретами ВЦИК и СНК. Но в целях придания всей советской организации должной стройности и согласованности в работе всех ее звеньев назревала потребность разработать Основной закон Советской республики — **Конституцию.** Решение о ее подготовке было принято еще III съездом Советов в январе 1918 г. Однако вплотную взяться за ее разработку большевистское руководство смогло лишь в апреле—мае этого года, для чего ВЦИКом была создана специальная комиссия во главе с Я. Свердловым. Но поскольку работала она медленно, решением ЦК РКП(б) в конце июня была создана новая комиссия под председательством Ленина. Эта комиссия завершила подготовку проекта Конституции, который и был вынесен на обсуждение **V Всероссийского съезда Советов.** В качестве первого раздела Конституции, по предложению

Ленина, в него была включена «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», содержащая следующие основополагающие устои новой государственности: диктатура пролетариата, общественная собственность на землю и основные средства и орудия производства, федеративное устройство республики при закреплении за народами России права на самоопределение. Но от идеи государства-коммуны, которую большевистские вожди отстаивали, борясь за власть в течение 1917 г., им пришлось отказаться. В новом государстве сохранялись постоянная армия, милиция, ВЧК, чиновничество и прочие атрибуты обычного государства.

Законодательная и исполнительная власть, согласно Конституции, принадлежала Советам, в деятельности которых разделение властей, как якобы рудимент отжившей буржуазной демократии, устранялось. Исполкомы Советов всех звеньев имели снизу доверху вертикальную подчиненность, что обеспечивало установление системы жесткой централизации власти. Относительно особой роли коммунистической партии в системе Советов в Конституции ничего записано не было, но именно большевикам в Советах, начиная с ВЦИК и СНК, принадлежала фактическая власть.

С целью утверждения в Советах гегемонии рабочих Конституция закрепляла за ними значительные правовые преимущества по сравнению с трудящимися деревни. На Всероссийские съезды Советов городское население избирало 1 представителя от 25 тыс. избирателей, а деревня — от 125 тыс. Кроме того, городские советы посылали своих делегатов на все съезды Советов непосредственно, вплоть до Всероссийских. Иначе говоря, устанавливалось еще большее политическое неравенство рабочих и крестьян. К ущемлению демократических начал в избирательной системе вело и установление открытого голосования на выборах. Вместе с тем, Конституция закрепила установившуюся недостаточно демократичную практику многостепенных выборов: непосредственно все избиратели на своих собраниях избирали только низшее звено власти — городские, сельские и поселковые Советы.

Все вышестоящие органы Советской власти, начиная от волисполкомов и кончая ВЦИК, избирались, соответственно, на волостных, уездных, губернских и Всероссийских съездах Советов. Бывшие капиталисты, помещики, чиновники старого режима, жандармы, духовенство, а также кулаки и другие представители ранее господствовавших классов избирательных прав лишались, что служило средством их политической изоляции.

С принятием Конституции новый политический и социально-экономический строй в Советской республике получил соответствующую правовую завершенность и юридическое оформление.

§2

Страна в огне вооруженной междоусобицы (1918—1920)

Строительство Красной армии

Важнейшим условием разрастания широкомасштабной Гражданской войны становится образование регулярных армий противоборствующих сторон. Следует отметить, что все воюющие армии времен Гражданской войны в большей или меньшей степени базировались на прежней императорской армии. Подвергшись в феврале 1917 г. революционному разложению, старая армия перестала выполнять свои основные функции, связанные с защитой Отечества от внешнего врага и поддержанием внутреннего порядка, а, напротив, превратилась в дестабилизирующий фактор. К моменту Октябрьской революции в ней числилось 6 388 126 солдат и офицеров во фронтовых частях и еще 1 346 260 — в тыловых гарнизонах. В стране имелось огромное количество оружия, боеприпасов, амуниции. Именно этим наследством свергнутого самодержавия и стремились воспользоваться вовлеченные в Гражданскую войну силы. Еще в дооктябрьский период на базе прежней регулярной армии свои вооруженные силы начали создавать сепаратистские лидеры национальных окраин, в частности Финляндии и Украины. Вскоре после победы Советской власти, в начале ноября 1917 г., к комплектованию регулярной армии, единственной задачей которой было свержение большевиков, приступили вдохновители «белого дела». Ее наиболее действенное ядро составили генералы и офицеры царской армии, а также юнкера и казачество.

Наибольшие преимущества для использования людских и материальных ресурсов прежней российской армии имелись у большевиков, сформировавших центральное общенациональ-

ное правительство и контролировавших города с наиболее развитой военной промышленностью. **Однако первоначально в отношении к армии большевики придерживались установок революционного марксизма, согласно которым в государстве рабочих и крестьян регулярная армия должна уступить место всеобщему вооружению народа.** Народная милиция, по убеждению лидеров большевиков, могла не только подавить сопротивление свергнутых классов, но и отстоять свободу страны. Такое понимание проблемы диктовало специфику первых шагов Советской власти в области армейского строительства. На II съезде Советов 26 октября 1917 г. в составе СНК создается **Комитет по военным и морским делам.** Главной его задачей становится смещение «контрреволюционных генералов» и дальнейшее революционизирование армии. 16 декабря СНК принимает важные декреты «Об уравнении всех военнослужащих в правах» и «О выборном начале и об организации власти в армии», согласно которым отменялись все существовавшие в армии чины и звания, отличия и титулы, узаконивались различные демократические организации, в частности солдатские комитеты, к которым переходит фактическая власть в армии.

Начавшийся еще в декабре 1917 г. процесс демобилизации старой армии, преимущественно стихийный, завершается в апреле 1918 г. Вместо нее в первые месяцы после прихода к власти большевики делали ставку на **Красную Гвардию.** Однако формирование последней велось стихийно, без общего плана, отдавалось на откуп местным советским органам. Как правило, красногвардейцами становились молодые рабочие, преданные революции, но плохо владеющие оружием и не знакомые с воинской дисциплиной. Немало в рядах Красной Гвардии было и деклассированных элементов, даже прежних жандармов и полицейских. Наладить должный порядок и управление отрядами красногвардейцев оказалось делом непростым.

В результате накопленного опыта происходит пересмотр основ армейской политики, и **советское правительство переходит к созданию регулярных вооруженных сил.** «Та революция чего-нибудь стоит, которая уметь защищаться», — эта ленинская фраза стала девизом, под которым разворачивалось строительство новой армии. Декрет о ее создании был принят 15 января 1918 г. Фундаментом **Рабоче-Крестьянской Красной армии** (РККА) стали отряды рабочей милиции и Красной Гвардии, а так же некоторые части прежней армии, сохранившие боеспособность и сочувствующие революции. Через несколько

Л. Троцкий выступает перед частями красноармейцев в Москве

дней, 29 января принимается декрет о создании Красного Флота. Строительство Красной армии направлялось **Наркоматом по военным и морским делам**, который в марте 1918 г. возглавил Троцкий, а так же Высшим военным советом, военным руководителем которого являлся генерал-майор царской армии М. Бонч-Бруевич, брат управделами СНК В. Бонч-Бруевича. Первым серьезным испытанием для Красной армии становится наступление немцев после срыва Брест-Литовских мирных переговоров. Учитывая угрозу Петрограду, СНК 21 февраля 1918 г. обратился с воззванием: «Социалистическое Отечество в опасности». Началась массовая запись добровольцев.

Первоначально в основу строительства РККА намечалось положить принципы классовости и добровольности. От идеи комплектации новой армии только за счет представителей прежде угнетенных классов пришлось отказаться с самого начала — регулярной армии требовались кадровые офицеры и опытные военачальники. Служить в Красную армию, прежде всего в силу патриотических убеждений, пошли такие видные военачальники русской армии, как Н. Потапов, А. Самойло, А. Снесарев, С. Каменев, И. Вацетис и др. Всего в нее было привлечено более 100 тыс. бывших генералов и офицеров, что

в 1918 г. составляло не менее 75% командного состава РККА. В условиях Гражданской войны пришлось отойти и от добровольческого принципа формирования армии — 22 апреля декретом ВЦИК вводилась всеобщая воинская повинность. Результаты не замедлили сказаться — к середине сентября 1918 г. РККА уже состояла из 6 армий и 54 дивизий, общая численность фронтовых и тыловых частей достигла 450 тыс. человек, была создана четкая структура управления войсками. Советской власти удалось наладить снабжение армии продовольствием, а так же оружием и боеприпасами из арсеналов царской армии, на ее нужды работали оставшиеся в строю оборонные предприятия.

Возникновение фронтов Гражданской войны, борьба с «демократической контрреволюцией»

Страна «вползала» в Гражданскую войну не сразу. Первоначально боевые действия носили локальный характер и не сопровождались таким ожесточением, как в дальнейшем. Участник Гражданской войны, белый офицер, а в последующие годы советский историк Н. Какурин называл это время «периодом эшелонной войны», подчеркивая эпизодический, спонтанный характер боевых действий. Но постепенно происходит формирование театров военных действий и регулярных фронтов Гражданской войны. В основном на этом этапе отдельные боевые действия происходили в казачьих районах Дона, Кубани, Урала, а также на Украине. Первым и одним из решающих фронтов Гражданской войны становится Восточный фронт. Его возникновение было связано с восстанием чехословацкого корпуса, охватившим протяженную полосу вдоль Транссибирской магистрали от Поволжья до Дальнего Востока.

Чехословацкий корпус вырос из дружины, созданной в 1914 г. в составе русской армии. Октябрьскую революцию командование корпуса встретило враждебно, не раз участвовало в подавлении революционных выступлений в Киеве и на Житомирщине. Идя навстречу французской стороне, 15 февраля 1918 г. советское руководство передало корпус под юрисдикцию Франции. Германия, находясь в состоянии войны с Францией, по условиям Брестского мира потребовала незамедлительно вывести корпус из России. Чтобы не обострять отношений с немцами, большевики решили разоружить чехословаков и перебросить их во Владивосток для дальнейшей оправки во Францию морским путем.

Положение Советской республики к сентябрю 1918 г.

Но эвакуация корпуса не входила в планы лидеров Антанты, и 2 мая 1918 г. в Версале Ллойд Джордж, Клемансо, Орландо, генерал Блисс и граф Мицуока выдвинули коллективную «Ноту № 25», согласно которой чехословакам предписывалось оставаться в России и принять участие в создании на ее территории нового Восточного фронта. Первоначально подразумевалось, что этот фронт будет направлен преимущественно против стран Четверного союза, но вскоре возникло решение использовать корпус для ликвидации большевистского режима. Ж. Нуланс, являвшийся в тот момент послом Франции в России, открыто поддержал мятеж чехословацкого корпуса и объявил его передовым отрядом армий союзников. Еще более откровенен в своих высказываниях был У. Черчилль, который заявил, что «вся русская территория от реки Волги до Тихого океана, почти не меньшая по размерам, чем африканский континент, перешла под контроль союзников».

Выступление чехословацких легионеров серьезно изменило внутриполитическую ситуацию в стране. Еще в мае 1918 г. VIII Совет ПСР высказался за развитие вооруженной борьбы с большевистским режимом, для чего необходимо было прибегнуть к помощи чехословаков. ЦК меньшевистской партии формально призывал членов своей партии не участвовать в антибольшевистских восстаниях, чтобы не сыграть на руку реакционной военщине, но на практике многие меньшевики поддержали чехословацкий мятеж. Опираясь на чехословаков и десанты интервентов, правые социалисты поспешили образовать ряд антибольшевистских правительств: **Комитет членов Учредительного собрания (Комуч) в Самаре, Временное сибирское правительство в Томске, Западно-Сибирский Комиссариат в Новониколаевске (ныне Новосибирск), Уральское временное правительство в Екатеринбурге** и др. В сентябре 1918 г. представители ряда антибольшевистских правительств провели совещание в Уфе. Под нажимом чехословаков, угрожавших открыть фронт большевикам, совещание избрало единое **Всероссийское правительство**, получившее название **Уфимской директории**. Его возглавил эсер крайне правого толка Н. Авксентьев.

Роль правых социалистов в создании альтернативных правительств летом—осенью 1918 г. дала повод некоторым историкам, вслед за бывшим министром труда в правительстве Комуча, меньшевиком И. Майским, называть эти месяцы Гражданской войны периодом «демократической контрреволюции». Правые социалисты претендовали на особый, «третий

путь» в революции и Гражданской войне, выступали против крайностей правой (буржуазно-монархической) и левой (большевистской) диктатуры. Их программа предусматривала: построение в России демократической республики, основанной на принципах Февральской революции; созыв Учредительного собрания; возвращение свободы торговли; социализацию земли; установление режима социального партнерства между рабочими и предпринимателями при отказе от рабочего контроля над производством.

Успеху «демократической контрреволюции» способствовала общая обстановка, сложившаяся в стране к лету 1918 г. Продолжавшаяся разруха, неспособность советских властей быстро справиться с ее последствиями предопределили неизбежный рост социальной напряженности. В Муроме, Рыбинке и других городах прошли антисоветские восстания. Самым крупным из них стал ярославский мятеж 6—21 июля, подготовленный савинковским «Союзом защиты родины и свободы». Нередко основной силой городских выступлений являлись рабочие. На гребне рабочего протеста в Петрограде, а затем и в других городах, возникает движение уполномоченных фабрик и заводов, претендовавшее стать альтернативой Советам. В августе 1918 г. в Ижевске произошло крупнейшее за все годы Гражданской войны рабочее восстание, в результате которого власть Советов в городе пала. Неспокойно было в деревне, где росло недовольство политикой комбедов и хлебных реквизиций: по официальным данным в это время в Поволжье, на Урале и других районах только крупных крестьянских выступлений произошло не менее 130.

Используя слабость советской стороны и военную поддержку чехословаков, эсеро-меньшевистские правительства на протяжении всего лета 1918 г. наносили большевикам серьезные удары. 6 августа 1918 г. «Народная армия» Комуча заняла Казань, открыв тем самым себе путь на Москву. Неудачи преследуют советские войска и на других направлениях. 31 июля пала Бакинская коммуна, вместо нее в городе возникает эсеро-меньшевистское правительство — Центрокаспий. 2 августа англичане, американцы, итальянцы и французы высаживаются в Архангельске, где образуется Верховное управление северной области во главе с народным социалистом Н. Чайковским. В конце июля Добровольческая армия генерала А. Деникина начала наступление на Кубань и заняла Екатеринодар. В те же дни казачьи части атамана П. Краснова развернули наступление на Воронеж и Царицын. К концу лета 1918 г. противники Советской

И. Вацетис (в центре) — первый главнокомандующий всеми вооруженными силами РСФСР. Рига. 1919 г.

власти контролировали подавляющую часть территории страны.

Советскому правительству приходилось напрягать все силы для выхода из кризиса. Летом 1918 г. большевикам удалось укрепить позиции в центральных районах страны. Пойдя на уступки крестьянству и рабочим, они несколько упрочили социальную базу своего режима. Против непримиримой оппозиции были предприняты жесткие меры: вслед за кадетами, запрещается деятельность и умеренно-социалистических партий. Кроме того, большевиками осуществляется комплекс чрезвычайных мер в военной сфере. 2 сентября ВЦИК объявляет Советскую республику «военным лагерем». Вместо Высшего военного совета формируется **Реввоенсовет Республики (РВСР)** во главе с Л. Троцким, учреждается должность **Главнокомандующего всеми вооруженными силами республики**, которую занимает командующий Восточным фронтом И. Вацетис. Вслед за Восточным, создаются Северный и Южный фронты, а так же Западный район обороны.

Эти и другие решительные меры принесли свои плоды. В кровопролитных боях Красная армия стабилизировала по-

ложение на ряде стратегических направлений. На юге уже в сентябре советские войска отбросили наступавшие части Краснова от Царицына. На севере было приостановлено наступление белых войск и интервентов. Мощное контрнаступление предприняли большевики на Восточном фронте: 10 сентября была взята Казань, 12 сентября — Симбирск, 7 октября — Самара, в день годовщины Октябрьской революции — Ижевск. Участь эсеро-меньшевистских правительств была предрешена.

Боевые действия в конце 1918 — начале 1920 г.

Осенью 1918 г. происходят серьезные перемены на международной арене. Первая мировая война, ввергшая Россию в революцию, заканчивается. В побежденных Германии и Австро-Венгрии вспыхивают революции. На занятых германскими войсками территориях Польши, Украины, Галиции, Белоруссии, Эстонии, Латвии и Литвы складываются буржуазно-националистические режимы, которые вступают в альянс со странами Антанты. Воспользовавшись крушением кайзеровской Германии, Советское правительство 13 ноября 1918 г. аннулирует Брестский договор, и новое правительство Германии оказывается перед необходимостью вывода войск из России.

Падение монархических режимов в странах Четверного союза, с одной стороны, приводит к оживлению в Европе революционных настроений, укреплению коммунистических и демократических партий, результатом чего становится создание 4 марта 1919 г. **III (Коммунистического) Интернационала.** С другой стороны, в государствах Антанты усиливаются круги, выступающие за немедленное подавление всех очагов революции, прежде всего в России. Поражение Германии высвобождало значительные боевые контингенты стран Антанты и одновременно открывало им возможности более активно вмешиваться в русские дела.

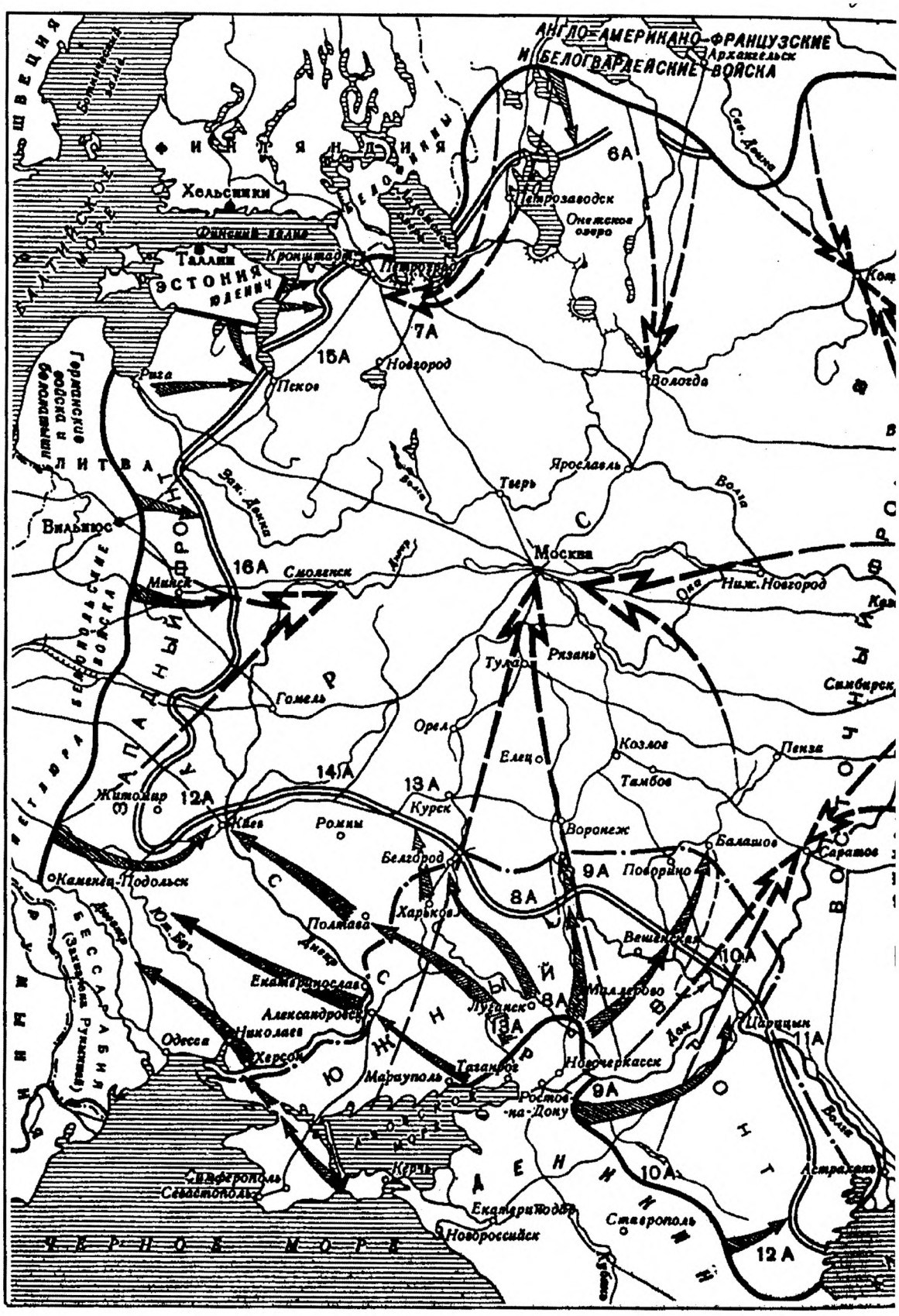
В ночь с 15 на 16 ноября в Черное море вошла объединенная англо-французская эскадра в составе 12 линкоров, 20 крейсеров и миноносцев. В дальнейшем под контролем Антанты оказались Новороссийск, Крым, часть Бесарабии, Закавказья и Украины. Общая численность союзнических армий достигала: на Юге России — 130 тыс., на Дальнем Востоке — 150 тыс., в Закавказье — 30 тыс., в районе Мурманска и Архангельска — более 25 тыс. На весну 1919 г. Антанта планировала объединенное наступление на Советскую Россию, названное

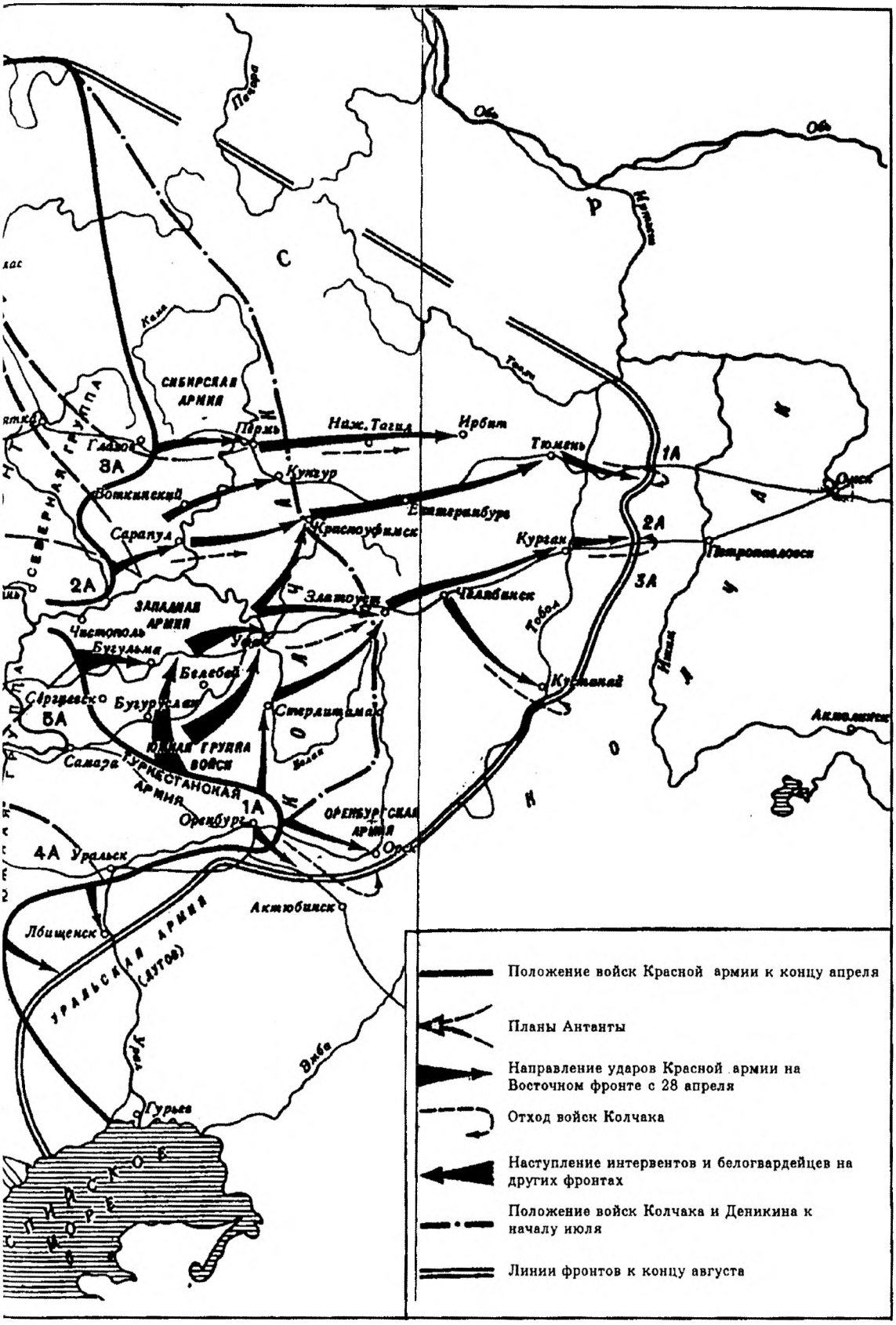
Открытие клуба Красной армии в Самаре. 1918 г.

У. Черчиллем «походом 14 держав», поскольку в нем предполагалось использовать силы государств, возникших на территории разрушенной Российской империи. В одной из стратегических разработок союзнического командования отмечалось, что наступление должно быть начато «со всех границ России и направлено концентрически к самому сердцу большевизма — к Москве».

Одновременно с военными приготовлениями Антанты важные перемены происходят в антибольшевистском лагере России. Союзники окончательно разочаровываются в способности «демократической контрреволюции» стабилизировать ситуацию в стране. Коалиционная Уфимская Директория быстро теряет свой авторитет. В ночь на 18 ноября 1918 г. силами офицерства и казачества в Омске был осуществлен государственный переворот: власть Директории была свергнута и вместо нее установлена военная диктатура адмирала А. Колчака, провозглашенного **Верховным Правителем России.**

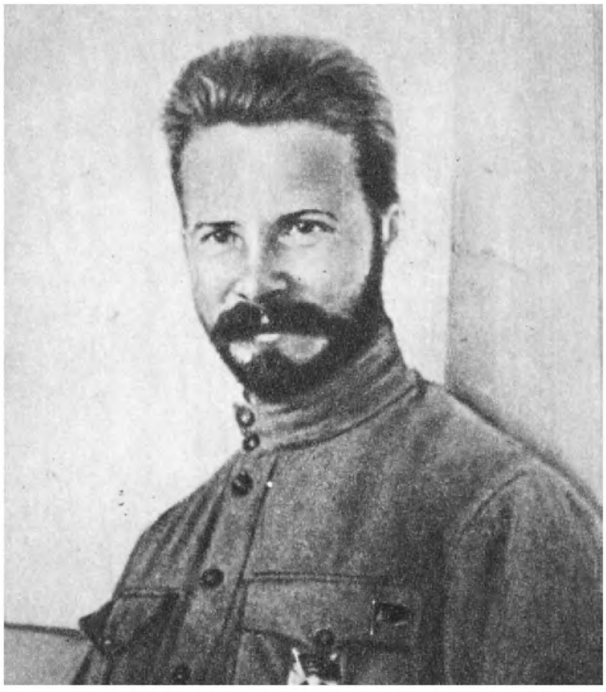
Столкнувшись с российской действительностью, руководители Антанты убедились в нереальности своих планов. Солда-


ШВЕЦИЯ
ФИНЛЯНДИЯ
Хельсинки
Финский залив
Таллин
ЭСТОНИЯ
Ревель
Кронштадт
Ленинград
Белое море
АНГЛО-АМЕРИКАНО-ФРАНЦУЗСКИЕ И БЕЛОГВАРДЕЙСКИЕ ВОЙСКА
Архангельск
Сев. Двина
6А
Петрозаводск
Онежское озеро
7А
15А
Новгород
Рига
Псков
Вологда
Германские войска и белогвардейцы
ЛИТВА
Зап. Двина
Тверь
Ярославль
Волга
Вильнюс
Москва
16А
Смоленск
Минск
Нижн. Новгород
Ока
Тула
Рязань
Гомель
Орел
Елец
Козлов
Пенза
Тамбов
Житомир
12А
14А
13А
Курск
Киев
Ромны
Воронеж
Белгород
9А
Поворино
Балашов
Саратов
Каменец-Подольский
Полтава
Харьков
8А
Днестр
Юж. Буг
Днепр
Екатеринослав
Вешенская
10А
Луганск
Миллерово
Александровск
Николаев
Одесса
Херсон
Таганрог
Новочеркасск
Царицын
11А
Мариуполь
Ростов-на-Дону
9А
Керчь
Симферополь
Севастополь
Екатеринодар
Ставрополь
Астрахань
Новороссийск
12А
ЧЕРНОЕ МОРЕ



Разгром армии Колчака. Апрель—август 1919 г.

Двенадцатилетний телефонист Чапаевской дивизии Володя Алексеев. 1919 г.



М. Фрунзе — командующий Восточным фронтом. 1919 г.

ты оккупационных армий массами отказывались сражаться, требовали возвращения на родину. По многим европейским странам прокатилась волна революционных выступлений. Развертывалось движение солидарности с РСФСР под лозунгом «Руки прочь от Советской России». 27 марта 1919 г. в Париже представители Антанты решают эвакуировать свои войска из Одессы. Позже, осенью 1919 г., началась массовая эвакуация интервентов из Крыма, Украины и европейского Севера России. С этого времени в борьбе против большевизма ставка делалась на силы белого движения, в первую очередь на режим адмирала Колчака.

При активной помощи союзников Колчаку удалось создать хорошо вооруженную армию, численностью до 400 тыс. человек. 4—6 марта 1919 г. она перешла в наступление и 14 марта захватила Уфу. К середине апреля, прорвав оборону красных, Колчак находился в 85 км от Казани и в 100 км от Симбирска.

10 апреля, обращаясь к петроградским рабочим, В. Ленин заявил, что на Восточном фронте решается судьба революции. По партийной, комсомольской и профсоюзной мобилизациям в Красную армию было призвано 43 тыс. человек. Действия советских вооруженных сил против колчаковцев возглавили видные советские военачальники М. Фрунзе и С. Каменев,

здесь же сражался герой Гражданской войны В. Чапаев. В конце апреля южная группа красных прорвала оборону Колчака и в ряде последовательных операций к маю взяла Уфу, Сарапул, Ижевск, Воткинск, тем самым создав предпосылки для освобождение всего Урала [⬇].

В мае 1919 г. советские войска приостановили наступление, начатое на Северо-Западе генералом Юденичем. До этого ему удалось занять Гдов, Ямбург и Псков. Решением ЦК РКП(б) Петроградский фронт признается первым по важности. Сюда подтягиваются резервные соединения, проводятся мобилизации рабочих и коммунистов города, что позволило отстоять Петроград и отбросить от него противника.

Михаил Васильевич Фрунзе (1885—1925). *Родился в Пишпеке (Туркестан) в семье военного фельдшера. Учился в Петербургском политехническом институте. С 1904 г. — большевик. В период революции 1905—1907 гг. — один из руководителей Иваново-Вознесенской стачки текстильщиков и Иваново-Вознесенского Совета, участник московского декабрьского восстания 1905 г. Неоднократно подвергался арестам, дважды приговаривался к смертной казни.*

С 1916 г. вел пропаганду среди солдат на фронте. В феврале—августе 1917 г. — начальник минской милиции, член Минского Совета рабочих и солдатских депутатов, затем председатель Совета крестьянских депутатов Белоруссии. После корниловского выступления жил в г. Шуя, избирался председателем местного Совета. В октябре 1917 г. во главе двухтысячного отряда красногвардейцев принимал участие в установлении власти большевиков в Москве. С августа 1918 г. — военный комиссар Ярославского Военного округа. В 1919 г. командовал армией, Южной группой войск, Восточным фронтом. Провел ряд успешных операций против войск Колчака. В августе 1919 г. — сентябре 1920 г. командующий Туркестанским фронтом, нанес поражение войскам Бухарского и Хивинского ханств. С сентября 1920 г. возглавил Южный фронт, которому было поручено разгромить армию генерала Врангеля, освободить Северную Таврию и Крымский полуостров. В 1920—1922 гг. руководил ликвидацией сил Петлюры и Махно. Награжден двумя орденами Красного Знамени, почетным революционным оружием. В 1920—1924 гг. — командующий войсками Украины и Крыма, член Политбюро ЦК КП (б) Украины, заместитель председателя СНК УССР. В 1924 г. назначается заместителем председателя РВС и наркомвоенмора СССР, начштаба РККА, избирается кандидатом в члены Политбюро ЦК РКП(б). С января 1925 г. — возглавил РВС и наркомат по военным и морским делам.

Фрунзе — основной разработчик военной реформы 20-х годов, автор идеи комплектования армии на основе сочетания кадрового и территориального принципов, внедрения новых видов вооружения, использования диверсионных подразделений в будущей партизанской войне. Оставил крупное теоретическое наследие: «Регулярная армия и милиция», «Реорганизация Красной армии», «О реорганизации военного аппарата» «Единая военная доктрина и Красная армия», «Фронт и тыл в войне будущего», «Красная армия и оборона Советского Союза» и др.

Летом 1919 г., после неудач Колчака, основные сражения Гражданской войны переносятся на юг, где крупное наступление предпринимает Деникин. В тылу советских войск восстает донское казачество, а на фронте вспыхивает мятеж 6-й Украинской дивизии под командованием Н. Григорьева, выставившей лозунги «Советы без коммунистов» и «Украина для украинцев».

В течение июня под контролем Деникина оказываются Донбасс, Киев, Одесса, Харьков, Белгород, Царицын. Серьезные успехи деникинцы имели в Крыму, где войска генерала Я. Слащева разгромили группировку советских войск и обезопасили тыл наступающей Добровольческой армии. 3 июля Деникин отдает «Московскую директиву». В соответствии с ней 20 сентября Добровольческая армия занимает Курск, 13 октября — Орел. Линия фронта приблизилась к Туле и Брянску.

С тем, чтобы облегчить Деникину задачу взятия Москвы, в октябре 1919 г. разворачивается новое мощное наступление Юденича. Его войскам удалось прорвать оборону красных и подойти к Петрограду. Одновременно к активным действиям перешел на Севере генерал Е. Миллер.

В ходе Гражданской войны наступил решающий момент. Советское руководство принимает энергичные меры для организации отпора белым армиям. Главный ответный удар готовился на Южном направлении. Южному фронту были переданы лучшие соединения Красной армии: латышская стрелковая дивизия, бригада червонных казаков, конный корпус С. Буденного, вскоре развернутый в Первую конную армию. Осенью 1919 г. на фронт по партмобилизациям было призвано около 30 тыс. коммунистов. В ходе начавшегося 11 октября контрнаступления, советские войска, разбив отборные части деникинцев, освободили Орел, Воронеж, Курск. Также быстро как и наступали, деникинские войска теперь откатывались на юг.

Разворачивались наступательные действия Красной армии и на других фронтах. Войска Юденича, разбитые под Пулковом, вынуждены были отступить в Эстонию. Еще в сентябре—октябре интервентам пришлось эвакуироваться с Севера. Генерал Миллер, потеряв их поддержку, не смог эффективно противостоять большевикам, которыми в начале марта 1920 г. были заняты Архангельск и Мурманск.

Трагически сложилась судьба Колчака. Даже в самые трудные дни борьбы с Деникиным, советские части продолжали наносить удары на Восточном фронте. В колчаковском тылу

В центре сидят слева направо: С. Гусев, М. Фрунзе, Д. Карбышев. На танке, захваченном у противника. Крым. 1920 г.

разворачивалась настоящая крестьянская война партизан. В октябре 1919 г. советские войска, предприняв новое наступление, заняли столицу «Колчакии» — Омск. Вскоре были освобождены Новониколаевск и Красноярск. Осознавая тяжесть своего положения, 4 января 1920 г. Колчак передал полномочия Верховного правителя Деникину, а руководство белыми армиями на Дальнем Востоке — атаману Г. Семенову. 5 января 1920 г. в Иркутске побеждает антиколчаковское восстание, подготовленное умеренными социалистами. После «розового переворота» власть в городе перешла к меньшевистско-эсеровскому Политическому центру. В те же дни сам Колчак был арестован. При приближении к Иркутску отступающих колчаковских войск меньшевистско-эсеровский Политцентр отказался от власти в пользу Иркутского большевистского ревкома. Колчак и последний премьер его правительства В. Пепеляев были выданы большевикам.

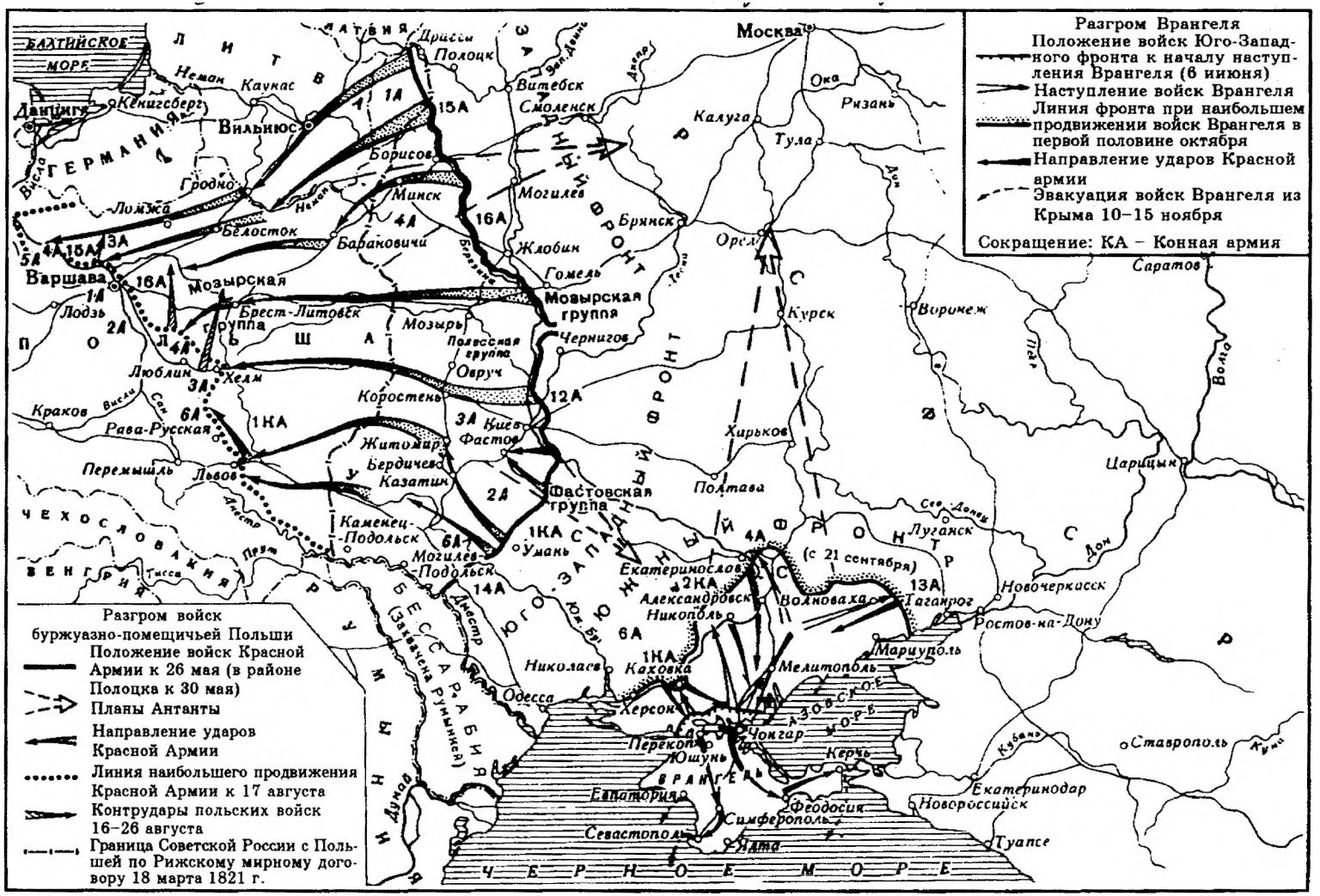
Завершалась борьба и на Юге России. К весне 1920 г. Деникин был вытеснен с Украины и Северного Кавказа. В конце марта деникинцы оставили Новороссийск. Деникин, передав

командование остатками своих войск генералу П. Врангелю, на английском миноносце отбыл в Константинополь. Поражение Колчака, Деникина и Юденича означало коренной перелом в ходе Гражданской войны в пользу Советской власти.

Советско-польская война, завершающие бои Гражданской войны

Последнее обострение Гражданской войны приходится на весну—осень 1920 г., когда Советская республика воевала против войск генерала П. Врангеля, создавшего в Крыму свое правительство, и польского диктатора Ю. Пилсудского. Особую опасность на этом этапе представляла война с Польшей. Западные государства видели в Польше противовес Советской России и оказывали ей всестороннее содействие. Только США в первой половине 1920 г. передали Пилсудскому 20 тыс. пулеметов, свыше 200 бронеавтомобилей и танков, более 300 самолетов и 3 млн комплектов обмундирования. Поставки в Польшу шли также из Франции и Англии. Кроме того, в польских войсках действовали многочисленные инструкторы и советники из стран Антанты. Щедрая помощь вскружила голову польской шляхте, вспомнившей о великой Польше от моря и до моря с границами 1772 г. В апреле 1920 г. польские войска без объявления войны вторглись в пределы советских Украины и Белоруссии.

Война с Польшей породила широкие патриотические настроения в России. Тысячи царских офицеров по призыву героя Первой мировой войны А. Брусилова устремились в Красную армию, чтобы с оружием в руках бороться с оккупантами. На польский фронт мобилизуется свыше 24 тыс. коммунистов. Сюда прибывают лучшие советские соединения: 1-я Конная армия, Чапаевская дивизия и др. В мае отряды Красной армии перешли в контрнаступление. Но чрезмерная вера в успех мировой революции в сочетании с крупными просчетами советского командования (наступление велось по двум расходящимся направлениям — на Львов и на Варшаву, в действиях советских войск не было достаточной организованности и согласованности) привели к тому, что передовые части, идущие на Варшаву, оторвались от своих тылов и резервов более чем на 500 км и фактически оказались в ловушке. Дойдя до Вислы, командующий Западным фронтом М. Тухачевский, не получив должной поддержки Юго-Западного фронта (командующий А. Егоров, член



Война с Польшей и разгром Врангеля в 1920 г.

РВС — И. Сталин), был вынужден повернуть назад. Более 100 тыс. красноармейцев оказались в польском плену или были интернированы в Германии. Десятки тысяч из них так никогда и не смогли вернуться домой.

Воспользовавшись катастрофой Красной армии на Висле, Пилсудский предпринял новое наступление на Восток. Полякам удалось захватить обширные территории в Западной Украине и Западной Белоруссии. Однако надлежащих сил для продолжения войны ни у одной из сторон не осталось. Польша запросила мира. Советское правительство тоже понимало бесперспективность продолжения войны с Польшей, которая могла привести к столкновению с Англией и Францией. 12 октября 1920 г. в Риге были подписаны предварительные условия мирного соглашения, а 18 октября — прекращены боевые действия. **Весной 1921 г. был заключен Рижский мирный договор.** Для России он был крайне невыгоден. Но главное было достигнуто — мир на западной границе позволил все подчинить борьбе с Врангелем и сосредоточиться на внутренних проблемах республики.

К моменту прекращения войны с Польшей Врангель успел распространить боевые действия на территорию Северной Таврии и Правобережной Украины. Сам Крымский полуостров был превращен в мощную крепость. Врангель был убежден в неприступности воздвигнутых укреплений и надеялся сохранить Крым в качестве плацдарма для дальнейшей борьбы с большевизмом. Но окончание войны с Польшей делало положение его войск безнадежным. Уже в сентябре большевистское руководство принимает решение взять Крым и разбить Врангеля еще до наступления зимних холодов. Командовал советскими частями, наступавшими на Крым, М. Фрунзе. В ноябре 1920 г. в результате Перекопско-Чонгарской операции Красная армия прорвала оборону Врангеля под Перекопом и заняла Крым. В заключительных боях особенно отличилась 2-я Конная армия Ф. Миронова. Остатки врангелевских войск были эвакуированы на судах в сопредельные государства. По мнению некоторых историков, после поражения Врангеля Гражданская война как самостоятельный этап отечественной истории завершилась. Военный вопрос перестал быть главным в жизни страны.

В дальнейшем в 1921—1922 гг. ликвидируются последние очаги интервенции и сепаратизма, закладываются основы для воссоздания единого, целостного государства. Крупный успех в борьбе за восстановление территориального единства страны был достигнут еще в апреле 1920 г., когда

Парад частей Народно-революционной армии ДВР во Владивостоке. 1922 г.

Советская Россия оказала решающее содействие победе Советской власти в Азербайджане и образованию в Средней Азии Хорезмской народной республики. А в октябре 1920 г. народная республика провозглашается в Бухаре. Постепенно благоприятная ситуация для воссоединения с Россией складывается и в Закавказье. В ноябре 1920 г. происходит восстание против дашнакского правительства в Армении. 29 ноября 1920 г. провозглашается Советская Армения, чье правительство обратилось за помощью к Советской России. Но только к июлю 1921 г. сопротивление дашнаков было сломлено окончательно. В феврале 1921 г. грузинские большевики начали восстание, которое послужило предлогом для ввода в Грузию советских войск. К этому моменту в Грузии существовало недружественное Советской России меньшевистское правительство. К идеологическим разногласиям с большевиками примешивались националистические устремления правящей верхушки местных меньшевиков. В ходе Тифлисской и Батумской операций в феврале—марте 1921 г. части 11-й советской армии разбили вооруженные силы Грузии, которая вскоре была провозглашена Советской республикой.

Дольше всего не могла решиться судьба русского Дальнего Востока. Во избежание прямого военного столкновения с Японией Советское правительство пошло на создание там буферной Дальневосточной республики (ДВР). Она имела свою Народно-революционную армию (НРА), созданную по образцу РККА. Все попытки белогвардейцев разгромить ДВР окончились провалом, и в июне 1920 г. Япония была вынуждена заключить с ней перемирие, вывести свои войска из Забайкалья. В 1921 г. сибирские части Красной армии, НРА и монгольские революционные войска разбили вооруженные формирования барона Р. Унгерна и 6 июля освободили Ургу (Улан-Батор). Затем последовали поражения белогвардейцев под Волочаевкой и в ходе Приморской операции. Эти победы Красной армии заставили Японию срочно эвакуировать свои войска, отказавшись от продолжения интервенции против России и ДВР. 25 октября 1922 г. войска ДВР вступили во Владивосток, а уже в ноябре 1922 г. буфер по решению Народного собрания ДВР и ВЦИК РСФСР упраздняется и Дальний Восток воссоединяется на правах области с Советской Республикой.

«За Советы без коммунистов!»

Разгром Белого движения еще не означал наступления мира. Экономический и политический кризис, охвативший Советскую республику на рубеже 1920—1921 гг., сопровождался широким вовлечением в Гражданскую войну многомиллионных крестьянских масс. Крестьянское повстанчество и в первые послереволюционные месяцы доставляло много проблем советскому и белым правительствам, но на излете Гражданской войны выступления крестьян приобрели особый размах и упорство. Практически во всех хлебопроизводящих районах страны полыхали **крестьянские восстания**, из них не менее 50 — крупных. В официальной пропаганде тех лет за ними закрепилось определение — «ползучая контрреволюция», а некоторые современные историки называют эти месяцы «малой гражданской войной».

Одно из крупнейших восстаний вспыхнуло в Тамбовской губернии. По имени его руководителя А. Антонова, восстание это вошло в историю как «**антоновщина**». Программа, принятая восставшими на губернском съезде трудового крестьянства, предусматривала свержение большевистской диктатуры, созыв Учредительного собрания, формирование временного правительства из оппозиционных партий, отмену продразверстки и другие демократические мероприятия. По призна-

нию В. Антонова-Овсеенко, руководившего карательными действиями Красной армии против крестьян, причиной народного недовольства на тамбовщине стала деятельность «военно-наезнических банд», в которые к тому времени превратились отряды продовольственной армии. Для подавления Тамбовского восстания применялись кадровые части РККА, использовались не только артиллерия и авиация, но даже химическое оружие. В целях устрашения за связь с повстанцами выселялись жители целых деревень, мятежные деревни сжигались дотла, широко применялась практика заложничества. Как признавался М. Тухачевский, в районах прочно укоренившегося восстания приходилось «вести не бои и операции, а, пожалуй, целую оккупационную войну, которая должна заканчиваться полной оккупацией восставшего района».

С большим трудом большевикам удалось ликвидировать крестьянское движение на Юге, во главе которого стоял видный анархист Н. Махно. Его соединения отличались большой маневренностью, что позволяло им уходить от преследователей. На борьбу с махновщиной были брошены дивизии А. Пархоменко, а затем Г. Котовского. В конце августа 1921 г. отряды Махно были наконец разбиты, а сам «батька» с полусотней всадников бежал в Румынию.

Мощнейшее за весь период Гражданской войны крестьянское восстание против большевиков разразилось в Западной Сибири. Действуя в Тюменской губернии, в районе Петропавловска, Кокчетава, некоторых других крупных центров, повстанцы на несколько недель фактически прервали железнодорожное сообщение между Центром России и всей Сибирью.

О размахе крестьянского повстанчества рубежа 1920—1921 гг. свидетельствуют следующие данные, полученные современными историками: тамбовская армия Антонова в момент наивысшего восстания насчитывала около 40 тыс., армия Махно на Украине — 50 тыс., в повстанческих отрядах Западной Сибири состояло около 100 тыс., в «Красной армии правды» А. Сапожкова (поднявшего летом—осенью 1920 г. восстание в дивизии, которой командовал, распространившееся на все Заволжье) сражалось около 25 тыс. человек. Крупные силы крестьян-повстанцев действовали в Кубано-Черноморской области, Карелии, других регионах страны.

Окончание основных боев Гражданской войны сопровождалось ростом недовольства рабочих. Такие города, как Москва, Петроград, Тула, Ижевск и др. оказались охвачены волной трудовых конфликтов. Чаще всего на выступления

протеста рабочих толкали нужда и ущемление их социального статуса. Иногда причиной конфликтов было поведение властей и местных комячеек, которые подвергались рабочими критике за «буржуазное перерождение», «отрыв от масс».

Недовольство все шире захватывало и армейские части. Так, с большим трудом удалось предотвратить бунт 50-тысячного гарнизона в Нижнем Новгороде; подобно тому, как в свое время матросы броненосца «Потемкин», солдаты протестовали против отчаянных условий существования и плохого обращения с ними. Аналогичные выступления имели место в Смоленске, других гарнизонах и частях Красной армии.

Суровым предупреждением новой власти прозвучало **Кронштадтское восстание**, в котором приняло участие не менее 20 тыс. человек. На митинге матросов и жителей крепости 1 марта 1921 г. была принята резолюция с требованиями перевыборов Советов тайным голосованием, свободы слова «для рабочих, крестьян, анархистов и левых социалистических партий», снятия заградительных отрядов, «полного права крестьян над землей» и др. Центральным лозунгом движения становятся известные еще по ижевскому восстанию 1918 г. лозунги «За Советы без коммунистов» и «Власть Советам, а не партиям». Повстанцы избирают свой представительный орган — Военно-революционный комитет, состоявший из матросов и рабочих. Возглавил кронштадтский ВРК старший писарь линкора «Петропавловск» С. Петриченко, по свидетельству нескольких источников, еще до восстания являвшийся членом небольшой, но консолидированной группы заговорщиков, ставивших своей целью упразднение в крепости большевистских порядков. Кроме того, в Кронштадте был создан Военный совет во главе с генералом царской армии А. Козловским.

Восставшие рассчитывали, что их призывы будут услышаны солдатами и матросами других частей, рабочим классом. Однако петроградские рабочие не поддержали мятеж: сами страдая от последствий экономической разрухи, они видели в матросах «клешников», «несознательный элемент», пошедший на поводу у «белых генералов». Не удалось повстанцам получить и помощь из-за рубежа, на которую они очень рассчитывали. В свою очередь, большевики предприняли для подавления восстания самые энергичные меры. Операцией руководили председатель Реввоенсовета Троцкий, главком С. Каменев и командующий Западным фронтом М. Тухачевский, прибывшие в Петроград. На борьбу с мятежом было мобилизовано 300 делегатов X съезда РКП(б), проходившего

В дни подавления Кронштадтского восстания. 1921 г.

в эти дни, среди них были К. Ворошилов, А. Бубнов, А. Фадеев, И. Конев и др. 7 марта 1921 г. начался артиллерийский обстрел Кронштадта и его фортов. Первый штурм крепости с материка восставшими был отбит. В ночь на 17 марта началось решающее наступление по льду Финского залива. К утру 18 марта восстание было подавлено. Потери штурмовавших крепость составили 527 убитыми и 3285 ранеными, кронштадтцев — около 1 тыс. убитыми и 2 тыс. ранеными. Около 8 тыс. матросов успели перебраться в Финляндию. А вот попавших в плен ждала суровая судьба: к лету 1921 г. к расстрелу были приговорены 2103 и еще 6459 человек — к различным срокам тюремного заключения.

Итоги Гражданской войны

Гражданская война, расколовшая тело нации, имела для России тяжелейшие последствия, которые были усугублены военной интервенцией иностранных государств. Не считая экономических, культурных, нравственных потерь, война принесла громадные людские жертвы. В различных научных трудах и публицистике говорится о 10, 12, 20 млн погибших. В значительной мере эти данные завышены. Тенденция к завышению потерь в Гражданской войне обнаруживается уже

в советской историографии. Она объяснялась тем, что это позволяло затушевать истинные причины экономического кризиса на последнем этапе Гражданской войны, и кроме того, помогало обличать интервентов и белогвардейцев за их зверства. Как показывают некоторые современные исследования, реально Гражданская война унесла жизни около 5 млн человек, или не менее 3% населения страны. Из них боевые потери Красной армии составляют, по подсчетам Ю. Полякова, 939755 человек. Примерно такие же потери понесли и белые. Остальные потери — это жертвы красного и белого террора, умершие от эпидемий тифа и других болезней, косивших как военное, так и гражданское население, а также умершие от голода. **Таков страшный итог Гражданской войны — основную массу умерших и погибших составило мирное население.** К демографическим потерям Гражданской войны следует приплюсовать примерно 2 млн эмигрантов, среди которых не менее половины являлись представителями научной, художественной и иной интеллигенции — т.е. слоев общества, до революции составлявших культурную элиту нации. Кроме того, война оставила после себя миллионы калек, беспризорных, людей, утративших кров и семью, что также еще долгие годы сказывалось на развитии страны.

Главным положительным результатом Гражданской войны является воссоздание единого российского государства — за исключением лишь некоторых окраинных территорий — фактически в прежних его границах. Но теперь это была уже не императорская, а Советская Россия.

В чем же крылись причины поражения антибольшевистских сил и победы большевиков? Их было несколько. Можно выделить внешние и внутренние факторы, повлиявшие на окончательный исход противоборства тех и других.

Среди внешнеполитических факторов победы большевиков в советской историографии чаще всего называлась поддержка, которую трудящиеся разных стран оказывали Советской России. Придя к власти, большевики открыто выступили глашатаями и проводниками идей мировой революции. Правящим кругам Запада удалось подавить очаги революционного брожения вне России, но они не смогли ликвидировать симпатии к русской революции и чувств солидарности с ней значительной части трудящихся своих странах. В тот период многие передовые люди верили, что социально-политический эксперимент, начатый русской революцией, способен открыть новую, более совершенную и справедливую эру мировой истории. Нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что русская

революция победила в условиях мировой войны, острейшего соперничества между ведущими державами Запада. Отсутствие между ними единства, позволило большевикам активно маневрировать на международной арене, сталкивая интересы отдельных стран, отстаивая национально-государственные интересы своей страны.

Отсутствие единства называют и среди внутриполитических причин слабости антибольшевистских сил. Кроме того, Белому движению не удалось выработать собственной эффективной политики по аграрному, национальному, рабочему и другим важнейшим для России того времени вопросам, в то время как большевики, напротив, предпринимали энергичные усилия, направленные на их решение, а также на создание новой — советской государственности взамен разрушенной революцией. Близки оказались людям и идеи социальной справедливости, которые отстаивали большевики. До сих пор остается спорным вопрос о роли красного террора как фактора победы большевиков. Одни исследователи отмечают его решающее значение, другие находят, что по масштабам он отличался от белого террора не принципиально и потому не может всерьез рассматриваться в качестве одной из причин того, что верх в борьбе одержали большевики. Другое дело, что постепенно красный террор из формы классовой борьбы превращался в политику наведения элементарного порядка, что в стране, раздираемой противоречиями не только не вызывало осуждения, но и находило сочувствие части населения. Среди обстоятельств, которые способствовали успеху большевиков, называют и неприятие населением прежних, дореволюционных порядков, всего «старорежимного».

Наконец, среди обстоятельств, способствовавших упрочению Советской власти, можно указать на несколько моментов военно-стратегического характера. Изначально большевики смогли закрепиться в наиболее густо населенных губерниях. Эта территория была наиболее развита как в социально-экономическом, так и в духовно-культурном отношении. Подконтрольные большевикам районы обладали наиболее развитой транспортной системой, позволявшей быстро перебрасывать большие массы вооруженных людей с одного фронта Гражданской войны на другой. В Петрограде и Московском промышленном регионе действовало большинство военных предприятий. Здесь концентрировалось наибольшее число промышленных рабочих. Именно на этих территориях меньше шести десятилетий назад существовали крепостни-

ческие порядки, память о которых все еще жила в местной деревне. В этих великорусских губерниях Столыпин проводил перестройку аграрной сферы, что тоже не прошло бесследно для большинства крестьянского населения этих местностей. Все отмеченные факторы способствовали устойчивости советского тыла.

Однако главная причина победы большевиков над всеми силами внешней и внутренней контрреволюции видится все-таки в другом. Крупный деятель эмиграции, один из теоретиков сменовеховства профессор Н. Устрялов сформулировал ее с предельной откровенностью. «Противобольшевистское движение, — признавал он, — ...слишком связало себя с иностранными элементами и потому окружило большевизм известным национальным ореолом, по существу чуждым его природе». **Большевикам удалось убедить огромные массы людей, прежде всего крестьянство как носителя традиционного народного патриотизма, что именно они являются защитниками целостности и независимости России.** «Живой и понятный лозунг, умело брошенный большевиками, имеющий конечной целью объединение России и сохранение ее целостности, сам собой поднимает народ и заставляет его браться за оружие. А тот же призыв за "единую неделимую" в устах вождей антисоветского движения оставался в большинстве случаев немым для широких масс населения», — должен был признать, осмысливая причины неудачи «Белого движения», видный участник сначала антибольшевистского подполья, а затем главком вооруженных сил коалиционной Уфимской Директории генерал В. Болдырев. Это и было одним из решающих факторов успеха большевиков. Даже такой, казалось бы, тактический эпизод первых месяцев Гражданской войны, как перенос большевиками столицы в Москву, помог им закрепить представление о себе как о единственной подлинно национальной силе. Большевики, укрепившись в древней русской столице, стали восприниматься населением в качестве наследников прежней русской государственности, их режим выглядел гораздо более легитимным в сравнении с многочисленными антибольшевистскими правительствами, появлявшимися, как правило, на окраинах страны, которые воспринимались населением как сепаратистские. Существование множества националистических и белых правительств вело к распаду единого геополитического пространства, тогда как большевики, вожди которых хотя и грезили идеями мировой революции, способствовали его сплочению и консолидации.

§3

Политика «военного коммунизма»

Возникновение и природа «военного коммунизма»

На протяжении почти трех лет, с середины 1918 г. по весну 1921 г., определяющим в области внутренней политики Советской России был комплекс мер, вошедших в историю под названием **«военного коммунизма». «Военный коммунизм» являлся ответом на условия, вызванные мировой и Гражданской войнами, и представлял собой чрезвычайную экономику военного времени, основной целью которой было обеспечение победы советского режима в развернувшемся в России остром социальном противоборстве.** Основными проявлениями «военного коммунизма» стало формирование предельно-централизованной экономической модели: ускоренное обобществление промышленности при приоритетном внимании крупному, прежде всего военному производству; элементы милитаризации труда; ограничение и свертывание государством рыночных, товарно-денежных отношений; неэквивалентный продуктообмен между городом и деревней с применением насильственных способов изъятия продукции крестьянского хозяйства; прямое снабжение населения городов необходимым минимумом услуг, продовольственных и промышленных товаров для предотвращения вымирания трудящихся прежде всего важных промышленных центров и отраслей производства.

Система «военного коммунизма» складывалась постепенно, по мере обострения Гражданской войны, усиления интервенции и ужесточения внешнеэкономической блокады Советской республики. На ее формирование серьезное воздействие оказывали утопические представления большевиков о будущем справедливом социалистическом обществе и методах его достижения, но чаще советским лидерам приходилось исходить не из собственных доктринальных установок, а из жесткой логики выживания в условиях катастрофы, лишь впоследствии, задним числом освещая собственные действия ссылками на марксистскую идеологию, подгоняя теорию под потребности текущей политики. Не случайно само понятие «военный коммунизм» большевиками стало использоваться только в начале 1921 г., когда «военный коммунизм» уже изжил себя и начался постепенный отход от него.

«Военный коммунизм» в промышленности

К лету 1918 г. российская промышленность оказалась в тяжелом кризисе. По данным фабрично-заводской переписи 1918 г., из 9 774 предприятий к середине года действовало только 6 068, т.е. немногим более 60% . В некоторых городах с развитым военным производством ситуация была еще тяжелее. Резко упала производительность труда, наметилось бегство рабочих в деревню и хлебные районы. Так, в Петрограде за первое полугодие количество рабочих у станка сократилось почти на 70% . Необходимы были экстраординарные меры, способные предотвратить полный паралич экономики. Пересмотра хозяйственной политики требовала и Гражданская война, все отчетливей приобретавшая общенациональный характер.

Выход из кризисной ситуации советское руководство видело в огосударствлении экономики и централизации управления ею. Поворотным событием в переводе промышленности на эти начала становится принятие **28 июня 1918 г. Декрета о национализации промышленных предприятий**. Его реализация позволила к началу 1919 г. сосредоточить в руках государства 2,5 тыс. предприятий из 3,3 тыс. учтенных фабрично-заводской переписью. В 1919—1920 гг. национализация продолжилась, в собственность Советской республики перешли не только все крупные, но и значительное количество средних предприятий. Вместе с тем, полного огосударствления промышленности не произошло: в 1920 г. в частных руках оставалось около 10% предприятий, выпускавших до 8,5% продукции. Венцом политики национализации явился Декрет ВСНХ от 29 ноября 1920 г., по которому национализации подлежали все предприятия с десятью и более рабочими или пятью рабочими при наличии механического двигателя, хотя полностью он реализован не был.

Перешедшие в собственность государства предприятия подчинялись отраслевым **главным комитетам (главкам)** и **центральным управлениям (центрам)** ВСНХ, которые руководили ими посредством системы местных совнархозов. Число главков и центров ВСНХ неуклонно увеличивалось, если в 1918 г. их было 18, то к концу Гражданской войны — уже 52. Множилось и количество чиновников. С 1918 г. по начало 1920 г. центральный управленческий аппарат ВСНХ разросся почти в 10 раз — с 2,5 до 24 тыс. человек, а в целом в системе совнархозов было занято 234 тыс. служащих. «Главкизм», с его бюрократизмом, становится для современ-

ников символом неэффективности военно-коммунистического хозяйствования. Вспоминая порядки, что царили тогда, к примеру, в сахарной промышленности Украины, видный меньшевик, в 1922 г. вступивший в РКП(б) А. Мартынов (Пикер) недоумевал: «В то время как заводская труба перестала дымиться, как работа в заводских корпусах замирала, работа в заводской конторе напротив, все больше и больше оживлялась и увеличивалась. Старые заводские служащие говорили, что никогда еще заводские бухгалтеры и конторщики так много не потели над бумагами... как в последние годы, когда производство на заводе прекратилось. Что же они писали? Они заполняли бесчисленные анкеты для учета по требованию разных центров — Подолсахара, Главсахара, Райсахара и т.д.».

Система главков по замыслам ее создателей предполагала ликвидацию всех промежуточных звеньев управления между центральными хозяйственными органами и конкретными предприятиями. Однако практика скоро показала, что руководить большим количеством национализированных предприятий и регулировать деятельность огромного числа частных, в подавляющем большинстве мелких предприятий, из одного центра невозможно. Выход был найден в создании групповых (или кустовых) объединений заводов — **трестов.** Осенью 1918 г. по инициативе союза металлистов был образован первый такой трест, получивший название «Государственные объединенные машиностроительные заводы» (ГОМЗ). Большая роль в управлении ГОМЗ принадлежала рабочим. Профсоюзы избирали 2/3 членов правления треста, тогда как государство в лице ВСНХ назначало только треть. К январю 1920 г. существовало уже 179 трестов, объединявших 1449 предприятий.

Важным компонентом политики «военного коммунизма» становится **милитаризация труда.** С целью пресечь разрушительную для промышленности текучесть кадров и бегство рабочих в деревню, советское руководство решается прибегнуть к крайней мере и переходит к системе принудительного закрепления значительной части рабочих и служащих на предприятиях и в учреждениях. Эти меры начинают практиковаться еще в 1918 г., первоначально затронув железнодорожников и рабочих военных предприятий, которых теперь приравнивали к призванным в армию. Самовольное оставление мобилизованными рабочего места считалось дезертирством и каралось по законам военного времени. Любой рабочий мог перебрасываться туда, где его труд представлял-

ся более необходимым. На протяжении 1919—1920 гг. милитаризация труда распространяется на занятых и в других отраслях промышленности, хотя всеобщей милитаризации труда введено так и не было.

В 1920 г. возникает новая форма милитаризации труда. В начале восстановления разрушенного войной хозяйства большевистским руководством принимается решение использовать в этих целях военные части, создаются т.н. трудовые армии. Трудармейцы по-прежнему подчинялись строгой военной дисциплине, но теперь должны были выполнять хозяйственные задачи. 15 января СНК издает постановление о формировании первой такой армии труда на Урале. В дальнейшем появляются Особая железнодорожная, Украинская, Кавказская, Туркестанская, Донецкая, Сибирская и другие трудармии.

Мероприятия в области труда встречали неоднозначное отношение к ним промышленных рабочих. Тяжелое материальное положение, нехватка продовольствия, уравниловка в оплате приводили к частым трудовым конфликтам. Так, весной 1919 г. на почве продовольственных затруднений в Петрограде бастовало 15 предприятий с числом рабочих свыше 34 тыс. человек при общей численности питерского пролетариата 122 тыс. человек. Всего в 1919 г. было зафиксировано 9 515 трудовых конфликтов, в которых в общей сложности участвовало около 50 тыс. рабочих. Чаще всего, как показывают современные исследования, волнения среди рабочих возникали на почве хозяйственных трудностей. Но иногда дело доходило до принятия и политических требований. Так, в 1919 г. в Петрограде на Путиловском заводе рабочие поддержали антибольшевистскую резолюцию левых эсеров. В том же 1919 г. рабочие Твери настаивали на независимости профсоюзов. Крупное выступление рабочих в 1919 г. прошло в Астрахани. Однако политические требования рабочих в этот период еще не приобрели самостоятельного характера и быстро забывались как только власти шли на минимальные экономические уступки.

Военно-коммунистические мероприятия едва ли не сильнее всего затронули **сферу денежного обращения, финансовую систему страны**. В наследство от Временного правительства Советской власти достался катастрофически разбухший бюджетный дефицит. Дело в том, что после февральского переворота поступления от налогов и сборов в государственное казначейство практически прекратились, а лишь одни расходы на войну съедали ежедневно свыше 50 млн руб. золотом. Положение

усугубилось тем, что не только Временное правительство, но и многие банковские магнаты и предприниматели заблаговременно сумели перевести на счета иностранных банков значительную часть капиталов. Первое время после взятия власти большевики использовали такие чрезвычайные методы пополнения бюджета как контрибуции и конфискации. Репрессивные действия были дополнены введением прогрессивного подоходного налога, но прежняя налоговая система была разрушена, а органы рабочего контроля, на которые одно время новая власть пыталась возложить сбор налогов с предприятий, с поставленной задачей не справлялись. Чтобы хоть как-то сводить концы с концами, приходилось делать ставку на работу всевыручающего печатного станка. Денежная эмиссия превратилась в основной источник мобилизации финансовых ресурсов на протяжении всей Гражданской войны.

Первоначально массово печатались денежные знаки с прежней символикой Временного правительства т.н. «керенки», а с весны 1919 г. в оборот были пущены расчетные билеты советского правительства — «совзнаки». Количество бумажной массы с 1918 г. по 1921 г. увеличилось в 54 раза, при этом ценность рубля упала в 800 раз (а по сравнению с довоенным 1913 г. — в 13 тыс. раз!). Единая денежная система развалилась, в разных регионах страны в ходу были собственные суррогатные денежные единицы, а на оккупированных интервентами окраинах использовались иностранные денежные знаки (американские, французские, английские, турецкие, японские и др.).

Следствием расстройства финансов являлись натурализация хозяйственных расчетов (бартер), разгул спекуляции и дороговизны. Рыночные цены на продукты питания доходили в октябре 1921 г.: на печеный хлеб в Москве — до 2 955 руб. за фунт, в Петрограде — до 3 593 руб.; на картофель соответственно — до 20 и 28 тыс. руб. за пуд; на масло сливочное — до 32 и 36 тыс. руб. за фунт; на ситец — до 13 500 и 13 317 руб. за аршин. Средний рабочий и служащий при таких ценах на свою зарплату могли обеспечить немногим более половины своих потребностей.

Чтобы не дать жителям городов умереть от голода, советские власти начинают переводить заработную плату на натуральную основу. Как и во многих странах Европы в годы Первой мировой войны, в большевистской России вводится карточная система. На карточки можно было получить продукты по низким, фиксированным ценам. Апогеем политики «военного коммунизма» некоторые историки называют

мероприятия рубежа 1920—1921 гг. К ним, прежде всего, относят решение о закрытии Государственного банка, переход к бесплатной выдаче рабочим, служащим и членам их семей продовольствия, одежды и обуви, отмену оплаты квартир и коммунальных услуг, а так же проезда в городском транспорте.

Практика эпохи «военного коммунизма» не могла не повлиять на взгляды и психологию большевистских лидеров. Политика «военного коммунизма» помогла большевикам одержать победу в Гражданской войне, и к тому времени, когда она завела страну в тупик, многие ее адепты считали, что методы чрезвычайщины, штурма и натиска не только не исчерпали себя, а наоборот, нуждаются в дальнейшем усилении и расширении сферы действия. Более того, им «военный коммунизм» казался подлинным коммунизмом или кратчайшей дорогой к нему. **Складывалась военно-коммунистическая идеология, характерными признаками которой становится абсолютизация административных методов управления, принуждение, насилие, террор.** Так, Л. Троцкий, в годы Гражданской войны второй после В. Ленина лидер партии, открыто называл такую крайность, как милитаризацию труда, универсальным методом хозяйственного руководства, пригодным для всего периода строительства социализма. Другой идеолог «военного коммунизма» Н. Бухарин считал, что все виды принуждения, от трудовой повинности и до расстрелов, являются основными методами формирования из «человеческого материала», доставшегося в наследство от прежней эпохи, новой, коммунистической личности.

Бедствия деревни

Политика по отношению к крестьянству со стороны советского государства также была весьма противоречива. В ней сочетались меры, продиктованные суровой необходимостью выживания в условиях войны, и левацкие устремления разом покончить с капиталистическими отношениями в деревне, уничтожить своего классового врага в лице не только помещика, но и крестьянина-предпринимателя.

Одним из ключевых методов социалистического переустройства деревни становится курс большевиков на насаждение **коллективных сельских хозяйств.** Об этом говорилось, в частности, в Постановлении ВЦИК от 14 февраля 1919 г. «О социалистическом землеустройстве и мерах перехода к социалистическому земледелию». В декабре того же года

Собрание членов коммуны им. Ленина в Тверской губернии. 1921 г.

прошел I Всероссийский съезд земледельческих коммун и сельскохозяйственных артелей, в работе которого участвовали 140 активистов этого дела. Выступая перед делегатами съезда, В. Ленин отмечал, что каждая коммуна должна стать для крестьян «практическим примером, показывающим им, что она, хотя и слабый, маленький еще росток, но все же не искусственный, не парниковый, а настоящий росток нового социалистического строя». Правда не пройдет и двух лет, как он даст первым советским колхозам совсем иную, резко уничижительную характеристику.

Крестьяне встретили **коммуны** и **совхозы** (государственные аграрные предприятия) враждебно, поскольку те создавались на самых удобных и плодородных землях, прежде принадлежавших помещикам. Крестьянство отвечало на создание коллективных хозяйств потравами посевов, поджогами домов, истреблением скота. В крестьянской среде популярность приобрел лозунг «Да здравствует Советская власть, но долой коммунию!»

Сопротивление деревни и неспособность «коммунистических хозяйств» накормить страну хлебом, заставляло большевиков искать новые, более действенные способы перекачки хлеба из деревни в город. С августа 1918 г. наметились первые, еще робкие признаки того, что советская политика в отношении к крестьянству стала меняться в сторону поиска компромисса. Втрое повышались закупочные цены на хлеб, увеличился

поток направляемых деревне промышленных товаров. Идя навстречу крестьянству, VI Всероссийский съезд Советов в ноябре 1918 г. принял решение, упразднявшее комбеды, которые сливались с Советами.

В 1919 г. Советская власть провозгласила новый этап в своих взаимоотношениях с крестьянством. На VIII съезде РКП(б) в марте 1919 г. Ленин провозгласил, что партия от политики нейтрализации середняка должна перейти к союзу с ним. Он призвал коммунистов «не сметь командовать середняком» и «уметь достигать соглашения со средним крестьянином». Изменение курса Ленин объяснял поворотом середняка и мелкобуржуазных элементов города к Советской власти, что требовало от правящей партии поиска компромиссов во взаимоотношениях с непролетарскими слоями населения. И хотя у многих делегатов подобный поворот в политике вызвал недоумение и неприятие, съезд проголосовал за новый курс во взаимоотношениях государства с крестьянством.

Важнейшим мероприятиям этого времени по отношению к деревне становится **продразверстка**, которая вводилась Декретом СНК 11 января 1919 г. и распространялась сначала на хлеб и фураж производящих губерний. Она осуществлялась как принудительное отчуждение всех излишков в виде натуральной повинности и с оплатой их по твердым ценам. Тем самым, объявляя продразверстку, большевики брали на вооружение опыт царского правительства 1916—1917 гг. по заготовке хлеба через государственные задания. Если прежде, когда в деревне осуществлялась политика продовольственной диктатуры, у крестьян изымались абсолютно все излишки сверх произвольно установленной потребительской нормы, то теперь государство заранее определяло свои потребности в хлебе и фураже, и крестьянин, казалось, мог надеяться, что произведенным сверх этой нормы он сможет распоряжаться по собственному усмотрению. Однако на практике, когда размеры хлебозаготовок определялись, исходя не из возможностей крестьянского хозяйства, а из потребностей государства, мужику подчас приходилось отдавать не только излишки, но и часть хлеба, необходимого для содержания семьи. В течение года разверстка была распространена на остальные губернии страны, а также на мясо, молочные продукты, птицу, картофель, овощи, яйца и другие продукты.

Политика продразверстки в перспективе вела к оскудению деревни, но в конкретных условиях интервенции и Гражданской войны она позволила обеспечить снабжение Красной армии и

спасти трудящихся городов от голодной смерти. По данным историков, продовольственными органами республики 1919—1920 гг. было заготовлено через разверстку: хлеба и зернового фуража — 212,5 млн пудов, отрубей и жмыхов — 1,9 млн пудов, картофеля — 35 млн пудов, битой птицы — 178 тыс. пудов, яиц — 227 млн штук и т.д. На рубеже 1920—1921 гг. продразверстка составляла до 80% поступлений в госбюджет.

Отдельно следует сказать об отношении большевиков к казачеству. Казачество представляло собой привилегированное военное сословие царской России. Казаки имели большие земельные угодья, крепкие хозяйства. К октябрю 1917 г. в строю 13 казачьих войск числилось 300 тыс. казаков, а все казачье население страны составляло около 4,5 млн человек. Первые мероприятия Советской власти в аграрной сфере привлекли значительную часть казаков на сторону новой власти. Но в дальнейшем большевики начали проводить против казачества **политику «расказачивания»**. На Дону многие местные партийные и советские работники стали запрещать ношение казачьей формы, началось переименование станиц и хуторов. Глумясь над казачьим сословием, власти старались устранить из обихода даже само слово «казак».

Самым трагическим эпизодом политики расказачивания становится Директива Оргбюро ЦК РКП(б) от 24 января 1919 г. В ней местным советским органам предписывалось оказывать доверие только иногородней бедноте, звучал призыв «провести беспощадный **массовый террор** по отношению к казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью». Авторы этой директивы обрекли на неминуемую гибель тысячи казаков. Лишь в конце марта, когда пагубные последствия проводимой политики проявились в полной мере, директива была отменена как ошибочная. Но было поздно — на Верхнем Дону вспыхнуло мощное восстание, и Советская власть на Дону временно пала, а на стороне белых сражались сформированные из казаков целые дивизии, корпуса и даже армии. Таковы были последствия политики геноцида в отношении казачества. Правда такая политика осуществлялась не повсеместно, в некоторых областях (в Забайкалье, на Дальнем Востоке) местное руководство воздерживалось от насаждения комбедов в казачьих станицах и хуторах, что помогало сглаживать острые углы в казачьей среде этих местностей.

К концу Гражданской войны чрезвычайные меры в отношении деревни, казалось бы, должны были отойти в прошлое. Но этого не произошло, сила инерции оказалась сильнее. Более того, раз-

гром белых армий вселил в большевистское руководство надежду одним махом покончить с «мелкособственническими инстинктами» крестьян, их хозяйственной самостоятельностью. Высшим проявлением военно-коммунистической политики по отношению к деревне становятся решения VIII съезда Советов, проходившего в декабре 1920 г. Они предусматривали продразверстку дополнить посевной и семенной разверстками, ввести единый государственный план обязательных посевов, а контроль за его исполнением возложить на специальные «посевкомы». В основе этих мер лежала идея государственного регулирования единоличного крестьянского хозяйства. Но в то же время в целях стимулирования развития производительных сил деревни вводилось премирование отдельных домохозяев, выделяющихся хозяйственной старательностью и достигающих наибольших успехов без применения кулацких приемов.

Политическая система

В годы «военного коммунизма» продолжалось строительство советского государственного аппарата. Важнейшей чертой этого процесса советские историки называли широкое привлечение в органы власти рабочих и крестьян. Происходит также изменение национального состава госслужащих — после Октября в их ряды шире, чем прежде начинают вливаться представители народов прежней Российской империи. Тем не менее в многочисленных советских госучреждениях продолжало работать немалое количество старых чиновников, служивших еще при Временном правительстве или даже царском режиме.

Гражданская война и опыт государственного управления заставляли большевиков постоянно совершенствовать систему органов власти, закрепленную Конституцией 1918 г. Определенные изменения наблюдаются, в частности, в деятельности ВЦИК и Совнаркома. Прежде всего происходит дальнейшее разграничение их функций. В результате Совнарком окончательно складывается как высший исполнительный орган (советское правительство), тогда как ВЦИК сосредотачивается на законотворчестве. Более четко отлаживается порядок работы ВЦИК. Если прежде он являлся постоянно действующим органом и собирался на свои заседания иногда по нескольку раз в месяц, то VII съезд Советов установил сессионный порядок его работы. Отныне ВЦИК стал собираться на свои заседания раз в два месяца. В свою очередь, VIII съезд Советов расширил состав ВЦИК с 200 до 300 членов.

«Военный коммунизм» сказался и на местных советских органах, в эволюции которых обозначились негативные тенденции. Опасаясь потерять свое преобладающее влияние на Советы, большевики нередко затягивали или на время вовсе замораживали их перевыборы. В Сормово, Ижевске, Воткинске, Туле, Ярославле и некоторых других городах после поражения большевиков на выборах в местные Советы, их итоги аннулировались, а сами Советы распускались и назначались перевыборы. В некоторых городах, например в Воронеже, выборы в Совет подолгу не проводили вовсе не из-за репрессий, а из-за нежелания рабочих приходить на избирательные участки. Другой характерной болезнью местных органов власти этого времени становится стремительное перетекание властных полномочий от самих Советов к их Исполкомам — т.е. от представительной власти к исполнительной.

Помимо этого, обострение Гражданской войны вызвало возникновение чрезвычайных органов власти, не предусмотренных советской Конституцией. В центре происходит создание **Совета Рабочей и Крестьянской Обороны**, учрежденного декретом ВЦИК 30 ноября 1918 г. В апреле 1920 г. он был преобразован в **Совет Труда и Обороны (СТО)**. Председателем Совета являлся В. Ленин. Лишь в конце Гражданской войны правовой статус СТО был приведен в соответствии с конституционными нормами — согласно решению VIII съезда Советов СТО был преобразован в комиссию СНК, которой поручалось руководство хозяйственным строительством.

На местах функции чрезвычайных органов власти выполняли т.н. **ревкомы**, которые многие историки в прошлом называли преемниками военно-революционных комитетов периода Октября. Правовой статус ревкомов был закреплен 24 октября 1919 г. совместным постановлением ВЦИК и Совета Рабочей и Крестьянской Обороны. Установление диктатуры ревкомов означало серьезное ограничение демократических норм. Как правило членов ревкомов не избирали, а назначали, что делало ревкомы практически неподконтрольными ни населению, ни другим местным советским органам.

Для многих граждан в годы Гражданской войны Советская власть отождествлялась не с демократически избранными Советами рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, а с карательными органами — **революционными трибуналами** и **ВЧК**. Органы, первоначально созданные для борьбы за «революционную законность», постепенно превращалась в основные механизмы **политики «красного террора»**. 16 июня 1918 г. было обнародовано постановление Наркомата юстиции,

которым ревтрибуналы наделялись правом применения высшей меры наказания — расстрела. Внесудебные репрессии, в случае контрреволюционных выступлений против Советской власти, могли применяться и ВЧК. Указанная практика получит свое развитие в принятом 17 февраля 1919 г. Постановлении ВЦИК «О правах ВЧК и ревтрибуналов». Лишь при переходе от Гражданской войны к миру чрезвычайные функции ревтрибуналов были ограничены, а впоследствии отменены.

Стержнем советской политической системы в годы Гражданской войны становилась РКП(б). Большевики составляли ядро во всех центральных и в большинстве местных государственных органов. Подчиняясь партийной дисциплине, они проводили через органы, в которых работали, партийные решения. Другое дело, что сама большевистская партия в период «военного коммунизма» представляла собой довольно многоликое объединение различных фракций, часто остро конфликтовавших друг с другом по самым принципиальным вопросам государственного строительства. В самой большевистской партии, даже в наиболее тяжелые моменты, сохранялись традиционные демократические принципы внутрипартийной жизни, что в какой-то мере ограничивало тенденции бюрократического перерождения нового режима.

Вместе с тем, чрезвычайные условия, в которых жила страна, не могли не отразиться и на характере партии. Постепенно она превращалась в своеобразный воюющий орден, партийный аппарат стремительно сращивался с государственным, методы чрезвычайщины, военно-приказной характер управления начинали определять стиль работы многих партийных руководителей, целых партийных организаций. В партийной жизни выросла роль аппарата, практиковавшего военные методы деятельности. Вместо выборных коллективов на местах чаще всего действовали узкие по составу оперативные органы. Демократический централизм — основа партийного строительства — заменялся системой назначения. Нормы коллективного руководства партийной жизнью подменялись авторитарностью. В правящую партию устремилось немало карьеристов, которые дискредитировали ее в глазах масс. Еще в мае 1918 г. ЦК в письме к членам РКП(б) с тревогой писал: «...В нашу партию влилось много элементов, чуждых ей по своему классовому положению, психологии... Ослабла дисциплина, наблюдается общий упадок партийной работы».

Происходившие процессы самым непосредственным образом сказывались на авторитете партии. В июле 1919 г. на заседании МК РКП(б) шел разговор о разложении в рядах коммунистов и

усилении в связи с этим в рабочих районах, особенно в Замоскворецком, негативного отношения к партийцам. При перевыборах завкомов рабочие проваливали кандидатов от парторганизаций. С возмущением говорили о злоупотреблениях партийных чинуш, их карьеризме, взяточничестве, моральном разложении. В апреле 1919 г. в рабочем Орехово-Зуеве коммунисты, находившиеся на ответственных постах, своим поведением (злоупотребления по должности, пьянство, грубость) вызвали такой гнев текстильщиков, что в подмосковном городе пришлось объявлять военное положение. На заседании Московского губернского бюро РКП(б) встал вопрос о роспуске орехово-зуевской парторганизации. В партийную жизнь вошли чистки, первая из которых была проведена в 1919 г. и должна была освободить партию от морально разложившихся и чуждых ей по духу людей.

Под воздействием чрезвычайных условий военного времени в стране начала складываться жесткая военно-приказная система, характерными признаками которой становятся: предельная централизация, процессы огосударствления всех сфер общественной жизни, рост чиновничьей иерархии с огромным числом служащих, ограничение демократических начал в жизни общества и как следствие всего перечисленного, снижение роли масс в государственном строительстве и отчуждение их от власти. Вместе с тем, созидательный потенциал революции 1917 г. полностью растрачен не был, что в дальнейшем позволило стране в кратчайшие сроки залечить полученные в годы военного лихолетья раны и начать строительство мирной жизни.

От войны к миру

Чем ближе было окончание Гражданской войны, тем все явственней становились черты глубокого, системного кризиса, охватившего практически все сферы общества: от экономики до политики, даже идеологии. В тяжелом состоянии находилась промышленность. Уже в 1919 г. из-за отсутствия хлопка почти остановилась текстильная отрасль. В 1920 г. из 287 национализированных текстильных фабрик работало 77, остальные прекратили действовать. В 1919 г. в стране потухли все домны. Россия фактически не производила металлов, а жила остатками запасов. И только в начале 1920 г. начали действовать 15 доменных печей, которые дали около 3% металлов, выплавлявшихся в царской России накануне войны. В целом же, по сравнению с «эталонным» 1913 г. промышленное производство упало в 7 раз. По добыче нефти и угля

Россия была отброшена к уровню 90-х годов XIX в. Больным местом народного хозяйства являлся транспорт. На 1920 г. 58% паровозного парка вышло из строя. Не лучше дела обстояли с вагонами. Железнодорожные артерии постепенно замирали. Страна испытывала острейший финансовый кризис. По декрету СНК РСФСР от 4 марта 1920 г. ее наводнили дензнаки номиналами в 5 и 10 тыс. руб. За коробок спичек, сельдь или килограмм картофеля горожанину приходилось платить «целые состояния», исчисляемые тысячами и миллионами обесценившихся рублей.

Разорение, хотя и несколько в меньших масштабах, охватило деревню. Официальный лозунг, что альфой и омегой российской революции является рабоче-крестьянский союз на деле пока не принес крестьянству ни воли, ни хлеба. Валовой сбор зерновых культур в 1920 г. снизился по сравнению с 1909—1913 гг. более чем на треть. Значительная часть продуктов питания потреблялась самой деревней. Притом, что на рубеже 1920—1921 гг. продразверстка составляла 80% поступлений в госбюджет (что в 2 раза превышало все сельскохозяйственные выплаты в 1913 г.) естественные возможности этого источника финансирования государства резко сокращались из-за нежелания крестьянина исключительно в интересах государства расширять свое производство.

Уже в конце 1920 г. стало ясно, что причиной переживаемых страной бед была продолжавшаяся и после Гражданской войны политика «военного коммунизма». Даже такие апологеты «военного коммунизма», как Бухарин, позже признавали его временный чрезвычайный характер. Сформировавшаяся экономическая модель была оправданной в условиях вооруженного противоборства, теперь же она являлась опасным анахронизмом.

Кризис экономики дополнялся кризисом системы управления. Он был обусловлен бюрократизацией аппарата управления. Прежде всего, бюрократизм нанес удар по самой партии. В октябре 1920 г. председатель Курского губисполкома К. Юренев так обобщил происходившее: первоначально большевики надеялись построить новую власть силами партии, «опартиить» государство; но на деле пришлось «огосударствить» саму партию. По мнению Юренева, переход партии к работе «по-государственному» ознаменовал собой начало ее заболевания. «Государство, даже самое советизированное, имеет свою логику и соприкосновение с ним не может пройти даром для коммунистов», — полагал он. Когда же вдобавок верхи стали злоупотреблять привилегиями, многие заговорили о расколе прежнего большевистского «революционного монолита» на две партии.

Кризис заставлял руководство страны озаботиться поиском путей стабилизации. Со своими предложениями в разное время выступали такие деятели, как Л. Троцкий, Т. Сапронов, Г. Мясников, Н. Осинский и др. Первой серьезной попыткой выхода из создавшейся ситуации стал проходивший в декабре 1920 г. VIII съезд Советов. Однако основными защитниками «мягкой» крестьянской политики, а также приверженцами демократизации политической системы Советской России на нем выступали находившиеся в оппозиции умеренные социалисты, а не правящая большевистская партия.

Важное место в идейных исканиях, которые были направлены на преодоление кризиса, занимала дискуссия о профсоюзах. Она развернулась в конце 1920 г. и продолжалась в течение нескольких месяцев. Завершилась она только на X съезде РКП(б), принявшем решение о переходе к нэпу. На первый взгляд в ходе этой дискуссии речь шла о сравнительно узком вопросе — о развитии массовых рабочих организаций. Однако на самом деле проблема стояла значительно шире. Рабочий класс оставался титульным для Советской власти. Расширение его демократических прав означало бы расширение демократии в жизни общества в целом. Дискуссия о профсоюзах касалась и народно-хозяйственных вопросов. Главное, что она помогла советскому руководству уяснить: без освобождения от пут «военного коммунизма» преодоление кризиса невозможно.

§4

Белое дело

Рождение Добровольческой армии. 1-й Кубанский («Ледяной») поход

К моменту Октябрьского переворота в Быховской тюрьме оставалось 19 офицеров и 5 генералов: Л. Корнилов, А. Деникин, А. Лукомский, И. Романовский и С. Марков. Побег из заключения не представлял особых трудностей, тем более, что охраняли узников сочувствующие им войска. Недавно назначенный вместо М. Алексеева новый начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Н. Духонин также не скрывал своего расположения к Корнилову и его соратникам. Утром 19 ноября

1917 г. он распорядился освободить арестованных, и в ночь на 20 ноября будущие вожди Белого движения разными дорогами направились на Дон.

В это время на Дон со всех концов России съезжались офицеры, юнкера, студенты, гимназисты — будущие добровольцы — для того, чтобы здесь, в казачьей области, поднять знамя борьбы с «германо-большевизмом», за честь и достоинство Родины.

В Новочеркасске, столице Всевеликого войска Донского, уже находился генерал М. Алексеев, прибывший сюда из Москвы в начале ноября 1917 г. [⬇].

М. Алексеев рассчитывал собрать на Дону не менее 30 тыс. офицеров, которые должны были составить ядро антибольшевистской армии. Однако к началу зимы 1917 г. в Новочеркасск съехалось не менее 2 тыс. человек. Сюда же прибыли и представители «Московского центра», известные политики и общественные деятели П. Милюков, П. Струве, М. Родзянко, князь Г. Трубецкой, М. Федоров.

6 декабря, пройдя в течение нескольких недель после побега через вражеские тылы, в Новочеркасске появился Л. Корнилов. Однако его приезд был воспринят неоднозначно. Если рядовые добровольцы восторженно приветствовали своего кумира, то со стороны Алексеева Корнилову был оказан весьма холодный прием. Неприязненные личные отношения между

⬇

Михаил Васильевич Алексеев (1857—1918) *родился в семье солдата. Свыше сорока лет он отдал военной службе, пройдя путь от прапорщика до генерала от инфантерии. За его плечами были учеба в Московском юнкерском училище и Николаевской академии Генерального штаба, участие в войнах: русско-турецкой (1877—1878) и русско-японской (1904—1905). В Первую мировую войну он был начальником штаба Юго-Западного фронта, а с 18 августа 1915 г. стал начальником штаба Верховного главнокомандующего императора Николая II. В дни Февральского переворота генерал Алексеев был одним из главных сторонников отречения царя от престола и оказывал на него с этой целью прямое давление. Вину и ответственность за это Алексеев не снимал с себя до конца жизни (он умер от болезни сердца в Екатеринодаре осенью 1918 г.). С 11 марта по 22 мая 1917 г. Алексеев являлся Верховным главнокомандующим русской армии и отрицательно относился к ее вовлечению в политическую жизнь. После провала корниловского выступления, по просьбе Керенского, он вновь на несколько дней возглавил штаб Верховного главнокомандующего. По его приказу был арестован Л. Корнилов и его товарищи. После своей вторичной отставки уехал к семье в Смоленск и вернулся в Петроград лишь 7 октября для участия в работе Предпарламента, куда он был избран Московским совещанием общественных деятелей. Тогда же он возглавил военную организацию, ставшую известной как «Алексеевская».*

двумя вождями нарождавшегося движения имели давние корни. Корнилов безусловно помнил, кому он обязан был своим арестом после неудачного августовского выступления. Конфликт между двумя генералами представлял серьезную угрозу всем антибольшевистским силам на юге России. Для его разрешения вскоре по прибытии Корнилова было созвано совещание генералов и общественных деятелей, призванное примирить обе стороны и наметить основные принципы создаваемой армии. По словам А. Деникина, «ее хрупкий организм не выдержал бы удаления кого-нибудь из них: в первом случае (уход Алексеева) армия раскололась бы, во втором — она бы развалилась». В результате, по предложению Деникина, был принят компромисс: военная власть должна была перейти к генералу Л. Корнилову; гражданская власть и внешние сношения — остаться в ведении генерала М. Алексеева; управление Донской областью — за атаманом А. Калединым. Таким образом, был оформлен военно-политический триумвират Белого движения.

На Рождество, 25 декабря 1917 г., Корнилов вступил в командование **Добровольческой армией**. К февралю 1918 г. численность всех ее соединений достигла 3—4 тыс. человек. Во главе ее находился Л. Корнилов, пост начальника штаба занял А. Лукомский. Ядро армии составляла 1-я Добровольческая дивизия (командир А. Деникин, начальник штаба С. Марков) и полки: Корниловский ударный, Георгиевский, Ростовский добровольческий и 1-й офицерский. Ко времени выступления в свой первый боевой поход против красных в руководстве армии произошли некоторые изменения. После отъезда на Кубань Лукомского пост начальника штаба армии занял И. Романовский. Деникин стал помощником (заместителем) командующего армией. С. Марков возглавил авангард армии — 1-й офицерский полк.

Цели Добровольческой армии были изложены в двух документах: **Декларации от 27 декабря 1917 г.** и в так называемой **январской (1918) «программе Корнилова»**. В первом из них говорилось о необходимости создания на юге России базы для борьбы с «немецко-большевистским нашествием», что рассматривалось белыми как продолжение Великой войны. После победы над большевиками предполагалось провести новые свободные выборы в Учредительное собрание, которое и должно было бы окончательно решить судьбу страны. Второй документ носил более пространный характер. В нем содержались основные положения Белого движения. В частности, провозглашалось равенство всех граждан перед законом, сво-

бода слова и печати, восстановление частной собственности, объявлялось о праве рабочих на объединение в профсоюзы и стачки и сохранении за ними всех политико-экономических завоеваний революции, заявлялось о введении всеобщего начального обучения и отделении Церкви от государства. Решение аграрного вопроса оставалось за Учредительным собранием и до издания им соответствующих законов «всякого рода захватно-анархические действия граждан» признавались «недопустимыми». Январская программа требовала полного исполнения всех принятых Россией обязательств перед союзниками и доведения войны до конца в «тесном единении с нашими союзниками». За народами, входящими в состав России, признавалась широкая местная автономия, «при условии, однако, сохранения государственного единства».

Таким образом, оба документа явились идеологической основой Белого дела, в них нашли свое выражение **два главных принципа зарождающегося движения:** сохранение единства российского государства и «непредрешенчество» его дальнейшей политической судьбы. Антибольшевистская платформа должна была иметь, как казалось ее авторам, национально-освободительный характер и способность сплотить на борьбу различные силы — от крайне правых монархистов до умеренных социалистов. Это создавало реальные условия для широкого объединения всех противников коммунистического режима. Но в этом заключался и самый большой недостаток белых — внутренняя аморфность и слабость их организации, постоянная угроза раскола.

Между тем обстановка на юге России продолжала меняться. В начале 1918 г. большевики развернули наступление на Ростов и Новочеркасск. Казаки отказывались воевать против красных. Рабочие Донбасса открыто выступали против добровольцев и заявляли о поддержке Советской власти. 15 января в Ростове состоялось последнее совместное заседание «триумвирата». Каледин пребывал в подавленном состоянии духа, крайне пессимистично оценивая перспективы дальнейшей борьбы на Дону. Алексеев, пытаясь развеять мрачное настроение атамана, объявил о планах Добровольческой армии в случае необходимости уйти за Волгу и там собраться с новыми силами, но этим только усугубил тяжелое положение казачьего генерала.

28 января 1918 г. Корнилов, окончательно убедившись в невозможности пребывания его соединениям на Дону, где им без помощи казачества грозила гибель, решил покинуть область,

М. Алексеев

А. Деникин

о чем по телеграфу известил А. Каледина. На следующий день Каледин собрал свое правительство и, прочитав телеграмму от руководства Добровольческой армии, сообщил, что для защиты Донской области на фронте нашлось всего лишь 147 штыков. Объявив затем о сложении с себя полномочий войскового атамана, он поднялся в свой кабинет и застрелился.

Избранный новым атаманом генерал-майор А. Назаров пошел на решительные меры, ввел всеобщую мобилизацию казаков, но задержать продвижение красных войск В. Антонова-Овсеенко к Ростову, где рабочие уже подняли восстание, не смог. В таких условиях в ночь с 9 на 10 февраля 1918 г. добровольцы спешно покидали город и уходили за Дон, в степь. Так начинался 1-й Кубанский, или «Ледяной», поход, воспетый позднее его участниками как героический эпос Белого дела.

12 февраля в станице Ольгинская Корниловым был созван военный совет, на котором после долгих обсуждений было принято решение о продвижении на Кубань, к ее столице Екатеринодару, еще не захваченному большевиками. Там, в богатом казачьем районе, предполагалось создать новый очаг борьбы с Советской властью и укрепить армию.

Первый боевой поход белых продолжался три месяца. За это время добровольцы прошли около тысячи верст, причем поло-

вину пути в непрерывных боях и ожесточенных столкновениях. В них погибло более четырехсот человек, свыше полутора тысяч солдат и офицеров получили различные ранения. Среди погибших были: командир Корниловского полка полковник М. Неженцев, а также вождь и один из основателей движения генерал Л. Корнилов. Он был убит утром 31 марта 1918 г. при осаде занятого красными Екатеринодара. Новым командующим Добровольческой армии стал А. Деникин.

Деникин решил снять осаду с Екатеринодара, отвести войска и вернуться на Дон, где в апреле против большевиков начались массовые выступления казачества, недовольного коммунистической политикой. 30 апреля 1918 г. войска Деникина завершили свой боевой путь у станиц Мечетинская и Егорлыкская к юго-востоку от Ростова [↓].

1-й Кубанский поход имел важное значение на начальной стадии Белого движения. Общая численность выступивших с Дона добровольцев в феврале 1918 г. не превышала 3,5 тыс. человек. В обозе вместе с военными шли около тысячи гражданских лиц. Возвращавшаяся в конце апреля Добровольческая армия имела в своем составе 5 тыс. человек, обладавших ценным боевым опытом и твердо веривших в правоту своего дела. Хотя главную цель не удалось достичь (Екатеринодар белые так и не взяли), но последствия похода для всего движения были существенны. Организационно и идейно оформилось и сплотилось ядро антибольшевистских сил на юге страны — Добровольческая армия. В ходе

Антон Иванович Деникин (1872—1947) *был сыном офицера, выходцем из крепостных крестьян. Он окончил Киевское пехотное юнкерское училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1899). Участник русско-японской войны, за боевые заслуги был произведен в полковники. В годы Первой мировой войны — начальник 4-й «железной» стрелковой дивизии, командир 8-го армейского корпуса. В 1917 г. — начальник штаба Верховного главнокомандующего и главком Юго-Западного фронта. За поддержку генерала Корнилова во время его августовского выступления был арестован и заключен в Быховскую тюрьму, откуда вместе со своими соратниками бежал на Дон и принял участие в организации Добровольческой армии, которую возглавил после гибели генерала Корнилова. С 26 декабря 1918 г. — главнокомандующий Вооруженными силами Юга России, которые под его руководством достигли летом 1919 г. самых заметных своих побед и пережившие зимой 1920 г. острую горечь крупных военных неудач. 22 марта 1920 г. в Феодосии сдал командование генералу Врангелю и выехал за границу, где отошел от активной политической деятельности, предпочтя ей увлеченную работу над «Очерками Русской Смуты», ставшими одним из фундаментальных трудов по истории Гражданской войны в России. До конца жизни оставался патриотом Родины, призывая бывших соратников отказываться от сотрудничества с фашистами и искренне желая победы Красной армии в войне с Гитлером.*

боев была выработана новая гибкая тактика ведения войны: фронтальные атаки в лоб густыми цепями при минимальной артиллерийской поддержке, сочетавшиеся с неожиданными партизанскими вылазками и стремительными маневрами. Среди добровольцев выявились свои лидеры, отличавшиеся храбростью и мужеством: полковники Неженцев, Кутепов, генералы Марков, Богаевский, Казанович.

Вместе с тем, вполне отчетливо проступили отвратительные черты ужасного братоубийства: невероятная жестокость и беспощадность, расстрелы пленных и заложников, насилие над гражданским населением, неприятие любой формы инакомыслия, характерные, впрочем, для обеих противоборствующих сторон.

Насилие одних только умножало насилие других, порождало крайние формы зверства. Гражданская война прошла через семьи и поколения, искалечила людские судьбы, раскалывая народ. К тому же, в национальную трагедию России с весны 1918 г. все активнее стали вовлекаться внешние силы, использовавшие внутренние потрясения в стране в своих целях.

К осени 1918 г. в антибольшевистском движении все больше усиливались сторонники Белого дела. «Демократическая контрреволюция» с ее претензией на «третий путь», поддерживаемая чехословаками, переживала серьезный кризис. Сформированное в сентябре 1918 г. в Уфе «Всероссийское временное правительство» — Директория (эсеры Н. Авксентьев, В. Зензинов, бывший эсер П. Вологодский, кадет В. Виноградов и генерал В. Болдырев) не пользовалось популярностью среди военных, не без основания отождествлявших умеренных социалистов с их лозунгами «Вся власть Учредительному собранию» с обанкротившейся ранее и ненавистной многим «керенщиной». Среди офицерства армий, неудачно воюющих с большевиками КОМУЧа и сибирских областников, а также среди казачества, в общественных и деловых кругах Сибири открыто высказывались идеи о необходимости смены «прогнившей демократии», неспособной организовать борьбу с красными, и установления твердой власти военной диктатуры.

В ночь с 17 на 18 ноября 1918 г. в Омске, куда из Уфы от наступающих большевиков перебралось «Всероссийское временное правительство», был совершен переворот. Члены Директории, эсеры Авксентьев и Зензинов, были арестованы и к власти пришел недавно вернувшийся из-за границы адмирал Колчак.

В результате совершенного переворота вся полнота государственной власти в Сибири перешла к Колчаку, которому были

присвоены титул **Верховного правителя** и звания Верховного главнокомандующего и полного адмирала. Он имел неограниченные права в военной области, для решения гражданских дел при нем учреждался Совет в составе пяти видных общественных деятелей кадетской ориентации (П. Вологодский, А. Гаттенберг, Ю. Ключников, Г. Тальберг и М. Михайлов). Кадеты выдвинули лозунг «Диктатура во имя демократии» и сумели объединить вокруг Колчака представителей различных политических партий, групп и организаций от правых социалистов до монархистов [⬇].

Сам Верховный правитель стремился подняться над партийными интересами и стать выразителем общенациональной государственной идеи. Между тем ведущую роль в его правительстве играли кадеты, они же разрабатывали основные положения внутриполитического курса.

Ядром официальной идеологии режима Колчака стала идея возрождения великой государственности, с лозунгом «Единая и неделимая Россия». Ключевыми элементами политической доктрины белых в Сибири были патриотизм, антибольшевизм и внепартийность, т. е. отстраненность от политических течений во имя «национальной цели»

⬇

Александр Васильевич Колчак (1873—1920) *— Верховный правитель России, выдающаяся личность с многогранным талантом и противоречивым характером. Родился в семье морского офицера-артиллериста. В 1894 г. окончил морской кадетский корпус, ушел на флот. В 1896—1899 гг. служил на Тихом океане, серьезно занимался гидрологией, изучал иностранные языки. С 1899 г. участвовал в полярных экспедициях, стал одним из крупных исследователей Арктики. В 1901 г. организатор спасательной экспедиции барона Толля. В 1906 г. избран действительным членом Императорского Русского географического общества и отмечен его высшей наградой — большой золотой Константиновской медалью. Один из островов Карского моря был назван именем Колчака (в 1930-е годы переименован в о. Расторгуева).*

Участник русско-японской войны, командир эсминцев и батареи в Порт-Артуре. Раненым попал в плен к японцам. В апреле 1905 г. вернулся в Петербург. В ноябре награжден орденом Анны IV степени «За храбрость», в декабре 1905 г. — золотой саблей и орденом Станислава II степени «За отличие».

В 1906—1909 и 1911—1914 гг. служил в Морском Генштабе и непосредственно участвовал в разработке предвоенных программ возрождения российского флота. С начала Первой мировой войны — начальник оперативного отдела Балтийского флота, командир минной дивизии, с июля 1916 г. командующий Черноморским флотом, вице-адмирал. После Февральской революции был отозван Временным правительством в Петроград и командирован в Великобританию и США, с конца 1917 г. — в Японии и в Китае. В октябре 1918 г. с английским генералом Ноксом прибыл в Омск и 4 ноября назначен военным и морским министром в кабинете Директории.

— восстановление российской державы. Тем не менее на практике конкретные правительственные меры и законы социально-экономического характера не позволяли Колчаку создать стабильный, прочный тыл и целиком сосредоточиться на борьбе с красными на фронте. Так, законодательство правительства Колчака не предусматривало радикального разрешения аграрного вопроса в пользу крестьянства и откладывало его до окончания Гражданской войны. Декреты Советской власти, пользовавшиеся известной популярностью в Сибири, крестьяне которой не испытали на себе последующих «социалистических» экспериментов большевиков, объявлялись незаконными. Прошедшее за годы революции перераспределение собственности юридически не закреплялось за земледельцами, которых в официальных документах называли «самоуправными пользователями». Поэтому крестьянство в основной массе было враждебно настроено к белым, что выразилось в широком размахе партизанского движения, охватившего многие районы Сибири. К лету 1919 г. в партизанских отрядах против Колчака сражалось по некоторым данным до 40 тыс. человек. Для борьбы с повстанцами в тылу был создан внутренний фронт в Енисейской, Иркутской, Забайкальской и других губерниях, постоянно отвлекавший значительные силы белых, применявших в целях устрашения местного населения поджоги целых деревень.

Период военных успехов сибирских армий, пришедшийся на весну 1919 г., выдвинул А. Колчака на первое место среди иных вождей Белого движения. В качестве Верховного правителя его признали другие лидеры антибольшевистской борьбы: А. Деникин на Юге, Е. Миллер на Севере, Н. Юденич на Северо-Западе. Колчак был близок к дипломатическому признанию иностранными государствами, активно помогавшими омскому режиму, но оговаривающими свою помощь условиями, фактически означавшими расчленение прежней России. Для Сибири, по сравнению с другими областями, занятыми белыми, выделялось значительно больше финансовых средств союзников. Так, Великобритания предоставила белым правительствам около 100 млн фунтов стерлингов, более половины которых была передана Колчаку. Французские инвестиции в Сибирь только в течение 1919 г. достигли 700 млн франков. Во многом подобная щедрость Запада объяснялась тем, что в распоряжении Колчака оказалась часть золотого запаса Российской империи. Но была и сугубо политическая заинтересованность в поддержке Верховного правителя, контролировавшего огромную территорию страны и имевшего неплохие шансы на окончательную победу над красными.

Со своей стороны русский адмирал прекрасно понимал, что интервенция оскорбляет национальное достоинство народа, а предоставленная ему помощь далеко не бескорыстна. В отношениях с союзниками Колчак старался не допустить каких-либо непродуманных действий, способных нанести ущерб государственным интересам страны, или поставить под сомнение ее целостность и единство. Летом 1919 г., когда финский военачальник Маннергейм предложил Верховному правителю 100 тыс. солдат для поддержки наступления Юденича на Петроград в обмен на признание независимости Финляндии, Колчак отверг предложение этого бывшего царского генерала. С середины 1919 г. военная удача отвернулась от адмирала, и наступила пора горьких поражений и предательств, завершившаяся зимой 1919—1920 гг. стремительным падением Колчака и его личной трагедией.

После разгрома основных сил белых в Западной Сибири, в ноябре 1919 г. резиденция правителя была официально перенесена в Иркутск, где Колчак был взят под охрану чехословаков и, несмотря на гарантии союзников его безопасности, в ночь с 14 на 15 января 1920 г., по приказу французского генерала Жанена, передан представителям Иркутского Политцентра, а затем в руки большевистского ВРК. После двухнедельных допросов А. Колчака и его премьера В. Пепеляева ранним утром 7 февраля 1920 г. расстреляли на берегу Ушаковки, а трупы убитых сбросили под лед реки. Колчак мужественно принял смерть, его поведение в тюрьме в последние дни жизни, отличались достоинством и стойкостью духа.

В образе Колчака отразились многие трагические стороны Гражданской войны. Его деятельность в качестве Верховного правителя отличалась непоследовательностью и противоречивостью. Будучи, как и другие вожди Белого движения, сугубо военным человеком, адмирал так и не сумел стать государственным или политическим деятелем. В его окружении постоянно плелись интриги, за влияние на него боролись различные группировки. Личное мужество, бескорыстность и честность многих сторонников Белого дела были не достаточными для того, чтобы повести народ за собой. Пытаясь консервировать сложившиеся отношения, белые лидеры оказались не способными предложить обществу новые ориентиры, заявив о «непредрешенчестве» главных вопросов русской жизни. Их пропаганда национальных идей и возрождения великой государственности в условиях иностранной интервенции и зависимости от союзников носила

во многом декларативный характер и не находила отклика у многомиллионного населения России, жаждущего социальных перемен и обновления страны.

Лишь на заключительном этапе Гражданской войны белые смогли выдвинуть действительно крупную фигуру государственного и военного деятеля, попытавшегося исправить ошибки своих предшественников и решившегося на осуществление реформаторского курса.

Реформаторская деятельность П. Врангеля. Значение Белого дела

22 марта 1920 г. главнокомандующим **Вооруженными силами Юга России** (созданы в январе 1919 г. на основе Добровольческой армии) был назначен П. Врангель. Передав все полномочия и остатки разгромленной армии своему преемнику, А. Деникин навсегда покинул родную землю. Наступал последний этап истории Белого движения, его драматический эпилог: март—ноябрь 1920 г. Эти восемь месяцев, сравнимые с периодом деятельности Временного правительства, были насыщены напряженной работой не только в военной области, но и во внешней политике, и, в особенности, в социально-экономической сфере. Завершая борьбу, белые торопились успеть продемонстрировать измученной стране весь нераскрытый ими ранее созидательный потенциал общественного переустройства.

Врангель вступил в новую должность с вполне определенной программой реформ, суть которой выражал лозунг «Левая политика правыми руками». Серьезный и вдумчивый стратег, обладавший твердой волей и качествами государственного деятеля, он решительно отверг ряд основополагающих принципов своих предшественников, поставивших, по его мнению, Белое дело на грань катастрофы. Во-первых, он отказался от плана подготовки похода на Москву и других крупномасштабных и дорогостоящих военных проектов, понимая всю их абсурдность и нереалистичность в сложившейся обстановке. Во-вторых, реорганизовав армию, он последовательно и настойчиво укреплял южнорусскую государственность, рассчитывая сохранить ее до «лучших времен». Он допускал возможным относительно долгое сосуществование «двух России», гарантией чего могли выступить союзники и собственные вооруженные силы белых в Крыму. И, наконец, Врангель порвал с так называемым «непредрешенчеством», разработав и осуществив комплекс важных

А. Колчак

П. Врангель

внутриполитических мероприятий, надеясь на создание широкой социальной базы для своего режима [⬇].

Прежде всего Врангель стал наводить порядок и дисциплину в армии. В течение короткого времени деморализованные, раздробленные на многочисленные отдельные группировки, соперничавшие друг с другом воинские части были объединены им в три корпуса под командованием генералов Кутепова, Слащева и Сидорина, под названием **Русская армия** (май 1920 г.).

Вместе с тем, реально оценивая свои возможности по обороне полуострова, куда со всей России перебрались бе-

⬇

Петр Николаевич Врангель (1878—1928), барон, *происходил из знаменитой российской семьи, многие поколения которой верно служили Отечеству. Его мать была из рода Самариных. В 1901 г. окончил Горный институт, а затем стал профессиональным военным, служил в гвардии, окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1910). Участник русско-японской и Первой мировой войны. Командир кавалерийского корпуса (генерал-майор). С 1918 г. Врангель вступил в войска А. Деникина, командовал Кавказской и Добровольческой армиями. Одаренный военачальник, отличался редкой целеустремленностью и здоровым честолюбием. Постоянные интриги вокруг его имени в конце концов вызвали негативную реакцию А. Деникина, снявшего Врангеля с занимаемых им постов и отправившего его в ссылку в Константинополь. Однако это не помешало впоследствии Деникину назначить Врангеля своим преемником.*

женцы и где проживало многочисленное местное население, Врангель сразу после назначения отдал распоряжение о подготовке эвакуации войск и мирных граждан из Крыма, поручив разработку плана генералу Махрову. В. Шульгин, наблюдавший за первыми шагами Врангеля на посту главнокомандующего, писал, что «в нем чувствовалась не нервничающая энергия, а спокойное напряжение очень сильного постоянного тока».

К формированию нового курса П. Врангель привлек видных российских политических и государственных деятелей. П. Струве ведал управлением внешних сношений. Благодаря его усилиям в мае 1920 г. удалось добиться от Франции признания крымского правительства де-факто. На А. Кривошеина (ближайшего сподвижника и соратника П. Столыпина) легла вся тяжесть работы по реализации аграрной и земской реформ. Основные принципы аграрной (земельной) реформы были выдвинуты лично Врангелем, а детализированы сотрудниками Кривошеина еще по дореволюционному периоду — Глинкой и Зубовским. Реформа предусматривала органичное соединение наиболее прогрессивных элементов аграрных проектов начала века — Столыпина и Кутлера, — рассчитанных на поддержку крепких хозяев с признанием самозахвата помещичьих земель, осуществленных крестьянами за годы революции и войны, и их закрепления в собственность новых хозяев.

Это была серьезная социальная уступка крестьянству, позволяющая надеяться на его массовую поддержку режиму. Земля передавалась в вечную наследственную собственность каждому хозяину, но не даром, а за плату государству, которое установило механизм выкупа на льготных условиях. Фактическое владение крестьянами землей к моменту начала реформ признавалось правительством нерушимым.

В дополнение к аграрной реформе крымским правительством осуществлялась земская реформа. В принятом «Положении о волостном земстве» предусматривалось создание системы крестьянского самоуправления с участием представителей всех других категорий землевладельцев. Волостные земства избирались на земельных сходах и должны были представлять из себя, в основном, крестьянскую организацию, противостоящую большевистским Советам. Волостным земствам передавались и административные функции. Таким образом, по мнению Врангеля, закладывался фундамент будущего возрожденного русского государства, основанного на самодеятельности народа снизу, а не сверху, как было принято еще с тех времен, когда создавалась империя Петра I.

Однако планам Врангеля не суждено было сбыться. Военные силы противников были несопоставимы. Блестяще проведенная М. Фрунзе операция по прорыву в Крым, вынудила белых навсегда покинуть родную землю.

Русская трагедия для обеих сторон продолжалась и после окончания Гражданской войны. Как известно, победителей в братоубийственной войне не бывает. Не случайно многие из бывших красных «героев» сами стали впоследствии жертвами режима, возведенного на костях народа.

Что же касается белых, то они со своими боевыми знаменами, верные воинской чести, с образом Родины в сердце отправлялись в неведомые для них скитания. Судьба и к ним оказалась неблагосклонна, но свой долг они исполнили до конца. В 1921 г. А. Деникин писал: «После свержения большевизма наряду с огромной работой в области возрождения моральных и материальных сил русского народа перед последним с небывалой еще в отечественной истории остротой встанет вопрос о сохранении его державного бытия, ибо за рубежами русской земли стучат уже заступами могильщики и скалят зубы шакалы в ожидании ее кончины. Не дождутся. Из крови, грязи, нищеты духовной и физической встанет русский народ в силе и разуме».

Находясь в изгнании, русские люди бережно сохраняли традиции России и свято верили в ее грядущее возрождение и лучшее будущее. Именно в этом и видели они главное значение своей борьбы.

§5

На путях к единому государству

На руинах имперской государственности

Падение самодержавия в феврале 1917 г. происходило на фоне обострения национального вопроса. В период модернизации, на рубеже XIX—XX вв., в России начинается процесс унификации национально-государственного устройства. Не все перемены протекали безболезненно. Некоторые проявления модернизации в сфере межнациональных отношений, такие, например, как русификация, трансформация привычных форм местного самоуправления и т.д., вызывали определенное напряжение среди отдельных народов империи. Возникшие трудности, как и во всех других областях, обострились в годы мировой войны. Не

последнюю роль в этом сыграли допущенные царизмом ошибки, а также целенаправленная деятельность Германии и ее союзников, стремившихся использовать национальную карту для ослабления России, разжигавших на западных окраинах страны сепаратистские настроения.

Временное правительство с первых же дней своего существования видело в решении национального вопроса одну из важнейших задач молодой русской демократии. 20 марта 1917 г. было принято Постановление «Об отмене вероисповедальных и национальных ограничений», по которому ликвидировалось ограничение гражданских прав для инородцев, им предоставлялась возможность занимать должности в государственных учреждениях и армии, снимались ограничения в передвижении и поступлении в высшие учебные заведения. В постановлении расширялась сфера официального употребления языков малых народов, разрешалось употребление «иных, кроме русского, языков и наречий в делопроизводстве частных обществ, при преподавании в частных учебных заведениях всякого рода и при ведении торговых книг. Однако, как указывал Л. Троцкий, предоставление народам империи равных гражданских прав реально сказалось только на еврейском населении. Гражданское равноправие ничего не давало ни финнам, ни полякам, которые стремились не к равенству с русскими, а к отделению от России, ни украинцам, которые и прежде никаких ограничений не встречали, ни народам Азии, нуждавшимся не столько в юридических свободах, сколько в экономическом и культурном подъеме их территорий.

Однако окончательное решение национального вопроса, как и других важнейших вопросов революции, откладывалось Временным правительством до Учредительного собрания. Не в последнюю очередь это было вызвано серьезными противоречиями в подходах к будущему территориально-государственному устройству между различными силами, входившими в него. Если кадеты настаивали на сохранении целостности страны (исключение делалось только для Польши, к тому времени оккупированной Германией), то социалисты, прежде всего эсеры, выступали за преобразование страны по федеративному принципу, что было подтверждено решениями проходившего в мае—июне 1918 г. III съезда ПСР. Вскоре на I Всероссийском съезде Советов, на котором правые социалисты имели решающее большинство, была принята резолюция, где приветствовалось самоопределение наций вплоть до отделения от России и провозглашения незави-

симых государств. В начале июля противоречия между министрами правой и левой ориентации стали формальным поводом для острого правительственного кризиса. Но и в дальнейшем Временное правительство оказалось неспособно выработать четкую и понятную населению линию в национальном вопросе.

Безволие центральной власти поощряло сепаратистские силы. Особенно остро проявился национальный вопрос на Украине. Уже 4 марта в Киеве украинские социалисты формирует так называемую Центральную раду, фактически ставшую зародышем независимого от России правительства. В опубликованном в начале июня 1917 г. «Первом универсале» Центральная рада провозглашала, что украинский народ должен сам строить свою судьбу. В других уголках рухнувшей империи ситуация также постепенно накалялась. К примеру, в Молдавии возникает подобный Центральной раде орган Сфатул цэрий, в Минске — Белорусская рада. В мае 1917 г. проводится I Всероссийский мусульманский съезд. На нем, а также на II мусульманском съезде, под давлением азербайджанской националистической партии «Мусават», среди ключевых выдвигается требование «национально-территориальной автономии». В Финляндии 5 июля 1917 г. местный Сейм принимает закон о своих верховных правах по отношению к Петрограду во всех делах управления за исключением внешнеполитических и военных. Сепаратистские настроения возникают даже в районах, преимущественно населенных русскими. О своих правах на самоопределение начало заявлять казачество, в Сибири усиливается движение «областников». Областники называли Сибирь «колонией России», а сибиряков — новой сибирской «нацией», выступали за автономию, а затем и полную независимость Сибири.

Вехой на пути дезинтеграции единого государства становится проходивший в сентябре в Киеве съезд народов и областей России. Сам факт созыва такого съезда не только в обход, но и вопреки центральной власти, способствовал росту в обществе сепаратистских настроений. **Тем самым, уже к осени 1917 г. Россия оказалась на грани распада. Прежние условия поддержания государственного единства уже не действовали. Требовались новые механизмы решения национального вопроса, новая идея, способная объединить нации, удержать государство от полного разложения.** Поиски такой идеи начались уже после октября 1917 г.

Первые шаги советского федерализма

Национальная политика большевиков определялась воздействием трех тенденций: ростом национального самосознания малых народов, сокращением территории собственно России, возникновением нового, советского федерализма (т.е. с опорой на советскую форму государственности и революционные преобразования в экономике). Первоначальные представления большевиков о будущем национально-территориального устройства страны были сформулированы в «Декларации прав народов России» от 2 ноября 1917 г., обнародованной за подписью Ленина и Сталина. «Совет народных комиссаров, — говорилось в ней, — решил положить в основу своей деятельности по вопросу о национальностях России следующие начала: 1) Равенство и суверенность народов России. 2) Право народов России на самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. 3) Отмена всех и всяких национальных привилегий и ограничений». Эти принципы получили развитие в принятой 12 января 1918 г. III съездом Советов **«Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа». В ней Российская республика провозглашалась союзом свободных наций на основе федерации Советских национальных республик.**

Строительство советского федеративного государства в первые месяцы его существования осложнялось отсутствием единого взгляда на будущее страны у входивших в правительственную коалицию левых эсеров и большевиков, отсутствовало единство по этому вопросу и в рядах самой большевистской партии. Различные подходы к национально-территориальному устройству страны остро проявились в период подготовки первой российской конституции весной—летом 1918 г. По мнению британского историка Э. Карра, столкновения мнений по вопросу о будущем устройстве Советской России в Комиссии велись в трех основных направлениях: 1) между теми, кто пытался ослабить власть государства и сторонниками сильной государственности; 2) между теми, кто выступал за перераспределение властных полномочий в пользу регионов и защитниками централизма; 3) между приверженцами унитаризма и федеративных отношений. Но ситуация была еще драматичней. Совершенно неоднозначно в тот период понималась сама природа федерализма. Часть влиятельных советских деятелей вообще отказывалась строить федерацию по национальному принципу.

Большую угрозу целостности государства представляли попытки превратить Россию в экстерриториальный очаг мировой революции, отрицание национального вопроса и синдикалистский уклон. Анархисты, к примеру, видели Советскую Россию в качестве «федерации профсоюзов». Отдельные фракции анархистов сразу же после принятия Конституции заявили о своем стремлении бороться против самого понятия «социалистического отечества» как вздорного и опасного. Тот же организационный принцип был положен в основу проекта, подготовленного П. Ренгартеном, работником Отдела законодательных предположений. В нем предусматривалась федерация 5 «государств-членов», каковыми, по его мнению, должны были являться «основные профессиональные объединения в виде пяти профессиональных федераций». Среди них Ренгартен называл федерацию земледельцев, промышленных рабочих, служащих торговых предприятий, служащих у государства (чиновников), у частных лиц (прислуги).

Свое видение советского федерализма предложил М. Рейснер. Он стоял за федерацию коммун, под которыми понимал территориально-хозяйственные единицы, объединяющие местные организации трудящихся, организованные профессионально. Низовые коммуны должны были объединяться в провинциальные, областные, наконец, — в Российскую Федерацию. Проект Рейснера имел четкую интернационалистическую парадигму в рамках перманентной революции. Он, в частности, предусматривал вхождение России в Мировую Коммуну — «Великий Интернациональный союз трудящихся мира». С критикой левацких концепций выступал Нарком по делам национальностей Сталин, отстаивавший сохранение сильной центральной власти и предлагавший строить федерацию как союз территорий, отличающихся «известным национальным составом или определенным бытом». В ходе жарких дебатов верх взял именно такой подход, объективно работавший на преодоление анархии в вопросе национально-государственного устройства.

Однако жизнь порой шла иными путями, нежели то виделось новым правителям России в Смольном и Кремле. Сам по себе приход большевиков к власти не означал немедленного изменения вектора развития страны. Ее распад на «удельные» «самостийные» государства в октябре 1917 г. не только не остановился, но первоначально даже ускорился. В конце 1917 г. независимость получили Польша и Финляндия. Позже о своем самоопределении заявили Тува, Литва, Латвия, Грузия, Армения, Азербайджан... Особенно болезненно развивались

события на Украине, где местные коммунисты выступали за автономию Украины в составе России, а деятели из Центральной рады взяли курс на полное отделение от России. В результате Петроград, Москва и другие пролетарские центры страны оказались без украинского хлеба и угля, которыми националистическая Центральная рада предпочла делиться с Германией и Австро-Венгрией. Стремление к независимости охватывало даже отдельные уезды и волости, провозглашавшие себя независимыми республиками и создававшие свои Совнаркомы, в которых имелись наркоматы обороны и внешних сношений, а центральная власть была бессильна что-либо противопоставить лихорадке сепаратизма. Сложившуюся ситуацию в сфере национально-государственного устройства в эти месяцы видный деятель советского государства М. Лацис справедливо называл «абсурдом федерализма».

Лишь принятие V съездом Советом в июле 1918 г. первой советской Конституции смогло несколько прояснить и стабилизировать ситуацию. **Конституция 1918 г., закрепив представление о Советской республике, как о государстве с четкими границами и внутренним устройством, имеющим свой флаг, гимн, герб, столицу, — стала реальным шагом на пути к возрождению единого многонационального государства.** Согласно Конституции, за центром были закреплены самые важные сферы управления страной: оборона, внешняя политика, внешняя торговля, транспорт, связь. Регионы должны были вести свою деятельность в строгом соответствии с федеральным законодательством. Помимо национальных республик, субъектами Федерации становились области, отличающиеся особым бытом и хозяйственной деятельностью. Материальная база государственного единства обеспечивалось превращением земли и недр в общенациональное достояние. Нормализация в системе национально-государственного устройства позволила большевикам преодолеть прежние ошибки во взаимоотношениях с окраинами и в дальнейшем проводить более гибкую и осмысленную национальную политику.

От боевого содружества к политическому союзу

Серьезным испытанием курса на воссоздание государственного единства становится интервенция и сопряженная с нею крупномасштабная Гражданская война. Образовавшиеся после Октября советские республики самой жизнью вынуждены были искать пути сближения с целью противостоять интервентам и реставраторским тенденциям. В свою очередь правитель-

ства белых генералов и «независимых» националистических государств очень скоро скомпрометировали себя в глазах широких масс пособничеством интервентам, которые под прикрытием деклараций о помощи в борьбе с большевизмом попирали суверенитет и занимались разграблением страны. Зависимость от интервентов сыграла с антибольшевистскими силами злую шутку, только оказавшись в изгнании, многие из их лидеров начинали понимать истинные цели своих западных благодетелей.

Большевики стремились использовать любые просчеты своих противников. Так, из-за великодержавного отношения к нерусским народам со стороны колчаковского правительства, в феврале 1919 г. на сторону большевиков переходят башкирские национальные военные формирования под руководством З. Валидова. Единственным условием союза с Москвой валидовцы выдвигали национальную автономию башкир. Было подписано соглашение о создании Башкирской автономной республики. Шовинистическая политика Деникина по отношению к горцам Северного Кавказа способствовала их переходу на сторону советской власти и ослаблению тыла белых армий Юга России. А когда в октябре 1920 г. в Терской области началось антисоветское казачье восстание, его участников согнали с земель, и передали эти земли чеченцам и представителям других северокавказских народов. Позже, в ноябре 1920 г. будут созданы Горская и Дагестанская автономные республики, причем нарком по делам национальностей Сталин объявит о готовности признать во вновь образованных автономиях шариат «таким же правомочным обычным правом, какое имеется у других народов, населяющих Россию». Кроме названных, к концу Гражданской войны и вскоре после ее завершения в составе Российской Федерации были созданы Крымская, Киргизская, Татарская, Якутская автономные республики, Чувашская, Марийская, Вотская (Удмуртская), Калмыцкая, Чеченская, Монголо-Бурятская автономные области, Трудовая коммуна немцев Поволжья и Карельская Трудовая коммуна, другие национальные образования.

Продуманностью и гибкостью отличалась национальная политика большевиков и после того, как Красная армия перейдет границы РСФСР. Усиливая свое влияние на сопредельные государства, образовавшиеся на территории бывшей Российской империи, Москва стремилась учитывать специфику и конкретные условия, складывавшиеся в них после революции, с тем чтобы советизация получивших независимость республик не выглядела как насильственная аннексия и встречала подде-

ржку хотя бы части местного населения. В Прибалтике, например, большевики пытаясь создать дружественные Советские республики, готовы были использовать сильные здесь антигерманские настроения прибалтийского крестьянства, страдавшего от притеснений со стороны феодальной знати преимущественно немецкого происхождения. Но вопрос о формах государственности в Прибалтике, так же, как и в Финляндии не без вмешательства иностранных государств, был решен по иному сценарию. Успешнее использовали большевики местную специфику межнациональных отношений в ходе советско-польской войны. Так, в одной из директив командованию 1-й Конной армии от 17 июня 1920 г. Сталин призывал бережно относиться к проживающим в Закарпатских областях украинцам, использовать их антипольские настроения: «Внушайте им, — указывалось в документе, — что, если угнетаемые Польшей галицийские украинцы поддержат нас, мы пойдем на Львов для того, чтобы освободить его и отдать галицийским украинцам, выгнать оттуда поляков и помочь угнетенным украинцам-галицийцам создать свое независимое государство, пусть даже не советское, но благожелательное, дружественное к РСФСР. Это поднимет революционный дух галицийских крестьян в тылу поляков и подорвет силы Польши». Неслучайно, как сообщалось в сентябре 1920 г. в донесении председателя Галицийского ревкома В. Затонского, украинское население Галиции «не исключая даже интеллигенции и попов», встречало наступавшие части Красной армии «восторженно» «как избавителей от польского ига».

Укрепление большевистского режима, успехи Красной армии, возникновение новых советских республик ставили в повестку дня вопрос о юридическом оформлении их военного, экономического и политического союза. Развитие союзнических и партнерских отношений шло по двум направлениям. Во-первых, советские республики вступали друг с другом в двухсторонние взаимоотношения, во-вторых, сотрудничество развивалось на многосторонней основе. В центре объединения советских республик в силу весомых объективных причин естественно оказывалась РСФСР. В январе 1919 г. Временное рабоче-крестьянское правительство Украины выступило с заявлением, в котором отмечалось, что исторические, экономические и культурные связи русского и украинского народов, их единство в борьбе за новое общество предрешают «объединение Украинской Советской Республики с Советской Россией на началах социалистической федерации». В то же

время прозвучало обращение I Всебелорусского съезда Советов ко всем независимым советским республикам о необходимости установления федеративных связей с Советской Россией. За тесное сотрудничество с Россией выступали коммунистические власти и других советских республик.

В первую очередь налаживание братских взаимоотношений шло в военной сфере. Красные армии всех советских республик вырастали на базе партизанских частей и национальных формирований, входивших в РККА. В ходе совместных боевых действий против интервентов, националистических режимов и белых генералов произошло их объединение. Сначала руководство армиями всех советских республик было передано военным органам РСФСР, а в мае—июне 1919 г. происходит их окончательное слияние в единую армию Советского государства. Первоначально также в связи с военной необходимостью возникает единое гражданство советских республик, что позволило проводить скоординированную мобилизационную политику. В дальнейшем единое гражданство позволило унифицировать не только обязанности, но и права граждан советских республик в политической и социальной сферах. РСФСР брала на себя также функции внешнеполитического представительства интересов советских республик на международной арене. Ширилось взаимовыгодное экономическое взаимодействие. В частности, 12 апреля 1919 г. выходит совместное постановление ВСНХ РСФСР и СНХ Украины «О проведении единой экономической политики». В нем устанавливались единые для двух республик производственные планы, объединялись товарные фонды, определялись единые подходы к ценовой политике. Аналогичным образом развивались отношения с другими советскими республиками. Лидерство в процессах экономической интеграции также принадлежало России. По договоренности с союзными советскими государствами, многие промышленные предприятия, целые отрасли промышленности находились в непосредственном управлении российских народнохозяйственных органов, финансировались из ВСНХ РСФСР. Предпринимались шаги по объединению транспорта и финансовых систем.

В годы Гражданской войны и сразу после нее Советская Россия заключила соглашения и союзные договоры со всеми советскими республиками. В основе этих договоров находились общие исторические и культурные корни народов этих государств, единое экономическое пространство, родственные формы организации государства на принципах советской демократии. Кроме того, во всех советских республиках РКП(б)

являлась правящей партией, что также существенно ускоряло их сближение.

Действенность национально-государственной политики большевиков начинают признавать и отдельные деятели антибольшевистского лагеря. Так, в 1921 г. бывший управляющий в правительстве адмирала Колчака Г. Гинс в своих вышедших в Пекине мемуарах разъяснял: «В одном только большевики и его враги фактически сошлись... это в вопросе о единой России... Адмирал Колчак и генерал Деникин не смогли найти общего языка с теми, кто проявил склонность к сепаратизму. Большевики, как интернационалисты, совершенно безучастно относящиеся к идее единой России, фактически объединили ее и почти уже разрешили проблему воссоздания России, направив развитие ее в новое русло». Примерно в тех же выражениях будут оценивать практику большевиков в деле восстановления страны теоретик сменовеховства (национал-большевизма) Н. Устрялов, духовные лидеры евразийства П. Савицкий и С. Трубецкой, лидер республиканско-демократического лагеря П. Милюков, видный философ русского зарубежья Н. Бердяев и др.

Неоднократно в годы интервенции и Гражданской войны интеграционные процессы на территории бывшей Российской империи подходили к тому рубежу, за которым могло последовать установление государственной общности братских народов. В частности, в июне 1919 г. ВЦИК РСФСР от имени всех существовавших в тот момент советских республик принял декрет «Об объединении Советских Республик: России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии для борьбы с мировым империализмом». Являясь по форме актом высшего органа государственной власти Советской России, фактически этот документ представлял собой договор между республиками. Однако реализация этого декрета была сорвана интервенцией и действиями антибольшевистских сил, в результате которых советская власть в Прибалтике в очередной раз пала, обострилась ситуация на Украине и в Белоруссии. **Тем не менее отношения, которые фактически сохранялись между советскими республиками на протяжении всей Гражданской войны, строились на новых, рожденных революцией, началах. Объективно они носили федеративный характер. Тем самым уже в те годы успели сложиться причины и предпосылки, которые приведут в 1922 г. к воссозданию сильного единого государства, способного стать реальным правопреемником многовековой российской государственности.**

9 глава

РОССИЯ НЭПОВСКОГО ВРЕМЕНИ. 1921—1928 гг.

§1

Переход к новой экономической политике

От «военного коммунизма» — к нэпу

В результате семи лет мировой и Гражданской войн численность населения советских республик к началу 1921 г. сократилась до 134,3 млн человек. Потери одних только вооруженных формирований (и красных, и белых) за годы Гражданской войны и интервенции составляли 2,5–3,3 млн человек. В целом же, с осени 1917 до 1921 г. население России сократилось на 10 млн 887 тыс. человек. Сокращение продолжалось в 1921 (на 1 млн 854 тыс.) и в 1922 г. (на 1 млн 592 тыс.). К концу 1921 г. не менее 1 млн 850 тыс. человек — почти вся политическая, финансово-промышленная, значительная часть научно-художественной элиты, их семьи — вынуждены были эмигрировать из России.

Производство в крупной промышленности в стране в 1920 г. составило 14,6% от уровня 1913 г.; в металлообработке — 7%; в производстве чугуна — 2%. Большинство промышленных предприятий бездействовали, численность рабочих сократилась вдвое. Разоренная войной и продразверсткой деревня не обеспечивала промышленные центры продовольствием, не говоря уже о том, что довоенная Россия была крестьянской страной с минимальным совокупным прибавочным продуктом и не имела запасов на случай неурожая.

К весне 1920 г. Центральный регион страны, Поволжье, Северный Кавказ, Украина были охвачены голодом. В мае 1921 г. в Поволжье и ряде губерний Центра началась засуха, уничтожившаяся посевы. В мае 1922 г. голодало 22–27 млн

человек, к этому времени от истощения и заболеваний, обострившихся в результате голода (цинга, дизентерия, сыпной и брюшной тиф) погибло около миллиона крестьян, столько же было эвакуировано из пораженных бедствием губерний. В апреле 1923 г. насчитывалось 5,5 млн голодавших. Помощь государства была минимальной. Суточная норма пайка, позволявшего спастись от голодной смерти, определялась Наркоматом продовольствия в 877 ккал для взрослого и 706 ккал для ребенка, что составляло менее 30% от нынешней научно обоснованной нормы в 3000 ккал. Картину народного бедствия дополняли беспризорники (в 1922 г. — 7 млн), безработица, пополнявшаяся за счет демобилизации армии, бандитизм.

С окончанием Гражданской войны обострились противоречия в партийном руководстве страной. Решение стоявших перед разоренной страной первоочередных задач (восстановление народного хозяйства, переход к социалистическому производству) большевики в целом (несмотря на фракционные различия) видели на путях расширения и углубления политики «военного коммунизма». Однако попытки расширить практику «военного коммунизма» в условиях мирного времени встретили сильное сопротивление крестьян и значительной части рабочих. В 1920–1921 гг. против продразверстки с оружием в руках выступали крестьяне в Воронежской, Саратовской, Пензенской губерниях, в Сибири, на Дону и Украине. К весне 1921 г. число участников восстаний по стране достигло нескольких сотен тысяч человек. Особенно упорным и кровопролитным было восстание под предводительством эсера А. Антонова в Тамбовско-Воронежском регионе (около 60 тыс. крестьян). На Украине действовали анархо-крестьянские отряды Н. Махно численностью до 35 тыс. человек, в Западной Сибири — более 200 тыс. повстанцев-крестьян в Тюменской, Омской и Челябинской губерниях. Повстанцы требовали отмены продразверстки, созыва Учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, свободы торговли, денационализации промышленности.

На подавление восстаний была брошена регулярная армия. Герои отшумевшей Гражданской войны (С. Каменев, М. Тухачевский, М. Фрунзе, И. Уборевич, И. Якир и др.) были вынуждены вести части Красной армии на подавление недавних классовых союзников. Наиболее серьезным был мятеж в марте 1921 г. в гарнизоне и на кораблях Балтийского флота в Кронштадте под лозунгами «Власть Советам, а не партиям!», «Советы без коммунистов!»

Во многих городах бастовали рабочие. Они тоже добивались замены продразверстки натуральным налогом. Этого, в частности, потребовала конференция металлистов Москвы и Московской губернии в начале февраля 1921 г. Особую тревогу вызывали забастовки и демонстрации работников Трубочного, Балтийского, Путиловского и других заводов и фабрик в Петрограде, грозившие слиться с восстанием в Кронштадте.

Под страхом утраты власти и крушения революции в России власть была вынуждена пойти на смену внутриполитического курса. 8 февраля 1921 г. В. Ленин составил «Предварительный, черновой набросок тезисов насчет крестьян», в котором предложил заменить разверстку хлебным налогом. Было обещано также «расширить свободу использования земледельцем его излишков сверх налога в местном хозяйственном обороте». Ранее проводившаяся экономическая политика в этой связи была названа вынужденным «военным коммунизмом», который не отвечал и не мог отвечать хозяйственным задачам пролетариата.

Первые этапы осуществления нэпа

X съезд РКП(б) (8–16 марта 1921 г.) в предпоследний день работы принял резолюцию «О замене разверстки натуральным налогом». Сущность нэпа при этом была выражена следующим образом: «10–20 лет правильных соотношений с крестьянством и обеспеченная победа в всемирном масштабе... иначе 20–40 лет мучений белогвардейского террора». Ленин полагал, что в России «с мужиком нам придется повозиться, пожалуй, лет шесть». Соратники Ленина допускали, что нэп продлится 10–25 лет (Н. Милютин, Н. Осинский). Во всяком случае, переход к нэпу позволял не так трагично, как раньше, реагировать на «затяжку» мировой революции. Ленин полагал, что в результате новой стратегии, дожидаясь мировой революции, «мы в России выдержим не только 5 лет, но и больше».

Опасаясь утраты социалистической перспективы при слишком больших уступках мелкой буржуазии и капиталистам, уже через год после перехода к нэпу он заявил: «Экономическое отступление мы теперь можем остановить, займемся тем, чтобы правильно развернуть и группировать силы». В действительности становление системы нэпа заняло 1921–1923 гг., его расцвет пришелся на 1924–1926 гг. Позднее, с началом масштабной «социалистической реконструкции» (иначе говоря, модернизации народного хозяйства) нэп был свергнут.

Сдача продналога в г. Егорьевске. 1922 г.

Первым актом новой экономической политики стал Декрет ВЦИК от 21 марта 1921 г., заменявший продразверстку продналогом. Поставки по налогу были почти в 2 раза ниже, чем по продразверстке, их размер не мог меняться в течение хозяйственного года, приспособленного к циклу сельскохозяйственного производства (в 1921–1930 гг. хозяйственный год в России начинался и заканчивался в 0 часов 1 октября).

Декрет о продналоге был встречен хорошо. Его следствием стало расширение посевных площадей, оживление промышленности и прежде всего — спад повстанчества. К концу 1921 г. очаги крестьянских восстаний были в основном погашены. Оставалось, конечно, много недоверчивых, усматривавших в перемене партийного курса всего лишь стремление накануне сева побудить крестьян расширить его размеры, чтобы вскоре снова вернуться к продразверстке. Таких уверяли, что нэп вводится «всерьез и надолго».

Отказ от продразверстки полностью разрушал уже укоренившиеся представления большевиков о возможности непосредственного перехода от капитализма к социализму, о прямом продуктообмене между производителями, об отмене денег и отмирании рынка. Стремясь не допустить полного крушения иллюзий, руководители страны поначалу полагали, что «из-

лишки» производившегося крестьянами продукта будут обмениваться на промышленные товары государственных предприятий в пределах местного оборота — в волости, уезде, губернии — через государственные хозяйственные органы и подконтрольную государству кооперацию. Считалось, что таким образом можно будет исключить частный капитал из процесса обмена.

Однако вскоре выяснилось, что малый объем обменного фонда промышленных товаров не позволяет ограничить продуктообмен определенными рамками. Уже летом 1921 г. товарообмен явочным порядком стал выходить за пределы местного оборота и заменяться денежной куплей-продажей. В октябре 1921 г. Ленин констатировал: «С товарообменом ничего не вышло, частный рынок оказался сильнее нас, и вместо товарообмена получилась обыкновенная купля-продажа, торговля». Властям ничего не оставалось, как «отойти еще немного назад» от решений X съезда, учиться торговать, налаживать государственное регулирование денежного обращения, приняться за реформу налогообложения. Натуральная часть оплаты труда заменялась денежной. В 1920 г. последняя составляла всего 7,4% заработка фабрично-заводского рабочего; в 1921 г. — 19,3; в первом полугодии 1922 г. — 32; во втором — 61,8; в начале 1923 г. — 80%.

В 1921 г. продразверстка была заменена системой из 13 налогов в натуральной форме (продналог, подворно-денежный, трудгужналог, местные налоги). Произведенная в крестьянском хозяйстве продукция после уплаты налога могла непосредственно обмениваться на промтовары. Чтобы заработать деньги на уплату налогов и приобретение необходимой промышленной продукции, крестьяне были вынуждены продавать свою продукцию государству. В 1923 г. налоги объединили в единый сельхозналог, выплачивавшийся сначала натурой и деньгами, а с 1924 г. — только в денежной форме. Первоначальная величина продналога на уровне 20% от чистого продукта крестьянского хозяйства затем была снижена до 10% урожая. Единый сельхозналог в денежной форме выплачивался по ставке 5% от дохода с каждого крестьянского двора. Это позволяло крестьянам наладить, наконец-то, свое хозяйство. Налоги существенно разнились в классовом отношении. Например, с обычного единоличника брали 18 руб., а с кулака — 172 руб. в год. К 10-й годовщине Октября 35% всех крестьянских хозяйств (бедняцких и маломощных) были вообще освобождены от сельхозналога. Льготами пользовались коллективные хозяйства.

Важным звеном нэпа в деревне было разрешение аренды земли и наемного труда. Это право было зафиксировано в новом Земельном кодексе РСФСР, принятом IV сессией ВЦИК 30 октября 1922 г. Крестьянам были также предоставлены права на выход из сельской общины и выбор форм землепользования. Однако запрет на куплю, продажу, завещание, дарение, залог земли не был снят: земля оставалась в собственности государства. Тем не менее право аренды земли и найма работников давало шансы для появления слоя крестьян-товаропроизводителей за 4–5 лет (традиционные для условий России сроки).

В мае 1921 г. начался процесс денационализации промышленности. В системе ВСНХ было решено оставить только наиболее крупные и эффективные предприятия. Объединенные в тресты, они стали работать на принципах хозрасчета, самофинансирования и самоокупаемости. Ликвидировалась, что очень важно, уравнительная система оплаты труда. Нерентабельные предприятия закрывались или сдавались в аренду. За 1921–1922 гг. возникли свыше 10 тыс. частных предприятий. Нередко они сдавались в аренду бывшим владельцам на срок от 2 до 5 лет взамен 10–15% производимой продукции. Арендованные предприятия порой насчитывали до 300 работников. Частникам разрешалось открывать собственные предприятия с числом занятых не более 20 человек. На арендованных мелких и средних предприятиях производились в основном потребительские товары. Всего к середине 1920-х годов на долю частного сектора приходилось 20–25% производства промышленной продукции.

Началось создание смешанных акционерных обществ с участием государства и частных предпринимателей. Разрешалось предоставление концессий иностранным предпринимателям на предприятия или территории для разработки природных ресурсов. Государство контролировало использование ресурсов, не вмешиваясь в хозяйственные и административные дела. Концессии облагались теми же налогами, что и госпредприятия. Часть полученной продукции отдавалась в качестве платы государству, другая могла реализовываться за рубежом. Общее число концессионных предприятий было невелико: в 1924 г. — 55, в 1925 г. — 70, в 1926 г. — 82, в 1927 г. — 74, в 1928 г. — 68, в 1929 г. — 59. В 1926/1927 хозяйственном году на них выпускалось немногим больше 1% промышленной продукции. Однако в некоторых отраслях роль концессионных предприятий была весьма заметной. В середине 1920-х годов они давали почти 85% мар-

Мясное отделение в продовольственном магазине военного потребительского общества. Москва. 1923 г.

ганцевой руды, более 60% добытого свинца и серебра, 30% — золота, 26% — цинка, 19% — меди, 22% — производимой одежды и галантереи.

Концессионерами стали многие советские деятели. Л. Троцкий имел долю в 80 тыс. руб. в Москусте — акционерной компании, контролировавшей ткацкие, бумажные и обувные фабрики, кожзаводы и т.д. Доля Э. Склянского (зампред РВС) оценивалась в 45 тыс. руб. В одном из концессионных предприятий обладал долей командующий Московским военным округом Н. Муралов. Г. Зиновьев имел интересы в Аркосе и Ленинградском табачном тресте, а также располагал 45% акций Волховской акционерной компании; у Г. Чичерина был вклад в смешанной компании «Тюршелк», а Ф. Дзержинский являлся председателем правления Каменноугольной совместной акционерной компании и владел в ней долей в 75 тыс. руб.

Несмотря на частичную денационализацию и концессионирование, государство сохраняло в своем распоряжении самый мощный сектор народного хозяйства. Полностью вне рынка оставались энергетика, металлургия, нефтедобыча и нефтепереработка, добыча каменного угля, оборонная про-

Кооператив-распределитель ОГПУ. 1928 г.

мышленность, железные дороги. На XIV съезде партии (декабрь 1924 г.) отмечалось, что удельный вес концессий и аренды в стране минимален: первые насчитывали 50 тыс. рабочих, вторая — 35 тыс. Тогда же было заявлено о необходимости устранения экономической зависимости от заграницы.

Система управления государственной промышленностью была децентрализована. Вместо 50 прежних отраслевых главков и центров ВСНХ осталось 16, численность управленческого аппарата сократилась почти втрое. Основной формой управления производством стали тресты — объединения однородных или взаимосвязанных предприятий. Работая на условиях хозяйственного расчета, они самостоятельно решали, что производить, где реализовывать продукцию, несли материальную ответственность за организацию производства, качество продукции, сохранность государственного имущества. Законом предусматривалось, что «государственная казна за долги трестов не отвечает».

К концу 1922 г. 421 трест объединял около 90% всех промышленных предприятий (40% — центрального подчинения,

60% — местного), из которых 80% было охвачено синдикатами — добровольными объединениями трестов для оптовых закупок сырья, оборудования, сбыта готовой продукции, кредитования. Все эти операции осуществлялись через сеть товарных бирж, ярмарок, торговых домов (фирм). К 1928 г. в стране насчитывалось 23 синдиката, действовавших почти во всех отраслях промышленности. Столь явные признаки ведущей роли в промышленности крупных хозяйственных структур напоминали структуру дореволюционной промышленности и, видимо, в наибольшей мере отвечали российским условиям.

В феврале 1921 г. была организована Государственная плановая комиссия (Госплан). Первоначально ее деятельность сводилась к конкретизации основных направлений плана ГОЭЛРО, разработке годовых планов по отдельным отраслям народного хозяйства. С 1924 г. разрабатывались промфинпланы (в них стали учитываться финансовые возможности развития отдельных отраслей). В 1925 г. отраслевые планы впервые сливались в единый годовой план промышленности и строительства. Планирование приобретало всеобъемлющий характер.

Реформы коснулись и армии. Трудовые армии были расформированы 30 декабря 1921 г. Общую численность РККА сократили с 5 млн (конец Гражданской войны) до 600 тыс. в феврале 1923 г. и до 562 тыс. человек к 1925 г. С 1923 г. началось создание территориально-милиционных частей Красной армии. Территория страны была разделена на 10 военных округов. При этом в соответствии с новой армейской системой, численность постоянных кадровых формирований была небольшой, а переменный рядовой состав обучался военному делу на кратковременных сборах без длительного отрыва от производства. Ежегодные расходы на Вооруженные силы в расчете на душу населения в 1925 г. в СССР составляли 3 руб. (для сравнения: в странах Прибалтики — 7, во Франции — около 14).

С переходом от политики «военного коммунизма» к нэпу революционные методы преобразования общества уступали место эволюционным — на основе сосуществования всех форм собственности и разных экономических укладов: патриархального, мелкотоварного, частнокапиталистического, государственно-капиталистического, социалистического. В понятие «государственный капитализм» включались все формы использования частного капитала под контролем правительства (кооперация, аренда, концессии, торговля). Расчет делался на то, что с помощью государственной поддержки

более высокий социалистический уклад со временем вытеснит остальные.

Стратегическими целями нэпа объявлялись построение социализма, восстановление хозяйственных связей города и деревни, укрепление союза рабочего класса и крестьянства. Сущность нэпа заключалась в частичном восстановлении рыночной экономики при сохранении командных рычагов в руках партийного и советского руководства. Начальный период нэпа (1921–1925) связан с восстановлением народного хозяйства и созданием исходных позиций для реконструкции экономики.

Относительно времени окончания нэпа до недавнего времени ученые расходились во мнениях. В 1960–1970 гг. историки полагали, что задачи, поставленные перед нэпом, были решены к середине 1930-х годов, и он завершился победой социализма. В наши дни начало ограничения нэпа датируется 1924 г., а отказ от него — началом свертывания в стране рыночных отношений или реализации всеобщего фактического огосударствления сельского хозяйства. В первом случае свертывание нэпа связывается с принятием октябрьским (1925) пленумом ЦК РКП(б) решения о введении абсолютной монополии на внешнюю торговлю. Во втором, представляющимся более обоснованным, — с началом осуществления первого пятилетнего плана развития народного хозяйства (1 октября 1928 г.) или с принятием решений о проведении массовой коллективизации. Таким образом, нэп после Гражданской войны был отброшен практически сразу же после истечения срока, необходимого в российских условиях для становления полноценного крестьянского хозяйства.

С 1928/1929 г. экономическая политика СССР становится частью опробованной в годы «военного коммунизма» и выстроенной позднее административно-командной системы. Главным инструментом имманентного системе политического режима (его называют «тоталитарным») оставалась диктатура правящей партии, не ограничиваемая в конкретно-исторических условиях конца 1920-х — начала 1950-х годов никакими моральными и юридическими нормами.

Длительные споры историков о том, была ли альтернатива нэпу, как политике, целью которой был социализм, к нашим дням утихли. Считается, что действенной альтернативой нэпу является политика, ведущая к нормальной рыночной экономике, функционирующей в условиях демократической политической системы, не терпящей монополии партийно-государственной власти.

§2

Образование и конституционное оформление Союза ССР

Образование СССР

Согласно коммунистической доктрине, национальный вопрос (противоречия в отношениях между народами) представлялся второстепенным в сравнении с межклассовыми противоречиями. Его разрешение ставилось в прямую зависимость от успехов социалистического строительства. Считалось, что с переходом к социализму и уничтожением классовых различий национальные противоречия и различия будут также преодолены.

Большевики с дореволюционных времен были известны как сторонники централистского государства. Прогресс в государственном развитии представлялся как переход от разного типа союзных государств к единой республике, а от нее — к безгосударственному общественному самоуправлению. «Пока и поскольку разные нации составляют единое государство, — писал Ленин в 1913 г., — марксисты ни в коем случае не будут проповедовать ни федеративного принципа, ни децентрализации». В 1918 г. российская власть взяла курс на федерализм как новую форму государственного устройства для всей бывшей территории Российской империи, однако при этом неизменно подчеркивала стратегическую временность этой формы. «Принудительный централистский унитаризм» считалось целесообразным заменить федерализмом добровольным, для того чтобы со временем он уступил место «добровольному социалистическому унитаризму».

На начальных этапах этого пути численно преобладающему и являющемуся основной «плотью и кровью» страны русскому народу было предназначено оказать помощь в социально-экономическом и культурном развитии отсталым и угнетенным в прошлом народам России. Такая политика усиливала факторы, способствующие их объединению в едином государстве: общность исторических судеб; сложившуюся на основе разделения труда между территориями единую хозяйственную систему и единый общероссийский

рынок; общую транспортную сеть, почтово-телеграфную службу; исторически сформированную перемешанность полиэтничного населения; налаженные культурные, языковые и другие контакты; союзы между советскими республиками, оформившиеся в основном в последние годы и после Гражданской войны.

Были и факторы, препятствующие объединению: память о русификаторской политике старого режима; стеснение прав отдельных национальностей и боязнь повторения такой политики в новом виде; немалый вкус к независимой власти, приобретенный национальными элитами окраинных народов в период революционной смуты. Большевистская власть акцентировала внимание на так называемом праве наций на самоопределение. Реализация этого права в условиях Гражданской войны превратила бывшую императорскую Россию в совокупность различных национально-государственных образований. Финляндия, Польша, Тува, Литва, Эстония, Латвия силой обстоятельств были отделены от России. Украина, Белоруссия стали независимыми советскими республиками. В Средней Азии существовали Хорезмская (с февраля 1920 г.) и Бухарская (с октября 1920 г.) народные советские республики. На Дальнем Востоке в 1920 г. образована «буферная» Дальневосточная республика (ДВР), в составе которой с 1921 г. находилась Бурят-Монгольская автономная область (АО). Советизированные республики Закавказья (Азербайджан, апрель 1920 г.; Армения, ноябрь 1920 г.; Грузия, февраль 1921 г.) в марте 1922 г. образовали конфедеративный союз республик, преобразованный в декабре 1922 г. в Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику (ЗСФСР).

В составе РСФСР на протяжении 1918–1922 гг. возникло множество автономных образований. Первыми из них были Туркестанская АССР (апрель 1918 г.), Трудовая коммуна Немцев Поволжья (октябрь 1918 г.), Башкирская АССР (март 1919 г.). В 1920 г. созданы Татарская АССР, Карельская трудовая коммуна, Чувашская АО, Киргизская (с 1925 г. — Казахская) АССР, Вотская (с 1932 г. — Удмуртская) АО, Марийская и Калмыцкая АО, Дагестанская и Горская АССР; в 1921 г. — Коми (Зырянская) АО, Кабардинская АО, Крымская АССР; в 1922 г. — Карачаево-Черкесская АО, Монголо-Бурятская АО, Кабардино-Балкарская АО, Якутская АССР, Ойротская (с 1948 г. — Горно-Алтайская) АО, Черкесская (Адыгейская) АО, Чеченская АО. На долю РСФСР приходилось 90% территории и 70% населения будущего СССР. В Закавказье образо-

ваны: на территории Азербайджана — Нахичеванская Советская Республика (1920), на территории Грузии — Аджарская АССР (1921) и Юго-Осетинская АО (1922); в 1921 г. создана Абхазская ССР.

Потенциал возникновения новых национально-государственных образований на территории бывшей царской России был весьма значителен. По переписи 1926 г. здесь проживали 185 наций и народностей — лишь 30 из них в той или иной форме обрели государственность к концу 1922 г. Основная масса малых национальностей была индифферентна к федеративному строительству и спокойно существовала в рамках прежнего статуса. К моменту создания СССР наряду с иными образованиями продолжали существовать административно-территориальные единицы, сохранявшие преемственную связь с дореволюционным губернским, областным, уездным и волостным делением.

Вопрос об укреплении государственного единства страны с множеством советизированных независимых и автономных образований, возникавших в годы революционной смуты и большевистского романтизма, появился сразу же, едва забрезжила победа в Гражданской войне. Уже в середине 1919 г. заместитель председателя Реввоенсовета республики Э. Склянский официально предлагал объединить все независимые советские республики в единое государство путем их включения в РСФСР. Это была одна из первых формулировок «плана автономизации» после победы Октября. В докладе на X съезде РКП(б) «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» (март 1921 г.) говорилось, что «живым воплощением» искомой формы федерации всех советских республик является РСФСР — федерация, основанная на автономизации ее субъектов. План автономизации приобрел чрезвычайную актуальность в начале 1922 г. в связи с подготовкой к международной конференции в Генуе, где предстояло обсуждать судьбу долгов царского и Временного правительств и иностранной собственности в Советской России.

Наркомат иностранных дел полагал неразумным участие в конференции всех республик, образованных на месте царской России. «Если мы на конференции заключим договоры как девять параллельных государств, это положение дел будет юридически надолго закреплено, и из этой путаницы возникнут многочисленные затруднения для нас в наших сношениях с Западом», — писал Г. Чичерин в ЦК. Избежать международных осложнений предлагалось включением «братских республик» в РСФСР.

Идея «поставить державы перед свершившимся фактом» уже на открытии конференции в апреле 1922 г. была весьма привлекательна. Но и на этот раз она оказалась неосуществленной. И. Сталин [↓] в связи с предложением НКИД сожалел, что «нам нужно быть готовыми уже через месяц», а этого недостаточно для реализации идеи. Полное дипломатическое единство советских республик было обеспечено подписанным 22 февраля протоколом о предоставлении Российской Федерации полномочий защищать в Генуе права Украины, Белоруссии, Грузии, Армении, Азербайджана, Бухары, Хорезма, ДВР и подписывать от их имени выработанные на конференции акты, договоры и соглашения.

К «автономизации» вновь вернулись летом 1922 г., когда под председательством В. Куйбышева приступила к работе комиссия Оргбюро ЦК по подготовке вопроса «о взаимоотношениях РСФСР и независимых республик» к назначенному на

Иосиф Виссарионович Сталин (Джугашвили) (1879–1953) *— родился в Гори Тифлисской губернии в семье сапожника-кустаря и прачки. Окончил Горийское духовное училище (1894), учился в Тифлисской духовной православной семинарии, из которой в 1899 г. был исключен за революционную деятельность. Член РСДРП с 1898 г. Вел нелегальную деятельность в Закавказье, Петербурге, сотрудничал в большевистских газетах, отвечал за финансовую поддержку партии. С 1902 по 1913 г. шесть раз подвергался арестам и ссылкам, четыре раза совершал побег. В 1912 г. по рекомендации Ленина на Пражской конференции был кооптирован в ЦК партии. После Февральской революции — член Русского бюро ЦК и редакции газета «Правда», представитель большевиков в Исполкоме Петросовета. На втором Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов избран наркомом по делам национальностей, возглавлял его вплоть до упразднения в 1923 г. Одновременно возглавлял наркоматы Госконтроля (в 1919), Рабоче-крестьянской инспекции (1920–1922). В годы Гражданской войны с 1918 г. член РВС Республики и ряда фронтов, представитель ВЦИК в Совете рабочей и крестьянской обороны. С октября 1917 г. — член Политбюро ЦК. В 1922–1934 гг. — Генеральный секретарь ЦК, в 1934–1953 гг. — секретарь ЦК партии, с мая 1941 г. — Председатель Совета Народных комиссаров (Совета Министров) СССР. В годы Великой Отечественной войны в его руках была сконцентрирована вся полнота политической и военной власти. Он являлся одновременно главой правительства, наркомом обороны, председателем Государственного Комитета Обороны и Верховным Главнокомандующим. С 1943 г. — маршал, с 1945 г. — генералиссимус Советского Союза. Почетный член Академии наук СССР (1939), Герой Социалистического Труда (1939), Герой Советского Союза (1945). До 1953 г. все победы и достижения советского общества связывались с именем этого «выдающегося», по официальной трактовке, ученика Ленина. После его смерти, Л. Берия, Г. Маленков и Н. Хрущев выступили с развенчанием «культа личности», возложив на Сталина ответственность за все ошибки и преступления прежних лет. В исторической литературе бытуют различные, порой диаметрально-противоположные, оценки личности и деятельности Сталина.*

6 октября пленуму ЦК РКП(б). Сталин, возглавивший подготовку соответствующей резолюции, вряд ли долго над ней размышлял. Проект резолюции (именно он в последующем назывался сталинским планом автономизации) предусматривал необходимость «признать целесообразным формальное вступление независимых Советских республик: Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии и Армении в состав РСФСР, оставив вопрос о Бухаре, Хорезме и ДВР открытым и ограничившись принятием договоров с ними по таможенному делу, внешней торговле, иностранным и военным делам и прочее». План, возведенный после разоблачения культа личности в разряд едва ли не «трагедии партии и народа», был лишь очередным выражением известного положения о РСФСР как воплощенной форме федерации всех советских республик.

Принятый комиссией документ был разослан руководству Украины, Белоруссии и Закавказья, однако не встретил единодушной поддержки. Не ставя под сомнение необходимость сохранения «диктатуры пролетариата» (иначе говоря, права на власть в государстве коммунистической партии) и подчиненность этому «права наций на самоопределение», местное партийное и государственное руководство разделилось на сторонников «жестких» и «мягких» форм федерации.

Сторонники первого варианта (Ф. Дзержинский, С. Киров, В. Куйбышев, В. Молотов и др.) соглашались с предложениями Сталина, реализация которых позволила бы ликвидировать «отсутствие всякого порядка и полный хаос» в отношениях между центром и окраинами, дала бы возможность создать «действительное объединение советских республик в одно хозяйственное целое», обеспечивая при этом реальную автономию республик в области языка, культуры, юстиции, внутренних дел, земледелия и пр. Сторонниками второго варианта (на Украине Х. Раковский, Н. Скрыпник; в Грузии — Ф. Махарадзе, П. Мдивани; в Центре — Н. Бухарин, Л. Троцкий и др.) полагали необходимым сохранить за союзными республиками «атрибуты национальной независимости», считали, что это будет в большей мере способствовать хозяйственному возрождению республик, отвечать интересам свободного развития наций и оказывать «максимум революционного эффекта за границей».

22 сентября 1922 г. Сталин направил Ленину письмо, в котором обращал внимание на заявления партийного руководства Азербайджана и Армении «о желательности автономизации» и мнение ЦК КП Грузии «о желательности сохранения формальной независимости». Познакомившись с письмом и дру-

гими материалами, Ленин 25 сентября обсудил их с наркомом Г. Сокольниковым, сторонником включения в РСФСР не только независимых советских республик, но и Хивы, Бухары. 26 сентября состоялась его продолжительная беседа со Сталиным. В тот же день он направил письмо Л. Каменеву (копии — всем членам Политбюро), из которого следовало, что «Сталин немного имеет устремление торопиться» в решении «архиважного» вопроса, а мнения несогласных с ним руководителей республик заслуживают внимания. Сам он полагал, что вместо «вступления» независимых республик в РСФСР нужно вести речь о «формальном объединении» всех независимых республик в новый союз, в рамках которого «мы признаем себя равноправными с Украинской ССР и др. и вместе и наравне с ними входим в новый союз, новую федерацию, "Союз Советских республик Европы и Азии"».

Каменев тут же откликнулся запиской, рекомендуя «провести Союз так, чтобы максимально сохранить формальную независимость», и обязательно зафиксировать в договоре о Союзе пункты о праве одностороннего выхода из Союза и разграничении областей ведения Союза и республик. К записке была приложена в виде схемы «Развернутая форма Союза Советских Республик».

До 29 сентября Ленин продолжал изучать вопрос об объединении республик на встречах с П. Мдивани, Г. Орджоникидзе, М. Окуджавой, Л. Думбадзе, К. Цинцадзе, А. Мясниковым. В результате проект резолюции предстоящего пленума ЦК был исправлен. В первом пункте нового проекта значилось: «Признать необходимым заключение договора между Украиной, Белоруссией, Федерацией Закавказских Республик и РСФСР об объединении их в "Союз Социалистических Советских республик" с оставлением за каждой из них права свободного выхода из состава Союза».

Исправленная резолюция означала рождение знаменитой аббревиатуры «СССР» и окончательные похороны «плана автономизации», так как Ленин неожиданно для многих встал на сторону «независимцев» Грузии и Украины. Сталин не нашел нужным противиться «национал-либерализму», полагая, по-видимому, что не вполне устраивавший его ленинско-каменевский проект образования СССР не исключал установления отношений подчиненности во всех главных вопросах окраин Центру.

Явное раздражение Сталина либерализмом, который проявили Ленин и его соратники при выработке проекта образования СССР, вызывалось демонстративной избирательностью

и усугублением несправедливости, закладываемой в основание Союза. Декларация прав народов России на заре Советской власти обещала равенство, суверенность, право на свободное самоопределение и развитие всем без исключения народам страны. Теперь же оказывалось, что к созданию Союза ССР «вместе и наравне» допускались народы лишь четырех субъектов Федерации. Больше всего Сталин опасался, что новый проект образования СССР может спровоцировать ненужное обострение русского вопроса — вопроса о государственности русского народа и его месте в Союзе.

Пытаясь отстаивать свою позицию, он обращал внимание членов Политбюро на нелогичность образования единого государства как союза национальных республик по принципу «вместе и наравне», но без русской республики. 27 сентября 1922 г. в письме членам Политбюро Сталин предостерегал, что «решение в смысле поправки т. Ленина должно повести к обязательному созданию русского ЦИКа», исключению из РСФСР восьми автономных республик и их переводу (вместе с возникающей русской республикой) в разряд независимых. Федеральная постройка, возводимая на фундаменте с очевидным изъяном, заведомо не могла обладать должной прочностью.

Тем не менее Сталину, вынужденному согласиться с ленинской идеей, впоследствии «по долгу службы» приходилось не раз и не очень убедительно отстаивать решение октябрьского пленума ЦК. Уже на X Всероссийском съезде Советов член коллегии Наркомнаца М. Султан-Галиев отметил, что с образованием нового союза происходило разделение народов СССР «на национальности, которые имеют право вхождения в союзный ЦИК, и на национальности, которые не имеют этого права, разделение на пасынков и на настоящих сыновей. Это положение, безусловно... является ненормальным».

Исправленный под диктовку «национал-независимцев» проект резолюции октябрьского (1922) пленума ЦК вдохновил их на дальнейшие притязания. Х. Раковский высказался в пользу сохранения независимости Украины. Руководители Грузии на заседании расширенного пленума ЦК КПГ 19 октября 1922 г. предложили ликвидировать образованную в марте того же года Закавказскую Федерацию. Они доказывали, что она искусственна и нежизненна. Предложение было осуждено Закавказским краевым комитетом партии. 20 октября его решением Окуджава был освобожден от обязанностей секретаря ЦК КП Грузии, следующим днем грузинский ЦК в знак протеста почти в полном составе сложил свои полно-

мочия. Однако в Москве к коллективной отставке отнеслись прохладно.

Между тем партийные разборки в Тбилиси к 20-м числам ноября дошли до оскорблений, перебранок и рукоприкладства. Комиссия во главе с Ф. Дзержинским, назначенная Секретариатом ЦК РКП(б) для рассмотрения грузинских событий, после четырехдневных слушаний в Тифлисе в начале декабря 1922 г. пришла к заключению, что политическая линия Заккрайкома и Орджоникидзе «вполне отвечала директивам ЦК РКП и была вполне правильной», направленной против тех коммунистов, «которые, встав на путь уступок, сами поддались давлению напора мелкобуржуазного национализма».

Ленин остался недоволен заключением комиссии. Позднее он сказал: «Накануне моей болезни Дзержинский говорил мне о работе комиссии и об "инциденте", и это на меня очень тяжело повлияло». 13 декабря 1922 г. повторились два тяжелейших приступа болезни. 16 декабря состояние здоровья Ленина еще более ухудшилось. В ночь на 23-е наступает стойкий паралич правой руки и правой ноги.

Тем временем работа по созданию Союза ССР на основании принятой октябрьским (1922) пленумом ЦК резолюции «О взаимоотношениях между РСФСР и независимыми республиками» продолжалась. Из партийных организаций она уже перешла к республиканским ЦИК. Обсуждение проекта и решения о создании СССР 10–16 декабря 1922 г. провели съезды Советов трех объединявшихся республик: VII Всеукраинский, I Закавказский, IV Всебелорусский. 26 декабря последним (чтобы не оказывать давление на другие «братские» народы) аналогичное решение принимал X Всероссийский съезд Советов. Российская Федерация к этому времени существенно выросла территориально. Дальневосточная республика была очищена от белогвардейцев и японских оккупантов и 15 ноября 1922 г. прекратила свое существование, войдя в состав РСФСР. 29 декабря в Москве работала конференция полномочных делегаций четырех союзных республик. На ней были утверждены проекты Декларации и Договора об образовании союзного государства, намечен срок открытия объединительного съезда Советов.

I Всесоюзный съезд Советов состоялся 30 декабря 1922 г. Он принял Декларацию и Договор об образовании СССР, избрал Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР — однопалатный орган власти в составе 371 представителя республик по пропорциональному принципу. ЦИК получил верховные полномочия на период между съездами Советов. Избранному

тогда же Президиуму ЦИК было поручено разработать Положения о наркоматах СССР, о СНК и Совете Труда и Обороны, о ЦИК и его членах, проекты флага и герба СССР. Для руководства работой ЦИК были избраны 4 председателя — М. Калинин (от РСФСР), Г. Петровский (УССР), Н. Нариманов (ЗСФСР), А. Червяков (БССР) и секретарь А. Енукидзе. Так, в обновленном варианте и со многими издержками было воссоздано тысячелетнее Российское государство, гарантирующее безопасность существования и развития всем российским народам.

Дискуссии по национальному вопросу в СССР

Дебаты по вопросам образования СССР положили начало двум течениям большевизма в отношении национальной государственности. Первое, ортодоксальное, — за «подлинный интернационализм», отождествлявшийся с социалистическим космополитизмом и мировой революцией. Второе, государственное (национально-большевистское), которое чаще всего связывалось с именами Сталина и Молотова, — за укрепление государства и роли в нем основного государствообразующего русского народа. В 1923 г. борьба течений проявилась в связи с XII съездом партии, на котором национальный вопрос занял одно из центральных мест. Сталин, докладчик по этому вопросу, в основном занимал оборонительные позиции, всячески стремился следовать ленинским установкам. 21 февраля на пленуме ЦК РКП(б) обсуждались подготовленные им тезисы «Национальные моменты в партийном и государственном строительстве».

Решение обсуждавшихся проблем предлагалось вести исходя из того, что пролетариат уже «нашел в советском строе ключ к правильному решению национального вопроса», что «путь организации устойчивого многонационального государства на началах национального равноправия и добровольности» уже открыт, но для полного и окончательного разрешения вопроса еще предстояло преодолеть препятствия, переданные в наследство «пройденным периодом национального гнета». Главное препятствие усматривалось в «пережитках великодержавного шовинизма, являющегося отражением былого привилегированного положения великорусов» и получающих подкрепление в виде «сменовеховских великорусско-шовинистических веяний, выражающихся в кичливо-пренебрежительном и бездушно-бюрократическом отношении русских советских чиновников к нуждам и потребностям национальных

республик». Вместе с тем отмечались пережитки «радикально-националистических традиций» среди местных коммунистов, которые порождали «уклон в сторону переоценки национальных особенностей, в сторону недооценки классовых интересов пролетариата, уклон к национализму». В частности, обращалось внимание на грузинский шовинизм, направленный против армян, осетин, аджарцев и абхазцев; азербайджанский — против армян; узбекский (в Бухаре и Хорезме) в отношении туркменов и киргизов. Однако все виды шовинизма трактовались как «своеобразная форма обороны против великорусского шовинизма».

Эти «пережитки» и «уклоны» предлагалось осудить, сделав упор «на особый вред и особую опасность уклона к великодержавному шовинизму». Главное условие «полного и окончательного» разрешения национального вопроса виделось в «уничтожении фактического национального неравенства». Задача эта возлагалась на русский народ. Преодолеть национальное неравенство, как подчеркивалось в тезисах, «можно лишь путем действительной и длительной помощи русского пролетариата отсталым народам Союза в деле их хозяйственного и культурного преуспеяния».

В специальной записке Сталина, направленной в Политбюро в феврале 1923 г., вновь ставился вопрос, не получивший ясного ответа в ходе образования СССР: «Входят ли наши республики в состав Союза через существующие федеративные образования (РСФСР, Закфедерация) или самостоятельно, как отдельные государства (Украина, Грузия, Туркестан, Башкирия)»? Вопрос был явно нацелен на необходимость выравнивания статуса республик в составе СССР.

Продолжая полемику главным образом с грузинскими «независимцами» и как бы становясь на их точку зрения, Сталин отмечал резоны в их требованиях: «Вхождение отдельными республиками (а не через федеральные образования) имеет несомненно некоторые плюсы: а) оно отвечает национальным стремлениям наших независимых республик; б) оно уничтожает среднюю ступеньку в строении союзного государства». Вместе с тем отмечались и «существенные минусы», якобы не позволяющие принять предложения «независимцев». Разрушение Закавказской Федерации требовало аналогичного отношения к РСФСР. Но это, по мнению Сталина, было категорически неприемлемо. Разрушение РСФСР обязывало, во-первых, «создать новую русскую республику, что сопряжено с большой организационной перестройкой», и, во-вторых, вынуждало «выделить русское население из состава автономных респуб-

лик в состав русской республики, причем такие республики, как Башкирия, Киргизия, Татарская республика, Крым рискуют лишиться своих столиц (русские города)». В создании русской республики, по Сталину, не было «политической необходимости». Интересы русского народа предлагалось обеспечить через представительство «русских губерний» в Союзном собрании.

В связи с позицией Сталина по национально-государственному устройству Союза некоторые историки высказывают предположение, что в конце жизни Ленин стремился уравновесить силы в политической связке «Троцкий — Сталин», а то и вовсе устранить последнего из политики. Троцкий уже 6 марта выступил с резкой критикой сталинских тезисов «Национальные моменты в партийном и государственном строительстве». Он не согласился с констатацией в них того, «что мы уже разрешили национальный вопрос, наладили мирное сожительство и сотрудничество наций», считал из двух названных в резолюции национальных уклонов «абсолютно необходимым выдвинуть на первое место» великодержавный и подчеркнуть, что «второй уклон, национальный, и исторически и политически является реакцией на первый». В состоявшейся тогда же беседе с Каменевым Троцкий высказывался еще определеннее: «Я хочу радикального изменения национальной политики, прекращения репрессий против грузинских противников Сталина... Сталинская резолюция по национальному вопросу никуда не годится. Грубый и наглый великодержавный зажим ставится в ней на один уровень с протестом и отпором малых, слабых и отсталых народностей».

Сталин был вынужден согласиться с критикой. В записке членам Политбюро он отметил, что считает поправки Троцкого «неоспоримыми и целиком совпадающими с основным тоном» тезисов. И предложил «еще больше подчеркнуть» в резолюции XII съезда особый вред «уклона к русской великодержавности». Разумеется, это было сделано.

При обсуждении национальных проблем на съезде Бухарин посчитал нужным открыто признать неравноправное положение русского народа. «Мы, — говорил он, — в качестве бывшей великодержавной нации должны... поставить себя в неравное положение в смысле еще больших уступок национальным течениям. Только... когда мы себя искусственно поставим в положение, более низкое по сравнению с другими, только этой ценой мы сможем купить себе настоящее доверие прежде угнетенных наций». По сути, именно эту цель преследовала резолюция съезда по национальному вопросу, закреплявшая

в развернутом виде известное ленинское положение об «интернационализме большой нации».

Представители «независимцев» на съезде вновь пытались провести предложение о реорганизации СССР в пользу своих республик. Раковский прямо заявил, что «союзное строительство пошло неправильным путем... Нужно отнять от союзных комиссариатов девять десятых их прав и передать их национальным республикам». Фрунзе предлагал «пересмотреть существующие федеральные объединения, превратить ряд новых республик в независимые». Предлагалось закрепить отход от русского великодержавничества переименованием РКП(б) в КПСС. Н. Скрыпник утверждал: «Только тот, кто в душе великодержавен, только тот может цепляться за старое название». Наиболее радикальными были вновь прозвучавшие предложения о создании вместо РСФСР и ЗСФСР целого ряда независимых национальных республик, включая русскую, их объединении в Союзе ССР на равных началах. Однако эти предложения были отвергнуты.

Не получила поддержки съезда и атака на принципы построения СССР, предпринятая Султан-Галиевым. Он считал, что доклад Сталина «не разрешает национального вопроса» в силу своей нелогичности и неясности исходных позиций. В частности, обращалось внимание на отсутствие определения того, какие национальности «доросли» до предоставления им автономий, а какие нет. Он удивлялся нападкам на грузинских уклонистов за их несогласие на образование Закавказской Федерации и в то же время отсутствию законных оснований для объединения в федерации родственных народов Северного Кавказа, народов Поволжья, народов Средней Азии.

Однако делегаты съезда не стали углубляться в разбирательство нелогичностей, целиком полагаясь на способность руководства партии обеспечивать должную централизацию Союза ССР. В разъяснениях Троцкого на съезде это прозвучало следующим образом: «Национальность вообще не логичное явление, ее трудно перевести на юридический язык», поэтому необходимо, чтобы над аппаратом, регулирующим национальные отношения, «стояла в качестве хорошего суфлера партия... Если будут очень острые конфликты по вопросу о финансах и т. д., то, в конце концов, в качестве суперарбитра будет выступать партия».

Все это целиком соответствовало установке VIII съезда партии (март 1919 г.) на то, что существование особых советских республик «отнюдь не значит, что РКП должна, в свою очередь, сорганизоваться на основе федерации... Все решения РКП и ее

руководящих учреждений безусловно обязательны для всех частей партии, независимо от национального их состава. Центральные комитеты украинских, латышских, литовских коммунистов пользуются правами областных комитетов партии и целиком подчинены ЦК РКП». Как показали дальнейшие события, унитаризм конфедеративного СССР (по признаку свободы выхода республик из союза) определялся особой, по сути, диктаторской ролью в государстве коммунистической партии и ее лидеров.

Централизаторская роль партии проявилась уже вскоре после завершения съезда и выразилась в дальнейшем оттеснении от власти наиболее влиятельных «национал-уклонистов», в ряде случаев оказавшихся невольными пособниками «великорусского национализма». Так, обвиненный в связях с антисоветскими кругами Султан-Галиев был снят со всех постов, исключен из партии и вскоре арестован.

Султан-Галиев, опровергая обвинения, объяснял, что призывал сторонников активнее выступать с изложением позиций по проблемам национальных отношений лишь с тем, чтобы убедить руководство страны в правоте своих взглядов на их решение. Идея создания Туркестанской Федерации с предоставлением ей «элементарнейших основ государственности» рассматривалась как фактор, способствующий ускоренному развитию производительных сил региона и пробуждению революционной активности трудящихся зарубежного Востока. В этой связи рассматривалась возможность образования независимой Республики Туран с включением в нее тюркских территорий Киргизии, Кашгарии, Хивы, Бухары, Афганистана и Персии, а также организация «Колониального Интернационала». Позднее Султан-Галиев писал о возможности создания на Востоке четырех федераций, которые должны быть включены в Советский Союз «на равных совершенно с Украиной правах»: Федерации Урало-Волжских республик (Башкирии, Татарии, Чувашии), Марийской и Вотской областей; Общекавказской Федерации с включением всех нацреспублик Закавказья, Северного Кавказа, Дагестана, Калмыкии и Кубано-Черноморья в целом; Казахстана как союзной единицы; Среднеазиатской, или собственно Туранской, республики в составе Узбекистана, Туркмении, Киргизии и Таджикистана.

Все это было свидетельством наивного революционаризма в смеси с татарским национализмом. Опасным скорее всего представлялось бесстрашие в низвержении «ленинских» принципов, на основе которых до сих пор строился СССР. Сам

Султан-Галиев ничего предосудительного «с точки зрения интереса международной социальной революции» в своих предложениях не видел. Напротив, подчеркивал он в письме в ЦКК РКП(б) в июне 1923 г., «это страшно для русского национализма, это страшно для западноевропейского капитализма, а для революции это не страшно». Группа руководящих работников Татарии в своем обращении к ЦК от 8 мая расценила его арест как «недоразумение» и просила об отмене репрессии.

14 июня Политбюро ЦК по предложению ВЧК приняло решение освободить Султан-Галиева из-под стражи. Ходатайство о его восстановлении в партии было отклонено. Вместе с тем, стремясь не допустить даже малейших сомнений в незыблемости освященных именем Ленина принципов устройства СССР, Политбюро решило изложить дело Султан-Галиева на специальном «совещании из националов окраинных областей».

4-е совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей состоялось 9–12 июня 1923 г. Официально оно созывалось для выработки практических мер по проведению в жизнь резолюции XII съезда партии по национальному вопросу. Докладчиком по основному вопросу совещания был Сталин. Положение дел на местах обрисовали представители 20 партийных организаций. Все были солидарны в том, что коммунистические организации на окраинах могут окрепнуть, сделаться настоящими, марксистскими только преодолев национализм.

Большое значение имел представленный на совещании от имени Центральной контрольной комиссии доклад В. Куйбышева о деле Султан-Галиева. Отмечалось, что султан-галиевщина получила наиболее широкое распространение в восточных республиках, особенно в Башкирии и Татарии. Совещание расценило действия обвиняемого как самое уродливое выражение уклона к местному национализму, ставящее его «вне рядов коммунистической партии».

В резолюции отмечалось, что уклон к местному национализму «является реакцией против великорусского шовинизма». На совещании раздавались призывы «заткнуть глотку» чудищу великодержавничества (Н. Скрыпник), «вытравить его окончательно, прижечь каленым железом» (Г. Зиновьев), настраиваться на длительную борьбу, поскольку «великорусский шовинизм будет, пока будет крестьянство» (А. Микоян).

Совещание наметило целую систему мер по вовлечению местного населения в партийное и советское строительство.

Предусматривались чистка государственно-партийного аппарата от националистических элементов (имелись в виду «в первую голову русские, а также антирусские и иные националисты»); неуклонная работа «по национализации государственных и партийных учреждений в республиках и областях в смысле постепенного ввода в делопроизводство местных языков, с обязательством ответственных работников изучать местные языки»; вовлечение национальных элементов в профессиональное и кооперативное строительство. Признавались необходимыми отступления от принятых норм, способные облегчить вступление в партию и выдвижение в ее руководящие органы «местных элементов».

Большое место на совещании заняли проблемы Конституции СССР. В итоге было решено учредить в составе ЦИК СССР две палаты (Союзный Совет, Совет Национальностей), установив равенство их прав и соблюдение условий, при которых ни один законопроект, внесенный на рассмотрение первой или второй, не может быть превращен в закон без согласия на то обеих палат. Конфликтные вопросы предлагалось решать посредством согласительной комиссии, в крайнем случае — съезда Советов. В решениях было записано, что во второй палате автономные и независимые республики будут иметь одинаковое представительство (4 человека или более), а каждая национальная область — по одному представителю.

Установлено было также, что палаты формируют единый Президиум ЦИК. Предложение Раковского о создании двух президиумов с законодательными функциями было отклонено. Это означало бы «раздвоение верховной власти, что неминуемо создает большие затруднения в работе». Сталин в этой связи высказывался еще определеннее: «Украинцы навязывают нам конфедерацию», «мы создаем не конфедерацию, а федерацию республик, одно союзное государство», отсутствие единого президиума ЦИК сводило бы «союзную власть к фикции».

Закрепление сталинской линии в решении национального вопроса после совещания выразилось в проведении чистки от «буржуазных националистов» всех партийных организаций Востока. Наиболее влиятельный уклонист Раковский был смещен с поста главы правительства Украины и направлен на дипломатическую работу. Таким образом, успех совещания в борьбе с национал-уклонизмом наиболее явно выразился в оттеснении от власти представителей наиболее крупных нерусских этнических групп, способных реально препятствовать дальнейшему укреплению единства СССР.

Конституционное оформление СССР заняло больше года (1923 г. — январь 1924 г.). Его результатом были предложения о создании в ЦИК наряду с палатой классового представительства второй — национального представительства, а также об объединении принятых на I съезде Декларации и Договора в один документ под названием «Конституция (Основной закон) СССР» и отклонении конфедералистских предложений Х. Раковского — создавать не Конституцию, а дорабатывать Союзный договор.

Проект общесоюзной Конституции рассмотрели и одобрили сессии ЦИК России, ЗСФСР, Украины и Белоруссии, а 6 июля 1923 г. он был утвержден и введен в действие II сессией ЦИК СССР. (Вплоть до принятия новой Конституции СССР в 1936 г. день 6 июля праздновался как День Конституции.) 13 июля ЦИК СССР в «Обращении ко всем народам и правительствам мира» известил о создании СССР и начале деятельности первого состава Совнаркома СССР. Главой правительства был избран В. Ленин. Его заместителями стали Л. Каменев (одновременно председатель СТО), М. Орахелашвили (председатель Совнаркома ЗСФСР), А. Рыков (председатель ВСНХ), А. Цюрупа (нарком РКИ), В. Чубарь (председатель СНК Украины). В состав Совнаркома вошли также 10 наркомов СССР — руководители 5 общесоюзных и 5 объединенных наркоматов.

На этой же сессии ЦИК было решено упразднить Наркомат по делам национальностей РСФСР. Он «закончил свою основную миссию по подготовке дела образования национальных республик и областей и объединения их в Союз республик». В дальнейшем функции комиссариата выполняли Совет национальностей ЦИК СССР и другие специальные органы по осуществлению национальной политики — отдел национальностей при Президиуме ВЦИК, постоянные комиссии по делам национальных меньшинств в республиках, при областных и краевых исполкомах.

В январе 1924 г. прошли съезды Советов союзных республик, ратифицировавшие Конституцию СССР. Окончательно утвердить ее текст должен был II Всесоюзный съезд Советов, созванный 26 января 1924 г. Он работал в траурные дни: 21 января умер В. Ленин. Съезд принял специальное обращение к трудящемуся человечеству и ряд постановлений об увековечивании имени вождя (сооружение мавзолея и памятников, переименование Петрограда в Ленинград, издание сочинений). Тело Ленина было помещено в мавзолей на

Красной площади в Москве, ставший местом паломничества миллионов людей.

II съезд Советов завершил юридическое оформление союзного государства как Федерации суверенных союзных республик. 31 января 1924 г. Конституция СССР была утверждена. Как и первая Конституция РСФСР 1918 г., она носила ярко выраженный классовый характер. Верховный орган государственной власти — съезд Советов состоял из делегатов городских Советов (1 депутат от 25 тыс. избирателей) и губернских съездов Советов (1 депутат от 125 тыс. жителей). Этим обеспечивалась «руководящая роль рабочего класса». Выборы были многоступенчатыми. Классовый характер Конституции четко просматривался и в избирательном праве, которое было всеобщим только для трудящихся. Не избирали и не могли быть избранными лица, использовавшие наемный труд или жившие на нетрудовые доходы: частные торговцы, монахи и профессиональные служители религиозных культов всех исповеданий; бывшие полицейские и жандармы, лишенные избирательных прав по суду; душевнобольные. В 1926 г. лишенцами были 4,5% взрослого населения в городах и 1,1% — в деревнях. В 1927 г. их число увеличилось соответственно до 7,7 и 3,3%.

К ведению высших органов власти были отнесены дела, связанные с внешними функциями государства (международные сношения, торговля, защита границ); хозяйственные дела (общее управление народным хозяйством, руководство его важнейшими отраслями); вопросы урегулирования межреспубликанских отношений и решения важнейших социально-культурных проблем. В ведении союзных республик находились внутренние дела, земледелие, просвещение, юстиция, социальное обеспечение и здравоохранение. Наркоматы были общесоюзные (по иностранным делам, военным и морским, внешней торговли) и объединенные (ВСНХ, продовольствия, труда, финансов).

На основе новой Конституции СССР разрабатывались и принимались конституции союзных и автономных республик. В апреле 1925 г. введена в действие Конституция ЗСФСР, в мае — РСФСР. В 1927 г. принят Основной закон Белоруссии. Первые после образования СССР изменения в Конституцию Украины были внесены уже на IX съезде Советов Украины: переработанный проект утвержден в мае 1929 г. Из конституций автономных республик в 1920-е годы был разработан и вступил в силу Основной закон Молдавской АССР.

Иерархический федерализм, оформившийся в СССР с принятием Конституции 1924 г., объясняется фактическим нера-

венством народов. Считалось, что он представлял собой ту необходимую форму, в которой пролетариат решал национальную задачу путем действенной и длительной помощи отсталым народам в деле их хозяйственного, культурного развития, в их переходе к социализму. Автономная область и округ представлялись как форма самоуправления народов, особо нуждавшихся в поддержке центральной власти. Поэтому распределение средств между нациями в СССР осуществлялось по правилу «больше тому, кто слабее». Подобный патернализм имел и негативные следствия, порождая иждивенческие настроения среди части населения и стремление местных элит обрести более высокий этнополитический статус. Это таило реальную опасность взращивания сепаратизма «на законных основаниях».

Конституция СССР 1924 г. принималась и в расчете на возможность расширения Союза по мере успехов революции в других странах. Она объявляла СССР интернациональным государством, открытым «всем советским республикам, как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем». О надежде большевиков на создание мировой «федерации советских республик» свидетельствовал государственный гимн «Интернационал» с его призывом построить «наш новый мир» на месте до основания разрушенного старого «мира насилья».

§3

Политическая борьба за утверждение курса на строительство социализма в одной стране

Борьба за власть в последние годы жизни Ленина

Налаживание мирной жизни после Гражданской войны представлялось по-разному как в рядах правящей партии (в начале 1921 г. — 730 тыс. коммунистов), так и сохранявшим влияние в массах эсерам, меньшевикам и пр. В РКП(б) это наглядно проявилось в дискуссии о профсоюзах. Часть партийцев, составивших особую группу сторонников «демократического централизма» (Т. Сапронов, Н. Осинский и др.), считали предстоящий период хозяйственного строительства немыслимым без коллегиального управления промышленны-

ми предприятиями, невмешательства партии в работу Советов, свободы создания групп и фракций в самой партии. Лидеры «рабочей оппозиции» (А. Шляпников, А. Коллонтай и др.), пропагандировавшие сходные «анархо-синдикалистские» идеи, требовали полностью отказаться от назначений работников на должности.

Противоположную позицию занял включившийся в дискуссию в ноябре 1920 г. Л. Троцкий. Он и его сторонники основной целью Советской власти полагали подготовку к «революционной войне», всемерное подталкивание мировой революции, предлагали превратить страну в военный лагерь, милитаризовать ее, резко ограничить демократизм, «держать в узде» многомиллионное крестьянство. Предлагалось «перетряхнуть», слить с хозяйственными органами, фактически превратить в придаток государства профсоюзы, ввести военизированные методы в практику работы других общественных организаций.

В ноябре 1920 г. пленум ЦК РКП(б) отверг эти предложения. Однако троцкистов это не остановило. В Центральном комитете объединенного профсоюза работников железнодорожного и водного транспорта (с марта 1920 г. его возглавлял Троцкий) работа по-прежнему велась военными методами. Членов союза за различные проступки заключали под стражу, отправляли на принудительные работы.

На стороне Троцкого в дискуссии участвовали все 3 секретаря ЦК — Н. Крестинский, Е. Преображенский, Л. Серебряков и фактически Н. Бухарин. Ленин был вынужден неоднократно выступать против оппозиционеров. В опубликованном 18 января 1921 г. «Проекте постановления X съезда РКП(б) о роли и задачах профсоюзов» (подписали В. Ленин, Г. Зиновьев, Л. Каменев, И. Сталин и др.), подчеркивалось, что важнейшей ролью профсоюзов в эпоху диктатуры пролетариата «остается их роль, как школы коммунизма», главным методом работы — не принуждение, а убеждение, непосредственной задачей — мобилизация трудящихся на восстановление и развитие промышленности, усиление организационного, идейного влияния городского пролетариата на трудящиеся массы деревни.

Результатом победы ленинцев в дискуссии стала принятая на X съезде резолюция «О единстве партии», предусматривающая роспуск всех группировок и недопущение фракционных выступлений. Невыполнение этого влекло «безусловное и немедленное исключение из партии». Резолюция была направлена главным образом против Троцкого, выдвинувшегося за

годы Гражданской войны на роль второго по влиятельности человека в Советской России. С ослаблением здоровья Ленина (с конца 1920 г.) Троцкий, совсем недавно являвшийся непримиримым противником большевизма, становился претендентом на высшую власть в государстве.

Чтобы не допустить этого, на мартовском (1921) пленуме ЦК ленинцы существенно укрепили свои позиции. Численность ЦК была увеличена с 19 до 25 членов в основном за счет сторонников Ленина. Членом Политбюро был избран Зиновьев вместо Крестинского, новым кандидатом в члены Политбюро стал Молотов. Полностью обновился Секретариат ЦК. С середины 1921 г. контакты Ленина и Троцкого на заседаниях Политбюро приобретали все более конфликтный характер. После выходки Троцкого, назвавшего однажды Ленина «хулиганом», участившиеся столкновения затрудняли коллективную работу. В июле 1921 г. предпринималась попытка удалить Троцкого из Москвы на Украину наркомом продовольствия.

В этой связи летом 1921 г. полномочиями секретаря ЦК был фактически наделен наиболее последовательный оппонент Троцкого Сталин. В августе Политбюро поручило Сталину общее руководство работой отдела агитации и пропаганды ЦК РКП(б), а в сентябре обязало «около трех четвертей своего времени уделять партийной работе». Власть стала сосредоточиваться в руках «триумвирата» (Каменев, заместитель председателя СНК и СТО, руководивший в отсутствие Ленина заседаниями Политбюро; Зиновьев, председатель Исполкома Коминтерна; Сталин).

На укрепление руководящей роли компартии были направлены меры по ликвидации остатков многопартийности в стране. Гонения против непролетарских партий приняли репрессивный характер, хотя они заявили о лояльности к власти. В 1921 г. арестованы активные анархисты, объявил о самороспуске Всеобщий еврейский рабочий союз (Бунд), примыкавший к меньшевикам, началось следствие по делу правых эсеров, закончившееся летом 1922 г. открытым судебным процессом и приговором 12 руководителей партии к расстрелу за террористическую деятельность против Советской власти.

В августе 1922 г. постановление ВЦИК и СНК о регистрации тех обществ и союзов, чьи цели не противоречили Конституции РСФСР, подводило юридическую базу под запрет небольшевистских партий и организаций. В 1923–1924 гг. они прекратили существование. К середине 1920-х годов обстановка в стране стала полностью соответствовать ситуации, обрисован-

ной председателем ВЦСПС М. Томским в одном из выступлений против «новой» оппозиции: «В обстановке диктатуры пролетариата может быть и две, и три, и четыре партии, но только при одном условии: одна партия у власти, а остальные в тюрьме. Кто этого не понимает, тот ни черта не понимает в диктатуре пролетариата».

Резолюция X съезда РКП(б) о запрете фракций в коммунистической партии была действенным инструментом при наличии такого авторитетного лидера, как Ленин. Однако в конце 1921 г. его здоровье сильно пошатнулось: Ленин с трудом готовился к XI съезду партии, эпизодически участвовал в его работе (27 марта — 2 апреля 1922 г.), присутствуя лишь на 4 из 12 заседаний.

В этих условиях огромное значение для будущего страны имели перестановки в высшем политическом руководстве, осуществленные в последний период активной деятельности Ленина. На апрельском (1922) пленуме ЦК был сформирован новый состав Политбюро (члены: Ленин, Троцкий, Сталин, Каменев, Зиновьев, Томский, Рыков; кандидаты в члены: Молотов, Калинин, Бухарин). Важнейшим решением пленума стало учреждение поста генерального секретаря ЦК. Избрание на него Сталина было предрешено выборами членов и кандидатов в члены ЦК на съезде партии. В бюллетенях для голосования рядом с именем Сталина в скобках значилось: генеральный секретарь. Введение этой должности фактически означало замену Троцкого Сталиным в качестве «лидера № 2» в партии.

Опираясь на подчиненный партийный аппарат, Сталин взял под контроль назначение и подбор кадров на важнейшие руководящие посты в партии и государстве. Уже за первый год деятельности Учетно-распределительный отдел ЦК произвел около 4750 назначений на номенклатурные посты. С октября 1923 г. руководители центральных учреждений и их местных органов назначались и смещались в соответствии с двумя, а с января 1926 г. — тремя номенклатурными списками. В последующем эти списки расширялись, росло и число лиц, назначаемых на должности решениями политбюро, оргбюро, секретариата и орграспредотдела ЦК. Новые назначения позволили не только упрочить положение «триумвиров», но и создать генеральному секретарю собственную опору в руководящем звене партии и государства.

С введением нэпа радикально изменилась позиция Бухарина, который принял критику Лениным. Из противника нэпа он вскоре превратился в его страстного проповедника. Вера в

нэп в сочетании с верой в мировую революцию открывала новые перспективы. Бухарин стал полагать, что в период ожидания революции Россия вполне могла обойтись укреплением своей аграрной сущности. С осуществлением революции, писала редактируемая им «Правда» в октябре 1923 г., «соединение самой могучей техники и промышленности Германии с сельским хозяйством нашей страны будет иметь неисчислимые благодетельные последствия. И та, и другая получат громадный толчок в развитии». Бухарин стал иначе смотреть и на индустриализацию. Он считал, что необходимость в ее ускоренном проведении отпадала, поскольку с победой революции в Германии большевистское руководство мирового пролетариата автоматически обретало бы промышленность советской Германии.

После XI съезда Ленин все более утрачивал влияние на развитие событий. В мае 1922 г. его частично парализовало, нарушилась речь. В августе Ленин возвратился к работе, но уже в декабре снова вышел из строя. Полупарализованный, он смог продиктовать с 23 декабря 1922 г. по 2 марта 1923 г. восемь статей, вошедших в историю как его «Завещание». Пять из них («Странички из дневника», «О кооперации», «О нашей революции», «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше») излагали идеи политической реформы и плана строительства социализма в СССР и тогда же были опубликованы. Остальные («Письмо к съезду», «О придании законодательных функций Госплану», «К вопросу о национальностях или об автономизации») предназначались только для руководства партии (впервые опубликованы в 1956 г.).

В «Письме к съезду» отмечено, что «Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью». В добавлении к письму от 4 января 1923 г. указывалось: «Сталин слишком груб и этот недостаток... становится нетерпимым в должности генсека» и предлагалось назначить на это место человека, который был бы «более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам». Письмо создавало впечатление, что единственным приемлемым кандидатом на руководство партией и страной является Л. Троцкий. Неслучайно тот постоянно пытался интерпретировать «Письмо к съезду» именно как попытку обеспечить ему лидирующее положение в партии. «Завещание меньше всего ставило себе задачей затруднить мне руководящую работу в партии, — писал он в декабре 1932 г. — Оно... преследовало прямо противоположную цель». Утверждение

это верно лишь в том смысле, что письмо действительно обслуживало политический интерес Троцкого.

В конце 1922 — начале 1923 г. Троцкий не использовал шанс упрочить свое положение в борьбе за политическое лидерство. В ноябре и январе ему трижды предлагалось занять пост 1-го заместителя Ленина по Совнаркому. Троцкий, ссылаясь на свое «еврейство», отказался.

В марте 1923 г. здоровье Ленина резко ухудшилось. Он полностью лишился речи, с конца марта находился на лечении в Горках под Москвой. В середине октября наступило новое ухудшение здоровья. 21 января 1924 г. Ленина не стало. Его преемником на посту Председателя Совнаркома стал А. Рыков. Коммунист с 1898 г., прекрасный организатор и прагматик, он не страдал излишней амбициозностью. Это, по-видимому, сыграло решающую роль при его назначении. Реальная власть в Коминтерне и СССР с декабря 1922 г. перешла к «тройке»: Зиновьев — Каменев — Сталин. Впереди была долгая череда внутрипартийных столкновений, ибо в нищей разрушенной стране невероятно трудно было нащупать реальные пути ее модернизации, под какими бы лозунгами ни шли поиски этих путей.

«Триумвират» и троцкистская оппозиция

«Триумвиры» и другие бывшие соратники Ленина по-разному воспринимали его наследие и перспективы развития общества в условиях нэпа. «Левые» во главе с Троцким были сторонниками усиления регулирующей роли государства, увеличения налогов с крестьян и нэпманов, быстрых темпов развития промышленности, свертывания нэпа. Смысл провозглашенного в октябре 1923 г. «нового курса» Троцкого состоял в требовании вернуться от нэпа к Октябрю, к «настоящей» коммунистической политике. «Правые» со своим духовным лидером Бухариным выступали за ограниченное плановое вмешательство в экономику, умеренные темпы индустриализации и налоги на крестьян, сохранение нэпа как условия продвижения к социализму. Центр в лице сторонников Сталина поначалу пытался уравновесить «левых» и «правых», но в конце 1920-х годов вынужден был «отбросить» нэп и форсировать модернизацию экономики.

До начала 1-й пятилетки в революционной идеологии отчетливо различаются два этапа. На первом (с октября 1917 г. до конца 1924 г.) руководство СССР пыталось разжечь «пожар революции» во всем мире, подчиняя этой идее все ресурсы

«родины революции». Однако «запаздывание» революции вынуждало прагматически мыслящих лидеров все больше и больше переключаться с мировых проблем на обустройство «отвоеванной у мирового капитала» России. Идея строительства социализма первоначально в одной, отдельно взятой, стране впервые после смерти Ленина высказанная Бухариным и Рыковым, а затем (17 декабря 1924 г.) Сталиным, была поддержана большинством членов ЦК на XIV конференции РКП(б) в апреле 1925 г. Сталин подчеркивал, что именно Ленин, а не кто-либо другой, открыл истину о возможности построения социализма в отдельно взятой стране. Несмотря на это, идея еще несколько лет оставалась дискуссионной. То было время острой полемики между революционерами, считавшими невозможной победу социализма в России без мировой пролетарской революции, и их противниками, которые призывали, не дожидаясь ее, построить социализм в одной стране, чтобы использовать его в свою очередь как «базу и инструмент мировой революции».

Первыми критиками нэпа были представители «рабочей оппозиции», тесно связанные с государственным сектором экономики. К 1923 г. отдельные выступления против нэпа оформились в единое политическое течение «левой» оппозиции, лидером которой стал Троцкий. Его выступление против «капитулянтского» курса было предпринято в октябре 1923 г. на фоне поразившего страну экономического кризиса. Оживавшая промышленность увеличивала выпуск товаров для деревни, но цены на них явно завышались, и к осени общий их уровень втрое превысил цены на сельскохозяйственную продукцию. «Ножницы цен» стали причиной затоваривания складов, остановки промышленного производства, роста безработицы. Для ликвидации кризиса пришлось снизить цены на промтовары и повысить заготовительные цены на сельхозпродукцию. В этой связи оппозиция требовала усиления плановости в экономике, пресечения попыток «бюрократической верхушки» поддерживать мелкобуржуазный сектор народного хозяйства в ущерб пролетариату.

Левые не выступали прямо против нэпа, они наступали на «правое» партийное руководство под флагом борьбы с бюрократизацией партии и общества, расширения внутрипартийной демократии и ослабления «диктатуры одной фракции». На XIII партийной конференции (16–18 января 1924 г.) первые атаки троцкистов были отбиты. Сталин резко выступил против Троцкого, защищая при этом партийный аппарат. Позиция троцкистов была определена как «явно выраженный мелко-

буржуазный уклон», «прямой отход от ленинизма», «капитулянство».

Кончина Ленина обострила борьбу за лидерство в РКП(б) и определение основных принципов внутренней и внешней политики государства. На XIII съезде партии (23–31 мая 1924 г.) обсуждалось ленинское «Завещание» и, в частности, предложение о смещении Сталина с поста генсека. Но оно было отклонено. Не было удовлетворено и его собственное заявление об отставке.

Продолжая претендовать на роль лидера партии, Троцкий в июне 1924 г. опубликовал брошюру «О Ленине». К годовщине революции вышел сборник его статей и речей. В предисловии, названном «Уроки Октября», автор предстает руководителем ленинского масштаба, истинным революционером, способным преодолеть меньшевизм во взглядах на революцию. В развернувшейся после выхода сборника кампании по обвинению автора в сознательном извращении истории партии Сталин взял на вооружение эффектный тезис о возможности построения социализма в одной стране, разоблачая неверие Троцкого в реальность такой победы в СССР. Убийственным для оппонента оказалось обнародованное письмо Троцкого к Н. Чхеидзе (апрель 1913 г.), содержащее уничижительный отзыв о Ленине: «Все здание ленинизма в настоящее время построено на лжи и фальсификации и несет в себе ядовитое начало собственного разложения. Каким-то бессмысленным наваждением кажется дрянная склока, которую разжигает сих дел мастер Ленин, этот профессиональный эксплуататор всякой отсталости в русском рабочем движении».

В обстановке благоговения перед Лениным такие отзывы звучали кощунственно; Троцкий не нашел способа отвести нападки в свой адрес. В январе 1925 г. он направил в ЦК письмо с просьбой освободить его от обязанностей председателя Реввоенсовета, но выразил готовность работать в партии «под контролем ЦК». Пленум ЦК (17–20 января 1925 г.) осудил попытку подменить ленинизм троцкизмом и постановил продолжать разъяснение «мелкобуржуазного» характера троцкизма, начиная с 1903 г.

В 1924 г., когда Троцкий открыто призывал к устранению «самодовольно-консервативной верхушки» партии и «капитулянтской» модели социалистического переустройства общества, многих пугала опасность военного переворота в Москве. Страшились, что Троцкий мог, опираясь на армию, в первую очередь на войска Московского военного округа во главе с его сторонником Н. Мураловым, попытаться овладеть властью.

Москва полнилась слухами о письме начальника политуправления РВС В. Антонова-Овсеенко в Политбюро с предупреждением, что если тронут Троцкого, то вся Красная армия встанет на его защиту. Однако Троцкий на переворот не отважился. Между тем «триумвиры» вызвали из Харькова командующего войсками Украинского военного округа М. Фрунзе. Сменив Э. Склянского на посту зампреда РВС, он начал, по постановлению пленума ЦК, военную реформу и чистку армии от сторонников Троцкого.

Одним из эпизодов реформы была отставка Тухачевского с поста командующего Западным фронтом (фронт позднее был упразднен). 25 января 1925 г. Президиум ЦИК СССР снял Троцкого с должностей председателя РВС и наркома по военным и морским делам. Заменил его на этих постах М. Фрунзе, его заместителем стал сторонник Сталина К. Ворошилов. Троцкий оказался вытесненным на второстепенные роли, хотя еще оставался членом Политбюро.

«Дуумвират», «новая» и «объединенная» оппозиции

Выступавшие первоначально на стороне Сталина Г. Зиновьев и Л. Каменев в 1925 г. перешли в оппозицию. Первое столкновение «новой оппозиции» и фракции Сталина произошло в апреле при обсуждении тезисов «О задачах Коминтерна и РКП(б) в связи с расширенным Пленумом ИККИ». Зиновьев предлагал зафиксировать в резолюции, что победа социализма может быть достигнута только в международном масштабе. Пленум отверг его проект, призвав «строить социалистическое общество в уверенности, что это строительство может быть и наверняка будет победоносным». С этого времени и до 1928 г. высшее партийное руководство олицетворял «дуумвират» Сталина и Бухарина. Их влиятельными союзниками стали Рыков и Томский. «Новая оппозиция» объявила выдвинутый «дуумвирами» тезис о возможности построения социализма в одной стране изменой делу мировой революции.

Н. Бухарин, предлагая модель нового стратегического курса «врастания в социализм через нэп, в середине апреля выдвинул лозунг политики накопления «Обогащайтесь!», обращенный ко всему крестьянству. Оппозиция осуждала этот лозунг и нэп в целом как отступление перед капитализмом в городе и деревне, а саму идею строительства социализма в отсталой России — как «национал-большевизм», предательство пролетарского интернационализма и результат национальной ограниченности авторов идеи.

Однако на XIV партсъезде (декабрь 1925) «новая оппозиция» потерпела поражение, ее предложение о смещении Сталина с поста генсека было вновь отвергнуто. Напротив, его позиции в Политбюро окрепли. Январский (1926) пленум ЦК ввел в Политбюро Калинина, Молотова и Ворошилова, назначенного после смерти Фрунзе наркомом по военным и морским делам. Каменев был переведен из членов Политбюро в кандидаты. 8 января первым секретарем Ленинградского губернского комитета был избран С. Киров.

На апрельском (1926) пленуме ЦК образовался «троцкистско-зиновьевский блок», расценивающий политический курс Сталина и его сторонников как результат перерождения диктатуры пролетариата в бюрократический режим. Блок призывал усилить давление на «классово чуждые» элементы в городе и деревне, прежде всего на «кулачество».

Запрет на открытую пропаганду своих взглядов заставил оппозиционеров использовать нелегальные формы работы в массах. Начиная с лета 1926 г. конспиративный центр, руководимый Троцким и Зиновьевым, приступил к распространению агитационных материалов среди рабочих, однако успеха не достиг. 23 октября объединенный пленум ЦК и ЦКК предложил освободить Зиновьева от поста председателя Исполкома Коминтерна (освобожден в ноябре 1926 г.), вывел Троцкого из состава, а Каменева — из кандидатов в члены Политбюро.

Продолжая борьбу, левая оппозиция активно использовала провал одобренной сталинским руководством политики союза компартии Китая с Гоминьданом, закончившейся поражением коммунистов и приходом к власти в Китае Чан Кайши. В конце мая 1927 г. 83 участника троцкистско-зиновьевского блока направили в Политбюро письмо-платформу. В нем утверждалось, что провалы на внешнеполитической арене были бесспорным свидетельством неверности теории о возможности построения социализма в одной стране. Она объявлялась «мелкобуржуазной» и не имеющей ничего общего с марксизмом-ленинизмом.

После попыток распространения брошюры с изложением «платформы большевиков-ленинцев», организации новой дискуссии и демонстрации под своими лозунгами 7 ноября 1927 г. объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) исключил Зиновьева и Троцкого из партии. На пленуме Троцкий произнес речь, навсегда запомнившуюся его противникам и во многом предопределившую его гибель: «Вы — группа бездарных бюрократов. Если станет вопрос о судьбе советской страны, если произойдет война, вы будете бессильны организовать

оборону страны и добиться победы. Тогда, когда враг будет в 100 километрах от Москвы, мы сделаем то, что сделал в свое время Клемансо (премьер-министр и военный министр Франции в 1917–1920 гг. — *Авт.*), — мы свергнем бездарное правительство; но с той разницей, что Клемансо удовлетворился взятием власти, а мы, кроме того, расстреляем эту тупую банду ничтожных бюрократов, предавших революцию. Да, мы это сделаем. Вы тоже хотели бы расстрелять нас, но вы не смеете. А мы посмеем, так как это будет совершенно необходимым условием победы».

В декабре 1927 г. XV съезд ВКП(б) исключил из партии 93 видных оппозиционеров, в том числе Каменева, Пятакова, Радека, Раковского, Смилгу. На следующий день после завершения съезда такие меры были приняты к тысячам троцкистов. Левая оппозиция утратила все свои официальные позиции в партии. В январе 1928 г. были высланы из Москвы наиболее видные оппозиционеры. Троцкий выслан вначале в Алма-Ату, а в феврале 1929 г. — за границу. Зиновьев и Каменев, написавшие покаянное письмо в президиум съезда ВКП(б), в июне 1928 г. были восстановлены в партии. Сталин, вероятно, полагал, что их помощь может понадобиться в борьбе с правыми оппозиционерами.

Начало борьбы с «правой» оппозицией

Весной 1928 г. «дуумвират» дал трещину. Сталинская группировка вступила в борьбу с наиболее последовательными защитниками нэпа в партийном руководстве. Причиной стал кризис нэпа, ярко проявившийся в хлебозаготовительной кампании. Весной 1927 г. пошли слухи о близкой войне с Англией, разорвавшей дипломатические отношения с СССР. Население стало впрок заготовлять товары первой необходимости, прежде всего муку и зерно. Нэпманы начали скупать червонцы и пытаться отправить их за границу. Рыночные цены выросли в несколько раз, превысив государственные. Положение усугубилось решением государства понизить заготовительные цены на хлеб, чтобы заинтересовать крестьян в развитии животноводства и производстве технических культур. В результате срыва плана хлебозаготовок 1927 г. возник острый продовольственный кризис. Местное партийное, советское руководство и торгующие организации под давлением социального недовольства и угрозы срыва производства стали вводить хлебные карточки. Они выдавались только горожанам с целью гарантировать их потребление в условиях наплыва

иногородних жителей. «Саботаж» держателей зерна пытались сломить «экстраординарными» мерами. Чтобы заставить крестьян продавать хлеб только государству, закрывали хлебные базары, а у застав городов и на станциях вновь, как в пору «военного коммунизма», выставляли заградительные отряды. «Спекулянтов» стали карать тюремным заключением и конфискацией имущества.

Апрельский (1928) пленум ЦК одобрил проводимую Политбюро «линию», однако после неурожая 1928 г. ситуация с заготовками еще более ухудшилась. Новая волна «экстраординарных» мер породила волну слухов об отмене нэпа. Поиск выхода из создавшейся ситуации стал предметом очередной внутрипартийной дискуссии. В центре внимания были вопросы: как сохранить высокие темпы индустриализации, повысить товарность сельскохозяйственного производства, избежать «крестьянских бойкотов» в будущем. Бухарин считал возможным совместить высокие темпы индустриализации с сохранением в неизменном виде хозяйственной системы нэпа. Он предлагал повысить налог на верхушечные слои деревни, увеличить выпуск промышленных товаров. По расчетам Рыкова, разрыв между развитием промышленности и сельского хозяйства (из-за недостаточной товарности последнего) можно было ликвидировать за 2 года.

В природно-климатических условиях Западной Европы такие задачи были вполне решаемы в самые короткие сроки. Но стремительное решение их в условиях России, где земледельцы веками не могли по вполне объективным обстоятельствам кардинально увеличить урожайность и были обречены на экстенсивный путь наращивания земледельческого производства, было нереально. Субъективно выбранный путь оказался для политиков своего рода западней.

В действительности к 1928 г. крестьянство едва встало на ноги. К этому времени реализация Декрета о земле резко увеличила численность крестьянских хозяйств: с 16 млн дворов в 1917 г. до 25 млн к концу 1928 г. Причем передача национализированных земель крестьянству резко увеличила середняцкую прослойку. На 1926/1927 г. число середняков увеличилось до 69% от всей массы работающих в сельском хозяйстве крестьян. Однако населенность крестьянского двора оставалась низкой. Даже в зажиточной части крестьянства, составлявшей к началу 1928 г. всего около 5% крестьян, населенность двора (хозяйства) составляла всего 6,5 человека, в то время как в Черноземном и Центрально-промышленном регионах

общая средняя населенность двора достигала 5–6 человек. Иначе говоря, резерв рабочей силы в зажиточной верхушке пополнялся только за счет найма, а посев — за счет аренды земли.

Достаточно напомнить, что в конце XIX — начале XX в. в регионах Черноземного и Промышленного центров населенность зажиточного двора достигала соответственно 9,4 и 8,4 человека, и только бедняцкие дворы имели по 5 человек на двор. А по бюджетным обследованиям 1926/1927 г. населенность даже бедняцкого двора была 4,9 человека, в середняцком дворе в среднем по стране было 5,4 человека. И только в так называемом пролетарском хозяйстве населенность была минимальной — 1,8 человека. Не достигали прежнего уровня и посевные площади. В 1926/1927 г. средняя посевная площадь на одно хозяйство в Черноземном центре была 4 дес., а в Центрально-промышленном регионе — 2,8 дес. на хозяйство. Различия в крайних по уровню состоятельности группах, даже если они были разительны, не могли иметь экономически существенное значение, так как они в совокупности составляли чуть более 30% сельского населения. На рубеже веков по двум названным регионам посевы бедняцкого двора в Нечерноземье составляли 1,6 дес., а в Черноземье — 3,1 дес. В то же время зажиточные дворы имели соответственно 6,3 и 21,8 дес. Таким образом, к 1928 г. ситуация с крестьянством была далеко не лучшей, и любые реформы могли иметь непредсказуемые последствия.

Тем временем И. Сталин предлагал не просто ликвидировать кризисные явления и стабилизировать положение путем уступок «мелкобуржуазной стихии», а уничтожить саму возможность подобных кризисов, создавая коллективные и советские хозяйства. Товарность хлеба в немногочисленных колхозах (50%) была почти в 5 раз выше, чем в середняцких хозяйствах (11%). В этой форме хозяйствования усматривался механизм, позволяющий осуществлять перераспределение средств и снабжать города и армию хлебом, не создавая, как тогда полагали, угрозы экономических и политических потрясений. Нэп, таким образом, отодвигался на второй план. Вместо бухаринской эволюционной концепции строительства социализма стране перед лицом внешней и внутренней угрозы предлагался жесткий, если не варварский, мобилизационный план. Его элементами стали «бешеные темпы», «сплошная коллективизация», «усиление классовой борьбы». Следствием отказа от нэпа, хозрасчета (значит и от материальной заинтересованности) становилась командно-административная система, упова-

ние, с одной стороны, на энтузиазм масс, проникшихся величием и благотворностью планов, с другой — на принуждение трудящихся работать по плану, подчиняться трудовой дисциплине.

В результате борьбы, обострившейся из-за опасений возникновения единого оппозиционного фронта после переговоров Бухарина с Каменевым в июле 1928 г., Сталин и его сторонники (Куйбышев, Молотов, Каганович, Андреев и др.) одержали верх над «правыми уклонистами», обвиненными в пособничестве буржуазии, насаждении капитализма в деревне. Бухарин, выдвинутый после смещения Зиновьева в политсекретариат Коминтерна (институт председателя ИККИ был упразднен) и проводивший политику «левого поворота» в его деятельности, как лидер «правого уклона в ВКП(б)» не мог долго там оставаться. Официально он был исключен из политсекретариата 25 июня 1929 г., но еще раньше роль руководителя делегации ВКП(б) в Коминтерне занял В. Молотов. Окончательное вытеснение лидеров «правого уклона» с высот политической власти произошло в 1930 г.

§4

Восстановление народного хозяйства, переход к индустриализации и коллективизации

Финансы и торговля

Провал политики продуктообмена и возвращение в экономику торгово-денежных отношений повлекли за собой необходимость восстановления банков — учреждений, обслуживающих денежный оборот и кредитные отношения, осуществляющих эмиссию денег и контроль за хозяйственно-финансовой деятельностью предприятий. В октябре 1921 г. открылся Государственный банк. В 1922 г., с выпуска новых денежных знаков, началась финансовая реформа. При этом новый рубль приравнивался к 10 тыс. прежних. В 1923 г. выпущены другие «совзнаки», один рубль которых равнялся 100 руб. образца 1922 г. Одновременно с новыми «совзнаками» Госбанк с конца ноября 1922 г. стал выпускать банковские

билеты — червонцы с твердым покрытием. Один червонец приравнивался к 7,74 г чистого золота, или дореволюционной золотой десятирублевой монете.

Денежная реформа завершилась в 1924 г. В начале января этого года курс доллара на Московской бирже равнялся 2 руб. 20 коп., в апреле — 1 руб. 95,5 коп., и на этом остановился. Совзнаки к этому времени были вытеснены из обращения червонцами. Финансовая система в стране стабилизировалась. В 1925 г. червонец официально котировался на различных валютных биржах мира.

Кредитование предприятий промышленности и торговли на коммерческой основе поначалу осуществлял только Госбанк. Позднее были созданы специализированные банки (Торгово-промышленный, Электробанк, Внешторгбанк, Центральный банк коммунального хозяйства и жилищного строительства и др.). Они осуществляли кратко- и долгосрочное кредитование, распределяли ссуды, назначали ссудный, учетный и процент по вкладам. Наряду с государственными возникли акционерные банки (их акционерами были Госбанк, синдикаты, кооперативы, а также частные лица и иностранные предприниматели). Кредитование предприятий потребительской кооперации осуществляли созданные для этой цели кооперативные банки, для сельскохозяйственного кредита — сельскохозяйственные, для кредитования частной промышленности и торговли — общества взаимного кредита, для мобилизации денежных накоплений населения — сберкассы. В 1926 г. работал 61 банк, а доля Госбанка в общих кредитных вложениях к этому времени снизилась до 48%.

Вопросы регулирования торговли, которая играла роль основного звена нэпа, в мае 1921 г. были переданы от ВСНХ и Наркомпрода в специально созданную Комиссию внутренней торговли. В 1924 г. она была преобразована в Наркомат внутренней торговли. Наряду с государственными торговыми организациями возникли смешанные торговые общества. Допускалась свобода частной торговли. Заработали ярмарки, торговые выставки и биржи. Большое развитие получила потребительская кооперация. Но основные позиции в торговле занимало государство. Через Наркомвнешторг оно целиком контролировало внешнюю торговлю, куда частный капитал не допускался. Государственным торговым организациям принадлежало 77% оптовой торговли внутри страны, 15 — частному капиталу и 8% — кооперации. У частного капитала поначалу были особенно сильны позиции в розничной торговле: в разгар нэпа она на 75% контролировалась капиталистами. Планомер-

ное наступление на нэпманов, занятых в этой сфере, началось еще в ноябре 1923 г., когда были осуществлены операции ОГПУ по административной высылке из Москвы, а затем и из других крупных городов спекулянтов, контрабандистов, валютчиков и других «социально опасных элементов». В феврале 1924 г. в Москве были обвинены в спекуляции и высланы на Север более тысячи нэпманов. В целом этот год стал периодом новой «красногвардейской атаки на капитал». В 1925/1926 хозяйственном году удельный вес капиталистического сектора в торговле понизился до 42,2%, а в 1927/1928 г. — до 24,8%. Частный капитал из этого сектора вытеснялся в основном кооперацией.

Торговля и цены были основным механизмом неэквивалентного обмена между городом и деревней, позволявшим получать накопления крестьян для индустриализации. Промышленность, объединенная в синдикаты, диктовала цены рынку. В погоне за прибылью синдикаты в урожайном 1923 г. всего за несколько месяцев подняли цены на промышленные товары в два с лишним раза. Чтобы купить плуг крестьянин должен был продать 36 пудов ржи (в 1913 г. — 10). В некоторых губерниях пара сапог была эквивалентна стоимости 44 пудов муки. Крестьяне не могли покупать товары по таким ценам. В итоге промышленные товары лежали на складах, заводы оставались без выручки. Кризис 1923 г. стал следствием первой попытки перехода к «сверхиндустриализации», предлагавшейся Л. Троцким.

Сельское хозяйство

В условиях преимущественно аграрной страны восстановление народного хозяйства после Гражданской войны было решено начинать с сельского хозяйства и легкой промышленности. Это позволяло создать основу для подъема тяжелой индустрии. Однако рост сельскохозяйственного производства начался не сразу. К концу 1922 г. деревня не оправилась от засухи 1921 г. И лишь с урожайного 1923 г. сельское хозяйство пошло на подъем. В 1925 г. посевная площадь в стране составила 99,3% от уровня 1913 г., а валовая продукция сельского хозяйства превзошла этот уровень на 12%. Сбор зерновых культур достиг почти 4,5 млрд пудов и был на 11% выше среднегодовых сборов пяти предвоенных лет.

Поголовье крупного рогатого скота, овец и свиней превысило показатели 1916 г. — наиболее высокие в дореволюционной истории России. К 1927 г. в стране насчитывалось 30 млн коров

(на 15,1% больше, чем в 1916 г.), 126,8 млн овец (больше на 12,2%), 23,2 млн свиней (больше на 11,1%). Меньшим, чем в довоенное время, оставалось поголовье лошадей. В 1916 г. в стране их насчитывалось 35,8 млн, к 1920 г. — 30,5 млн, к весне 1927 г. — 31,5 млн (88,2% от уровня 1916 г.).

1925 год был последним годом в истории России, когда наблюдалось возрастание применения сох в крестьянском хозяйстве. К весне 1926 г. количество сох, косуль (род сохи, отваливающей землю в одну сторону) и сабанов сократилось по сравнению с весной 1925 г. на 100,3 тыс., а к весне 1927 г. — еще на 253,3 тыс. В то же время количество плугов и буккеров возросло соответственно на 614,1 и 924 тыс. Весной 1927 г. на территории СССР использовалось всего 17,3 млн пахотных орудий, в том числе 11,6 млн (72,8%) плугов и 5,7 млн (32,9%) сох. Замена сохи плугом обеспечивала улучшенную обработку почвы и заметное (на 15–20%) повышение урожайности.

По данным на 1927 г., когда число крестьянских хозяйств достигло своего максимума, средний надел крестьянского хозяйства землей в европейской части РСФСР составлял 13,2 га (до революции он равнялся 10,1 га). При этом только 15,2% крестьянских хозяйств имели те или иные машины (данные в среднем по СССР). Одна сеялка приходилась на 37 хозяйств, жнейка — на 24, сенокосилка — на 56, молотилка — на 47, веялка или сортировка — на 25 хозяйств. Это означает, что повсеместно преобладал ручной сев; коса и серп, деревянный цеп и молотильный каток продолжали оставаться основными орудиями уборки и обмолота урожая.

Ситуация была сравнительно лучшей на Украине, где удельный вес хозяйств с машинами составлял 20,8%, причем в Степном крае — 35%. На Северном Кавказе машины были у 22,9% крестьянских хозяйств, в Сибири — у 26,1%, в Нижнем Поволжье — у 19,3%. В крестьянских хозяйствах потребляющей полосы РСФСР, Белоруссии и Закавказья машин было в 2–4 раза меньше; в республиках советского Востока — в 10–11 раз меньше, чем в РСФСР. В конце 20-х годов производство сельскохозяйственных машин и орудий значительно увеличилось: с 1926/1927 по 1928/1929 г. производство плугов выросло с 953,2 до 1677,3 тыс. штук; буккеров — с 22,3 до 36,6; сеялок — с 57,2 до 105,3; культиваторов — с 60,7 до 91,5; лобогреек — с 89,0 до 166,3; зерноочистительных машин — с 99,7 до 233,2 тыс. штук. Выпуск тракторов на отечественных предприятиях за эти годы увеличился с 732 до 3267. В 1929 г. в стране были выпущены первые комбайны.

Сбор зерна с одного гектара по СССР в годы нэпа колебался от 6,2 ц (1924) до 8,3 ц (1925). Средняя урожайность зерновых в России в 1922–1928 гг. составляла 7,6 ц с га (в 1909–1913 гг. она равнялась 6,9 ц). Среднегодовой сбор зерна за пятилетие 1925–1929 гг. составил свыше 733,3 млн ц, что превышало довоенный уровень на 12,5%. Валовая продукция сельского хозяйства, достигавшая в 1921 г. 60% довоенного уровня, уже в 1926 г. превзошла его на 18%.

Существенно изменился социальный облик сельского населения. В 1924/1925 г. 61,1% самодеятельного населения деревни составляли середняки, 25,9 — бедняки, 9,3 — сельскохозяйственные рабочие (батраки), 0,4% — служащие. Кулаков, по данным на этот год, было 3,3% от сельского населения. К 1927/1928 г. удельный вес бедняцких хозяйств сократился до 22,1%; середняцких — увеличился до 62,7%, кулацких — до 3,9%, пролетарских — до 11,3%.

Большую роль в налаживании сельскохозяйственного производства сыграли сбытовые, потребительские, машинные кооперативы, в которые объединялись относительно зажиточные крестьяне, производившие товарную продукцию. Бедняки, которые не производили продукцию на продажу, чаще создавали коллективные хозяйства — коммуны, артели и товарищества по совместной обработке земли (ТОЗы). В артелях основные средства производства обобществлялись, а в ТОЗах сохранялись в частной собственности при совместном труде. В 1925 г. в кооперативах состояли более четверти, а в 1928 — 55% всех крестьян. В районах специализированного производства (льноводческие, свеклосахарные, овощеводческие, молочные хозяйства) кооперация охватывала подавляющее большинство крестьян. В 1925 г. кооперативный товарооборот составлял 44,5% розничного товарооборота страны. В РСФСР на долю кооперации в 1926/1927 г. приходилось 65% снабжения крестьян орудиями и машинами.

Колхозы и совхозы, которые пользовались большой поддержкой государства, были весьма немногочисленны. К середине 1927 г. в СССР существовало 14 832 колхоза, в которых объединились 194,7 тыс. крестьянских семей (0,8% от их общего числа по стране). Через год колхозы объединяли уже 416, 7 тыс. крестьянских хозяйств — 1,7% их общего числа. Еще малочисленнее были совхозы (4398 в начале 1927 г.). Хотя их обслуживало примерно 40% тракторов, имевшихся во всем сельском хозяйстве страны, на них приходилось ничтожная доля (1,5%) зернового производства (в 1929 — 1,8%).

В 1927 г. возникла идея организации государственных предприятий для обслуживания деревни машинной техникой. Сначала это были тракторные колонны (первая образована в сентябре 1928 г. в Азовском районе Донского округа из 18 тракторов для обслуживания двух колхозов и одного земельного общества). В ноябре 1928 г. на базе колонны в совхозе им. Шевченко (Одесская обл.) создана машинно-тракторная станция. В дальнейшем МТС сыграли важнейшую роль в коллективизации крестьянских хозяйств и развитии сельскохозяйственного производства в стране.

Промышленность

По сравнению с сельским хозяйством восстановление промышленности шло медленнее. Оно началось с легкой и мелкой промышленности, не требовавшей, в отличие от сильно разрушенной тяжелой промышленности, огромных капиталовложений, дорогостоящего сырья и топлива (железо, уголь). Легкая промышленность, получая сырье от возрождающегося сельского хозяйства, могла обходиться дешевым топливом (дрова, торф). В силу этого она была привлекательной для частников и артельщиков.

Предприятия легкой и мелкой промышленности производили ткани, обувь, мыло и многие другие потребительские товары массового спроса, способствующие быстрому налаживанию товарооборота между городом и деревней. Легкая промышленность вплотную приблизилась к довоенному уровню производства уже в 1925 г. Вместе с тем большая часть промышленного производства находилась на низкой стадии развития — мелкого кустарно-ремесленным производства. В 1925 г. им занималось две трети всех работников промышленного производства. Кустарей было вдвое больше, чем рабочих, они давали треть всей промышленной продукции.

Промышленность в целом, находившаяся в 1920 г. на уровне 13,8% от 1913 г., в 1925 г. достигла 73% от довоенного уровня. Однако уже в следующем, 1926 г., валовая продукция промышленности СССР составила 98% (добыча нефти — 90%, угля — 89, выплавка чугуна — 52, стали — 69%). Машиностроение при этом удалось развивать более высокими темпами. В 1925 г. оно достигло 92,6% от уровня 1913 г., а в 1926 г. превзошло его на 33,4%. Грузовой оборот железных дорог, от которых во многом зависело развитие индустрии, в 1925/1926 г. составлял 88,1% по сравнению с 1913 г.

Особое внимание уделялось выполнению плана ГОЭЛРО. Вслед за открытием в 1922 г. Каширской и Петроградской районных электростанций в 1924/1925 г. вступили в строй Кизеловская (на Урале), Шатурская и Нижегородская (Балахнинская) государственные районные электростанции (ГРЭС); завершалось строительство Штеровской (Донбасс), Ярославской и Волховской станций. В 1925 г. мощность всех электростанций страны составила 1,4 млрд кВт. Выработка электроэнергии в 1,5 раза превысила довоенный уровень.

План ГОЭЛРО в восстановительный период был основной базой для дальнейшего совершенствования планирования. Г. Кржижановский (председатель комиссии ГОЭЛРО; в 1921–1923 гг. и 1925–1930 гг. — председатель Госплана СССР) подчеркивал насущную потребность «в обобщающей перспективе, необходимой при составлении планов». В апреле 1925 г. Госплан поставил задачу постройки ряда металлургических заводов — Александровского (Запорожского), Криворожского и Керченского на юге страны; у горы Магнитной на Урале; Кузнецкого в Кузбассе. В декабре 1925 г. утвержден план строительства 14 новых машиностроительных заводов, в том числе тракторного на Волге, вагонного в Нижнем Тагиле, завода тяжелого машиностроения в Свердловске, заводов сельскохозяйственного машиностроения в Челябинске и Ростове-на-Дону. По сути, намечались контуры будущей промышленной карты 1-й пятилетки. Всего к концу 1925 г. в стадии проектирования и начального строительства находилось 28 шахт, более 100 предприятий, предназначенных для выпуска тракторов, автомобилей, самолетов, машин для электротехнической и текстильной промышленности, строительства морских и речных судов. По существу это было уже начало технической реконструкции народного хозяйства.

Таким образом, к концу 1925 г. восстановительный период может считаться в общих чертах законченным. Новым периодом развития должна была стать перестройка хозяйства на основе новой, более высокой техники. Общий результат развития народного хозяйства, выраженный в производстве валового внутреннего продукта в России в годы нэпа, характеризуется следующими данными. В 1928 г. объем ВВП (42 млрд руб. в сопоставимых для всего XX в. ценах) был в 1,14 раза больше, чем в 1917 г. и в 1,66 раза больше, чем в 1923 г. — самом неблагополучном в этом отношении за все время Советской власти.

Изменения в структуре народного хозяйства, составе и условиях жизни населения

За годы восстановления окреп «социалистический сектор» народного хозяйства. В 1924/1925 г. государственная и кооперативная промышленность составляла 79,3%, частная — 20,7%. К концу 1925 г. 91,5% оптовой и 57,7% розничной торговли приходилось на долю государственных и кооперативных предприятий. 28% крестьянских хозяйств были охвачены различными видами кооперации.

По мере восстановления промышленности на фабрики и заводы возвращались рабочие, покинувшие их в годы войны и разрухи. К 1926 г. общее число рабочих в цензовой промышленности насчитывало 2261,7 тыс. (87,6% от уровня 1913 г.). Основная масса рабочих концентрировалась в промышленных районах РСФСР и Украины. Их заработная плата в промышленности составляла 94% от довоенного уровня.

В результате Гражданской войны и сдвигов в экономике в 1920-е годы кардинально изменилась социальная стратификация российского общества. В 1913 г. она включала 16,3% рабочих и служащих; 66,7% — крестьян-единоличников, некооперированных кустарей и ремесленников; 17% — помещиков, представителей крупной и мелкой буржуазии, торговцев и кулаков. В 1928 г. численность рабочих и служащих СССР выросла до 17,6%, крестьян-единоличников, некооперированных кустарей и ремесленников — до 74,9%. Появились колхозное крестьянство и кооперированные кустари (в 1928 г. — 2,9% населения страны). Из социальной структуры были вытеснены помещики, крупные буржуа, торговцы и значительная часть кулаков. 4,6% населения принадлежала к мелкой городской буржуазии, торговцам и кулакам.

Общее число жителей СССР с 1923 г. увеличивалось примерно на 2% в год. Перепись населения 1926 г. зафиксировала 147 млн жителей, из которых 120 млн (82%, как и в 1913 г.) жили на селе. Значительный прирост населения (на 13 млн за 1923–1926) во многом имел компенсаторный характер после войны и голодных лет.

Восстановление объемов выработки важнейших товаров народного потребления позволяло улучшить жизнь населения. В 1926 г., по сравнению с 1913 г., было произведено хлопчатобумажных тканей — 102,2%, фабричной обуви — 143,8%, спичек — 110,7%, мыла хозяйственного — 125,6%. Продолжало оставаться более низким производство сахарного песка (64,8%), соли (78,5%), резиновой обуви (94%), однако и по

этим товарам в 1927 г. довоенный уровень был превзойден. Валовая продукция всего сельского хозяйства достигла в 1926 г. 118%, по сравнению с 1913 г., в том числе по продукции земледелия — 114 и животноводства — 127%. Все это существенным образом сказывалось на уровне жизни.

В ноябре 1924 г. (после денежной реформы) средний заработок рабочего в промышленности составлял 38,5 руб., а прожиточный минимум (стоимостная оценка суммарного потребления человека, определяемая на основе минимальных норм) по РСФСР — около 18 руб. В 1926 г. средний заработок промышленного рабочего поднялся до 55,4 руб., зарплата специалистов равнялась 165 руб., служащих — 101 руб. Работники искусства получали в среднем 73 руб., работники просвещения — 42 руб. в месяц. При этом до 1-й пятилетки зарплата коммунистов ограничивалась 100–150% средней зарплаты в тех учреждениях, где они работали (партмаксимум). К примеру, директор завода получал 187,9 руб., если он был членом партии, и 309,5 руб., если был беспартийным. Годовой заработок чернорабочего в 1926/1927 г. равнялся 455 довоенных руб., разрешенный для специалистов максимум — 1811 руб.

Энергетическая ценность продуктов питания в семьях фабричных рабочих в 1918 г. составляла 1786 ккал на взрослого едока в день, в 1922 г. — 2461, а в 1926 г. — 3445 ккал. При этом улучшалось качество питания, что выражалось в увеличении количества белков и жиров в рационе рабочего. В 1922 г. продукты животного происхождения составляли 4,4% потребляемых продуктов, а в 1926 г. они достигали уже 13,8%.

В крестьянской семье в 1926 г. на едока приходилось 30–32 кг мяса (до революции — около 16 кг в год. Его производство зависело не только от поголовья скота, но и от сборов зерна. Для получения пуда свинины нужно скормить 5 пудов зерна, или его эквивалентов). Достигнутый уровень питания крестьянского населения в 1926 г. превышал довоенный в переводе на хлебные продукты в потребляющей полосе на 6%, а в производящей на 2%. По данным по РСФСР на 1927/1928 г., в семьях крестьян в среднем на одного человека приходилось 239 кг хлеба и хлебопродуктов (в семьях рабочих — 187 кг), 41 кг мяса (у рабочих — 57 кг), 4,3 кг сахара (у рабочих — 14,6 кг). Основными продуктами питания крестьян в конце 20-х годов, как и встарь, были хлеб, картофель («второй хлеб», как его называли) и молоко. Эти же продукты оставались основными и на последующие 3–4 десятилетия Советской власти.

Рост народного потребления ограничивался недостатком промышленных товаров. В 1925 г. производство предметов

потребления достигло только 72,1% от уровня 1913 г. Однако и при этом общая сумма денежных затрат на покупку одежды и обуви увеличилась в среднем на душу населения в 1924/1925 по сравнению с 1923/1924 г. на 37,7%. В 1925 г. наиболее дефицитными товарами были ткани, кожа, обувь, сортовое железо, в еще большей степени — гвозди, кровельное железо, стекло, махорка.

Особенно остро ощущалась неустроенность быта из-за плохих жилищных условий населения. Расширение общей площади городского жилищного фонда в 1926 г. по сравнению с 1913 г. на 36 млн кв. м значительно отставало от прироста городского населения. По переписи 1926 г., жилая площадь на душу фабрично-заводских рабочих в среднем составляла 4,91 кв. м, у служащих — 6,96 кв. м. Недостатки жилья скрашивались низкими ставками его оплаты (взимание платы было возобновлено в апреле 1922 г.). В 1924 г. средняя месячная плата за 1 кв. м жилой площади составляла 11 коп. Жилищная плата покрывала лишь часть издержек по содержанию жилища.

Реальным завоеванием трудящихся было сокращение по сравнению с дореволюционной Россией продолжительности рабочего дня. До 1917 г. средняя продолжительность рабочей недели в целом по промышленности равнялась почти 60 ч (10 ч в день). В 1925/1926 г. продолжительность рабочего дня промышленных рабочих составляла 7,4 часов. Все рабочие и служащие имели право на ежегодный очередной отпуск не менее двух недель. К 1923 г. в СССР сложилась система социального страхования на случай временной потери трудоспособности вследствие болезни и увечья, беременности и родов, ухода за больным членом семьи и т. д. Система соцстраха в СССР являлась по тому времени самой прогрессивной в мире. Страховые фонды составлялись целиком и полностью из общественных фондов в государственных и кооперативных предприятиях (в 1924 г. 13,6% от всей суммы выплаченной зарплаты). В 1923 г. при временной потере трудоспособности пособие равнялось 65,9% фактического заработка, с января 1924 г. пособие выдавалось в размере полного заработка. Однако полностью провести все эти меры в жизнь стало возможным после ликвидации в стране безработицы.

Приметами послереволюционных социально-политических сдвигов в деревне стали новые учреждения административно-общественного, производственного и культурного назначения: сельсоветы, избы-читальни, клубы, народные дома, размещавшиеся зачастую на месте старых административных учрежде-

ний, в помещичьих и кулацких домах, в бывших церквах. Началось строительство и новых зданий, особенно для школ и больниц. В деревнях появлялись первые «лампочки Ильича».

В 1920-е годы постепенно менялся и внешний облик советского человека. Вместо шинелей, ватников и гимнастерок военного времени все большее распространение среди горожан получали довольно узкие и короткие брюки навыпуск и свободная блуза с матерчатым поясом (толстовка). Женщины носили короткие платья прямого покроя, юбки и блузки. Распространенным женским головным убором стал красный платочек, повязанный концами назад. В то же время были широко распространены кожаные куртки, ставшие во время войны как бы формой для коммунистов, а также френчи, галифе полувоенного покроя, матросские тельняшки и брюки «клеш». С 1923 г. в СССР стали популяризироваться модели одежды, приемы кройки и шитья.

Государственно-церковные отношения

Годы нэпа отличались бескомпромиссной борьбой большевистского государства против Русской Православной Церкви и священнослужителей, огульно зачисленных в стан контрреволюции (до конца 1920-х годов ислам не испытывал подобных притеснений со стороны государства). Пионеры и комсомольцы оказались наиболее отзывчивыми на призывы покончить с «поповским мракобесием», освободить народ от пут религии. К 1922 г. было закрыто более двух третей из примерно 1200 православных монастырей, а в Москве — все домовые церкви, составлявшие около четверти общего числа столичных храмов (в 1917 г. в Москве действовало 845 храмов различных конфессий). Началось планомерное разрушение церковных сооружений. В Москве первым снесли выдающийся памятник церковной архитектуры — часовню Александра Невского на Манежной площади. Кампания по изъятию церковных ценностей, предпринятая в голодном 1922 г., обернулась дальнейшим разгромом культурно-исторического достояния страны. Однако сломить пассивное сопротивление церкви властям не удавалось.

В начале мая 1922 г. Политбюро, по предложению Ленина, дало директиву московскому трибуналу немедленно привлечь к суду патриарха Тихона (В. Белавина, канонизирован Русской Православной Церковью в 1989 г.) . Патриарха арестовали и намеревались судить по обвинениям в антисоветских

преступлениях. Однако до суда дело не дошло. И не столько из-за того, что патриарху пришлось «раскаяться в своих поступках», сколько из-за опасения бурной реакции в зарубежных странах. Например, британское правительство заявило об отзыве дипломатической миссии, если начнется намеченный на апрель 1923 г. процесс по делу патриарха.

Созданные в СССР и издававшиеся большими тиражами газета «Атеист» (с начала 1922 г.), газета и журнал под одноименным названием «Безбожник» (с декабря 1922 г.), различные антицерковные семинары, кружки, с 1925 г. — многочисленный «Союз воинствующих безбожников» вели целенаправленную работу по пропаганде атеизма среди верующих (в середине 1920-х годов верующих в России насчитывалось до 130 млн). Стремясь ослабить Русскую Православную Церковь, власти поддерживали «обновленцев» — группировки духовенства, пытавшиеся провести в РПЦ реформы, нацеленные, по сути, на разрушение Церкви. Различные группы «обновленцев», возглавлявшиеся протоиереем А. Введенским, священником В. Красницким, епископом Антонином (А. Грановским) и другими, заявляли о своей приверженности «христианскому социализму», отрицали патриаршество «как монархический и контрреволюционный способ руководства Церковью», требовали изменений в церковных обрядах, выступали за разрешение епископам вступать в брак, овдовевшим священникам жениться вторично. Среди «обновленцев» была «Свободная трудовая церковь», призывавшая к слиянию всех религий. В течение 1922–1923 гг. «обновленцы» захватили многие приходы, 37 из 73 епархиальных архиереев подчинились созданному в апреле 1923 г. обновленческим «Собором живой Церкви» Высшему церковному управлению. Однако большинство верующих не пошли за «обновленцами».

Надеясь спасти Церковь от разгрома, патриарх Тихон 16 июня 1923 г. обратился в Верховный Суд РСФСР с письмом, которым подтверждал лояльность к установившейся в России власти, признал ошибочность ряда своих действий (в частности, обращения по поводу Брестского мира, анафемствования в 1918 г. власти, воззвания против декрета об изъятии церковных ценностей). «Я заявляю Верховному Суду, — писал он, — что я отныне Советской власти не враг. Я окончательно и решительно отмежевываюсь как от зарубежной, так и от внутренней монархическо-белогвардейской контрреволюции». После этого письма Тихон был освобожден из-под стражи и получил возможность вернуться к руководству Церковью. Решения обновленческого собора он объявил «неканонически-

ми и раскольническими». Большинство «обновленцев» вернулось в патриаршую Церковь. К концу 1920-х годов неканоническое движение фактически прекратило свое существование, но официально «Обновленческая Церковь» во главе с Введенским существовала вплоть до послевоенных лет.

С прекращением судебного «дела» патриарха гонения на Церковь не прекратились. После смерти патриарха Тихона (1925) был арестован патриарший местоблюститель митрополит Петр (П. Полянский, расстрелян в 1937 г., канонизирован Русской Православной Церковью в 2000 г.). Аресту подверглись и многие епископы. Главным местом заточения церковных иерархов в 1920-х годов стал Соловецкий лагерь, куда к 1926 г. были помещены 24 епископа. Многие епископы были высланы из епархиальных городов на Север, в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию. В 1920–1930-е годы массовой по отношению к священнослужителям стала такая мера как смертная казнь. В 1922 г. только по суду было расстреляно 3447 священнослужителей, общее число преданных смертной казни в начале 1920-х годов достигло 10 тыс. Всего за годы Советской власти (в основном в 1920–1930-е) уничтожено около 200 тыс. священнослужителей.

Реальным предстоятелем Русской Православной Церкви еще при жизни митрополита Петра стал заместитель патриаршего местоблюстителя митрополит Сергий (И. Страгородский). 29 июля 1927 г., чтобы смягчить репрессии против Церкви, он с группой архиереев-«сергианцев» обнародовал «Послание к пастырям и пастве» — декларацию, в которой заявлялось о безусловной лояльности Церкви по отношению к государству.

Многие видные церковные иерархи (в том числе и находившийся в ссылке митрополит Петр) поддержали декларацию как единственную возможность сохранения Церкви в советской России. Однако она не была поддержана Русской Православной зарубежной Церковью, возглавляемой с 1921 г. митрополитом Антонием (А. Храповицким). Состоявшийся в сентябре 1927 г. в сербском городе Сремски-Карловцы Собор русского заграничного духовенства отстаивал позицию бескомпромиссной борьбы с Советской властью и заявил, что отныне «заграничная часть Церкви должна управляться сама» (позже это событие стали называть «Карловацким расколом»). В том же 1927 г. от Московской Патриархии отделились приходы Северной Америки, основавшие Американскую Православную Церковь (ее автокефалию РПЦ признала в 1970 г.). В самом СССР несогласные с июль-

ским посланием Сергия образовали несколько групп под названием «катакомбная», или «Истинно Православная Церковь», продолжавших считать Советскую власть «властью антихриста». Вскоре почти все приверженцы «катакомбной» Церкви оказались в ссылке и в лагерях, остававшиеся на свободе преследовались за антисоветскую деятельность вплоть до начала 1980-х годов.

Однако и декларация митрополита Сергия не остановила гонений на религию и Церковь. Со сломом нэпа и переходом в деревне к «революции сверху» гонения усилились. Из 48 тыс. церковных приходов, существовавших в России в 1918 г., к 1930 г. осталось менее 30 тыс.

С конца 1920-х годов начинается преследование мусульманского духовенства, закрываются мечети, почти 90% мулл и муэдзинов лишились возможности вести богослужение, в 1930-х годах был репрессирован весь состав Центрального духовного управления мусульман внутренней России и Сибири. С 1928 г. на территории отдельных автономий РСФСР с преобладающим мусульманским населением, использовалась глава Уголовного кодекса республик «О преступлениях, составляющих пережитки родового быта». Позднее аналогичные акты использовались в Азербайджанской, Таджикской, Туркменской, Узбекской ССР. Частью наступления на ислам стал перевод письменности мусульманских народов в 1920-х годах с арабской на латинскую графику, а позднее — на русскую.

Основными государственными органами, регулирующими отношения религиозных организаций с государством, были Наркомат юстиции (отдел во главе с замнаркома П. Красиковым), с 1924 г. — Секретариат по делам культов при председателе ВЦИК, с 1929 г. — Комиссия по вопросам культов при Президиуме ВЦИК (возглавлялись П. Смидовичем). Однако решающую роль в «присмотре» за религиозными институтами и их служителями играли органы государственной безопасности (церковный отдел во главе с Е. Тучковым). Официальным актом, регулирующим конфессиональную практику Советской власти, являлось принятое в 1929 г. Постановление ВЦИК и СНК «О религиозных объединениях». Постановление запрещало верующим любую внеобрядовую деятельность (включая благотворительную и просветительскую), накладывало другие ограничения на жизнь конфессий. Постановление (с некоторыми уточнениями) действовало до конца 1980-х годов.

§5

Изменения в составе СССР, эволюция национальной политики

Изменение в составе СССР в 1920-е годы

Принятие Конституции завершило первый этап создания и укрепления единого союзного государства. В дальнейшем СССР пополнялся новыми членами. В октябре 1923 г. Хорезмская, а в сентябре 1924 г. Бухарская народные республики провозгласили себя социалистическими. Осенью того же года на территории этих республик и Туркестанской АССР в результате национально-территориального размежевания образовались две новые союзные республики — Узбекская и Туркменская, одна автономия — Таджикская АССР в составе Узбекской, две российские автономные области — Кара-Киргизская (в 1925 г. переименована в Киргизскую АО, а в 1926 г. преобразована в Киргизскую АССР) и Кара-Калпакская АО в составе Казахской АССР. В январе 1925 г. в состав Таджикистана вошла территория Памира (Горно-Бадахшанская АО), в мае III съезд Советов СССР включил в состав Союза на правах союзных республик Узбекистан и Туркменистан. В 1929 г. в союзную республику была преобразована Таджикская АССР. Национальное размежевание в Средней Азии охватило территорию с населением более 17 млн человек, что позволило на долгое время обрести спокойствие и устойчивость развития всему региону.

Появились новые национальные образования в составе Азербайджана (Нагорно-Карабахская АО, 1923 г.) и Украины (Молдавская АССР, 1924 г.). Созданный в 1923 г. Нахичеванский автономный край в составе Азербайджанской ССР в 1924 г. преобразован в Нахичеванскую АССР. Тогда же на основе союзного договора были оформлены отношения Грузии и Абхазской ССР, которая в 1931 г. была включена в состав Грузии на правах АССР.

В 1924 и 1926 гг. к Белоруссии были присоединены смежные территории РСФСР (части Витебской, Гомельской и Смоленской губерний) с преобладанием белорусского населения и развитой промышленностью. В результате террито-

I съезд малых народов Севера и Дальнего Востока (президиум съезда — в центре — Я. Гамарник, председатель Дальревкома). Хабаровск. 1925 г.

рия БССР увеличилась в 2,5 раза, а ее население — более чем в 3 раза.

В составе РСФСР Бурят-Монгольская и Монголо-Бурятская автономные области в 1923 г. образовали единую Бурят-Монгольскую АССР. В автономные республики преобразованы Карельская трудовая коммуна (1923), Автономная трудовая коммуна немцев Поволжья (1924), Чувашская автономная область (1925).

В июле 1924 г. вместо упраздненной Горской АССР, изначально включавшей 7 национальных округов — Балкарский, Владикавказский, Кабардинский, Карачаевский, Назрановский (Ингушский), Чеченский и Сунженский казачий, в результате размежевания появились Ингушская и Северо-Осетинская автономные области (1924); были созданы Карачаевская (1926) и Черкесская (1928) АО. Существовавшая с 1922 г. в Краснодарском крае Адыгейская (Черкесская) АО в 1928 г. была преобразована в Адыгейскую АО. При национальном размежевании на Северном Кавказе земли с преобладанием славянского населения были выведены из подчинения автономий. В Кабардино-Балкарии, Осетии, Чечне создавались казачьи

автономные округа. Владикавказ и Грозный с пригородами были отдельными округами за пределами Северной Осетии и Чечни. В начале первой пятилетки эти округа, вопреки интересам славянского населения, снова присоединили к Чечне и Северной Осетии. Грозный стал столицей Чечни, а Владикавказ (с 1931 г. — Орджоникидзе) был до 1934 г. столицей и Северной Осетии, и Ингушетии.

Во время проводившегося в 1920-е годы районирования старое административное деление (губерния, уезд, волость), не учитывавшее экономические и национальные особенности регионов, к концу 1929 г. было заменено в РСФСР трехзвенной системой: район, округ, область (край), а в других союзных республиках — двухзвенной (район, округ). Вместо 766 старых уездов в СССР было создано 176 округов. Районирование несколько изменяло положение автономных образований. Автономные области включались в состав краев и областей. В постановлении ВЦИК РСФСР от 28 июня 1928 г. подчеркивалось, что автономные республики, входя на основе добровольности в краевые объединения, полностью сохраняют конституционные права. Местные органы власти в автономиях получили возможность решать многие вопросы без согласования с центром.

При районировании национально-государственное строительство доходило до самых мелких административных единиц. В республиках выделялись округа, уезды и районы, волости и сельсоветы, компактно населенные народами, отличающимися от основного населения. При этом численная норма, необходимая для создания соответствующей национальной административной единицы, снижалась в среднем в 2,5 раза. Так в стране появились национальные округа, уезды, районы, волости и сельсоветы. Работа по их созданию получила значительное ускорение после III съезда Советов СССР, установившего 20 мая 1925 г., что «должен быть принят... ряд дополнительных мероприятий, обеспечивающих и защищающих интересы национальных меньшинств». Постановление предусматривало, в частности, «в случаях значительной численности национальных меньшинств образование отдельных Советов с употреблением языков этих меньшинств, организацию школ и судов на родном языке». В том же году образовался Коми-Пермяцкий национальный округ в Пермской, а в 1928 г. — Саранский (переименованный тогда же в Мордовский) в Средне-Волжской области (в январе 1930 г. на его базе создана Мордовская АО). Помимо этого, в России были созданы 33 национальных района, 110 национальных волос-

тей, 2930 национальных сельсоветов. Такие же миниатюрные автономии появились в других союзных республиках. Это обеспечивало наиболее полное выявление возможностей экономического, политического и культурного развития каждой национальности.

Большую роль в советизации народов Севера и Дальнего Востока, находившихся к 1920 г. на стадии патриархально-общинных отношений, сыграл Комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера), работавший при ВЦИК с июня 1924 г. Поначалу в этих районах создавались «родовые Советы» и «туземные исполкомы», которые соответствовали сельсоветам и райсоветам, развивалась промысловая кооперация.

Национальная политика в 1920-е годы

Национальная политика СССР середины и второй половины 1920-х годов за пределами русских областей была сравнительно корректной и взвешенной. В среднеазиатских республиках сохранялись вакуфные владения (земли мусульманского духовенства), старый мусульманский суд (суд казиев) и учебные заведения (медресе). В государственный аппарат привлекались «именитые и влиятельные люди» из состоятельных слоев общества. Для вовлечения в новую жизнь патриархального крестьянства Востока создавались массовые организации бедноты и середняков — «Кошчи» и «Жарлы», не имевшие аналогов в ругих республиках. В отношении ислама не велось широкой антирелигиозной пропаганды. У народов Северного Кавказа действовали суды адата и шариата, производившие разбирательства спорных дел по нормам местных обычаев и религиозного права. Вместе с тем причину трудностей в проведении масштабных преобразований (национальное размежевание, земельная реформа) Центр нередко усматривал в деятельности так называемых национал-уклонистов. В 1925 г. под огонь критики попал председатель Совнаркома Узбекистана Ф. Ходжаев, обвинявшийся в противодействии земельно-водной реформе и покровительстве баям-землевладельцам. В конце 1928 г. возобновились репрессии против султан-галиевцев.

Углубление во второй половине 1920-х годов курса на ограничение и вытеснение капиталистических элементов, особенно переход к коллективизации, сопровождались сужением прав национальных республик и автономных образований. Самостоятельность, свободу национального развития и «расцвет» наций центральное руководство пыталось все более ог-

раничивать только культурно-национальной сферой. Однако и это не гарантировало от разного рода «уклонов» и националистических проявлений. Например, на Украине серьезной проблемой стали «хвылевизм», «волобуевщина» и «шумскизм», получившие свое название по именам видных представителей национальной элиты.

Нарком просвещения А. Шумский упрекал партийную организацию республики в том, что она недостаточно активно ведет борьбу с великодержавным шовинизмом, предлагал форсировать темпы украинизации партийного и государственного аппарата, учреждений культуры. Нарком сочувствовал писателю Н. Хвылевому, который ориентировался в своих произведениях на буржуазный Запад и выступил с призывом «Прочь от Москвы». Экономист М. Волобуев, отрицая необходимость единого социалистического хозяйства СССР, проповедовал идею экономической самостоятельности Украины — практически ее изоляции от СССР.

Издержки национальной политики на Украине пытались отнести также и на счет Сталина. Зиновьев на заседании Президиума ЦКК в июне 1927 г. назвал его политику в национальном вопросе «архибеспринципной», утверждая, что «такая» украинизация «помогает петлюровщине», а настоящему шовинизму отпора не дает. Сталин в ответ обвинял в великодержавных настроениях и извращении ленинизма оппозицию. Основания для этого имелись. Например, в теоретической работе «О национальной культуре» (1927) троцкист В. Ваганян писал, что «под национальной культурой следует понимать только господствующую классовую культуру буржуазии». Он утверждал, что «борьба за коммунизм немыслима без самой решительной борьбы с национальной культурой», «при социализме совершается процесс, который... приведет... к постепенному уничтожению национальных языков, слиянию их в один или несколько могучих интернациональных языков». Русский язык изображался им, с одной стороны, как «язык всесоюзной коммунистической культуры, которую мы вырабатываем все вместе», с другой — как «межнациональный язык нашего Союза».

Критикуя подобные воззрения (особенно выводы для практической политики), Сталин говорил в августе 1927 г., что Ленин призывал к развитию национальной культуры в национальных областях и республиках, а Зиновьев «думает теперь перевернуть все это, объявляя войну национальной культуре». А для пущей важности было добавлено: «То, что здесь наболтал Зиновьев о национальной культуре, следовало бы увековечить

для того, чтобы партия знала, что Зиновьев является противником развития национальной культуры народов СССР на советской основе, что он является на деле сторонником колонизаторства».

Адепты мировой республики неустанно раздавали обещания о помощи всем «угнетенным» народам. Начиналось это до революции. «Когда будем правительством, — писал Ленин в 1916 г., — мы все усилия приложим, чтобы... оказать этим отсталым и угнетенным, более чем мы, народам "бескорыстную культурную помощь"... помочь им перейти к употреблению машин, к облегчению труда, к демократии, к социализму». В 1921 г. при конкретизации таких обещаний было сформулировано одно из центральных положений всей послеоктябрьской советской национальной политики: «Суть национального вопроса в РСФСР состоит в том, чтобы уничтожить ту фактическую отсталость (хозяйственную, политическую и культурную) некоторых наций, которую они унаследовали от прошлого, чтобы дать возможность отсталым народам догнать центральную Россию и в государственном, и в культурном, и в хозяйственном отношениях».

Партия решением X съезда обязывалась помочь отставшим народам: «а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке».

Однако организацией ударной работы «отсталых народов» партия не ограничилась. Она не только призывала, но и приказывала. На X съезде РКП(б) об очередных задачах партии в национальном вопросе прямо говорилось, что только «одна нация, именно великорусская, оказалась более развитой... Отсюда фактическое неравенство... которое должно быть изжито путем оказания хозяйственной, политической и культурной помощи отсталым нациям и народностям». Русские крестьяне, в большинстве своем остававшиеся на низком уровне развития, и другие представители «развитой нации», не проявлявшие должным образом готовности помогать, рисковали быть обвиненными в великорусском национализме. Пред-

ставители окраинных народов, не желавшие перестраиваться на «социалистический лад», попадали в разряд местных националистов. Особенно наглядно такая перспектива обнаружилась в конце 1922 г.

Союзный центр с момента образования СССР опасался, что в случае появления полноправных органов власти в РСФСР он не сможет сохранить полноту власти в своих руках, использовать республику как полигон для различных социальных и национальных экспериментов. Не исключено, что именно для подавления неизбежного недовольства неравноправным положением Российской Федерации в Советском Союзе был выдвинут лозунг «борьбы с великодержавным русским шовинизмом».

Вместе с тем официальная идеология вплоть до конца 1920-х годов исходила из тотального осуждения дореволюционной истории страны. Русскому народу навязывалась мысль, что до революции у него не было и не могло быть своего Отечества. Россия именовалась не иначе, как тюрьмой народов, русские — эксплуататорами, колонизаторами, угнетателями других народов. Патриотизм как таковой приравнивался к национализму — свойству эксплуататоров и мелкой буржуазии. Руководство страны призывало искоренить национализм в любой его ипостаси. При этом главная опасность виделась в великодержавном (великорусском) национализме, местный национализм до некоторой степени оправдывался.

С утверждением у власти Сталина как единоличного политического лидера его представления о процессах в национальной сфере жизни общества приобретали все большее значение. С его именем связывалось классическое определение нации, представления о новых, советских нациях. Общечеловеческая культура, к которой идет социализм, изображалась им как пролетарская по содержанию и национальная по форме. Переход к такой культуре мыслился происходящим в порядке одновременного развития у национальностей СССР культуры национальной (по форме) и общечеловеческой (по содержанию). Сталин внес успокоение в национальную среду дискредитацией положения о том, что в СССР уже за период социалистического строительства исчезнут нации. Особенно воодушевляющей для «националов» стала установка, согласно которой период победы социализма в одной стране будет этапом роста и расцвета ранее угнетенных наций, их культур и языков; утверждения равноправия наций; ликвидации взаимного национального недоверия; налаживания и укрепления интернациональных связей между нациями.

В наиболее общем виде диалектика национального вопроса представлена Сталиным 27 июня 1930 г. в политическом отчете ЦК XVI съезду партии: «Надо дать национальным культурам развиться и развернуться, выявив все свои потенции, чтобы создать условия для слияния их в одну общую культуру с одним общим языком в период победы социализма во всем мире. Расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур в условиях диктатуры пролетариата в одной стране для слияния их в одну общую социалистическую (и по форме и по содержанию) культуру с одним общим языком, когда пролетариат победит во всем мире и социализм войдет в быт, — в этом именно и состоит диалектичность ленинской постановки вопроса о национальной культуре». Таким образом, выходило, что в обозримой исторической перспективе национальным культурам не угрожало ничего, кроме «расцвета». Всю совокупность сталинских теоретических новшеств, как и национальную политику второй половины 1920-х годов, можно расценить как уступку «националам».

Обретение народами бывшей Российской империи государственности и автономии вело к пробуждению чувства национальной общности, росту национальных настроений. Политика коренизации (вовлечение представителей всех национальностей в состав руководящего аппарата, интеллигенции, рабочего класса) вела не только к позитивным сдвигам в структуре коренного населения, но и к оформлению местных элит с присущей им национальной спецификой, попытками обретения бесконтрольной самостоятельности, уклонами к местному национализму и сепаратизму.

Организуя реальную помощь отсталым в прошлом народам, государство в то же время превентивными ударами пыталось обезопаситься от национал-уклонизма и сепаратизма. Результатом стали растущие потери народов от репрессий. Однако это не означает, что национальная политика в СССР представляла собой возврат к политике великорусского национализма и восстановлению бывшей империи. С этим не согласуется отсутствие признаков господства русских над «порабощенными» народами. Эксплуатация русскими объединенных с ними народов была напрочь исключена. Русские области РСФСР, начиная с 1917 г., вынуждены были постоянно больше отдавать, чем получать от других народов, имевших свои национальные образования. Русские, как и до революции, оставались главной опорой, государствообразующей нацией и во многом обеспечивали выживание и модернизацию всех советских республик.

§6

Внешняя политика

Прорыв дипломатической блокады

Главным направлением внешней политики РСФСР, а затем СССР в 1920-е годы была борьба за прорыв дипломатической блокады и укрепление позиций на международной арене. Центром принятия основных решений внешнеполитического характера в это время, как и на протяжении всех лет Советской власти, оставалось Политбюро. В. Ленин, неоднократно заявлявший о том, что большевики пошли на захват власти в России «исключительно в расчете на мировую революцию», выстраивал внешнюю политику на основе крайнего прагматизма. С одной стороны, провозглашалась готовность к мирному сосуществованию, сотрудничеству с несоветскими государствами в области экономики, с другой — оказывалась всяческая помощь коминтерновским организациям, призванным «двигать революцию вперед».

Ленин полагал, что правительства зарубежных стран в стремлении завоевать советский рынок «откроют кредиты, которые послужат нам для поддержки коммунистической партии в их странах...» «будут трудиться по подготовке их собственного самоубийства». Миролюбие советской внешней политики не обещало быть долгим. В ноябре 1920 г. Ленин говорил: «Как только мы будем сильны настолько, чтобы сразить весь капитализм, мы немедленно схватим его за шиворот».

Руководители капиталистических стран не обманывались в истинных целях советской внешней политики. Они также выстраивали свои отношения с позиции силы, поддержки всего противостоящего руководству внутри советской страны и за ее пределами, настраивали российскую белую эмиграцию на военные авантюры против нее. Большие надежды при этом возлагались на возможное внутреннее перерождение правящего режима (что в конце концов и произошло к 1990-м годам). Наиболее действенным побудительным мотивом к налаживанию «добрососедских» отношений была потребность в дешевом сырье, которым располагала наша страна.

Проводниками советской внешней политики стали наркоматы иностранных дел и внешней торговли, иностранный отдел ГПУ (с 1923 г. — ОГПУ), а также Исполком Коминтерна. Успехи политики во многом были связаны с деятельностью Г. Чичерина, возглавлявшего НКИД с марта 1918 до июля 1930 г. и действовавшего, в силу разделения функций с другими ведомствами, не «революционными», а только дипломатическими методами.

Заключив к 1921 г. мирные договоры с Эстонией, Литвой, Латвией и Финляндией, Советское государство положило начало длительному процессу своего дипломатического признания. 26 февраля 1921 г. был подписан договор между Советской Россией и Ираном, по которому эта страна освобождалась от долгов царской России. Ирану передавались все русские концессии, шоссейные дороги, железнодорожные и телеграфные линии, построенные Россией на его территории. Согласно 6-й статье договора Советская республика получала право вводить туда свои войска в случае попыток других стран использовать иранскую территорию для нападения на РСФСР или ее союзные государства. (Именно это позволило ввести войска СССР на территорию Ирана в 1941 г.)

28 февраля 1921 г. Советская Россия заключила договор о дружбе с Афганистаном, первой из всех держав признав его суверенитет. Заключенный в Москве договор надолго стал основой развития дружественных отношений между двумя соседними странами.

14 марта 1921 г. РСФСР и УССР подписали в Риге мирный договор с Польшей (предварительный заключен 12 октября 1920 г.). Согласно Рижскому договору, стороны обязывались установить дипломатические отношения друг с другом, признавали независимость Украины и Белоруссии. Однако при поддержке Антанты Польша добилась от Советской Украины и Советской Белоруссии отторжения их западных областей, где по данным на 1919 г. проживало более 16 млн человек. Советско-польская граница устанавливалась значительно восточнее «линии Керзона», которая в 1919 г. предлагалась Верховным военным советом Антанты в качестве восточной границы Польши. Стороны обязывались предоставить русским, белорусам, украинцам в Польше и полякам в РСФСР и УССР права, обеспечивающие свободное развитие их культуры, языка, выполнение религиозных обрядов.

5 ноября 1921 г. были установлены дружественные отношения с Монголией, в которой в июле этого года победила народная революция.

Нормализации отношений Советской России с зарубежьем способствовали торговые договоры, заключенные в 1921 г. с Германией, Италией, Норвегией, Австрией. 16 марта 1921 г. было подписано советско-английское соглашение, предусматривавшее установление торговых связей между двумя странами; при этом стороны обязывались не предпринимать враждебных актов по отношению друг к другу. Это означало, что Британия фактически признала Советскую республику.

В октябре 1921 г. советское правительство выразило готовность вести переговоры со странами Антанты об уплате довоенных долгов царского и Временного правительств при условии дипломатического признания Советской России, предоставления ей кредитов и возмещения ущерба, причиненного интервенцией. Предложение заинтересовало руководителей западных стран. 6 января 1922 г. Совет Антанты решил созвать международную конференцию по экономическим и финансовым вопросам с участием всех европейских стран, включая Советскую Россию. 7 января итальянское правительство направило Советской Республике официальное приглашение на конференцию в Генуе, открытие которой намечалось на 10 апреля 1922 г.

Долги царского и Временного правительств, которые требовали вернуть западные страны, составляли около 18,5 млрд золотых руб. По подсчетам советской стороны, убытки, причиненные народному хозяйству России за годы интервенции 1917–1922 гг., равнялись 39 млрд золотых руб. Эта цифра, названная 15 апреля на конференции руководителем советской делегации Г. Чичериным, привела западных делегатов в явное замешательство. Несмотря на это, Чичерин заявил о готовности советского правительства признать довоенные долги и преимущественное право за большинством собственников получить в концессию или аренду принадлежавшее им ранее имущество при условии признания Советского государства де-юре, оказания ему финансовой помощи, аннулирования военных долгов и процентов по ним. Предлагалась программа широкого сотрудничества в экономической, политической, культурной областях; невмешательства во внутренние дела; признания принципов ненападения; полного равноправия и взаимной выгоды; разрешения всех конфликтов мирными средствами. Советская делегация внесла также предложение о всеобщем сокращении вооружений.

Дискуссии по всем этим вопросам на Генуэзской конференции, продолжавшейся до 19 мая, оказались безрезультатными. По предложению английского премьера Д. Ллойд-Джорджа,

«русский вопрос» был передан для дальнейшего изучения «комиссии экспертов», которая собралась в Гааге 15 июня и работала до 19 июля 1922 г. Здесь, с участием делегаций тех же 29 государств, что и на Генуэзской конференции (за исключением Германии), предложения советской делегации были конкретизированы. М. Литвинов заявил, что Россия, при условии получения кредита для восстановления хозяйства в размере 3,2 млрд золотых руб. и отказа стран Антанты от требований военных долгов, готова снять контрпретензии за ущерб, причиненный интервенцией, признать довоенные долги и реально компенсировать тех бывших иностранных собственников в России, которые не получат удовлетворения в форме концессий и участия в смешанных предприятиях. Условия, выставленные советской стороной, вновь оказались неприемлемыми для западных держав, и конференция не принесла ощутимых результатов. Однако Запад все-таки согласился на предоставление кредитов России в обмен на ее согласие разместить концессии.

Крупным успехом советской дипломатии в борьбе за установление мирных отношений с западными странами стал договор, заключенный в Рапалло во время Генуэзской конференции, между РСФСР и Германией — странами, находившимися после Первой мировой войны в тяжелейшем экономическом положении и в международной изоляции. Подписанный Г. Чичериным и В. Ратенау (министр иностранных дел Германии) 16 апреля 1922 г. в предместье Генуи договор предусматривал немедленное восстановление в полном объеме дипломатических отношений; урегулирование всех спорных отношений между двумя странами путем взаимного отказа от претензий; развитие торговых, хозяйственных и правовых связей на основе принципа наибольшего благоприятствования. Ленин приветствовал зафиксированное договором «действительное равноправие двух систем собственности хотя бы как временное состояние».

20 ноября 1922 г. по инициативе Великобритании, Франции и Италии была созвана конференция в Лозанне (Швейцария) для подготовки мирного договора с Турцией и установления режима черноморских проливов. После заявления советского правительства о том, что решения, принятые без его участия, не будут им признаны, организаторы конференции вынуждены были пригласить и советскую делегацию, но только для участия в обсуждении вопроса о режиме проливов. Стремясь поставить Россию в унизительное положение, представители Великобритании и Франции навязали участникам конференции

конвенцию, допускающую свободный проход в Черное море не только торговых, но и военных судов любой страны мира, что создавало угрозу безопасности России и других причерноморских государств. Требование советской делегации, чтобы Россия, Украина и Грузия пользовались равными с другими странами правами в торговом мореплавании через проливы, а проход в Черное море закрыть для всех (кроме турецких) военных судов, было проигнорировано. В результате СССР не ратифицировал принятую на Лозаннской конференции конвенцию о режиме проливов как нарушающую его законные права и не гарантирующую мир и безопасность причерноморских стран. В 1936 г. она была пересмотрена в Монтрё (Швейцария) на конференции, принявшей договорной акт с определением современного правового режима черноморских проливов.

На всем протяжении Лозаннской конференции (до 24 июля 1923 г.) предпринимались попытки устранить советскую делегацию от участия в ее работе, нагнеталась скандальная истерия. В этих условиях 10 мая был убит полномочный делегат В. Воровский и ранены еще два сотрудника советской делегации. Швейцарский суд оправдал организатора и исполнителя террористического акта. В результате возник советско-швейцарский конфликт, выразившийся в бойкоте Швейцарии со стороны СССР, урегулированный лишь 14 апреля 1927 г. после «всемерного осуждения» теракта правительством Швейцарии.

Весной 1923 г. обострились отношения СССР и Британии. 8 мая советскому правительству была предъявлена нота британского, составленная министром иностранных дел лордом Д. Керзоном и содержавшая ультимативное требование: отказаться от антибританской пропаганды и отозвать советских полпредов из Ирана и Афганистана; выплатить компенсации в связи с арестом и расстрелом английских шпионов в 1920 г., а также незаконным якобы задержанием английских траулеров, занимавшихся ловлей рыбы в советских территориальных водах. Английские эскадры намеревались войти в Черное, Белое и Балтийское моря. 11 мая советское правительство решительно отвергло эту ноту.

В конечном счете Керзон пошел на компромисс и правительство СССР тоже согласилось на уступки. В июне 1923 г. обе стороны заявили об исчерпанности конфликта. А после прихода к власти в Британии лейбористов в январе 1924 г. правительство Д. Макдональда уже 1 февраля признало СССР, а 8 августа подписало с ним общий и торговый договоры. Од-

нако после опубликования 15 сентября в Британии так называемого «письма Зиновьева», предлагавшего английским коммунистам от имени Коминтерна активизировать подготовку кадров для грядущей Гражданской войны, консерваторы вновь одержали победу на выборах. Новое британское правительство С. Болдуина, несмотря на признание «письма» фальшивкой, отказалось от ратификации англо-советского договора.

Попытку восстановить дипломатические и экономические отношения с СССР в декабре 1923 г. предпринимала Франция. Условием выставлялась выплата довоенных долгов России. Советское правительство сочло эти требования неприемлемыми. Признание Францией правительства СССР произошло в октябре 1924 г., после прихода к власти правительства «левого блока» во главе с Э. Эррио.

К концу 1924 г., вошедшем в историю советской внешней политики как «полоса признания» Советского Союза, дипломатические отношения установили Италия, Норвегия, Швеция, Дания, Австрия, Венгрия, Мексика, Китай. В 1925–1927 гг. были налажены отношения с Японией, укреплены взаимовыгодные связи с Турцией, Афганистаном, Ираном. Из великих держав только США не хотели признавать СССР, несмотря на то, что ряд американских фирм вел торговлю с ним — вопреки запретам госдепартамента. Признание и переговоры, по словам президента США К. Кулиджа, были невозможны, поскольку СССР опровергал обоснованность международных обязательств, отказывался от компенсации национализированного имущества американских граждан и предполагал, к тому же совершить революцию в США.

Курс на «мировую революцию»

Установление дипломатических отношений с ведущими странами мира не означало отказа советского руководства от идеи мировой революции и распространения коммунистической идеологии за рубежами СССР. Главным проводником этого курса был Коминтерн, ведущую роль в котором играла РКП(б) — ВКП(б). Для развития «мировой революции» предпринимались попытки организовать революцию в Германии, использовать забастовку горняков в Англии, обострение классовых противоречий в Австрии и Китае.

В 1923 г. осложнились отношения СССР с Германией. В августе под влиянием обострившейся внутренней обстановки и угрозы всеобщей забастовки ушел в отставку правительственный кабинет во главе с В. Куно. Новое правительство Г. Штре-

земана, стремясь ликвидировать кризис в стране, взяло курс на отказ от «восточной ориентации» на Москву, начав искать пути сотрудничества с Францией. В ответ на это руководство СССР и подчиненного ему Коминтерна активизировали подготовку революционного переворота в Германии. В СССР для помощи бастовавшим и локаутированным германским рабочим был объявлен сбор средств; 1 млн золотых марок выделил Профинтерн. В Германию направилась «группа товарищей», имевших большой опыт революционной работы (М. Тухачевский, И. Уншлихт, И. Вацетис, В. Менжинский и др.), а также выпускники и слушатели старшего курса Военной академии РККА.

В октябре 1923 г. для непосредственного руководства восстанием утверждается секретная комиссия в составе: К. Радек (руководитель), Ю. Пятаков (заместитель руководителя), В. Шмидт, И. Уншлихт. В Берлине к «четверке» присоединился член Политбюро, полпред РСФСР в Германии Н. Крестинский. На финансирование революции выделяется гигантская сумма в 300 млн золотых руб. (И это в то время, когда СССР еще не оправился от страшного голода.) По распоряжению Л. Троцкого части Красной армии начали выдвигаться к западным границам СССР. Большевистское руководство, настраивая страну на скорую победу коммунистов в Германии, разослало 18 октября всем губкомам закрытое письмо «Германия накануне великих боев», в котором утверждалось: «Объединение Советской Германии с СССР будет последним ударом по капитализму и неизбежно приведет скоро к рабоче-крестьянской революции в других странах Европы и всего мира».

Вооруженное восстание начали рабочие и портовики Гамбурга 22 октября 1923 г. Однако оно не было поддержано в других землях и уже через два дня жестоко подавлено армией и полицией. 23 ноября последовал официальный запрет Компартии Германии.

Г. Штреземан, демонстрируя отход от Москвы, добился в августе 1924 г. распространения на Германию плана Ч. Дауэса (директор одного из крупнейших чикагских банков). Германии предоставлялся международный заем на сумму 200 млн долл. для восстановления в стране тяжелой индустрии. Расчет был на то, что для уплаты репараций Германии потребуются новые рынки сбыта, которые она найдет в СССР, подрывая тем самым его индустриализацию. В соответствии с планом Дауэса в октябре 1925 г. в Локарно (Швейцария) состоялось подписание договора европейских государств о нерушимости западных границ Германии, однако ее восточные границы не гарантировались.

В то же время Германия не хотела отказываться от выгод сотрудничества с СССР на основе Рапалльского договора. Учитывая это, Советский Союз добился ослабления антисоветской направленности Локкарнских договоров, подписав 24 апреля 1926 г. Берлинский договор с Германией о ненападении и нейтралитете сроком на 5 лет (продлен в 1931 г.). Эти договоренности создавали основу для развития экономических и военных связей, помогавших Германии обойти решения Версальской (1919) и Вашингтонской (1922) конференций, запрещавшие ей иметь современную технически хорошо оснащенную армию. Германия получила согласие создавать на советской территории центры военно-учебной подготовки кадров и производство новейшего оружия. В 1926 г. Германия предоставляла Советскому Союзу кредит в 300 млн марок, что до известной степени компенсировало трудности тайного военного сотрудничества двух стран.

В 1926 г. СССР открыто поддержал забастовку английских шахтеров, перечислив в их фонды по линии профсоюзов месячную зарплату советских рабочих — 16 млн руб. 23 февраля 1927 г. министр иностранных дел Великобритании О. Чемберлен направил СССР ноту, в резкой форме потребовав прекращения антибританской пропаганды и прямого вмешательства во внутренние дела Англии. 12 мая в Лондоне был произведен обыск помещения советского торгпредства, 27 мая заявлено о расторжении торгового соглашения и разрыве дипломатических отношений с СССР. В Москве была развернута антибританская кампания под лозунгом «Наш ответ Чемберлену» с признаками всеобщего военного психоза (закупки продовольствия на случай войны и пр.). Антисоветские акции были поддержаны Канадой, также разорвавшей дипломатические отношения с СССР, и нашими эмигрантами, которые организовали в июне 1927 г. убийство полпреда СССР в Польше П. Войкова. Однако дальнейшей эскалации напряженности не произошло. В немалой степени этому способствовала позиция Германии, министр иностранных дел которой заявил при вступлении в Лигу Наций в сентябре 1926 г., что его страна осудит любую агрессию против Советского Союза и при необоснованных акциях не пропустит войска через свою территорию.

На Дальнем Востоке внешняя политика СССР строила серьезные планы в отношении Китая. Под влиянием Октябрьской революции в России там стало шириться антиимпериалистическое и антифеодальное движение, которое приобрело форму войны между правителями различных провинций. На юге

страны было создано революционно-демократическое правительство во главе с основателем Национальной партии (Гоминьдан) Сунь Ятсеном. По его просьбе в 1923 г. на юг Китая были направлены военно-политические советники В. Блюхер и М. Бородин, более 130 военных специалистов, ассигновано 2 млн долл.; осуществлялась помощь оружием, боеприпасами, военным снаряжением, медикаментами. Коминтерн полагал, что Китай созрел для социалистической революции. Советские советники получили указание сначала использовать Гоминьдан, а затем поддерживать Компартию Китая.

Заподозрив коммунистов в том, что те хотят его отстранить, Чан Кайши, ведавший организацией армии в правительстве Сун Ятсена и выходивший на первую роль в Гоминьдане после смерти последнего (12 марта 1925 г.), повел с ними борьбу. Гоминдановское правительство Китая приостановило дипломатические отношения с Советским Союзом и закрыло все советские дипломатические представительства, за исключением Маньчжурии и Восточного Туркестана (Синьцзяна), где у власти стояли местные правительства.

«Двойная бухгалтерия» СССР во внешней политике стала причиной неприятия предложенного советской делегацией проекта конвенции «О немедленном полном и всеобщем разоружении», который рассматривался подготовительной комиссией Лиги Наций в марте 1928 г. Он предполагал обширную и явно невыполнимую программу: в течение года распустить все вооруженные силы; уничтожить имевшееся оружие; ликвидировать военно-морской флот и военную авиацию, крепости, морские и сухопутные базы, военные заводы; издать законы, отменяющие военную службу. Западные политики противопоставили этим, явно нацеленным на разоблачение «буржуазного пацифизма» предложениям, тезис: «Сначала безопасность, потом разоружение».

В целом в 1920-е годы советскому правительству удалось значительно укрепить международное положение СССР, обеспечить мирные условия для восстановления его экономики. В то же время громадные средства безрассудно, невзирая на нищенское существование основной массы населения страны, бросались в очаги всевозможных восстаний, национально-освободительных движений, на содержание разнообразных революционных организаций и экстремистского подполья по всему свету.

10 глава СССР В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

§1

Международная обстановка и внешняя политика СССР

Образование очагов агрессии на границах

На рубеже 20—30-х годов XX в. мировая система вступила в полосу одного из самых глубоких экономических кризисов. Промышленность многих стран, недавно обескровленная Первой мировой войной, вновь оказалась под угрозой разрушения. Результатом кризиса стало установление во многих государствах тоталитарных режимов, обострение противоречий между ведущими государствами мира. Ситуация в мире серьезно влияла на внутреннее положение в СССР, сдерживала его развитие, отвлекала значительные ресурсы на обеспечение собственной безопасности. **В силу этого на международной арене Советский Союз все свои усилия сосредоточил на установлении дружеских отношений с другими странами и обеспечении международной стабильности.**

В качестве основного партнера в конце 1920-х годов в СССР по-прежнему рассматривали Германию и стремились к продолжению курса Рапалло. Главным сторонником германской ориентации являлся нарком иностранных дел Г. Чичерин. В 1931 г. СССР и Германия продлили договор 1926 г. о ненападении и нейтралитете; продолжалось военно-техническое сотрудничество Красной армии и Рейхсвера. Однако еще во второй половине 1920-х годов в Германии усилились тенденции на сближение со странами Запада. Серьезные изменения произошли и в руководстве советской дипломатией. С 1928 г. Чичерин по болезни фактически отходит от дел, а в 1930 г. на посту руководителя советского внешнеполитического ведомства его

сменяет М. Литвинов, придерживавшийся англо-французской ориентации.

Результатом советско-французского сближения становится подписанный в 1932 г. договор о ненападении между двумя странами. Заключая договор с СССР, Франция стремилась не допустить новой полосы советско-германского сближения и тем самым обезопасить себя от угрозы со стороны реваншистских кругов, набиравших силу в германском обществе. В том же году аналогичные пакты о нейтралитете были подписаны Советским Союзом с Финляндией, Латвией, Эстонией и Польшей.

Важнейшим внешнеполитическим успехом советской дипломатии на этом этапе становится нормализация советско-американских отношений. В 1932 г. на президентских выборах в США победил Ф. Рузвельт. Его взгляды характеризовали прагматизм и взвешенность. В отличие от своих предшественников, видевших в СССР основную угрозу свободному миру, Рузвельт отказался от продолжения курса конфронтации с Советским Союзом и выступил за нормализацию двусторонних отношений. Осенью 1933 г. состоялся визит в Америку советской делегации во главе с Литвиновым. Результатом плодотворных переговоров по широкому спектру двусторонних отношений стал состоявшийся 16 ноября 1933 г. обмен нотами об установлении между СССР и США дипломатических отношений. Правительства двух стран не только признавали друг друга, но и отказывались от поддержки военных и других организаций, чья деятельность могла быть направлена на насильственное изменение политического или социального строя в одной из договаривающихся стран.

Несмотря на успехи, достигнутые советскими дипломатами по обеспечению мирного развития страны, начало 1930-х годов было ознаменовано резким ухудшением международной обстановки и ростом угрозы новой мировой войны. Первый очаг напряженности и военной угрозы возник на дальневосточных рубежах СССР. В 1931 г. японские милитаристы осуществили вторжение в Китай. Это был первый случай крупномасштабной агрессии со времен окончания Первой мировой войны. В 1932 г. на территории Манчжурии японцами было создано марионеточное государство Маньчжоу-Го. Возглавивший его император Пу И являлся послушной марионеткой агрессоров. Лига наций на призывы Китая о помощи отреагировала только ни к чему не обязывающими призывами не расширять военного конфликта, что в тех условиях фактически означало молчаливое признание расчленения Китая.

В отличие от западных государств, СССР встретил интервенцию Японии против Китая с растущей озабоченностью. В 1931 г. советская сторона поддержала китайских коммунистов во главе с Мао Цзэдуном, объявивших о создании на территориях нескольких южных и центральных провинций Китайской Советской Республики и приступивших к организации китайской Красной армии. Позже, когда стала видна готовность официальных властей Китая оказать сопротивление японской агрессии, СССР пошел на нормализацию своих взаимоотношений с Гоминданом и в 1932 г. предложил китайскому диктатору Чан Кайши восстановить дипломатические отношения, разорванные в 1929 г. после провокации гоминдановцев на КВЖД. Чан Кайши согласился на предложение Москвы, поскольку только СССР готов был оказать Китаю действенную помощь в борьбе с японской агрессией, в то время как прочие великие державы ограничивались ничего не значившими дипломатическими декларациями. Кроме контактов с китайской стороной, в том же 1932 г., учитывая укрепление японских позиций в непосредственной близости от своих границ, Советский Союз предложил Японии заключить пакт о ненападении, но японская сторона отклонила советское предложение.

Видя разрастание очага напряженности и стремясь восстановить хрупкое равновесие на Дальнем Востоке, СССР предложил подписать Тихоокеанский пакт коллективной безопасности, но США и другие страны Запада отвергли эту идею. В целях защиты своих границ СССР продолжал развивать двусторонние отношения с Китаем. Китайская сторона стремилась связать СССР обязательством оказать прямую военную помощь в случае новой японской агрессии, что не устраивало советскую сторону. 7 июля 1937 г. Япония вновь начала военные действия с Китаем, это сделало китайскую сторону более сговорчивой, и 21 августа 1937 г. был подписан советско-китайский договор о ненападении. Результатом этого стала возросшая советская военно-экономическая помощь Китаю. В течение двух лет в Китай было направлено более 3,5 тыс. военных советников, СССР предоставил Китаю несколько кредитов общим объемом в 250 млн американских долл., китайская армия получила 1235 самолетов, 1600 артиллерийских орудий, более 14 тыс. пулеметов, значительное количество боеприпасов, горючего, техники.

Еще один очаг военной опасности стал складываться в Европе, на западных границах СССР. В 1933 г. в Германии установился диктаторский режим Гитлера. Свою главную миссию фашистский фюрер видел в захвате жизненного про-

странства на Востоке и уничтожении коммунизма. Вместе с тем, его первые шаги на посту канцлера Германии могли создать иллюзии, что новое немецкое руководство не возражает против сохранения партнерских отношений со своими соседями. В марте 1933 г. Гитлер заявил о готовности продолжить линию Рапалло в отношениях с СССР. В качестве реального шага нацистским правительством был ратифицирован советско-германский пакт, подписанный еще в 1931 г., но не ратифицированный властями Веймарской республики. Одновременно с этим в Германии активизировались военные приготовления, Германия вышла из Лиги Наций, в стране разворачиваются массовые преследования коммунистов и других прогрессивных деятелей.

Начиная с лета 1933 г., советско-германские отношения начинают ухудшаться. В июне 1933 г. последовало адресованное Германии заявление советского руководства о том, что десятилетнее военное сотрудничество двух государств с сентября 1933 г. будет прекращено. За этим последовало ограничение сотрудничества и в других областях, в том числе в экономике. В дальнейшем агрессивность германской стороны по отношению к СССР начинает усиливаться. В январе 1934 г. Германия заключает пакт о ненападении с Польшей, отдельные положения которого могли трактоваться как направленные против СССР. Становилось очевидным, что антикоммунизм Гитлера являлся не только фактором идеологии, но и лежал в основе реальной политики нового германского руководства. Стремясь не допустить военных конфликтов непосредственно у своих границ, СССР предложил германской стороне выступить с совместным заявлением об обоюдной заинтересованности в сохранении независимости государств Прибалтики, но это предложение не нашло понимания, что было с озабоченностью встречено в Москве.

Совпадение экспансионистских планов Германии и Японии, стремившихся к расширению своих территорий за счет СССР, вело к постепенному сближению между двумя странами-агрессорами. **25 ноября 1936 г.** между ними в Берлине было заключено соглашение, получившее название **Антикоминтерновского пакта.** В тексте соглашения, подлежащем публикации, провозглашалась необходимость противостоять распространению в мире коммунистического влияния. Однако к официальному договору между Германией и Японией прилагался секретный дополнительный протокол, в котором цели агрессоров обозначались более конкретно. В нем главным врагом фашистских государств назывался уже не Коминтерн, а Со-

ветский Союз, обсуждались согласованные действия на случай войны одной из договаривающихся сторон с СССР. В 1937 г. к Антикоминтерновскому пакту присоединилась Италия, образовалась **«ось» Берлин — Рим — Токио**, направленная против Советского Союза и на завоевание мирового господства.

«Коллективная безопасность» или «умиротворение»?

Осознание нараставшей опасности новой мировой войны побудило руководство СССР выступить с инициативой создания международной системы предотвращения агрессии. Активным сторонником нового курса советской дипломатии на сближение с демократическими государствами Запада стал новый нарком иностранных дел М. Литвинов. В его выступлении 29 декабря 1933 г. на IV сессии ВЦИК СССР были сформулированы основные положения **доктрины «коллективной безопасности»**, с которыми теперь Советский Союз намеривался выступать на международной арене. В докладе Литвинова прозвучала готовность СССР к нормализации отношений с любым государством, заинтересованном в поддержании мира, а также стремление советской стороны к укреплению Лиги Наций и других международных механизмов, способных превратиться в надежный заслон на пути сползания человечества к войне.

Новые инициативы, выдвинутые советской стороной, позволили серьезно укрепить международный престиж СССР. 18 сентября 1934 г. тридцатью девятью голосами против трех Советский Союз был принят в Лигу Наций. Принципиальное значение имело, что при приеме в Лигу Наций СССР настоял на соблюдении своих государственных интересов: все разногласия, прежде всего относительно долгов царского правительства, были решены в пользу нашей страны. В том же 1934 г. Советский Союз был признан Чехословакией и Румынией.

Важнейшей победой советской дипломатии в эти годы явился прорыв в советско-французских отношениях. Еще в 1933 г., во время визита в Париж Литвинова, Франция предложила СССР подписать двустороннее соглашение, что стало ярким свидетельством возросшего престижа СССР на международной арене. Соответствующий договор о взаимопомощи сроком на пять лет между двумя странами был заключен 2 марта 1935 г. Чехословакия, которая так же опасалась роста в Германии милитаристских настроений, заявила о желании заключить с СССР аналогичный договор. Его

подписание состоялось 16 мая 1935 г. Особенностью договора стала включенная в него оговорка, по которой обязательства СССР и Чехословакии об оказании помощи друг другу вступали в силу только в том случае, если на стороне страны, подвергшейся агрессии, выступала так же и Франция.

Советско-французский и советско-чехословацкий договоры о взаимопомощи могли бы составить каркас общеевропейской безопасности. В день подписания советско-французского договора правительства двух стран выступили с идеей заключения Восточного пакта, согласно которому стороны, подписавшие его, брали обязательства о ненападении и неоказании помощи агрессору. Советская сторона сообщила представителям Франции, что видит необходимым участие в Восточном пакте СССР, Франции, Польши, Германии, Чехословакии и тех стран Прибалтики, которые выскажут заинтересованность в этом. Но Германия вновь отказалась принять на себя конкретные обязательства по предотвращению военной угрозы в Европе и присоединиться к соглашению, а без ее участия Восточный пакт превращался в фикцию.

Не способствовала укреплению мира и непоследовательная политика стран западной демократии. Как в самой Франции, так и в еще большей степени в Англии, значительным влиянием пользовались силы, заинтересованные в сближении с Германией, нежели с СССР. Милитаристские круги этих стран оказались словно загипнотизированы антикоммунистической риторикой германских фашистов и выражали полную готовность поверить декларациям Гитлера о его стремлении искать «жизненное пространство» для немцев на Востоке. Альтернативу советской доктрины «коллективной безопасности» они видели в **политике «умиротворения»** агрессора и переориентации его захватнических устремлений в сторону Советского Союза.

Подписав договор о взаимопомощи, Франция фактически отказалась подкрепить его военной конвенцией, в которой были бы определены конкретные условия и размеры предоставляемой помощи. Важным свидетельством готовности определенных кругов на Западе проводить политику «умиротворения» становится подписанный в июне 1935 г. англо-германский морской договор, благодаря которому Гитлер получал возможность увеличить свой флот более, чем в пять раз. Стремлением любой ценой избежать войны с Гитлером следует объяснить ту вялую реакцию стран Запада, которая последовала после введения 16 мая 1935 г. в Германии всеобщей воинской повинности и начала строительства новой немецкой армии. Еще одним ударом по Версальской системе стала позиция, занятая Лигой

Наций по отношению к агрессии, которую в 1935 г. совершила против Эфиопии фашистская Италия. СССР с трибуны Лиги Наций призвал международное сообщество оказать действенное воздействие в отношении агрессора, ввести против него режим санкций, но поддержки советское предложение не встретило. Более того, Лига Наций запретила поставки вооружений обеим воюющим сторонам, что было на руку Муссолини, поскольку итальянская армия была оснащена гораздо лучше эфиопской.

Беспомощность западных государств по отношению к странам-агрессорам подтолкнула Гитлера на новые экспансионистские шаги. 7 марта 1936 г. германские войска вошли в Рейнскую зону, которая, в соответствии с условиями Версальского и Локарнского договоров, считалась демилитаризованной. Гитлер осуществил эту акцию, преодолевая сильнейшее противодействие собственных генералов, понимавших, что в случае ответных действий Франции, немецкая армия окажется в трудной ситуации. Но Гитлер точнее оценил политические настроения во французском руководстве и понял, что никаких ответных действий его демарш не вызовет. 13 марта 1938 г. Гитлер объявил об аншлюсе Австрии — ее вхождении в состав «тысячелетнего» рейха. Этот вероломный акт получил фактическое признание правящих кругов Англии и Франции. Политики, оказавшиеся во главе стран западной демократии, предпочли прочному миру сепаратный сговор со странами агрессорами, надеясь их руками уничтожить своего главного геополитического противника: Россию — СССР.

Коминтерн и гражданская война в Испании

Одним из важнейших инструментов СССР на внешнеполитической арене в 1930-е годы продолжал оставаться Коммунистический Интернационал. В это время политика Коминтерна не оставалась неизменной и приспосабливалась к общим потребностям советской дипломатии. После разгрома правой оппозиции в ВКП(б) и вплоть до установления в Германии фашистского режима Коминтерн переживал очередной период своего развития, для которого были характерны процессы радикализации рабочего движения и начало «сталинизации» зарубежных компартий. В условиях начавшегося в 1929 г. экономического кризиса у советского руководства возродилась вера в возможность революционного взрыва на Западе. Однако западный рабочий класс оказался расколот и не готов к совместным действиям. Социал-демократы стран Европы

не видели принципиальной разницы между фашистской диктатурой и большевистским режимом, полагая, что большевизм даже опаснее фашизма, поскольку апеллирует к рабочему классу, тогда как социальной базой фашизма является мелкая буржуазия. Но непримиримость была характерна и для позиции коммунистов, которые третировали социал-демократов как «социал-фашистов» и заявляли о готовности сокрушить власть буржуазии не только в форме фашистской диктатуры, но и парламентской демократии.

Несогласованность и взаимное недоверие между коммунистами и социал-демократами упростили Гитлеру задачу захвата власти в Германии. Фашистские партии усилились во Франции, Польше, Финляндии, прибалтийских и некоторых других странах. Осознание грозной опасности позволило Коминтерну понять пагубность своей прежней позиции. Очередной период в развитии Коминтерна с 1934 по 1939 г. исследователи на Западе и у нас связывают с осуществлением Москвой тактики создания широких **Народных фронтов** в тех странах, где возникала угроза установления фашистских режимов. Официально новая линия была закреплена на проходившем в августе 1935 г. VII Конгрессе Коминтерна. Выступавший на нем видный болгарский коммунист Г. Димитров характеризовал фашизм как «открытую террористическую диктатуру самых реакционных, самых шовинистических, самых империалистических сил финансового капитала». В борьбе с фашизмом было решено сплотить силы всего рабочего класса, крестьянства, городской мелкой буржуазии, прогрессивной интеллигенции. Не исключался компромисс с антифашистскими кругами крупной и средней буржуазии.

Новая политика Коминтерна дала свои плоды. Народные фронты, объединившие коммунистические, социалистические и леволиберальные партии, возникли в Испании и во Франции. Однако закрепить достигнутый миролюбивыми силами успех не удалось. Так, во Франции, под давлением реакционных кругов, 21 июня 1937 г. вынужден был уйти в отставку возглавлявший правительство Народного фронта социалист Блюм, возникло новое праворадикальное правительство, отдельные члены которого были тесно связаны с гитлеровцами. Еще драматичней события развивались в Испании. Демократические преобразования в этой стране были прерваны в июле 1936 г. военным переворотом во главе с генералом Франко.

Международная общественность поспешила заявить о своем невмешательстве в испанские дела. Франция, Англия и США

отказались предоставить Испанской республике военную и экономическую помощь. Из опасений быть снова обвиненным в экспорте революции первоначально занял выжидательную позицию и Советский Союз. Совершенно иначе повели себя фашистские государства. Италия и Германия начали осуществлять регулярные поставки франкистам оружия и военной техники. На стороне Франко воевало около 50 тыс. итальянцев и 10 тыс. немцев. Ситуация требовала скорейшего вмешательства Советского Союза и других прогрессивных сил, в противном случае Испанская республика была обречена.

Начиная с октября 1936 г. СССР открыто встал на сторону законного правительства страны. В документах Наркомата обороны действия по оказанию помощи республиканцам обозначались как «Операция “Х”». В ходе ее реализации в 1936—1938 гг. в Испанию были направлены 648 самолетов, 347 танков, 120 бронеавтомобилей, 1 186 орудий, 20,5 тыс. пулеметов, 500 тыс. винтовок, боеприпасы. На помощь Испанскому правительству прибыли около 2 тыс. советских советников. Широкую кампанию помощи Испании развернул Коминтерн. Им были организованы интернациональные бригады, в которых сражались до 50 тыс. добровольцев из 54 стран. Однако позиция западных государств, в конце концов, оказалась на руку мятежникам, и республика в Испании была уничтожена. 28 марта 1939 г. войска фашистов, среди которых были и итальянские дивизии, захватили Мадрид. Поражение республиканцев в Испании и состоявшийся накануне Мюнхенский сговор продемонстрировали неспособность Версальской системы пресекать действия агрессоров, показали, что над народами СССР и других стран нависла угроза новой мировой войны.

§2

Форсированная модернизация промышленности

Поиск пути развития

В конце 1920-х — 1930-е годы СССР переживал ключевой период своего становления. Достижения страны и последствия утрат тех лет до сих пор являются предметом ожесточенной полемики. И это неслучайно — годы, предшествующие Второй

мировой войне, носили неоднозначный и противоречивый характер. **Общество совершало переход от аграрного к индустриальному типу развития.** В современной историографии этот процесс нередко называют новым для нашей исторической науки термином **«модернизация»**. Переход к индустриальному обществу во все времена и во всех странах сопровождался большими трудностями. В большинстве государств он затягивался на несколько десятилетий, а то и на столетия. В СССР его удалось сократить до полутора десятилетий. Одной из причин такого ускорения была возможность использования мирового опыта. Другой — целенаправленная политика советского государства. Важнейшей основой одержанных страной побед стали подвижничество и героизм миллионов рядовых тружеников нашей страны. В результате модернизационных процессов тех лет сложилась система, основные черты которой сохранялись и определяли дальнейшее развитие СССР как великой державы на протяжении нескольких десятилетий. Иначе говоря, в конце 1920-х — 1930-е годы был осуществлен выбор, который предопределил последующие судьбы не только страны, но и мира вплоть до последнего десятилетия XX в.

В ходе предстоявших обществу социально-экономических преобразований надлежало решить несколько сложных задач. Требовалось не просто увеличить мощности имевшихся в стране сырьевых и промышленных центров, а серьезно преобразовать сам тип экономического развития. Для успеха реформ подобного размаха было необходимо постепенно сместить центр тяжести экономической политики из традиционно ведущего в России аграрного сектора экономики в промышленный. Внутри самой индустрии предполагалось сконцентрировать первостепенное внимание на тяжелой промышленности — в первую очередь горнодобывающей, металлообрабатывающей и машиностроительной отраслях. Без этого, без создания собственных станков, тракторов, электротурбин, без повышения уровня обороноспособности дальнейшее развитие было бы невозможно. Нереальным становилось бы также укрепление позиций страны на международной арене: в 20-е годы XX в. СССР все больше и больше отставал по основным показателям от ведущих мировых держав, и сохранение существовавшего в тот момент положения вещей неизбежно вело страну к потере экономической независимости.

Предстояло решить еще одну непростую задачу. Как известно, до революции и в годы нэпа основной промышленный потенциал концентрировался в европейской части страны: Южной и Северной промышленных зонах, Баку, на Урале.

Крупнейшей промышленной базой оставался Московский промышленный район. Занимая всего 3% территории республики, район давал 25% национального дохода, сосредоточив 30% капиталов, промышленных предприятий и около 40% рабочей силы, причем значительную ее часть составляли кадровые рабочие с дореволюционным стажем. Такое положение ни в коей мере не устраивало тогдашнее партийное руководство. Уже в июне 1925 г. И. Сталин доказывал, что строительство новых заводов в приграничных районах не соответствует геополитическим («географически-стратегическим», как он выражался) потребностям СССР. Экономическая модернизация ориентировалась на освоение новых, «тыловых» областей России, Сибири и Средней Азии. Тем самым решались не только вопросы создания резервных экономических баз на случай войны, но и задачи освоения слабозаселенных территорий.

Первые решения о переходе к политике ускоренного индустриального развития относятся к середине 20-х годов **Съездом индустриализации** становится **XIV съезд ВКП(б)** (18—31 декабря 1925 г.), именно на нем была одобрена **формулировка всей модернизационной стратегии большевиков: СССР из страны, ввозящей машины и оборудование, необходимо превратить в страну, производящую машины и оборудование.** Тот же курс был продолжен и на следующем, XV партсъезде, состоявшемся 2—19 декабря 1927 г., на котором были одобрены общие ориентиры первого пятилетнего плана. Их принятие было связано с острой внутрипартийной борьбой по ключевым вопросам индустриализации: о ее приоритетах, темпах, источниках, методах и т.д.

В нэповское время в стране существовало несколько подходов к политике промышленного переустройства. К концу 1920-х годов в высшем партийном руководстве остались сторонники только двух вариантов дальнейшего развития страны: приверженцы так называемой «генеральной линии» во главе со Сталиным, и обвинявшиеся в «правом уклоне» деятели во главе с Бухариным. И сталинская группа, и правые большевики не связывали перспективы внутреннего развития СССР с подстегиванием мировой революции. Такая позиции резко отделяла правых и центристов от разгромленной левой оппозиции. Но на этом близость их подходов заканчивалась. Группа «правых большевиков» склонялась к так называемому «органическому» варианту модернизации. В своих представлениях о будущем индустриализации Бухарин и его сторонники опирались на взгляды известных экономистов, таких как Н. Кондратьев, В. Громан и А. Чаянов. В их трудах, а также в трудах некото-

рых представителей русской эмиграции социалистического и республиканско-демократического лагеря, допускалась возможность постепенного развития СССР с опорой на рыночные отношения, крепкого хозяина в деревне, широкое кооперативное движение. Они видели венцом такого развития мирное перерождение режима большевиков в обычную демократическую республику, Бухарин, наоборот, рассчитывал на постепенное укрепление социалистического сектора экономики и победу в СССР социализма, но в практической плоскости между ним и экономистами «старой» школы было много общего.

В отличие от Бухарина, Сталин предусматривал ускоренные темпы индустриализации, даже более форсированные, чем ранее предлагали троцкисты. Он объяснял свой выбор внешнеполитической ситуацией. В феврале 1931 г. Сталин заявил: «Задержать темпы — значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми... Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут». По сути, сталинский вариант был невозможен без перекачки средств из деревни в город, административного вторжения в экономику, а так же без подкрепления всех этих мер самыми жесткими формами принуждения к труду (ГУЛАГ). Однако прогноз Сталина оказался реалистичным — если бы к 1941 г. СССР не стал в индустриальном отношении вровень с передовыми странами, противостоять объединенным силам всей Европы у него не оказалось бы ни малейших шансов.

Первый пятилетний план 1928—1933 гг.

Началом поворота на ускоренное развитие СССР становится **1929 г.**, когда на XVI партконференции принимается **первый пятилетний план, рассчитанный на период с октября 1928 г. по сентябрь 1933 г.** Советская печать того времени вслед за Сталиным называла 1929 г. **«годом великого перелома»**. Подготовка заданий первого пятилетнего плана велась несколько лет — с 1923 г. Начиная с 1926 г. Госплан и ВСНХ в атмосфере острых дискуссий вели обсуждение различных вариантов пятилетки. Постепенно чаша весов стала склоняться в пользу сторонников ускоренного варианта развития во главе с крупным экономистом С. Струмилиным, в прошлом меньшевиком. Для обсуждения на XVI партконференции Госпланом СССР было подготовлено два варианта плана — «отправной» и «оптимальный» — показатели которых разнились примерно на 20%. Конференция осудила сторонников правого уклона и

одобрила «оптимальные» задания на первую пятилетку. После утверждения их V съездом Советов СССР в мае 1929 г., первый пятилетний план стал законом, обязательным к исполнению.

Предусматривалось, что за годы первой пятилетки ежегодное производство электроэнергии будет доведено до 22 млрд кВт/ч, угля — до 75 млн т, чугуна — до 10 млн т, стали — до 10 млн т, тракторов — до 53 тыс., автомобилей — до 100 тыс. штук. В целом национальный доход должен был возрасти на 103%, объем промышленной продукции — на 180%, производство средств производства — на 230%, производительность труда в промышленности — на 110%, реальная зарплата рабочих — на 71%. Для осуществления задач пятилетнего плана выделялись огромные по тому времени капитальные вложения — 64,6 млрд руб., из которых 16,4 млрд руб. должно было пойти на совершенствование промышленности и еще 10 млрд руб. — транспорта. Около 75% всех средств, направляемых в промышленность, предназначались для развитии станового хребта индустриализации — тяжелой промышленности.

Оценивая первый пятилетний план, многие историки подчеркивают вклад в его разработку старых опытных экономистов, многие из которых имели еще дореволюционный опыт. Отмечается сбалансированность, научная обоснованность плановых показателей, которые, несмотря на их масштабность, были вполне выполнимы. Другие исследователи, наоборот, обращают внимание на отсутствие опыта долгосрочного планирования, просчеты разработчиков, нереальность заданий. Кто бы ни был прав, жизнь вскоре внесла коррективы в проведение первой пятилетки. Успехи первых месяцев индустриализации породили у советского руководства уверенность в возможности еще более быстрого развития страны, первоначальные расчеты были отброшены, и началось административное подстегивание темпов роста промышленности. Свою роль в повышении первоначально одобренных заданий сыграл и международный фактор, постоянно довлевший над страной. В 1929 г. экономику стран Запада поразил глубочайший за весь межвоенный период экономический кризис. Это, во-первых, резко сокращало возможности нашей страны использовать экспорт из-за рубежа машин и станков, на что делался расчет при составлении планов пятилетки. Приходилось налаживать выпуск необходимого оборудования у себя в стране, пересматривая плановые задания, форсируя развитие базовых отраслей промышленности. Во-вторых, мировой экономический кризис

усиливал военную угрозу, что также заставляло ускорять темпы индустриализации.

В декабре 1929 г. на съезде ударников Сталиным был выдвинут лозунг «Пятилетку в четыре года». Правая оппозиция к этому времени была разбита, и призыв вождя не нашел серьезного сопротивления. Летом 1930 г. на XVI съезде ВКП(б), вошедшем в историю как «съезд развернутого наступления социализма по всему фронту», форсированный вариант индустриализации был закреплен окончательно. В своем выступлении Сталин провозгласил, что к концу пятилетки ежегодное производство чугуна может и должно составлять 17 млн т, тракторов — до 170 тыс. штук, автомобилей — до 200 тыс. штук. Тем самым и без того напряженные задания пятилетки были подняты в среднем в два раза.

Непоследовательность в вопросах экономического строительства привела к перенапряжению сил страны и породила острые негативные явления. Так, в 1932 г. фактический прирост промышленности составил всего 14,7%, тогда как намечалось 32%. Особенно катастрофически упали темпы роста в 1933 г., составив всего 5%. Росла себестоимость промышленной продукции, ее энергоемкость, качество, наоборот, падало. Как результат ошибок в планировании и просчетов в экономике в упадок стала приходить финансовая система страны. В результате потребовалось прекратить финансирование 613 из 1659 основных строящихся объектов. Из-за нехватки ассигнований приходилось сворачивать намеченные планы, в том числе в таких ключевых отраслях промышленности, как металлургия.

Накапливались и другие трудности. От постоянно растущих темпов индустриализации отставала система коммуникаций — узким местом оставались железнодорожный, морской и речной транспорт. Из предусмотренных планом строительства новых транспортных путей была сдана в эксплуатацию только треть, а радикальная модернизация транспорта так и не началась. В народном хозяйстве складывались серьезные диспропорции: легкая промышленность фактически приносилась в жертву тяжелой и стала все сильнее отставать от нее. **Именно в годы «большого скачка» сформировались многие глубокие диспропорции, которые в течение многих десятилетий будут присущи экономике СССР.**

Возникавшие проблемы советское руководство нередко стремилось решать за счет ужесточения дисциплины. В феврале 1931 г. вводятся трудовые книжки для работающих в промышленности. Теперь переход рабочих с одного предпри-

И. Сталин, Н. Ежов и др. на строительстве канала «Москва–Волга»

ятия на другое в поисках лучших условий труда был затруднен. Другой ограничивающей свободу рабочих мерой явился закон от 15 ноября 1932 г., по которому отсутствующий на рабочем месте в течение одного дня мог быть уволен. Вслед за увольнением он терял и все свои права, которые давала работа: на бесплатное жилье, продовольственную карточку и т. д. 4 декабря 1932 г. СНК и ЦК ВКП(б) издают еще одно постановление, направленное на устранение пережитков революционной вольницы в трудовых отношениях: продовольственное снабжение рабочих ставилось в зависимость от соблюдения дисциплинарных норм и отдавалось под контроль дирекции.

Именно в годы первой пятилетки, столкнувшись с экономическими трудностями, советское руководство попыталось найти выход за счет применения принудительного труда заключенных. В апреле 1930 г. выходит постановление, о расширении трудовых лагерей, которые передавались в ведение **Главного управления лагерей** — печально знаменитого ГУЛАГа. Труд заключенных применялся в строительстве, на осушении болот, лесозаготовках и промышленных объектах. Их руками были возведены многие важные объекты народного хозяйства.

Наставники молодых рабочих. 1930-е годы

Вместе с тем, реализация планов пятилетки продолжалась. Миллионы людей были проникнуты атмосферой трудового подвига. В стране разворачивалось социалистическое соревнование, главной формой которого в эти годы являлось ударничество. К третьему году пятилетки в ударных бригадах трудилось не менее миллиона человек. Еще одной формой социалистического соревнования становится встречное планирование, когда трудовые коллективы выдвигали встречные, более высокие обязательства. Встречное планирование базировалось на использовании внутренних резервов производства и породило широкое рационализаторское движение. Для руководства изобретательской и рационализаторской деятельностью в апреле 1931 г. был образован специальный Комитет по изобретательству при СТО СССР. В течение первой пятилетки в него поступило более 40 тыс. заявок на различные изобретения. Экономия в результате внедрения в производство технических новшеств рабочих и инженеров за этот период составила не менее 370 млн руб.

Страна буквально превратилась в единую строительную площадку. Шла реконструкция старых заводов в Москве, Ленинграде, Горьком, на Урале и в Донбассе. Строились новые предприятия. Их оснащали самой совершенной по тем

Бригада метростроевцев В. Федоровой. 1935 г.

временам техникой, на приобретение которой не жалели средств. Проекты многих первенцев советской индустриализации заказывали за границей: в Америке или Германии. Для многих иностранцев, побывавших в те годы в СССР, эти грандиозные стройки социализма казались чудом. Новые проекты советской индустрии часто начинали строиться в голой степи, где не было ни инфраструктуры, ни местной энергетической базы, ничего, но скоро вырастали корпуса новых заводов, плотины электростанций, целые города. Всего в годы первой пятилетки было возведено около 1 500 важных промышленных объектов. Среди них были такие гиганты, как Днепрогэс, Магнитка, Сталинградский и Харьковский тракторные, Московский и Горьковский автомобильные заводы. Открылось движение на Туркестано-Сибирской железной дороге. На Востоке страны была создана новая мощная угольно-металлургическая база — Урало-Кузбасс.

В 1932 г. сталинским руководством было заявлено, что первая пятилетка выполнена досрочно — за 4 года и 3 месяца. В действительности задания по первому пятилетнему плану удалось выполнить всего на 93,7%, но и подобные результаты были в ту пору беспрецедентны в мировой истории. В среднем, объем продукции крупной промышленности в 1932 г. превы-

сил более чем втрое довоенный уровень и больше чем в два раза уровень 1928 г. Ее удельный вес в валовой продукции народного хозяйства достиг 70%. К 1932 г. производство электроэнергии составляло 13,5 млрд кВт/ч, угля — 64,4 млн т, чугуна — 6,2 млн т, стали — 5,9 млн т, тракторов — 49 тыс., автомашин — 24 тыс. штук. Основная цель первой пятилетки — перевести отечественную экономику на рельсы интенсивного индустриального движения, была достигнута. СССР из страны, ввозящей промышленное оборудование, превращался в страну, производящую оборудование. Трудом миллионов людей в стране была создана передовая техническая база, способная обеспечить дальнейшую реконструкцию народного хозяйства с опорой преимущественно на собственные силы.

В годы второго пятилетнего плана

Уроки первой пятилетки заставили советское руководство скорректировать свои подходы к методам индустриализации. Выступая в январе 1933 г. на Пленуме ЦК ВКП(б), Сталин заявил, что больше нет необходимости «подхлестывать и подгонять страну» и следует отказаться от завышенных темпов промышленного переустройства. Второй пятилетний план развития народного хозяйства на 1933—1937 гг. был утвержден на проходившем в январе—феврале 1934 г. XVII съезде ВКП(б), названном «съездом победителей». Заложенные в нем итоговые показатели были существенно выше, чем в первом пятилетнем плане. Производство электроэнергии к концу пятилетки планировалось довести до 38 млрд кВт/ч, чугуна — до 16 млн т, стали — до 17 млн т, нефти и газа — до 46,8 млн т. Предполагалось повысить производительность труда в промышленности на 63%, а себестоимость продукции снизить на 26%. В годы второй пятилетки был продолжен курс создания новых опорных баз индустрии на Востоке страны. В районы Урала, Западной и Восточной Сибири, Средней Азии направлялось до половины всех капиталовложений на новое строительство в тяжелой промышленности.

В то же время плановые задания второй пятилетки носили более сбалансированный характер. Так, среднегодовые темпы прироста промышленной продукции снижались до 16,5% против 30% в первой пятилетке. По сравнению с первой пятилеткой, ощутимо увеличивались средства, направляемые в легкую промышленность, что должно было дать ей возможность развиваться более высокими темпами, чем тяжелая

промышленность (соответственно 18,5 и 14,5% прироста в год), и обеспечить население достаточным количеством товаров народного потребления. В соответствии с этим предусматривались установки на значительный рост жизненного уровня населения. Планировалось, что за счет повышения зарплаты, снижения на 35% розничных цен и других мероприятий уровень потребления в стране поднимется в 2—3 раза.

Изменились методы осуществления политики индустриализации. В отличие от военно-коммунистических методов первой пятилетки, в годы выполнения второго пятилетнего плана происходит определенная реанимация экономических методов управления и стимулирования трудовой деятельности. Упор делается на хозрасчет, хозяйственную самостоятельность предприятий и материальную заинтересованность рабочих в увеличении производства и улучшении его качества. В очередной раз как левацкие были осуждены идеи отмирания денег и вытеснения их прямым продуктообменом и централизованным распределением. С высоких трибун заговорили о необходимости оздоровления финансов и укреплении рубля как основы экономической самостоятельности страны.

На производстве широко проводились эксперименты, призванные совершенствовать систему хозяйственного руководства промышленностью. За многими начинаниями тех лет стоял руководитель ВСНХ, а затем наркомата тяжелой промышленности С. Орджоникидзе [⬇]. Так, в 1934 г. он поддержал предложение представителей Макеевского металлургического

⬇

Георгий (Серго) Константинович Орджоникидзе (1886—1937) *родился в Грузии. Из дворян. По образованию — фельдшер. С 1903 г. — большевик. Начинал революционную деятельность в Грузии и Азербайджане. В 1910—1911 гг. учился в партшколе в Лонжюмо (Франция). С 1912 г. — член ЦК РСДРП(б). Неоднократно арестовывался. В 1915 г. сослан в Якутск, где и встретил Февральскую революцию. Весной 1917 г. — член ревкома, комиссар Комитета общественной безопасности Якутска. С июня 1917 г. находится в Петрограде, выполняя ряд ответственных поручений (являлся связным между ЦК и Лениным, находившимся в подполье). Участник Октябрьского вооруженного восстания, отпора Керенскому — Краснову. С декабря 1917 г. чрезвычайный комиссар на Украине, с весны 1918 г. — с теми же полномочиями переводится на юг России. Сыграл видную роль в борьбе с Деникиным и советизации Северного Кавказа и Закавказья. В 1920—1926 гг. — председатель Кавказского бюро ЦК РКП(б), секретарь Закавказского крайкома партии. В 1926—1930 гг. возглавлял Центральную Контрольную Комиссию и наркомат Рабоче-Крестьянской Инспекции. С декабря 1930 г. — член Политбюро ЦК ВКП(б) и председатель Высшего Совета Народного Хозяйства, с 1932 г. — нарком*

завода, заявивших о готовности перейти на работу без государственных дотаций. Через три месяцы макеевцы доказали свою правоту. Тогда НКТП постановил распространить опыт Макеевского завода на всю тяжелую промышленность, что позволило к концу 1936 г. существенно снизить объемы государственных средств, отпускаемых на развитие отрасли. В 1936 г. опыт экономического регулирования хозяйства был расширен. В соответствии с принятым в этом году законом «О хозрасчетных правах главных управлений» главкам промышленных наркоматов предоставлялось право распоряжаться оборотными средствами, иметь счета в Госбанке, заниматься сбытовой и снабженческой деятельностью.

Новый курс не означал легализации частного капитала, тем не менее мероприятия в сфере государственной промышленности напоминали экономический либерализм 1920-х годов. Политика реформ затронула и простых граждан. Еще в 1931 г. Сталин заявил, что размер оплаты труда должен зависеть от его производительности. В годы второй пятилетки делается ставка на борьбу с «обезличкой» и «уравниловкой». В 1935 г. в промышленности, строительстве и на транспорте внедряется сдельная оплата труда, повышавшая заинтересованность рабочих в увеличении количества и качества выпускаемой продукции. Одновременно был совершен переход на систему дифференциации труда — теперь размер зарплаты увязывался с условиями работы, степенью ее сложности, квалификацией и стажем работников. Возникала система материального стимулирования труда, которая побуждала не только ударников, но и всех рабочих повышать свою квалификацию, ответственнее подходить к порученному делу, бороться за повышение производительности труда. В справке сектора Госплана СССР в 1935 г. по этому поводу отмечалось: «На всех участках народного хозяйства, где применялась прогрессивно-сдельная оплата труда, мы получили громадный хозяйственный эффект, выразившийся прежде всего в огромном росте производитель-

---

тяжелой промышленности. С его деятельностью на этих постах связаны значительные достижения в модернизации промышленности СССР. Обладая жестким характером и отдавая предпочтение суровым административным методам руководства, Орджоникидзе, вместе с тем, пытался оградить работников своего наркомата и хозяйственные кадры от необоснованных преследований, вследствие чего ухудшились его отношения с НКВД и «вождем народов». Официально было объявлено о кончине Орджоникидзе от паралича сердца. По одной из существующих версий, он покончил жизнь самоубийством, впав в депрессию, в литературе встречается и версия о его убийстве.

ности труда... Особенно большой эффект дала прогрессивно-сдельная оплата труда в отраслях тяжелой индустрии, черной и цветной металлургии, каменноугольной, машиностроении и химии».

Предпринятые меры привели к стабилизации экономического положения и улучшению условий жизни. 1 января 1935 г. были отменены карточки на хлеб. Вслед за этим, с 1 октября 1935 г. отменяются карточки на мясные продукты, жиры, сахар, картофель, а с 1 января 1936 г. ликвидируется система карточного распределения и непродовольственных товаров. Потяжелевший, вернувший реальное наполнение рубль становится действенным средством для более глубокого внедрения экономических стимулов. Возрастает и моральный престиж добросовестного труда. Вместо лозунга первой пятилетки «Техника решает все!», в годы второй пятилетки Сталин выдвигает новый: **«Кадры решают все!»** Хороший труд становится престижным. Передовики производства оказываются героями газетных очерков, их портреты украшают «доски почета» у заводских проходных и на центральных улицах городов. Советский патриотизм, стремление помочь Отечеству догнать и перегнать развитые страны мира, доказать, что советский рабочий ни в чем не уступает европейскому или американскому, выступают важными мотивами высокопроизводительного труда.

В этой атмосфере середины 1930-х годов возникает **стахановское движение**, сыгравшее важную роль в выполнении планов второй пятилетки. Имя движению дал донецкий шахтер Алексей Стаханов. Он стал инициатором внедрения на своей шахте бригадной организации труда, когда каждый рабочий специализировался на выполнении только определенного вида работы. Это позволило экономить общее время работы и поднять ее качество. В ночь с 31 августа на 1 сентября 1935 г. Стаханов со своими товарищами установил мировой рекорд, перекрыв дневную норму выработки угля в 14 раз. 19 сентября Стаханов установил еще один рекорд, выдав за смену 207 т угля (при норме 7 т). Подвиг Стаханова и его бригады показал, что едва ли не любой рабочий (Стаханов в то время не был членом партии, вступив в нее 1936 г.) может добиться повышенных результатов.

Стахановский опыт получил всесоюзную известность. В целях его всемерной пропаганды, в 1935 г. ЦК ВКП(б) провел Всесоюзное совещание стахановцев. В том же году Пленум ЦК ВКП(б) обязал все партийные и советские органы на местах оказывать стахановцам всемерную поддержку. Стахановское движение быстро распространялось по всем отраслям промыш-

ленности. Ему нашлось место даже в системе ГУЛАГа. За свой труд стахановцы получали повышенное материальное вознаграждение. Современный американский историк С. Коткин, глубоко проанализировавший историю Магнитки как своеобразную «витрину» сталинской системы 1930-х годов, в целом позитивно оценивает стахановское движение и приводит следующие данные о материальном положении наиболее знатных стахановцев Магнитки: Михаил Зуев за 1936 г. заработал 18 524 руб. (при среднем заработке в 170 руб. в месяц), а вся рабочая семья Зуевых (сам Михаил и его три сына Федор, Василий и Арсений, тоже стахановцы) за год заработала 54 тыс. руб.; вторым после Зуева по уровню зарплаты был оператор блюминга Огородников, заработавший в том же году 17 774 руб.; еще один стахановец Владимир Шевчук в 1935 г. в месяц зарабатывал около 935 руб., а в 1936 г. — 1 169 руб. Стахановцев премировали путевками, мотоциклами, машинами, квартирами, денежные премии иногда достигали 10 000 руб.

Имелись у стахановского движения и свои оборотные стороны. Погоня за рекордами рождала приписки, случалось, что результаты целых бригад выдавались за достижение одного человека, выполнявшего конечную операцию в длинном производственном цикле. Бывали «примеры», когда для достижения отдельного рекорда все ресурсы перебрасывались на узкий участок, что сопровождалось общим отставанием предприятия. Эти и многие другие явления были осуждены в верхах партии уже в 1935 г., но полностью искоренить их не удавалось и позже. Кроме того, стахановское движение имело свои технологические границы. Например, на Магнитке (и не только там) стремление к рекордам упиралось в возможности техники. Игнорирование технических предписаний вело к разрушению дорогостоящего оборудования, а тех кто предупреждал об опасности, объявляли контрреволюционными элементами или маловерами.

Разным было отношение к стахановцам со стороны рабочих. Для привыкших работать по старинке, с ленцой, достижение стахановцами новых, повышенных норм производительности труда оборачивалось необходимостью преодолевать собственную расхлябанность и некомпетентность. Но в целом стахановское движение встретило горячую поддержку со стороны трудящихся. Сочетание моральных и материальных стимулов в стахановском движении существенно расширяло базу социалистического соревнования по сравнению с годами первой пятилетки. Количество стахановцев постоянно возрастало, стахановскими становились целые участки, бригады, цеха. Начинают создаваться т.н. стахановские

школы, где передовики непосредственно на рабочих местах передавали свой опыт другим рабочим. Первая такая школа была создана в 1935 г. на обувной фабрике «Парижская коммуна» стахановцем-орденоносцем С. Якушиным, и вскоре они возникают на многих промышленных предприятиях столицы и других городов. К 1 января 1938 г. стахановцем считался примерно каждый четвертый советский рабочий. Сам Стаханов, а так же его последователи кузнец А. Бусыгин, машинист П. Кривонос, машиностроитель И. Гудов, текстильщицы Евдокия и Мария Виноградовы, метростроевка В. Федорова становятся, по сути, национальными героями и символом своего времени.

Наряду с массовым энтузиазмом и подвижничеством в годы второй пятилетки продолжается использование сферы принудительного труда. К концу форсированной модернизации в местах лишения свободы содержалось 1 668 200 заключенных, труд которых широко применялся при строительстве Беломорско-Балтийского канала, канала Москва—Волга, Магнитки, на других ударных стройках. Кроме того, на принудительных работах использовался труд спецпереселенцев (с 1934 г. их стали называть трудпоселенцами). В 1934 г. в трудпоселки было направлено 255 тыс., в 1935 г. — 246 тыс., в 1936 г. — 165 тыс., в 1937 г. — 128 тыс. человек. Общая численность трудпоселенцев по сравнению с 1931 г., когда она достигала максимума, снизилась почти на 450 тыс. и составила 878 тыс. человек. Условия труда трудпоселенцев и заключенных были невероятно тяжелы, но окрестить его рабским, как это делается в современной публицистике, тоже было бы несправедливо. Лица, проявившие себя с лучшей стороны, могли рассчитывать не только на досрочное освобождение, но и на получение орденов и медалей, высокое материальное вознаграждение, дальнейшую благополучную карьеру. Вместе с тем, непосильная работа, издевательства и бытовая неустроенность вели к большой смертности среди заключенных ГУЛАГа и трудпоселенцев, а принудительный характер труда резко снижал его эффективность.

Итоги второй пятилетки и политики модернизации промышленности

За годы второй пятилетки советская держава сделала большой шаг вперед. Несмотря на то, что планы развития легкой промышленности и роста благосостояния населения в полном объеме выполнить не удалось, результаты второго пятилетнего плана оказались более впечатляющими, чем показатели

первой пятилетки. Стахановское движение позволило увеличить производительность труда не на 63%, как предполагалось по плану, а на 82% против 41% в первой пятилетке. За счет роста производительности труда удалось получить 2/3 всего прироста промышленной продукции. Валовая продукция промышленности выросла в 2,2 раза против двух раз в первой пятилетке, хотя численность рабочих и служащих теперь росла в 4 раза медленнее. В строй вступило 4 500 крупных предприятий. В машиностроении, например, к 1937 г. удельный вес новых либо полностью реконструированных заводов составлял 88,6%, тогда как заводов с преимущественно дореволюционным оборудованием оставалось всего 11,4%. Производство нефти удалось поднять приблизительно в 1,4 раза, угля — в 2 раза, электроэнергии — в 2,7 раза, а производство проката возросло более чем в 3 раза. Одним из важнейших итогов второй пятилетки, по мнению современных историков, были успехи, достигнутые в становлении военно-промышленного комплекса страны, включавшего теперь десятки самых современных заводов по всей стране.

Позитивные сдвиги в развитии отечественной промышленной базы позволили отказаться от экспорта зерна ради покупки машин и промышленного оборудования. Затраты на ввоз черных металлов снизились с 1,4 млрд руб. в первой пятилетке до 88 млн руб. во второй. Импорт станков для машиностроительной промышленности сократился в общем объеме с 66% в 1928 г. до 14% в 1935 г. В целом импорт в годы второй пятилетки машин уменьшился более чем в 10 раз по сравнению с последними годами первой пятилетки, а потребность во ввозе в страну тракторов и автомобилей отпала совсем. В 1936 г. удельный вес импортируемой продукции в общем потреблении страны составил менее одного процента. С 1934 г. СССР уже имел активный внешнеторговый баланс, а задолженность по иностранным кредитам с 6 300 млн руб. в 1931 г. снизилась до 400 млн руб. в 1936 г. Все эти показатели говорили об обретении страной экономической самостоятельности и о высокой результативности выбранного варианта социально-экономического развития.

Индустриализация самым серьезным образом изменила облик советского общества. За годы первых пятилеток СССР из страны, ввозившей станки и машины превратился в страну производящую их. Численность рабочего класса за это время увеличилась примерно на 20 млн человек. Были освоены новые промышленные районы на Востоке страны. В стране возникли целые отрасли, которых не было в царской России:

авиационная, тракторная, электроэнергетическая, химическая и др. По объему продукции страна в результате успехов индустриализации вышла на 1-е место в Европе и на 2-е место в мире. Советский Союз стал одним из государств, способных обходиться без импорта существенно необходимых товаров и самостоятельно производить любой вид продукции, известной в ту пору человечеству, и этот статус сохранялся на протяжении нескольких десятилетий в период всего последующего существования СССР как единого государства.

Форсированная индустриализация негативно отражалась на социальной сфере. Индустриальная дань обернулась для отечественной деревни снижением уровня жизни, нерентабельностью значительного числа колхозов, а для державы в целом — снижением темпов роста сельского хозяйства, возникновением и углублением диспропорций в народном хозяйстве, в развитии промышленности и аграрного сектора, города и села.

Бремя индустриализации несло и городское население, снабжавшееся с 1929 по 1935 г. по карточкам. Фактические нормы продовольственного снабжения были существенно ниже предусмотренных правительством. К примеру, квалифицированным ткачам выдавалось по карточкам: 1 кг крупы, 0,5 кг мяса, 1,5 кг рыбы и 0,8 кг сахара в месяц. Нормы снабжения учительства, медработников, студентов были гораздо ниже. В эти годы развивались такие социальные язвы, как дефицит, блат, привилегии, «черный рынок», несуны, летуны, многочасовые очереди.

Но превозмогая житейские невзгоды, предвоенное поколение советских людей достойно выдержало испытания времени и в рекордно короткие сроки преобразовало индустриальный облик страны, создало могучий военно-промышленный потенциал, который позволил народам нашей страны выдержать сложный исторический экзамен Великой Отечественной войной.

§3

«Революция сверху» в советской деревне

Канун «великого перелома». Чрезвычайщина

Новая экономическая политика, хотя и проводилась в жизнь большевиками весьма непоследовательно, позволила россий-

скому крестьянству в сравнительно сжатые сроки восстановить подорванные двумя войнами (Первой мировой и особенно гражданской), а также революционными потрясениями 1917 г. производительные силы отечественной деревни.

Восстановительный процесс в аграрной сфере в годы нэпа шел безостановочно, но крайне неравномерно: стартовый и очередные рывки 1924/1925 и 1925/1926 хозяйственных годов (тогда они охватывали время с октября одного года по 30 сентября следующего) сменялись периодами замедленного роста, приходящимися на третий и последний годы нэпа. Это было связано с кризисом сбыта 1923 г. и резким перераспределением национального дохода в интересах индустриализации страны на основе решений XIV съезда РКП(б). Для того, чтобы вплотную подойти к уровню сельскохозяйственного производства довоенного времени, стране потребовалось примерно пять лет, что свидетельствует: российское крестьянство успешно использовало скромные возможности нэпа. «Пусть неравноправное, но все же сотрудничество государства и частного хозяйства», по выражению Б. Бруцкуса, лежащее в основе этой политики, состоялось. Крестьянство не только сумело восстановить производственные силы деревни, но и помогло государству вытянуть из трясины глубочайшего кризиса и все народное хозяйство. Оно платило полновесными продуктами питания и сырьем для отечественной промышленности за обесцененные бумажные деньги, приняв на себя основную тяжесть финансовой реформы 1924 г.

Крестьянское хозяйство в который раз доказало способность наращивать трудовые усилия, максимально сокращая собственные потребности для воссоздания элементарных основ экономического быта страны. Теперь не половина бремени госбюджета, как в дореволюционное время, а три четверти его легло на плечи мужика, потерявшего на неэквивалентном обмене с городом 645 млн руб.

Хотя темпы подъема сельского хозяйства в 1922—1925 гг. и выглядели в целом впечатляющими, было бы глубоко ошибочным представлять российскую деревню этого времени как некую «крестьянскую страну Муравию», «крестьянскую Атлантиду», где царили всеобщее равенство, благоденствие, трудовое сотрудничество и где лишь отпетый лодырь и горький пьяница нарушали мирское единение и согласие. А именно такой пытались изобразить жизнь советской деревни 20-х годов некоторые историки и публицисты, писавшие о нэпе в период так называемой «перестройки».

Чтобы предметно оттенить противоречивость социально-экономических процессов, происходивших в отечественной деревне в интересующее нас время, сопоставим его с развитием крестьянской экономики в предреволюционное десятилетие. Общим для потребительского рынка являлось преобладание натурально-потребительского типа крестьянских хозяйств и сильное воздействие на них государства, но принципиально различались условия, в которых эти хозяйства действовали. В предреволюционное время сельское хозяйство развивалось в обстановке смешанной и по-настоящему многоукладной рыночной капиталистической экономики, когда его производство росло бóльшими темпами, чем численность не только деревенского, но и всего населения России. В 20-е годы крестьянскому хозяйству приходилось существовать в рамках переходной ад министративно-рыночной, планово-товарной системы — формально тоже многоукладной, а фактически — двухсекторной экономики, при которой сельскохозяйственное производство не поднялось до прежнего уровня, а темпы его роста отставали от темпов роста как деревенского, так и всего населения страны.

Различия эти определялись тем, что новые условия существования оказались для крестьянского хозяйства сопряженными с большими потерями, нежели обретениями. Средняя прибавка в результате передачи крестьянам частновладельческой земли равнялась, по расчетам Н. Кондратьева, 0,5 дес. на хозяйство и не могла восполнить падение обеспеченности его капиталами, которые в 1925/1926 г. составили 83% от уровня 1913 г., а по стоимости рабочего скота — 66%. В связи с тем, что население в стране росло быстрее, нежели валовые сборы зерна, производство зерна на душу населения сократилось с 584 кг в довоенное время до 484,4 кг — в 1928/1929 г.

Но особенно остро ощущалось падение товарности сельского хозяйства. До войны половина зерна собиралась в помещичьих и кулацких хозяйствах, которые давали 71% товарного, в том числе экспортного зерна. Осереднячивание деревни, происходившее в пореволюционную пору, способствовало тому, что вместо 16 млн довоенных крестьянских хозяйств в 1923 г. насчитывалось 25—26 млн хозяйств. Прежде они (без кулаков и помещиков) производили 50% всего зерна, а потребляли 60%, а теперь (без кулаков) соответственно 85 и 70%. В 1927/1928 г. государство заготовило 630 млн пуд. зерна против довоенных 1 300,6 млн. Но если количества зерна в распоряжении государства теперь было меньше почти вдвое, то экспорт его пришлось сократить в 20 раз.

Выдача продуктов членам сельскохозяйственной коммуны. 1934 г.

Натурализация крестьянского хозяйства являлась глубинной основой хлебозаготовительных кризисов, постоянно угрожавших в ту пору стране. Хлебозаготовительные трудности усугублялись низкими сельскохозяйственными, особенно хлебными, ценами. До Первой мировой войны сельскохозяйственный рубль был равен 90 коп., а в середине 20-х годов — около 50. К тому же производителю хлеба доставалась лишь половина цены; остальное поглощалось разбухшими накладными расходами Внешторга, государственных и кооперативных органов, причастных к делу заготовки и реализации хлеба на внутреннем и внешнем рынке. Значительные потери нес крестьянин и в связи с ухудшением качества приобретаемых в обмен на хлеб и другие сельскохозяйственные продукты товаров, исчезновением импорта и постоянным товарным голодом в деревне, которая, по авторитетному мнению А. Челинцева, недополучала более 70% промтоваров.

Такова была плата российского крестьянства за сравнительно успешное решение страной задач восстановительного периода на пути новой экономической политики.

Новые несравненно более масштабные задачи преодоления хозяйственной отсталости и обеспечения экономической независимости страны потребовали от отечественной деревни

небывалых жертв и лишений. Такой оборот событий не был неожиданным. В общих чертах еще в 1924 г. его предвидел Е. Преображенский, который понимал, что самая сложная проблема возникнет в конце восстановительного периода, в связи с решением вопроса о накоплениях, их источниках. Не строя никаких иллюзий относительно эффективности государственного сектора, а также возможности и целесообразности притока иностранного капитала (а именно, на последний делали тогда ставку многие: и большевики Л. Красин, М. Литвинов, и их единомышленники из плеяды выдающихся русских экономистов: Н. Кондратьев и А. Чаянов), Преображенский рассчитывал главным образом на перекачку средств из «несоциалистического» сектора, представленного крестьянским хозяйством, на эксплуатацию внутренних колоний, на изъятие максимума средств из деревни.

Забегая несколько вперед, следует отметить, что уже в год «великого перелома» стало ясно, что на пути отказа от нэпа гораздо легче и проще решить проблему накопления. В статье «Год великого перелома» И. Сталин торжествующе приводил данные о росте капитальных вложений в крупную промышленность с 1,6 млрд руб. в 1928 г. до 3,4 млрд в 1929 г., т.е. в два с лишним раза. Даже с учетом значительного скрытого роста цен результат казался поразительным. Секрет же этого достижения был прост: его во многом обеспечило преимущественно внеэкономическое, по существу бесплатное изъятие хлеба и других продуктов у крестьян, а также увеличение в 1,5 раза за год вывоза древесины за счет использования на лесозаготовках дарового труда репрессированных и бежавших от непосильных поборов крестьян.

В нэповскую пору насильственные меры изъятия продовольствия у крестьян стали широко применяться впервые в условиях хлебозаготовительного кризиса зимы 1927/1928 г. Формально объектом таких мер объявлялись **кулаки**, задерживающие в целях повышения цен на хлеб продажу его государству. Была дана директива привлекать их к судебной ответственности по статье 107 Уголовного кодекса РСФСР, предусматривающей лишение свободы до 3-х лет с конфискацией всего или части имущества. Как во времена пресловутого «военного коммунизма», чтобы заинтересовать бедноту в борьбе с держателями больших излишков, рекомендовалось 25% конфискованного хлеба распределять среди нее по низким государственным ценам или в порядке долгосрочного кредита.

Позиции кулаков подрывались также усилением налогового обложения, изъятием земельных излишков, принуди-

тельным выкупом тракторов, сложных машин и другими мерами.

Под влиянием такой политики в кулацких хозяйствах начались свертывание производства, распродажа скота и инвентаря, особенно машин, в их семьях усилилось стремление к переселению в города и другие районы. По данным ЦСУ СССР, число кулацких хозяйств по РСФСР сократилось в 1927 г. с 3,9 до 2,2%, в 1929 г. по Украине — с 3,8 до 1,4%.

Однако применение чрезвычайных мер не ограничивалось только хозяйствами кулаков и зажиточных крестьян, оно все сильнее ударяло по среднему крестьянству, а порой и беднякам. Под давлением непосильных заданий по хлебозаготовкам и нажимом специально командированных в зерновые районы секретарей и членов ЦК ВКП(б) — И. Сталина, В. Молотова, А. Микояна и других — местные партийные и государственные органы становились на путь повальных обысков и арестов, у крестьян часто изымали не только запасы, но семенное зерно и даже предметы домашнего скарба. В. Яковенко, в первые годы нэпа работавший наркомом земледелия РСФСР, посетив летом 1928 г. деревни родного ему Канского округа Сибири, писал Сталину, что в результате применения чрезвычайных мер «крестьяне ...ходят точно с перебитой спиной. У мужиков преобладает мнение, что Советская власть не хочет, чтобы мужик сносно жил». Еще более яркую зарисовку положения дел в донских станицах дал М. Шолохов в письме, отправленном 18 июня из Вешенской в Москву. В нем писатель сообщал, что оказался «втянутым в водоворот хлебозаготовок» и рассказывал: «...Вы бы поглядели, что творится у нас и в соседнем Нижневолжском крае. Жмут на кулака, а середняк уже раздавлен. Беднота голодает, имущество, вплоть до самоваров и полостей, продают в Хоперском округе у самого истого середняка, зачастую даже малоимущего. Народ звереет, настроение подавленное, на будущий год посевной клин катастрофически уменьшится. И как следствие умело проведенного нажима на кулака является факт (чудовищный факт!) появления на территории соседнего округа оформившихся политических банд... А что творилось в апреле, в мае! Конфискованный скот гиб на станичных базах, кобылы жеребились, и жеребят пожирали свиньи (скот весь был на одних базах), и все это на глазах у тех, кто ночи недосыпал, ходил и глядел за кобылицами... После этого и давайте говорить о союзе с середняком. Ведь все это проделывалось в отношении середняка».

Письмо было переслано в ЦК, стало известно Сталину. Аналогичная информация поступала к нему и из многих других

районов и источников. Во время заготовок из урожая 1929 г. вакханалия насилия получила еще большее распространение. Северо-Кавказский крайком ВКП(б) 17 июня разослал на места директиву «О мерах по ликвидации кулацкого саботажа хлебозаготовок», в которой предлагал проводить через собрания бедноты и сходы «постановления о выселении из станиц и лишении земельного пая тех кулаков, кои не выполнили раскладки и у коих будут найдены хлебные излишки, спрятанные... или розданные для хранения в другие хозяйства». Отчитываясь о проведении этой кампании, секретарь крайкома А. Андреев в конце года писал Сталину, что на завершение хлебозаготовок в крае были брошены все силы — более 5 тыс. работников краевого и окружного масштаба, оштрафованы и в значительной степени проданы 30—35 тыс. хозяйств, отдано под суд почти 20 тыс. человек, расстреляно около 600. Такой же произвол творился в Сибири, Нижне- и Средневолжском краях, на Украине, Дальнем Востоке, в республиках Средней Азии.

Все это позволяет рассматривать хлебозаготовительную чрезвычайщину 1928 г. и, особенно 1929 г. как прелюдию к развертыванию сплошной коллективизации и массового раскулачивания, а также как своеобразную разведку боем, которую большевистский режим провел прежде, чем решиться на генеральное сражение в борьбе за «новую деревню». Наблюдательные современники-очевидцы тогда же подметили тесную взаимосвязь между названными «ударными» хозяйственно-политическими кампаниями в деревне. Особенностью кампании по коллективизации было то, «что она являлась прямым продолжением кампании по хлебозаготовкам, — подчеркивал в своей рукописи «Сибирь накануне сева» Г. Ушаков (ученик и последователь А. Чаянова), наблюдавший за тем, как начиналась и шла «революция сверху» в западносибирской и уральской деревне. — Почему-то это обстоятельство в должной мере не учитывают. Люди, посланные в районы на хлебозаготовки, механически переключались на ударную работу по коллективизации. Вместе с людьми механически переключались на новую работу и методы хлебозаготовительной кампании. Таким образом вздваивались ошибки и перегибы уже имеющиеся и создавалась почва для новых». Генетическое родство и того и другого явлений схвачено здесь абсолютно верно. К этому следует добавить, что разведка боем, проводимая в течение двух лет кряду, позволила Сталину и его окружению, во-первых, убедиться в том, что деревня, в которой политика классового подхода углубила социально-политическое разме-

жевание, уже не способна также дружно, как это имело место в конце 1920 — начале 1921 г., противостоять радикальной ломке традиционных основ ее хозяйственной жизни и быта, и, во-вторых, проверить готовность своих сил: партийно-государственного аппарата, ОГПУ, Красной армии и молодой советской общественности, погасить разрозненные вспышки крестьянского недовольства действиями власти и ее отдельных агентов. В то же время И. Сталину удалось успешно завершить борьбу с прежними политическими противниками в рядах партии: Л. Троцким, Л. Каменевым, Г. Зиновьевым и их сторонниками, а затем успеть выявить и новых в лице так называемого «правого уклона», создав определенные предпосылки для их последующего идейно-организационного разгрома.

Новый поворот в аграрно-крестьянской политике Советской власти

Новый курс социально-экономической политики Советской власти — так несколько позже охарактеризовал действия большевистского правительства, связанные с осуществлением индустриализации страны и постепенным отходом на этой основе от принципов нэпа, отечественный экономист Н. Кондратьев. Данный курс выражался, с одной стороны, в том, что были определены форсированные темпы развития промышленности, а с другой, в том, что саморазвитие индустрии происходило непропорционально, с обеспечением явных приоритетов производству средств производства в ущерб производства средств потребления. **В поисках необходимых капиталовложений государство встало на путь перераспределения национального дохода страны посредством перекачки значительной его части из деревни в город, из сельского хозяйства в промышленность.**

Однако мелкое крестьянское хозяйство, на котором базировался аграрный сектор российской экономики, ограничивало возможности такой перекачки. Это обстоятельство, а также задачи создания социально-однородного и политически монолитного общества, предопределили ускоренное обобществление крестьянского сельского хозяйства страны. Того же требовали и интересы укрепления обороноспособности страны, особенно если учесть реально растущую угрозу войны. Эти соображения были отражены в докладе сектора обороны Госплана СССР Совету Труда и Обороны страны, посвященном вопросам учета интересов обороны в первом пятилетнем плане. Намечаемое планом существенное увеличение доли

обобществленных крестьянских хозяйств было признано в этом документе социально-экономическим мероприятием, которое всецело отвечало интересам обороны страны. «Не приходится сомневаться, — подчеркивалось в докладе, — что в условиях войны, когда особенно важно сохранение возможностей регулирования, обобществленный сектор будет иметь исключительное значение. Столь же важно наличие крупных производственных единиц, легче поддающихся плановому воздействию, чем многочисленная масса мелких, распыленных крестьянских хозяйств».

Курс на перевод распыленных крестьянских хозяйств на рельсы крупного производства наметил XV съезд ВКП(б), состоявшийся в декабре 1927 г. Одновременно он выдвинул задачу «развивать дальше наступление на кулачество», принять «ряд новых мер, ограничивающих развитие капитализма в деревне и ведущих крестьянское хозяйство по направлению к социализму».

Политика **наступления на кулачество** выразилась в произвольном применении усиленного индивидуального обложения зажиточного крестьянства сельскохозяйственным налогом, а затем и системы твердых заданий по хлебозаготовкам (при невыполнении эти задания увеличивались в несколько раз), принудительном выкупе тракторов и сложных машин, изъятии земельных излишков, резком сокращении, а вскоре и прекращении кредитования и снабжения этого слоя деревни средствами производства.

Печальную память оставила по себе эта политика в отечественной деревне, главным образом, потому, что в накаленной обстановке тех лет ярлык «кулака»—«буржуя» нередко наклеивался на состоятельного, крепкого, пусть и прижимистого хозяина-труженика, способного при нормальных условиях накормить не только себя, но и всю страну.

Во многом произвольное нагнетание борьбы с кулачеством резко возросло с выходом в свет летом 1929 г. Постановления «О нецелесообразности приема кулака в состав колхозов и необходимости систематической работы по очистке колхозов от кулацких элементов, пытающихся разлагать колхозы изнутри». Этим решением и без того уже подвергнутые экономическому и политическому остракизму многие зажиточные семьи были поставлены буквально в безвыходное положение, лишались будущего. При активной поддержке сельчан вроде Игнашки Сопронова, чей собирательный образ талантливо воссоздал на страницах романа «Кануны» Василий Белов, была развязана кампания чистки колхозов от кулаков, причем само

вступление последних в колхозы рассматривалось как уголовное деяние, а созданные с их участием колхозы квалифицировались как лжеколхозы. В сентябре 1929 г. ВЦИК и СНК РСФСР дополнили Уголовный кодекс республики статьями, в которых уголовно наказуемыми деяниями объявлялись как образование таких колхозов, так и содействие в их организации и деятельности.

Но сколь бы ни была значима политика наступления на кулачество, все же основной вектор нового партийно-государственного курса в деревне, как показали дальнейшие события, отражали те решения XV съезда ВКП(б), в которых говорилось о переводе мелкого крестьянского хозяйства на рельсы крупного производства.

На их основе весной 1928 г. Наркомзем и Колхозцентр РСФСР составили проект пятилетнего плана коллективизации крестьянских хозяйств, согласно которому к концу пятилетки, т.е. к 1933 г., предусматривалось вовлечь в колхозы 1,1 млн хозяйств (4% от их общего количества в республике). Летом того же года Союз союзов сельскохозяйственной кооперации эту цифру увеличил до 3 млн хозяйств (12%). А в утвержденном весной 1929 г. пятилетнем плане намечалось коллективизировать уже 4—4,5 млн хозяйств, т.е. 16—18% их общего числа.

Как можно объяснить тот факт, что в течение года цифры плана увеличились в несколько раз, а их окончательный вариант в 4 раза превышал первоначальный?

Во-первых, это связано с тем, что темпы колхозного движения на практике оказались более быстрыми, чем вначале предполагалось: к июню 1929 г. в колхозах насчитывалось уже более миллиона крестьянских хозяйств или примерно столько, сколько первоначально планировалось на конец пятилетки. Во-вторых, руководители партии и государства надеялись ускоренным строительством колхозов и совхозов форсировать решение хлебной проблемы, которая особенно обострилась в 1928—1929 гг.

Со второй половины 1929 г. масштабы и темпы колхозного строительства заметно возросли. Если к лету 1929 г. в колхозах значился примерно 1 млн крестьянских хозяйств, то к октябрю того же года — 1,9 млн; уровень же коллективизации поднялся с 3,9 до 7,6%. Особенно быстро росло число колхозов в основных зерновых районах: Северном Кавказе, Нижне- и Средне-Волжском краях. Здесь число колхозников за 4 месяца 1929 г. (июнь—сентябрь) увеличилось в 2—3 раза.

В конце июля 1929 г. Чкаловский район Средне-Волжского края выступил с инициативой объявить его районом **сплошной коллективизации.** К сентябрю здесь было создано 500 колхозов (461 товарищество по совместной обработке земли, 34 артели и 5 коммун), которые включали 6 441 хозяйство (около 64% общего их числа), обобществлено 131 тыс. га земельных угодий (из 220 тыс. га). Аналогичное движение возникло и в некоторых других районах республики.

Чтобы поддержать это движение, отдел ЦК ВКП(б) по работе в деревне созвал в августе того же года совещание, на котором рассматривался вопрос о коллективизации целых районов. **Идея сплошной коллективизации зерновых районов стала проводиться в жизнь.** В осенние месяцы 1929 г. при краевых, областных и окружных комитетах партии создаются комиссии содействия коллективизации. Деятельность партийно-государственных и хозяйственных организаций и учреждений деревни, политическая работа в массах все в большей мере подчинялись задаче строительства колхозов. С каждым днем усиливалась пропаганда этого дела в печати.

Вслед за Средне-Волжским краем районы сплошной коллективизации стали появляться и в других краях и областях. На Северном Кавказе приступили к сплошной коллективизации почти одновременно семь районов, на Нижней Волге — пять, в Центрально-Черноземной области — тоже пять, в Уральской области — три. Постепенно аналогичное движение распространяется и на отдельные районы потребляющей полосы. Всего в августе 1929 г. на территории РСФСР насчитывалось 24 района, где проводилась сплошная коллективизация. В некоторых из них в колхозах значилось до 50% крестьянских дворов, но в большинстве охват колхозами не превышал 15—20% дворов.

Тогда же на Нижней Волге возник ставший символическим для всей так называемой «революции сверху» почин осуществить сплошную коллективизацию в масштабе целого округа — Хоперского. В конце августа 1929 г. окружной комитет партии решил завершить сплошную коллективизацию в течение пятилетки. Ровно через неделю Колхозцентр республики, рассмотрев представленные Хоперским округом материалы о темпах и условиях развития коллективного движения, счел необходимым «проведение сплошной коллективизации всего округа (осуществить) в течение текущей пятилетки». Спустя два дня правление этого органа создало комиссию для разработки конкретного плана коллективизации, которую возгла-

вил инструктор Колхозцентра Баранов. Почин партаппаратчиков Хопра одобрило бюро Нижне-Волжского крайкома ВКП(б), а Совнарком РСФСР объявил округ опытно-показательным по коллективизации. С 15 сентября в округе проходил месячник по коллективизации. Как и водится, в этот «маяк» было направлено около 400 работников партийных, советских, профсоюзных и кооперативных органов в качестве «толкачей» (так их окрестит позже народная молва). Итогом их усилий было то, что уже к октябрю 27 тыс. дворов (в большинстве своем бедняцко-батрацких) значились в колхозах.

Подобные квази-успехи были достигнуты в основном методами администрирования и насилия. Это вынужден был признать Баранов в письме, оглашенном на ноябрьском 1929 г. Пленуме ЦК ВКП(б): «Местными органами проводится система ударности и кампанейства, — подчеркивалось в названном документе. — Вся работа по организации проходила под лозунгом: “Кто больше”. На местах директивы округа иногда преломлялись в лозунг: “Кто не идет в колхоз, тот враг Советской власти”. Широкой массовой работы не проводилось... Имели место случаи широкого обещания тракторов и кредитов: “Все дадут — идите в колхоз”... Совокупность этих причин дает формально пока 60%, а может быть, пока пишу письмо, и 70% коллективизации. Качественную сторону колхозов мы не изучили... Таким образом, получается сильнейший разрыв между количественным ростом и качественной организацией крупных производств. Если сейчас же не принять мер к укреплению колхозов, дело может себя скомпрометировать. Колхозы начнут разваливаться».

Таким образом, Хоперский полигон сплошной коллективизации воочию продемонстрировал основные недуги деревенской «революции сверху», которые после распространения во всесоюзном масштабе получат из уст Сталина наименование «перегибов» генеральной линии, отнесенных им исключительно в пассив потерявших голову местных партийных, советских и иных активистов.

Хоперский эксперимент для той поры не являлся чем-то из ряда вон выходящим. Аналогичные тенденции, может быть только в менее концентрированном виде, наблюдались и у первопроходцев массовой коллективизации в других, прежде всего, зерновых регионах страны. Северо-Кавказский крайком ВКП(б) еще 19 июня 1929 г. одобрил предложение Северо-Осетинского облисполкома о вовлечении в колхозы к 1931—1932 гг. всех крестьянских хозяйств. К 10 октября в

колхозах области числилось уже более трети хозяйств. Средневолжский облисполком констатировал, что вместо намеченных планом 5,5% к 1 октября уровень коллективизации в области месяцем раньше достиг 7,5%. На Украине к октябрю в колхозах было 10,4% дворов против 5,6% в июне. А в степной части эти показатели были в 1,5 раза выше. Несомненно, здесь, как и в Хоперском округе, колхозы зачастую создавались административным путем.

Эти и другие факты некоторые исследователи характеризуют как гонку коллективизации, которая уже осенью 1929 г. охватила, вместе с зерновыми, потребляющие и национальные районы, гонку, подстегиваемую стремлением Сталина и его ближайшего окружения ускоренными темпами решить не только задачу обобществления крестьянского хозяйства, но и остро стоявшую зерновую проблему. Тут не все так просто. Во-первых, гонка коллективизации развернулась несколько позже, а, во-вторых, ее начальная география историками излишне расширена. Наконец, нет подтверждений столь раннему подстегиванию Сталиным и его сторонниками процесса коллективизации. Но объективности ради добавим, что надлежащих мер по пресечению произвола и насилия в колхозном строительстве ни ЦК, ни правительство до весны 1930 г. не предпринимали. Более того, и позже борьба с левацкими перехлестами велась явно непоследовательно.

Научная и общественно-политическая мысль о путях развития крестьянского хозяйства

Чтобы лучше понять истоки и природу колхозной эйфории, которая вскоре захлестнет все звенья партийно-государственной системы страны, необходимо хотя бы в общих чертах охарактеризовать состояние отечественной общественно-политической мысли по вопросу о судьбах мелкого крестьянского хозяйства в связи с реализацией курса на форсированную индустриализацию. После XV съезда ВКП(б) этот вопрос, давно волновавший многих русских политиков и ученых, по мере того, как колеса большевистского нэпа во второй половине 20-х годов все чаще и чаще пробуксовывали (пока в условиях «чрезвычайщины» 1928—1929 гг. и вовсе не остановились), выдвигается на авансцену социально-экономической и партийно-политической жизни советского общества. В рядах партии сталинской ставке на «революцию сверху» в качестве более безболезненного варианта решения проблемы «социалистической

модернизации» деревни противостояли взгляды лидеров «правого уклона», которые в современной литературе получили название бухаринской альтернативы [⬇].

Бухарин считается одним из последовательных проводников ленинских взглядов на кооперацию, через которую мелкие частные хозяйства, в том числе и зажиточные, будут, как он выражался, «врастать в социализм». Вместе с тем, появились и мнения о том, что он будто бы «разработал свой план кооперативного развития деревни», во многом перекликающийся со статьей В. Ленина «О кооперации» и книгой А. Чаянова о крестьянской кооперации. Думается, что упомянутое суждение некорректно. Ведь если Ленин и Бухарин, в основном, одинаково смотрели на кооперацию, то принципиально иначе понимал ее беспартийный Чаянов.

Во-первых, Чаянов считал естественным, нормальным условием жизни и деятельности кооперации наличие рынка, тогда как Лениным и Бухариным рынок рассматривался в качестве временного явления.

Во-вторых, Ленин и Бухарин мыслили социалистическое кооперирование деревни исключительно в условиях диктатуры пролетариата. Что же касается Чаянова, то он подлинные успехи кооперирования крестьянства напрямую связывал с

⬇

*Основной разработчик ее — **Николай Иванович Бухарин (1888—1938)** — видный деятель большевистской партии и Советского государства, экономист, философ, публицист. Автор работ: «Мировое хозяйство и империализм» (1915), «Экономика переходного периода» (1920), «Теория исторического материализма» (1922), «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз» (1925), «Заметки экономиста» (1928), «Социалистическая реконструкция и борьба за технику» (1931) и др. В. Ленин считал его ценнейшим и крупнейшим теоретиком партии, хотя одновременно подчеркивал, что его теоретические воззрения «очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским».*

Как политический деятель Бухарин проявлял редкую среди большевистских лидеров непоследовательность, граничащую с беспринципностью: в 1917—1920 гг. придерживался крайне левых взглядов, в 1928—1929 гг. перешел на противоположные позиции, возглавив так называемый «правый уклон» в ВКП(б). После поражения от Сталина и его команды, в 1930—1936 гг. стал восхвалять «вождя народов» и определяемую им «генеральную линию» партии. В некоторых зарубежных и отечественных работах по истории русского политического масонства (Б. Николаевского, Н. Берберовой, В. Брачева, О. Платонова) встречаются косвенные сведения о причастности Н. Бухарина к этому движению. А западный исследователь идеологии национал-большевизма М. Агурский обоснованно полагает, что Бухарин «испытывал подлинную ненависть к русскому прошлому и, пожалуй, из всех лидеров большевистской партии наибольшим образом олицетворял антинациональные идеи раннего большевизма». В 1937 г. был репрессирован. Реабилитирован в 1988 г.

демократическим режимом, который должен прийти на смену диктаторским, большевистским порядкам.

Большевистские адепты от науки обвиняли Чаянова в неонароднической идеализации индивидуального крестьянского хозяйства, в стремлении увековечить его. Отметая эти наветы, ученый в своей работе «Оптимальные размеры сельскохозяйственных предприятий» (1924) писал: «По нашему глубокому убеждению идеальным аппаратом сельскохозяйственного производства является совсем не крупная латифундия и не индивидуальное хозяйство, а новый тип хозяйственной организации, в которой организационный план расщеплен на ряд звеньев, каждое из которых организовано в тех размерах, которые являются оптимальными для него. Говоря иначе, идеальным нами мыслится крестьянское семейное хозяйство, которое выделило из своего организационного плана все те его звенья, в которых крупная форма производства имеет несомненное преимущество над мелкой и организовало их на разные ступени крупности в кооперативы» [⬇].

Таким образом, рядом с крестьянским хозяйством возникало и отчасти заменяло его «крупное коллективное пред-

⬇

Александр Васильевич Чаянов (1888—1937) *был талантливым теоретиком и практиком, блестящим ученым-агрономом, педагогом, литератором-фантастом, искусствоведом-коллекционером, общественным и государственным деятелем. Его перу принадлежат следующие основные научные труды: «Очерки по теории трудового хозяйства» (1912—1913), «Что такое аграрный вопрос?» (1917), «Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации» (1918), «Организация крестьянского хозяйства» (1925), «Бюджетные исследования. История и методы» (1929), а также шесть повестей (в их числе «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии»), оцениваемые литературоведами как «русская гофманиада».*

Чаянов преподавал в Петровской (ныне Тимирязевской) сельскохозяйственной академии, Народном университете им. А.Л. Шанявского, Кооперативном институте и других учебных заведениях. В последнем кабинете Временного правительства был товарищем министра земледелия, участвовал в работе Главного земельного комитета и Лиги аграрных реформ. Научные труды Александра Васильевича посвящены вопросам теории трудового крестьянского хозяйства, сельскохозяйственной кооперации и общественной агрономии. Он один из создателей организационно-производственной школы отечественной экономической мысли. С 1919 г. был бессменным директором основанного им при Петровской сельскохозяйственной академии Научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономии. Работал также в дореволюционных и советских хозяйственных органах — представителем кооперации в Министерстве земледелия (1916), состоял членом Коллегии и членом кооперативного комитета Наркомзема РСФСР (1921—1922). В 1930 г. арестован по делу ЦК Трудовой крестьянской партии, с 1934 г. находился в ссылке в Алма-Ате, после повторного ареста — расстрелян. Реабилитирован посмертно.

приятие кооперативного типа». Оно обретало возможность использовать преимущества крупного производства там, где такие преимущества действительно существовали. Одновременно с повышением производительности труда и поднятием агрикультурного уровня решались бы и сложные социальные проблемы, поскольку кооперирование должно было охватить и помочь окрепнуть всем слоям деревни.

Такая «кооперативная коллективизация» мыслилась профессором Чаяновым и его коллегами по организационно-производственному направлению в отечественной аграрной науке (А. Челинцевым, Н. Макаровым, А. Рыбниковым и др.) как осуществляемая исключительно на самодеятельной, добровольной и сугубо хозяйственной основе. Это, по словам ученого, изначально должно было обеспечить ей свойства подлинной «самоколлективизации».

По сравнению со сталинской насильственной ломкой самостоятельного крестьянского хозяйства, обернувшейся трагедией для нескольких сотен тысяч семей раскулаченных и гибелью еще большего количества населения от голода 1932—1933 гг., а также падением производительных сил деревни, реализация чаяновского варианта модернизации села означала бы безболезненную, эволюционного типа перестройку аграрного сектора страны.

Но задачи крупномасштабной перекачки материальных и трудовых ресурсов из деревни в город в целях индустриального скачка, который страна совершила в 30-е годы, этот путь не гарантировал. Более того, при существующем политическом режиме он был попросту неосуществим. И сам ученый, и его единомышленники хорошо сознавали это. Вот почему их надежды и практические действия были направлены на то, чтобы, используя свое положение «спецов» при соответствующих советских наркоматах и учреждениях, попытаться повторить тактику «обволакивания», которую так удачно реализовала кадетско-прогрессистская оппозиция по отношению к царскому самодержавию, прежде чем свалить его в феврале 1917 г. С соответствующими предложениями в кругу своих соратников по кооперативной работе А. Чаянов выступал еще в годы Гражданской войны.

«Нэповский экономический Брест большевизма», как обычно называл реформистскую линию советского руководства теоретик сменовеховства Н. Устрялов, придал ученому еще большую уверенность в том, что тактика «обволакивания» гораздо действеннее, нежели открытая конфронтация оппозиционно настроенных слоев интеллигенции с коммунистической властью. Существо

своих политических раздумий Чаянов изложил в письме родственнице по второй жене — эмигрантке и видной деятельнице российского политического масонства Е. Кусковой, в письме, написанном в период службы ученого в системе Наркомзема РСФСР и других советских учреждениях. К концессиям Запада для их получателей автор письма советовал добиваться политических гарантий, которые могут заключаться в том, что «один за одним в состав советской власти будут входить... несоветские люди, но работающие с советами». «Как все это практически осуществить? — спрашивал он и отвечал: — Надо договориться самим, т.е. всем, кто понимает, что делается в России, кто способен принять новую Россию. Надо частное воздействие на западно-европейских политических деятелей — необходим с ними сговор и некий общий фронт». Тактику «обволакивания» он связывал с интервенцией, но не военной, а экономической. «Мне представляется неизбежным, — разъяснял он адресату, — и в будущем проникновение в Россию иностранного капитала. Сами мы не выползем. Эта интервенция... идет и теперь в наиболее разорительных для России формах. Эта интервенция усилится, так как при денежном хозяйстве в России давление Запада будет всегда более реальным. Ведь если будет на Западе котироваться червонец, то любой солидный банк может получить концессию — стоит пригрозить и напугать. Это куда страшнее Врангеля и всяких военных походов!»

Эти соображения Чаянова, по существу, предвосхитили программные установки так называемой Трудовой крестьянской партии (ТКП), которые изложили на допросах по делу ЦК ТКП Н. Кондратьев, А. Чаянов и другие арестованные летом 1930 г. ученые-аграрники [⬇]. Эти соображения Чаянова, по сущест-

---

Николай Дмитриевич Кондратьев (1892—1938) *— крупнейший отечественный ученый-экономист, которому принадлежат выдающиеся достижения в области макроэкономического моделирования, теории конъюнктуры и экономической динамики. Родился и вырос в крестьянской семье. 13-летним подростком вступил в эсеровскую партию, дважды подвергался арестам. В 1915 г. окончил Петроградский университет, где его учителями были экономист М. Туган-Барановский, историк А. Лаппо-Данилевский, социолог М. Ковалевский. До революции 1917 г. руководил статистико-экономическим отделом Союза земств. Принимал участие в работе Главного земельного комитета и Лиги аграрных реформ, был секретарем министра-председателя А. Керенского по делам сельского хозяйства. В последнем составе Временного правительства — товарищ министра продовольствия. После Октябрьской революции активно боролся с большевиками, принимал участие в подпольных заседаниях Временного правительс-*

ву, предвосхитили программные установки так называемой Трудовой крестьянской партии (ТКП), которые изложили на допросах по делу ЦК ТКП Н. Кондратьев, А. Чаянов и другие арестованные летом 1930 г. ученые-аграрники, хотя ни программы, ни Устава, формально принятых этой организацией, ТКП не имела.

Сталин и его окружение истолковали показания арестованных по делу ЦК ТКП как подтверждение существования такой антибольшевистской организации и обоснование начала политической расправы над ними.

Конечно, Сталин в ту пору не мог знать содержания писем Чаянова к Кусковой, поскольку они попали в наши архивы только после Второй мировой войны. Но как показывает его переписка с В. Молотовым, по протоколам допросов арестованных ученых кремлевский вождь по достоинству оценил опасность политических воззрений Чаянова и его единомышленников для большевистского режима. Особо его тревожило то обстоятельство, что тактика ТКП предполагала блокирование с правым крылом ВКП(б) «при переходе к нему власти, ибо этот блок рассматривался как этап к осуществлению демократического принципа». Буквально через день после того как Н. Кондратьев сделал это признание, Сталин напишет Молотову: «Не сомневаюсь, что вскроется прямая связь (через Сокольникова и Теодоровича) между этими господами и правыми (Бухарин, Рыков, Томский)». И хотя Кондратьев и его товарищи такую связь отрицали, есть основания полагать, что она существовала. Недаром один из депортированных большевиками за границу экономистов — Б. Бруцкус — в письме

→ *тва, в годы Гражданской войны являлся членом антибольшевистского «Союза Возрождения». Подвергался преследованиям ВЧК и ОГПУ. С 1920 г. вместе с А. Чаяновым, А. Рыбниковым, Л. Литошенко сотрудничает в Наркомземе, а также Наркомфине. В 1920—1928 гг. возглавлял Конъюнктурный институт, приобретший международную известность.*

Его основные научные труды: «Аграрный вопрос о земле и земельных порядках» (1917); «Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции» (1922); «Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны» (1922); «Большие циклы конъюнктуры» (1925); «Современное состояние народнохозяйственной конъюнктуры в свете взаимоотношений индустрии и сельского хозяйства» (1926). Преподавал в институте им. Шанявского и Тимирязевской сельскохозяйственной академии. Совместно с Н. Огановским подготовил перспективный план развития сельского хозяйства страны на 5 лет. В 1930 г. арестован по обвинению в принадлежности к ЦК Трудовой крестьянской партии. В Бутырской тюрьме написал одну из фундаментальных работ — «Основные проблемы экономической статистики и динамики» (издана в 1991 г.). В 1938 г. повторно репрессирован и расстрелян. Полностью реабилитирован в 1987 г.

Е. Кусковой, которая в ту пору организовывала кампанию протеста западной интеллигенции в защиту Кондратьева, Чаянова и их друзей, сообщал, что «нашим узникам худшее не грозит...», потому что «правая оппозиция скоро победит Сталина и их тогда освободят». Знаменательно и осторожное признание другого нашего эмигранта Б. Николаевского в том, что оппозиционно настроенные специалисты-ученые, будучи сотрудниками Госплана, Наркомзема, Наркомфина и других советских ведомств, стремились углублять нэповский курс, распространив его принципы на политическую надстройку государства, на органы власти и работать «над демократической ликвидацией большевизма».

Между Кондратьевым, Чаяновым и их коллегами, с одной стороны, и лидерами «правого уклона», с другой — была если не организационная связь, то, по крайней мере, идейно-политическая перекличка. И те и другие отстаивали эволюционный путь развития крестьянского хозяйства с постепенным охватом его всеми видами кооперации. Правда, Бухарин и его сторонники не мыслили этого эволюционного развития без коммунистической монополии на власть, заявляя, что при диктатуре пролетариата «может быть и две, и три, и четыре партии, но только при одном условии: одна партия будет у власти, а остальные в тюрьме». Более того, в отдельных вопросах аграрно-крестьянского курса «правые» стояли за усиление так называемого классового подхода. Известно, что Бухарин едва ли не первым среди членов Политбюро ЦК почти за полтора месяца до XV партсъезда выдвинул лозунги **«Усилить нажим на капиталистические элементы... перейти к форсированному наступлению на кулака».**

Тем не менее в дальнейшем, по мере того, как возрастал накал борьбы за власть внутри большевистских верхов, Кондратьев, Чаянов и другие выдающиеся ученые становятся своеобразным источником идей экономической политики для лидеров правой оппозиции, источником фактических систематизированных и проанализированных данных, которые служили аргументацией для таких идей. Вряд ли Кондратьев сильно грешил против истины, когда на допросе 4 октября 1930 г. говорил о том, что идеологическое воздействие на лидеров правых он и его единомышленники оказывали посредством личных бесед, выступлений на заседаниях, изготовления по просьбе того или иного партийного работника специальных докладных записок, справок и т.п. «Таковы например, — конкретизировал ученый, — мои записки и доклады, записки и доклады проф. Юровского и др. В результате всего этого ряд идей экономи-

ческой политики, таких как идея положительной оценки рыночных методов воздействия на сельское хозяйство, значения развития сельского хозяйства и, в частности, индивидуального сельского хозяйства для роста всего народного хозяйства и для экспорта, идея ослабления материального бремени, лежащего на сельском хозяйстве, идея равновесия народного хозяйства и умеренности, реальности темпов индустриализации, мобильности капитальных вложений и т.д. постепенно стали общими как для правого крыла ВКП(б), так и для ТКП». Однако и тут он счел необходимым оговорить, что «указанные взаимоотношения (между) ТКП и правым уклоном ВКП(б) были все же лишены организационной оформленности, совершались в порядке личных связей и для правых коммунистов существование ТКП оставалось неизвестным».

Организационная разобщенность оппонентов была на руку Сталину и его окружению. Используя ее, они не только расправлялись с ними порознь, но иногда прибегали к шельмованию одних политических противников устами других. Так, кампанию идейного глумления над Н. Кондратьевым, А. Чаяновым и др. начал на исходе 1927 г. один из вождей «новой оппозиции», а затем троцкистско-зиновьевского блока — Г. Зиновьев, назвавший их «сменовеховцами» и «внутренними устряловцами». А в следующем году с трибуны апрельского Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) Кондратьева и его сторонников громил сам лидер «правого уклона» Н. Бухарин, усмотревший в рекомендациях ученых относительно сбалансированного развития промышленности и сельского хозяйства страны «решительный сдвиг от индустриализации в сторону окулачивания страны».

С легкой руки современных западных исследователей (М. Левина, С. Коэна, Т. Шанина, Г. Хантера, Я. Ширнера и др.) в отечественной литературе по истории коллективизации как чаяновский, так и бухаринский варианты решения проблемы модернизации крестьянского хозяйства нашей страны стало популярным возводить в ранг якобы реально существовавших альтернатив сталинской «революции сверху» в советской деревне.

Однако ни оригинальные, базирующиеся на обобщении дореволюционного опыта эволюции крестьянского хозяйства, а также места и роли в этой эволюции кооперации, идеи А. Чаянова, ни тем более эклектические суждения Н. Бухарина и его сторонников сколько-нибудь веских шансов на осуществление в конкретных условиях СССР конца 20—30-х годов почти не имели.

Поражение Бухарина и его группы было предопределено не только контролем Сталина над мощным партийно-государственным аппаратом, но и большей заманчивостью сталинских установок

«форсированного скачка» для партийных низов, части рабочих, а также бедных и некоторой части средних крестьян, для формирующейся в те годы новой советской интеллигенции, которой старые «спецы» представлялись помехой в их карьере. Идея «подхлестнуть клячу истории» находила отклик у многих истинных патриотов, увидевших в ней путь превращения России, пусть и большевистской, в великую мировую державу. Что касается идей А. Чаянова и Н. Кондратьева, то сфера их реального общественно-политического воздействия на те или иные слои населения страны была еще более ограниченной, чем у бухаринцев и других антисталинских группировок внутри большевистской партии. Организационно-политические возможности этих выдающихся ученых и их сподвижников были, судя по всему, не намного шире, чем у «Лиги объективных наблюдателей», о существовании и платформе которой позже поведал Н. Валентинов, ставший в конце 20-х годов «невозвращенцем».

Примерно ту же картину идейно-политических взаимоотношений между оппонентами так называемой сталинской генеральной линии ВКП(б) как внутри большевистской партии, так и за ее пределами хорошо показывают материалы следственных дел, в особенности протоколы допросов тех крупных специалистов-экономистов и общественно-политических деятелей, которые проходили в начале 1930-х годов по делам меньшевистского и эсеровского подполья, Промпартии и Трудовой крестьянской партии, кооператоров и других оппозиционных группировок, складывавшихся среди представителей научно-технической интеллигенции, которые работали в качестве видных сотрудников советских государственных народно-хозяйственных ведомств: Госплана, Наркомфина, Наркомзема, Наркомвнешторга и др.

Сведения о существовании в СССР подпольной «Лиги объективных наблюдателей», сообщенные Н. Валентиновым, очень интересны и важны для исследователей советской межвоенной эпохи. Прежде всего, этот факт свидетельствует о том, что антибольшевистские подпольные организации в СССР в самом деле существовали. Но особенно показательно здесь то, что при всей шумихе, поднятой вокруг дела Союзного бюро меньшевиков и заслуг «славных чекистов», выявивших эту подпольную антибольшевистскую организацию, никаких даже намеков на существование «Лиги объективных наблюдателей», являвшейся прямой предшественницей Союзного бюро меньшевиков, ни советские спецслужбы, ни сам открытый судебный процесс 3–9 марта 1931 г. не выявили. Это было именно так, хотя в архиве спецслужб и сохранился своеобраз-

ный манифест «Лиги объективных наблюдателей», авторами которого, как стало известно только после публикации его в наши дни, являлись упоминаемые Н. Валентиновым Букшпан и Кафенгауз – члены Лиги, репрессированные в связи с делом Союзного бюро меньшевиков.

Сопоставление всех этих фактов убеждает в том, что версия тех историков, которые считают протоколы допросов арестованных и показания осужденных по делу Союзного бюро меньшевиков (как, впрочем, и по делам Промпартии и ЦК ТКП) результатами самооговоров, выбиваемых заплечных дел мастерами, вроде Я. Агранова и его подчиненных, из уст своих жертв, является, по меньшей мере, несостоятельной. Во-первых, подпольные антибольшевистские организации в самом деле существовали (другой вопрос, что они были малочисленны, а их деятельность ограничивалась, чаще всего, «разговорами за столом»). Во-вторых, зачем следователям ОГПУ нужно было прибегать к грубому насилию над арестованными, когда они располагали подробной информацией секретных сотрудников («сексотов»), позволявшей без особых усилий добиваться доподлинных признаний от лиц, находящихся под следствием.

Учитывая столь большое значение сексотовской информации для результатов следствия и характера обвинений, предъявляемых арестованным, можно предположить, почему «Лига объективных наблюдателей» осталась тайной, «покрытой сплошным мраком» и для чекистов, и для тех, кто вершил суд над обвиняемыми. Скорее всего, этот подпольный кружок имел очень узкий состав (8–9 человек) и был так хорошо законспирирован, что служба сыска ОГПУ не сумела его выследить и тем более внедрить в него своего сексота. В свою очередь, даже находясь под арестом, обвиняемые в подпольной антисоветской деятельности не хотели давать следователям и судьям лишней информации против самих себя, потому и ничего не сообщили о существовании «Лиги объективных наблюдателей».

Так бы и осталась эта организация неведомой для советских спецслужб (и, добавим, для современных историков), если бы одному из ее участников, Н. Валентинову-Вольскому, не удалось своевременно выехать заграницу и там, спустя примерно четверть века, подробно рассказать о ее существовании в своих книгах.

В современной исторической литературе преобладает мнение, что вся информация, содержащаяся в следственных материалах по названным делам, либо фальсифицирована сотрудниками ОГПУ, проводившими дознание, либо является плодом их

воображения. Но достаточно провести сопоставление ставших доступными извлечений из дел не только упомянутых выше ученых-аграрников, но и других таких специалистов, как Н. Некрасов, В. Громан, Н. Суханов и др., еще недавно бывших активистов политических партий, которые открыто выступали против большевистского режима, с документами, объективность которых несомненна, чтобы установить: показания допрашиваемых не были от начала до конца самооговорами, а представляли собой хотя и противоречивый, но в то же время существенный исторический источник, степень достоверности которого определить вполне возможно.

Вот что, к примеру, доверительно сообщал вскоре после открытого судебного процесса над бывшими меньшевиками, состоявшегося в марте 1931 г., своей старой знакомой Е. Кусковой тот же Н. Валентинов, знавший существо этого дела как недавний его активный участник, заблаговременно уехавший из страны и только потому избежавший ареста и суда. «То, что произошло с Громаном и другими, до сих пор не дает мне покоя. Во время этого процесса я абсолютно спать не мог — дошел до такой точки, что прямо хоть отправляйте в психиатрическую больницу. Ведь до моего отъезда за границу — в самом начале декабря 1928 г. все эти "заседания" происходили у меня! Ведь всех этих людей я постоянно видел, знал, что они думают, и вдруг... Покаяние с таким унижением... Ужас в том, что очень большое количество лиц вело себя на допросах более чем скверно, но ужаснее то, что вся среда будущих арестованных уже с начала 1927 г. кишела тайными сотрудниками ГПУ. Только здесь, например, я узнал, что один очень милый профессор, который часто приходил ко мне в редакцию и с которым я не стесняясь болтал, как и другие, просто "сексот" — секретный сотрудник. Среди моих знакомых абсолютно нет ни одного, кто не был бы арестован: от Букшлана до Кафенгауза — все».

Есть все основания полагать, что и так называемый Центральный комитет ТКП был нашпигован «сексотами» ОГПУ ничуть не в меньшей степени, чем Союзное бюро меньшевиков, которое, как признавали почти все арестованные, находилось в политическом блоке с ним.

По всей вероятности лишь благодаря игре воображения обер-чекиста Я. Агранова (Сорензона) и его подручных, а также их неуемному желанию угодить «вождю народов», который, как показывает вся его переписка с В. Молотовым, придавал делу ТПК особое значение, подпольный политический кружок, состоявший из 2—3 десятков единомышленников-ученых,

превратился в якобы массовую Трудовую крестьянскую партию, насчитывавшую едва ли не 200 тыс. членов. Не случайно, что большие надежды на реализацию своих идей руководство этого кружка связывало с возможной, на его взгляд, победой «правого уклона» в ВКП(б) и потому было готово к блокированию с последним.

Все сказанное свидетельствует о том, что при наличии в теории иных методов и темпов решения аграрной модернизации, реальных альтернатив сталинской «революции сверху» в ту пору в нашем обществе не имелось.

Форсирование сплошной коллективизации

Форсированный характер колхозное строительство в целом по стране приобретает в последние два месяца 1929 и в первые месяцы 1930 г. В немалой степени этому способствовала опубликованная в «Правде» 7 ноября 1929 г. статья И. Сталина «Год великого перелома». Выдавая желаемое за действительное, в ней утверждалось, что партии «удалось **повернуть** основные массы крестьянства... к новому, **социалистическому** пути развития; удалось организовать "**коренной перелом** в недрах самого крестьянства и повести за собой широкие массы бедноты и середняков"».

На деле все обстояло иначе. И по СССР в целом, и в рамках РСФСР перелом в сознании большинства крестьянства не только не совершился, но даже и не обозначился. Ведь на 1 октября 1929 г. в колхозах Союза и Российской Федерации значилось соответственно 7,6 и 7,4% общей численности крестьянских дворов. Однако весь тон статьи Сталина ориентировал партийцев на всемерное ускорение темпов коллективизации и оказал прямое воздействие на ход и решения начавшегося через три дня ноябрьского (1929) Пленума ЦК ВКП(б). В докладе председателя правления Колхозцентра об итогах и задачах колхозного строительства участникам Пленума было заявлено, что колхозное движение «получает такой разгон, влияние колхозов... на индивидуальное хозяйство так возрастает, что переход на коллективные рельсы остальной массы крестьян явится вопросом месяцев, а не лет».

Не ограничиваясь тем, что партия систематически подпитывала колхозное движение своими кадрами, Пленум решил направить в деревню не менее 25 тыс. индустриальных рабочих с организационно-политическим опытом работы. Эта мера была призвана ускорить коллективизацию. Исходя из того, что колхозное движение стало перерастать рамки

республик и уже вызвало появление таких всесоюзных организаций, как Колхозцентр, Трактороцентр, Зернотрест и другие, было решено создать Общесоюзный Наркомат земледелия, на который в качестве важнейшей задачи возлагалось руководство строительством крупного общественного сельского хозяйства.

Рассматривая кулака как основную классовую силу, заинтересованную в срыве этого строительства, Пленум потребовал усилить борьбу против капиталистических элементов деревни, развивать решительное наступление на кулака, пресекать его попытки пролезть в колхозы. И хотя в его решениях не было прямых указаний о применении административно-репрессивных мер в целях ликвидации кулачества, опыт чрезвычайщины 1928—1929 гг. и весь ход обсуждения вопроса на Пленуме вплотную подводили к этому.

Такая последовательность событий не была случайной. Переход к политике сплошной коллективизации под лозунгом «Даешь бешенные темпы» ставил вопрос о судьбе не отдельных кулацких хозяйств, а в целом о кулачестве. **Форсирование коллективизации означало развертывание раскулачивания, т.е. насильственного лишения кулаков средств производства, построек и т.п.** И то и другое навязывалось под сильнейшим нажимом сверху. В представлении Сталина и его окружения, цель здесь оправдывала средства. Они понимали, что иначе невозможно ни сломить нежелание среднего крестьянства идти в колхоз (решить ближайшую свою задачу — ускорить формальное обобществление крестьянского хозяйства), ни, тем более добиться переделки «в духе социализма» «собственнической» психологии мужика и тем самым обобществить сельское хозяйство на деле (т.е. осуществить главную и едва ли не самую трудную задачу долговременной политики партии в деревне).

Сильной помехой на пути решения обеих проблем являлась хозяйственная верхушка деревни — кулаки. И дело не только в том, что кулаки оказывали всяческое сопротивление колхозному строительству. Главное, что они олицетворяли для большинства деревенских тружеников жизненный идеал самостоятельного хозяйствования, а также имущественного и иного достатка и тем сводили на нет большевистскую пропаганду преимуществ коллективной системы ведения хозяйства. Вот почему с переходом к массовой коллективизации участь кулацкого слоя была предрешена. Сознавая это, наиболее дальновидные его представители спешили «самораскулачиться» и переселиться в города, на стройки.

В конце декабря 1929 г. в выступлении на конференции аграрников-марксистов И. Сталин, опережая появление официальных партийно-правительственных документов по этому вопросу, заявил, что в политике партии и государства совершился «один из решающих поворотов»: «...от политики **ограничения** эксплуататорских тенденций кулачества к политике **ликвидации** кулачества как класса». Смысл новой политики вождь видел в том, чтобы «сломить кулачество», «ударить по кулачеству... так, чтобы оно не могло больше подняться на ноги...»

Однако и после провозглашения этой политики вопрос, как проводить раскулачивание и что делать с раскулаченными, оставался нерешенным. Постановление ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», подготовленное комиссией под председательством Я. Яковлева и лично отредактированное Сталиным, не внесло в этот вопрос должной ясности, ограничившись подтверждением «недопустимости приема кулаков и колхозы». Этот документ устанавливал жесткие сроки завершения коллективизации: для Северного Кавказа, Нижней и Средней Волги — осень 1930 г. или «во всяком случае» весна 1931 г., для остальных зерновых районов — осень 1931 г. или «во всяком случае» — весна 1932 г. Хотя для остальных районов страны указывалось, что «в пределах пятилетия... мы сможем решить задачу коллективизации огромного большинства крестьянских хозяйств»; такая формулировка ориентировала на завершение, в основном, коллективизации в 1933 г., когда кончалась первая пятилетка.

Основной формой колхозного строительства постановление признало сельскохозяйственную артель. Разъяснения о степени обобществления средств производства из проекта этого документа Сталин при редактировании текста вычеркнул, в результате у низовых работников не было ясности по этому очень важному вопросу. При этом сельскохозяйственная артель истолковывалась в постановлении «как переходная к коммуне форма хозяйства», что ориентировало коллективизаторов на местах на усиление обобществления средств производства крестьянских хозяйств и говорило о нежелании партийных верхов считаться с интересами крестьянства, о недооценке силы привязанности мужика к своему хозяйству.

После принятия постановления ЦК нажим из центра возрос, партийная и советская печать, не ведая устали, трубила об ускорении темпов коллективизации, поощряя соревнование в

этом деле. «Правда» в передовой статье 3 февраля 1930 г. писала: «Последняя наметка коллективизации — 75 процентов бедняцко-середняцких хозяйств в течение 1930/1931 г. — не является максимальной». А неделю спустя на ее страницах был опубликован сталинский «Ответ товарищам свердловцам», содержавший указание «усилить работу по коллективизации в районах без сплошной коллективизации».

Диктат сверху, постоянная угроза быть обвиненными в причастности к «правым уклонистам» из-за недостаточно решительных действий толкали местных работников на администрирование, применение насилия к крестьянам, не желающим вступать в колхозы. Типичную картину произвола, что творился на ниве колхозного строительства зимой 1930 г. в масштабах всей страны, воспроизвел на материалах Урала и Сибири Г. Ушаков. «Изо всех областей больше всех изумляла своими колхозными "успехами" Уральская область, — писал он. — Как на дрожжах вырастали проценты. Подпирали проценты "большевистскую" цифру — "**сто**" и карту области заливали работы сплошняка. Коммуны в целый район, в несколько районов уже не удовлетворяли зарвавшихся коллективизаторов, и Ирбит выкинул лозунг создания окружной Ирбитской коммуны... Когда остротой мартовских документов (имеется в виду статья Сталина "Головокружение от успехов" и Постановлением ЦК ВКП(б) 14 марта 1930 г. "О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении". — *Авт.*) вспорота была нездоровая полнота уральской коллективизации, — у ней оказалась такая изнанка, перед которой теперешнему обозревателю уральской деревни остается только разводить руками... Администрирование, нарушение принципов добровольности, искажение смысла классовой борьбы, "раскулачивание" середняков, массовые повальные обыски с целью универсального обобществления "вплоть до предметов личного потребления" — такое было... Массовое лишение избирательных прав середняков, гигантомания, коммунофильство... Параллельно этому — выживание середняка из состава советов, правлений и прочих выборных общественных организаций. В составе 1940 сельсоветов, переизбранных 21 марта, беднота заняла 65,7%, а середняки — 34,3%, тогда как в прошлую перевыборную кампанию беднота занимала 33,4%, а середняки — 62,6%, т.е. иначе говоря произошло полное перемещение цифр... Всплыла масса случаев насилий, порой возмутительных... — бессмысленной жестокости, не находящей никакого оправдания. Расхищение кулацкого имущества, порой доходящее до явного мародерства... И как особый вид колхозного

головотяпства — обобществление сбережений колхозников... Уральская область записала в свою летопись удивительную форму "социалистического соревнования" — Кустанайский Адмотдел (милиция) вызвал на соревнование округа Троицкий и Кунгурский — кто больше закроет церквей! Это ли не нравы героев Щедрина?..»

«То, что творилось на Урале... — писал этот же очевидец в другом очерке, — то в градусах еще большей крепости повторила Сибирь. Сибирь хотела выпрыгнуть еще дальше Урала. Сибирь перла напропалую. Бийские организации объявили 10 марта днем ликвидации единоличного хозяйства. Когда знакомишься сейчас с колхозными материалами января, февраля, марта, получаешь впечатление дикой вакханалии. Трудно себе представить, насколько могли люди недооценивать реальной обстановки. В дикой ставке на стопроцентную и немедленную коллективизацию иногда сквозили черты явного фанатизма...»

Раскулачивание

В условиях, когда маховик насилия лишь начинал набирать предельные обороты, по настоянию И. Сталина выходит постановление СНК СССР, согласно которому к кулацким относили хозяйства по следующим признакам: доход в год на одного едока свыше 300 руб. (но не менее 1500 руб. на семью), занятие торговлей, сдача в наем машин, помещений, применение наемного труда; наличие мельницы, маслобойни, крупорушки, плодовой или овощной сушилки и пр. Наличие хотя бы одного из этих признаков позволяло считать крестьянина кулаком. **Появилась возможность подвести под раскулачивание различные социальные слои деревни.**

30 января 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) принимает подготовленное специальной комиссией под председательством В. Молотова секретное постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Этим постановлением в районах сплошной коллективизации отменялось действие закона об аренде и применении наемного труда и предписывалось конфисковывать у кулаков этих районов средства производства, скот, хозяйственные и жилые постройки, предприятия по переработке продукции, продовольственные, фуражные и семенные запасы.

Все кулачество делилось на три категории, из которых первая, самая опасная — «контрреволюционный актив» — подле-

жала заключению в концлагеря (в отношении организаторов терактов, контрреволюционных выступлений и повстанческих организаций рекомендовалось не останавливаться перед применением высшей меры репрессии — расстрела). Отнесенные ко второй категории «отдельные элементы кулацкого актива, особенно из наиболее богатых кулаков и полупомещиков», подлежали высылке в окраинные регионы, а в пределах данного края — в его отдаленные районы. В третью группу входили оставляемые в пределах района кулаки, которые подлежали расселению на новых, отводимых им за пределами колхозных хозяйств, участках.

При этом указывалось, что количество ликвидируемых по каждой категории хозяйств должно строго дифференцироваться по районам в зависимости от фактического числа кулацких хозяйств в районе с тем, чтобы общее число ликвидируемых хозяйств составляло в среднем примерно 3—5%. И хотя в документе оговаривалось, что настоящее указание (относительно «лимита» 3—5%) «имеет целью сосредоточить удар по действительным кулакам и безусловно предупреждать распространение этих мероприятий на какую-либо часть середняцких хозяйств», — практически, оно к этому и вело. Думается, не случайно этот документ при определении «ограничительных контингентов» кулаков, подлежащих ликвидации, вдвое завысил их действительное число, установленное осенью 1929 г. Это наводит на мысль, что лозунг «Лучше перегнуть, чем недогнуть», которым руководствовались коллективизаторы-перегибщики на местах, был не чужд и самим творцам рассматриваемого постановления.

Политбюро устанавливало и примерное количество кулаков по каждому региону, которые подлежали заключению в концлагеря и выселению в отдаленные местности. Всего намечалось по 9 регионам страны отправить в концлагеря 60 тыс., а выселить 150 тыс. кулаков. В постановлении указывалось, что члены семей заключенных в концлагеря и высылаемых могли с согласия райисполкомов оставаться в прежнем районе. На практике желание членов семей репрессированных кулаков никто не спрашивал, и они высылались вместе с главами семей.

Средства производства и имущество, конфискованное у кулаков, подлежали передаче в неделимые фонды колхозов в качестве вступительных взносов бедняков и батраков. Вклады кулаков в кооперации тоже передавались в фонд коллективизации бедноты и батрачества. Этими мерами, углубляющими раскол в крестьянской среде, власти вербовали

Нижний Тагил. Поселок спецпереселенцев на строительстве коксохимзавода. 1930-е годы

в число активных сторонников коллективизации неимущие слои деревни.

Развязывая таким образом **кампанию массового террора** по отношению к состоятельному крестьянству, его творцы наряду с основной ставкой на углубление социальных антагонизмов в деревне стремились расколоть и семьи раскулаченных «противопоставлением — где это возможно — отдельных элементов молодежи остальной части кулаков». Но ни отечественные, ни зарубежные исследователи сталинской «революции сверху» не выяснили степень результативности столь изощренно-расчетливой политики большевистских верхов.

Каковы были действительные масштабы раскулачивания? По данным ОГПУ только за два года (1930—1931) было выселено — с отправкой на спецпоселение — в Сибирь, Казахстан и на Север 381 026 семей общей численностью 1 803 392 человек. Некоторая часть кулацких семей (200—250 тыс.) «самораскулачились», т.е. ликвидировали свои хозяйства, часто просто бросая имущество, бежали в города и на промышленные стройки. Там же после многих бед и мытарств оказалась и большая часть тех 400—450 тыс. раскулаченных семей, отнесенных к третьей категории, которых первоначально предполагалось расселить отдельными поселками в пределах районов их проживания.

В 1932—1936 гг. волна раскулачивания заметно снизилась. Общее число ликвидированных в эти годы хозяйств не превышало 100 тыс. В сумме эти цифры достигают 1100 тыс.

Крестьяне-спецпереселенцы на пороге барака. 1930-е годы

хозяйств с населением в 5—6 млн человек (4—5% общей массы крестьянских хозяйств), что намного больше числа кулацких хозяйств на осень 1929 г. (2,5—3%). Более трети раскулаченных, или 2 140 тыс. человек были депортированы в 1930—1933 гг.

Кампания массового раскулачивания, охватив вслед за основными зерновыми районами, шедшими в авангарде колхозного движения, остальные местности страны, стала мощным катализатором и без того «бешеных» темпов коллективизации. Не прошло и месяца после выхода постановления от 30 января 1930 г., как уровень коллективизации по стране в целом поднялся с 32,5 до 56%, а по Российской Федерации с 34,7 до 57,6%. Еще более «впечатляющий» рывок совершили Сибирь, Нижегородский край и Московская область, у которых процент коллективизированных хозяйств за тот же промежуток времени подскочил в 2 и более раза.

Дикая вакханалия насилия не могла не вызывать в крестьянской массе ответных мер отпора, в том числе отпора с оружием в руках. По данным ОГПУ за январь—апрель 1930 г. произошло 6 117 выступлений, насчитывавших 1 755 тыс. участников. При этом в Центрально-Черноземной области крестьянские волнения охватили более 1000 населенных пунктов, на Средней и Нижней Волге — 801, в Московской области — 459, в Сибири — свыше 200. Крестьяне выступали не только против насильственной коллективизации и раскулачивания, других беззаконий, творимых в деревне, но и против огульного закрытия и осквернения церквей и мечетей, ареста и

преследования священнослужителей, закрытия базаров и т.п. Наряду с активными формами протеста в еще больших масштабах крестьянство прибегало к пассивному сопротивлению «революции сверху» (отказы от выполнения хлебозаготовок, массовый убой скота, невыходы на колхозную работу или работа «спустя рукава»).

Отмечая все это, не следует впадать в крайность, переоценивая массовость и особенно силу крестьянского протеста той поры, как это делают некоторые историки, утверждающие, будто весной 1930 г. страна не только оказалась на грани Гражданской войны, но и что эта война фактически развернулась. Представляется, что к истине гораздо ближе были деятели финансово-промышленных кругов российской эмиграции, предупреждавшие, что «не нужно гипнотизировать себя надеждой на активизм крестьян» и что «у крестьян нет собственных сил для того, чтобы сбросить Советскую власть, а наоборот, они выявляют необычайную способность переносить все натиски большевиков».

Лавирование власть предержащих

Партийные верхи, стремившиеся погасить растущее недовольство мужика и в расчете выиграть время для нового наступления на «мелкособственнические инстинкты» большинства деревенского населения, прибегли к очередному тактическому маневру. 2 марта 1930 г. публикуется статья Сталина «Головокружение от успехов», в которой вина за так называемые перегибы коллективизации возлагалась на партийно-государственных аппаратчиков местного масштаба.

Такой оборот дела вызвал весьма обоснованные протесты со стороны многих непосредственных исполнителей, включая руководителей краевых и областных парторганизаций. Это вынудило Политбюро принять два постановления (первое закрытое) 10 и 14 марта «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении», а затем 2 апреля направить на места закрытое письмо ЦК по данному вопросу, в котором утверждалось, что правильность «директив партии и категорических указаний в статье тов. Сталина о борьбе с искривлениями в партлинии полностью подтвердились». Однако тут же признавалось, что «пока лишь меньшинство, примерно от одной четверти до одной трети всей массы бедняков и середняков, твердо стало на путь коллективизации», чем косвенно корректировались отдельные выводы статьи генсека «Год великого перелома». Одновременно в качестве уступок крес-

тьянству допускалось в отдельных областях «как временная мера прекращение на время сева расселения третьей категории кулачества и оставление в данном селе», но при недопущении этих хозяйств в колхозы.

В отечественной историографии данному столкновению партийной верхушки с местными функционерами и рядовыми партийцами уделяется неоправданно повышенное внимание. Дело в том, что при выяснении, чья вина больше — мест или центра, упускается из вида главное — некомпетентность партийно-государственного руководства коллективизацией, присущее партийцам всех уровней и чинов, самомнение, чувство непогрешимости. Последнее обстоятельство правильно подметил наблюдательный очевидец деревенской драмы на Урале и в Сибири Г. Ушаков. В уже цитированной нами рукописи «Сибирь накануне сева» он писал: «Руководство колхозным походом шло по линии партийной и административной. Организации колхозные были только приводными ремнями... Вопросы чисто хозяйственного порядка тем самым отодвигались на задний план. И было странно от организации нехозяйственной требовать хозяйственность стопроцентную. Но это не мешает забытой хозяйственности бить сейчас коллективизацию и в хвост и в гриву. Кампания за коллективизацию была развернута как кампания худохозяйственная или вовсе бесхозяйственная. Отсюда многие качества...» Что же касается идейного облика партаппаратчика той поры, то на сей счет достаточно определенно высказался на совещании Наркомзема РСФСР Н. Кондратьев. «Посмотрите, — говорил он, — идеологию обычного партийного работника. Во-первых, он все знает, во-вторых, его ни в чем нельзя убедить, в-третьих, он на все имеет свою точку зрения. Ведь это есть... самолюбование, которое в планах и отражается. Он какие угодно планы построит».

Непосредственной реакцией деревни на объявленную партийными верхами кампанию борьбы с искривлениями партийной линии в колхозном движении были массовые выходы крестьян из колхозов, куда их недавно загнали силой. Вследствие этих выходов уровень коллективизации в конце лета 1930 г. по стране в целом снижается до показателей на 20 января 1930 г.

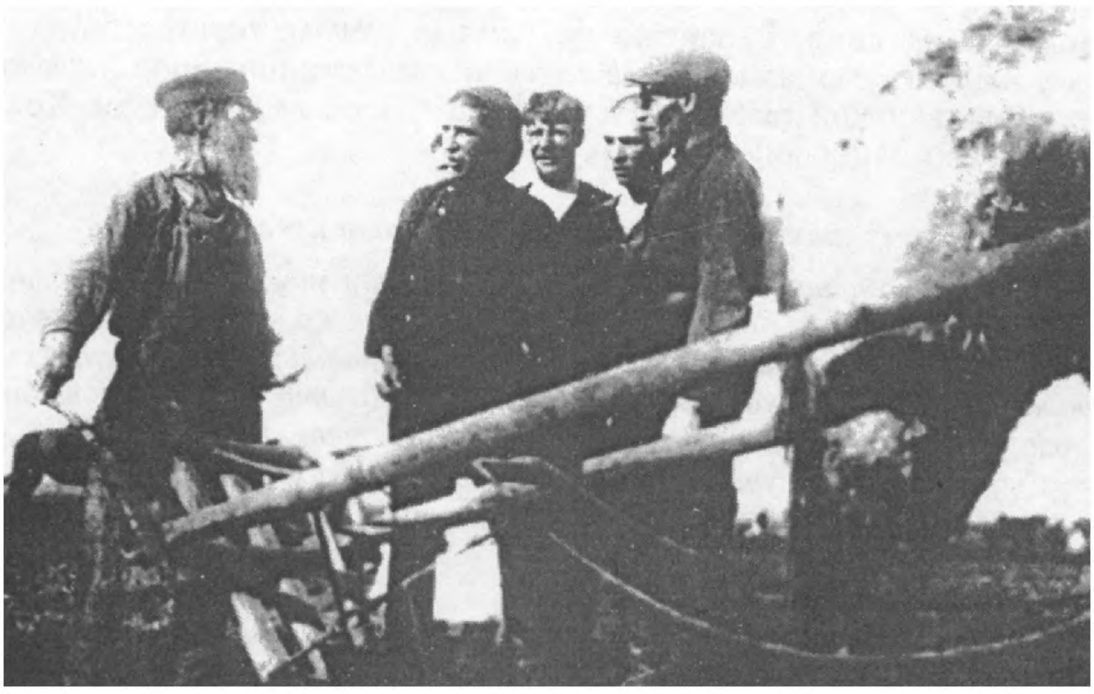
В региональном разрезе масштабы бегства крестьян из колхозов после мартовских 1930 г. решений ЦК ВКП(б) о борьбе с так называемыми перегибами в колхозном движении напрямую связаны с показателями коллективизации, достигнутыми в конце января — феврале того же года, когда маховик

раскулачивания был запущен на предельные обороты и стал использоваться в качестве одного из главных средств форсирования темпов обобществления крестьянского хозяйства. Регионы, демонстрировавшие в январе — феврале самые бешеные темпы коллективизации (Московская, Западная области, Татария и Нижегородский край), дают весной 1930 г. и наибольший отток крестьян из колхозов, вследствие чего по уровню коллективизации они, по существу, возвращаются на исходные позиции конца января, а Московская область откатывается и того ниже — к показателям, которые имела осенью 1929 г.

После столь массового выхода крестьян из колхозов наступила полоса кратковременного «затишья», когда крестьяне, вышедшие из колхозов, добровольно в них не возвращались, а растерявшиеся местные власти не рисковали принуждать их к этому. «Прилива в колхозы нет потому, что теперь коллективизация добровольная. Вот и боишься: то перегиб получится, то недогиб», — так объяснял эту ситуацию один из райкомов Северо-Кавказской краевой парторганизации.

Правящую верхушку такой ход событий не устраивал. В сентябре 1930 г. ЦК ВКП(б) направил к райкомам, обкомам, ЦК компартий союзных республик письмо, в котором осудил пассивное поведение местных партийных органов и потребовал энергичной работой «добиться мощного подъема колхозного движения». Вскоре оно обсуждалось этими органами и было принято к неуклонному руководству и исполнению.

В соответствии с моментом партийно-государственное руководство меняет тактику и делает ставку на массовую работу среди крестьянства. Заметную роль в развертывании этой работы в деревне сыграли вербовочные бригады и инициативные группы. Вербовочные бригады создавались из колхозного актива для проведения разъяснительной и организаторской работы в среде единоличников, а инициативные группы — из сочувствующих партии бедняков и середняков, из которых и создавались новые колхозы. В декабре 1930 г. в РСФСР действовало 5 625 вербовочных бригад, а весной 1931 г. только в основных зерновых районах их насчитывалось свыше 21 тыс. Тогда же количество инициативных групп в республике превысило 15,5 тыс. Они объединяли 100 тыс. крестьян-единоличников. Кроме того, в районы с низким процентом коллективизации было направлено 80 тыс. колхозников-активистов и около 30 тыс. надежных коллективизаторов работали в межобластных бригадах по коллективизации.



Крестьянин на пашне и сельские руководители. 1930-е годы

Одновременно предпринимаются меры, стимулирующие вступление крестьян в колхозы. К их числу относилась утвержденная 29 декабря 1930 г. ЦК ВКП(б) годовая программа строительства 1 400 машинно-тракторных станций (МТС). Тогда же был отменен пункт постановления от 5 января о выкупе колхозами техники как несвоевременный. К весеннему севу количество МТС достигло 1 228, а число тракторов в них увеличилось с 7 102 в 1930 г. до 50 114. К концу года программа строительства МТС была выполнена. В тех же целях колхозам предоставлялись кредиты и льготы по налогам, устанавливались пониженные нормы сдачи продуктов животноводства, оказывалась помощь в создании животноводческих ферм. Государство обещало упорядочить организацию и оплату труда колхозников, гарантировать им ведение личного подсобного хозяйства.

Не были забыты и меры принуждения. После временной передышки весны—лета 1930 г. активное продолжение получает политика «ликвидации кулачества как класса», в которой наметился новый этап, призванный способствовать «новому подъему» колхозного движения. Осенью 1930 г. развернулось массовое выселение раскулаченных крестьян (первый этап депортации). Проводилось оно под эгидой ОГПУ, в чье ведение с лета 1931 г. перешло и управление спецпереселенцами, и хозяйственное использование их труда. Положение последних было

крайне тяжелым: поселки их в Сибири, на Урале, в Северном крае и Казахстане мало чем отличались от концлагерей.

Не намного лучше жилось и той большой части кулаков, отнесенной к третьей категории, что расселялись на свободных (как правило, худших) землях вне колхозного клина. Она была буквально задавлена налогами. Ужесточился и налоговый пресс, приходившийся на остальных крестьян-единоличников. Сумма самообложения на 1931 г. была установлена в 400 млн руб. против 240 млн в 1930 г. Хотя позже она была снижена до 350 млн, но единоличники, составлявшие 40% общего числа крестьянских хозяйств, должны были уплатить 230 млн руб., а колхозники — 120.

Высокие ставки сельхозналога и самообложения для единоличников подталкивали последних к вступлению в колхозы, где им «светили» льготы. Чтобы конкретнее представить весомость выгод, которые обретал крестьянин, вступивший в колхоз, сошлемся на следующий факт. По официальным данным на 1 колхозный двор в 1931 г. приходилось около 3 руб. сельхозналога, на одного единоличника — более 30 руб., а на кулацкое хозяйство — почти 314 руб.

Иначе говоря, крестьянин-единоличник в своем собственном хозяйстве был обложен государством налогами, хлебозаготовками и иными поборами как «медведь в берлоге» охотниками: не мытьем, так катаньем государство понуждало его идти в колхоз. Вот почему через год после весенне-летнего (1930) массового бегства крестьян из колхозов уровень коллективизации по стране вновь перевалил «экватор», достигнув к июню 1931 г. отметки 52,7% общего числа крестьянских хозяйств. Но новый подъем вскоре закончился. В течение первого полугодия 1932 г. число обобществленных хозяйств в РСФСР сократилось на 1 370,8 тыс., на Украине — на 41,2 тыс.

Это обстоятельство вызвало очередные уступки крестьянству со стороны власти. 26 марта 1932 г. выходит постановление ЦК ВКП(б) «О принудительном обобществлении скота», в котором разъяснялось, что «практика принудительного отбора у колхозников коровы и мелкого скота не имеет ничего общего с политикой партии» и что «задача партии состоит в том, чтобы у каждого колхозника были своя корова, мелкий скот, птица». Однако реализовывалось это решение, как и все, что было связано с уступками власти крестьянину, медленно и непоследовательно. В мае того же года принимаются совместные постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О плане хлебозаготовок из урожая 1932 г. и развертывании колхозной торговли хлебом» и «О плане скотозаготовок и о мясной торговле колхозников

и единоличных трудящихся крестьян». Согласно им после выполнения государственного плана хлебозаготовок и образования семенного и других фондов, а также после выполнения мясозаготовок разрешалась торговля оставшейся продукцией по складывающимся на рынке ценам. План заготовок по хлебу был сокращен в 1932 г. до 1103 млн пуд. против 1367 млн в 1931 г., а по мясу уменьшен почти в 2 раза против ранее намеченных заданий (716 тыс. т вместо 1414 тыс.). Были отменены все республиканские и местные налоги и сборы с торговли колхозов и колхозников, а с единоличников взималось не более 30% их доходов от торговли.

Однако даже уменьшенные хлебозаготовительные задания из-за неурожая в ряде зерновых районов страны оказались сорванными, что резко ухудшило продовольственное положение городов и строек. В этой ситуации Сталин и его команда резко меняют курс, считая, что единственным выходом из кризиса является ужесточение режима и новые репрессии. 7 августа 1932 г. было принято Постановление ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» (получившее в народе печальную известность закона «о колосках»), в котором предусматривалась высшая мера наказания — расстрел за хищение колхозного и кооперативного имущества с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на 10 лет. На февраль 1933 г. по нему было осуждено 103 тыс. человек, из них приговорено к расстрелу 6,2% , к 10 годам тюрьмы — 33% .

В октябре—ноябре 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) направило на Северный Кавказ, Украину и в Поволжье чрезвычайные комиссии по хлебозаготовкам во главе с Кагановичем, Молотовым и Постышевым, оставившие худую память в деревне массовыми расстрелами. Жесточайшими расправами в условиях голода, поразившего Северный Кавказ, Поволжье, Украину, Казахстан и некоторые другие районы, сопротивление крестьян реквизиционной политике государства было сломлено. В этой связи 8 мая 1933 г. Сталин и Молотов секретной директивой указывают, что в деревне возникла «новая благоприятная обстановка», позволяющая «прекратить, как правило, применение массовых выселений и острых форм репрессий».

Предпринимается еще одна попытка частичными уступками сгладить взаимоотношения власти с крестьянством. На январском 1933 г. Пленуме ЦК Сталин признал необходимым производственную смычку между городом и деревней

дополнить товарной через торговлю. 19 января СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли Постановление «Об обязательной поставке зерна государству колхозами и единоличными хозяйствами», отменившее договорную (контрактационную) систему заготовок и вводившее систему обязательных поставок.

Колхозы и единоличные хозяйства получали твердые, имевшие силу налога обязательства по сдаче зерна в определенные сроки и по установленным государством ценам. Объем обязательств определялся погектарными нормами, но не более трети валового сбора каждого хозяйства при среднем урожае. Все оставшееся после выполнения обязательной поставки (для колхозов — еще и натуроплаты МТС) зерно признавалось находящимся в полном распоряжении производителей. Местным органам власти и заготовительным учреждениям «безусловно воспрещалось» допускать встречные планы или налагать обязательства по сдаче зерна, превышающие нормы, установленные настоящим законом.

Ровно через год выходит постановление, по которому закупки зерна государством у колхозов, совхозов и единоличников должны осуществляться на основе полной добровольности по ценам, на 20—25% превышающим заготовительные. Хозяйства, продавшие хлеб по закупочным ценам, могли приобретать дефицитные промтовары на сумму, втрое превышающую стоимость проданного хлеба.

Система «отоваривания», которая должна была стать главным стимулом закупок, себя не оправдала. У государства не оказалось необходимых деревне товаров, да и закупочные цены ни колхозников, ни тем более единоличников не устраивали. Просуществовав немногим более полугода, она была отменена. 31 августа 1931 г. директивой Сталина и Молотова был введен новый порядок закупок: колхозы, выполнившие планы хлебопоставок и натуроплаты, обязаны были до расчета с колхозниками создать резерв для выполнения плана закупок. Закупки по сути превращались в обязательную систему сдачи государству дополнительной продукции.

Попеременно чередуя то пряник, то кнут в хлебозаготовительной политике, власть сумела в 1933—1935 гг. добиться выполнения поставок хлеба как в целом по стране, так и каждой республикой, краем и областью. Существенную роль в этом сыграли хлебозакупки, их удельный вес в общей сумме государственных заготовок за 2 года поднялся примерно в 10 раз: с 1,7% в 1933 г. до 17% в 1935 г.

Рост заготовок позволил государству с января 1935 г. отменить карточную систему на муку, хлеб и крупы, а в конце года — на мясо, рыбу, сахар, жиры и картофель.

Завинчивая гайки в деле хлебозакупок, власти должны были дать крестьянину хоть какую-то отдушину в хозяйственной сфере. Такой отдушиной стало создание, согласно принятому на Втором съезде колхозников-ударников в феврале 1935 г. Примерному уставу сельхозартели, более свободных условий для ведения личного подсобного хозяйства. В зависимости от региона колхознику разрешалось иметь от 0,25 до 0,5 га, а в отдельных районах — до 1 га земли и от одной до 2—3 коров, неограниченное количество птицы; в районах кочевого скотоводства до 20 коров, 100—150 овец, до 10 лошадей, 8 верблюдов и пр.

О значимости этих уступок крестьянству можно судить по той роли, которую стало играть личное подсобное хозяйство не только в удовлетворении нужд деревенского населения, но и в продовольственном и сырьевом обеспечении страны. Удельный вес личного подсобного хозяйства колхозников в валовом производстве животноводческой продукции, овощей, картофеля рос довольно быстро. К концу 1934 г. почти 2/3 колхозных семей страны имели в личном подворье коров, а в Московской, Западной областях, на Украине и в Белоруссии — 3/4. Личное подсобное хозяйство давало 20,6% валовой продукции животноводства страны. В этом хозяйстве к концу второй пятилетки было произведено картофеля и овощей — 52,1%, плодовых культур — 56,6, молока — 71,4, мяса — 70,9, кож — 70,4% общего объема валовой продукции колхозного сектора. Приведенные цифры свидетельствуют о том, что личные подсобные хозяйства колхозников значительно превосходили общественное хозяйство колхозов в производстве животноводческой продукции и давали более половины картофеля, овощей и плодов. Основная часть всего этого шла на личное потребление, но примерно 1/4 животноводческой продукции и до 50% картофеля и овощей продавались на рынке. Обороты рыночной колхозной торговли за вторую пятилетку увеличились с 7,5 млрд руб. до 17,8 млрд, т.е. в 2,4 раза. Рыночные цены к 1938 г. по сравнению с 1933 г. снизились на 63,9%, в том числе по хлебопродуктам — на 82,8, по картофелю — на 79,9, по овощам — на 39,2, по мясу — на 29,4, по молоку — на 43,1%. Они либо сравнялись с ценами государственно-кооперативной торговли, либо были ниже.

Все это позволяет констатировать, что в большевистской политике форсированного обобществления крестьянского хозяйства,

при всей ее жестокости, было немало элементов трезвого хозяйственного и социально-политического расчета. Но не следует и переоценивать их, как делают некоторые авторы, полагающие, что будто посредством мер такого и аналогичного свойства государство нашло временный компромисс с крестьянством.

Дело в том, что сколько-нибудь серьезный компромисс, т.е. соглашение, основанное на взаимных уступках сторон, большевистской власти в 1934—1935 гг. попросту не требовался. Прав был П. Милюков, когда в 1932 г., затрагивая данный вопрос, отметил, что по сравнению с 1920—1921 гг. в российском крестьянстве теперь картина иная. «Власть усилилась чрезвычайно. Она имеет силу там, где даже царская власть не имела: становые и урядники не держали деревню так цепко в руках, как держат ее советские эмиссары. Правда, — замечал он далее, — могущество власти усилилось, зато умение управлять чрезвычайно ослабло. Спецы, вырабатывавшие пятилетку (имеется в виду первая пятилетка. — *Авт.*), разогнаны, уничтожены и заменены "всезнайками" — их невежество, смелость и размах завели телегу Сталина в тупик». Насколько точна первая часть наблюдения маститого историка и политика, настолько же спорной представляется концовка, выдающая желаемое за действительное.

Сталинский режим к концу первой пятилетки сумел не только выйти из состояния тупика в реализации курса на сплошную коллективизацию (в тупике он оказался весной—летом 1930 г., затем сложности были в 1931 г. и первом полугодии 1932 г.), но и решить поставленную задачу: в колхозах было объединено 61,8% крестьянских хозяйств и около 80% посевных площадей.

Финал «революции сверху»: итоги и последствия

В годы второй пятилетки государство, действуя в основном с позиции силы, но в то же время не отказываясь и от мелких уступок мужику, продолжало осуществлять сталинскую «революцию сверху».

Коллективизация завершилась к концу второй пятилетки. В 243,7 тыс. колхозов было вовлечено почти 94% оставшихся к тому времени в деревне хозяйств, но 72,3% к общей численности существовавших летом 1929 г., т.е. в канун сплошной коллективизации крестьянских дворов в стране. **В деревне возник и стал господствующим совершенно иной, новый тип хозяйства.** Формально он значился и даже приобрел идеологему особой разновидности кооперативного хозяйства, матери-

альной основой которого являлась кооперативно-колхозная форма собственности на основные средства производства, за исключением собственности на землю, остававшейся государственной (считавшейся общенародной), но переданной и закрепленной за колхозами в бесплатное и бессрочное пользование. Фактически же этот тип хозяйства являлся **полугосударственным.** На колхозный строй, становившийся неотъемлемой частью советского общества на новом этапе его развития, были распространены принципы хозяйствования, которые присущи государственному сектору (жесткая централизация, директивность, плановость, значительный удельный вес уравнительных тенденций в распределении материальных и духовных благ и т.д.).

Важным рычагом, с помощью которого сложился колхозный строй, его своеобразной повивальной бабкой стали чрезвычайные партийные органы — политические отделы при МТС и совхозах, созданные по решению январского (1933) Пленума ЦК ВКП(б). Строились они в целях оказания помощи колхозам на сложном и многотрудном этапе их организационно-хозяйственного укрепления. Политотделы были наделены необычайно широкими и разнообразными полномочиями — от подбора, расстановки и фильтрации кадров, организации сугубо хозяйственных кампаний (сева, уборки и т.п.) до руководства политико-просветительской работой и даже осуществления карательных функций.

В частности, в течение 1933 г. они провели повальную «чистку» колхозов, особенно их управленческого аппарата и деревенских партийных организаций. Из колхозов, находившихся в зонах деятельности 1 028 МТС 24 краев, областей и республик были исключены как «классово-чуждые» или просто непригодные: 36,8% работников бухгалтерии, 33,5% — механиков, 30,6% — агрономов и 27,7% бригадиров тракторных бригад. Политотдельцы обеспечивали выполнение планов колхозами, контролировали выдачу оплаты на трудодни, организовывали соревнования, выявляли «вредителей». Они делали все, чтобы колхозы стали такими, какими они требовались партии и государству. В конце 1934 г. политотделы при МТС были упразднены (в совхозах они сохранялись) и слиты с райкомами партии как выполнившие свои задачи.

Преобразование мелкого крестьянского хозяйства в крупное коллективное, позволило перевести сельскохозяйственное производство на плановые начала его регулирования и управления. Государство, таким образом, обрело возможность детально устанавливать не только объем и другие параметры сельскохозяйственного производства, но и, главным образом, размеры ежегод-

ных ему поставок продукции этого производства, гарантирующих получение почти половины собираемого в стране урожая с правом полного и бесконтрольного распоряжения им.

Такая система взаимоотношений колхозов с государством означала **преимущественно внеэкономический характер принуждения сельского работника к труду**, вследствие чего тот утрачивал заинтересованность в подъеме хозяйства своей артели. Юридически это принуждение было подкреплено осуществленной в конце 1932 — начале 1933 г. **паспортизацией** населения страны. В сельской местности паспорта выдавались только в совхозах и на территориях, объявленных «режимными» (приграничные зоны, столичные города с прилегающими к ним районами, крупные промышленные центры и оборонные объекты). Колхозники могли получить паспорта только при перемене места жительства, но фактически эта процедура была обставлена множеством ограничений. Закрытым Постановлением СНК СССР от 19 февраля 1934 г. устанавливалось, что в паспортизированных местностях предприятия могли принимать на работу колхозников, которые ушли в отход без договора с хозорганами, лишь при наличии у этих колхозников паспортов, полученных по прежнему месту жительства, и справки из правления колхоза о его согласии на отход колхозника.

Складывалась командно-бюрократическая система управления колхозами, становившаяся одним из факторов замедленного развития сельского хозяйства, его отставания от потребностей страны и бегства крестьян от земли, запустения деревень.

Установление колхозного строя означало качественно новый рубеж не только в жизни отечественной деревни, но и страны в целом. Две однородные по характеру формы собственности — государственная и колхозно-кооперативная — стали всеохватывающими в обществе. Не менее существенно изменился и его социально-политический облик. Завершилась полоса промежуточного, переходного состояния. **Советское общество стало биполярным: на одном полюсе формировалось новое социально-классовое образование в лице партийно-государственной бюрократии, распоряжающейся государственной и колхозно-кооперативной собственностью, а на другом — одинаково лишенные основных средств производства наемные рабочие города и деревни.**

В последнее время в отечественной литературе преобладающими стали негативные оценки коллективизации. Спору нет, в истории отечественной деревни это едва ли не самая трагическая страница. Но такое признание не дает оснований отри-

цать или замалчивать другое: коллективизация обеспечила форсированную перекачку средств из сельского хозяйства в промышленность, высвобождение для индустриализации страны 15—20 млн человек; она позволила во второй половине 30-х годов постепенно стабилизировать положение в аграрном секторе отечественной экономики, повысить производительность труда в сельском хозяйстве. Если в канун «революции сверху» в стране производилось ежегодно 72—73 млн т зерна, более 5 млн т мяса, свыше 30 млн т молока, то в конце 30-х — начале 40-х годов наше сельское хозяйство давало 75—80 млн т зерна, 4—5 млн т мяса и 70 млн т молока. Но если к концу нэпа эту продукцию производили 50—55 млн крестьян-единоличников, то в предвоенные годы — 30—35 млн колхозников и рабочих совхозов, т.е. на треть работников меньше.

«Сопоставляя высокую цену, заплаченную народами СССР за совершенный в преддверии Второй мировой войны индустриальный рывок, с ценой, которой им, в противном случае, пришлось бы расплачиваться за военно-техническую и экономическую отсталость страны, — справедливо считает современный исследователь истории создания военно-промышленного комплекса СССР Н. Симонов, — данные жертвы и лишения не приходится считать ни напрасными, ни чрезмерными». Думается, что **в этой высокой цене не напрасной, хотя и безмерно тяжкой, была доля, пришедшаяся на коллективизированную отечественную деревню.**

§4

Завершение формирования авторитарного политического режима

Система власти

В 1930-е годы в Советском Союзе идет становление политической системы, полностью ориентированной на осуществление форсированного индустриального развития. Как и в экономике, в политической сфере преобладает **предельная централизация**. В первой половине 1930-х годов от государственных органов рычаги реального управления страной все решительнее переходят к партийным. Юридически власть в стране по-прежнему принадлежала Советам, но фактически, высшая

власть, законодательная, исполнительная и распорядительная в это время концентрировалась в руках Политбюро. Именно Политбюро предопределяло все основные направления развития и партии, и страны, а заодно рассматривало массу сравнительно мелких, второстепенных проблем. Рычагами, посредством которых Политбюро осуществляло свою власть, являлись высшие государственные органы и правления общественных организаций. В середине 1930-х годов значительное количество принципиальных решений и акций, формально исходивших от различных государственных учреждений, будь то Верховный Совет СССР, СНК СССР, СТО СССР, Генштаб или Госплан, на самом деле осуществлялись по инициативе и по указанию Политбюро.

Политбюро не являлось монолитным органом. Политический вес отдельных членов Политбюро в немалой степени определялся силой и значимостью возглавляемых ими ведомств. Отдельные исследователи сравнивают советские ведомства 1930-х годов с некими полуфеодальными «вотчинами», другие — с новейшими сверхкорпорациями. Чем сильнее были те или иные ведомства, тем более могущественны были опиравшиеся на них политические группы. Будучи «хозяином» на своем участке, каждый из членов Политбюро в той или иной мере придерживался общих правил игры и был готов к компромиссу и подчинению высшему авторитету — Сталину. Однако и Сталину приходилось считаться с наличием этих своеобразных «сфер интересов».

Политбюро подчинялась целостная система партийных органов. В центре ее находились Оргбюро, Секретариат, а так же Орготдел ЦК ВКП(б). Так, Оргбюро и Секретариат готовили документы для рассмотрения их на Политбюро, решали некоторые вопросы оперативного управления. Особые функции возлагались на Орготдел, без ведома которого не производилось практически ни одного более или менее серьезного назначения не только в партийном, но и государственном аппарате. Кроме этого, на Орготдел еще с 20-х годов возлагалась также функция подготовки аналитических сводок для высшего партийного руководства. По воспоминаниям Л. Кагановича, в 1930-е годы руководившего Орготделом, в этих сводках должны были освещаться партийные, народнохозяйственные, социальные и другие вопросы. На местах действовала широкая сеть партийных комитетов, во главе которых стояли секретари, полностью подконтрольные центру.

На протяжении всех 30-х годов эта система властной вертикали подвергалась непрерывному процессу реформирования: система приспосабливалась к набиравшему темпы процессу

форсированной социально-экономической модернизации. По определению некоторых историков, советские хозяйственные ведомства представляли собой огромные корпорации, которым подчинялись десятки предприятий. По мере разрастания масштабов экономики, становилось все сложнее управлять новыми предприятиями и стройками первых пятилеток. Поэтому на протяжении всех тридцатых годов идет бурный процесс образования все новых и новых ведомств и наркоматов. Начало этого процесса можно отсчитывать с 5 января 1932 г., когда было принято постановление ЦИК СССР о перестройке управления промышленностью. Вместо ВСНХ СССР создавались три отраслевых наркомата: тяжелой, легкой и лесной промышленности. В результате господства бюрократии, эти реформы вели к небывалому росту аппарата управления. К 1939 г. промышленных наркоматов было уже не три, а шесть, а в 1940 г. их количество достигло двадцати трех.

Чтобы снизить отрицательный эффект растущей бюрократизации, руководство страны все чаще прибегало к практике прямого вмешательства партии в деятельность хозяйственных органов на местах. На XVIII съезде ВКП(б) в 1939 г. специальным решением в связи с этим принимается новый партийный устав. В нем впервые был записан специальный пункт, согласно которому первичным партийным организациям производственных предприятий предоставлялось право контроля над работой администрации. Кроме того, в новом уставе на основе существовавшего опыта появилось положение, согласно которому ЦК партии получал право создавать политические отделы и выделять специальных уполномоченных ЦК ВКП(б). Эти уполномоченные направлялись, как правило, на оборонные предприятия, а так же на особенно узкие места народного хозяйства.

Положение общественных организаций

Серьезные изменения происходили в 1930-е годы также в природе общественных организаций, которые окончательно подпадают под опеку власти. Само существование общественных организаций теперь зависело от воли чиновников. Так, 23 апреля 1932 г. одним указом были распущены все ранее существовавшие творческие организации. На их месте создавались новые, призванные обслуживать идеологические потребности режима. Большой общественный резонанс имело закрытие 25 мая 1935 г. Общества старых большевиков и последовавший за этим ровно через месяц, 25 июня 1935 г., запрет на деятельность Общества политссыльных и политкаторжан. Первому ставилась

в вину поддержка оппозиционеров, а второму — публиковавшиеся в его журнале «Каторга и ссылка» благожелательные статьи о П. Лаврове, П. Ткачеве, А. Радищеве, а также о Ф. Ницше и А. Керенском.

Общественные организации, деятельность которых не была приостановлена, оказались поставлены перед необходимостью подчиняться жесткой регламентации со стороны власти. Так, сложный период в 1930-е годы переживал комсомол, возглавляемый ярким молодежным лидером А. Косаревым. Перед войной более половины населения страны было моложе 23 лет, поэтому не учитывать интересы молодежи правительство не могло. Но оно стремилось перевести энергию молодых в сферы жизни общества, далекие от политики. В апреле 1936 г. после пятилетнего перерыва (что противоречило уставу) собрался X съезд ВЛКСМ. На нем был принят новый устав организации, по которому она лишалась даже формально-юридического права вмешиваться в общественно-политические процессы. Отныне сфера деятельности комсомола ограничивалась культурой и просвещением.

Подобному правовому разоружению подверглись и профсоюзы. В прошлые периоды советской истории профсоюзные съезды становились важными вехами в развитии всей страны. Теперь же, в 1930-е годы состоялся только один профсъезд — в 1932 г. Следующий был собран только в 1949 г. В 1934 г. было прекращено заключение трудовых договоров, что серьезно урезало традиционные права профсоюзов по защите материальных интересов рабочих. Председатель ВЦСПС Н. Шверник прокомментировал это следующим образом: «...Когда план является решающим началом в развитии нашего народного хозяйства, вопросы зарплаты не могут решаться вне плана, вне связи с ним. Таким образом, коллективный договор как форма регулирования заработной платы изжил себя». В 1937 г. умирает последний пережиток рабочего контроля октябрьской поры — так называемый «треугольник», когда в принятии управленческих решений помимо директора принимали участие руководители партийной и профсоюзной организаций предприятия, тем самым профсоюзы окончательно теряют возможность влиять на развитие производства.

Оппозиция и борьба с ней

Усиление бюрократизма, жесткая централизация, личное возвышение Сталина порождали в обществе протест и сопротивление. В число недовольных попадали представители ста-

Обвиняемые по делу Промпартии в зале судебного заседания в Доме союзов. 1930 г.

рой интеллигенции, изначально скептически воспринявшие установление советской власти. Еще более тревожным симптомом стали оппозиционные настроения в самой партии. Лидер одной из возникших в 1930-е годы оппозиционных групп «Союза марксистов-ленинцев» М. Рютин, анализируя происходящие в стране процессы, писал, что сталинский режим превратил людей в «винтики», в послушные орудия, вынужденные действовать по команде сверху. Он связывал со Сталиным кризис Октябрьской революции, обвинял его в подрыве экономики, в развязывании в стране новой гражданской войны в деревне и по отношению к прежним соратникам по партии. Группа Рютина была раскрыта. Ее лидер был в 1932 г. приговорен к 10 годам тюремного заключения, а в 1937 г. — к высшей мере наказания.

Репрессии обрушились и на других недовольных сталинским правлением. Сталиным была выдвинута теория, подводившая идеологическую основу под массовые репрессии. Согласно ей, по мере продвижения к социализму, должно было возрастать сопротивление свергнутых классов. Долгие годы тема репрессий была закрыта для отечественной исторической науки. Но западные историки, а также советские диссиденты, такие как публицист Р. Медведев и писатель А. Солженицын, обращались к ней, их работы получали широкий общественный резонанс.

В 1930-е годы по стране прокатилось две волны политических репрессий. Первая приходилась на годы начала форсиро-

ванных преобразований экономики и коснулась в основном старых специалистов. Первый подобный процесс по т.н. «Шахтинскому делу» был проведен еще в 1928 г. В 1930 г. состоялся громкий процесс по делу т.н. Промпартии. В 1931 г. открылся процесс по делу т.н. Союзного бюро меньшевиков, в ходе которого были осуждены В. Громан, Н. Суханов и другие в прошлом видные меньшевистские деятели. Параллельно шла подготовка еще одного процесса, который должен был состояться над деятелями т.н. Трудовой крестьянской партии Н. Кондратьевым, А. Чаяновым, Л. Юровским и др. В ходе следствия и судебных разбирательств была выявлена связь многих обвинявшихся с центрами русской политической эмиграции. Подсудимым ставилось в вину вредительство, создание контрреволюционных организаций и стремление свергнуть Советскую власть. В тот период гонения коснулись многих представителей прежней интеллигенции, прежде всего технической. Тюрьмы в те годы назывались остряками «домами отдыха для инженеров и техников». Но через год—другой репрессии на эту часть интеллигенции власть должна была прекратить — без опытных специалистов обеспечить нормальное функционирование народного хозяйства было невозможно.

Вторая волна преследований оппозиции, вошедшая в народное сознание как «ежовщина» по имени одного из наркомов внутренних дел тех лет Н. Ежова, на период деятельности которого приходится пик политических репрессий, ударила по партийной, государственной и военной верхушке самого советского режима. Особенно интенсивные репрессии против деятелей, выдвинувшихся уже в годы Советской власти и много сделавших для ее утверждения, начинаются после убийства С. Кирова в декабре 1934 г. Троцкий обвинил в убийстве Кирова Сталина. Сталин, наоборот, утверждал, что за убийством Кирова стоят деятели оппозиции. Историки до сих пор не пришли к общему мнению, кто же был прав в этом споре или убийство Кирова вообще было лишено политического мотива. Однако Сталин воспользовался создавшейся ситуацией для вполне конкретных целей уничтожения своих оппонентов. В СССР начинается целая череда судебных политических процессов над бывшими большевистскими руководителями среднего и самого высокого ранга.

После убийства Кирова, за несколько лет до начала Второй мировой войны состоялось множество подобных процессов, среди них процессы по делу «Московской контрреволюционной организации», «Ленинградской контрреволюционной зиновьевской группы», «Московского центра», «Антисоветского

На митинге против троцкизма. 1937 г.

объединенного троцкистско-зиновьевского центра», «Параллельного антисоветского троцкистского центра», «Антисоветского правотроцкистского блока», «Антисоветской троцкистской организации в Красной армии». В числе подсудимых на публичных политических процессах оказались такие видные деятели советской истории, как Н. Бухарин, Г. Зиновьев, Л. Каменев, А. Рыков, М. Тухачевский и многие другие. Оказался на скамье подсудимых и сам Н. Ежов, а так же его предшественник на посту руководителя НКВД Г. Ягода. Публичные политические процессы 1930-х годов ударили по судьбам сотен людей. Но репрессии далеко не ограничивались перечисленными процессами. Маховик репрессий коснулся миллионов людей. В 1934 г. по политическим делам в СССР было осуждено 78 999, в 1935 г. — 267 076, в 1936 г. — 274 670, в 1937 г. — 790 258 человек. Тридцать седьмой год стал годом самых масштабных репрессий, количество которых потом идет на спад: в 1938 г. было осуждено 554 258, а в 1939 г. — уже 63 889 человек. При этом, как свидетельствуют данные современных историков, из числа обитателей тюрем и лагерей на 1 марта 1940 г. удельный вес осужденных «за контрреволюционную деятельность», т.е. политических заключенных, составлял примерно 28,7% от общей численности.

Некоторые исследователи называют даже бóльшие цифры репрессированных. Но последствия «большого террора» не могут быть оценены только количественными показателями. Являясь следствием острой политической борьбы, репрессии

серьезно сказывались на всех сторонах жизни общества. Показательны в этом смысле репрессии, предпринятые в таких ведомствах, как Наркомат иностранных дел и Наркомат тяжелой промышленности. Не избежал общей участи даже сам НКВД: в годы репрессий погибли многие чекисты, стоявшие у истоков этого ведомства. Наиболее полно освещают характер происходившего обобщающие сведения о репрессиях, начавшихся в армии. Всего в рядах Вооруженных Сил разного рода преследованиям в 1935—1939 гг. подверглось около 30—40 тыс. офицеров. В 1937 г. из армии было уволено 18 658 человек (т.е. 13,1% от списочного состава), из них было арестовано 4 474 человека, еще 11 104 человека были исключены из партии за связи с заговорщиками. В 1938 г. было уволено 16 362 офицера (т.е. 9,2%), в том числе 5 032 арестованных и 3 580 — за связи с контрреволюционными элементами. В дальнейшем, как и в целом по стране, репрессии в армии идут на спад, и в 1939 г. количество уволенных из армии представителей командного состава составило лишь 1 878 человек (0,7%), из которых подверглись аресту всего 73 человека.

В высшем руководстве никто не мог чувствовать себя спокойно, даже сам Сталин: когда под арестом оказался Ежов, у него было обнаружено подробное досье на «соратника и продолжателя дела Ленина». Для чего Ежов собирал компрометирующие сведения на Сталина так и не выяснено до сих пор. Неслучайно поэтому в период острой военной угрозы государство берет курс на ликвидацию последствий «большого террора». Репрессии и применение «мер физического воздействия» к «подозреваемым» продолжались, но все явственней становится проявление и другой тенденции. 17 ноября 1938 г. было принято Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», подписанное Сталиным и В. Молотовым. В нем подчеркивалось, что «массовые операции по разгрому и выкорчевыванию враждебных элементов, проведенные органами НКВД в 1937—1938 гг. при упрощенном ведении следствия и суда, не могли не привести к ряду крупнейших недостатков и извращений». В постановлении так же отмечалось, что ситуацией неразберихи и бесконтрольности пользовались не только нечистые на руку карьеристы, но и «враги народа», которые якобы продолжали «вести свою подрывную работу, старались всячески запутать следственные и агентурные дела, сознательно извращали советские законы, производили массовые и необоснованные аресты». После смены руководства правоохранительных органов и назначения на должность наркома внутренних дел Л. Берии, начинается про-

цесс частичной реабилитации. Так, из мест заключения освобождались многие офицеры, пострадавшие в годы «большого террора». Перед войной в армию было возвращено из числа «несправедливо уволенных» 12 461 человек. В целом в этот период из лагерей на свободу вышло 223,6 тыс. невинно осужденных и еще 103,8 тыс. — из колоний.

Новые тенденции развития СССР. Конституция 1936 г.

Насильственные методы в экономике, политике и социальной сфере во все возрастающем объеме доказывали свою порочность. В этих условиях на протяжении 1930-х годов отмечались отдельные полосы либерализации советского политического режима. Так, в 1931 г. секретным решением ограничивались гонения на беспартийных специалистов. Отныне по отношению к инженерному персоналу, говоря словами Сталина, стала осуществляться политика привлечения и заботы. 27 мая 1934 г. была объявлена частичная амнистия и возвращение прав бывшим «кулакам». Год спустя справедливость восстанавливается в отношении детей раскулаченных. В середине 30-х годов упраздняются введенные Октябрем социальные ограничения в области образования для выходцев из бывших господствовавших классов. Принимаются законы, восстанавливавшие право на наследство и право на имущество по завещанию. Большой резонанс в обществе получило восстановление в правах казачества, которому разрешалось не только самобытное обустройство быта, но и ношение казачьей формы. После смещения Ежова и назначения на пост наркома внутренних дел Л. Берии было проведено существенное смягчение карательной политики. Перестали практиковаться широкие политические судебные процессы. Резко снижается количество осужденных, в том числе по политическим мотивам.

Противоречивость развивавшихся в обществе тенденций сказалась и на принятой в 1936 г. новой советской Конституции. Конституция 1936 г. стала важнейшим документом эпохи. Она была призвана не только подвести итог произошедших в советском обществе перемен, но и обрисовать перспективы его развития. Подготовка Конституции началась еще в 1935 г. Для работы над ней была создана специальная конституционная комиссия во главе с И. Сталиным, проект Конституции был вынесен на всенародное обсуждение. Около 2 млн писем по проекту Конституции пришло в журналы, газеты, партийные и советские органы. Всего в обсуждении Конституции приняло участие 55% взрослого населения страны. Наибольшее число предложений

от населения касалось таких вопросов, как определение общественного устройства, прав и обязанностей граждан, принципов избирательной системы, решения национального вопроса, религиозной свободы. Немалое количество поступивших предложений касалось устройства высших органов власти СССР и их деятельности. **Новая Конституция СССР была утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов 5 декабря 1936 г.**

По сравнению с нормами, сохранявшимися в советском законодательстве с революционной поры, новый основной закон серьезно расширял общедемократические права граждан. К прежнему набору традиционных прав и свобод, таких как свобода совести, слова, собраний, союзов и пр., добавляются новые. Важнейшими среди них можно назвать право на труд, на отдых, социальное обеспечение, образование и др. Впервые в практике российского законодательства конституционно признавалась неприкосновенность личности. В Конституции 1936 г. по-новому трактовалось само понятие демократии. Если раньше советская демократия была демократией только для трудящегося большинства, то теперь она распространялась на всех граждан СССР.

Серьезной реформе подверглась избирательная система. По новой Конституции избирательное право становилось всеобщим. В прошлое отходила порожденная революцией практика, когда избирательных прав лишались целые социальные группы. Теперь право голоса имели все граждане СССР, за исключением умалишенных и лиц, осужденных судом с лишением избирательных прав. Избирательная система строилась по принципу один человек — один голос, т. е. на основе равного избирательного права. Вместо многоступенчатых, вводились прямые выборы во все звенья системы Советов — от сельсовета до Верховного Совета СССР, происходит полный отказ от производственных выборных округов. Теперь выборы должны были проходить только в округах по месту жительства. Наконец, открытое голосование было заменено тайным.

Новая Конституция упростила и повысила эффективность деятельности высших органов власти. Прежде всего, изменилась структура высших представительных органов. Вместо Всесоюзного съезда Советов, двухпалатного ЦИК СССР и его Президиума новый основной закон предусматривал образование **Верховного Совета СССР** и **Президиума Верховного Совета СССР**. Но что еще более важно, теперь **происходит четкое размежевание исполнительных и законодательных ветвей власти**. Прежде законы могли издавать как законодательные,

так и исполнительные органы — ЦИК и их Президиумы, даже Совнаркомы. Это вело к бюрократизации органов власти и их отрыву от народа. Теперь законодательные права принадлежали исключительно Верховным Советам. Функции Совнаркома были сохранены и расширены, но исключительно как высшего органа в вертикали исполнительной власти.

Конституция 1936 г. была встречена обществом неоднозначно. Многие старые революционеры, такие как Л. Троцкий или А. Спундэ, увидели в ней отход от коммунистических принципов Октября. Более благосклонно оценивали новую Конституцию общественные деятели на Западе. Так, уже в день опубликования проекта Конституции в советской прессе 12 июня 1936 г. посольство США в Москве направило в Вашингтон телеграмму, в которой подчеркивалось, что проект новой советской Конституции создает впечатление наиболее либерально окрашенного документа по сравнению с конституциями всех прочих стран. Известный французский писатель-гуманист Р. Ролан полагал, что новая Конституция СССР является воплощением в жизнь великих лозунгов, до сих пор являвшихся только лишь мечтой человечества. Возникновение противоположных, часто взаимоисключающих оценок советской Конституции 1936 г. вполне объяснимо: противоречивая эпоха объективно порождала противоречивые законы. Конституция 1936 г. по-прежнему несла в себе многие социалистические принципы. В то же время в ней делались существенные уступки духу либерализма. Все это создавало возможность маневра в вопросе о выборе перспектив дальнейшего развития советского общества.

Характеризуя пройденный советским обществом в 1930-е годы путь, следует согласиться с теми авторами, которые не рассматривают эту историческую эпоху как «провал» или «черную дыру». Они признают и драматизм, и противоречивость жизни страны в то время, не затушевывают проблемы и потери. В то же время они отмечают, что в стране постепенно шел сложный процесс восстановления сильной государственности, единства общества перед лицом надвигавшейся войны. На место идеологии гражданского противостояния и «разрушения старого мира», шли идеи созидания, ответственности, высокого профессионализма в труде, патриотизма, мотивы личного счастья и крепкой семьи.

Миллионы советских людей воспользовались открывшимися перед ними возможностями изменить свой социальный статус, получить образование или престижную профессию, раскрыть и реализовать свои творческие дарования, подняться с самых низов к ключевым позициям в государстве, искус-

стве, науке. Среди них В. Малышев [⬇], Ж. Котин, А. Яковлев, И. Черняховский, Н. Кузнецов [⬇], А. Стаханов, В. Чкалов, К. Борин, Л. Орлова, Е. Самойлов, К. Симонов, Т. Хренников и очень многие другие.

Именно в силу небывалого в истории социального оптимизма и невиданной никогда прежде активности широчайших слоев народа, общественная атмосфера 1930-х годов была окрашена не только в трагические тона, но и пронизана пафосом свершений, здоровым мироощущением людей, в большинстве своем занятых созидательным трудом. Дорогу к жизни пробивали вера в творческий потенциал народа, трудовой героизм, страна переживала невиданный взлет культуры и науки, на глазах превращалась в мощную мировую державу, что не может не вызывать симпатию и уважение к жившим в те годы со стороны последующих поколений граждан нашей страны.

Вячеслав Михайлович Малышев (1902—1957) *родился в г. Усть-Сысольске в семье учителя. В 1920—1924 гг. работал слесарем железнодорожных мастерских. В 1926 г. вступил в партию. В 1926—1927 гг. служил в армии. В 1934 г. окончил МВТУ им. Баумана. С 1934 по 1939 г. на Коломенском паровозостроительном заводе прошел путь от конструктора до директора. С 1939 г. — нарком тяжелого машиностроения, в том же году избирается в ЦК ВКП(б). В 1940 г. — зам. Пред. СНК СССР. В годы Великой Отечественной войны возглавлял танковую промышленность. В 1952 г. становится членом Президиума ЦК КПСС. После смерти И. Сталина выведен из Президиума ЦК КПСС и снят с поста зам. Пред. Совмина СССР. В дальнейшем возглавлял ряд промышленных ведомств, был связан с разработкой ракетной и космической техники. Автор содержательных мемуаров.*

Николай Герасимович Кузнецов (1902—1974) *родился в деревне Медведки Вологодской губернии в семье крестьянина. Участник Гражданской войны, краснофлотец. Член партии с 1925 г. В 1926 г. окончил Военно-морское училище им. Фрунзе, в 1932 г. — Военно-морскую академию. В дальнейшем находился на командных должностях. В 1936—1937 гг. являлся военно-морским атташе и главным военно-морским советником при революционном командовании в Испании. С 1939 г. — нарком ВМФ СССР. В 1939—1956 гг. — член ЦК партии. В годы войны с фашистами — руководил боевыми действиями на море. В 1947—1948 гг. обвинялся «в передаче иностранным разведкам материалов, составляющих государственную тайну», тем не менее оставался на командных должностях, а с 1951 г. вновь назначается министром ВМФ. После вхождения военно-морского министерства в состав министерства обороны занимал пост 1-го замминистра. Снят с должности в связи с гибелью в октябре 1955 г. линкора «Новороссийск». Автор многочисленных мемуаров («Накануне», «На далеком меридиане», «Курсом к победе», «Крутые повороты. Из записок адмирала»), работал военным консультантом в Главной редакции «Истории Второй мировой войны».*

§5

СССР в начале третьей пятилетки

Предвоенная модернизация советской экономики и Вооруженных Сил

Третий пятилетний план развития народного хозяйства рассчитывался на 1938—1942 гг. Окончательная разработка плана, его утверждение XVIII съездом партии (10—21 марта 1939 г.) и выполнение пришлись на годы постоянного нарастания военной угрозы. Задачей нового пятилетнего плана было догнать и перегнать наиболее передовые капиталистические страны по производству товаров на душу населения. Объем капитальных вложений в народное хозяйство устанавливался планом в 192 млрд рублей, что почти равнялось вложениям за весь период 1928—1937 гг. Планировалось увеличить объем промышленной продукции на 92%, в 1,5 раза увеличить производство продукции сельского хозяйства и народного потребления. Расширялась угольно-металлургическая база на востоке страны, нефтяная база между Волгой и Уралом, особое внимание придавалось развитию качественной металлургии (специальной стали) и химической промышленности. **Особенностью индустриализации на этом этапе было форсированное наращивание потенциала машиностроения, оборонной промышленности, создание стратегических резервов.** Доля расходов на оборону в государственном бюджете выросла с 12,7% за вторую пятилетку до 25,4% в третьей.

Стремительное развертывание производства потребовало разукрупнить громоздкие главки и наркоматы. В 1940 г. число промышленных наркоматов было увеличено с шести до 21. Каждый из них осуществлял руководство технологически однородными отраслями производства. По решению XVIII Всесоюзной партийной конференция (февраль 1941 г.) в горкомах и обкомах партии вводилась должность секретаря по ведущим отраслям промышленности и транспорта. В планах на 1941 г. решено было увеличить расходы государства на оборону. С 1939 по июнь 1941 г. их доля в советском бюджете увеличилась до 43%. В восточных районах страны стро-

ились оборонные заводы и предприятия-дублеры. Накануне войны там уже находилось почти пятая часть всех военных заводов.

За первые три года третьей пятилетки валовая продукция промышленности выросла в 1,5 раза, а машиностроения — в 1,7 раза. Было введено в действие 3 тыс. новых крупных промышленных предприятий. Среди вступивших в строй были: Угличская ГЭС и Кемеровская ТЭЦ, Новотагильский и Петровско-Забайкальский металлургические заводы, Среднеуральский медеплавильный и Уральский алюминиевый заводы, Уфимский нефтеперерабатывающий завод и Грозненский нефтемаслозавод, Сегежский (Карельская АССР) и Марийский (в г. Волжске) целлюлозно-бумажные комбинаты.

Жертвенный труд народа обеспечил увеличение выпуска промышленной продукции в 1940 г. на 45% по сравнению с 1937 г. Ежегодный прирост всей промышленной продукции в мирные годы третьей пятилетки составлял в среднем 13%, а оборонной — 39%. Осваивалось производство новых видов военной техники, в частности танков Т-34 (конструкция М. Кошкина [⬇], А. Морозова, Н. Кучеренко), тяжелого танка «Клим Ворошилов» (главный конструктор Ж. Котин), реактивных минометов БМ-13 (конструкторы И. Гвай, В. Галковский, А. Павленко и др.), штурмовиков Ил-2 (С. Ильюшин), превосходивших зарубежные аналоги. В серийное производство были запущены верно служившие в годы войны скоростной пикирующий бомбардировщик Пе-2 (конструктор В. Петляков), истребители Як-1 (А. Яковлев), МиГ-3 (А. Микоян, М. Гуревич), ЛаГГ-3 (С. Лавочкин, М. Гудков, В. Горбунов). За предвоенные годы было построено 276 боевых кораблей, в том числе 212 подводных лодок. Все это позволяло существенно повысить техническую оснащенность Красной армии и Военно-Морского Флота. Перевооружение потребовало увеличить расходы на военные нужды в 1940 г. до 32,5% всего бюджета страны. Ежегодный прирост военной продукции в 1938—1940 гг. втрое превосходил прирост всей промышленной продукции. Однако по расчетам и при таких темпах полностью обеспечить армию новым вооружением можно было лишь в 1942—1943 гг.

⬇

Михаил Ильич Кошкин (1898–1940) *— создатель знаменитого танка Т-34. С началом Гражданской войны находился в рядах Красной армии. Участвовал в боях под Архангельском, затем под Царицыном, был*

В ходе реализации к июню 1941 г. трех первых пятилетних планов (соответственно 2-го, 3-го и 4-го этапов индустриализации) был обеспечен постоянный рост промышленного производства примерно на 15% за год. В строй действующих вступили около 9 тыс. крупных промышленных предприятий — передовых по мировым меркам тех лет предприятий станкостроительной, авиационной, автомобильной, тракторной, химической промышленности. Во второй половине 30-х годов завершился процесс превращения СССР из аграрной страны в индустриальную. СССР достиг экономической независимости от Запада. По производству валовой продукции в ряде отраслей промышленности СССР обогнал Германию, Великобританию, Францию или вплотную приблизился к ним.

Выполнение напряженных планов третьей пятилетки во многом обеспечивалось возвратом к методам милитаризации труда. Под угрозой заключения в тюрьму рабочим и служащим было запрещено переходить с одного предприятия на другое

→ *ранен, оставался на службе до 1922 г. В 1919 г. вступил в Коммунистическую партию. Демобилизовавшись из армии, учился в Коммунистическом институте им. Я. Свердлова. По окончании учебы, с 1924 г. находился на партийной работе в Вятке. В дальнейшем получил высшее образование в Ленинградском политехническом (индустриальном) институте и с 1934 г. трудился на Ленинградском опытном машиностроительном заводе имени С. Кирова. Начинал работу конструктором, затем стал заместителем начальника конструкторского бюро. На Кировском заводе ему довелось участвовать в разработке опытных образцов быстроходного колесно-гусеничного танка Т-29 и первого среднего гусеничного танка с противоснарядным покрытием (Т-46-5). С 1937 г. Михаил Ильич работал главным конструктором танкового КБ на Харьковском машиностроительном заводе. Здесь он возглавлял работы по совершенствованию легких колесно-гусеничных танков БТ-7 и БТ-7М, а также по созданию опытных образцов танка А-20 и А-32 (Т-32). Дальнейшее совершенствование последней машины Кошкиным и его ближайшими помощниками Н. Кучеренко и А. Морозовым привело к созданию танка Т-34 с пушкой калибра 76 мм. Неповторимость танка во многом обеспечивалась непревзойденным дюралюминиевым мотором, который был создан в конструкторском бюро, возглавлявшимся К. Челпаном, и производился в дизельном цехе Харьковского завода. Танк Т-34 был принят на вооружение Красной армии в декабре 1939 г. Этой боевой машине и суждено было завоевать славу лучшего танка периода Второй мировой войны. Жизненный путь Кошкина оборвался в 1940 г. Во время показательного пробега танка из Харькова в Москву и обратно Кошкин простудился, заболел воспалением легких и умер. Создатель танка был награжден орденом Красной Звезды, отмечен Сталинской премией (1942 г., посмертно). В 1990 г. ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда.*

без разрешения дирекции. В 1938 г. были введены «трудовые книжки», которые хранились в отделе кадров по месту работы. В этой книжке записывались как благодарности за хорошую работу, так и нарушения трудовой дисциплины. Без отметки в трудовой книжке о причинах увольнения с предыдущего места работы рабочего не могли принять на работу в новом месте.

В 1940 г. режим работы промышленных предприятий стал еще более жестким. Если в 1939 г. прогулом считалось опоздание на работу всего на 20 минут без уважительной причины, то с 1940 г. за это рабочий мог быть осужден на шесть месяцев. Осуждение было условным: рабочий продолжал трудиться на своем месте, но у него вычитали до 25% заработка в пользу государства. В июне длительность рабочего дня была увеличена с 7 до 8 часов, рабочая неделя вновь стала семидневной. Фактически многие отрасли промышленности переводились на полувоенные рельсы.

Определенные сдвиги наметились и в сельском хозяйстве. К началу третьей пятилетки была, в основном, завершена коллективизация сельского хозяйства СССР. Индивидуальных крестьянских хозяйств оставалось лишь 7%. Большую их часть составляли хозяйства скотоводов, оленеводов, пастухов, охотников, рыболовов на окраинах страны. Основными ячейками сельской жизни стали колхозы, которых по всей стране насчитывалось 237 тыс. В 1937 г. был собран хороший урожай (98 млн т), животноводство достигло довоенного уровня. В целом можно заключить, что в годы третьей пятилетки положение в аграрном секторе стабилизировалось, производство имело тенденцию к росту, хотя и сдерживалось переключением внимания и ресурсов на оборонные отрасли хозяйства.

Успехи индустриального и аграрного развития в конце 1930-х годов позволили советскому руководству большее внимание уделять потребностям обороноспособности страны, ее Вооруженным Силам. Численность Красной армии, перешедшей в 1938 г. от территориально-кадровой к кадровой системе комплектования, быстро наращивалась. 1 сентября 1939 г. в СССР был принят Закон «О всеобщей воинской обязанности». Согласно закону, были увеличены сроки военной службы, призывной возраст снижался с 21 года до 18 лет, удлинялся срок пребывания военнообязанных в запасе. Это позволило уже через год удвоить армейские ряды. В начале 1939 г. в Вооруженных Силах СССР служили 2485 тыс. человек, а к 22 июня 1941 г. их численность была доведена

до 5774 тыс. человек. (Для сравнения: германский вермахт на 15 июня 1941 г. насчитывал 7329 тыс. человек.) В руководство армией выдвигались командиры, отличившиеся в боях в Испании, Монголии и Финляндии. 7 мая 1940 г. С. Тимошенко сменил К. Ворошилова на посту наркома обороны. В июне 1940 г. Г. Жуков был выдвинут на пост командующего войсками Киевского особого военного округа, а в январе 1941 г. — на пост начальника Генштаба — заместителя наркома обороны СССР.

Подготовке молодежи к военному делу способствовало развертывание оборонно-массовой работы в стране. Только в добровольном Обществе содействия обороне, авиации и химическому строительству к 1941 г. состояло около 14 млн человек. В учебных заведениях общества изучалось стрелковое дело, средства ПВО, приемы штыкового боя, техника вождения автомобилей и пилотирования самолетов. Квалифицированные военные кадры готовились в быстро расширявшейся системе военных училищ и школ. Офицерский корпус советских Вооруженных Сил за 1937—1940 гг. вырос в 2,8 раза, при этом количество офицеров с высшим и средним военным образованием увеличилось в 2,2 раза — с 164 тыс. до 385 тыс. человек. Однако по данным на начало 1941 г. в сухопутных войсках некомплект комсостава составлял 66,9 тыс. командиров, в летно-техническом составе ВВС некомплект достигал 32,3%. Лишь 7,1% наличного комсостава имели высшее военное образование. К началу Отечественной войны три четверти командиров находились на своих должностях менее года и не обладали должным военным опытом.

Национально-патриотическая подготовка населения к предстоящей войне

В формировании национального сознания и патриотизма огромную роль играет приобщенность к родной истории и традициям. Достигается это не только изучением истории, но и при помощи различных мероприятий, регулярно напоминающих о судьбоносных для данного народа исторических победах, деяниях выдающихся людей, при помощи исторических, художественных, мемориальных музеев. Чувство принадлежности к нации формируются благодаря приобщению к произведениям искусства и архитектуры, созданных на данной территории людьми, идентифицировавшими себя с данной нацией. Все это в полной мере стало учитываться для сплочения советского общества во второй половине 30-х годов.

В октябре—ноябре 1937 г. в школы поступил «Краткий курс истории СССР» А. Шестакова. Сквозь все содержание учебника красной нитью прошла тема патриотизма. Историческая концепция, представленная в учебнике, в условиях подготовки к войне стала основой для массовой пропаганды, героико-патриотического воспитания, духовной мобилизации населения.

Целям национально-патриотического воспитания служили широкое празднование столетия памяти А. Пушкина в начале 1937 г., выход на экраны в июле 1937 г. кинофильма «Петр Первый», в котором российский император неожиданно предстал откровенно положительным героем, величайшим государственным деятелем. В сентябре 1937 г. состоялось открытие Бородинского исторического музея, приуроченное к 125-летию войны с Наполеоном. «Великое прошлое русского народа в памятниках искусства и предметах вооружения» стало темой выставки, открытой в Эрмитаже в сентябре 1938 г. В ноябре того же года был выпущен кинофильм «Александр Невский» — «патриотический фильм о величии, мощи и доблести русского народа, его любви к родине, о славе русского оружия, о беззаветной храбрости в борьбе с захватчиками русской земли», как писала о нем газета «Правда».

Значительным событием культурно-политической жизни Москвы стала открытая в феврале 1939 г. в Третьяковской галерее выставка, на которой впервые за годы Советской власти были представлены привезенные из разных городов страны лучшие полотна русских художников XVIII—XX вв. Эта выставка, как отмечали газеты того времени, вселяла в сердца посетителей «воодушевление, уверенность в силах нашего могучего народа, на протяжении своей долгой истории не раз побеждавшего врагов и сумевшего отстоять свою независимость и свободу». Большой резонанс имела опера «Иван Сусанин», премьера которой состоялась в апреле 1939 г. Осенью 1939 г. широко отмечалось 125-летие со дня рождения «великого поэта-патриота» М. Лермонтова.

Историческое и национальное самосознание народов СССР во многом обогащалось творчеством писателей. Во второй половине 30-х годов они все чаще обращались к созданию образов выдающихся государственных и военных деятелей прошлого, к изображению поворотных событий в истории страны и героизму отдельных народов. Наибольшую известность получил роман А. Толстого «Петр Первый». Героической историей русского народа были вдохновлены поэмы К. Симонова «Суворов» и «Ледовое побоище», роман С. Бородина «Дмитрий Дон-

ской». Трагические страницы русской истории получили художественное отражение в романе В. Яна «Чингис-хан». Высоким духом патриотизма были пронизаны романы «Цусима» А. Новикова-Прибоя, «Севастопольская страда» С. Сергеева-Ценского, «Порт-Артур» А. Степанова. Культурно-исторические и патриотические мотивы были главными в содержании романов «Десница великого мастера» К. Гамсахурдиа, «Великий Моурави» А. Антоновской.

Искренние приверженцы пролетарского интернационализма воспринимали обозначившуюся тенденцию отхода от «принципов коммунизма» в национальном вопросе как пагубную ошибку. Влиятельный литературовед В. Блюм считал, что кинокартины «Александр Невский» и «Петр Первый», опера «Иван Сусанин», пьеса «Богдан Хмельницкий» искаженно освещают исторические события, подменяют пропаганду советского патриотизма пропагандой расизма и национализма в ущерб интернационализму. Не получив поддержки в ЦК партии, Блюм направил письмо И. Сталину с просьбой положить конец искажениям характера социалистического патриотизма, получавшего «черты расового национализма», и осудить «рыцарей уродливого, якобы социалистического расизма», которые «не могут понять, что бить врага-фашиста мы будем отнюдь не его оружием (расизм), а оружием гораздо лучшим — интернациональным социализмом».

Стремление опорочить чуть ли не всякое произведение на патриотическую тему как якобы олицетворение квасного патриотизма («кузьмы-крочковщины») во второй половине 30-х годов проявлялось не столь уж редко. Приходилось урезонивать ретивых приверженцев социалистического космополитизма, напоминать, что отношение большевиков к патриотизму было уже «далеко не таково, как во времена Кузьмы Крючкова», донского казака, первого кавалера георгиевского креста в Первой мировой войне, «когда ленинцы стояли на пораженческих позициях». В сентябре 1939 г. было выпущено специальное постановление ЦК партии, осуждающее «вредные тенденции огульного охаивания патриотических произведений».

Сталинский политический курс в 30-е годы направлялся далеко не одними только идеологическими и пропагандистскими кампаниями. Это было время жестоких репрессий. Многие из репрессированных погибли по обвинениям в национал-уклонизме, национализме, сепаратизме, шпионаже, измене родине. Репрессии были напрямую связаны с ощуще-

нием надвигающейся войны, с представлениями о враждебном окружении. Идеи национального и государственного патриотизма, военно-государственного противостояния, которые стали все в большей мере определять советскую национальную политику с середины 30-х годов, отодвинули на задний план традиционные схемы классовой борьбы и во многом обусловили жестокость репрессий против всех, кто был прямо или косвенно связан с государствами «враждебного окружения».

20 июля 1937 г. Политбюро ЦК постановило «дать немедля приказ по органам НКВД об аресте всех немцев, работающих на оборонных заводах». 30 июля был подписан приказ, касавшийся уже советских граждан немецкой национальности. В августе появились аналогичные решения относительно поляков, а затем и относительно корейцев, латышей, эстонцев, финнов, греков, китайцев, иранцев, румын. Репрессированы были 30 938 советских граждан, ранее работавших на Китайско-Восточной железной дороге и вернувшихся в СССР после продажи дороги в 1935 г. В приказе НКВД от 20 сентября 1937 г. говорилось, что они «в подавляющем большинстве являются агентурой японской разведки». 23 октября был издан приказ, в котором делался упор на то, что агентура иностранных разведок переходит границу под видом лиц, ищущих политического убежища, и предлагалось: «всех перебежчиков, независимо от мотивов и обстоятельств перехода на нашу территорию, немедленно арестовывать». Предавались суду и профессиональные революционеры, переходившие на территорию СССР. По данным комиссии, работавшей перед XX съездом партии, в результате выполнения названных выше приказов к 10 сентября 1938 г. были рассмотрены дела 227 986 человек, в том числе приговорено к расстрелу 172 830 человек (75,8%), к разным мерам наказания — 46 912 человек (20,6%).

Репрессии по национальному признаку не обошли и Красную армию. 24 июня 1938 г. была издана директива наркома обороны, согласно которой из армии подлежали увольнению военнослужащие всех «национальностей, не входящих в состав Советского Союза». В первую очередь увольнялись родившиеся за границей, а также имеющие там родственников. По неполным сведениям, особыми отделами было выявлено 13 тыс. подлежащих увольнению «националов». В мае 1938 г. ЦК партии дал указание об удалении из органов НКВД всех сотрудников, имеющих родственников за границей и происходивших из «мелкобуржуазных» семей. Из руководящего состава НКВД исчезли поляки, латыши, немцы, значительно сократилось

число евреев (с 21,3% на начало сентября 1938 г. до 3,5% к концу 1939 г.).

Соображениями государственной безопасности были продиктованы и решения об «очищении» приграничной полосы от населения, этнически родственного народам сопредельных стран. В апреле 1936 г. правительство СССР приняло решение о переселении из Украины в Казахстан 45 тыс. поляков и немцев. В 1937 г. из районов Дальнего Востока были депортированы в Казахстан и Узбекистан 172 тыс. корейцев. С включением в СССР Западной Украины и Белоруссии, республик Прибалтики и Молдавской ССР политика депортаций получила дальнейшее развитие.

Растущей подозрительностью в отношении всех, кто был прямо или косвенно связан с враждебными Советскому Союзу государствами, была вызвана ликвидация многих культурно-образовательных и территориально-управленческих структур нацменьшинств. 1 декабря 1937 г. Оргбюро ЦК рассмотрело вопрос «О ликвидации национальных районов и сельсоветов». В обосновании решения указывалось, что «в ряде областей и краев искусственно созданы различные национальные районы и сельсоветы (немецкие, финские, корейские, болгарские и др.), существование которых не оправдывается национальным составом их населения. Больше того, в результате специальной проверки выяснилось, что многие из этих районов были созданы врагами народа с вредительскими целями». Постановление предписывало местным партийным комитетам «к 1 января 1938 г. представить в ЦК ВКП(б) предложения о ликвидации этих районов путем реорганизации в обычные районы и сельсоветы». В результате численность национальных районов и сельских советов в стране существенно уменьшилась.

В предвоенное время было принято и постановление «О национальных частях и формированиях РККА». В 20—30-е годы создававшиеся со времен Гражданской войны по территориальному принципу части выступали одной из основных форм привлечения к военной службе представителей национальностей, «ранее в армии вовсе не служивших (узбеки, туркмены, бурят-монголы, киргизы, часть народов Северного Кавказа и т.д.)». Сыграв свою положительную роль, национальные формирования, как гласило постановление, «в настоящее время не могут оправдать своего назначения». Они опирались на местные культурные и хозяйственные условия, были прикованы к своей территории, что лишало возможности осуществлять подготовку бойцов и частей к действиям в различных

условиях климата, быта и боевой обстановки. Возраставшая языковая подготовка призывников позволяла призывать граждан национальных республик и областей к выполнению воинской службы на общих основаниях.

В сентябре 1939 г. был принят Закон «О всеобщей воинской обязанности», отменявший существовавшие ограничения при призыве на действительную военную службу и значительно расширивший призыв в армию «националов» без соответствующей языковой подготовки. Масштабы ее оказались неожиданно большими. Призывы в Среднеазиатском и Закавказском военных округах показали, что многие красноармейцы не владеют русским языком. Вновь открывшуюся проблему пришлось преодолевать на основе решения Политбюро ЦК «Об обучении русскому языку призывников, подлежащих призыву в Красную армию и не знающих русского языка» от 6 июля 1940 г.

Национальная политика, определяемая сознанием особой значимости национального фактора в жизни страны, требовала соответствующего информационного обеспечения. Во второй половине 30-х годов произошли существенные изменения в системе сбора информации, позволявшей детальнее судить о процессах в национальной сфере общества. С 1935 г. в аппарате ЦК вводилась новая форма учета номенклатурных кадров (справка-объективка), в которой впервые была предусмотрена графа «национальность». «Пятый пункт» официальных кадровых документов становился для их обладателей таким же важным, как и пункт о социальном происхождении. Налаживался систематический учет национальности работников государственных учреждений. С 1937 г. сведения о национальности стали приводиться в отчетах НКВД о составе заключенных. 2 апреля 1938 г. был установлен новый порядок указания национальности в паспортах, свидетельствах о рождении и других официальных документах. Если раньше (с введения единой паспортной системы в СССР в 1932 г.) в паспорте записывалась та национальность, к которой причислял себя сам гражданин, то теперь следовало исходить исключительно из национальности родителей. В 1939 г. НКВД получил директиву, обязывавшую следить за тем, какой процент лиц той или иной национальности находится в руководстве наиболее ответственных, с точки зрения безопасности, ведомств.

Политика явно определялась стремлением сгладить диспропорции в представленности советских национальностей в советском руководстве.

В условиях начавшейся мировой войны советское руководство лишь укреплялось в правоте избранного ранее курса национальной политики и воспитательной работы с населением. Война с Финляндией показала всю глубину заблуждений и тщетность надежд на пролетарскую солидарность в предстоящей большой войне. Политуправление Красной армии настраивалось искоренять «вредный предрассудок», согласно которому население стран, вступающих в войну с СССР, «якобы неизбежно, и чуть ли не поголовно восстанет и будет переходить на сторону Красной армии». Беспроигрышным представлялось воспитывать армию на ее героических традициях и на героическом прошлом русского народа.

В конце 1930-х годов появились признаки явных изменений политики государства в отношении религии и церкви. На 1 апреля 1936 г. в СССР было 15 835 православных храмов (28% от числа действовавших до революции), 4830 мечетей (32% от дореволюционных), несколько десятков католических и протестантских храмов. При перерегистрации служителей культа их число оказалось равным 17 857 (15,8% от их численности в 1914 г. и 25,5% — от 1928 г.). По данным переписи населения 1937 г., о своей вере в Бога заявили более 45% населения СССР. При этом среди пожилых людей верующих оказалось почти в 2 раза больше, чем неверующих; среди неграмотных верующие составляли 74%. Это свидетельство о тщетности усилий по звершению атеизации населения за годы «безбожных пятилеток».

Возрождая некоторые русские традиции, власть сочла необходимым умерить антирелигиозный пыл партийных богоборцев. Пошли на убыль и безвозвратные потери служителей Церкви. Среди арестованных в 1937 г. было 136 900 православных священнослужителей, из них расстреляно — 85 300. В предвоенные годы репрессии не прекращались, но их размах сужается. По данным правительственной комиссии по реабилитации жертв политических репрессий, в 1939 г. было арестовано 1500 православных священнослужителей, из них расстреляно 900 (в 95 раз меньше, чем в 1937 г.); в 1940 г. арестовано 5100, расстреляно 1100; в 1941 г. арестовано 4000, расстреляно 1900.

Составной частью работы по воспитанию советского патриотизма стала борьба с носителями «низкопоклонства» перед заграницей, свойственного отдельным представителям как старой интеллигенции, так и новой политической элиты. Открытие нового «фронта» было связано с именем выдающе-

гося математика дореволюционной школы Н. Лузина. В июле 1936 г. он подвергся шельмованию со страниц «Правды» за то, что, подобно многим другим крупным ученым, публиковал свои работы в зарубежных изданиях. С января 1937 г. главными «низкопоклонниками» изображались троцкисты. На XVIII съезде партии понятие «низкопоклонник» было распространено едва ли не на всех вычищенных из общества «врагов народа». Отдавая дань классовому шовинизму, Сталин объявил: «Троцкистско-бухаринская кучка шпионов, убийц и вредителей, пресмыкавшаяся перед заграницей, проникнутая рабьим чувством низкопоклонства», есть лишь «кучка людей, не понявшая того, что последний советский гражданин, свободный от цепей капитала, стоит головой выше любого зарубежного высокопоставленного чинуши».

По мере изживания крайностей национального нигилизма в 30-е годы заявила о себе и тема необходимости преодоления космополитизма. Так, писатель И. Катаев призывал: «Безнадежных “космополитов”, отщепенцев, эту вялую богему, не помнящую родства, надо поскорее вымести вон из искусства». А. Толстой, прослеживая развитие отечественной литературы, говорил, что к 1941 г. она «от пафоса космополитизма, а порою и псевдоинтернационализма — пришла к Родине, как к одной из самых глубоких и поэтических своих тем».

В канун Отечественной войны И. Сталин вознамерился было по-новому разъяснить связь между национальными и интернациональными основами патриотизма. «Нужно развивать идеи сочетания здорового, правильно понятого национализма с пролетарским интернационализмом, — говорил он Г. Димитрову в мае 1941 г. — Пролетарский интернационализм должен опираться на этот национализм... Между правильно понятым национализмом и пролетарским интернационализмом нет и не может быть противоречия. Безродный космополитизм, отрицающий национальные чувства, идею родины, не имеет ничего общего с пролетарским интернационализмом. Этот космополитизм подготовляет почву для вербовки разведчиков, агентов врага». Однако времени для радикальной перестройки разъяснительной работы уже не оставалось. Видимо, останавливал и страх перед полной реабилитацией национализма из-за возможного отождествления сталинской политики с гитлеровской.

Поражения СССР на первых этапах войны с Германией были вызваны многими причинами. В их ряду были и изначально ошибочные установки национальной политики, обусловившие пороки в национально-государственном устройстве СССР, в

отношении к дореволюционной отечественной истории, к роли русского народа в межнациональных отношениях. Коррекция национальной политики, начавшаяся в конце 1924 г. и особенно заметная с середины 30-х годов, не позволила до конца преодолеть все эти изъяны. Процессы консолидации народов СССР в единый советский народ оказались далеко не завершенными. Не способствовали этому и репрессии. Политика утверждения общенационального советского патриотизма к началу войны еще не стала столь действенной, как это изображалось в официальной пропаганде. Подготовка Советского Союза в этом отношении оказалась не завершенной. Все это сказалось уже в первые недели Великой Отечественной войны. Без решительного перехода правящей партии на национально-патриотические позиции защиты общенародных интересов победа в войне была бы недостижима.

11 глава
РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ В 1917—1941 гг.

§1

Культура и революция

В поисках новых ориентиров

Пафос и масштабы эпохи социальных преобразований в России самым непосредственным образом проявились и в сфере культуры. Явления, происходившие в ней, носили крайне многогранный и неоднозначный характер. С момента своего возникновения, в особенности после появления письменности, единая национальная культура на протяжении столетий постепенно расслаивалась на различные пласты. Имея общие корни и многие общие черты, эти культурные пласты по мере развития уже почти перестали соприкасаться друг с другом (этот процесс значительно усилился в XVIII–XIX вв.). На рубеже новейшего времени многослойность русской культуры проявилась с особой силой, поскольку народная культура была обращена к традиционным, национальным истокам, а культура узкого образованного слоя находилась под сильным воздействием Запада, в некоторых своих проявлениях носила подражательный характер. При этом духовные ориентиры образованных классов также представляли собой сложную картину. Культурный раскол проходил не только между русской интеллигенцией и народом, но и по самой русской интеллигенции, часть которой стремилась «просвещать» народ, учить его «заморским» культурным новшествам, а другая — искренне учиться у него. Нужно учитывать еще и тот факт, что на столь сложную культурную ситуацию накладывалась и другая российская специфика: многонациональность и многокон-

фессиональность страны, ибо всякий народ, проживавший в пределах Российской империи, имел собственную культуру, во многом определяемую той религией, которую этот народ исповедовал.

Своеобразным отражением имевших место конфликтов в сфере нравственных и эстетических исканий становится ленинская теория двух культур, выдвинутая им еще до революции, в 1913 г. По мысли В. Ленина, «есть две нации в каждой современной нации...» Следовательно: «Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, но есть также великорусская культура, характеризуемая именами Чернышевского и Плеханова». Ленин, стремившийся к поиску простых ответов на сложные вопросы, вписывал свою теорию в марксистские представления о классовой борьбе как движущей силе истории, тем самым заостряя и одновременно упрощая понимание культуры в интересах своей политической линии. Но в то время подобное понимание культуры было свойственно многим. Уместно, к примеру, сослаться на мнение видного представителя московской исторической школы и общественного деятеля рубежа веков П. Виноградова, по словам которого, народ и небольшая кучка его образованных лидеров «противопоставлены друг другу как две враждующие армии». Историк усматривал в этом важное социокультурное значение. «Они говорят на одном и том же языке, но придают различный смысл словам, — подчеркивал Виноградов, — и, потому, лишены средств общения».

Культурная неоднородность русского общества, противоречивые поиски религиозных, нравственных и эстетических ориентиров в нем можно считать одновременно и проявлением предреволюционного кризиса, и одной из его глубочайших причин. Но революция не ликвидировала и не могла ликвидировать многослойность и аксиологический плюрализм отечественной культуры. Вместо этого революция раздробила и смешала различные культурные слои, как это бывает с геологическими слоями в период крупных тектонических сдвигов, породив новые противоречия. Радикализм протекавших в культурной сфере процессов уже современников заставил говорить не просто о преобразованиях в культуре, а о культурной революции — ее идеологами и певцами были такие деятели, как А. Луначарский, Н. Крупская и другие видные представители большевистского режима. Изучением культурной революции занимались не только советские историки, но также их зарубежные коллеги, видевшие в ней своеобразную квинтэс-

сенцию всей цивилизационной трансформации России, начатой в Октябре 1917 г.

Воздействие революции на культурное развитие страны сказалось не сразу, накапливалось постепенно, прошло долгую эволюцию, но значимость этого влияния сегодня мало кто решается оспаривать, вне зависимости от того, какие оценки даются характеру произошедшего. Даже сами разногласия, существующие среди историков культурной революции, также являются следствием ее сложности и эпохальности, а не только различий в методологии и политических установках тех или иных авторов. Многое зависит от ракурса под которым рассматриваются тенденции развития отечественной культуры в 1917—1941 гг. Для многих советских историков был характерен прикладной взгляд, при котором культурную революцию рассматривали как комплекс мероприятий большевиков по ликвидации безграмотности и созданию новой советской интеллигенции. Для других историков, прежде всего современных, характерен иной подход, при котором на первое место выдвигаются политические задачи, решаемые в ходе культурной революции большевиками. В этом случае под культурной революцией понимается коренной поворот в духовной жизни общества, для которого было характерно утверждение марксистско-ленинской идеологии в качестве единой мировоззренческой основы всех советских граждан, стандартизация мышления, подавление всякого рода носителей антисоветского сознания, наконец, создание принципиально новой культуры, как в те годы говорилось — социалистической по содержанию, интернациональной по природе, национальной по форме.

Однако существует еще одна, еще более широкая интерпретация, когда культурная революция воспринимается как всеохватывающий штурм, целостная программа воспитания нового человека, более прекрасного, разумного и совершенно, возможно даже «равного богам» «сверхчеловека» — задача космического масштаба. Подобного рода оценки характерны, прежде всего, многим наиболее радикальным идеологам культурной революции, а также некоторым зарубежным авторам. Один из пролетарских поэтов А. Гастев, например, в стихотворении «Мы посягнули» художественно сформулировал стоявшие перед революцией цели следующим образом: «...кругом закованный сталью земной шар будет котлом вселенной, и когда, в исступлении трудового порыва, земля не выдержит и разорвет стальную броню, она родит новых существ, имя которым уже не будет человек...» Такой настрой вытекал из воззрений, вполне традиционных для русского революцион-

ного движения («новые люди» Н. Чернышевского, популярное среди радикальных революционеров высказывание К. Маркса о том, что изменяя мир, человек изменяет себя и др.).

В то же время, было бы неверным считать, что лагерь Октябрьской революции 1917 г. составляли исключительно сторонники марксисткой ортодоксии. В идеологии конструирования нового человека отчетливо читаются отголоски многих популярных на рубеже XIX—XX вв. философских систем (например, ницшеанства), а также различных мистических увлечений русской интеллигенции той поры и сектантства, совершенно иначе, чем православие, трактующих роль человека и его взаимоотношения с миром. Такой своеобразный плюрализм идейных течений, заложенных в основу культурной революции привлекал к ней многих деятелей литературы и искусства, в результате чего большевиков поддержали представители разных направлений, вкладывающих свой смысл в проводимые преобразования. Культурная жизнь первых лет Советской власти демонстрирует это наиболее ярко. Тогда за рождение новой культуры наиболее активно ратовали два течения — «авангардное» и «религиозно-народническое», находящиеся на солидном отдалении от марксизма.

Очень многие деятели отечественной культуры ориентировались на т.н. «футуризм» (от лат. «футурум» — будущее), авангардное направление, пытающееся создать культуру, полностью соответствующую эпохе социальной и технической революции. Футуристы считали, что технический прогресс требует радикального изменения стиля и языка. Их стратегией стало искажение всех прежних форм, а также эпатаж публики, призванный вызвать шок, с помощью которого окажется легче усвоить все новое.

Футуристическое движение было расколото на несколько организаций: «Союз молодежи» (В. Татлин, М. Шагал), группу «Гилея» (Д. Бурлюк, В. Маяковский), выставочные группы «Ослиный хвост», «Трамвай», «Минень» (М. Ларионов, И. Гончаров). Несмотря на некоторое различие в тактике, все эти группы отличала приверженность индустриальной культуре, пронизанной влиянием техницизма. Футуристы выступали за синтез практически всех стилей, именуя данную методологию «всечеством». При этом творческая специализация футуристов не замыкалась на каком-либо одном направлении. Многие футуристы были одновременно поэтами и художниками (В. Хлебников, В. Маяковский, Д. Бурлюк, А. Крученых), художниками и музыкантами (Н. Кульбин, В. Баранов-Россинэ). Они охотно прибегали к рекламным и театрально-пропа-

Агитационный отдел политуправления фронта. Петрозаводск. 1921 г.

В. Маяковский и В. Мейерхольд. 1928 г.

гандистским жестам. Удачно они работали в жанре революционного плаката. Одним из важнейших приемов творческой агитации футуристов был эпатаж. Он ставил своей целью не только шокировать зрителей и привлечь их внимание. Все искусство, по мнению футуристов, должно быть действенным, выражать динамику эпохи. К примеру, «било по устоям» их знаменитое требование «сбросить Пушкина с корабля современности». Он имел и свою идейную нагрузку — футуристы в своей борьбе за новое искусство призывали решительно порвать со всем старым и «отжившим». Совершенно понятно, что такая практика не могли не вызвать восторженной реакции со стороны какой-то части революционной молодежи, которая охотно поддержала футуристов. В то же время многие лидеры большевизма, в частности Ленин, скептически оценивали деятельность футуристов, считая ее излишне эпатажной и слишком уж радикальной.

Другой, по своей сути столь же революционной, тенденцией художественной и философской мысли было стремление драпировать строительство нового мира и человека в одежды религиозности, неслучайно, поэтому, для очень многих деятелей культуры было характерно осмысление и принятие Октябрьской революции на почве религии и мистики. Немало религиозно настроенных людей примкнуло к большевикам. Конечно, их религиозность часто выходила за канонические рамки, но тем не менее она имела глубокий, устойчивых характер. К примеру, в 1917—1918 гг. активно действовала литературно-политическая группа «Скифы», возглавлявшаяся левым

эсером Р. Ивановым-Разумником, членом Президиума ВЦИК С. Мстиславским и известным литератором А. Белым (Бугаевым). В ее состав входили известные поэты и писатели: А. Блок, С. Есенин, Н. Клюев, Е. Замятин, А. Чапыгин, А. Ремизов и т. д. «Скифы» считали, что Октябрьская революция есть попытка русского народа принести всему миру истинную религиозность, соединяющую духовность и социальную справедливость. Они противопоставляли рационализму и потребительству западного общества «варварскую» простоту, отсюда, собственно говоря, и название «Скифы».

Своеобразные богостроительские увлечения были свойственны и крупнейшему литературному деятелю эпохи М. Горькому. Нарком просвещения А. Луначарский, находившийся под сильным влиянием Фейербаха и, особенно, Ницше, так же считал возможным существование особой материалистической религии. Изучив различные философские и религиозные системы, он назвал научный социализм «новой, последней, глубоко критической, очистительной и ... синтетической религиозной системой». Луначарскому принадлежат и более предметные оценки, — так, он увидел в марксизме «пятую великую религию, формулированную иудейством» (вслед за иудаизмом, христианством, исламом и пантеизмом Спинозы). Стремление к новому миру Луначарский доводил до «обожествления» человека будущего, мотивируя это тем, что «только человек... со своим чудным мозгом и ловкими руками может завоевать царство человечности на земле». Позже Луначарский пытался открещиваться от своих богостроительских исканий, называя их своим «самым ложным шагом», что, впрочем, не помешало и в дальнейшем проповедовать радикальные взгляды на природу культуры и ставить задачи воспитания нового человека.

Важной чертой идеологии строительства новой религии, нового человека, нового мира было отрицание всего прежнего, что нашло отражение в гимне революции и одновременно государственном гимне Советской страны — «Интернационале»: «весь мир насилья мы разрушим до основанья», а уж затем «мы свой, мы новый мир построим». И это не случайно. Любая революция как процесс, предлагающий коренной переворот в области общественных отношений, несет в себе мощный заряд нигилизма, отрицающего все старые, традиционные ценности. Октябрьская революция не стала здесь исключением. В немалой степени нигилизм был спровоцирован В. Лениным и некоторыми его программными заявлениями в области культуры и национального вопроса. Однако Ленина вовсе не следует считать представителем самого крайнего фланга ниги-

листического направления. Подлинным вождем нигилистов в партийно-государственном руководстве несомненно был Л. Троцкий. Он изложил свою позицию по отношению к отечественной культуре и культуре вообще в работе «Литература и революция», опубликованной в 1923 г. В ней Троцкий развивает свои прежние мысли о сущности русской культуры и истории. Еще в 1912 г. он вопрошал: «Что мы дали миру в области философии или общественной науки? Ничего, круглый нуль!» Теперь, в начале 1920-х годов, этот «пламенный революционер» фактически отрицал наличие русской культуры, оценивая ее как «еле заметные отложения "культурных" наслоений над целиной социального варварства».

Нигилизм продолжал оставаться мощным фактором общественно-политической и культурной жизни страны не только во время Гражданской войны, но и на протяжении всех 1920-х годов. Нигилисты упорно трудились над разрушением старых ценностей, в число которых попал и патриотизм. Тогда чем-то обычным стали нападки на русскую историю и культуру. Вот, например, строки из стихотворения «пролетарского поэта» Джека Алтаузена, весьма популярного в 20-е годы:

Я предлагаю Минина расплавить,
Пожарского. Зачем им пьедестал?
Довольно нам двух лавочников славить,
Октябрь их за прилавками застал.

Вместе с тем, и это дополнительно показывает неоднозначность культурного процесса в 1917—1941 гг., помимо радикальных нигилистических и обновленческих тенденций, колоссальное значение приобрели явления, которые в современной науке все чаще определяют в терминах «консервативной революции». Они так же выступают своеобразным порождением «смутных лет России», но их отличает совершенно иная ценностная и цивилизационная направленность. Революция, затронув все группы населения бывшей империи, пробудила к активной творческой жизни самый многочисленный слой российского общества — крестьянство. Уже в годы Первой мировой войны приток крестьянства в города стал менять их облик и облик происходивших в них культурных процессов. Гражданская война, нэп и, в особенности, модернизация 1930-х годов сделали этот процесс массовым и необратимым, породив многомиллионную крестьянскую миграцию на стройки первых пятилеток. Крестьянская культура, более архаичная и инертная, менее разработанная и утонченная, нежели культура

прежней художественной элиты, несла, вместе с тем, в себе глубинные, не затронутые порами разложения национальные элементы — формировавшиеся веками традиции русской национальной культуры.

Глубинный, традиционный демократизм крестьянской жизни и крестьянского мировоззрения противостояли тоталитарному мышлению иных «творцов нового мира», стремившихся к полной унификации и стандартизации культурной жизни по ими же скроенным лекалам. Пробуждаясь, крестьянство тянулось к подлинным культурным ценностям, и поэтому отвергало тот псевдокультурный суррогат, который под вывеской «революционной культуры» пыталась навязать обществу не имевшая связи с национальными корнями часть радикальной интеллигенции. Крестьянская культура, которая, образно говоря, «шагнула за пределы своего класса», стала общенациональным достоянием, сделалась непреодолимым препятствием на пути разрушительных экспериментов в области культуры. Образно говоря, можно было сколько угодно разрушать Церкви, но для крестьянина каждая изба — Церковь, в каждой избе есть красный угол с иконами. Именно эти здоровые, естественные процессы, протекавшие в глубине русского общества, стали основой того возврата к традиционным культурным и национальным ценностям, который наметился в годы, непосредственно предшествующие Великой Отечественной войне и ставшие важной предпосылкой победы в ней.

Партийно-государственное руководство культурой

Партия большевиков всегда уделяла культуре большое внимание, рассматривая ее как один из фронтов идейной борьбы. Подобный подход был разработан В. Лениным еще в 1905 г., в статье «Партийная организация и партийная литература». Успех на таком «фронте» требовал создания эффективной системы партийно-государственного контроля. Основы его были заложены уже в период Гражданской войны. Тогда организационное управление культурной жизнью со стороны партийных органов оказалось поделенным между отделом агитации и пропаганды ЦК партии (сегодня более известный как Агитпроп), Главным управлением политического просвещения и Политуправлением Красной армии. Эти органы обладали весомыми контрольно-распорядительными функциями. Так, Главполитпросвет мог накладывать своеобразное вето на всю текущую продукцию в области искусства. Кроме того, при ЦК

А. Луначарский и М. Кольцов на параде 1 мая на Красной площади в Москве. 1931 г.

действовало несколько постоянных комиссий по многим отраслям культуры.

Важнейшее место в проведении культурной политики занимали государственные органы. Уже в составе первого Советского правительства, сформированного 27 октября 1917 г., был предусмотрен пост наркома просвещения, который занял А. Луначарский. Декретом от 9 ноября при нем создается специальная Государственная комиссия по просвещению. Наркомпрос задумывался как орган централизованного руководства всеми отраслями культуры. Работавшие в его составе отделы занимались не только вопросами высшего, среднего и внешкольного образования, но также литературой, театром, живописью, музыкой и др. Специально для поднятия культурного и образовательного уровня населения в национальных окраинах в Наркомпросе первоначально действовал отдел просвещения нацменьшинств. По мере укрепления национальных автономий в них создавались собственные наркоматы просвещения по примеру общероссийского, а сама комиссия Наркомпроса была преобразована в Совет (Совнацмен), занимавшийся регулирующей деятельностью. В целом же по стране культурой

ведали создаваемые при местных Советах отделы народного образования, которым подчинялись не только государственные, но частные заведения культуры.

После образования СССР создается Совещание наркомов просвещения союзных республик. Отсутствие единого общесоюзного министерства затрудняло осуществление централизованной политики в этой сфере. Для выправления ситуации с середины 1920-х годов, пока еще в ограниченных масштабах, разворачивается процесс реформирования органов управления культурой. Из состава Наркомпроса РСФСР начинают выделяться органы управления отдельными отраслями культуры. Они получали статус общесоюзных. Тем самым сфера деятельности самого Наркомпроса постепенно сужалась, и в дальнейшем в его компетенции оставалась лишь политика в области образования. В 1929 г. в отставку уходит Луначарский, его приемником становится А. Бубнов. Назначение нового наркома совпало с началом грандиозных изменений в развитии страны, которые вскоре привели к серьезным изменениям всей системы управления, в том числе набирают новые обороты преобразования в области управления культурой по линии еще большей специализации и централизации. Так, в 1930 г. был образован Союзкино, в 1932 г. — Комитет по высшей технической школе (преобразованный в 1936 г. во Всесоюзный комитет по делам высшей школы), в 1933 г. — Всесоюзный комитет по радиофикации и радиовещанию, в 1936 — Всесоюзный комитет по делам искусств.

Наряду с партийными и государственными органами существенное место в проведении культурной политики после революции 1917 г. играли общественные организации. Ожесточенность Гражданской войны и стремление многих большевистских лидеров к идеологическому господству привели к ликвидации многих общественных, профессиональных и творческих организаций, не разделявших революционную платформу большевизма. Так, исчезли Всероссийский Учительский союз, Союз деятелей художественной культуры, Союз деятелей искусств и др. Им на смену приходили новые организации, призванные стать проводниками линии на создание новой социалистической культуры. В 1920-е годы среди них могут быть названы добровольные общества Союз безбожников, Общество друзей кино и др. Большую роль в проведении политики в области культуры играли и такие организации, как профсоюзы и комсомол, имевшие своих представителей в Наркомпросе, Госкомиссии по просвещению, местных отделах народного образования.

В первые годы Советской власти важное место в системе революционной перекройки культуры занимал т.н. Пролеткульт. Он был образован в сентябре 1917 г. как объединение различных рабочих литературных кружков, театральных и художественных студий. Его расцвет приходится на 1918—1920 гг. В это время в его рядах объединялось до полумиллиона человек. Являясь своеобразной формой рабочей самоорганизации, Пролеткульт разделил общую судьбу органов рабочего самоуправления. По мере укрепления государства он подвергался все большему огосударствлению и терял свою самостоятельность. Осенью 1920 г. был сделан решительный шаг по ликвидации его независимости от власти. На Всероссийском съезде было принято решение о подчинении Пролеткульта Народному комиссариату просвещения. Отделения Пролеткульта на местах становились составной частью сети учреждений нарком проса.

Одной из причин ликвидации автономии Пролеткульта были разногласия, существовавшие между его главным идеологом А. Богдановым и Лениным по вопросам теории социалистической культуры. Полемика, развернувшаяся между ними, а также последующая судьба Пролеткульта и его дочерних организаций может служить своеобразным зеркалом тех тенденций, которые определяли лицо отечественной культуры в те переломные годы.

Богданов, видный философ и деятель революционного движения с многолетнем стажем, стоял на крайне левых позициях. Он и другие идеологи Пролеткульта ратовали за создание совершенно новой пролетарской культуры, не имеющей никакой преемственности от культуры старой. Ленин противопоставил Богданову и всем «пролеткультовцам» концепцию «социалистической культуры для всех трудящихся», в которой «пролетарский» момент был бы определяющем, но не исключал бы все остальные. Он же категорически возражал против нигилистического отрицания предшествующего периода. «Пролетарская культура, — утверждал Ленин на III съезде комсомола, — не является выскочившей неизвестно откуда... Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества».

После фактической ликвидации Пролеткульта как самостоятельной организации, влияние богдановских идей не ослабло и дискуссия между умеренными (сторонниками ленинского подхода) и «неистовыми ревнителями» (сторонниками клас-

сового размежевания в культуре) продолжилась с прежней силой. Идеологическим рупором пролеткультовцев становятся такие периодические издания, как «На посту» и «На литературном фронте». Напостовцы считали себя единственными представителями пролетариата и выступали с резкими нападками на всех не согласных с ними, которых презрительно называли «попутчиками» (сам этот термин применительно к литературному творчеству был введен Троцким в его работе «Литература и революция»). В авангарде «культурного» левачества шла т.н. «Российская ассоциация пролетарских писателей» (РАПП), возглавляемая Л. Авербахом. Это объединение учло ошибки «Пролеткульта». Его руководители формально готовы были признать, что у «старого искусства» есть чему поучиться, хотя и предельно сузили область этого «изучения». Если «пролеткультовцы» стремились к независимости от партии, то рапповцы, напротив, претендовали на то, чтобы быть единственными выразителями воли ВКП(б) в сфере литературы. РАПП абсолютизировала идею классовой чистоты, пытаясь «уберечь» пролетариат и его искусство от влияния со стороны других социальных групп. По сути дела, эта организация заняла враждебную позицию по отношению ко всему крестьянству и всей интеллигенции.

На протяжении 1920-х годов советское руководство подходит к мысли о необходимости опоры на какую-либо одну организацию, которая стала бы надежным инструментом агитации и пропаганды социализма. Пришло понимание того, что аппарат власти не в состоянии добиться нужной гибкости, которую смогут достичь лишь представители самой творческой среды. Когда в конце 1920-х годов в советском руководстве решение этой задачи было переведено в практическую плоскость, первоначально было решено воспользоваться уже имевшимися структурами и была сделана ставка как раз на Российскую ассоциацию пролетарских писателей, которая на тот момент была самым сильным творческим объединением. Сами рапповцы вполне осознавали себя пригодными для исполнения роли «партийной дубины». Но реальность опровергла их ожидания. Своей абсолютной нетерпимостью РАПП отталкивала от себя большинство литераторов. Она оказалась неспособной проанализировать ход современных ей литературных процессов, дать ответ на множество вопросов, поставленных в ходе тогдашних литературных дискуссий. Кроме того, ассоциация проявила свою полную организационную недееспособность. Полнейшая несостоятельность РАПП вынудила советское руководство изменить стратегию создания единой писательской организации.

Сталин решает создавать ее посредством объединения всех течений в новую ассоциацию. При этом в целях придания данной организации бесспорного авторитета им задумывается провести объединение под руководством одного из ведущих классиков отечественной литературы. На роль такого лидера лучше всего подходил М. Горький. В апреле 1932 г. вышло Постановление Политбюро ЦК «О перестройке литературно-художественных организаций», распускающее РАПП. Одновременно распускались и другие творческие объединения, на их месте предписывалось создать единые творческие союзы — писателей, художников, композиторов. Любопытно, что в постановлении отрицалась необходимость существования особых пролетарских организаций. Победила ленинская концепция социалистической культуры для всех трудящихся.

Таким образом, регламентируемое сверху объединение писателей следует считать сложным и противоречивым процессом. С одной стороны, произошло ограничение свободы творчества, с другой — были преодолены опасные, нигилистические тенденции.

Подготовка к созданию единого союза шла целых два года. Задачу объединения партийных и беспартийных писательских сил выполнил I Всесоюзный съезд советских писателей, прошедший в Москве в августе 1934 г. под председательством Горького. Этот съезд стал одним из триумфов Сталина и его политики, он проходил под знаком всеобщего одобрения и восхваления политики вождя.

Констатируя это, следует в то же время учитывать, что культ личности Сталина в литературной среде, в подавляющем большинстве случаев, раздувался самой же творческой интеллигенцией, которая искренне преклонялась перед его железной волей и решимостью. Вот характерное описание отношения к Сталину, сделанное К. Чуковским: «...Вдруг появляются Каганович, Ворошилов, Андреев, Жданов и Сталин. Что сделалось с залом! А ОН стоял, немного утомленный, задумчивый и величавый. Чувствовалась огромная привычка к власти, сила... Я оглянулся: у всех были влюбленные, нежные, одухотворенные и смеющиеся лица. Видеть его — просто видеть — для всех нас было счастьем... Каждый его жест воспринимали с благоговением».

Параллельно с созданием единой писательской организации — Союза советских писателей — стали возникать творческие организации работников иных сфер культуры: композиторов, музыкантов и т. д.

Усилению организационного контроля над работниками культуры, безусловно, должно было сопутствовать ужесточение контроля идеологического. В этих целях партийное руководство сформулировало концепцию «социалистического реализма», согласно которой литература и искусство должны правдиво отражать реалии строительства социализма. Конечно, в условиях жесткой идеократии, категория правдивости приобретала сугубо функциональный характер. Писателей сразу же ориентировали на описание того, что ведет к социализму, а не на вскрытие всего процесса в его противоречивости. На практике «социалистический реализм» далеко не всегда был реалистичен. Появлялось огромное количество конъюнктурных произведений, в которых сюжет разворачивался как сюжет некоего героического мифа с неизменным торжеством «хороших» советских людей, побеждающих «плохих» вредителей. Подобной шаблонности изрядно способствовало ужесточение контроля, в том числе и со стороны органов госбезопасности.

§2

Художественная жизнь: потери и обретения

Литература в тисках идеологии

Революция 1917 г. ознаменовала собой важный рубеж в развитии отечественного искусства. Выдвинув лозунг «Искусство народу», советское руководство далеко не сразу смогло в полном объеме приступить к его реализации из-за начавшейся Гражданской войны. Непросто складывались отношения власти и интеллигенции, которая фактически раскололась на тех, кто поддержал Октябрь и тех, кто оказался в оппозиции к нему (и не только в идейном, нравственном или эстетическом плане, но и вполне конкретно участвуя в борьбе за свержение «власти узурпаторов»). Стремясь привлечь культурные кадры к сотрудничеству, ЦК РКП(б) 18 ноября 1918 г. обратился за поддержкой к деятелям литературы и искусства.

Но многие из тех, к кому был обращен призыв, остались глухи к нему, позже немалая их часть, не в силах принять

революцию, закончила свои дни в эмиграции, среди них — писатели И. Бунин (ставший в 1933 г. лауреатом Нобелевской премии в области литературы), И. Шмелев, Б. Зайцев, А. Ремизов, Д. Мережковский, З. Гиппиус, певец Ф. Шаляпин, композитор С. Рахманинов, актер и режиссер М. Чехов и др. (До начала Великой Отечественной войны из эмиграции в СССР вернулись писатель А. Куприн, поэт М. Цветаева, композитор С. Прокофьев и другие деятели культуры.) Некоторые, оставшиеся в России, попали под каток большевистских репрессий (например, поэт Н. Гумилев, расстрелянный в 1921 г.) или же не смогли выжить в трудные годы Гражданской войны (от голода и болезней умерли А. Блок, В. Розанов). Все это вело к определенному упрощению и затуханию художественной жизни в стране.

В этих условиях новой революционной власти, как отмечают некоторые современные авторы, пришлось взять на себя миссию лидерства и приняться за восстановление пострадавшего в годы революции и Гражданской войны культурного наследия. Шаги государства в этом направление давали свои положительные результаты, что обещало поддержку низов и постепенный переход на сторону Советской власти широких слоев интеллигенции, вдохновляемой идеей служения народу.

В начале 1918 г. Советское правительство одобрило план монументальной пропаганды, по которому мыслилось создание по всей республике памятников выдающимся деятелям освободительного движения, ученым, деятелям искусства. Открытие каждого памятника напоминало собой театральную постановку или митинг, в котором принимали участие не только массы, но и видные партийные деятели. Массовые театральные действия вообще становятся лицом той эпохи. Первый подобный праздник в честь освобожденного труда, сопровождавшийся грандиозным театральным действом, состоялся 1 мая 1920 г. на ступенях Фондовой биржи в Петрограде. Стремясь не допустить варварского разрушения культурных ценностей темными массами и вывоза их за границу бегущими от революции представителями свергнутых классов, большевики национализировали частные коллекции произведений искусства. На базе национализированных дворцов создавались музеи. К концу Гражданской войны удалось создать единую библиотечную систему, в основе которой также находились национализированные книжные собрания, прежде хранившиеся в помещичьих усадьбах, монастырях, особняках буржуазии.

Рабочие рубят церковную утварь на металлолом. Харьков. 1930 г.

Нэп, с его относительной либерализацией режима, способствовал некоторым переменам и в политике по отношению к искусству. Партийное вмешательство в эти годы продолжалось, но оно стало не таким грубым, как в период Гражданской войны. Кроме того соперничество в партийном руководстве различных идеологий способствовало определенному плюрализму художественного творчества.

Особенно активно шло развитие литературы, традиционно игравшей в России важнейшую роль. В 1920-е годы появилось множество талантливых произведений, очень важных для понимания сути революционной эпохи. К числу таких произведений смело можно отнести роман Д. Фурманова «Чапаев», в котором сделана попытка нарисовать портрет народного героя революции. Проблема т.н. «революционного гуманизма» поднимается на страницах романа А. Фадеева «Разгром». В нем командир Левинсон принимает решение умертвить тяжело больного бойца, которого нельзя перенести и который может стать причиной гибели всего отряда, преследуемого противником. Вопрос формулируется так: «Что важнее — жизнь одного или многих?» Героико-революционную тему активно разрабатывали писатели и поэты: К. Тренев («Любовь

Яровая»), Вс. Иванов («Бронепоезд 14-69»), Б. Лавренев (Разлом»), Н. Асеев («Свердловская буря»).

Развитие литературы и в годы Гражданской войны, и в годы нэпа наиболее ярко демонстрирует неоднородность тех художественных течений, которые оказались вызваны к жизни революцией. Так, продолжалось развитие различных авангардистских направлений, прежде всего футуризма, многие из представителей которого встретили Красный Октябрь с восторгом и большими надеждами. В литературе футуристами практиковались эксперименты со всей структурой речи — они были призваны отобразить динамику машинного производства, его молниеносные ритмы, приходящие на смену ритмам жизни человека аграрного общества. Свой литературный способ футуристы называли «заумью». Она, по их замыслу, должна была выявить некие глубинные, смысловые пласты обыденной речи, создав на ее месте речь новую, соответствующую новым социальным и техногенным реалиям. Наиболее ярким представителем футуристов являлся примыкавший к ним некоторое время В. Маяковский, чье творчество, впрочем, нельзя отождествлять только с футуризмом, скорее, сам футуризм вошел в него составным элементом [⬇].

Владимир Владимирович Маяковский (1893—1930) *— поэт, ставший одним из ярчайших символов советской эпохи. Сталин наградил его эпитетом «лучший и талантливейший», что надолго утвердило культ Маяковского в отечественной поэзии.*

Маяковский родился в семье лесничего. Еще в юности связал свою судьбу с революционно-социалистическим движением. Свои первые поэтические опыты он начал в 1909 г. Ранние стихи Маяковского («Из улицы в улицу», «А вы могли бы?», «Я», «Послушайте!» и др.) не столько пафосны, сколько лиричны. Однако уже в них присутствует его знаменитая рубленая рифма, стремление к динамике.

Октябрьскую революцию Маяковский одобряет без колебаний. Его поэзия становится строго агитационной, сам Маяковский с гордостью характеризовал себя как «агитатора, горлана-главаря». Маяковский небезосновательно пытался стать вождем революционной культуры, создав собственную организацию — Левый фронт искусств (ЛЕФ) — потом бросил ее. Сказались все отрицательные черты манерничанья и эпатажности футуристов. Маяковского ни в коем случае нельзя считать придворным поэтом, хотя несомненно его достаточно лояльное отношение к властям. В конце жизни они держали его на некотором расстоянии, причем в поведении власть предержащих прослеживались элементы опалы. Так, Маяковскому не дали визу во Францию, а официальная пресса замолчала его выставку, посвященную 15-летию творческой деятельности. Трагическая смерть Маяковского до сих пор вызывает различные оценки исследователей. Мощной силой убеждения насыщены его стихотворения «Приказ по армии искусств», «Левый марш», пьеса «Мистерия-буфф», поэма «150 000 000». Поэмы «Хорошо» и «Ленин» стали настоящей летописью революционной России и др.

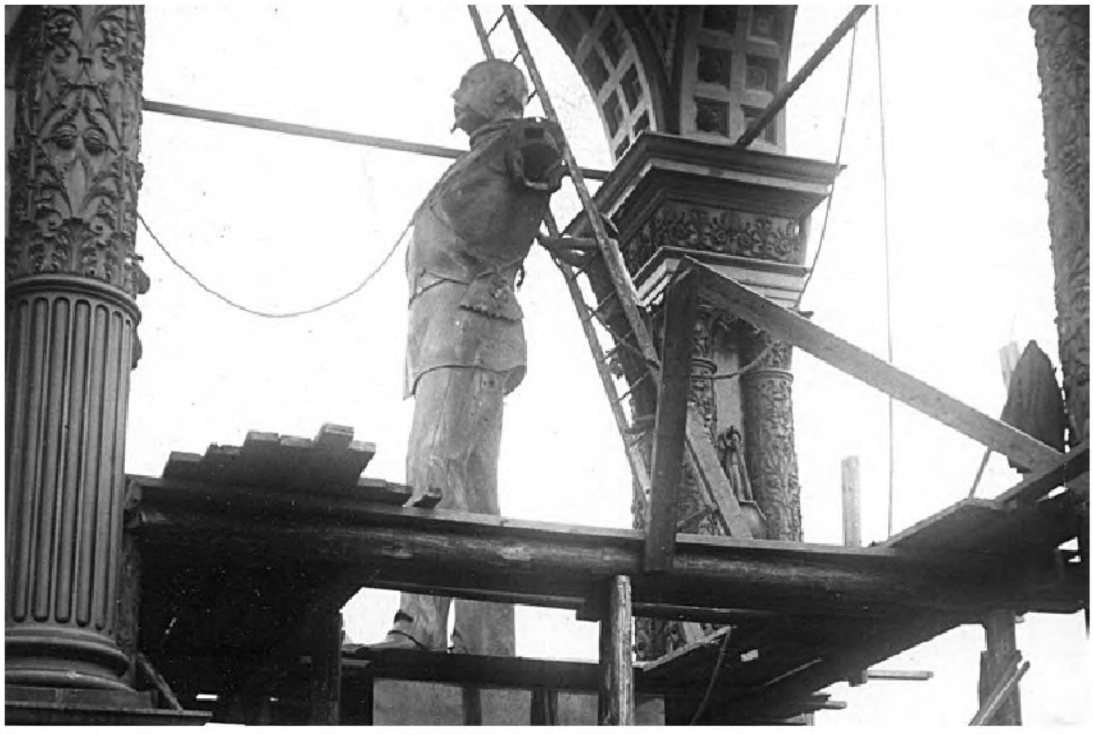
Сопоставимый по мощи, но менее известный современному читателю, пласт идейно-художественного наследия оставило религиозно мистическое крыло примкнувшей к революции интеллигенции, в частности упомянутое выше «Скифы». Своеобразным манифестом «скифства» стали произведения Александра Блока [↓] — стихотворение «Скифы» и поэма «Двенадцать», а также его статья «Интеллигенция и революция». В статье «Интеллигенция и революция» Блок определяет задачу текущего момента следующим образом: «Переделать все. Устроить так, чтобы все стало новым...» В «Скифах» Блок обличает буржуазный Запад, считая, что он враждебен русской истории и культуре.

Он предрекает варварское нашествие в Европу и гибель ее утонченной цивилизации. В поэме «Двенадцать» Блок символически ставит впереди революционного отряда большевиков, состоящего из двенадцати человек (указание на двенадцать апостолов), Иисуса Христа:

Так идут державным шагом...
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз —
Впереди Иисус Христос.

По сути, этими строками Блок отождествлял большевизм и «истинное» (в его понимании) христианство, противопоставляя их христианству «церковному». Более того, Блок решительно рвет с традиционными, православными русскими образами, призывая: «Пальнем-ка пулей в Святую Русь — в кондовую, в избяную, в толстозадую!» В этом, равно как и в апологии «мирового пожара», явно проявляется влияние нигилистического начала. В статье «Крушение гуманизма» Блок одобряет

Александр Александрович Блок (1880—1921) *— выдающийся русский поэт-лирик. Его становление, как личности, произошло в кругу потомственной русской интеллигенции. В конце 90-х годов XIX в. Блок начал всерьез увлекаться поэзией, писать стихи. Огромное влияние на него оказала декадентско-символистская поэзия. Но, несмотря на это, в творчестве Блока всегда были сильны темы народности и патриотизма. Для поэта был характерен интерес к политике, выражавшийся в симпатии к левым силам. После Февраля Блок ориентировался на эсеров и меньшевиков, потом он отдал свои симпатии большевикам, которых рассматривал как движущую силу мистического народного бунта, аналогичную бунту Разина и Пугачева, цивилизации — восточной, азиатской.*



Демонтаж памятника Александру II в Московском Кремле. 1919 г.

принижение личностного начала и торжество массы. Он вообще отрицает необходимость цивилизовать социальные низы, они дороги для него именно тем, что сохраняют свою «примитивную», «варварскую» грубость.

«Новая» религиозность весьма сильно проявилась в творчестве еще одного великого «скифа» — Сергея Есенина. Он откликнулся на революцию целой серией стихотворений, в которых чувствуется сильное влияние христианского мистического символизма, зачастую парадоксальным образом сочетающегося с отрицанием самого христианства («Отчарь», «Иорданская голубица», «Пришествие», «Инония», «Небесный барабанщик» и др.). Особенно выделяется стихотворение «Инония». В нем Есенин доходит до откровенного богохульства, однако завершается оно прямой апелляцией к христианству:

Слава в вышних Богу
И на земле мир!..
Радуйся, Сионе,
Проливай свой свет!
Новый в небосклоне
Вызрел Назарет.

В отличии от Блока, Есенин находился ближе к народной стихии, будучи выходцем из крестьянской семьи. Он — певец крестьянского мира, оказавшегося, в результате революции, на полпути от традиционного общества к обществу современному. Отсюда некоторая противоречивость, желание оставить христианство как веру, но максимально освободить его от положений и традиций официальной Церкви. В творческой и личной судьбе Есенина отразилась историческая судьба великорусского села, вздыбленного революцией [⬇].

⬇

Сергей Александрович Есенин (1895—1925) *— родился в селе Константиново Рязанской губернии. Еще в детстве и юности он увлекался библейской мифологией и народным фольклором, что нашло свое проявление в его поэтическом творчестве («Песни о Евпатии Коловрате», «Марфе Посаднице», «Усе» и т. д.).*

В политическом отношении поэту были наиболее близки идеи «бесклассового», «мужицкого социализма». Первое время поэт ориентировался на эсеров и лишь после стал сторонником большевиков. Октябрь Есенин принял восторженно, усматривая в нем социальное освобождение крестьянства и возникновение новой духовности. Однако в период «военного коммунизма» его надежды начинают угасать. Есенин остро переживает трагическую судьбу русской деревни. В есенинскую лирику проникает пессимизм («Я последний поэт деревни...», «Мир таинственный, мир мой древний...»). Он пытается уйти в «чистое искусство» и в этих целях примыкает к литературному движению имажинистов, считавших, что целью поэтического творчества является образ как таковой. В 1921 г. Есенин разрывает с имажинистами, но увлечение формализмом не прошло даром и укрепило в нем склонность к декадентству и богемной жизни. Отражением этого стал знаменитый цикл стихотворений «Москва кабацкая».

Тем не менее Есенин остался верен Советской власти, предельно ярко и талантливо выразив свои симпатии к ней в таких поздних произведениях, как «Ленин» и «Песнь о великом походе».

Его не устраивали многие нигилистические и антикрестьянские мотивы в деятельности большевиков, презрение многих из них к русским национальным традициям. Завуалированная критика таких большевиков содержится в поэме «Страна негодяев», где поэт создал образ комиссара Чекистова (Лейбмана), «гражданина из Веймара», приехавшего в Россию «укрощать дураков и зверей». По мысли Чекистова «нет бездарней и лицемерней, чем ваш русский равнинный мужик!» В этом образе многие современные критики узнают фигуру Л. Троцкого.

Есенин умер в 1925 г. при довольно странных обстоятельствах. По официальной версии, которой большинство исследователей придерживается и сейчас, он покончил жизнь самоубийством. Однако на сей счет имеются сомнения. В частности, нужно обратить внимание на то, что Русская Православная Церковь разрешила похоронить Есенина по православному обряду, т. е. косвенно заявила о своем неверии в его добровольный уход из мира. Вспоминают также, что Есенин имел серьезных недоброжелателей из системы карательных органов. Так, он находился в очень противоречивых отношениях с высокопоставленным чекистом Я. Блюмкиным, бывшим одним из самых доверенных лиц Троцкого.

Мистическо-религиозное влияние отчетливо прослеживается в творчестве «скифского» поэта Николая Клюева (1887—1937), где оно носит наиболее четко выраженный «архаический» характер. Клюев сакрализирует все российское пространство, отождествляя его с раем — прямо или символически. Он апеллирует к старообрядчеству, которое рассматривается им в качестве гаранта сохранения русской самобытности. Саму Октябрьскую революцию Клюев считал возвращением к идеалам дониконовской Руси:

Есть в Ленине керженский дух,
Игуменский окрик в декретах.
Как будто истоки разрух
Он ищет в Поморских ответах.

Исходя из того, что большевики возвращают Русь к «истинному благочестию», Клюев какое-то время считал оправданными крайности «военного коммунизма»: «Убийца красный святей потира!»

Революционно-мистические мотивы Клюева ярче всего проявились в сборнике «Медный кит» (1919), куда вошли стихотворения «Красная песня», «Из подвалов, из темных углов», «Глубоким в народе...» Религиозность Клюева далека от официального православия. Его влекли мотивы, навеянные старообрядчеством. Наряду со старообрядческими мотивами, в творчестве и в жизни Клюева заметно влияние различных сект (например, хлыстов), а также оккультных учений.

Увлечение оккультизмом вообще было присуще весьма значительному числу деятелей раннесоветской культуры. Все эти увлечения остались в послереволюционной литературе в наследство от литературы «Серебряного века», акцентирующей внимание на различных оккультно-мистических моментах и находящейся под сильным влиянием масонства. Деятельность различных оккультных кругов не утихала и после революции, хотя само масонство было, по большей части, вытеснено в эмиграцию. Тем не менее вплоть до 1937 г., в стране активно действовали кружки «мартинистов», «тамплиеров», «розенкрейцеров» и прочих оккультистов, претендующих на то, чтобы их считали преемниками разных средневековых мистических учений.

Но, конечно, в творчестве Клюева важнее всего не оккультные мотивы, а его связь с крестьянской, религиозной духовностью. Эта связь и вызывала раздражение многих высокопос-

тавленных партийцев. Печальную роль в судьбе Клюева сыграл Троцкий, обрушившийся в 1922 г. на поэта как на одного из выразителей чаяний кулачества. В дальнейшем поэт вынужден был влачить жалкое существование, голодая и нуждаясь — его стихотворения упорно не хотели печатать. В 1937 г. жизнь Клюева трагически обрывается — поэта приговорили к расстрелу по обвинению в антисоветской националистической деятельности.

Весьма близко к литераторам «скифского» направления стоит поэт Максимилиан Волошин (1877—1932), давший собственную мистическую интерпретацию Октября и его последствий. На первом этапе своей творческой деятельности он выступал как анархист и оккультный мистик, увлекающийся учениями гностиков, алхимиков, теософов и т. д. Но события революции заставляют его повернуться лицом к России и народу. Осмыслив революцию, Волошин признал ее закономерной и необходимой для России. Она, по мнению поэта, ниспослана свыше как испытание, призванное создать «новый род», обновить нацию, закалив ее в огне потрясений и Гражданской войны. Волошин вещает, как бы от имени Бога:

В едином горне за единый раз
Жгут пласт угля, чтоб выплавить алмаз.
А из тебя сожженный мой народ,
Я ныне новый выплавляю род!

Руководители Советской России, новая власть, на которую литераторы-«скифы» возлагали столь большие надежды, не взяли на вооружение их религиозно-мистические доктрины, оставшись верными своим представлениям о марксизме. Сторонники марксистской идеологии понимали, что религиозность и мистицизм «попутчиков» может привести к появлению альтернативной модели социализма.

В этом плане крайне показательно выступление Н. Бухарина на первом съезде советских писателей в 1934 г. В нем он дал резкие политические характеристики Есенину и Блоку. Признавая Есенина певцом социализма, «любимец партии» в то же время отмечал: «Но что это за социализм? Это социализм или рай, ибо рай в мужицком творчестве так и представлялся, где нет податей за пашню, где избы новые, кипарисовые, тесом крытые, где дряхлое время, бродя по лугам, сзывает к мировому столу все племена и народы и обносит их, подавая каждому золотой ковш с сыченой бра-

гой. Этот социализм прямо враждебен пролетарскому социализму».

Стоит добавить, что прежде, в 1920-е годы, оценка Бухарина и ему подобных критиков была в отношении Есенина и других «непролетарских» литераторов еще резче. В своей статье с очень точным и характерным названием «Злые заметки», напечатанной в январе 1927 г. не где-нибудь, а в центральном партийном органе газете «Правда» Бухарин писал: «Идейно Есенин представляет самые отрицательные черты русской деревни и так называемого “национального характера”: мордобой, внутреннюю величайшую недисциплинированность, обожествление самых отсталых форм общественной жизни вообще». Бухарин вводил особый термин — «есенинщина», понимая под ней «опоэтизирование гуляющих “истинно русских” “ухарей”». «Это есть стержень есенинщины, а не “советские устремления”, которые оказались совсем не по плечу Есенину, всеми своими эмоциональными корнями сосавшему совсем другие соки из окружающей жизни», — настаивал тогда еще главный партийный идеолог. В свойственной Бухарину легкой публицистической манере, он громит «есенинщину» и в завершении статьи требует: «По есенщине нужно дать хорошенький залп». Жертвой травли и прямых гонений становятся и другие самобытные русские поэты и писатели.

Однако в 1930-е годы ситуация резко меняется. Партийное руководство, исходя из потребности создания сильной, индустриальной державы, начинает апеллировать к традиционным, национальным ценностям. В немалой степени тому способствовала позиция И. Сталина, в 1929 г. заявившего, что социализм означает не ликвидацию наций и национальных культур, а, наоборот, их расцвет. Нигилистическое направление в литературе подвергается жесткой критике. Так, в 1936 г. ЦК ВКП(б) принял специальное постановление о пьесе Демьяна Бедного «Богатыри», поставленной на сцене Камерного театра. В пьесе русские былинные богатыри изображались в жандармской форме и были показаны как палачи своего народа. В постановлении пьеса подверглась суровому разносу за очернение прошлого. Это постановление можно считать поворотным для судеб русской культуры, оно надолго покончило с проявлениями нигилизма.

Во второй половине 1930-х годов наступает расцвет исторической романистики, призванной реабилитировать прошлое страны. Одним из ее наиболее ярких шедевров стал роман А. Толстого «Петр I», в котором деятельность русского царя

Молодой М. Шолохов (слева) с друзьями. 1925 г.

была показана как прогрессивная. Настоящей проповедью патриотизма является трилогия В. Яна «Нашествие монголов», повествующая о борьбе с ордынскими завоевателями. Необходимо также назвать романы: В. Костылева «Кузьма Минин», С. Бородина «Дмитрий Донской», В. Соловьева «Фельдмаршал Кутузов».

В 1930-х годах появилась серия самых настоящих шедевров действительно реалистической литературы. Именно тогда Алексей Максимович Горький завершает свою литературную эпопею «Жизнь Клима Самгина». В центре этого произведения стоит не герой «социалистического реализма» или «революционного гуманизма», а мятущийся русский интеллигент, который не находит себя в общественно-политической жизни предреволюционной России.

Метания и поиск русского человека, попавшего в водоворот революции и кровавой междоусобицы, блестяще показал и М. Шолохов в эпохальном романе «Тихий Дон» (публикация разных частей происходила с 1928 по 1940 г.). Сюжет развертывается вокруг главного героя — казака Григория Мелехова. Его душа, сознание разрываются между враждующими лагерями красных и белых. В образе Мелехова писатель отобразил судьбы миллионов россиян, для которых выбор политической и гражданской позиции был далеко не прост.

Само утверждение Советской власти на Дону Шолохов показал как чрезвычайно сложный и неоднозначный процесс. Он акцентирует внимание на трагедийности Гражданской войны,

на чрезвычайной сложности утверждения новых отношений. Осознание этой сложности и делает его творчество в высшей степени реалистическим [⬇].

В 1930-е годы в жанре «социалистического реализма» были написаны многие литературные произведения, пытавшиеся отобразить героику строительства нового общества. Таковыми были романы В. Катаева «Время, вперед!», М. Шагинян «Гидроцентраль», Л. Леонова «Соть». Образцом советской революционной героики стала книга Н. Островского «Как закалялась сталь», описывающая триумф воли человека, живущего идеей. Герой повести Павка Корчагин, превращаясь в парализованного, слепого инвалида, практически умирает, но его дух продолжает жить и творить.

Вместе с тем, период 1930-х годов не следует идеализировать. Нельзя забывать о том, что массовые репрессии тех лет

⬇

Михаил Александрович Шолохов (1905—1984) *— великий русский советский писатель, родился в простой крестьянской семье в донской станице Вешенская. В двенадцать лет он принял участие в Гражданской войне. Лишь в 1923 г. ему представляется возможность продолжить образование и заниматься творчеством.*

В 30-е годы Шолохов занял твердую гражданскую позицию. Он выступил против злоупотреблений, творимых в ходе коллективизации. В 1933 г. писатель направил Сталину три письма, в которых описал тяжелое положение родного края. Ознакомившись с письмами Шолохова, Сталин распорядился выслать в Вешенский район 120 тыс. пудов ржи, а в Верхне-Донской район 40 тыс. пудов. Таким образом, Шолохов своей отважной акцией, грозившей опалой, спас многие человеческие жизни. Критикой зарвавшихся социальных «экспериментаторов» Шолохов нажил себе множество врагов во властных структурах. В 1938 г. руководство органов госбезопасности Ростовской области подготовило операцию по физическому устранению писателя, которая, однако, была сорвана усилиями рядовых чекистов.

Суровые реалии коллективизации были описаны Шолоховым в его романе «Поднятая целина» (первая книга романа вышла в 1932 г., последняя — в 1960). Здесь показаны многие крайности указанного процесса, но самое главное — дано реалистическое описание леворадикальной психологии. Чрезвычайно ярким вышел типаж «непримиримого революционера» Макара Нагульнова. Шолохов не пытается закрасить неприятные для него, как для коммуниста, тяжелые последствия «головокружения от успехов». В романе описывается массовый поворот крестьян от Советской власти, который удалось преодолеть только после публикации геростратовски известной статьи Сталина.

Были многочисленные попытки опорочить Шолохова в плагиате. К числу его обвинителей примыкал А. Солженицын. Но тщательный (в том числе и компьютерный) анализ текста «Тихого Дона» опроверг подобные измышления. Окончательно все точки над «i» были поставлены, когда удалось найти затерявшуюся в ходе Великой Отечественной войны рукопись первой и второй книг романа. Она не оставляет сомнений в авторстве Шолохова.

унесли жизни многих писателей и поэтов. В числе репрессированных оказались П. Васильев, С. Клычков, П. Орешин, В. Наседкин, И. Бабель, О. Мандельштам, Б. Пильняк (Вогау), Д. Хармс (Ювачев) и другие.

Пути развития советского искусства в 1920—1930-е годы

Столь же тернист был путь деятелей других, помимо литературы, видов искусства. Тем не менее, несмотря на сильный административный зажим, 1920-е годы все же ознаменовались творческим поиском деятелей культуры. На новые высоты выходит отечественный кинематограф. В течение многих десятилетий мировой кинокритикой лучшим фильмом считался шедевр советской кинематографии — «Броненосец "Потемкин"» (режиссер С. Эйзенштейн), вышедший на экраны в 1925 г. Огромной популярностью пользовались фильмы А. Довженко («Арсенал» и «Земля») и В. Пудовкина («Мать» и «Конец Санкт-Петербурга»).

В области симфонической музыки весомо прозвучали замечательные шедевры: Шестая симфония Н. Мясковского и Первая симфония Д. Шостаковича. Широчайшую известность завоевал балет Р. Глиера. Появляются первые советские оперы и оперетты И. Дунаевского, Н. Стрельникова и др. Развивается новое театральное искусство, основанное на максимально тесной связи между сценой и зрителем. Создаются новые театры: Театр Революции (ныне Театр им. Маяковского), театр им. МГСПС (ныне Театр им. Моссовета), Театр Вахтангова.

Уверенно шло вперед архитектурное искусство. В 1925 г. была создана первая типовая секция жилого дома, положившая начало массовому многоэтажному жилищному строительству в Москве. Начинается широкомасштабная застройка многих районов в крупных советских городах. Выдающимися произведениями архитектуры того периода стали Мавзолей В. Ленина, созданный архитектором А. Щусевым, многие станции московского метрополитена, павильоны Всесоюзной сельскохозяйственной выставки и др.

В начале 1930-х годов происходит усиление классических традиций, что в немалой степени было обусловлено эстетическими взглядами И. Сталина, ориентирующегося на «традиционный» реализм. Руководитель советского государства отрицательно относился к различным авангардистским поискам. В области театрального искусства он поддерживал «консервативную» линию Московского Художественного академическо-

го театра (МХАТ), отдающего предпочтение отечественной классике.

Сталин также активно защищал классическое наследие в области музыкального искусства. Однажды он спросил молодого композитора И. Дзержинского о его отношении к классике. Услышав отрицательную оценку классического наследия, советский лидер сказал: «Вот что, товарищ Дзержинский, рекомендую вам закупить все партитуры композиторов-классиков, спать на них, одеваться ими и учиться у них».

Начинает возрождаться русская музыкальная и песенная культура. В 1930-е годы отечественная песня обретает светлый и задушевный настрой, что отличает ее от «агитационной», по преимуществу, музыки предшествующего периода. Здесь особо нужно выделить песни на стихи поэтов В. Лебедева-Кумача («Песня о родине», «Марш веселых ребят») и М. Исаковского («Провожанье», «Кто его знает»). Талантливейшим мастером в области песни, киномузыки и оперетты стал композитор И. Дунаевский. В полной мере раскрылся талант выдающихся русских певцов: И. Козловского, С. Лемешева, В. Козина. В канун войны появляются произведения кантатно-ораториального жанра, посвященные патриотическим, историко-героическим темам («Александр Невский» С. Прокофьева, «На поле Куликовом» Ю. Шапорина). Олицетворением нарождавшейся советской эстрады становится Л. Утесов.

Настоящий расцвет в 1930-е годы переживает советский кинематограф. С начала 30-х годов в стране проходит массовая кинофикация с упором на звуковое кино. Уже в 1930 г. были открыты первые звуковые кинотеатры в Москве и Ленинграде. В 1933 г. звуковые киноустановки составляли 2% от общего числа, а в 1938 г. — больше половины.

Высшее руководство страны и лично Сталин уделяли кино огромное внимание, считая массовое киноискусство великолепным средством формирования советского образа жизни. Партийный лидер регулярно просматривал все новинки кинематографа и высказывал свое к ним отношение авторам, которым не редко приходилось частично переделывать работу, исходя из сталинских замечаний. Как свидетельствуют в своих воспоминаниях выдающиеся советские режиссеры (А. Довженко и др.), Сталин проявлял неплохую осведомленность в профессиональной стороне дела.

Реалии социалистического строительства, промышленной модернизации и «преодоления буржуазного сознания» нашли свое отражение в фильмах «Член правительства» (реж. И. Хейфиц и А. Зархи), «Встречный» (Ф. Эрмлер и С. Юткевич),

«Великий гражданин» (Ф. Эрмлер), «Иван» (А. Довженко). Советской молодежи были посвящены фильмы режиссера С. Герасимова «Семеро смелых», «Комсомольск» и «Учитель». Важным событием культурной жизни становится выход на экраны фильма «Чапаев» (реж. Г. и С. Васильевы, исполнитель главной роли — Б. Бабочкин), который был снят по упомянутой выше книге Фурманова. Нужно признать, что этот фильм точно попал в цель, оказался полностью созвучен романтике и героике своей эпохи. Премьера фильма состоялась 5 ноября 1934 г. в ленинградском кинотеатре «Титан», а уже через несколько дней по всей стране можно было увидеть колонны людей с транспарантами «Мы идем смотреть Чапаева!» Посмотрев фильм братьев Васильевых, М. Горький воскликнул: «Это чертовски талантливо! Да, это шедевр! Да, эта картина будет жить как великая и вечно живая народная эпопея!» Патриарх советского искусства не ошибся — несколько поколений советских мальчишек воспитывалось на примере героев фильма, самозабвенно играя во дворах «в Чапая».

Ярким событием стало появление на экранах страны историко-героических лент: «Петр Первый» (реж. А. Петров, исполнитель главной роли — Н. Симонов), «Александр Невский» (реж. С. Эйзенштейн, исполнитель главной роли — Н. Черкасов), «Минин и Пожарский», «Суворов» и др.

На огромную высоту в своем развитии поднялся жанр советской комедии. Всенародной любовью пользовались шедевры киноискусства: фильмы режиссера И. Пырьева «Богатая невеста», «Трактористы» и режиссера Г. Александрова «Веселые ребята», «Волга-Волга», «Цирк». Именно в эти годы взошла звезда многих выдающихся советских киноактеров, таких как Л. Орлова [↓], В. Серова, М. Жаров, Б. Андреев, Н. Черкасов, Б. Бабочкин, И. Ильинский, С. Столяров, М. Ладынина,

Любовь Петровна Орлова (1902—1975) *— родилась в Звенигороде, в дворянской семье, ее мать — дальняя родственница Льва Толстого. Музыкальное образование получила в Московской консерватории (1919—1922). В 1922—1925 гг. продолжила обучение на отделении хореографии Московского театрального техникума. С 1926 по 1933 г. работала в музыкальном театре им. А. Немировича-Данченко. Ее дебют в кино состоялся в 1926 г., постоянно начала сниматься с 1933 г. Именно ее красота и талант сделали популярными комедии режиссера Г. Александрова (за которого она вышла замуж в 1934 г.). Орлова отдавала предпочтение жанру музыкальной комедии: В фильмах «Веселые ребята», «Цирк», «Волга-Волга», «Весна» и др. была показана новая жизнь, когда даже для «маленького человека» из народа открывалась возможность добиться признания и счастья. Орлова стала* →

Н. Крючков, Ф. Раневская, А. Кторов, Е. Самойлов, Л. Целиковская и др.

Дальнейшее развитие получила живопись. Показательно, что в 1930-е годы в творческий процесс, после долгого перерыва, активно включается М. Нестеров, не участвовавший в выставках 20-х годов. Он создает галерею реалистических портретов целого ряда представителей советской интеллигенции, среди которых особенно выделяется портрет академика И. Павлова. Творческой зрелости достигает художник Б. Иогансон, заблиставший шедеврами: «Допрос коммуниста» и «На старом уральском заводе». Нельзя не упомянуть о картинах Ю. Пименова «Новая Москва» и С. Герасимова «Колхозный праздник».

1930-е годы стали временем монументализма в архитектуре. В 1935 г. было принято совместное постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О генеральном плане реконструкции Москвы». Согласно ему началась интенсивная реконструкция московских улиц, в ходе которой впервые использовалось поточно-скоростное строительство и возводились первые дома из крупных блоков. В указанный период возникают величественные, «имперские» шедевры советской архитектуры: Крымский мост через Москву-реку (архитектор А. Власов, инженер Б. Константинов), Центральный парк культуры и отдыха (архитектор А. Власов), Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. Последний шедевр, проект которого был создан усилиями большого коллектива архитекторов, представлял собой грандиозный комплекс, состоявший из 230 объектов и занимавший территорию в 136 га. 15 мая 1935 г. была сдана в эксплуатацию первая очередь Московского метрополитена (13 станций).

В то же время нельзя не заметить, что реконструкция зачастую сопровождалась варварским и нигилистическим отношением к памятникам родной культуры. Так, был взорван Храм Христа Спасителя, разрушены более 400 памятников культу-

---

→ *первой настоящей звездой советского кино, символом своего времени, эталоном советской женщины, на протяжении нескольких десятилетий оставалась любимицей миллионов зрителей. Также Орлова снималась в нескольких историко-биографических фильмах: «Мусоргский», «Композитор Глинка». Запоминалась ее роль в фильме «Встреча на Эльбе», в котором рассказывалось о начальном периоде холодной войны. В 1941 г. ей была присуждена первая Сталинская премия, в 1950 г. — вторая. После смерти Сталина у Орловой и Александрова начинаются нелегкие времена. Не имея возможности сниматься в кино столь же часто, как прежде, Орлова в 1955 г. возвращается на сцену — начинает играть в Театре им. Моссовета. В 1974 г. снялась в своем последнем фильме «Скворец и лира», но он был не допущен к показу.*

ры в историческом центре Москвы. Уничтожение Церквей и памятников культуры осуществлялось во многих городах СССР.

Подводя итог развития отечественного искусства в 1917—1941 гг., можно сказать, что культурная жизнь советской страны в первые десятилетия после Октябрьской революции представляла собой крайне сложный, говоря языком современной науки, нелинейный процесс, который нельзя свести к какой-либо одной морально-этической или идейно-политической оценке. В любом случае очевидно — несмотря на сложнейшие исторические обстоятельства, крайности революции и Гражданской войны, социальное экспериментаторство и произвол властей, отечественная культура не прекращала своего живого, творческого развития.

§3

Наука и образование

Развитие научного знания

После Октябрьской революции 1917 г. новым руководителям страны пришлось столкнуться с серьезными проблемами в области развития науки. Первая из них заключалась в том, чтобы привлечь ученых к сотрудничеству с Советской властью. Лишь достаточно узкий круг ученых сразу и безоговорочно поддержал революцию, среди его представителей может быть назван, к примеру, историк, ученик В. Ключевского, крупный деятель большевистской партии М. Покровский. Тем не менее, даже те ученые, которые не приняли большевиков, выполняя свой научный долг, продолжали работу. Так, видный физиолог И. Павлов, несмотря на свое более чем критическое отношение к новым порядкам, участвовал в работе ученого совета Наркомздрава, поскольку считал сохранение здоровья нации первейшей задачей. В 1918 г. делаются шаги по налаживанию сотрудничества большевиков с Российской академией наук. В тот же период при ВСНХ и Наркомздраве создаются специальные центры, занимающиеся привлечением ученых к сотрудничеству с новыми революционными властями.

Еще одной проблемой, обострившейся в результате начавшейся Гражданской войны, становится бедственное матери-

альное положение ученых и науки вообще. Так, из-за поразившего Петроград голода и недостатка внимания со стороны местных большевиков во главе с Г. Зиновьевым, в городе только за зиму 1919/1920 г. умерли от голода знаменитый геолог А. Иностранцев, кристаллограф Е. Федоров, зоолог В. Бианки, ботаник Х. Гоби. Борясь с опасным положением, центральное московское правительство в 1920 г. стремилось взять ситуацию с учеными под свой контроль в целом по стране. 500 наиболее выдающихся ученых были освобождены от любых форм трудовой повинности, был введен натуральный академический паек. В 1921 г. при Совнаркоме создается проработавшая до 1931 г. Центральная комиссия по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ). Предпринятые меры дали плоды. В эмиграции, в том числе вынужденной, оказалось лишь около 500 работников науки из 10 240 имевшихся в России до начала революционного катаклизма. На ряду с сохранением прежних, создавались новые научные учреждения. С 1917 по 1922 г. число научно-исследовательских институтов возросло в 3 раза.

Переход к нэпу открывал перед наукой перспективы мирного развития. Но так обстояло дело отнюдь не во всех отраслях знания. Общественные науки по-прежнему оставались ареной ожесточенной борьбы. Многие не признавшие Советскую власть философы, экономисты, социологи, историки и др. использовали научные журналы и преподавательскую деятельность для борьбы с большевистским режимом. Иные деятели науки, в совсем недавнем прошлом активно занимавшиеся публичной политикой, не ограничивались научной критикой режима, а предпринимали те или иные шаги для его ликвидации. Не отличались толерантностью и большевики. Но в отличие от своих противников они могли теперь опираться на всю мощь государства и его карательные органы. В 1922 г. по инициативе Ленина и Зиновьева принимается решение о высылке наиболее активных противников Советской власти. За год из страны (в том числе и на знаменитом «философском пароходе») было выслано более ста оппозиционно настроенных ученых (среди них известные русские мыслители — Н. Бердяев, С. Булгаков, И. Ильин, П. Сорокин, С. Франк, Н. Лосский и др.). Как говорилось в номере «Правды» за 31 августа 1922 г., высылаемые из страны «пытались при Советской власти искать “легальных” возможностей для того, чтобы длительно и упорно продолжать ту самую работу, которая кончилась неудачей в открытой борьбе контрреволюции с Советской властью». Многие из высланных на «философском пароходе» продолжили борьбу с большевиками, уже находясь в эмиграции.

Но и после этого становление гуманитарного знания не обходилось без крайностей и политического противоборства. Развитие философии шло под флагом вытеснения из нее немарксистских элементов. Укреплению марксистского направления в философии способствовало возникновение и развитие целой сети научных учреждений, ставивших задачу развития марксизма в современных условиях и его пропаганды. Уже в 1918 г. с этими целями создается Социалистическая академия, в 1919 г. она преобразовывается в Социалистическую академию общественных наук, а в 1924 г. — в Коммунистическую академию. В Академии функционировал философский кабинет. В 1920 г. он был передан во вновь организуемый институт Маркса—Энгельса. Важным центром развития марксистской методологии становится философское отделение Института красной профессуры. С 1921 г. при 1-м МГУ действовал Институт научной философии. С 1924 г. институт переходит в ведение Российской ассоциации научно-исследовательских учреждений (РАНИОН). На совместном заседании бюро философской секции и коллегии Института научной философии осенью 1928 г. принимается решение об их объединении. В следующем 1929 г. на их базе создается единый Институт философии Комакадемии.

Свою лепту в развитие официальной марксистско-ленинской философии внесли партийные руководители разного ранга. На лавры главного идеолога партии претендовали Троцкий, Бухарин, Зиновьев, последнему, в частности, принадлежит первенство в изобретении самого термина «марксизм-ленинизм». С середины 1920-х годов начинают выходить сталинские работы по различным вопросам философии и практики советского строительства, собранные в сборник «Вопросы ленинизма», который в последующие годы неоднократно дополнялся и переиздавался.

Развитие философии даже исключительно в марксистском ее варианте не обходилось без жарких дискуссий. Порой дискуссии носили не только политический, но и сугубо теоретический, научный характер. Так, в 1920-е годы состоялась принципиальная дискуссия между «механистами» и «диалектиками». Поводом для ее начала послужил выход книги Н. Бухарина «Теория исторического материализма» (1921). Лидерами сторон являлись соответственно И. Скворцов-Степанов и А. Деборин. «Механисты» стояли на позициях, близких позитивистам, выступали за приоритет практического знания, объясняли качественные явления исключительно количественными показателями. «Диалектики» были ближе к класси-

ческой гегельянской традиции. Завершилась продолжавшаяся несколько лет дискуссия лишь в 1929 г.: «механицизм» был осужден как разновидность ревизионизма.

В философии, также как и в литературе, и других общественных науках не обошлось без усиления левацких взглядов. На гораздо более критических позициях по отношению к философии как самостоятельной науке, нежели «механисты», стояли «нигилисты». Среди них можно выделить такие яркие имена, как М. Минин и Э. Енчмен. Последний из них прошел типичный для многих «преобразователей человека» путь через увлечение революционными идеями и участие в революции. В годы Гражданской войны Минин — видный политработник. Комиссарские методы в его работе сохранились и тогда, когда он становится руководителем Ленинградского коммунистического университета. Суть его взглядов была изложена в статье 1922 г. «Философию — за борт!» Радикализмом отличались взгляды Енчмена, объявлявшего всю философию «орудием эксплуататоров». Считая себя учеником И. Павлова, он предпринял попытку «переосмысления» философии через ее биологизацию, отсюда название учения Енчмена — «теория новой биологии». Суть этой теории состояла в провозглашении человеческой деятельности результатом проявления рефлексов и сведении психических явлений к физическим. Созданной им теорией увлекалось немало молодежи. Во многих вузах возникали общества «тэ-эн-бистов» (от первых букв названия учения Енчмена). Некоторые режиссеры нового советского театра (среди них Мейерхольд) так же увлекались идеями «т.н.б.» и стремились показать на сцене человека как совершенную «биологическую машину».

Не просто складывалась ситуация в истории, социологии, экономике, статистике и других науках о человеке и обществе. Так, в исторической науке господствовала знаменитая школа М. Покровского, трактовавшая исторический путь России в упрощенно-классовых категориях. В основе исторической концепции Покровского лежало вульгарное, упрощенное сведение материализма к экономизму. Под контролем Покровского находились многие научные учреждения и журналы, такие как «Красный архив», «Историк-марксист» и др. Используя не только научные аргументы, но и административное давление, Покровский вел борьбу с историками т.н. «старой школы» С. Бахрушиным, Ю. Готье, В. Пичета, М. Любавским, П. Любомировым, Е. Тарле, С. Платоновым и др. Противостояние закончилось лишь тогда, когда в 1929 г. некоторые дореволюционные историки оказались репрессированы по так на-

зываемому «академическому делу», которое еще называют «делом историков». Им вменялась в вину контрреволюционная и националистическая деятельность, которая выразилась в создании «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России».

Более позитивно шло развитие тех наук, где воздействие политики было не столь заметным. Достижения советских ученых в естественных и физико-математических науках внесли весомый вклад в развитие мировой науки. Многие их открытия использовались в народном хозяйстве. Больших результатов в теории чисел достиг И. Виноградов. Академик В. Вернадский разрабатывает новый подход к изучению геосферы и биосферы Земли, им была выдвинута концепция перехода планеты в новую фазу своего развития, когда ведущим фактором становится ноосфера (сфера разума). Несмотря на нападки со стороны отдельных партийных руководителей в свой адрес, продолжал плодотворную научную деятельность И. Павлов. Разработкой теории влияния Солнца на протекающие на земле процессы занимался А. Чижевский. Важные результаты в области биологии и селекции получили советские ученые Н. Кольцов, А. Серебровский, Н. Вавилов (с 1929 г. Н. Вавилов возглавил Академию сельскохозяйственных наук — ВАСХНИЛ). Академик А. Иоффе выдвинулся как крупнейший специалист в разработке физики кристаллов. Важные достижения в спектроскопии были получены Н. Семеновым. Результаты работы А. Минца, Л. Теремина, А. Константинова способствовали развитию в стране радиосвязи и телевидения. Ленинградские ученые С. Лебедев и Б. Бызов решили проблему создания искусственного каучука. Важное значение имели успехи советских ученых Н. Зелинского, Н. Курнакова, А. Фаворского, С. Лебедева и др. в химии. Успешно работали ученые-авиаконструкторы А. Туполев и Ф. Цандлер, в 1930 г. разработавший первый в мире реактивный двигатель, работавший на бензине и сжатом воздухе. Традиция «русского космизма» была продолжена в трудах замечательного отечественного ученого К. Циолковского [↓],

Константин Эдуардович Циолковский (1857—1935) *— родился в селе Ижевском Рязанской губернии в семье лесничего. В 1869 г. поступил в гимназию, но в связи с тяжелым состоянием здоровья (после перенесенной в детстве скарлатины Циолковский страдал глухотой) в 1871 г. был из нее отчислен, после чего активно занялся самообразованием. По настоянию отца переехал в Москву к другу семьи видному русскому философу-космисту Н. Федорову для продолжение учебы.* →

который по праву считается основоположником нового научного направления — ракетодинамики.

Новый этап развития науки в СССР приходится на рубеж 1920—1930-х годов, когда в стране начинаются грандиозные преобразования в экономике, требовавшие мобилизации всех сил нации на решении практических задач. Свой вклад в развернувшиеся в стране процессы вносили и советские ученые. Происходят изменения органов управления наукой. В частности в 1929—1933 гг. была перестроена деятельность АН СССР. В эти годы в ее состав были выбраны первые ученые-коммунисты, среди них Н. Бухарин, М. Покровский, А. Деборин, Г. Кржижановский, Д. Рязанов и др. В 1933 г. Академия наук была переведена в ведение Совнаркома СССР, а через год состоялся ее переезд из Ленинграда в столицу страны — Москву, что подчеркивало повышение ее статуса. В 1936 г., после вхождения в нее Комакадемии, Академия наук становится единственным высшим научным центром страны.

В общественных науках завершается их унификация. Вехой в их развитии становится выход в 1938 г. «Краткого курса ВКП (б)», в подготовке которого активное участие принял Сталин.

Космогонические взгляды Федорова о бесконечности жизни оказали на Циолковского огромное влияние, предопределили весь его дальнейший жизненный путь. В 1876 г. он возвращается домой. Учительствовал, ставил физические опыты. В 1879 г., сдав экзамен, получил звание учителя народных училищ. В 1892 г. был назначен в Калугу, где преподавал до конца своих дней физику и математику в епархиальном училище и гимназии, одновременно продолжая свою научную деятельность. В 1890 г. VII отдел Русского технического общества рассмотрел созданный им проект цельнометаллического дирижабля, и хотя в субсидиях автору было отказано, сама идея и теоретические расчеты были признаны обоснованными. 10 мая 1897 г. Циолковский вывел важнейшую формулу, являющуюся доказательством практической возможности космических полетов с использованием ракеты. В 1903 г. она была опубликована в первой части труда «Исследование мировых пространств реактивными приборами». Публиковался в различных изданиях со статьями по ракетной технике. Им впервые была теоретически решена задача посадки кораблей на поверхность безатмосферных планет. В 1920-е годы вывел формулу, которая позволяла вычислить количество топлива для космического корабля, а также рассчитал оптимальную высоту полетов спутника. Автор нескольких практических изобретений. Одновременно с этим взгляды Циолковского могут служить примером неоднозначности процессов, протекавших в науке в те годы. Помимо своих материалистических разработок, Циолковский становится создателем учения о «чувствующем атоме» — «панпсихизма», в котором заметно влияние не только православных, но и преимущественно мистических идей. Из учения «панпсихизма» и вытекали представления о множественности населяемых разумными существами миров и неизбежности прогресса живой материи.

Заложенные в «Кратком курсе» положения стали преподноситься как непререкаемые истины, которым ученым приходилось следовать. В 1930-е годы как вокруг ученых прежних поколений, таких как И. Павлов, В. Вернадский, а так же вокруг талантливых ученых новой формации, среди которых могут быть названы физики Ф. Иоффе, Д. Рождественский, математики Н. Лузин, И. Виноградов, А. Колмогоров, формируются научные школы.

Весом вклад в развитие мировой науки биологов. Так, в 1930-е годы вышли классические труды Н. Вавилова о центрах происхождения культурных растений и их географии. Продолжал свою научную деятельность И. Мичурин — им было выведено около трехсот новых сортов плодово-ягодных культур, разработан метод гибридизации. Важные успехи были получены в области исследований ядерного ядра советскими учеными А. Таммом, И. Курчатовым и др. В 1937 г. в Радиоинституте был запущен первый в Европе циклотрон — установка для расщепления ядерного ядра. В 1934 г. П. Капица создал первый в мире гелиевый ожижитель. Под руководством С. Королева на новый уровень вышли опыты по созданию ракетной техники. Под руководством П. Ощепкова в 1934 г. были проведены опыты по испытанию первых радиолокаторов. Большую роль в развитие советской и мировой научной мысли внесли ученые Аэрогидродинамического института (ЦАГИ), который был создан замечательными советскими учеными С. Чаплыгиным и Н. Жуковским. Величайшим проявлением человеческого духа становятся научные экспедиции, направленные на освоение Арктики. Имена отважных советских полярников И. Папанина, О. Шмидта [⬇] и др. становятся широко известны не только в СССР, но и во всем мире.

Отто Юльевич Шмидт (1891—1956) *— родился в Могилеве в семье латышского крестьянина. Гимназию окончил с золотой медалью. Обучался на математическом факультете Киевского университета, по окончании его в 1913 г. становится приват-доцентом. В 1918 г. вступил в РСДРП (интернационалистов), позже вместе со всей партией принят в РКП (б) (1919). После переезда правительства в Москву становится начальником управления по продуктообмену, с 1918 по 1920 г. — член коллегии Наркомпрода, в этом качестве участвовал в разработке Положения о рабочей продовольственной инспекции и продотрядах. В 1920—1921 гг. возглавлял Главное управление профессионального образования. В 1920—1921 и 1924—1930 гг. являлся членом коллегии Наркомпроса. Занимал другие важные государственные посты. Вел преподавательскую деятельность, в частности, на физико-техническом отделении педфака 2-го МГУ. В 1921—1924 гг. заведовал Госиздатом, принимал участие в подготовке и издании собрания сочинений Ленина.* ➡

Развитие науки в 1930-е годы, так же как и развитие художественной жизни, было омрачено репрессиями против целого ряда замечательных ученых, а так же чрезмерным вмешательством партийных и государственных органов в науку. Так, некоторые представители научной и технической интеллигенции пострадали в связи с политическим процессом над «Промпартией» и делом «Трудовой крестьянской партии». В частности, были осуждены, а позже и расстреляны экономисты А. Чаянов, Н. Кондратьев и др. Погибли в ходе последующих репрессий философ и естествоиспытатель, священник о. Павел Флоренский, историк Н. Лукин, микробиолог Г. Надсон, востоковед А. Самойлович, биолог Н. Вавилов и др. Был арестован и несколько лет провел в лагерях философ А. Лосев. В разные годы оказывались в заключении такие известные ученые, как А. Туполев, С. Королев и др. Репрессиям и административному давлению были подвергнуты многие генетики, представители некоторых других наук.

Становление советской системы образования

Одним из базовых направлений развернувшейся в СССР культурной революции становится ликвидации неграмотности населения. Несмотря на усилия императорских властей, земского движения и многих общественных деятелей в начале XX в. Россия по числу грамотных людей заметно отставала от ведущих европейских стран, где переход к всеобщему образованию начинается уже в XIX в. В России до революции безграмотными оставалось около 2/3 населения. Особенно высок

В 1924—1941 гг. — главный редактор Большой Советской Энциклопедии. Мировую известность приобрел как исследователь Арктики, возглавлял полярные экспедиции на кораблях «Георгий Седов», «Сибиряков», «Челюскин». В 1930—1932 гг. — директор Всесоюзного арктического института. В 1932—1939 гг. являлся начальником Главсевморпути. В 1937 г. был организатором первой советской дрейфующей станции «Северный полюс-1». Шмидта можно назвать своеобразным символом великих достижений советской науки своей бурной эпохи. Он пользовался большой любовью в народе, о нем даже складывались своеобразные народные «былины», где он представал в качестве эпического «Поколен-бороды». В 1937—1948 гг. депутат ВС СССР, основатель и первый директор (1938—1948) Института теоретической геофизики АН СССР. С 1939 по 1942 г. — первый вице-президент АН СССР. В годы Великой Отечественной войны руководил эвакуацией научных учреждений на Восток. С 1951 г. заведовал геофизическим отделением МГУ. В последние годы своей жизни, уже будучи тяжело больным, продолжал научную и преподавательскую деятельность, читал лекции студентам Московского университета, писал труды по космогонии.

процент неграмотных был среди крестьян, женщин, нацменьшинств.

Практически сразу же после утверждения Советской власти в Петрограде, 29 октября 1917 г. Советское правительство выступило с обращением, в котором содержался призыв в кратчайшие сроки добиться всеобщей грамотности. 26 декабря 1919 г. выходит декрет о ликвидации неграмотности. В нем отмечалось: «В целях предоставления всему населению республики возможности сознательного участия в политической жизни Совнарком постановил: все население республики в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать и писать, обязано обучаться грамоте на родном или русском языке». Добиться всеобщей грамотности в условиях Гражданской войны было крайне сложно, не хватало самого необходимого: учителей, письменных принадлежностей, бумаги. Понимали это и авторы декрета. В специальной инструкции по ликвидации неграмотности содержался очень характерный для того времени раздел: «Как обойтись без бумаги, без перьев, без чернил, без карандашей». Тем не менее, всего через полгода, к 1 сентября 1920 г. в РСФСР действовало 24 650 пунктов ликбеза. В 1923 г. было создано Всероссийское общество «Долой неграмотность». Первичные ячейки общества были разбросаны по всей страны. Через систему ликбеза прошло до 40% взрослого населения страны. С переходом в 1929 г. к политике социалистической реконструкции народного хозяйства борьба с неграмотностью развивалась особенно бурными темпами, так как многочисленные «стройки коммунизма» требовали растущего количества грамотных рабочих. С 1920 по 1940 г. в Советском Союзе получили основы образования 60 млн взрослых, что коренным образом изменило социальный и культурный облик населения страны.

Советское государство отдавало себе отчет в том, что одним повышением грамотности взрослого населения решить проблему подготовки новых кадров для армии и промышленности, создать слой новой советской интеллигенции было невозможно. Необходимо было делать ставку на новые поколения, начинать обучение и воспитание с детского возраста. Это понимание нашло свое воплощение в нескольких реформах общеобразовательной школы и высшей школы, которые осуществлялись в 1920—1930-е годы.

Развитие советской педагогической мысли двигалось сложными путями. Она была подвержена тем же болезням, что и искусство, и наука. Следствием революции становится активное проникновение в нее различных левацких, авангардист-

ских идей и течений. В теоретическом плане это нашло свое отражение, к примеру, в появлении в годы нэпа различных псевдонаучных направлений, таких как педология. Свой расцвет педология переживает после I Педологического съезда, проходившего в конце 1927 г. Выступивший на нем Н. Бухарин особо подчеркивал роль социальной среды в формировании личности. До этого в своей статье против корифея русской и мировой психологии академика И. Павлова, напоминавшей больше политический донос, чем научную критику, Бухарин писал о классической психологии Павлова как о «науке лилипутов», противопоставляя ей «подлинную» новую «науку Гулливеров». Что же представляла собой педология, каково было ее отношение к человеку, к ребенку, к ученику, проясняют некоторые высказывания наркома просвещения А. Луначарского: «Педология, изучив, что такое ребенок, по каким законам он развивается, ... тем самым осветит перед нами самый важный... процесс производства нового человека параллельно с производством нового оборудования, которое идет по хозяйственной линии». Еще более определенно выражался Бухарин: «Нам свои силы нужно устремить не в общую "болтологию", а на то, чтобы в кратчайший срок произвести определенное количество живых рабочих, квалифицированных специалистов, специально вышколенных машин, которые можно было бы сейчас завести и пустить в общий оборот».

После смерти В. Бехтерева, роль нового идеолога педологии переходит к А. Залкинду, работавшему в середине 1920-х годов руководителем кафедры педологии и педиатрии агропедфака 2-го МГУ. В апреле 1928 г. начала свою деятельность Комиссия по планированию исследовательской работы по педологии в РСФСР, председателем которой назначается Залкинд, а в 1930 г. он уже проводит Съезд по изучению поведения человека, претендуя теперь на роль лидера не только педологии, но и всей совокупности наук о человеке. Влияние педологов в те годы нанесло серьезный ущерб развитию системы народного образования. О том, какие подходы педологи исповедовали в области просвещения, наглядно свидетельствует учебник по педагогике, выпущенный еще в начале 1920-х годов П. Блонским. В своем учебнике Блонский безапелляционно заявлял: «Наряду с растениеводством и животноводством должна существовать однородная с ними наука — человеководство, и педагогика... должна занять свое место рядом с зоотехникой и фототехникой, заимствуя от последних, как более разработанных родственных наук, свои методы и принципы».

На практике «левый поворот» в системе образования выразился в распространении новых экспериментальных форм учебной работы. «Левые реформаторы» требовали ликвидировать лекционный метод преподавания как устаревший, буржуазный и реакционный и заменить его «групповой проработкой» учебного материала студентами в рамках так называемого бригадно-лабораторного метода. Бригадно-лабораторный метод нес в себе опасность ощутимого урона профессорско-преподавательским кадрам, так как перенесение всей тяжести на самостоятельную работу студентов по бригадам и превращение профессоров и преподавателей лишь в простых консультантов, вело к снижению их научного и педагогического потенциала. Помимо бригадно-лабораторного метода внедрялся т.н. комплексный метод. Суть его можно понять по отрывку из методического письма Наркомпроса: «Вместо изучения предметов, — подчеркивалось в нем, — нам нужно изучение науки», т.е. новый метод концентрировал внимание не на учебных предметах, а на произвольно выбранном наборе тем, сгруппированных под рубриками природы, труда и общества, например: как подготовиться к зиме; смычка между городом и деревней, октябрьское восстание и др. В 1923 г. было заявлено, что комплексный метод будет в 1928/1929 учебном году сделан обязательным для всех школ. Параллельно отменялись экзамены, оценки и другие формы контроля над успеваемостью. Следуя принципам исторического нигилизма «школы Покровского», преподавание истории, и прежде всего истории Отечества, было подменено изучением голых социологических схем, выдаваемых за ортодоксально марксистские.

Только на рубеже 1920—1930-х годов удалось покончить с проявлениями нездорового революционаризма и нигилизма в деятельности учебных заведений и органов образования. 25 августа 1931 г. ЦК ВКП(б) своим решением показал, что отныне школьная политика будет учитывать традиционные для русской школы ценности: «ЦК считает, что коренной недостаток школы в данный момент заключается в том, что обучение в школе не дает достаточного объема общеобразовательных знаний и неудовлетворительно разрешает задачи подготовки для техникумов и для высшей школы вполне грамотных людей, хорошо владеющими основами наук (физика, химия, математика, родной язык, география и др.)». Как отмечается в зарубежной историографии, это решение фактически означало восстановление политики традиционного учебного плана. Наряду с другими предметами в школу возвращалась

отечественная история, а нигилистическая «школа Покровского» подвергается жесткой критике. 15 мая 1934 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) о преподавании гражданской истории в школах СССР, который возвращал отечественную историю в ранг общеобязательных учебных дисциплин.

4 июля 1937 г. было принято специальное решение ЦК партии «О педологических извращениях в системе Наркомпроса», в котором педология была объявлена «буржуазной псевдонаукой». Большее внимание начинает уделяться классической педагогике и психологии. В работе высшей школы также происходит отказ от не оправдавших себя методов преподавания. В 1936 г. СНК СССР принимает специальное постановление «О работе высших учебных заведений», в нем были узаконены лекции, семинары, производственная практика. В полном объеме восстанавливается система оценок получаемых студентами знаний. В соответствии с решением Совнаркома от 15 мая 1934 г. «О структуре начальной и средней школы» в СССР устанавливалось три типа общеобразовательной школы: начальная (1—4 классы), неполная средняя (1—7 классы) и средняя (1—10 классы). Ко второй половине 1930-х годов в стране завершается переход к всеобщему 7-летнему образованию. В 1935 г. были ликвидированы все социальные ограничения при приеме в вузы, введенные после революции.

Важной заботой правительства в эти годы становится политика, направленная на улучшение материального положения и повышение социального статуса ученых и преподавателей. Так же, как и в армии, происходит восстановление существовавших прежде и отмененных революцией научных званий и степеней. Вместо введенного в 1918 г. единого звания ученого специалиста постановлением СНК СССР от 13 января 1934 г. устанавливались ученые степени кандидата и доктора наук (по итогам защиты соответствующих диссертационных работ) и ученые звания ассистента, младшего научного сотрудника, доцента, профессора. В 1937 г. была принята штатно-окладная система заработной платы преподавателей вузов, при повышении ее более чем на 30%. При средней зарплате рабочего 328 руб., для работников вузов устанавливались оклады от 500 руб. (ассистент, не имеющий ученой степени) до 1500 руб. (профессор, доктор наук, заведующий кафедрой). В отдельных случаях, по специальным ходатайствам вузов, оклады профессоров могли достигать 2000 руб., а доцентов — 1500. Для студентов устанавливались высокие стипендии: при размере в стране минимальной зарплаты 110 руб., стипендия могла

составлять от 173 до 183 руб. Стипендии выплачивались примерно 70% студентов.

Деятельность по развитию системы образования приносила ощутимые плоды. К концу предвоенного периода количество школ в СССР превысило 150 тыс., а число обучавшихся в них — 34 млн. Если в годы Гражданской войны и нэпа среднее образование в год получало около 67 тыс. человек, то перед войной — уже 468 тыс. Увеличилось число техникумов и других средних специальных учебных заведений, достигнув 3,7 тыс. Резко возросло количество вузов: перед революцией их насчитывалось около ста, а в 1941 г. — 817. За период социалистической реконструкции вузы дали стране около миллиона высококлассных специалистов по самым разным специальностям: инженеров, агрономов, геологов, физиков, военных и др. Особо следует отметить усилия правительства по развитию в стране сети педагогических учебных заведений, которые должны были восполнить нехватку учительских кадров, повысить их качество. Решение о создании первого специализированного педагогического факультета на базе 2-го МГУ было принято Наркомпросом 8 октября 1920 г. После разработок первых примерных учебных планов и утверждения их Государственным ученым советом, в октябре 1921 г. факультет начинает свою работу. Начавшаяся в 1929 г. широкомасштабная кампания по реорганизации вузов привела к созданию на базе педфака 2-го МГУ Московского государственного педагогического института, ставшего головным вузом, готовившим учителей для советской школы. Наряду с Москвой и Ленинградом, педагогические учебные заведения возникли во многих городах страны.

Всего за два десятилетия, конечно, не удалось преодолеть все трудности и пороки, свойственные новой советской школе. Школа стала массовой, образование — общедоступным, но качество преподавания редко соответствовало уровню прежних гимназий и реальных училищ. Не удалось преодолеть излишнюю политизацию преподавания общественных наук. Излишняя регламентация сковывала творческий поиск учителей-новаторов. Но, вместе с тем, именно в тот период советская система образования в основных чертах завершила свое становление. Именно в таком виде она просуществует несколько десятилетий и позволит советской школе в 1950-е годы стать одной из лучших в мире, обеспечить невиданный прорыв нашей страны в искусстве и науке, наконец, подготовить то поколение советских людей, которое на своих плечах вынесет самые тяжкие испытания в годы Великой Отечественной войны.

12 глава РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ ПОРЕВОЛЮЦИОННОГО ВРЕМЕНИ. 1917—1939 гг.

Русское зарубежье пореволюционной волны — явление уникальное не только в отечественной, но и во всемирной истории. Мощнейшие революционные потрясения 1917–1920 гг. выбросили за пределы нашей страны к началу 1920-х годов значительное число ее граждан. И уникальность интересующего нас явления состоит не только в массовости изгнанников, многие из которых вынуждены были навсегда покинуть свою Родину, но и в их качественном составе — большинство отечественных беженцев олицетворяли собою культурную и политическую элиту рухнувшей Российской империи.

Трагизм судьбы этих людей, оказавшихся в эмигрантском рассеянии, определялся прежде всего тем, что лишь немногим из них удалось дожить до того времени, когда Россия признала в них своих сыновей и дочерей. Сотни тысяч россиян ушли из жизни «белоэмигрантами», оставив в память о себе лишь русские кладбища в разных концах земного шара и нетленные творения своего ума, умелых рук и горячих сердец. Они покидали родную землю, веря в «оздоровление» больного Отечества и надеясь на то, что соотечественники вспомнят о них, когда, по словам одного из вождей белого движения генерал А.И. Деникина, «над бедной нашей страной почиет мир и всеисцеляющее время обратит кровавую быль в далекое прошлое».

Научным и нравственным долгом всех, кто принимается изучать наше сравнительно недавнее прошлое, становится ныне восстановление исторической справедливости и возрождение духовной связи с соотечественниками, которые в результате революции 1917 г. и последующей гражданской междоусобицы вынуждены были искать спасения на чужбине. Исходными моментами в решении данной задачи является определение численности и социального состава российской эмиграции, выяснение первоначального ее расселения и само-

организации остатков вооруженных сил и гражданских беженцев в 1920–1930 гг., когда за пределами нашей родины сформировались основы той социально-политической и духовной сферы, чья жизнь является составной частью российской истории новейшего времени, к рассмотрению которой мы приступаем.

§1

Основные направления эмигрантских потоков 1920—1939 гг. Численность, состав и расселение российских эмигрантов межвоенной поры

Всероссийский размах революции 1917 г. и ожесточенность последовавшей за ней Гражданской войны предопределили невиданную для предшествующей истории массовость исхода россиян за пределы своего Отечества. Начало формированию пореволюционного лагеря российской эмиграции было положено отдельными членами царской фамилии, аристократией, высшим чиновничеством, а также представителями бывшего Временного правительства, выполнявшими дипломатические, торгово-экономические и иные функции за границей. Основной же его контингент сложился вследствие как стихийного отступления, так и организованной эвакуации антибольшевистских вооруженных сил и части гражданского населения на территорию пограничных с Россией стран Европы и Азии.

Наиболее крупная группировка эмигрантов, насчитывающая свыше 150 тыс. человек оказалась в Турции и на Балканах в результате эвакуации войск П.Н. Врангеля. Врангелевский же флот после эвакуации был отведен на стоянку в тунисский порт Бизерт, где из членов судовых команд и гражданских беженцев возникла еще одна эмигрантская колония, численностью примерно 6 тыс. человек.

Несколько ранее через Мурманск и Архангельск в страны Северной Европы прошел северный поток российских беженцев. Весьма внушительным по численности являлся и поток российских беженцев, покинувших Россию через ее северо-

западные границы. Часть его задержалась в Польше, а также в прибалтийских странах-лимитрофах, а остальные проследовали в Германию, Чехословакию, Францию и даже в Англию, чтобы осесть там. По завершении Гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке России в конце 1922 г.значительный отлив эмигрантов произошел на территорию соседнего Китая, особенно в полосу отчуждения КВЖД, где и до этого проживало немало российских граждан, а также в Австралию и Японию. Суда Сибирской военной флотилии и Добровольного торгового и пассажирского флота, вывозившие остатки армии Дитерихса и беженцев, в составе 12 военных кораблей (одного крейсера, 6 канонерских лодок и трех посыльных судов) под командой адмирала Ю. Старка сначала дислоцировались в Шанхайском порту, а позднее вместе с находящимися на них гражданскими лицами были переброшены на Филиппины.

После этой самой массовой волны российской эмиграции возникают ее вторичные потоки, когда бывшие российские граждане, в поисках лучшей доли, стали уезжать в США, Канаду, в страны Латинской Америки. К их числу следует отнести принудительно высланную Советской властью в конце 1922 г. за рубеж группу инакомыслящей творческой интеллигенции, численностью в 160–200 человек, а также несколько десятков так называемых невозвращенцев, т.е. лиц вроде уже упоминавшегося ранее Н. Валентинова-Вольского, выехавших в загранкомандировки или на лечение и отказавшихся вернуться на Родину. Среди невозвращенцев было немало таких, кто выступил с открытой критикой большевистского режима, что было связано с риском стать жертвой внесудебной расправы агентов советских спецслужб. Встречались в той же среде (естественно, гораздо реже) и другие, кто подобно бывшему председателю правления Госбанка СССР и заместителю наркома финансов СССР А. Шейнману обрел возможность остаться в Англии ценой отречения от активного участия в политической борьбе и своеобразного ухода «в тень».

Однако с постепенным пополнением рядов эмиграции обнаружилось и заметное движение вспять, возвращение на Родину в основном случайно захваченных потоком беженцев людей, чему способствовала советская политика частных амнистий тем, преимущественно рядовым участникам белых армий, кто не запятнал себя тяжкими преступлениями в годы «красной смуты». Только в 1921 г., после принятия ВЦИКом декрета об амнистии рядовых участников белого движения домой вернулись свыше 120 тыс. человек. Среди этих и более поздних

возвращенцев были такие видные деятели отечественной культуры, науки и военного дела как профессора-экономисты А. Челинцев, Н. Макаров, писатели А. Толстой, С. Соколов-Микитов, скульпторы С. Коненков и С. Эрьзя, композитор С. Прокофьев, генералы Я. Слащев, В. Яхонтов, А. Мильковский, несколько полковников.

Но основную массу возвращенцев составляли, разумеется, рядовые солдаты бывших белых армий, казаки, гражданские беженцы преимущественно рабоче-крестьянского происхождения, оказавшиеся в составе эвакуировавшихся белых частей, а также представители низших слоев интеллигенции: сельские учителя и медики, мелкие служащие земского и кооперативного аппарата и т.п.

Постепенное расселение эмигрантов и их национальный и социальный состав

С учетом этого своеобразного «обратничества», общая численность российской эмиграции во второй половине 1920-х годов по разным данным составляла от 1,5 до 2 млн и более человек. При этом основная масса эмигрантов осела прежде всего в европейских странах — во Франции, Германии, Польше, Чехословакии, Болгарии, Югославии, странах-лимитрофах Прибалтики, а также в Турции и Китае. Последующие постоянные перемещения их из одних стран в другие привели к тому, что довольно значительное число эмигрантов из России оказалось в самых отдаленных местах: в США, странах Латинской Америки, Австралии и даже на Мадагаскаре. Расселение российской диаспоры внутри перечисленных стран тоже было неравномерным. Главными центрами ее общественно-политической жизни в 1920–1930-е годы являлись сначала Берлин, а в дальнейшем, вплоть до Второй мировой войны — Париж, где находились ее руководящие учреждения и проживало в разные годы от нескольких десятков до 100 тыс. наших соотечественников. Кроме них важными центрами были также Прага, Варшава, Белград, София, Рига, Хельсинки, Стамбул, Харбин и Шанхай, где издавались десятки эмигрантских газет и журналов, отражавших политическую и культурную жизнь многочисленных и разнообразных группировок русского зарубежья интересующего нас времени.

Национальный и социальный состав эмигранской массы был довольно пестрым. При численном преобладании среди беженцев великороссов по национальности среди них заметную часть составляли лица украинской, белорусской, грузинской, армянской

национальности, а также народностей Северного Кавказа, Поволжья, Средней Азии, Сибири и Дальнего Востока. Столь же многолик был и социально-сословный, а отсюда и конфессиональный состав людей, ставших изгоями родной земли.

В среде как великороссов, так и лиц других национальностей полярные социальные слои – помещиков и предпринимателей, и рабоче-крестьянский люд прежней Российской империи были представлены сравнительным меньшинством, особенно это касается последней группы населения, стихийно захваченной массовым потоком беженцев, но уже в 20-е годы в большинстве своем вернувшихся на Родину. Основная же масса эмигрантов состояла из представителей служилой среды и так называемого вольного труда, творческой интеллигенции, не имевшей ни значительных капиталов заграницей, ни сколько-нибудь обширных связей с верхами стран-реципиентов и как правило более всего нуждающихся в социальной защите.

Трудности адаптации российских беженцев к жизни за границей и их правовое положение

Понятие «адаптация» применительно к жизни эмигрантов — явление социального порядка, означающее приспособление их к новым для себя условиям существования, привыкание к инонациональной сфере обитания. Основой адаптации является сознательная деятельность в обстановке постоянной связи с социальной средой, обмена товарами и услугами не только с ней, но и сообществом в целом, способствующими их развитию.

Непременным фактором успешной адаптации эмигрантов служит сохранение их диаспорой (исторической общностью людей, вытесненных за пределы изначального этнического ареала под влиянием тех или иных неблагоприятных обстоятельств — войны, голода, принудительное переселение или в результате изменения государственной границы) национальной идентичности, с присущими последней самосознанием, самобытной культурой, родным языком и иными компонентами.

Решать эту сложную задачу российским эмигрантам приходилось, преодолевая немалые трудности: незнание преобладающим большинством из них языка стран-реципиентов, ограниченность (а порой и полное отсутствие) средств к существованию, особенности российского менталитета, разница в конфессиональной принадлежности, неопределенность статуса беженца-апатрида (лица лишившегося гражданства своей страны и не приобретшего его в стране проживания) и т.п.

Борьба эмигрантской общественности за урегулирование правового положения российских беженцев

Правовой вопрос в данной ситуации стал предметом заботы и внимания самих эмигрантов. Их представители, среди которых было немало видных специалистов-правоведов, поднимали его на совещаниях межправительственного уровня. Обсуждался вопрос о правовом статусе российских эмигрантов на собраниях русских юристов за границей, в ходе заседаний почти всех эмигрантских общественных организаций.

Именно по инициативе русских правоведов к решению проблемы беженцев была привлечена Лига Наций. По настоятельной просьбе Российского общества Красного Креста (организации еще не взятой под свой контроль большевиками) Международный комитет Красного Креста в феврале 1921 г. обратился с письмом в Совет Лиги Наций, в котором обращалось внимание на бедственное положение беженцев из России в странах их проживания. В этом же письме предлагалось назначить для решения данной проблемы комиссара Лиги Наций, наделенного следующими полномочиями: определение правового статуса беженцев; возвращение их в Россию или трудоустройства вне ее; объединение и координация оказания помощи беженцам.

Через несколько дней Совет Лиги Наций признал важность данного вопроса, хотя в отношении финансовой ответственности и практической помощи беженцам Совет Лиги Наций свел свои функции к сугубо посредническим и координаторским. В дальнейшем, после дополнительного всестороннего изучения этой проблемы, некоторые категории беженцев были взяты на попечение постоянного органа Лиги Наций. А 27 июня 1921 г. Сессия Совета Лиги Наций решила учредить должность Верховного комиссара по делам русских беженцев, которым вскоре назначили известного полярного исследователя и общественного деятеля Ф. Нансена.

В конце августа 1921 г. в Женеве состоялась конференция уполномоченных заинтересованных государств, на которой были предприняты попытки выработать общую точку зрения на правовое положение беженцев. Сложность состояла в том, что государства, представленные на конференции, стремились сохранить свою независимость и не хотели менять свое законодательство «во благо российских беженцев». Тем не менее, на этой конференции, видимо, возник вопрос о предоставлении паспортов россиянам-апатридам с тем, чтобы обеспечить им действенную правовую защиту с законным правом на труд и

проживание наравне с гражданами государств-реципиентов. Особую активность в этом вопросе проявляли русские эмигрантские гуманитарные организации, с которыми Верховный комиссар Лиги Наций предполагал иметь «фактические, а не юридические отношения». Ф. Нансену был передан меморандум 14-ти русских организаций, в котором специальная глава была посвящена положению беженцев, а всем членам конференции раздали письмо, подписанное представителями русских гуманитарных организаций в Женеве.

В начале июля 1922 г. в Женеве работала конференция представителей правительств, где был принят сертификат для беженцев, названный позже нансеновским паспортом. Правда, первоначальный проект этого документа, подготовленный юристами-эмигрантами и одобренный Советом Лиги Наций, по настоянию представителя Франции был изменен явно в худшую сторону. Из первого варианта было изъято все, что налагало те или иные обязательства на правительства стран, принявших беженцев. По мнению представителей русских организаций, юридическое качество принятого сертификата «оказалось много ниже первоначального проекта».

Правовой вопрос не сводился к урегулированию проблем удостоверения личности беженцев и их передвижения из страны в страну. Главное состояло в упорядочении правового статуса беженцев. Но за первые шесть лет существования Верховный комиссариат по делам русских беженцев добился только принятия «куцего» нансеновского паспорта, который могли получить российские эмигранты. Однако вопрос о статусе беженца так и не получил окончательного разрешения Лигой Наций вплоть до упразднения последней.

§2

Российские народные традиции и их роль в адаптации наших соотечественников к жизни за рубежом

Немалые невзгоды и лишения, что выпали на долю российских беженцев, выброшенных за пределы родной земли, не сломили у абсолютного большинства из них волю к жизни, а только укрепили стойкость, полученную в наследство от предков. Значительную роль в преодолении тягот жизни на чужбине

сыграли и такие замечательные традиции россиян, как православная благотворительность и общинная взаимопомощь. К сожалению, документальная база для освещения этого вопроса, имеющаяся в государственных архивах, весьма ограниченна, а главное рассредоточена по многим личным фондам, содержащим переписку современников. Что же касается сведений, дошедших до нас по мемуарной литературе, то они крайне отрывочны и несут на себе конъюнктурную печать того времени, когда были написаны и изданы те или иные воспоминания.

Гораздо лучше обстояло дело с информацией по данному вопросу в армейской среде российской эмиграции. Из доклада генерала Е. Миллера в 1924 г. на конференции Национального союза в Париже мы узнаем о положении в частях бывшей врангелевской армии. Поначалу личный состав этих частей продолжал вести казарменную жизнь под наблюдением начальства и получал казенный паек, приобретаемый на средства, отпущенные совещанием послов бывшего Временного правительства. С 1922 г. врангелевские части перешли на самообеспечение, и фактически должны были разойтись по городам и деревням Болгарии и сопредельных балканских территорий в поисках работы. И тем не менее, по сообщению генерала Е. Миллера, в этих частях, как правило, сохранились организованность, дисциплина и те традиционные обычаи армейской взаимовыручки, что служили «на пользу не только общего дела, осуществления идей» (подразумевалась идея борьбы за освобождение России от большевистского режима. — *Авт.*), «но и на благо каждому чину армии в отдельности».

В частности, понимая, что в новых условиях нет материальной возможности сохранять структуры полковых организаций, офицеры и солдаты этой армии решили помочь П. Врангелю сохранить армию и полки. И с той поры все работающие стали ежемесячно добровольно посылать своему командиру полка денежные средства (в размере 15 лев) «в безотчетное его распоряжение на нужды полка»: на содержание и работу бесплатно лазаретов, бань, а также столовых, где безработные могли питаться по льготным ценам. «Внесение этой лепты вдовицы, — подчеркивал Миллер, — свято соблюдается не только живущими в Болгарии, но и работающими во Франции, в Венгрии, в Сербии — вдали от всякого непосредственного влияния их начальников».

В свою очередь, командование армии по мере сил старалось поддерживать своих солдат и офицеров. И когда из-за плохих условий работы на Балканских территориях участ-

ники бывшей врангелевской армии начали перебираться во Францию, Бельгию и другие страны, командование армии «чем могло, содействовало этому улучшению личного положения.., помогало денежными средствами на переезд, содействовало получению виз, сговору с министерствами труда и иностранных дел для получения виз и обеспеченного заработка».

И как бы в порядке ответа на возможные упреки тех, кто считал, что это поведет к распылению армии, генерал Миллер сослался на два факта, случайно ставшие ему известными. Вот суть первого из них: в начале марта 1923 г. из Болгарии на угольные копи в Деказвиль (Франция) «в поношенных френчах» прибыла «первая сборная рабочая офицерская партия». «Через месяц в апреле из первого же своего скудного заработка, раньше, чем подумать о себе, о необходимости завести себе хотя бы белье и штатский костюм, — продолжал рассказывать Миллер, — каждый офицер послал к Пасхе по 15–16 франков в свой полк для улучшения разговления своих однополчан, собирающихся в полк для встречи Светлого Праздника». Другой факт: недавно (а говорилось об этом 13 сентября 1924 г.) «временно командующий одним из полков в Болгарии донес командиру полка сюда, в Париж, что из 1100 человек, находящихся на работах в Болгарии, небольшая группа из нескольких десятков человек, получила разрешение французских властей для переезда во Францию на работы, но скопленных сбережений недостаточно для оплаты путешествия. Командир полка собрал старших офицеров, из живущих в Париже, и предложил им немедленно со всеми офицерами полка, здесь работающими: через несколько часов 5000 франков лежали на столе у командира полка. И это дали не богачи, а люди тяжелым трудом зарабатывающие по 500–600 франков в месяц. Один за всех и все за одного».

Конечно, в обоих случаях речь шла о поступках людей, среди которых многое определялось не только корпоративной спайкой, но и моралью, офицерской честью. Но, думается, что генерал, поведав об этих примерах, не лукавил, спросив слушателей, а могли ли они среди беженцев, сплоченных в свои профессиональные и иные организации указать много случаев «такой солидарности, такой спайки не на словах, не в блестящих речах за стаканом вина или с кафедры под гром аплодисментов, а на деле, в кругу своих, без шума, скромно». В архиве, где хранится доклад Е. Миллера, не сохранилось документов, показывающих, как участники конференции реагировали на этот вопрос.

Но затронув эту сторону дела, надо сказать, что и в переписке гражданских эмигрантов можно найти немало фактов, свидетельствующих о довольно распространенной среди них, где было особенно много социально незащищенных людей, случаев межличностной благотворительности. Сошлемся всего лишь на один такой случай. Главная героиня его — Татьяна Бакунина, ученица известного историка, профессора Московского университета А. Кизеветтера. Она вместе со своими родителями, опытными практикующими врачами, после 1917 г. эмигрировала во Францию, где в 1920-х годах подготовила под руководством своего учителя и успешно защитила магистерскую диссертацию по истории российского средневековья. После этого она вышла замуж за известного российского писателя и политического публициста М. Осоргина (настоящая фамилия Ильин), которому в 1930 г. исполнилось 52 года, человека с подорванным здоровьем. Из писем Т. Бакуниной к Е. Кусковой, относящихся к 1930-м годам, можно узнать, что она в это время увлеченно работала над историей российского масонского движения и часто по этим вопросам обращалась к своему адресату за помощью чисто практического порядка, чаще всего связанной с «пробиванием» своих работ по новой теме в печать. Хлопотала она и за своего мужа, чем-то провинившегося перед редакторами и издателями популярных эмигрантских газет и журналов, но в обоих случаях ее старания дело не только не продвигали, скорее наоборот затормаживали.

Все эти проблемы, конечно же, осложняли и без того неблестящее материальное существование семьи Т. Бакуниной и М. Осоргина. Особенно тяжело стало после мирового экономического кризиса 1929 г., больнее всего ударившего как раз по российским эмигрантам-интеллигентам, менее всего социально защищенным. Но даже находясь в столь стесненных условиях, эта энергичная женщина начала заниматься своеобразной благотворительной деятельностью: в течение 3–4 лет она регулярно раз в неделю по выходным дням устраивала групповые (на 5–6 персон) обеды для своих знакомых, чтобы хоть этим скрасить их полуголодное существование. А ведь ей с мужем приходилось выступать в качестве благотворителей тогда, когда их собственные заработки упали ниже среднего прожиточного минимума. По всей вероятности супруг Татьяны должен был тратить тот запас средств, который удалось ранее

скопить в расчете «на черный день», а ей самой приходилось прибегать к помощи родителей, получавших от своей врачебной деятельности более высокий и, что не менее важно, стабильный доход.

Другой факт, несколько иного содержания, но тоже весьма симптоматичный, обнаружен в переписке с Е. Кусковой опытного политического журналиста, бывшего меньшевика Н. Валентинова-Вольского. Переписка охватывает почти все 30-е годы прошлого века. В письмах Е. Кусковой Н. Валентинов-Вольский, помимо обсуждения политических новостей, сообщает интересные для нас сведения о своих лишениях как эмигранта-невозвращенца в условиях мирового экономического кризиса 1929–1930-х годов. Дословно процитируем выдержку из одного его послания: «Есть счастливчики-эмигранты, которые даже в это тяжелое время живут припеваючи. Но для этого нужно принадлежать к какому-нибудь масонскому ордену в виде Российской социал-демократической партии, — жаловался Н. Валентинов, очевидно, еще не ведая о давней приверженности самой Е. Кусковой к масонскому сообществу политической направленности. — Это вообще замечательное учреждение. От имени этой фикции Дан и Абрамович имеют разные посты, а другие благодаря марке этого ордена имеют работу. Этот орден есть, так сказать, организация помощи и взаимопомощи. Например, Югов и его жена благодаря этому ордену, которому очень покровительствовал Блюм в дни его могущества, имеют весьма прилично оплачиваемую работу в одном французском издательстве... Другие лица с помощью того же ордена извлекают другие выгоды. В общем, все входящие и близко стоящие к ордену живут неплохо. А вы скажете: завидует человек! Нет... я только констатирую факт. Нужно уметь создавать и входить в такие ордена. Около пролетариата этих орденов понастроили уйму, и строителям их неплохо живется».

Из приведенной выдержки виден еще один источник, из которого некоторые отечественные эмигранты получали разного рода помощь от правительств стран проживания (правда, в данном случае не столько в порядке обычной благотворительности, сколько благодаря масонским связям и, не исключено, за особые заслуги). К этому надо добавить, что наиболее действенная помощь нашим соотечественникам-эмигрантам поступала от властей родственных славянских стран — Чехословакии, Югославии и Болгарии.

И все же, несмотря на различные воспомоществования от властей европейских стран, народные традиции благотворительности и общинной взаимопомощи играли значительную роль в адаптации эмигрантов к условиям стран их нового проживания. Число приведенных примеров можно было бы увеличивать многократно. Так, многие знаменитые российские певцы (Ф. Шаляпин, Н. Плевицкая и др.), композиторы и музыканты (С. Рахманинов, И. Стравинский), солисты балета (А. Павлова, Т. Карсавина, М. Кшесинская, М. Фокин, Д. Баланчин, С. Лифарь) выступали с концертами, сборы от которых нередко шли исключительно на благотворительные цели. А выдающиеся отечественные живописцы (И. Репин, Ф. Малявин, К. Коровин, В. Кандинский, М. Добужинский, М. Шагал) организовывали благотворительные выставки. Из своих средств, своевременно переведенных в иностранные банки, делали немалые отчисления на благотворительность видные предприниматели, члены Совета Торгово-промышленного и финансового союза — братья П. и В. Рябушинские, нефтяные магнаты Г. Нобель, П. Гукасов, С. Лианозов, владелец значительного пакета акций Сибирского банка, предприниматель и председатель Совета Торгпрома Н. Демидов и многие другие. А такие видные в прошлом предприниматели и политические деятели как А. Коновалов, А. Гучков и др. наряду со своими отчислениями на благотворительные цели, используя свои личные связи с власть предержащими кругами и трансконтинентальными фирмами Ротшильдов, Форда и Моргана, сумели получать весомые дотации в ведущих странах Запада на благотворительность Российского земгора, Национального эмигрантского комитета и других российских эмигрантских организаций.

§3

Общественно-политическая жизнь русского зарубежья

Общественно-политическая жизнь отечественной пореволюционной эмиграции по своей интенсивности и, что еще важнее, по значительности своего воздействия на цивилизационное

развитие мирового сообщества существенно уступает тому, что имело место в сфере духовно-культурного прогресса российской диаспоры. По всей вероятности, здесь сказалась серьезная разница в интеллектуальном потенциале культурной и политической элит России, оказавшихся за границей. Кроме того, российская революция 1917 г. и особенно Гражданская война, сопровождавшаяся интервенцией, по-разному повлияли на отечественную интеллигенцию, составившую если не большинство, то весьма существенную часть отечественных эмигрантов.

После великих потрясений 1917–1920 гг. подавляющая масса российских эмигрантов разочаровалась в политике и отошла от активного участия в общественно-политической жизни. Судя по откровенным признаниям недавних лидеров антибольшевистских движений, борьба с большевистским режимом, установившимся в России, стала уделом сравнительно небольшой доли российской диаспоры: от 6 до максимум 10% ее численности. К тому же и эта сравнительно небольшая доля по мере того, как становилась все более призрачной надежда эмигрантов на скорое падение власти большевиков в СССР, неумолимо, как шагреневая кожа, сокращалась.

При всем этом политическая история эмиграции имеет определенный интерес, ибо помогает лучше разобраться в малоизвестных и достаточно запутанных в современной литературе вопросах отечественной истории первой трети XX в., которая, по словам Н. Устрялова, посвятившего этой эпохе несколько интересных работ, прошла под знаком революции. Вот почему есть необходимость хотя бы вкратце охарактеризовать эту страницу нашего прошлого, акцентируя внимание на ее спорных моментах.

Деятельность политических партий, течений и общественных организаций в эмигрантской среде

С окончанием Гражданской войны и интервенции основные российские антибольшевистские политические партии, общественные организации и течения (кадеты, эсеры, меньшевики, народные социалисты, союзы земств, городов, молодежные объединения сокольства, бойскаутов и др.) перенесли, одни полностью, другие частично, свои штабы и развернули свою деятельность в зарубежье. Но наряду с ними, в эмигрантской среде со временем стали возникать и разворачивать свою работу новые объединения и течения, такие как Республиканско-демократический союз (РДС), Республиканско-демократичес-

кое объединение (РДО), сменовеховство, евразийство, младороссы и др. Все прежние и вновь возникшие политические организации, как правило, не занимались отвлеченным политиканством — междоусобной борьбой за кормило государственной власти, поскольку такового за границей у эмигрантов не было.

Данное обстоятельство предопределило явно гипертрофированный «идеологический градус» политической российской эмиграции. В ее среде причудливо сплетались и противоборствовали совершенно различные, порой противоположные направления общественной мысли: заповеди «Православие. Самодержавие. Народность» противостояли разрушившим монархию либерально-демократическим воззрениям «героев февральского действа» 1917 г.; непреклонная решимость белого генералитета продолжить Кубанский и Ледовый (Сибирский) походы сталкивалась со столь же твердым стремлением сменовеховцев пойти в «советскую Каноссу», а евразийцев начать «исход к востоку»; «первозданную» истинность и стерильную чистоту своих марксистских взглядов отстаивали меньшевики и троцкисты; «потерянное поколение» эмигрантских «детей» конфликтовало с «отцами», отметая дореволюционные программы и идеологии и пытаясь обрести свой, «третий», неизведанный еще путь «пореволюционного синтеза».

Это многоцветье идейно-политического спектра российского зарубежья резко контрастировало с ситуацией в СССР, где митинговые дифирамбы и кухонные анафемы «вождю народов» произносились на различных наречиях одного и того же предельно идеологизированного моноязыка. Подобная свобода выражения политических пристрастий, в свою очередь, порождала свободу и, одновременно, серьезную глубину оценок в эмигрантской политической мысли. Соответственно, обобщение и осмысление героического и трагического исторического опыта России первой половины XX столетия было выполнено мыслителями русского зарубежья несравненно глубже и многообразнее, нежели в СССР. Иван Ильин и Николай Устрялов, Петр Струве и Петр Савицкий, Георгий Федотов и Александр Казем-Бек, Павел Милюков и Иван Солоневич, Борис Бахметев и Федор Степун, Юлий Мартов и Александр Керенский — каждый дали свою версию анализа сущности и перспектив российской революции. При этом познание недавнего прошлого органически связывалось с политической деятельностью, потому что великие потрясения 1917 и последующих годов являлись все еще «злобой дня». Однако в эмигрантской

историографии и публицистике «злободневность» не была самодовлеющей, она гармонично сочеталась с масштабным историческим анализом, со всесторонней взвешенностью концептуальных трактовок и обобщений.

Такое сочетание делает политическую мысль русского зарубежья не только ценным памятником своего времени, но и достоянием отечественной общественно-политической мысли вообще. Современной исторической науке предстоит еще немало поработать, чтобы взять на вооружение богатейший интеллектуальный потенциал наших зарубежных соотечественников. Вместе с тем важно и то, что российская эмиграция находилась по существу в горниле европейской жизни и испытала на себе едва ли не все идейные веяния Запада тех лет: разнообразные формы немарксистского социализма, фашизм (итальянский и немецкий), солидаризм, теорию и практику масонских движений различной направленности и т.д. Уместно заметить, что научный анализ русско-эмигрантских вариантов названных идеологий был бы существенным дополнением к политическому портрету не только Европы, но и всего мирового сообщества между двумя великими войнами прошлого века.

Что же касается якобы «холостой» результативности политической практики российской эмиграции, то и здесь не все так однозначно. Например, вожди большевистского государства оперативно и остро реагировали на публицистические выступления Н. Устрялова, чьи идеологемы, по мнению некоторых современных исследователей, явились теоретической базой сталинского «национал-большевизма». Те крупномасштабные операции, которые проводили ВЧК и ОГПУ против российских Общевоинского, Торгово-промышленного, Финансового союзов и других эмигрантских организаций, показывают, что последние воспринимались в большевистских верхах совсем не как сборища досужих демагогов, а как реальная политическая сила. Жертвы терактов, совершенных русскими эмигрантами (от советских дипломатов В. Воровского и П. Войкова до президента Франции) — тоже не менее весомое тому подтверждение. Российская эмиграция была если и не первостатейным, то все же действенным фактором реальной политики (как в масштабе нашей страны, так и международном), и иметь о нем объективное и достаточно достоверное представление настоятельно необходимо.

При этом следует обратить внимание на некоторые серьезные изъяны, встречающиеся по данному вопросу не только в современной отечественной, но и западной литературе. Если

раньше имела место одна крайность в освещении политической истории русского зарубежья, которая характеризовалась исключительно в негативном ключе — как «клочья разбитого вдребезги», или как «агония белой эмиграции», то и ныне нередко имеют место попытки изобразить ее как что-то малосущественное, не заслуживающее серьезного научного разбора. Так современный западный исследователь М. Раев утверждает, будто политическая жизнь российской эмиграции состояла из бесконечных пререканий, порождаемых использованием непроверенной информации, беспомощностью, озлоблением, тоской по прошлому. Потому, считает исследователь, «распутать сложную и не имевшую практического результата деятельность политических организаций русского зарубежья не представляется... особенно перспективным». Думается, что подобная оценка является чрезмерно категорической и несправедливой.

Не соответствует исторической действительности и сохраняющиеся во многих работах по русскому зарубежью оценки правого и левого лагерей эмиграции, когда позитивные изменения в стратегии и тактике замечаются только внутри левых сил, а правый фланг чаще всего изображается консервативным и статичным. Внимательный анализ документов убеждает в том, что и внутри правого лагеря наблюдался пересмотр политических позиций, как это было на русском зарубежном съезде 1926 г., когда по аграрному вопросу была принята резолюция, в которой подчеркивалось: «Съезд всецело разделяет высказанное мнение Великого князя Николая Николаевича о том, что Земля, которой пользуются крестьяне, не должна быть у них отнята и что взыскивать с крестьян то, что погибло или расхищено во время революции, невозможно». Та же мысль нашла отражение и в обращении зарубежного съезда к русскому народу. «Мы хотим... чтобы земля не отбиралась, — читаем в этом документе, — а принадлежала на правах собственности тому, кто в поте лица своего обрабатывает ее». О динамике, а не о статическом положении внутри правого лагеря эмиграции свидетельствует постепенное усиление в рядах этого лагеря либерально-консервативного течения общественной мысли, которое развивали своими работами такие мыслители, как П. Струве, Н. Тимашев, С. Франк, С. Булгаков и др.

Бесспорно, что в политической жизни российской эмиграции, где присутствовали и противоборствовали совершенно различные политические силы, было немало проблем, были и бесконечные пререкания, было и взаимное озлобление, но,

думается нельзя ее сводить только к этим, трудно устранимым из любой сферы человеческой деятельности, отрицательным явлениям. С таким же основанием можно считать, что политическая история отечественной эмиграции — это история бурных дебатов о путях развития России и мирового сообщества, история дерзких мечтаний о новом устройстве мира и стремления их реализовать, что это история героической и одновременно безнадежной борьбы энтузиастов с гигантской государственной машиной, история выдающихся личностей, готовых пожертвовать и жертвовавших за Россию своей жизнью, которые во имя любви к Родине, во имя ее независимости совершали славные подвиги и страшные преступления. Думается, что именно с таких позиций правильнее рассматривать политическую жизнь русского зарубежья, этого крупного и противоречивого феномена.

Роль Русской Православной Церкви в политической жизни российской эмиграции

Картина политической жизни русской эмиграции будет неполной, если обойти вниманием общественную деятельность Русской Православной Церкви в изгнании. Роль конфессионального фактора в общественно-политической жизни русской диаспоры была существенно важной по ряду причин. Во-первых, связь Русской Православной Церкви с властью имела в нашей стране глубокие исторические корни. Во-вторых, основная масса русских беженцев пореволюционной поры являлась православными христианами и потому лишь немногие из общественно-политических образований, действующих в Российской диаспоре не стремились апеллировать в своих программных установках к ценностям отечественного Православия и опереться на его авторитет. И, наконец, первоиерархи наиболее значительной тогда по количеству приходов Церкви в изгнании – Русской Зарубежной (т.е. Карловской) Церкви с самого начала пребывания в рассеянии заняли принципиальную политическую позицию и строго придерживались ей, активно участвуя в политической борьбе в качестве надежного союзника правого лагеря эмиграции.

Высшее церковное управление (ВЦУ) белого юга России было избрано в мае 1919 г. на соборе, состоявшемся в Ставрополе. Позднее вместе с белой армией оно эвакуировалось в Константинополь, где его возглавил митрополит Киевский и Галицкий Антоний (Храповицкий). В конце ноября—начале

декабря 1921 г. после его переезда в Сремские Карловцы здесь состоялся I Всезарубежный церковный собор, на котором большинство составляли монархически настроенные делегаты, что и предопределило политизированность его работы. Наибольший общественный резонанс получили призыв Собора молиться за восстановление в России монархии Дома Романовых и обращение к международной Генуэзской конференции за помощью в борьбе с большевиками. Эти документы объективно подвели под удар Православную Церковь в Советской России и вынудили патриарха Тихона осудить Карловацкий Собор и распорядиться прекратить деятельность ВЦУ, передав власть над зарубежными приходами митрополиту Евлагию (Георгиевскому).

В сентябре 1922 г. собор епископов в Карловцах хотя формально исполнил волю Патриарха, распустив ВЦУ, но вместо него создал новый исполнительный орган Управления – Архиерейский Синод Русской Православной Церкви заграницей. Позже Тихон и его преемник не раз заявляли об осуждении антисоветской деятельности зарубежного епископа, но официального запрета на деятельность Синода не накладывали. Определив на I Соборе свою политическую позицию, Русская Зарубежная («Карловацкая») Церковь осталась ей верна в течение всего интересующего нас времени. Сущность ее сводилась к следующим постулатам: а) бескомпромиссная борьба с большевизмом в целях свержения его режима в стране; б) восстановление в России монархии Дома Романовых. Первоиерархи Русской Зарубежной Церкви активно участвовали во всех крупных политических мероприятиях антибольшевистсткой части эмиграции, идеологически наиболее близко стоящей к Высшему монархическому Совету как политическому центру ее.

Когда в 1927 г. митрополит Сергий (Старогородский), являвшийся местоблюстителем скончавшегося Патриарха Тихона, выступил с Декларацией о лояльности Православной Церкви по отношению к Советской власти, Архиерейский Собор Зарубежной Церкви отверг ее, что означало фактический разрыв отношений между Патриаршей Церковью и Зарубежной («Карловацкой»). А через три года колебаний митрополит Антоний специальным посланием призвал всех мирян русского зарубежья признать Великого князя Кирилла Владимировича законным императором. Вместе с Синодом Зарубежной Церкви он вел непримиримую борьбу против всевозможных ересей. Постоянным объектом обличения со стороны Русской Православной Зарубежной Церкви явля-

лось масонство, в котором она видела страшную разрушительную силу.

После ухода в 1963 г. в мир иной владыки Антония позиция Зарубежной Церкви не изменилась, его преемником был назначен митрополит Анастасий (Грибановский), который признал права Великого князя Владимира Кирилловича на российский престол и вслед за своим предшественником продолжил активную борьбу с большевизмом. На II Всезарубежном Соборе в 1938 г. он предпринял попытку сплотить правые политические организации и группировки вокруг Архиерейского Синода, но реальных результатов не достиг.

В церковной жизни зарубежья продолжались как и в политической деятельности эмиграции расколы. Еще в 1926 г. возник конфликт Архиерейского Синода с главой Западно-Европейской епархии митрополитом Евлогием и митрополитом Северо-Американской епархии Платоном (Рождественским), конфликт, отражающий стремление этих обширных и влиятельных объединений к большей автономии и, вероятно, в их нежелании следовать курсу митрополита Антония. В конце концов конфликт привел к отпадению обеих епархий от Зарубежной Церкви: первая из них во главе с владыкой Евлогием перешла в 1931 г. под юрисдикцию Константинопольского Патриаршества, а митрополит Платон стал главой автономной независимой Американской Православной Церкви. И тот, и другой архиерен придерживались принципиально аполитичной позиции, хотя и отказались признать Декларацию 1927 г. Часть приходов зарубежья, которая с Декларацией согласилась, стала подчиняться Москве — их главой являлся митрополит Литовский Елевферий (Богоявленский). «Карловацкая» Зарубежная Церковь осталась на воинствующих позициях, в которых была своя правда, но гипертрофированный и явно прямолинейный антикоммунизм, который в годы Второй мировой и Великой Отечественной войн направил ее по ложному пути, приведшему эту Церковь к контактам с нацистами и их пособниками-власовцами. Это сползание «карловацкого» духовенства на антинациональные позиции подрывало влияние Зарубежной Русской Церкви среди мирян, вело к углублению раскола между Русской Православной Церковью, подчинявшейся Московскому Патриаршеству и Зарубежной, возглавляемой Архиерейским Синодом, размежеванию, которое начало постепенно преодолеваться только в послесоветскую пору, но еще предстоит изжить до конца.

В интересующее нас послевоенное время преодолевать тенденцию к расколу в духовно-церковной жизни эмиграции мешали распри партийно-идеологического порядка, имевшие место в среде эмигрантской интеллигенции. Наиболее рельефно они проявились в верхах либерально-демократического лагеря российской эмиграции. Быстрее всего распался трудно и в течение нескольких лет создаваемый межпартийно-политический Республиканско-демократический союз. В декабре 1928 г. Центральное бюро союза сообщило, что вследствие разногласий по вопросам политической тактики между образующимися союз сторонами — «Крестьянской Россией – Трудовой крестьянской партией (эмигрантской организацией, созданной на ее пражском съезде в 1927 г. — *Ред.*), с одной стороны, и республиканско-демократической группой кадетской партии — с другой, ЦБ союза на заседании 19 ноября 1928 г. постановило «считать союз с 1 января 1929 г. прекратившим свое существование».

Затем стала разваливаться и сама многострадальная трудовая крестьянская партия, за создание которой долго ратовали правые эсеры. В 1930 г. ряды этой организации покинула группа эмигрантской молодежи, недовольной тем, что их объединение превратилось в сугубо партийно-сектантское. А через несколько лет, весной 1934 г. вышли из состава и руководства шестеро основателей ТКП во главе с председателем ее ЦК А. Аргуновым, которые обвиняли пражский партийный центр в идеологических и тактических шатаниях, а также в насаждении диктатуры ее лидера – Сергея Маслова. Вслед за центром раскол распространился и на региональные организации зарубежной ТКП. В ответ на решение ЦК ТКП о лишении своего уполномоченного этих прерогатив и признания недействительным соглашения, заключенного между дальневосточной группой партии, крестьянско-казачьим объединением и местной группой сибиряков-областников, Харбинский комитет ТКП сложил полномочия и группа объявила себя автономной, действующей независимо от ЦК.

Не лучше обстояли дела и в большинстве других партий российской эмиграции. Хорошо информированный в данном отношении А. Аргунов писал, что «весьма небольшие по численному составу, они (т.е. партии российских эмигрантов. — *Ред.*) ослаблены еще внутренними перегруппировками и, в общем, являют собой одни только штабы действовавших в России армий». Еще более пессимистично оценил тенденции,

наметившиеся в 1930-х годах в партийной среде русской эмиграции С. Маслов. «Роль политической эмиграции, — писал он, — систематически слабеет. Эмиграция законсервировалась в том виде, в каком она ушла из России.., не хочет замечать нового облика в современной России ... и напрасно отрицает ее достижения, осуществляемые русским населением обычно помимо и вопреки власти, не замечает и не дает правильного анализа и мировых событий» (Последние новости, 1934, 4 апреля).

В дальнейшем в условиях нарастания угрозы Второй мировой войны кризисные явления ощутимее всего давали о себе знать в рядах левого лагеря эмиграции: «Будем откровенны до конца, — с горечью признавала бывшая внефракционная социал-демократка Е. Кускова, — насколько обширен и полон "боевой" энергии реставрационно-фашисткий фланг современной русской эмиграции, настолько же слаб и расколот лагерь демократический» (Наше слово, 1936, № 6, с. 10). Вот только напрасно она противопоставляла положение внутри правого лагеря, несправедливо характеризуя его как реставрационно-фашистский, тогда как состояние и этого фланга было не лучше, чем у либералов и демократов.

В состоянии раскола и глубоких идейных разногласий встретили все партийно-политические объединения российских эмигрантов и Вторую мировую войну.

§4

Культурная миссия российского зарубежья

Массовый исход из России интеллигенции, являвшейся носительницей национальной науки и культуры, имел серьезные последствия для судеб отечественной науки и культуры. Он объективно поставил перед дееспособной частью эмиграции в качестве первостепенной задачи сохранение, вопреки всем лишениям и невзгодам, тех ценностей науки и культуры, что были в свое время освоены российским обществом.

Решить такую задачу в условиях зарубежья было весьма проблематично. Для этого требовалось обеспечить подрастающему поколению российской диаспоры возможность приобрести знания основ науки и культуры, обрести то, что дает начальная, средняя и высшая школа, или, короче говоря, система

образования. Систему такую предстояло сначала создать, а затем наладить ее надлежащее функционирование. О том, как решались та и другая проблемы, нам и предстоит теперь рассмотреть.

Российские эмигрантские учебные заведения и их деятельность

Задачу создания своей заграничной образовательной сети для обучения и воспитания подрастающего поколения общественность российской эмиграции осознала не в одночасье с появлением первых пореволюционных потоков беженцев в сопредельные с Россией страны европейско-азиатского Зарубежья. «Вначале никто не мог предполагать, — вспоминал бывший ректор Московского университета, позже 16 лет возглавлявший Русский Народный университет в Праге, проф. М. Новиков, — что русская эмиграция затянется на большое количество лет... По мере того, как стало выясняться, что русская эмиграция может задержаться на неопределенно долгое время, а в особенности после установления дипломатических отношений Чехословакии с Советской Россией, симпатии чехов к беженцам начали таять и кредиты на них ассигноваться все с большими и большими затруднениями...

В то же время в эмигрантской массе происходили серьезные психологические сдвиги. Жажда к учению, которая после долгих лет войны и Белого движения так ярко проявилась у изголодавшейся по духовной пище молодежи, начала постепенно падать и заменяться лишь стремлением получить диплом».

Характеристику отечественной эмиграции, данную М. Новиковым, без особых оговорок можно распространить и на эмиграцию в других странах.

Судя по материалам, собранным отечественными исследователями, первыми начали организовываться начальные и средние школы в Константинополе, ставшем своеобразным перевалочным лагерем эмигрантов, направлявшихся с юга России в балканские страны и через них в Западно-европейские государства. Инициативу создания здесь зимой 1921 г. трех гимназий, трех прогимназий, 10 начальных школ, стольких же детских садов и двух детских домов проявил Земско-городской союз, опиравшийся на помощь иностранных благотворительных организаций и частных лиц. Параллельно с Земгором такие же учебные заведения начинают основываться и частными лицами: так возникают гимназия В. Нератовой, начальная школа баронессы Врангель и католическая школа-интер-

нат отца Синягина. Но уже в следующем году все они стали переводиться в другие страны — в основном в Болгарию и Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (переименованное в 1929 г. в Югославию). К 1924 г. в Турции осталась одна школа-приют, содержащаяся английским обществом «Британский фонд помощи и восстановления», в которой обучались и жили 300 русских детей.

Аналогичным перевалочным лагерем эмигрантов в Греции стал Солоникский лагерь, расположенный в охваченной малярией местности. Русским организациям удалось вывезти отсюда в другие страны значительное количество соотечественников. К осени 1923 г. в Солониках осталось 400 беженцев. По инициативе родителей и группы педагогов здесь была открыта гимназия, содержащаяся на сборы пожертвований местного населения и митрополита Платона (Рождественского). Последний на деньги, собранные в Америке, основал школьное и просветительское дело в Афинах, поддержанное русским посольством.

Гораздо лучшим было положение российских беженцев в славянских странах — Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев (КСХС) и Чехословацкой республике, чьи правительства приняли к себе значительную массу российских эмигрантов — не менее 70—80 тыс. Правительство КСХС отпускало наибольшие кредиты на помощь русским школам, объем которых с 500 тыс. динаров в 1921 г. вырос в 1924 г. до 2904 тыс. динаров, т.е. почти в 6 раз. Не только по количеству ассигнованных средств, но и по количеству учащихся это государство опережало другие страны. Сюда с юга России были эвакуированы три кадетские корпуса и два института, которые поступили на полное содержание правительства. Кроме того в стране действовали 8 средних учебных заведений, в которых обучалось свыше 2 тыс. учащихся, содержащихся за счет Державной комиссии. Земгор со своей стороны субсидировал пополам с этой комиссией детские дома в Белграде и в пяти провинциальных городах страны, в которых дети эмигрантов проходили курс первых классов гимназии, а также школьные группы в других населенных пунктах. Правительство страны предоставляло русским учебным заведениям одинаковые права со своими школами.

В Чехословакии в области среднего и начального образования было сделано немало. В 1923 г. здесь обучалось свыше 1600 учащихся, причем многие из них за казенный счет. Еще в 1921 г. по инициативе помощника министра иностранных дел доктора Гирсы (он в 30-е годы станет послом этого государства

в СССР) был создан государственный культурно-просветительный план, одобренный президентом страны Т. Мосариком. В 1922 г. Земгором была основана в Праге «Реформированная реальная гимназия» с мужским и женским пансионами. Через шесть лет она переходит в ведение Министерства народного просвещения (в ней обучалось 230 детей). На периферии работала в Моравской Тржебове переведения из Константинополя русская частная гимназия А. Жекулиной, занимающая территорию школьного города, в котором жили и учились 545 детей обоего пола. Директором ее был известный педагог В. Светозаров, а законоучителем отец Иаков (Ктитарев), автор трудов по русской литературе.

В целом неплохо обстояло дело с обучением детей эмигрантов в Болгарии. Сюда были переведены две гимназии из Константинополя. В Плаховский монастырь эвакуированы с острова Лемнос кубанские школы, преобразованные позднее в сельскохозяйственное училище. Еще 2 гимназии (В. Нератовой и военная из Галлиполи) были переведены в провинциальные города. В Софии и Варне были основаны 2 частные гимназии. Земгором в Софии были открыты ряд детских домов и школ.

С осени 1923 г. русские школы Софии получают финансовую поддержку от правительства, а затем полностью переходят на его содержание.

Сложнее положение русских школ оказалось в Польше, Финляндии и прибалтийских государствах-лимитрофах. Польские власти проводили в школьном деле политику колонизации. Если в 1922 г. здесь насчитывалось 3 средних и 17 низших школ, то в 1924 г. их стало соответственно 15 и 6. И хотя в 1924 г. была проведена реформа, несколько поправившая положение школ национальных меньшинств — русских, белорусов, украинцев, но в целом сохранилось прежнее неравное положение этих школ, ввиду их немногочисленности и бедности. В Финляндии русские школы не получали никакой помощи от государства. Такое же положение наблюдалось в Эстонии, хотя Конституция гарантировала меньшинствам преподавание на родном языке. Несколько лучше обстояло дело в Латвии и Литве. В Латвии школа пользовалась поддержкой государства, а начальная была обязательной и бесплатной. Но и здесь из-за опасности «русификации» русские школы в 1924 г. были переведены в категорию местных латвийских школ, права которых были несколько ограничены. Литовская конституция предусматривала государственное кредитование для школ нацменьшинств, но русских школ было ничтожно мало: из 1700 только 7 в 1922 г., из которых всего лишь 1 гимназия.

В странах Центральной и Западной Европы — Германии, Бельгии, Франции для русских беженцев были открыты широкие возможности устройства школ. Основное внимание уделялось устройству русских отделений при местных школах, а также воскресно-четверговым курсам «по русским предметам». Открывались и чисто русские учебные заведения. В Берлине было открыто 2 гимназии: одна Русской академической группой, другая пастором И. Мазингом, созданная по образцу немецких училищ в Петербурге, которая кроме классического отделения имела коммерческое отделение и интернат. Окончившие эти отделения могли поступать в вузы Германии. Кроме того в Берлине действовала начальная школа, еще в двух городах — школа садоводства, 2 интерната и прогимназия.

В Бельгии возникли 3 школы-пансиона: школа-приют близ Брюсселя, пансион-школа в Льеже и школа-интернат в Намюре с 250 учащимися.

Во Франции были 2 гимназии: русская в Париже и «Александрино» в Ницце. Первая из них просуществовала до 1961 года, выпустив за 40 лет свыше 900 человек с аттестатами зрелости. Другой разновидностью русских школ были отделения при французских средних учебных заведениях Парижа, Версаля, Ниццы, просуществовавшие до Второй Мировой войны. Кроме того во Франции существовала широкая сеть воскресно-четверговых школ при приходах или русских колониях, действующих на скромные местные сборы, а также русских школ-приютов, обеспечивающих детям начальное образование и крышу над головой.

Большая часть этих учебных заведений существовала за счет правительств стран, приютивших беженцев. Однако существовали также школы и детские сады Всероссийского Земгора: в Белграде, Сараево, Дубровнике и др. с более чем 460 учениками.

Становление системы высшего образования происходило иначе. Сначала русские студенты продолжали образование в вузах ряда стран. А частности в Белградском университете обучалось 625 русских студентов, в Загребском — 285, в Загребских Высшей Технической и Коммерческой школах соответственно 166 и 140, университете в Любляне — 137 на юридическом факультете в Субботице — 40, на филфаке в Скопле — 10 и т.д. Аналогичная ситуация складывалась в Чехословакии, Франции, Германии. Но особо благоприятная обстановка имела место в вузах КСХС, где практически отсутствовал языковый барьер и правительство брало на себя частичное содержание русских студентов, обеспечивало их общежи-

тием, причем не милостыни ради, а из «высокого понимания единства культурной Европы».

Летом 1922 г. группа русских профессоров при поддержке значительной части эмиграции ставит перед общественностью и правительством Чехословакии вопрос о необходимости помочь русскому студенчеству, разбросанному по всему свету.

Обращение получило необходимый отклик. Правительство республики выделило средства на содержание студентов, осевших в стране. Тогда же оно начинает принимать русских студентов из других государств. К весне 1922 г. почти 1700 наших студентов стали стипендиатами Правительства Чехословакии. Более того, они расселялись в нескольких общежитиях и даже на частных квартирах, оплачиваемых властью, получали одежду, питание, денежное пособие. До образования русских вузов они распределялись по высшим школам Праги, Брно, Братиславы и др. городов.

В массе эмигрантов 1920—1921 гг. насчитывалось свыше 16 тыс. студентов, чью учебу прервали война и революция. За 10 лет эмиграции каждый второй из них получил образование в основном в Чехословакии и Югославии. Русские общественные организации — Земгор, Союз русских академических организаций, Международный союз студенческих организаций, Центральный комитет по обеспечению русской молодежи высшим образованием (т.н. Федоровский комитет) оказывали русскому студенчеству посильную помощь. За 7 лет с 1922 г. по 1929 год, когда начался мировой экономический кризис, подорвавший эту помощь, сумма вложенных денег в образование российской молодежи достигла 170 млн. франков, большую часть которой составили правительственные взносы Чехословакии, КСХС, а также Франции, Болгарии, Бельгии, Германии, Италии и Польши. Помимо того помогали частные французские банки, Красный Крест, частные организации.

Русские интеллигенты-эмигранты приложили немало сил к созданию русских вузов в Париже, Праге, Харбине. Начало созданию русской высшей школы за границей положило открытие 1 августа 1923 г. Русского пединститута им. Я.А. Каменского в Праге, в Педагогический Совет которого вошли профессора Булгаков С., Зеньковский М., Кизеветтер А., Островский С. и др. Институт благополучно проработал до конца 1926 г., выпустив с дипломами около 100 человек. Другим крупным учебным заведением Праги стал Русский юридический факультет (частный) протекторат над которым осуществлял академический сенат Карлова университета. Преподавали в нем такие высокоавторитетные ученые, как П. Струве,

Н. Лосский, Г. Флоровский, А. Кизеветтер, П. Новгородцев, С. Булгаков, Г. Вернадский и др. Дипломами об окончании факультета удостоились 384 человека.

Кроме этих вузов в Праге действовал в 1924—25 гг. Институт коммерческих знаний, Институт сельскохозяйственной кооперации, на кафедрах которого трудились видные специалисты-аграрники — профессора А. Анциферов, В. Брунст, Д. Иванцов и др. Этот вуз за время своего существования принял и выучил 585 слушателей, из которых 259 окончили курс, в том числе 48 со званием инженера. Несколько особняком работали в Праге Русский народный университет, просуществовавший 16 лет и давший немало кадров как русскому, так и чехословацкому обществу, а также Русское железнодорожное техническое училище, готовивших техников путей сообщения. За 10 лет работы оно выпустило немало специалистов, применивших свои знания в разных странах.

Кроме Праги вузы существовали и в Париже — сначала втором после Берлина центре, а позднее ставшим первым в русской эмиграции. В городе было основано 8 вузов, принимавших студентов со всей российской диаспоры. Среди них выделялись русские отделения при Сорбонне, где читали лекции свыше 40 известных русских ученых. В 1925 г. открылся Франко-русский институт, являвшийся высшей школой социально-политических наук и юриспруденции. Особое место принадлежало Русской консерватории в Париже, ставшей не только учебным, но и культурным центром русской эмиграции, организованной по образу и подобию Московской и Петербургской консерваторий известным композитором и дирижером Н. Черепниным. В Сергиевском подворье Парижа в 1925 г. был открыт Православный богословский институт, его организаторами стали профессора-богословы и философы, депортированные большевиками из России, но встретившие сочувствие митрополита русской церкви в Западной Европе Евлогия (Рождественского). Еще два учебных заведения для русских эмигрантов создали в Париже американцы: Русскую заочную школу Североамериканского союза христианской молодежи, в которой обучались более 7 тыс. русских студентов с многих стран мира и Русскую политехническую школу заочного обучения, основанную американской УМСА в 1921 г., а спустя 10 лет преобразованную в Русский высший технический институт, проработавший до 1962 г. В 1921 г. был создан Народный университет с музыкальной школой и несколькими курсами при нем. При этом университете читались лекции по русской культуре и организовывались образовательные экскурсии.

В 1920 г. при поддержке правительств Франции и КСХС основывается Политехнический институт, имевший русское, польское, югославянское и заочное отделения.

Благодаря усилиям русских эмигрантов на протяжении 20-х годов административный центр КВЖД—Харбин — превратился в культурный центр всей дальневосточной российской зарубежной диаспоры. Расширялись возникшие в начале века и открывались новые начальные и средние учебные заведения. Система русского образования служила не только интересам российских эмигрантов, она одновременно играла большую роль в развитии просвещения в Манчжурии в целом. Многие китайцы из состоятельных слоев стали отдавать своих детей в русские учебные заведения, чему российская администрация шла навстречу.

Возникла и получила развитие, как и в ряде европейских стран, высшая школа. Весной 1922 г. открылся Харбинский политехнический институт, получивший широкую известность благодаря своим высококвалифицированным специалистам-выпускникам. В последующие годы приняли первых студентов Педагогический, Институт ориентальных коммерческих наук, Институт Св. Владимира, Юридический факультет, на котором преподавали профессора Н. Устрялов и В. Рязановский, и даже консерватория. Русские вузы положили начало высшему образованию в Манчжурии. Теперь и китайцы обрели возможность получать высшее образование у себя дома, что было намного удобнее и дешевле, чем за границей.

В 20-е годы Харбин — это сеть русских школ, многочисленные курсы и кружки, литературные студии и спортивные секции, редакции газет и журналов, издательства, ежегодные дни русской культуры, своя киностудия, выпускавшая художественные фильмы. Работало общество изучения Маньчжурского края, издававшее свой журнал — «Известия ОИМК».

В 1931 г. Манчжурия была оккупирована японцами, которые создали марионеточное государство Маньчжоу-Го. В 1935 г. советское правительство после долгих переговоров, продало свои права на КВЖД японцам. Многие служащие КВЖД тогда вернулись на родину. Эти события стали началом распада русской общины в Харбине. Известный писатель и поэт харбинец Арсений Несмелов в 1938 г. писал, словно предвидя судьбу родного города:

Милый город, горд и строен,
Будет день такой,
Что не вспомнят, что построен
Русской ты рукой.

Пусть удел подобный горек, —
Не опустим глаз:
Вспомяни, старик историк,
Вспомяни о нас.

Русского Харбина после Второй мировой войны не стало. Но сохранилась память о нем. Она живет в сердцах многих харбинцев и их потомков, разбросанных по свету.

Подытоживая изложенный конкретный материал, следует подчеркнуть, что оказавшись за пределами России, отечественная интеллигенция предприняла огромные усилия, чтобы создать условия для продолжения образования своих детей. Живя первое время надеждами на скорое возвращение в Россию, стремясь сохранить и умножить достижения русской науки и культуры, создавая учебные заведения по образу и подобию российских дореволюционных школ, эмиграция стремилась подготовить подрастающее поколение к служению Родине, ее народам. Подобные настроения имела и эмигрантская молодежь. Однако реальные события 20—30-х годов развеяли надежды, сменилось поколение учащейся молодежи и злободневной задачей стало вживание в новые условия.

Вот почему русская школа стала менять направленность, приобретать рационалистический характер обучения, готовя специалистов для работы в условиях рассеяния. Учебные заведения стали закрываться или преобразовываться в исследовательские центры. Былая щедрая помощь правительств стала иссякать и на ее смену в качестве основного источника финансирования приходит собственная коммерческая деятельность.

Достижения отечественных ученых в эмиграции

В интеллигентском большинстве российских эмигрантов значительный его отряд представляли деятели отечественной науки. Основная часть этого отряда, представленная профессурой и доцентами российских университетов, ушла за рубеж в потоке беженцев, сопровождавших отступающие формирования белых армий. Вместе со своими недавними учителями или примерно одновременно оказались за границей недавние выпускники российских вузов — вчерашние студенты и особенно аспиранты (назывались они тогда лицами, оставленными при кафедрах для подготовки к профессорскому званию) — будущая научная смена своих наставников.

Этот отряд на излете гражданской междоусобицы в стране пополнился теми учеными, которых большевики насильственно выдворили из страны, как «непримиримых и неисправимых агентов врага в случае новых военных осложнений» и которых, как выразился Л. Троцкий, «мы вынуждены будем расстрелять по законам военного времени», а также теми научными работниками, что выезжая в заграничные командировки, принимали решение остаться жить там (так называемые «невозвращенцы»).

В составе этого отряда ученых было немало людей, чьи исследовательские достижения получили широкую известность на только в российской, но и мировой науке. В аэродинамике это создатель первой в стране аэродинамической лаборатории Д. Рябушинский и И. Сикорский — пионер отечественного авиастроения, изобретатель вертолета, и выдающиеся химики В. Игнатьев и А. Чичибабин, математики Г. Гамов, Н. Салтыков, С. Тимошенко; социологи и экономисты — П. Струве, С. Прокопович, П. Сорокин; философы и богословы — Н. Бердяев, С. Булгаков, И. Ильин, Г. Федотов, С. Франк; историки — Г. Вернадский, П. Милюков, С. Мельгунов, М. Ростовцев и др.

Из этого довольно пространного перечня выдающихся представителей отечественной науки, который можно было бы продолжить, расскажем подробнее о двоих из них, внесших поистине бесценный вклад в сокровищницу отечественной и мировой науки. Одним из пионеров авиастроения и изобретателем вертолетов И.И. Сикорском [⬇] и основоположнике современной социологии П.А. Сорокине, которые как высококвалифицированные специалисты проявили себя в дореволюционной России, но большую часть своей творческой деятельности провели за пределами родной земли.

Игорь Иванович Сикорский (25.05.1889, Киев — 26.10.1972 г. Истон (США))

С детства хотел продолжить семейную традицию и стать военным. Учился в Морском кадетском корпусе в Санкт-Петербурге (1903—1906), а затем в Киевском политехническом институте. Планы его изменились после поездки по Европе, где познакомился с братьями Райт и, находясь в Париже, стал свидетелем одного из первых полетов французского авиатора Луи Блерио.

Вернувшись в Киев, приступил к созданию вертолета. Но на испытании двух первых своих аппаратов убедился в бесперспективности дальнейших работ в этой области и решил заняться конструированием самолетов. В 1910—1922 гг. создал несколько машин серии С. Летом 1911 г. на биплане С-5, снабженном двигателем ➡

мощностью 50 л.с., совершил полет в течение более часа и достиг высоты в 450 м. С 1912 по 1918 г. Сикорский возглавлял конструкторское бюро авиаотдела Русско-Балтийского завода, который выпустил первые в мире многомоторные самолеты его конструкции («Гранд», «Русский витязь», «Илья Муромец»). За годы Первой мировой войны было построено 75 четырехмоторных бомбардировщиков Сикорского, которые успешно использовались на фронте. Вот только моторы для них приходилось покупать за границей. С этими машинами реализовалось предсказание выдающегося русского ученого-аэродинамика Н. Жуковского: «Русские крылья будут могучи и сильны как сама нация».

В 1919 г. он эмигрирует в США, где сначала должен был бедствовать, читать лекции по астрономии, и давать уроки математики. В 1923 г. вместе с несколькими бывшими офицерами, русскими эмигрантами организует компанию «Сикорский аэроинжиниринг», которая через 5 лет вошла в корпорацию «Юнайтед Айркрафт». Первое созданное им конструкторское бюро на Лонг-Айленде в Нью-Йорке размещалось в помещении... птицефермы. С такими монстрами как «Boeing» и «Martin» без капитала конкурировать было не под силу. Но тут Игорю Ивановичу выпала удача: русский композитор и дирижер С. Рахманинов неожиданно сделал «Сикорски Аэроинжиниринг» рекламу, став ее вице-президентом и скупив акции на 5 тыс. долларов. Сикорский смог арендовать ангар, и дела быстро наладились. К весне 1924 г. был готов его первый американский самолет S-29A, типа «летающей лодки», который принес ему крупный успех и заказы авиакомпании «Pan American» на пассажирские лайнеры для трансокеанских перевозок. Его новые четырехмоторные самолеты S-40 и S-42 были первыми в мире транспортными аппаратами, оснащенными пропеллерами с постоянной скоростью вращения. S-42, созданный для дальних перелетов, установил в 1934 г. рекорд высоты (6220 м), имея на борту груз, превышающий 4,9 тонн. В том же году на S-38 было установлено восемь мировых рекордов скорости.

К концу 1930-х годов спрос на летающие лодки закончился и тогда Сикорский вернулся к работе над вертолетами. В начале 1940-х годов состоялся демонстрационный полет по устойчивой траектории первого вертолета Игоря Ивановича. Вертолеты Сикорского установили несколько мировых рекордов, они широко поставлялись в армию, их закупали государственные, а также частные агентства и авиакомпании. Вертолет S-51 широко испытывался в боевых операциях в годы войны в Корее. В 1952 г. его S-52 совершил первый перелет через Атлантику и Тихий океан с дозаправкой в воздухе. А следующая модель S-55 вообще не знала себе равных и неспроста ее облюбовали американские президенты, а за ними и Н. Хрущев. Первые вертолеты с автопилотом — тоже творение И. Сикорского. Вертолеты-краны, вертолеты-амфибии, вертолеты-тральщики, турбинные вертолеты с убирающимися шасси — таков актив творческой деятельности Игоря Ивановича. Кроме того к ним надо прибавить 15 типов его самолетов.

Почетная медаль Д. Фрица «За научно-творческие достижения по фундаментальным наукам» в области авиации присуждена только двум инженерам — Орвиллу Райту и И. Сикорскому. Но на родине о его успехах стали писать только в постсоветское время. Зато чужбина оценила вклад Сикорского в развитие мировой авиации по заслугам. Его имя включено США в Национальный зал славы изобретателей наряду с Эдисоном, Ферми и Пастером.

Теперь речь пойдет о выдающемся представителе российской науки в гуманитарной области, чья творческая карьера во многом перекликается с только что рассмотренной [↓].

Питирим Александрович Сорокин (29.01.1889 с. Турья Яренского у. Вологодской губ. — 11.02.1968, штат Массачусетс, США). *Родился в семье русского ремесленника — мещанина и крестьянки-коми. Учился в церковно-приходской школе, затем в духовной семинарии в Костромской губ. Юношей вступил в партию эсеров. В 1906 г. арестован, исключен из семинарии и заключен в тюрьму г. Кинешмы. Через 4 мес. освобожден под нелегальный надзор полиции. Занимался, находясь в нелегальном положении в Иваново-Вознесенске, революционной пропагандой. Сдав экстерном экзамены за курс гимназии в Великом Устюге в 1909 г. поступил в Психоневрологический институт в С.-Петербурге; стал секретарем у академика М.М. Ковалевского, вместе с другом юности Н.Д. Кондратьевым. В 1910 г. перевелся на юридический факультет Петербургского университета. В начале 1913 г. арестован за участие в работе эсеровской организации, но вскоре освобожден. По окончании университета оставлен на кафедре уголовного права и судопроизводства для подготовки к профессорскому званию. Параллельно читал лекции по социологии в институтах Психоневрологическом и им. Лесгафта. В 1910—1914 гг. опубликовал несколько десятков работ, в том числе монографию «Преступление и кара, подвиг и награда». Один из организаторов Социологического общества им. Ковалевского (1916 г.), а также первой в России кафедры социологии, открытой в Петроградском университете в 1919 г.*

В годы Первой мировой войны вел борьбу против интернационалистов, выдвинулся в ряды идеологов эсеровской партии, установил контакты с лидерами политической оппозиции самодержавию в Госдуме. После Февральского государственного переворота 1917 г. являлся одним из редакторов центрального органа партии эсеров «Дело народа». Позже участвовал в создании газеты правых эсеров «Воля народа», был ее главным редактором. На Всероссийском крестьянском съезде избран в Исполком Всероссийского Совета крестьянских депутатов. После назначения А. Керенского премьер-министром стал его секретарем вместе с Н.Д. Кондратьевым, что наводит на мысль об их причастности к русскому политическому масонству. Выступал в сентябре 1917 г. против созыва Демократического совещания как бесполезного, но затем участвовал в его заседаниях. Был членом Предпарламента, высказывался за создание коалиционного правительства во главе с А. Керенским. Октябрьский большевистский переворот расценил как торжество преторианства, когда судьбы государства начинает определяться «волею 2—3 полков, темных и невежественных, руководимых ловкими демагогами». Избран в состав Учредительного собрания по списку эсеров и Совета крестьянских депутатов Вологодской губернии.

2 января 1918 г. арестован, около 2-х месяцев провел в Петропавловской крепости. Позже в Москве участвовал в деятельности «Союза возрождения России» по подготовке антибольшевистских выступлений. Направлен этим союзом вместе с Н. Чайковским на Север, где готовилось одно из таких выступлений, приуроченных к высадке союзного десанта в Архангельске. Вел подпольную работу в Великом Устюге, затем скрывался в тайге. В этот период осознал огромность катастрофы, тщетность надежд на союзников и невозможность уничтожения большевизма наружно-хирургическим путем и необходимость «органического изжития» через трагический опыт самого народа. В октябре 1918 г. выступил в газете Северо-Двинского губисполкома →

с заявлением, которое месяцем позже перепечатала «Правда». Оно было расценено Лениным как «признак поворота целого класса, всей мелкобуржуазной демократии» от враждебности к большевизму к нейтральности. Арестованный, приговорен к расстрелу, но был выпущен из тюрьмы, возобновил преподавание в вузах Петрограда. В 1920—1921 гг. руководил кафедрой социологии университета.

Высказывался в поддержку нэпа как курса, отвечающего интересам народа, но оставался в оппозиции к большевистской власти с «ее заветом злобы, ненависти и насилия», за что ему было запрещено преподавать, уничтожен набор его книги «Голод как фактор (влияние голода на человеческое поведение, социальную жизнь и организацию общества)». В конце 1922 г. его в составе группы ученых, оппозиционно настроенных к большевистскому режиму, высылают за границу. Около года он жил в Берлине и Праге, занимался преподаванием, работал в составе редакции альманаха «Крестьянская Россия». Будучи избран профессором Карлова университета в Праге, к чтению лекций приступить не успел, поскольку получил грант на работу в университетах США. Вначале читал лекции по социологии в Иллинойском и Висконсинском университетах, затем избирается профессором университета штата Миннесота. В 1930—1964 гг. он профессор Гарвардского университета, где организовал и возглавлял социологический факультет. Там Питирим Александрович становится и главой первого в мире комплексного научно-исследовательского центра по социологии и сочетает учебную работу с интенсивной исследовательской деятельностью.

Среди его учеников был будущий президент США Дж Кеннеди. Позднее он вспоминал — «Я серьезно сомневался в скором падении коммунистического правительства и был твердо убежден, что будущее России будет решаться русскими на родине, а не эмигрантами». («Грант», 1965, № 57, с. 204). Питирим Александрович избирался президентом американской Ассоциации социологии и Международного института по изучению цивилизации.

В качестве представителя науки молодого поколения русской эмиграции сошлемся на жизненную «одиссею» В. Зворыкина — создателя современного электронного телевидения. Его отличительная черта заключается в том, что он на чужбине оказался в те годы гражданской междоусобицы, когда его имя в молодой науке (радио- и видеоэлектронике) никому ни о чем еще не говорило. Большая наука, ее успехи и постоянный творческий поиск — все это было впереди. А начиналась жизненная «одиссея» нашего героя так [⬇].

Владимир Кузьмич Зворыкин (30.06.1880 г. Муром Владимирской губернии — 24.06.1982 г. США). *Родившись в семье купца, торговавшего хлебом и имевшего пароходы на Оке и Волге, он был младшим среди семи братьев и сестер. Купеческий род Зворыкиных славился не только деловыми людьми, но и одаренными учеными. Двое братьев отца — Кузьмы Алексеевича, стали учеными, изобретателями. Рано скончавшийся Николай Алексеевич Зворыкин (1854—1884), ученик А. Столетова был магистром математики и физики. большую известность получило имя Константина Алексеевича Зворыкина (1861—1928), профессора Киевского политехнического института, автора солидных трудов по теории резания металлов и технологии машиностроения.*

С 12 лет Владимир начинает интересоваться электротехникой, появляясь на пароходах и баркасах отца в качестве нештатного судового мастера. Окончив реальное училище, он поступает в Петербургский университет, но вскоре по настояниям отца, чтобы изучать перспективные физические дисциплины, переходит в политехнический институт. Здесь он знакомится с профессором Б. Розингом и проходит практику в его лаборатории, где тот ведет исследования по электронной передаче изображения на расстояние. Он является помощником Розинга в экспериментальной работе и становится участником эксперимента, когда учитель демонстрировал коллегам первый сеанс такой передачи с помощью совмещенной электронно-механической системы телевидения.

В 1912 г. Зворыкин оканчивает институт с отличием, что дает ему право поехать на научную стажировку в одну из европейских научных лабораторий. Здесь он почти год проводит в качестве аспиранта-стажера знаменитого французского физика П. Ланжевена. Но стажировку молодого ученого прервала Первая мировая война. Через Данию и Финляндию В. Зворыкин, преодолев немалые трудности, возвращается в Россию, где его немедленно мобилизовали в армию рядовым. Но скоро рядового с инженерным образованием заметило командование, и произведя в офицеры, назначило руководить фронтовой радиостанцией, в разобранном виде хранящейся на складах г. Гродно. Станцию собрали, наладили и даже попутно использовали для радиоперехвата немецких радиограмм. В 1916 г. В. Зворыкина отзывают в столицу и в составе группы специалистов командируют в США для закупки радиооборудования. Возвращается он после февральского переворота в столицу, где организует работу радиостанции Временного правительства и начинает после перерыва продолжать исследовательскую работу.

Когда власть в Петрограде взяли большевики, В. Зворыкин едва не становится жертвой «красного террора». Выручил его знакомый шофер по службе в армии: он узнал, что Зворыкина внесли в списки офицеров, не явившихся на регистрацию и помог бывшему офицеру срочно бежать в Нижний Новгород, где тот укрылся на время у служащих пароходной компании, прежде принадлежавшей его отцу, умершему в 1917 г. По пути через Пермь и Екатеринбург в Сибирь беглец был арестован красными и спасся только благодаря тому, что чехи быстро освободили Екатеринбург. С эшелоном «белочехов» Зворыкин прибывает в Омск — столицу белой Сибири. Отсюда Сибирское правительство командирует его в США для закупки средств связи. Выполнив это задание, Зворыкин еще более сложным маршрутом Сиэтл—Иокагама—Владивосток—Омск возвращается обратно. Временный Верховный Правитель А. Колчак снова направляет Зворыкина в Штаты с тем, чтобы тот наладил регулярное снабжение войск радиоаппаратурой. Его появление в США на сей раз совпало с падением колчаковского режима в Сибири. Это событие и подтолкнуло Владимира Кузьмича окончательно осесть в США.

Не без рекомендации русских эмигрантов он устроился в известную фирму «Вестингауз электрик». Но попытки добиться у руководства фирмы права вести исследования в области телевидения оказались тщетными. В 1921 г. он даже переходит на работу в канзасскую компанию, но через полгода возвращается назад, оговорив лучшие условия контракта. Спустя 2 года Зворыкин демонстрирует хозяевам фирмы передачу изображения на расстояние. «Демонстрация была впечатляющей, — вспоминал он позже, — передаваемое изображение представляло собой крест. В приемной катодной трубке был виден тот же крест, только менее контрастный и резкий. но все же установка действовала! Хотя, по словам изобретателя, пока это походило не на телевидение, а на «еле-еле видение». Тогда же автор подал заявку

на патент передатчика изображение с электронно-лучевой трубкой (иконоскопом), составным элементом которой была пластина, покрытая слоем фотоэлектрического материала паров аргона.

В 1929 г. изобретатель продемонстрировал телевизионный приемник с высоким качеством изображения, разработанный на основе созданного им кинескопа. Показ прошел на ура! На показе присутствовал Д. Сарнов, преуспевающий предприниматель, тоже выходец из России, которого американцы нарекли «бароном технологии». Поняв, какую выгоду можно получить от изобретения Зворыкина, Сарнов и тут же пригласил его в свою знаменитую фирму «Радиокорпорэйшн оф Америка». Так В. Зворыкин стал директором электронной исследовательской лаборатории, где существенно усовершенствовал свой кинескоп.

Все 30-е годы прошли в конкурентной борьбе многих ученых, тоже претендующих на создание систем телевидения. В итоге патентную схватку выиграл Зворыкин. В конце 1938 г. он наконец получил патент на электронное телевидение, который ждал 15 лет.

Как только телевидение лишилось ореола новизны, интерес ученого переместился в сторону электронной микроскопии, т.е. передачи изображений очень малых объектов. Вместе со своими сотрудниками он создал электронный микроскоп, позволяющий увеличивать изображения микроскопических объектов в миллионы раз. А когда началась Вторая мировая война, изобретатель переключился на военную радиотехнику. Он создал управляемую по телевидению авиабомбу. Позже из его лаборатории вышел прибор ночного видения, принятый на вооружение снайперами, танкистами и авиаторами.

С 30-х годов начали налаживаться связи В. Зворыкина с советскими учеными. В эти годы он дважды посетил СССР. Во время второго приезда его поразило то, что он увидел в лабораториях Ленинградского института телемеханики. «В первый раз я приезжал ознакомить вас с моими достижениями. Во второй — уезжаю коллегой. Боюсь, что в третий раз мне придется у вас многому поучиться», — сказал ученый перед отъездом.

В годы Второй мировой войны он активно помогал бывшей родине в ее отчаянной борьбе с фашизмом. В рамках ленд-лиза он курировал поставки в СССР радиотехники, а его жена — медикаментов, в частности нового в то время препарата — пенициллина, спасшего жизни тысячам раненых.

В послевоенные годы он заботился о переоборудовании двух советских телецентров американской новой телетехникой. В 1959 г., во время хрущевской «оттепели», как почетный гость Владимир Кузьмич принимал участие в открытии американской выставки в Москве. В 1963 г. ученый демонстрировал свои радиопилюли во Всесоюзном онкологическом центре в Москве. Побывал он дважды на своей «малой родине» — в Муроме. Ныне на семейном доме Зворыкиных установлена мемориальная доска, увековечившая память о выдающемся ученом.

Вклад русского зарубежья в отечественную и мировую культуру

Серебряный век в истории отечественной культуры был прерван великими военными, социальными и политическими потрясениями 1914—1920 гг. Но широкое по масштабам и мощное по внутреннему потенциалу, культурное развитие русского общества не могло в одночасье остановиться, поскольк-

ку культуре присущи свои собственные источники, традиции и закономерности поступательного движения. Пусть не все, но некоторые черты этого движения продолжали проявляться не только в русской культуре революционной поры, но в еще большей степени в культуре российского зарубежья, в чьей среде инерционные возможности развития тех или иных компонентов культурного потенциала Серебряного века сохранялись и действовали значительно дольше, чем в СССР.

Наиболее цельным и крупным массивом русской культуры в изгнании являлась художественная литература, имевшая в дореволюционной России наиболее глубокие и мощные исторические корни. В основном именно по этой причине она полнее всего сохранила свои традиционные виды и жанры: прозу, поэзию, литературную критику; повесть, роман, рассказ, поэму и т.д. Длительнее чем в других компонентах культурного наследия в ней сохранялись прежние литературные течения, унаследованные от Серебряного века, строй языковой выразительности и даже старой орфографии, манеры литературного письма и нравственных пристрастий. Более того, несмотря на трудные условия зарубежного существования, литература не только сохранила, но и на некоторых участках упрочила традиционное воздействие на иные сферы творческой деятельности: живопись, ваяние, музыкальное и сценическое искусство, кинематографию — создавая известное единство русской культуры в мире эмигрантского рассеяния.

Навыки литературной деятельности были присущи большинству пореволюционных российских беженцев, основную массу которых, как уже отмечалось, составляли представители разных отрядов отечественной интеллигенции. Такими навыками кроме литераторов-профессионалов в известной степени владели и представители других творческих профессий: политики, общественные деятели, ученые, педагоги и т. д. Все они в той или иной мере, лишившись возможности в полную силу работать и тем более зарабатывать на существование в сфере своей профессиональной деятельности, потянулись к самовыражению в области то ли публицистики, то ли мемуаристики. Редкий крупный общественно-политический деятель, маститый ученый или крупный педагог не взялся за перо с тем, чтобы проявить свои способности и в смежной с основной профессией области творчества. Редкий интеллигент-эмигрант не счел для себя необходимым написать личные воспоминания о днях минувших или так или иначе откликнуться на события, происходящие на родине, которой они лишились. Вспоминали революцию, войну, которая ее ускорила и свой собственный

путь на чужбину, высказываясь нередко и о грядущих судьбах родной земли и ее народа. Как справедливо признавал один из них, «мы все вращаемся в кругу тем: Россия, Революция, мы».

Значительная часть такого рода произведений представляет собой не только богатейший исторический источник, с одной стороны, но и своеобразное явление отечественной культуры — с другой.

Что касается круга профессиональных художников слова, то среди них можно выделить три наиболее влиятельные группы. Одна из них (М. Алданов, Д. Мережковский и др.) писала преимущественно на русские темы, но «для французского читателя», другая (И. Шмелев, И. Бунин и др.) стремилась оставаться верной российской литературной школе, третья, представляющая молодое поколение прозаиков, лидером которых являлся В. Набоков (Сирин), интенсивно осваивала «двуязычие».

Поскольку характеристику творчества признанного лидера первой из них, склонной больше к модернизму, Д. Мережковского читатель найдет в разделе культуры России Серебряного века, есть необходимость здесь остановиться на личности и творчестве представителя противоположной группы прозаиков-реалистов, развивавших лучшие традиции русской литературы Золотого века, уникального бытописателя дореволюционной России — И.С. Шмелева [⬇].

Иван Сергеевич Шмелев (21.09.1873, Москва — 24.06.1950 Бюси-ан-от, Франция) *— писатель-прозаик, публицист. Родился в Москве в Кадашевской слободе, затем семья переехала в собственный дом на Б. Калужской ул.; предки из крестьян-староверов Богородского уезда Моск. губ. Отец — подрядчик, умер, когда сыну было 7 лет. Образование получил на юридическом факультете Московского университета. Заявляет о себе как писатель на втором году студенчества, а к концу учебы выпускает первую книгу очерков «На скалах Валаама» (М., 1897). Сорок лет спустя уже в эмиграции создает новую редакцию этого несколько автобиографического произведения — «Старый Валаам» (Чехословакия, 1936). Работал сначала помощником присяжного поверенного в Москве, но вскоре становится чиновником для особых поручений во Владимирской губ. Здесь он открывает для себя жизнь русской деревни, а в путешествиях по Оке и Каме, в поездках по Сибири — красоту и многообразие российской природы.*

Уйдя с 1907 г. в отставку, целиком погружается в литературную работу. Появление повести «Человек из ресторана» в 1911 г. принесло Ивану Сергеевичу всероссийскую известность, критики, оценивая это произведение, проводили параллель с дебютом Достоевского. В годы Первой мировой войны пишет сборник «Суровые дни» и повесть «Это было». Демократические иллюзии, разделяемые либеральной ➡

интеллигенцией, способствовали тому, что он горячо приветствует февральские события 1917 г. Но размышления о начавшемся переустройстве общества порождают предвидение того, во что выльется на деле воплощение революционных идеалов.

Противник революционного насилия, писатель не принял большевистский Октябрь. С началом гражданской войны уезжает с семьей в Крым, где была приобретена небольшая дачка. Тогда же пишет житие крепостного художника «Неупиваемая чаша», а затем обращается к жанру сказки. Когда в 1920 г. красные взяли Крым, ими был арестован в госпитале единственный сын Шмелева и без суда расстрелян вместе с несколькими тысячами других офицеров. Смерть сына потрясла художника слова. Едва вернувшись в столицу, он начинает хлопотать о выезде за границу и в конце 1922 г. с женой уезжает сначала в Берлин, а через пару месяцев в Париж. Летом следующего года заканчивает книгу «Солнце мертвых» о кошмаре красного террора в Крыму, первую в его творчестве, посвященную пореволюционной России, сразу же переведенную на несколько иностранных языков. Позже появляются несколько новых работ «Про одну старуху» (1925), «На пеньках» (1925) и романы «История любовная» (1927), «Солдаты» (1930). Чувством утраты родины и светом воспоминаний о минувшем пронизаны выходившие тогда же сборники рассказов и очерков писателя «Новые рассказы о России» (1927), «Степное чудо» (1927), «Свет разума» (1928), «Въезд в Париж. Рассказы о России зарубежной» (1929), «Родное. Про нашу Россию» (1931).

На чужбине писатель так и не смог прижиться, не принял ее прагматизма, иной ментальности. Его рассказы о судьбах русских за рубежом, роман на ту же тему «Няня из Москвы» (1936) все более окрашиваются религиозным чувством, православием — «исконным, кондовым». Подобное мировоззрение было неприемлемо для либеральной интеллигенции. «Важно было то, что Шмелев осмелился защищать историческую Россию против революции. Этого ему простить не могли», — свидетельствовал авторитетный знаток его творчества В. Рудинский. Думается, что в не меньшей степени не могли простить Шмелеву и его публицистику, обвинявшую не только левую, но и либерально-демократическую интеллигенцию страны в «непонимании своего национального назначения, в непонимании России, ее пути, ибо каждый народ, — подчеркивал он, — имеет свои пути».

Но вопреки происках своих недоброжелателей писатель обретает в русском зарубежье и своих единомышленников, своих читателей. Он был одним из любимых художников слова русских изгнанников. Его «Богомолье» перечитывал по-старчески немощный Вас. Немирович-Данченко, просил читать за несколько дней перед смертью К. Бальмонт, державший эту книгу в изголовье рядом с Евангелием.

Наиболее емкую оценку творчества Шмелева, особенно его самых сильных творений — «Лета Господня» и «Богомолья», дал И.А. Ильин, отметивший в шедеврах прозаика соединение почвенного-народно-бытового со стихией православия и усмотревший в произведениях этого национально ориентированного большого мастера художественного слова их общечеловеческое значение. «Шмелев есть прежде всего — русский поэт по строению своего художественного акта... В то же время он — певец России, изобразитель русского исторически сложившегося душевного и духовного уклада; и то, что он живописует, есть русский человек и русский народ — в его подъеме, и в его падении, в его силе и слабости, в его умилении и в его окаянстве. Это русский художник пишет о русском естестве. Это национальное толкование национального».

Начальные главы «Лета Господня» увидели свет в 1927 г., а вся первая часть книги («Праздники») вышла в 1933 г. в Белграде; в ходе работы над «Летом Господним» создается «Богомолье» (Белград, 1935), полное издание которого выходит одновременно с «Летом Господним» в Париже в 1948 г.

В июне 1936 г. писателя постигла большая утрата — скончалась его жена Ольга Александровна. Опытом «духовного» романа стали задуманные трилогией «Пути небесные». Первый том этого романа был завершен в 1936 г., над вторым И. Шмелев трудился в 1944—1947 гг. Это произведение посвящено жене писателя, в его основу положена реальная история, касающаяся обстоятельств жизни и брака дяди О.А. Шмелевой — В. Вейденгаммера. В нем художник воссоздает путь веры и самопожертвования как путь преодоления греха и освобождения, восхождения души. Третью часть романа, действие которого должно было разворачиваться в Оптиной Пустыни, И.С. Шмелев намеревался писать в обители Покрова Божьей Матери в 150 км от Парижа. В этот монастырь писатель прибыл 24 июня 1950 г., но в тот же день скончался от сердечного приступа.

В эмигрантской поэзии лидерами являлись В. Ходасевич, Г. Иванов, М. Цветаева. Из молодого поколения выделялись Б. Поплавский (рано умерший), И. Одоевцева, Е. Кузьмина-Караваева, составлявшие группу поэтов-символистов. Но если русскую зарубежную прозу хотя и не часто, переводили, то поэзия пользовалась спросом лишь в эмигрантской среде. Поэты, особенно молодые, сознавали, что им на Родину не вернуться, хотя одна из них (И. Одоевцева) в преклонном возрасте дождалась возвращения и похоронена в Санкт-Петербурге. Но для М. Цветаевой, которая вернулась в советскую пору, судьба, как известно, была менее милостива.

Для деятелей искусства в изгнании альтернатива — сохранять свою самобытную культуру или адаптироваться и «вжиться» в культуру Запада стояла менее остро, чем для художников слова. Ведь специфической чертой многих видов искусства, таких как живопись и ваяние, театральное искусство и кинематография, балет, танцы и в особенности музыка — является то, что все они гораздо легче «переводятся», их восприятию потребителем меньше мешает языковой барьер — вот почему они всегда более интернациональны и востребованы. Поэтому и размежевание среди деятелей искусства было менее глубоким, чем в писательской и поэтической среде. Эстетические дискуссии разгорались здесь чаще всего вокруг выяснения «русскости», в том или ином произведении искусства или в творчестве того или иного мастера кисти, музыки или сцены.

Мастера живописи, оказавшиеся в эмиграции, продолжали работать в разных направлениях. Бывшие деятели «Мира искусства» А. Бенуа, Л. Бакст, М. Добужинский, Н. Гончарова активно участвовали в оформлении оперных и балетных спек-

таклей в рамках «Русских сезонов» С. Дягилева, а после его смерти их проводил С. Лифарь. Русские спектакли в оформлении Н. Рериха в Нью-Йорке, и постановки А. Браиловского в Софии тоже проходили с неизменным успехом. Выставки своих новых работ организовывали верные своей творческой манере К. Коровин, Ф. Малявин, И. Белибин, К. Сомов.

Авангардистские художники — М. Шагал, В. Кандинский и другие имели возможность продолжить свои эксперименты и таким образом оказывать заметное влияние на все течения европейских авангардистов.

В наилучших условиях за рубежом оказалась отечественная музыкальная культура. В эмиграции упрочил свою мировую известность Ф. Шаляпин, его вклад в торжество русской антрепризы на конкурсе лучших оперных коллективов мира, состоявшемся в 1933 г. в Лондоне, был определяющим.

На мировой сцене блистали русские балерины А. Павлова, Т. Карсавина, М. Кшессинская, солисты балета, а также балетмейстеры и педагоги М. Фокин, С. Лифарь, Д. Баланчин (Г. Баланчивадзе), В. Нижинский и др.

Особо следует сказать о вкладе в мировую музыкальную культуру отечественных композиторов С. Рахманинова, А. Гречанинова, И. Стравинского и др. Из них наиболее органично в мировую и европейскую музыкальную культуру вписался композитор-авангардист И. Стравинский. Но самую весомую лепту в сокровищницу мировой и европейской музыки внесло творчество С. Рахманинова — великого композитора XX в., выдающегося дирижера и виртуозного исполнителя-пианиста. Расскажем несколько подробнее о таланте этого человека [⬇].

⬇

Сергей Васильевич Рахманинов (20.03.1873, имение Онег Старусского уезда Новгородской губ. — 28.03.1943, Нью-Йорк, США). *Родился в дворянской семье с давними музыкальными традициями. Обучаться музыке начал с 4-х лет под руководством матери. В 1882 г. поступил в Петербургскую консерваторию, но в 1885 г. приехал в Москву, став студентом Московской консерватории. Его основными педагогами являлись проф. Н. Зверев, А. Зилоти, композиторы С. Танеев и А. Аренский. С 1890-х годов начинается самостоятельная жизнь юноши, который стал зарабатывать на жизнь уроками фортепиано и теории музыки. Окончил консерваторию с большой золотой медалью как пианист, а в 1892 г. как композитор. Его дипломной работой стала одноактная опера «Алеко» по поэме Пушкина «Цыганы», которая через год была поставлена в Большом Театре.*

С 1892 г. Сергей Васильевич приступил к концертной деятельности. Годом позже он начинает преподавать в Мариинском училище, Екатерининском и Елизаветинском институтах, а затем становится там же инспектором музыки.

В 1895 г. композитор пишет Первую симфонию, но ее премьера, состоявшаяся через 2 года под не совсем уверенным управлением ➡

А. Глазунова завершилась провальным неуспехом. Хотя по отзывам современников это было результатом небрежного исполнения симфонии, самокритичный автор воспринял произошедшее как свидетельство своей творческой несостоятельности и на несколько лет отошел от сочинения музыки. Выручала иная деятельность — дирижерская, сначала в Московской опере С. Мамонтова, а с 1904 по 1906 г. в Большом Театре. Театральный опыт оказался весьма полезным. Преодолеть творческую депрессию помогла и врачебная помощь.

Последующие полтора десятилетия стали наиболее плодотворными в жизни выдающегося композитора, пианиста и дирижера. В 1901 г. им был написан Второй фортепьянный концерт, имевший большой успех. Следующая удача — Соната для виолончели и фортепиано. Радостным, поистине жизнеутверждающим мироощущением проникнута рахманинская кантата «Весна» на стихи Некрасова. За нею следуют другие крупные инструментальные творения композитора: Симфония № 2 (1907) и Концерт № 3 для фортепиано с оркестром (1909).

Следующее пятилетие отмечено рождением произведений, которые сам автор очень любил и ценил. Это хоровые циклы «Литургия Иоанна Златоуста» (1910) и симфоническая поэма «Колокола» (1913) на стихи Эдгара По для солистов, хора и оркестра. Богато и разнообразно представлены в творчестве композитора малые формы: романсы («Сирень» и «Здесь хорошо», «Маргаритки» и др.). За свою жизнь он создал более 80 романсов, среди которых такие жемчужины русской вокальной лирики как «В молчанье ночи тайной» на слова Фета, «Не пой, красавица, при мне» на слова Пушкина, «Весенние воды» на слова Тютчева.

В этот период состоялось несколько зарубежных гастролей Сергея Васильевича. Концерты 1909 г. в Америке и 1914 г. в Англии принесла ему всемирную славу. В годы мировой войны его концертная деятельность сосредоточивается в России. В сезоне 1917 г. он с успехом давал концерты в пользу армии.

Радостно встретил композитор отречение Николая II, но последующие события все больше тревожили его. После Октября конец старой России стал для него очевиден. Воспользовавшись приглашением из Швеции, взяв всю семью, Рахманинов выезжает в Стокгольм. Покинув Родину, композитор надолго отказался от сочинения музыки. На многие годы он становится концертирующим пианистом и дирижером.

Начиная с 1924 по 1939 г. Рахманиновы проводили лето в Европе, возвращаясь осенью в Нью-Йорк. В 1926 г. Сергей Васильевич вернулся к композиторской деятельности и в течение года написал 4-й концерт и «Три русские песни» для хора с оркестром. Последнее сочинение, написанное после девятилетнего творческого перерыва, оказалось первым из тех, что были созданы в разлуке с родной землей и народом. Первую песню Сергей Васильевич записал с напева Ф. Шаляпина — «Ах, ты, Ванька», вторую — «Белолицы, румяницы вы мои» — пела ему популярнейшая исполнительница русских народных песен Н. Плевицкая, третья же была хорошо знакома с детства — «Через речку, речку быстру».

В 1930 г. композитор приобретает участок земли в Швейцарии, вблизи Люцерна. С весны 1934 г. его семья прочно обосновывается в этом имении, напоминающем имение Ивановку родных жены (Н.А. Сатиной) в Тамбовской губ. Здесь композитор прожил творчески плодотворную пору своей жизни за границей. Венчают жизненный путь великого художника крупные музыкальные полотна, составляющие своеобразную «лебединую» трилогию. Это «Рапсодия на тему Паганини» (1934), «Третья симфония» (1936) и «Симфонические танцы» (1940).

В 1941 г., переживая за судьбу своей родины, С.В. Рахманинов дает концерт, весь сбор которого передает советскому генеральному

консулу. Последний концертный сезон он, несмотря на плохое самочувствие, начинает в октябре 1942 г. 17 февраля 1943 г. состоялся его последний концерт, после чего его турне прерывается. Не дожив нескольких дней до своего 70-летия, 28 марта 1943 г. великий музыкант умирает. Последние его переживания были вызваны сообщениями о ходе боев на советско-германском фронте. Утраченная родная земля продолжала жить в его сердце как самая большая, самая беззаветная, дающая творческие силы любовь.

Творчество Рахманинова — гениального русского композитора, пианиста и дирижера — представляет собой выдающееся явление не только отечественной, но и мировой музыкальной культуры.

Представителей отечественной культурной элиты, оказавшихся в изгнании, независимо от того, какие идеологические и политические взгляды они ни разделяли, объединяло одно общее дело — беззаветное служение возрождению и развитию родной культуры. Светочем, подлинным символом такого служения для них являлось имя и творчество гениального А.С. Пушкина. Вот почему день рождения поэта с 1925 г. стал ежегодно отмечаться российским зарубежьем как праздник русской культуры, как мероприятие всех россиян, живущих в эмиграции. Поистине грандиозным стал Пушкинский праздник 1937 г., в год столетия трагической гибели поэта. В сорока двух государствах пяти частей света, в 231 городе мира русская диаспора праздновала День русской культуры как выдающееся духовное событие. Из категории «культурного наследства» Пушкин стал олицетворением современной отечественной культуры, наиболее востребованным поэтом в эмигрантских общинах тех лет.

Рост инициативы и самодеятельности общественных организаций российского зарубежья, их сближение в процессе работы, направленной на возрождение и развитие отечественной культуры, порождали среди наших соотечественников уверенность в завтрашнем дне, стимулировало их творчество. Казалось, что их страхи за свое будущее уходят прочь, что жизнь входит в нормальную колею.

Но неотвратимо надвигающаяся на человечество новая, еще более страшная мировая война спутала все надежды и планы людей на будущее. История не отвела поколению пореволюционных эмигрантов времени на это.

БИБЛИОГРАФИЯ

УЧЕБНИКИ, ПОСОБИЯ, СПРАВОЧНИКИ

Барсенков А.С., Вдовин А.И. История России. 1917–2007. — М., 2008.

Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители. 1923–1991. Историко-биографический справочник. — М., 1999.

Ирошников М.П., Ваксер А.З. Россия в XX в. Народ, власть, войны, революции, общество. Учеб. книга. — СПб., 2005.

История международных отношений и внешней политики СССР. 1917–1987. — М., 1987. — Т. 1–3.

История России с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. / А.Н. Сахаров, А.Н. Боханов, В.А. Шестаков/Под ред. А.Н. Сахарова. — М., 2008.

История России. С древнейших времен до начала XXI века. В 3-х т. / Под. ред. Л.В. Милова. — М., 2006. Т. 3.

Население России в 1920–1950-е годы. Численность, потери, миграция. — М., 1994.

Население России в XX веке. Исторические очерки. В 3-х т. — М., 2000.

Новейшая история Отечества. XX век / Под ред. А.Ф. Киселева, Э.М. Щагина. Изд. 3-е. — М., 2004. — Т. 1–2.

Новейшая история России. 1914 – 2005. 2-е изд. / Под ред. М.В. Ходякова. М., 2007.

Новейшая отечественная история. XX век. Кн. 1–2 / Под ред. Э.М. Щагина, А.В. Лубкова. — М., 2004.

Прокопович С.Н. Очерки хозяйства Советской России. — Берлин — М., 1923.

Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XXв. Энциклопедический биографический словарь / В.В. Шелохаев, А.К. Сорокин. — М., 1997.

Соколов А.К. Курс советской истории. 1917–1940. — М., 1999.

Хрестоматия по истории СССР. 1917–1945 гг. / Под ред. Э.М. Щагина. — М., 1991.

Хрестоматия по новейшей истории России. 1947–2004 гг. В 2-х ч. / Под ред. А.Ф. Киселева, Э.М. Щагина. — М., 2005.

Хрестоматия по отечественной истории. 1914–1945 гг. / Под ред. А.Ф. Киселева, Э.М. Щагина. — М., 1996.

Чернев А.Д. 229 кремлевских вождей. Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК компартии в лицах и цифрах: Справочник. — М., 1996.

ИСТОЧНИКИ

Аграрная реформа П.А. Столыпина в документах и публикациях конца XIX — начала XX века: Аналитический обзор / Л.Н. Зайцева и др. — М., 1993.

Аграрные преобразования П.А. Столыпина и земство. Сборник документов. — Великий Новгород, 2004.

Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) КПСС. 1922–1991. —М., 2000.

Архив русской революции. В 22-х т. — М., 1991. — Т. 1–12.

Архив Троцкого: коммунистическая оппозиция в СССР (1923–1927): В 4-х т. — М., 1990.

Блокадные дневники и документы. — СПб., 2007.

Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956 гг. — М., 2005.

Большевистское руководство: переписка 1912–1927 гг. / Сост. А.В. Квашонкин и др. — М., 1996.

Брусилов А.А. Мои воспоминания. — М., 2004.

В поисках пути: Русская интеллигенция и судьбы России / Сост. И.А. Исаев. — М., 1992.

Валентинов Н.В. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: Годы работы в ВСНХ во время нэпа. Воспоминания. — М., 1991.

Витте С.Ю. Воспоминания. — М., 1960. — Т. 1–3.

ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае: Документы, 1920–1925 гг. — М., 1994. — Т. 1.

Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б) — ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. — М., 1999.

Войтинский В.С. 1917-й. Год побед и поражений. — М., 1999.

Воспоминания генерала барона Врангеля. В 2-х ч. — М., 1992.

Всероссийский национальный центр. — М., 2001.

Высылка вместо расстрела: Депортация интеллигенции в документах ВЧК–ГПУ. 1921–1923. — М., 2005.

Герасимов А.Д. На лезвии с террористами. — М., 1991.

Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. — Жуковский. — М., 2001.

Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918—1932 гг. — М., 1998.

Государственные деятели России глазами современников. Николай II: Воспоминания. Дневники. — СПб., 1994.

Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации. 1938–1953. — М., 2005.

Государственный строй Российской империи накануне свержения: Сборник законодательных актов / Сост. О.И. Чистяков. — М., 1995.

ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1917–1960: Сборник документов. — М., 2000.

Дан Ф. Два года скитаний. Воспоминания лидера российского меньшевизма. 1919—1921. — М., 2006.

Декреты Советской власти. Т. I–XVII. — М., 1957–2006.

Директивы Главного командования Красной армии. Сборник документов (1917–1920). — М., 1969.

Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937–1939: В 2-х т. — М., 1981.

Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927–1932. — М., 1989.

Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения. 1937 г. — М., 1996.

За советы без коммунистов: Крестьянское восстание в Тюменской губернии. 1921. Сборник документов / В.И. Шишкин. — Новосибирск, 2000.

Из истории борьбы за власть в 1917 году. Сборник документов. — М., 2002.

Из истории Гражданской войны в СССР. Сборник документов и материалов (1918–1922). В 3-х т. — М., 1960.

Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 году: Сб. документов из фонда Реввоенсовета Республики. — М., 2006.

Индустриализация Советского Союза: Новые документы, новые факты, новые подходы: Сборник. Ч. 1–2. — М., 1997–1999.

Индустриализация СССР: Документы и материалы: В 3-х вып. — М., 1969–1971.

История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. — М., 2004–2005.

Каганович Л.М. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и государственного работника. — М., 2003.

Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б), 1928–1929 гг.: В 5 т. — М., 2000.

Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. — М., 1995.

Коковцов В.Л. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. — М., 1992.— Кн. 1–2.

Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988). 9-е изд. 1983–1989. — Т. 1–7.

Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Избр. произведения в 2-х книгах. — М., 1993.

Кондратьев Н.Д. Суздальские письма. — М., 2004.

Конституции СССР 1936, 1977 г.; Конституции РСФСР 1937, 1978 гг.; Конституция РФ 1993 г. // Хрестоматия по истории государства и права России. — М., 2001.

Кооперативно-колхозное строительство в СССР: 1917–1922. Документы и материалы. — М., 1990.

Кооперативно-колхозное строительство в СССР. 1923–1927: Документы и материалы. — М., 1994.

Кремлевский кинотеатр. 1928–1953: Документы. — М., 2005.

Крестьянские восстания в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. Антоновщина. Документы и материалы / Под ред. В.П. Данилова, Т. Шанина. — Тамбов, 1994.

Крестьянские истории: российская деревня 20-х годов в письмах и документах. — М., 2001.

Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг.: Документы и материалы. — М., 2002.

Кронштадт. 1921. Документы о событиях в Кронштадте весной 1921 г. / Сост. В.П. Наумов, А.А. Косаковский. — М., 1997.

Куропаткин А.Н. Русско-японская война, 1904—1905: Итоги войны. — СПб., 2002.

Левые эсеры и ВЧК. Сборник документов. — Казань, 1996.

Либеральное движение в России. 1902—1905. Протоколы Съезда Союза Освобождения и Союза земцев-конституционалистов. — М., 2001.

Локкарт Р.В. История изнутри: Мемуары британского агента / Пер. с англ. — М., 1991.

Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 — декабрь 1936. — М., 2003.

Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. — М., 2004.

Лубянка: ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1960: Справочник. — М., 1997.

Майский И.М. Дневник дипломата. Лондон 1934–1943 гг. В 2-х кн. — М., 2006.

Меньшевики в 1917 г. В 3-х т. — М., 1994–1997.

Меньшевики в большевистской России. 1918–1924 / Меньшевики в 1918 г. — М., 1999.

Меньшевики в большевистской России. 1918–1924 / Меньшевики в 1919–1920 гг. — М., 2000.

Меньшевики в большевистской России. 1918–1924 / Меньшевики в 1921–1922 гг. — М., 2002.

Меньшевистский процесс 1931 г. Сборник документов в 2 кн. — М., 1999.

Меньшиков М.О. Выше свободы. Статьи о России. — М., 1998.

Микоян А.И. Так было: Размышления о минувшем. — М., 1999.

Милюков П.Н. Воспоминания. — М., 1991.

Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник. — М., 1987.

Неизвестная Карелия: Документы спецорганов о жизни республики. 1921–1940 / Сост. А.В. Климова и др. — Петрозаводск, 1997.

Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? — М., 1992.

Николаевский Б.И. Русские масоны и революция: архивы Гуверовского института при Стэнфордском университете (США). — М., 1990.

Нэп: взгляд со стороны. — М., 1991.

Общество и власть. Российская провинция. 1917—1980-е годы (по материалам Нижегородских архивов). Т. 1: 1917 — середина 30-х годов /

Сост. А.А. Кулаков, Л.П. Колодникова, В.В. Смирнов. — М. — Нижний Новгород — Париж, 2002.

Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских и дворянских обществ. 1906–1916. В 3-х т. — М., 2001–2002.

Октябрьская революция; Мемуары / С.А. Алексеев. — М., 1990.

Открытый архив: справочник опубликованных документов по истории России XX века / Сост. И.А. Кондакова. — М., 1997.

Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1917–1925. В 3-х т. / Т. 1. Июль 1917 г. — май 1918 г. — М., 2000.

Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3-х т. — М., 1996, 2000—2001.

Переписка Вильгельма II с Николаем II. — М., 2007.

Петибридж Р. Русская революция глазами современников. Мемуары победителей и побеждённых. 1905–1918. — М., 2006.

Письма во власть. 1917–1927. — М., 1998.

Письма во власть. 1928–1939. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям. — М., 2002.

Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: В 2 кн. — М., 2005–2006.

Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг.: Документы. — М., 2004.

Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг. Документы и материалы / Под ред. А.Ф. Киселева. — М., 1999.

Польско-советская война. 1919–1920. Ранее не опубликованные документы и материалы. В 2-х ч. — М., 1994.

Премьер известный и неизвестный: Воспоминания о А.Н. Косыгине. — М., 1997.

Программы политических партий России. Конец XIX — начало XX в. — М., 1995.

Протоколы заграничных групп Конституционно-демократической партии. Июнь–декабрь 1921 г. — М., 1997.

Протоколы заседаний Совета Народных комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 — март 1918 гг. — М., 2006.

Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. — М., 1992.

Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. 1918 г. Собрания уполномоченных фабрик и заводов. Документы и материалы. — М., 2006.

Разложение армии в 1917 г. — В кн.: 1917 год в документах и материалах. — М. — Л., 1925.

Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы: В 3 т. — М., 2000–2004. Т. I: Март 1953—февраль 1956. 2000; Т. II: Февраль 1956 — начало 80-х годов. 2003; Т. III: Середина 80-х годов. — 1991. 2004.

Реабилитация: Политические процессы 30–50-х годов. — М., 1991.

Революция и гражданская война в воспоминаниях белогвардейцев / Репринт. изд., 1926.

Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сборник документов. — М., 1967–1988. Т. 1–3.

Рокитянский Я., Мюллер Р. Красный диссидент. Академик Рязанов — оппонент Ленина, жертва Сталина. Биографич. очерк. Документы. — М., 1996.

Российская Церковь в годы революции. 1917–1918. — М., 1995.

Российские либералы. Кадеты и октябристы: Документы, воспоминания, публицистика / Сост. Д.В. Павлов, В.В. Шелохаев. — М., 1996.

Россия антибольшевистская: Из белогвардейских и эмигрантских архивов / Сост. Л.И. Петрушева, Е.Ф. Теплова. — М., 1995.

Россия и мировой бизнес. Дела и судьбы. Альфред Нобель. Адольф Ротштейн. Герман Спитцер. Рудольф Дизель. — М., 1996.

Россия и СССР в войнах XX века. Статическое исследование. — М., 2001.

Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. — СПб., 1995.

Россия—США. Торгово-экономические отношения. 1900–1930 гг.: Сборник документов / Отв. ред. Г. Севостьянов. — М., 1996.

Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991): Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / Сост. Г. Штриккер. — М., 1995. — Кн. 1–2.

Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. — М., 1996.

Рутыч Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и вооруженных сил Юга России: Материалы к истории Белого движения. — М., 1997.

Рязанская деревня в 1929–1930 гг. Хроника головокружения. Документы и материалы. — М., 1998.

Сазонов С.Д. Воспоминания. — Минск, 2002.

Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР. 1917–1954. — М., 1954.

Свиридов Г.В. Музыка как судьба. М., 2002.

Симонов К.М. Глазами человека моего поколения: Размышления о И.В. Сталине. — М., 1989.

Собрание уполномоченных и питерские рабочие в 1918 году. Документы и материалы / Сост. Е. Цудзи. — СПб., 2006.

«Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). — М., 2001–2002. Т. 1–6.

Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939: Документы и материалы: В 4 т. — М., 1998–2003. Т. 1–3.

Советско-германские отношения. От переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора: Сборник документов. В 2-х т. — М., 1968–1971.

Союз эсеров-максималистов. 1906–1924 гг. Документы, публикации. — М., 2002.

Сталин и Каганович. Переписка. 1931—1936 / Сост. О.В. Хлевнюк, Р.У. Девис, Л.П. Кошелева, Э.А. Рис, Л.А. Роговая. — М., 2001.

Сталинские депортации 1928–1953. — М., 2005. — (Россия. XX век. Документы).

Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930–1953. — М., 2005.

Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). 1923–1938 гг.: В 3 т. — М., 2007.

Страна гибнет сегодня: Воспоминания о Февральской революции 1917 г. — М., 1991.

Струве П.Б. Дневник политика (1925—1935). — М., 2004.

Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь–август 1922): Подготовка. Проведение. Итоги. Сборник документов. — М., 2002.

Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 гг. — М., 1997.

Суханов Н.Н. Записки о революции: В 3-х т. — М., 1991.

Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х т. — М., 1997,2000.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы: В 5 т. — М., 1991–2002.

Тухачевский М. Поход на Вислу. — М., 1992.

«Тянут с мужика последние жилы...»: Налоговая политика в деревне (1928–1937 гг.): Сборник документов и материалов. — М., 2007.

Устрялов Н.В. Национал-большевизм. М., 2003.

Учредительное собрание. Россия, 1918 г. Стенограмма и другие документы. / Сост. Т.Е. Новицкая. — М., 1991.

Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917–1921 гг. Документы и материалы. — М., 1997.

Хрестоматия по новейшей истории России 1917–2004. Ч. 1–2 / Под ред. А.Ф. Киселева, Э.М. Щагина. — М., 2005.

Хрущёв Н.С. Время. Люди. Власть (Воспоминания): В 4 кн. М., 1999.

Цензура в Советском Союзе. 1917–1991: Документы. — М., 2004.

ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1: 1918–1933 гг. — М., 2005. — (Документы советской истории).

Чаянов А.В. Избранные произведения. — М., 1989.

Чему свидетели мы были. Переписка бывших царских дипломатов. 1934–1940 гг. Сборник документов в 2-х книгах. — М., 1998.

Чернов В.М. Конструктивный социализм. — М., 1997.

Черчилль У. Мировой кризис / Пер. с англ. — М. — Л., 1932.

Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. — М., 1918.

Экономические отношения Советской России с будущими союзными республиками. 1917–1922: Документы и материалы / Сост. М.И. Куликова и др. — М., 1996.

Юровский Л.Н. Денежная политика Советской власти. 1917–1927 гг.: Избр. статьи / Сост. Ю.М. Голанд. — М., 1996.

ЛИТЕРАТУРА

Аймермахер К. Политика и культура при Ленине и Сталине. 1917–1932. — М., 1988.

Алексеева И.В. Агония сердечного согласия: царизм, буржуазия и их союзники по Антанте. — Л., 1990.

Ананьич Б.В. Банкирские дома в России. 1860–1914 гг. — Л., 1991.

Андреевский Г.В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху (20–30-е годы). — М., 2003.

Анфимов А.М. П.А. Столыпин и российское крестьянство. — М., 2002.

Байбаков С.А. История образования СССР: итоги и перспективы изучения. — М., 1997.

Барсенков А.С. Реформы Горбачева и судьба социалистического государства. 1985–1991. — М., 2001.

Беляев С.Г. П.Л. Барк и финансовая политика России. 1914–1917 гг. — СПб., 2002.

Берберова Н.Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. — М., 1997.

Бовыкин В.И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. — М., 2001.

Бовыкин В.И. Формирование финансового капитала в России: Конец XIX в. — 1908 г. — М., 1984.

Борисова Л.В. Трудовые отношения в Советской России (1918–1924). — М., 2006.

Боффа Дж. История Советского Союза. В 2-х т. / Пер. с ит. — М., 1990. Т. 2: 1941–1964.

Боханов А. Николай II. — М., 1997.

Боханов А.Н. Крупная буржуазия России: Конец XIX в. — 1914 г. — М., 1992.

Брачев В.С. Масоны в России. За кулисами видимой власти (1731–2001).— СПб., 2002.

Бруцкус Б.Д. Советская Россия и социализм. — СПб., 1995.

Бугаев А. День «N». Неправда Виктора Суворова. — М., 2007.

Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. — М., 1997.

Бурмистрова Т.Ю. Зерна и плевелы: Национальная политика в СССР. 1917–1984 гг. — СПб., 1993.

Был ли у России выбор (Н.И. Бухарин и В.М. Чернов в социально-философских дискуссиях 20-х годов) / Отв. ред. Б.В. Богданов. — М., 1996.

Быстрова И.В. Советский военно-промышленный комплекс (1930–1980-е годы). — М., 2006.

Вайнштейн А.Л. Цены и ценообразование в СССР в восстановительный период 1921–1928 гг. — М., 1972.

Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». — М., 1997.

Вахрамеев А.В., Кулешов С.Г. Очерки истории советской внешней политики (1917–1991). — М., 2007.

Вдовин А. Русские в XX веке. — М., 2004.

Вдовин А.И., Зорин В.Ю., Никонов А.В. Русский народ в национальной политике. XX век. — М., 1998.

Великая отечественная катастрофа. Трагедия 1941 года. Сборник статей. — М., 2007.

Виноградов С.В. Нэп: опыт создания многоукладной экономики. — М., 1996.

Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. — М., 1995.

Власть и реформы. От самодержавной к советской России / Отв. ред. Б.В. Ананьич. — М., 2006.

Власть, общество и реформы в России. Материалы Всероссийской научной конференции. — СПб., 2007.

Война и общество в XX веке. В 3-х кн. — М., 2005.

Война, народ, победа. Материалы международной научной конференции. — М., 2005.

Волков С.В. Трагедия русского офицерства. Офицерский корпус России в революции, Гражданской войне и на чужбине. — М., 2002.

Волобуев П.В. Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. — М., 1987.

Вронский О.Г. Государственная власть России и крестьянская община (1905–1917). — М., 2000.

Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. 1917–1985. — М., 2000.

Гибель царской семьи. — М., 1996. — Т. 1–2.

Гоголевский А.В. Революция и психология. Политические настроения рабочих Петрограда в условиях большевистской монополии на власть. 1918—1920. — СПб., 2005.

Голанд Ю. Кризисы, разрушившие нэп. — М., 1991.

Голдин В.И. Солдаты на чужбине. Русский Обще-Воинский Союз. Россия и русское зарубежье в XX–XXI веках. — Архангельск, 2006.

Голуб П.А. Мятеж, взорвавший Россию. — М., 2003.

Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров. 1909–1911. — М., 1998.

Гражданская война в России, 1917–1922: Лекции и учебно-методические материалы / Отв. ред. С.В. Карпенко. — М., 2006.

Гражданская война в России. — М., 2006.

Гражданская война в России. События, мнения, оценки. Памяти Ю.И. Кораблева. — М., 2002.

Гражданская война в России: Перекресток мнений. — М., 1996.

Грациози А. Большевики и крестьяне на Украине, 1918–1919 годы. — М., 1997.

Грегори П. Политическая экономия сталинизма. — М., 2006.

Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.). Новые подсчёты и оценки. — М., 2003.

Гросул В.Я. Образование СССР (1917–1924). — М., 2007.

Давыдов А.Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть. 1917–1921 гг.: Мешочники. — СПб., 2002.

Давыдов М.А. Очерки аграрной истории России в конце XIX — начале XX в. — М., 2003.

Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы. СССР в первые послевоенные годы. — М., 2001.

Демин В.А. Государственная дума России (1906–1917): механизм функционирования. — М., 1996.

Денисова Л.Н. Судьба российской крестьянки в XX веке: Брак, семья, быт. — М., 2007.

Динамика и темпы аграрного развития России: инфраструктура и рынок. — Орел, 2006.

Дмитриев С.С. Очерки истории русской культуры начала XX века. — М., 1985.

Донгаров А.Г. Иностранный капитал в России и СССР. — М., 1980.

Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. — М., 1963.

Дэвис Д., Трани Ю. Первая «холодная война». Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях. — М., 2002.

Дюков В. За что сражались советские люди. — М., 2007.

Егоров В.Г. Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве. Становление, этапы развития, огосударствление (первая треть XX века). — Казань, 2005.

Елисеев А.В. Правда о 1937 годе. Кто развязал «большой террор». — М., 2008.

Емельянов Ю.В. Прибалтика. Почему они не любят Бронзового солдата? — М., 2007.

Емельянов Ю.В. Сталин: Путь к власти. — М., 2006.

Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. — М., 1997.

Ефимов Н.Н. Красная империя: взлет и падение: Военная политика СССР (1917–1991). — М., 2006.

Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. — М., 2001.

Жиромская В.Б. После революционных бурь: Население России в первой половине 20-х годов. — М., 1996.

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 2-х т. 13 изд., испр. и дополн. — М., 2002.

Жуков Ю.Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. — М., 2008.

Жуков Ю.Н. Сталин: Тайны власти. М., 2007.

Журавлёв С.В., Мухин М.Ю. «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928—1938 гг. — М., 2004.

Журов Ю.В. Четверть века Страны Советов. — Брянск, 2004.

Зайончковский А.М. Мировая война 1914–1918 гг.: Общий стратегический очерк. — М., 1924.

Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома», 1930–1939: Политика, осуществление, результаты. — М., 2006.

Земледелие и землепользование в России: (социально-правовой аспект). — Калуга, 2003.

Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. — М., 2003.

Зимина В.Д. Белое дело взбунтовавшейся России: Политические режимы Гражданской войны. 1917–1920 гг. — М., 2006.

Зиновьев А.А. Посткоммунистическая Россия. Публицистика 1991–1995 гг. — М., 1996.

Иванова Г.М. История ГУЛАГа. 1918–1958: Социально-экономический и политико-правовой аспекты. — М., 2006.

Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). — М., 1996.

Игнатьев А.В. Внешняя политика России. 1907–1914: Тенденции. Люди. События. — М., 2002.

Из истории христианской Церкви на родине и за рубежом в XX столетии. — М., 1995.

Ильина И.Л. Общественные организации России в 1920-е годы. —М., 2001.

Ильюхов А.А. Жизнь в эпоху перемен: материальное положение городских жителей в годы революции и гражданской войны. — М., 2007.

Историография сталинизма: Сб. статей. — М., 2007.

История Коммунистического Интернационала. 1919–1943: Документальные очерки. — М., 2002.

История политических партий России / Отв. ред. А.И. Зевелев. — М., 1994.

История российского зарубежья: Эмиграция из СССР-России. 1941–2001 гг. Сб. ст. / Под ред. Полякова Ю.А. и др. — М., 2007.

К истории русских революций. События, мнения, оценки. Памяти И.И. Минца. — М., 2007.

Кабанов В.В. Кооперация, революция, социализм. — М., 1996.

Кабанов В.В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». — М., 1988.

Казанин И.Е. Власть и интеллигенция: Исторический опыт формирования государственной политики в октябре 1917–1925 гг. — Волгоград, 2006.

Какурин Н.Е. Как сражалась революция. — М., 1990. — Т. 1–2.

Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация: От начала до Великой Победы. — Харьков, 2007.

Карпенко С.В. Очерки истории Белого движения на юге России (1917–1920). 3-е изд., доп. и перераб. — М., 2006.

Карр Э. История советской России. Кн. 1: Большевистская революция. 1917–1923 гг. — М., 1990.

Катков Г.М. Февральская революция / Пер. с англ. — М., 1997.

Катуев М.Н., Фролов М.Н. 1939–1945 гг. Взгляд из России и из Германии. — СПб., 2006.

Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX — 30-е годы XX в.). — М., 1994.

Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911–1917. — М., 2001.

Кирьянов Ю.И. Социально-политический протест рабочих России в годы Первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1917 гг.). — М., 2005.

Киселев А.Ф. Профсоюзы и советское государство: Дискуссии 1917–1920 гг. — М., 1991.

Климин И.И. Российское крестьянство в годы новой экономической политики (1921–1927). В 2 кн. — СПб., 2007.

Кобылин В. Анатомия измены: Император Николай II и генерал-адъютант М.В. Алексеев. — СПб., 1998.

Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа Русского Зарубежья за полвека (1920–1970). — Париж, 1971.

Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок XVIII — начало XX в. — М., 1974.

Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года. — СПб., 2001.

Коновалов В.В. Мелкие промышленники и большевистская диктатура. — Новосибирск, 1995.

Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения. — М., 1995.

Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. — М., 2001.

Кошеваров А.Н. Государство и церковь. 1917–1941. — СПб., 1995.

Краснов В.Г. Колчак. И жизнь, и смерть за Россию. В 2-х кн. — М., 2000.

Кривова Н.А. Власть и Церковь в 1922–1925 гг. — М., 1997.

Кривошеин К.А. Александр Васильевич Кривошеин. Судьба российского реформатора. — М., 1993.

Крысин М. Прибалтийский фашизм. История и современность. — М., 2007.

Кузьмина И.В., Лубков А.В. Князь Шаховской: путь русского либерала. — М., 2008.

Куманев Г.А. Подвиг и подлог: страницы истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. — М., 2007.

Куманев Г.А. Проблемы военной истории отечества (1938–1945 гг.) — М., 2007.

Куманев Г. Говорят сталинские наркомы. Встречи, беседы, интервью, документы. — Смоленск, 2005.

Лаверычев В.Л. Государство и монополии в дореволюционной России. — М., 1982.

Левина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930-е годы. — СПб., 1999.

Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. — М., 1997.

Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762–1914. — М., 1995.

Литошенко Л.Н. Социализация земли в России. — Новосибирск, 2001.

Лубков А.В. Война. Революция. Кооперация. — М., 1997.

Лютов Л.Н. Государственная промышленность в годы нэпа. 1921–1923. — Саратов, 1996.

Макдермотт К., Джереми А. Коминтерн. История международного коммунизма от Ленина до Сталина. — М., 2000.

Малиа М. Советская трагедия: История социализма в России. 1917–1991. — М., 2002.

Малышева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). — Казань, 2005.

Мартиросян А.Б. Сталин и Великая Отечественная война. — М., 2007.

Мартиросян А.Б. Сталин и репрессии 1920–1930-х годов. — М., 2007.

Махутина И.В. Польско-советская война. — М., 1994.

Марчуков А.В. Украинское национальное движение: УССР. 1920–1930-е годы: Цели, методы, результаты. — М., 2006.

Медведев В.Г. Белый режим под красным знаменем (Комуч). — Ульяновск, 1998.

Мельгунов С. Как большевики захватили власть. Октябрьский переворот 1917 года. — Лондон, 1984.

Мельтюхов М. Советско-польские войны. — М., 2004.

Минаков С.Т. Военная элита 20–30-х годов XX века. — М., 2005.

Минаков С.Т. Советская военная элита 20-х годов (состав, эволюция, социо-культурные особенности и политическая роль). — Орел, 2000.

Мировые войны XX века. В 4 кн. — М., 2005.

Миронов В.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): В 2 т. — СПб., 1999.

Миронов С.С. Гражданская война в России. — М., 2006.

Мозохин О.В. Право на репрессии: внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). — М.; Жуковский, 2006.

Молодяков В.Э. Несостоявшаяся ось: Берлин — Москва — Токио. — М., 2004.

Моруков М.Ю. Правда ГУЛАГа из круга первого. — М., 2006.

Мошков Ю.А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929–1932). — М., 1966.

Муранов А.И., Звягинцев В.Е. Досье на маршала: Из истории закрытых судебных процессов. — М., 1996.

Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. — М., 2003.

Население России в XX веке: Исторические очерки: В 3 т. Т. 1: 1900–1939 гг. — М., 2000.

Невежин В.А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боёв». — М., 1997.

Николаевский В.И. Тайные страницы истории. — М., 1995.

Новая экономическая политика: Уроки хозяйственных реформ / Отв. ред. Ю.Ф. Воробьев. — М., 1989.

Новиков М.Д. СССР, Коминтерн и гражданская война в Испании. 1936–1939. В 2-х кн. — Ярославль, 1995.

Носач В.И., Зверева Н.Д. Расстрельные 30-е годы и профсоюзы. — СПб., 2007.

Нэп: приобретения и потери. Сборник статей /Под ред. В.П. Дмитренко. — М., 1994.

Нэп: экономические, политические и социокультурные аспекты. — М., 2006.

Одинцов М.И. Государство и церковь в России. XX век. — М., 1994.

Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II // Репринт. изд. — М.,1992. — Т. 1–3.

Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. — М., 2001.

Осокина Е.Л. Социалистическая торговля: распределение и рынок. 1927–1941.— М., 1998.

Отечественный военно-промышленный комплекс и его историческое развитие. — М., 2005.

Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России. Власть и массы. — М., 1997.

Павлюченков С.А. Крестьянский Брест, или Предыстория большевистского нэпа. — М., 1996.

Павлюченков С.А. «Орден меченосцев»: Партия и власть после революции. — М., 2008.

Пеньковский Д.Д. Эмиграция казачества из России и ее последствия (1920–1945) — М., 2006.

Первая мировая война: Дискуссионные проблемы истории. — М., 1994.

Первая мировая война: пролог XX века. — М., 1998.

Первое советское правительство: октябрь 1917 — июль 1918 г.— М., 1991.

Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917). — М., 2000.

Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» — Николай Ежов. — М., 2008.

Петров Ю.А. Коммерческие банки Москвы. Конец XIX в. — 1914 г. — М., 1998.

Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и Гражданской войны / Отв. ред. В.А. Шишкин. — СПб., 2000.

Печатнов В. Сталин, Рузвельт, Трумэн. СССР и США в 1940-х годах. — М., 2006.

Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг. Сборник документов. — М., 1995.

Плеханов А.М. ВЧК — ОГПУ в годы новой экономической политики. 1921–1928. — М., 2006.

Плеханов А.М. Дзержинский. Первый чекист России. — М., 2007.

Политическая история России первой четверти XX века. Памяти В.И. Старцева. — СПб., 2006.

Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия. — М., 1996.

Попов В.П. Экономическая политика советского государства 1946–1953 гг. — М.; Тамбов, 2000.

Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. — М., 2004.

Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. — М., 1995.

Предприниматели и предпринимательство России от истоков до начала XX века. — М., 1997.

Проскурякова Н.А. Земельные банки Российской империи. — М., 2002.

Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. — М., 1997.

Рабинович А. Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. — М., 2007.

Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. 1917–1945. 3-е изд. — М., 2007.

Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. — М., 2007.

Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. — М., 2004.

Рогалина Н.Л. Борис Бруцкус – историк народного хозяйства России. — М., 1998.

Российское государство и общество. XX век. — М., 1999.

Российское общество и власть в XX веке. — М.; Рязань, 2003.

Россия XIX–XX вв. Взгляд зарубежных историков / Отв. ред. А.Н. Сахаров. — М., 1996.

Россия в XX веке: Судьбы исторической науки / Под общ. ред. А.Н. Сахарова. — М., 1996.

Россия в XX веке: Реформы и революции: В 2-х т. — М., 2002.

Россия и СССР в войнах XX века. Историко-статистическое исследование. — М., 2005.

Россия нэповская. Исследования. — М., 2002.

Россия сельская. XIX — начало XX века. — М., 2004.

Руднева С.Е. Демократическое совещание (сентябрь 1917 г.): История форума. — М., 2000.

Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни. — М., 1997.

Рыбалкин Ю.Е. Советская военная мощь республиканской Испании (1936–1939). — М., 2000.

Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. — СПб., 1998.

Сарабьянов Д.В. История русского искусства конца XIX — начала XX века. — М., 1993.

Саттон Э. Уолл-стрит и большевистская революция. — М., 2005.

Сахаров В.А. «Политическое завещание» Ленина. Реальность истории и мифы политики. — М., 2003.

Селунская Н.Б., Бородкин Л.И., Григорьева Ю.Г., Петров А.Н. Становление российского парламентаризма начала XX века. — М., 1996.

Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. 1931–1941. — М., 1992.

Сидоров А.Ю., Клейменова Н.Е. История международных отношений 1918–1939 гг.: Учебник для вузов. — М., 2006.

Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы. — М., 1996.

Симчера В.М. Развитие экономики России за 100 лет: 1900–2000. — М., 2007.

Сиполс В.Я. Тайны дипломатические: канун Великой Отечественной войны. 1939–1941. — М., 1997.

Смирнов А.Ф. Государственная дума Российской империи 1909–1917. Историко-правовой очерк. — М., 1998.

Советская внешняя политика. Поиски новых подходов. — М., 1992.

Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность. — М., 2007.

Сойма В. Запрещенный Сталин. — М., 2005.

СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: новое в исследовании и освещении в учебной литературе. — М., 2005.

Старцев В.И. Тайны русских масонов. Русское политическое масонство начала XX века. — СПб., 2001.

Степанов С.А. Черная сотня в России: 1905–1914 гг. — М., 1992.

Стернин Г.Ж. Художественная жизнь России 1900–1910 годов. — М., 1988.

Субботин Ю.Ф. Россия и Германия: партнеры и противники (торговые отношения в конце XIX в. — 1914 г.). — М., 1990.

Тарновский К.Н. Мелкая промышленность России в конце XIX — начале XX в. — М., 1995.

Титков Е.П. Патриарх Сергий (Страгородский): подвиг служения Церкви и Родине. — Арзамас, 2007.

Трудовые конфликты в СССР. 1930–1991. Сб. ст. и док. — М., 2006.

Трукан Г.А. Антибольшевистские правительства России. — М., 2000.

Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. — М., 2001.

Тюкавкин В.Г., Щагин Э.М. Крестьянство России в период трех революций. — М., 1987.

Тютюкин С.В. Меньшевизм: Страницы истории. — М., 2002.

Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Марксисты и русская революция. — М., 1996.

Уорт Р. Антанта и русская революция. 1917–1918. — М., 2006.

Ушаков А.Л. История Гражданской войны в литературе русского зарубежья. — М., 1993.

Фалин В. Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. — М., 2000.

Федюк В.Т. Белые. — М., 1996.

Фейнсод М. Смоленск под властью Советов / Пер. с англ. — Смоленск, 1996.

Фирсов Ф.И. Секретные коды истории Коминтерна. 1919–1943. — М., 2007.

Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. — М., 2001.

Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. — М., 2001.

Ханин Г.И. Динамика экономического развития СССР. — Новосибирск, 1991.

Хромов С.С. Иностранные концессии в СССР: Исторический очерк. Документы. — М., 2006. Ч. 1–2.

XX век и сельская Россия. Российские и японские исследователи в проекте «История российского крестьянства в XX веке». — Токио, 2005.

Цыпин В.Л. История Русской Православной Церкви, 1700–2005. — М., 2006.

Чаянов В.А. А.В. Чаянов — человек, ученый, гражданин. — М., 1998.

Чеботарева В.Г. Наркомнац РСФСР: Свет и тени национальной политики 1917–1924 гг. — М., 2003.

Чуднов И.А. Денежная реформа 1947 г. в контексте советской денежно-кредитной политики 1930–1950-х годов. — Кемерово. 2002.

Чуев Ф.И. Молотов: Полудержавный властелин. — М., 1999.

Чураков Д.О. Революция, государство, рабочий протест: формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917–1918 годы. — М., 2004.

Шамбаров В.Е. Белогвардейщина. — М., 2007.

Шарапов Ю. Первая «Оттепель»: Нэповская Россия в 1921–1928 гг. Вопросы идеологии и культуры: размышления историка. — М., 2006.

Шацилло К.Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика. — М., 2000.

Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии: 1907–1914. — М., 1991.

Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия в России: 1904–1914 гг. — М., 1987.

Шепелев Л.Е. Чиновный мир России: конец XVIII — начало XX в. — СПб., 2001.

Широкорад А.Б. Флот, который уничтожил Хрущев. — М., 2004.

Шишкин В.А. Власть. Политика. Экономика: Послереволюционная Россия (1917–1928 гг.). — СПб., 1997.

Шкаровский М.В. Крест и свастика. Нацистская Германия и православная церковь. — М., 2007.

Штейнберг И.З. От февраля к октябрю 1917 г. — Берлин; Милан, 1923.

Щагин Э.М. Очерки истории России, ее историографии и источниковедения. (Конец XIX — середина XX вв.). — М., 2008.

Эврич П. Восстание в Кронштадте. 1921 год. — М., 2007.

Эврич П. Русские анархисты. 1905–1917. — М., 2006.

Экономическая история России XIX–XX вв.: Современный взгляд. — М., 2001.

Экономическая история СССР: Очерки / Ред. кол.: Л.И. Абалкин (рук. авт. колл.) и др. — М., 2007.

Эпплбаум Э. ГУЛАГ. Паутина большого террора. — М., 2006.

Яковлев Н.Н. Последняя война старой России. — М., 1994.

Яковлева Е. Поляки против СССР. 1930–1950. — М., 2007.

Ялозина Е.А. Первая советская реформа школы 1917–1931 гг.: проблемы, решения, опыт. — Ростов н/Д, 2006.

Яров С.В. Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и нэп глазами петроградцев. — СПб., 1999.

Яров С.В. Конформизм в советской России: Петроград 1917–1920-х годов. — СПб., 2006.

Именной указатель

— А —

Абрамович Р. 594
Аванесов В. (Мартиросов С.) 295, 296
Авдаков Н. 48
Авксентьев Н. 22, 208, 215, 252, 263, 321, 363
Аврех А. 155
Авилов Н. (Глебов) 261
Агранов Я. (Сорензон) 496, 498
Агурский М. 488
Алгасов В. 291
Алданов М. 620
Александр II 171
Александр III 168, 193
Александр Михайлович 79
Александра Федоровна (имп.) 145, 192
Александрович П. 196
Алексеев Е. 107, 111
Алексеев М. 166, 198–200, 222, 225, 227, 236, 357–361
Алексей Александрович 78, 79
Алексей Николаевич, цесаревич 141, 160, 198
Асквит Г. 162
Анастасий (Грибановский) 602
Андреев А. 481, 554
Андреев Б. 569
Андреев Л. 279
Андреев Н. 303
Антоний (Храповицкий) 432, 600, 602
Антонин (Грановский А.) 431
Антонов А. 336, 337, 381
Антонов-Овсеенко В. 248, 258, 260, 337, 361, 415
Антоновская А. 535
Анциферов А. 610
Аргунов А. 603
Асеев Н. 183, 558
Астров И. 220
Астров Н. 223
Аухаген О. 61, 64, 65
Ахматова А. (Горенко) 182

— Б —

Бабель И. 567
Бабочкин Б. 569
Бадаев А. 147
Базаров В. 170, 208
Бакст Л. 181
Бакунина Т. 593
Баланчин Д. (Баланчивадзе Г.) 595, 623
Бальмонт К. 182, 621
Баранов-Россинэ В. 545
Барк П. 36, 48
Бахметев Б. 597
Бахрушин А. 188
Бахрушин С. 574
Белибин И. 623
Белов В. 483
Белый А. (Бугаев Б.) 182, 547
Бенуа А. 181, 184, 622
Берберова Н. 488
Бердяев Н. 6, 32, 145, 167, 179, 379, 572, 613
Берия Л. 393, 524, 525
Бехтерев В. 172, 580
Бианки В. 572
Билимович А. 229
Блисс А. 321
Блок А. 169, 170, 182, 547, 556
Блонский П. 580
Блюм В. 458, 535, 594
Блюхер В. 450
Блюмкин Я. 303, 304, 561
Богаевский А. 363
Богров Д. (Мордка) 101
Болдуин С. 447
Болдырев В. 342, 363
Бонч-Бруевич В. 318
Бонч-Бруевич М. 318
Борин К. 528
Борисов-Мусатов В. 184
Бородин М. 450
Бородин С. 534, 565
Браиловский А. 623
Брачев В. 488
Бриан А. 162
Брешко-Брешковская Е. 215
Брунст В. 610

Брусилов А. 132, 135,139, 141, 222, 265, 332
Бруцкус Б. 6, 152, 153, 476, 492
Брюсов В. 180, 182
Бубликов А. 197
Бубнов А. 339, 551
Буденный С. 330
Букшпан Я. 496
Булгаков С. 179, 572, 599, 609, 610, 613
Булыгин А. 87–89
Бунге Н. 51
Бунин И. 175, 182, 556, 620
Бурджалов Э. 202
Бурлюк Д. 183, 545
Бусыгин А. 473
Бутович Е. 130
Бухарин Н. 270, 304, 348, 356, 394, 400, 408, 410 – 413, 415, 418, 420, 461, 462, 488, 492–495, 523, 540, 563, 564, 573, 576, 580
Бызов Б. 575
Бьюкенен Дж. 123, 163

— В —

Вавилов Н. 575, 577, 578,
Ваганян В. 438
Валентинов Н. (Вольский Н.) 495–497, 586, 594
Валидов З. 376
Валуев П. 51
Ванновский П. 78
Васильев А. 161
Васильев Г. 569
Васильев П. 567
Васильев С. 569
Васнецов А. 184
Васнецов В. 184, 185
Вахтангов Е. 186
Вацетис И. 304, 318, 323, 448
Введенский А. 431, 432
Вейденгаммер В. 622
Верещагин В. 110, 184
Вернадский В. 178, 575, 577
Вернадский Г. 610, 613
Вердеревский Д. 237
Верховский А. 227, 237
Вильгельм II 104, 114, 117, 119, 122, 124, 159, 160
Вильсон В. 286, 287
Виноградов В. 363
Виноградов И. 575, 577
Виноградов П. 543
Виноградова Е. 473
Виноградова М. 473
Витгефт В. 111
Витте С. 36, 51, 74, 77–79, 82, 83, 90–92, 107, 114, 174
Вишняк М. 295, 297
Владимир Александрович 78, 79
Владимир Кириллович 602
Владимирский М. 265
Власов А. 570
Войков П. 449, 598
Волобуев М. 438
Вологодский П. 363, 364
Володарский В. 292
Волошин М. 563
Воровский В. 446, 598
Воронцов-Дашков Л. 51, 78
Воронцов-Дашков И. 156
Ворошилов К. 339, 415, 416, 553, 554
Врангель П. 329, 332, 333, 334. 362, 367–370, 491, 585, 591
Врангель (баронесса) 605
Врубель М. 184
Второв Н. 48
Вышнеградский А. 48

— Г —

Галковский В. 530,
Гамсахурдиа К. 535
Гапон Г. 85, 86
Гастев А. 544
Гаттенберг А. 364
Гвай И. 530
Гвоздев К. 196
Герасимов С. 569, 570
Герье В. 173
Гетцендорф К., фон 126
Гинденбург П., фон 133, 134, 136
Гинс Г. 379
Гинцбург Г. 48
Гиппиус З. 170, 182, 556
Гитлер А. 278, 362, 453, 454, 456–458
Глебов (*см.* Авилов Н.)
Глинка Г. 369
Глиэр Р. 567
Гоби Х. 572

Годнев И. 160, 203
Голицын А. 48
Голицын Б. 177
Голицын Н. 164, 197
Головин Ф. 92
Гончаров И. 545
Гончарова Н. 622
Горбунов В. 530
Горемыкин И. 96, 97, 102, 103, 131, 156, 157, 160, 163
Городецкий С. 182
Горький А. 168 – 170, 181, 554, 565, 569
Готье Ю. 574
Гоц А. 208
Грабарь И. 184
Грей Э. 125
Гречанинов А. 623
Григорьев Н. 330
Григорович И. 130, 131
Гриневич К. 196
Громан В. 461, 497, 522
Гудков М. 530
Гудов И. 473
Гукасов П. 595
Гумилев Н. 182, 183, 556
Гуревич М. 530
Гурко В. 51, 161
Гусев С. (Драбкин) 331
Гучков А. 27, 98, 101, 102, 148, 155, 159, 160, 200, 202, 203, 213, 543, 595,

— Д —

Данилов Ю. 200
Дан Ф. (Гурвич) 208,240
Дауэс Ч. 448
Деборин А. 573, 576
Демидов Н. 595
Деникин А. 129, 141, 222, 227, 322, 330–332, 357, 359, 362, 365, 367, 368, 370, 376, 379, 469, 584,
Дейч Л. 208
Димитров Г. 458, 540
Джугашвили И. (*см.* Сталин И.)
Дзержинский И. 568
Дзержинский Ф. 304, 386, 394, 397
Дмитрий Павлович (вел. кн.) 157
Дмитрюков И. 197
Добужинский М. 595, 622
Довженко А. 567 – 569
Долгоруков П. 159, 160
Драгомиров М. 76
Думбадзе Л. 395
Дунаевский И. 567, 568
Дутов А. 263
Духонин Н. 267, 357
Дыбенко П. 260, 264, 298
Дягилев С. 168, 169, 181, 186, 187, 623

— Е —

Евлогий 100, 602, 610
Егоров А. 332
Ежов Н. 522 – 525
Елевферий (Богоявленский) 602
Елисеевы 25
Елизавета Федоровна (вел. кн.) 144
Елчанинов А. 128
Енукидзе А. 398,
Енчмен Э. 574
Ерманский О. (Коган) 208
Ермолов А. 51, 83
Есенин С. 174, 183, 184, 547, 560, 561, 563, 564
Ефремов И. 154–156, 196, 202

— Ж —

Жанен 366
Жаров М. 569
Жданов А. 554
Жекулина А. 607
Железняков А. 298
Жилинский Я. 132, 134
Жуковский Н. 176, 577, 614

— З —

Зайончковский А. 131, 142
Зайцев Б. 556
Залкинд А. 580
Залуцкий П. 196, 209
Замятин Е. 547
Зархи А. 568
Засулич В. 208
Затонский В. 377
Зворыкин В.К. 616–618
Зворыкин К.А. 616
Зворыкин Н.А. 616
Зелинский Н. 177, 575

Зензинов В. 363
Зеньковский М. 609
Зеринг М. 65
Зимин С. 187
Зиновьев Г. (Радомысльский) 219, 220, 244–246, 264, 289, 290, 386, 403, 408–410, 412, 415–417, 420, 438, 439, 447, 482, 494, 522, 523, 572, 573
Зубатов С.В. 82
Зубовский 369
Зуев М. 472
Зуевы 472

— И —

Иаков (Ктитарев) 607
Иванов Г. 182, 622
Иванов Вс. 558
Иванов Н. 132, 197, 199
Иванов-Разумник Р. 547
Иванцов Д. 610
Игнатьев В. 263, 613
Игнатьев П. 156
Извольский А. 116, 117
Ильин И. 6, 145, 227, 228, 572, 597, 613, 621,
Ильинский И. 569
Ильюшин С. 530
Иностранцев А. 572
Иогансон Б. 570
Иоффе А. 283, 575
Иоффе Ф. 577
Ипполитов В. 190
Исаковский М. 568

— К —

Каганович Л. 420, 511, 518, 554
Казанович 363
Казем-Бек А. 597
Какурин Н. 319
Каледин А. 359 – 361
Калинин М. 398, 410, 416
Каменев Л. (Розенфельд) 147, 209, 220, 244–246, 261, 264, 270, 289, 290, 395, 400, 405, 408–410, 412, 415–417, 420, 482, 523
Каменев С. 318, 328, 338, 381
Каменка Б. 48
Каменский В. 183
Камков Б. (Кац) 209
Кандинский В. 185, 595, 623
Капелинский Н. 196
Капица П. 577
Караулов М. 197
Карбышев Д. 331
Кареев Н. 180
Карелин А. 291
Карр Э. 373
Карсавина Т. 595, 623
Катаев В. 566
Катаев И. 540
Кафенгауз Л. 151, 496, 497,
Каховская И. 292
Керенский А. 102, 155, 163, 196, 197, 202, 203, 213, 217, 218, 221, 223–228, 235–241, 244, 246, 247, 250–256, 261–264, 269, 270, 272, 277–280, 289, 358, 469, 491, 520, 597, 615
Керзон Дж. 446
Кизеветтер А. 593, 609, 610
Киров С. 394, 416, 522
Кишкин Н. 223, 255, 280
Клемансо Ж. 321, 417
Клычков С. 183, 184, 567
Клюев Н. 183, 184, 547, 562, 563
Ключевский В. 76, 179, 180, 571
Ключников Ю. 364
Ковалевский М. 92, 102, 155, 163, 179, 491, 615
Козелев Б. 265
Козин В. 568
Козловский А. 338
Козловский И. 568
Коковцов В. 99, 101, 102, 119
Колегаев А. 209, 291
Коллонтай А. 22, 408
Колмогоров А. 577
Колчак А. 130, 142, 178, 200, 325, 327–332, 363–366, 376, 379, 617
Кольцов М. (Фридлянд) 550
Кольцов Н. 575
Комаров В. 178
Комиссаржевская В. 186
Кондратенко Р. 111, 112,
Кондратьев Н. 152, 461, 477, 479, 482, 491–495, 507, 522, 578, 615
Коновалов А. 27, 155, 156, 159, 197, 203, 252, 253, 255, 595

Конев И. 339
Коненков С. 587
Константинов А. 575
Константинов Б. 570
Корнилов Л. 141, 201, 218, 221–228, 230, 236, 246, 280, 357–362
Коровин К. 184, 595, 623
Королев С. 577, 578
Косарев А. 520
Костылев В. 565
Котельников Г. 177
Котин Ж. 528, 530
Коткин С. 472
Котовский Г. 337
Кошкин М. 530, 531
Коэн С. 494
Красин Л. 479
Красиков П. 196, 443
Красницкий В. 431
Краснов П. 261–264, 269, 289, 322, 324, 469
Крестинский Н. 147, 408, 409, 448
Кржижановский Г. 426, 576
Кривонос П. 473
Кривошеин А. 51, 53, 60, 79, 131, 156, 369
Крупская Н. 543
Крученых А. 183, 545
Крыленко Н. 260
Крымов А. 166, 222, 227
Крючков Н. 535, 570
Кторов А. 570
Куйбышев В. 393, 394, 403, 420
Кузмин М. 182
Кузьмина-Караваева Е. (Пиленко) 171, 622
Кузнецов Н. 528
Куинджи А. 184
Кулидж К. 447
Кульбин Н. 545
Куприн А. 175, 182, 556
Куно В. 447
Курнаков Н. 575
Куроки 110
Куропаткин А. 107, 110, 113
Курчатов И. 577
Кускова Е. 155, 277, 280, 281, 604
Кутепов А. 195, 363, 368
Кутлер Н. 369
Кучеренко Н. 530, 531
Кшесинская М. 220, 595

— Л —

Лавочкин С. 530
Лавренев Б. 558
Лавров П. 520
Ладынина М. 569
Лазимир П. 248
Ланжевен П. 617
Лансере Е. 184
Лаппо-Данилевский А. 491
Ларин Ю. (Лурье) 208
Ларионов М. 184, 545
Лацис М. 301, 304, 375
Лебедев П. 177
Лебедев С. 575
Лебедев-Кумач В. 568
Левин М. 494
Левитан И. 184
Левицкий В. (Цедербаум В.) 208,
Левицкий И. 253, 254
Лемешев С. 568
Ленин В. 11, 16, 17, 19, 22, 24, 95, 147, 209, 210, 215, 216, 219, 220, 228, 234, 238, 242–246, 250, 252, 253, 255, 259, 260, 264, 270, 273, 278, 282, 284, 285, 289, 290, 293, 297, 298, 302–308, 314, 315, 317, 328, 348–350, 353, 373, 382, 384, 390, 393–398, 400, 403, 405, 407–414, 416, 430, 438, 439, 442, 445, 469, 488, 524, 539, 543, 546, 547, 549, 552, 562, 567, 572, 577, 616
Лентулов А. 184
Леонов Л. 566
Лермонтов М. 534
Лесгафт П. 172, 615
Лианозов С. 595
Либер М. (Гольдман) 208, 216
Ливен А. 130
Линевич Н. 113
Литвинов М. (Валлах) 445, 452, 455, 479
Литкенс Е. 269
Литошенко Л. 492
Лифарь С. 595, 623
Ллойд Джордж Д. 321, 444
Локкарт Р. 264

Ломов Г. (Оппоков) 260, 289
Лосев А. 578
Лосский Н. 572, 610
Лузин Н. 540, 577
Лукин Н. 578
Лукомский А. 222, 226, 357, 359,
Луначарский А. 170, 260, 543, 547, 550, 551, 580
Лутугин Л. 159
Львов В. 156, 197, 226
Львов Г. 144, 155, 159, 162, 199, 200, 202, 203, 213, 221, 279
Любавский М. 574
Любимов Д 64, 65
Любомиров П. 574
Людендорф Э. 133

— М —

Мазинг И. 608
Майский И. 321
Макаров Н. 490, 587
Макаров С. 110
Макдональд Д. 446
Макензен А. 139
Маклаков Н. 154–156, 159
Маковский В. 184
Маковский С. 167
Малевич К. 183, 185
Маленков Г. 393
Малышев В. 528
Малявин Ф. 184, 595, 623
Малянтович П. 271, 272
Мамонтов С. 187, 188, 624
Мандельштам О. 182, 567
Маннергейм К. 366
Мануйлов А. 203, 218
Мао Цзэдун 453
Мария Павловна 79
Мария Федоровна (вдов. имп.) 78, 83, 85, 120
Марков С. 357, 359, 363
Маркс К. 545, 573
Мартов Л. (Цедербаум Ю.) 146, 208, 220, 259, 597
Мартынов А. (Пикер) 208, 345,
Мартиросов С. (*см.* Аванесов)
Маслов С. 235, 258, 279, 603, 604
Махарадзе Ф. 394
Махно Н. 329, 337, 381
Махров 369
Маяковский В. 183, 545, 546, 558
Мдивани П. 394, 395
Медведев Р. 521
Мейерхольд В. 186, 546, 574
Мельгунов С. 271, 272, 613
Менжинский В. 448
Мережковский Д. 170, 179, 182, 556, 620
Мечников И. 177
Мещерский В. 80
Микоян А. 403, 480, 530,
Миллер Е. 330, 365, 591, 592
Мильковский А. 587
Милюков П. 27, 90–92, 117, 145, 146, 154, 155, 159–163, 180, 197, 203, 213, 225, 279, 358, 379, 514, 597, 613
Милютин В. 260, 290
Милютин Н. 382
Минин М. 574
Минц А. 575
Минц И. 155
Мирбах В. 303
Миронов Ф. 334
Михаил Александрович (вел. кн.) 160, 198, 200–202, 206
Михайлов А. 291
Михайлов М. 364
Михневич Н. 128
Мицуока 321
Мичурин И. 577
Молотов В. (Скрябин) 209, 394, 398, 409, 410, 416, 420, 480, 492, 498, 502, 511, 512, 524
Мольтке 125
Морозов А. 530, 531
Морозов С. 186, 188
Морозова В. 174
Мосарик Т. 607
Мстиславский С. 291, 296, 547
Муравьев М. 83
Муравьев Н. 304
Муралов Н. 386, 414
Муранов М. 147, 209
Муромцев С. 92
Мясковский Н. 567
Мясников А. 395
Мясников Г. 357

— Н —

Набоков В. 159, 223, 279, 620
Надсон Г. 578

Назаров А. 361
Нансен Ф. 589, 590
Нариманов Н. 398
Наседкин В. 567
Небогатов 113
Нежданова А. 187
Неженцев М. 362, 363
Некрасов Н. 196, 197, 202, 203, 497
Немирович-Данченко В. 621
Немчинов В. 19, 49
Нератова В. 605, 607
Несмелов А. 611
Нестеров М. 180, 570
Нестеров П. 135, 177
Нижинский В. 623
Никитин А. 233, 237, 246, 256, 257, 262, 279
Николаевский Б. 488, 493
Николай II 21, 52, 76, 77, 78, 79, 80, 83, 90, 92, 96, 97, 99, 102, 104–107, 114–116, 119–121, 124, 129, 141, 145, 156, 158, 191, 197, 200
Николай Михайлович 79
Николай Николаевич (вел. кн.) 79
Ницше Ф. 169, 182, 520, 547
Нобель Г. 46, 595
Новгородцев П. 610
Новиков М. 605
Новиков-Прибой А. 535
Ноги М. 110, 112,
Ногин В. 260, 289, 290,
Нодзу 110
Нольде Б. 277
Нуланс Ж. 321

— О —

Обручев В. 178
Огородников 472
Одоевцева И. 622
Ойяма 113
Окуджава М. 396
Олсуфьев А. 161
Ольга Николаевна (вел. кн.) 144
Ольденбург С. 180
Орахелашвили М. 405
Орджоникидзе Г. (Серго) 395, 397, 436, 469, 470
Орешин П. 183, 184, 567
Орландо В. 321
Орлова Л. 528, 569, 570
Осинский Н. (Оболенский В.) 357, 382, 407
Осоргин М. 278, 593
Островский Н.А. 566
Островский С. 609
Ощепков П. 577

— П —

Павел Александрович 78
Павленко А. 530
Павлов И. 172, 177, 570, 571, 574, 575, 577, 580,
Павлов-Сильванский Н. 179
Павлова А. 186, 187, 595, 623
Пайнс Р. 253, 255, 256, 265, 268, 275
Палеолог М. 123
Панин-Коломенкин Н. 190
Панков Г. 196
Папанин И. 577
Пархоменко А. 337
Пастернак Б. 183
Пашич 124
Пепеляев В. 331, 366
Переверзев П. 213
Петлюра С. 329
Петляков В. 530
Петр (Полянский П.) 432
Петров А. 569
Петров-Водкин К. 184
Петровский Г. 147, 398
Петриченко С. 338
Пешехонов А. 213
Пилсудский Ю. 332, 334
Пильняк Б. (Вогау) 567
Пименов Ю. 570
Пичета В. 174, 574
Платон (Рождественский) 602, 606, 610
Платонов О. 488
Платонов С. 179, 574
Плеве В. 79, 80–83
Плевицкая Н. 595, 624
Плеханов Г. 22, 146, 208, 225, 543
Победоносцев К. 15, 76, 78, 171
Подвойский Н. 248
Поддубный И. 189
Покровский М. 179, 571, 574, 576, 581, 582
Покровский Н. 225
Поленов В. 184

Поливанов А. 154, 156, 157
Полковников Г. 248, 250, 254, 262
Поляков Ю. 340
Поплавский Б. 622
Потапов Н. 318
Потресов А. 208
Преображенский Е. 408, 479
Пришвин М. 171
Прокопович С. 45, 155, 159, 268, 280, 613
Прокофьев С. 556, 568, 587
Протопопов А. 157, 164, 166, 192, 193, 197
Прохоровы 25, 88
Прошьян П. 209, 291, 292
Прянишников Д. 173
Пуанкаре Р. 118, 121, 162
Пудовкин В. 567
Пуришкевич В. 145, 157, 543
Пурталес Ф. 125
Путилов А. 48
Пушкин А. 183, 187, 534, 546, 623, 624, 625
Пырьев И. 569
Пятаков Г. 417
Пятницкий О. (Таршис И.) 265

— Р —

Рабинович А. 256
Радек К. (Собельсон) 417, 448
Радимов П. 183
Радищев А. 520
Ракитников Н. 312
Раковский Х. 394, 396, 401, 404
Раневская Ф. 570
Раскольников Ф. (Ильин) 220,297
Распутин Г. (Новых) 101, 157, 158, 163, 164
Ратенау В. 445
Рахманинов С. 187, 556, 595, 614, 623–625
Рейс 112
Рейснер М. 374
Ремизов А. 547, 556
Ренгартен П. 374
Ренненкампф П. 133, 134
Репин И. 32, 184, 186, 595
Рерих Н. 623
Ржевский В. 197
Римский-Корсаков Н. 187
Риттих А. 51, 149
Родзянко М. 27, 102, 119, 154, 155, 156, 159, 160, 197, 198–200, 202, 204, 358
Рождественский Д. 577
Рожественский З. 113
Розанов В. 145, 556
Розинг Б. 617
Романовский И. 357, 359
Ростовцев М. 613
Рудинский В. 621
Руднев В. 267, 270
Рузвельт Т. 114,
Рузвельт Ф. 452
Рузский Н. 134, 166, 199
Рутенберг П. 85, 86
Рухлов С. 156
Рыбников А. 490, 492
Рыков А. 260, 289, 290, 405, 410, 412, 413, 415, 418, 492, 523, 645
Рютин М. 521
Рябушинский Д. 613
Рябушинский Н. 180
Рябушинский П. 48, 148, 155
Рябушкин А. 184
Рябцев П. 265, 267, 270
Рязанов Д. 576
Рязановский В. 611

— С —

Савич 200
Савинков Б. 225, 226, 228
Савицкий П. 379, 597
Сазонов С. 117–120, 123, 125, 131, 156, 157
Салтыков Н. 613
Самойло А. 318
Самойлов Е. 528, 570
Самойлов Ф. 147
Самсонов А. 133, 134
Самойлович А. 578
Сандерс Л. 120
Сапожков А. 337
Сапронов Т. 357, 407
Сарнов Д. 618
Свердлов Я. 290, 296, 314, 531
Светозаров В. 607
Святополк-Мирский П. 85, 88
Северянин И. (Лотарев) 183
Сегени 122
Седов Г. 178, 578

Семевский В. 172, 179
Семенов Г. 331
Сен-Санс К. 187
Сергеев-Ценский С. 535
Сергей Александрович (вел. кн.) 82, 85
Сергий (Страгородский И.) 432, 601
Серебровский А. 575
Серебряков Л. 408
Середа С. 155
Серов В. 181, 184, 187
Серова В. 569
Сеченов И. 174
Сидорин 368
Сикорский И. 613, 614
Симонов К. 528, 534
Симонов Н. 517, 569
Синягин 606
Сипягин Д. 51, 80
Скворцов-Степанов И. 155, 159, 260, 573
Склянский Э. 386, 392, 415
Скобелев М. 155, 196, 205, 208, 213
Скрыпник Н. 394, 401, 403
Скрябин А. 187
Слащев Я. 330, 368, 587
Смидович П. 304, 433
Смилга 417
Снесарев А. 318
Собинов Л. 187
Соколов Н. 196
Соколов-Микитов С. 587
Соколовский Э. 196
Сокольников Г. (Бриллиант) 285, 395, 492
Солженицын А. 521, 566
Соловьев В. 170, 179
Соловьев В. 265
Соловьев В. 565
Сологуб Ф. 182
Солоневич И. 597
Сомов К. 181, 623
Сперанский М. 15
Спиридонова М. 209, 291
Спундэ А. 527
Сталин И. (Джугашвили) 209, 245, 255, 261, 334, 373, 374, 376, 377, 393–417, 419, 420, 438, 440, 441, 457, 462, 464, 465, 468, 470, 471, 479, 480–482, 486–488, 490, 492–495, 498–502, 506, 511, 512, 514, 518, 520–522, 524, 525, 528, 531, 535, 539, 540, 554, 558, 564, 566–568, 570, 573, 576
Стасов В. 32
Старцев В. 155
Стаханов А. 471, 473, 528
Стахеев И. 47, 48
Станиславский К. (Алексеев) 185, 186
Степанов А. 535
Степанов В. 218
Степун Ф. 6, 171, 202, 228, 277, 597
Стессель А. 110, 113
Стеклов Ю. (Нахимкис) 205
Столетов А. 616
Столыпин П. 101, 116–118, 130, 342, 369
Столяров С. 569
Стравинский И. 187, 595, 623
Стрельников Н. 567
Струве П. 6, 11, 32, 84, 90, 179, 202, 358, 369, 543, 597, 599, 609, 613
Струмилин С. 462
Струнников Н. 189
Стуков И. 265
Суворин А. 168, 174
Сунь Ятсен 450
Суриков В. 184
Суханов Н. (Гиммер) 196, 205, 208, 244, 253, 255, 259, 497, 522
Сухомлинов В. 120, 125, 130, 132, 154
Сытин И. 174, 175

— Т —

Тальберг Г. 364
Тамм А. 577
Танеев С. 187, 623
Тарасовы 188
Тарле Е. 172, 574
Татищев 48
Татлин В. 545
Татьяна Николаевна (вел. кн) 144
Тенишева М. 181
Теодорович И. 261, 290, 492

Теремин Л. 575
Терещенко М. 155, 160, 202, 203, 213, 218, 237
Тимашев Н. 599
Тимирязев В. 48
Тимирязев К. 178
Тимофеев Е. 297
Тимошенко С. 533, 613
Тихон (Беллавин В.), патриарх 286, 430–432, 601
Ткачев П. 520
Того Х. 110
Толь Э. 364
Толстой А.К. 20, 185
Толстой А.Н. 534, 540, 587
Толстой Л. 168, 169, 174, 175, 181, 183
Толстой Д. 60
Томский М. (Ефремов) 410, 415, 492
Тренёв К. 557
Трепов А. 78, 163
Трепов Д. 82, 85, 87, 92, 96
Трубецкой Г. 358
Трубецкой Е. 84, 179, 223
Трубецкой С. 89, 379
Троцкий Л. (Бронштейн) 146, 220, 243, 244–249, 255, 260, 271, 283, 284, 304, 318, 323, 338, 348, 357, 371, 386, 394, 400, 401, 408–417, 422, 438, 448, 482, 522, 548, 553, 561, 563, 573, 613, 627
Третьяков С.Н. 159
Третьяков С.М. 188
Трутовский В. 291
Туган-Барановский М. 146, 179, 491
Туполев А. 575, 578
Тухачевский М. 332, 337, 338, 381, 415, 448, 523
Тучков Е. 433
Тхоржевский И. 60

— У —

Уборевич И. 381
Ульянов В. (*см.* Ленин)
Унгерн Р. 336
Уншлихт И. 448
Уоллес Д. 27
Урицкий М. 264, 292
Устрялов Н. 6, 342, 379, 490, 494, 596, 597, 598, 611
Утесов Л. 568
Уточкин С. 177
Ушаков Г. 481, 501, 507

— Ф —

Фаворский А. 575
Фадеев А. 339, 557
Фальк Р. 185
Фалькенгайн 124
Федоров Е. 572
Федоров М. 160, 358
Федорова В. 467, 473
Федотов Г. 171, 597, 613
Фельштинский Ю. 303
Фердинанд Ф. 122, 126
Филатьев Г. 268
Филипповский В. 205
Филонов П. 185
Философов Д. 181
Филоненко М. 225, 226
Флаксерман Г. 244
Флоренский П. 171, 179, 578
Флоровский Г. 610
Фокин М. 186, 187, 595, 623
Фош Ф. 137
Форд Г. 595
Франк С. 572, 599, 613
Франко 458, 459
Франц-Иосиф 117
Франц-Фердинанд 122, 126
Фрезе П. 177
Фрунзе М. 328, 329, 331, 334, 370, 381, 401, 415, 416
Фурманов Д. 557, 569

— Х —

Хабалов С. 192, 193, 195, 197
Хантер Г. 494
Хармс Д. (Ювачев) 567
Хвостов А. 156, 160
Хвылевой Н. 438
Хейфиц И. 568
Хлебников В. 183, 545
Ходасевич В. 622
Ходжаев Ф. 437
Хренников Т. 528
Хрущев Н. 393, 614

— Ц —
Цандлер Ф. 575
Цветаева М. 556, 622
Целиковская Л. 570
Церетели И. 208, 213, 216, 218, 237, 297
Цинцадзе К. 395
Циолковский К. 177, 575, 576
Цюрупа А. 405

— Ч —
Чайковский Н. 155, 263, 322, 615
Чайковский П. 187
Чан-Кайши 416, 450, 453
Чапаев В. 328, 329, 332, 557, 569
Чаплыгин С. 577
Чапыгин А. 547
Чарыков Н. 118
Чаянов А. 461, 479, 481, 488, 489, 490–495, 522, 578
Челинцев А. 152, 230, 478, 490, 587
Челноков М. 144, 162
Чемберлен О. 449
Червяков А. 398
Черемисов В. 128, 254
Черепнин Н. 610
Черкасов Н. 569
Чернов В. 22, 146, 208, 209, 213, 230, 239, 297, 298
Чернышевский Н. 243, 245
Черняховский И. 528
Черчилль У. 321, 325
Чехов А. 20, 174, 175, 181, 185
Чехов М. 556
Чижевский А. 575
Чичерин Б. 20
Чичерин Г. 22, 386, 392, 443, 444, 445, 451
Чичибабин А. 613
Чкалов В. 485, 528
Чубарь В. 405
Чуковский К. 554
Чхеидзе Н. 155, 196, 197, 205, 208, 238, 240, 414

— Ш —
Шагал М. 185, 545, 595, 623
Шагинян М. 566
Шагов Н. 147
Шаляпин Ф. 186, 187, 556, 595, 623, 624
Шанин Т. 494
Шанявский А. 172, 174
Шапорин Ю. 568
Шаховской Д. 146, 155, 159
Швецов С. 295
Шевчук В. 472
Шейнман А. 586
Шелохаев В. 155
Шестаков А. 534
Шехтель Ф. 185, 186
Шидловский С. 160, 163, 197
Шингарев А. 154, 155, 160, 161, 203, 211, 218
Ширнер Я. 494
Ширяевец А. 183
Шлиффен А. фон 125, 126, 139
Шляпников А. 147, 192, 196, 209, 260, 408
Шмелев И. 32, 556, 620–622
Шмидт В. 448
Шмидт О. 577, 578
Шмидт П. 87
Шостакович Д. 567
Шолохов М. 480, 565, 566
Штейнберг И. 290, 291
Штреземан Г. 447, 448
Штюрмер Б. 157–160, 162, 163
Шуваев Д. 157
Шульгин В.65, 162, 197, 200, 202, 369
Шумский А. 438

— Щ —
Щукин 188
Щусев А. 185, 567

— Э —
Эдуард VII 115
Эйзенштейн С. 567, 569
Энгельс Ф. 242, 573
Эренталь 117
Эрмлер Ф. 568,569
Эррио Э. 447
Эрьзя С. 587
Эссен Н. 130

— Ю —
Югов А. 594
Юденич Н. 329, 330, 332, 365, 366

Юренев К. 356
Юровский Л. 493, 522
Юсупов Ф. (мл.) 157
Юткевич С. 568

— Я —

Ягода Г. 523
Якир И. 381
Яковлев А. 528, 530
Яковлев Н. 155
Яковлева В. 32, 265
Якушин С. 473
Ян В. (Янчевский) 565
Янушкевич Н. 125
Ярославский Е. (Губельман М.) 265
Яхонтов В. 587

Учебное издание

Щагин Эрнст Михайлович,
Вдовин Александр Иванович,
Чураков Димитрий Олегович и др.

НОВЕЙШАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ XX — начало XXI века

В двух книгах

Книга 1

2-е издание, исправленное и дополненное

Учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальностям 020700 «История» и 032600 «История»

Редактор *С.В. Перевезенцев*
Зав. художественной редакцией *И.А. Пшеничников*
Художник обложки *М.Л. Уранова*
Художник *А.В. Щетинцева*
Верстка *Е.В. Чичилов*
Корректор *Т.Я. Кокорева*

Отпечатано с диапозитивов, изготовленных
ООО «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС».

Лицензия ИД № 03185 от 10.11.2000.
Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.009475.08.07 от 10.08.2007 г.
Сдано в набор 20.06.08. Подписано в печать 08.07.08.
Формат 60×90/16. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 41,0. Тираж 10 000 экз. (1-й завод 1–3 000 экз.).
Заказ № .

Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС.
119571, Москва, просп. Вернадского, 88,
Московский педагогический государственный университет.
Тел. 437-11-11, 437-25-52, 437-99-98; тел./факс 735-66-25.
E-mail: vlados@dol.ru
http://www.vlados.ru

ГУП РК «Республиканская типография им. П.Ф. Анохина».
185005, Петрозаводск, ул. «Правды», 4.